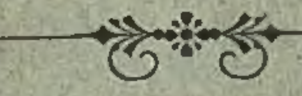
РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

IЮНЬ.



МОСКВА.
Типо-лит. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°. Пимен. ул., соб. домъ.
1904.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

КНИГА VI.

МОСКВА.

1904.

МОСКВА.

Типо-литогр. Товарищества **И. Н. Кушнеревъ** и К°. Пимен. ул., собств. домъ.

1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня; въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль, августъ) только по средамъ въ тѣ же часы.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

ГОРБАЧЪ.

(Повѣсть.)

I.

Въ закоптѣлой, шести-аршинной избушкѣ стояли полусумерки.

Въ единственное, теперь сплошь залитое водяными струями, оконце безнадежно тоскливо шумѣлъ дождь.

Вяло, слабо жужжа, летали тамъ и здѣсь мухи.

Тихо и монотонно жужжали и веретена работницъ.

Молодуха, высокая, со впалой грудью и блѣдными губами упорно молчала и только покашливала, да временами какъ-то умоляюще-тоскливо поводила вокругъ своими большими, сѣрыми, полными затаеннаго недоумѣнія глазами.

Старуха же, не поднимая на нее своихъ морщинистыхъ, коричневыхъ вѣкъ, скрипѣла и скрипѣла:

— Жена, стало быть, помощница-хозяюшка, все-то ей дадено для управы надъ муженькомъ. Гдѣ попрекомъ, гдѣ зудомъ, гдѣ жалобью, гдѣ шуткой, да лаской эстой самой бабьей лукавой,—ужòмъ вейся, водой бѣжи, а доходи до сердца хозяйскаго. Водой, говорю, бѣжи, тверда она земля-матушка въ материкѣ-то, какъ въ камень сбита, анъ нѣтъ: водица нѣжна, да упориста; туда, сюда, да и пробиваетъ себѣ ходъ и просасывается себѣ, куда ей слѣдствуетъ. Такъ-то и баба хорошая. И ты съ нимъ, съ мужикомъ-то, не словами разговаривай, словъ онъ твоихъ бабьихъ небольно слушать станетъ, а ты, окромѣ словъ, молчкомъ да загодя дѣйствуй. Онъ вѣдь и сатана-то небольно гутаритъ, да не спитъ. Вотъ и баба не спи! Охъ, не спи, завсегда-то соблюдай себя, чтобы напредки хозяина всюду забѣгать. Что, молъ, у него на душѣ, чего ему требуется, куда да куда его мысли клонитъ? И чуть только что запримѣтила, и упреждай, значитъ. Насупился это, засопѣлъ,—а, молъ, скука это подзуживаетъ,

къ винцу душа потянулась. А ты это и сама винцомъ разлейся, бабьимъ-то этимъ ядомъ своимъ молодымъ: охъ, молъ, да охъ—разомлѣла я вся, свѣтъ мой любезный, отъ жизни спокойной да распрекрасной, всѣ-то бабочки ажъ трясутся отъ завидокъ, на меня глядючи, у нихъ-то мужья моты да пьяницы, а ты, молъ, соколикъ изо всѣхъ-то хозяевъ-хозяинъ!... Вотъ нашепчешь ему такъ-то, глядь онъ и самъ на себя залюбуется, и сойдетъ съ него эта самая скука. А тамъ, какъ войдетъ снова въ свою настоящую правилу и спасибо еще тебѣ скажетъ, что не допустила его это до глупостевъ. Пойметъ это, что пожалѣла ты его и самъ тебя пожалѣетъ. Тутъ его и соданутъ можно, чтобы сердце сорвать,—ничего, только посмѣется. Да, вотъ оно какъ надоть-то, чтобы любовь да тишина были во двору. А не то, чтобы какъ фыркать зря, али слезами разливаться. Потому, первое дѣло, блюсти нужно, чтобы ни въ чемъ-то не докучать хозяину. То-есть ходи это, крутись задомъ и передомъ, а будто тебя и нѣту вовсе. И какъ значитъ позоветъ это его на тебя, ну, ты тутъ и объявись ему, какъ ягодка изъ-подъ листика. Вотъ она, молъ, я, что да что прикажешь? И такъ-то,—хочетъ, не хочетъ, а поневолѣ онъ тебя любить станетъ, потому нѣтъ ему отъ бабы никакой помѣхи, а одна только польза и всяческое это, скажемъ, удовольствіе; за что-жъ тутъ не любить? Безпременно станетъ любить, и всякій, то-есть какой ни раскакой, а безпремѣнно. Ну, а ежели любитъ свою бабу мужикъ, и спокойно ему, и никакого ему озорства въ башку не полѣзетъ,—а только, значитъ, по хозяйственной части изо всей силы-мочи старается.

Молодка взметнулась было, открыла было ужъ свои бѣлыя губы, чтобы сказать что-то, но затѣмъ, отряхнувшись, и отбросивъ назадъ со своихъ плечъ концы завязаннаго подъ ея затылкомъ желтаго съ крапинками головного платка, снова поникла.

Старуха же, поотдохнувъ, опять заскрипѣла и теперь уже нѣсколько болѣе страстнымъ тономъ:

— Такъ-то, Фимка... Все, значитъ, отъ бабы. Баба хороша, и мужикъ хорошъ!... Баба негодяща, и всему двору разоръ.

По худенькому блѣдно-загорѣвшему личику молодой женщины побѣжали слезинки. Губы подернулись горькой иронической улыбкой. А старуха вела свое:

— А матери съ женатымъ сыномъ и дѣлать нечего: я его махонькимъ родила, махонькимъ уму-разуму учила, а вошелъ въ совершенные годы, тутъ ужъ женѣ его блюсти. Ничто ему мать, не глупѣй онъ ея себя понимаетъ, не словами, говорю, ему улещаться, сатаной этой самой бабьей, разумомъ ея этимъ женскимъ, что не въ

головѣ, значитъ, блюдется ея долгокосой, а во всемъ-то это ея тѣлѣ медовомъ да ласковомъ. Такъ-то! Такъ-то, Фимушка! Такъ-то, невѣстушка, свекра тебѣ старая приказываетъ.

Старуха вся выпрямилась, поскольку могла, и прямо какъ бы впивалась въ невѣстку своими глубоко запавшими въ темныхъ орбитахъ мутными глазами.

Та не поднимала головы и только все быстрѣе сучила нитку.

— Тебѣ говорю!—прикрикнула старуха,—аль оглохла?

— Слышу я, матушка,—тихо произнесла молодка,—все слышу. Кого же мнѣ и слушать опричь васъ: сирота, вѣдь, некуда податься. А насчетъ эстого, какъ его еще любить? Моченьки моей нѣтъ, хоть бы часокъ вздыху дали, чтобы, стало быть...

Судорога оборвала ея голосъ и, схватившись за грудь, она трудно закашлялась.

Старуха поприглядѣлась къ ея дергающемуся ослабѣвшему тѣлу и укоризненно прошипѣла:

— Эхъ, сдохлая ты сдохлая! Ишь, ишь ее! Ахъ, чтобъ те совсѣмъ!...

— Матушка, матушка!—еще не вполнѣ откашлявшись и черезъ силу застонала молодуха,—да не грѣхъ ли такъ-то будетъ? Въ чемъ попрекаешь? Какъ кряжъ, я въ дѣвкахъ здорова была. Онъ же меня изуродовалъ... онъ же, горбачъ твой, пьяница, всю-то...

И она опять закашлялась и, отплюнувшись себѣ въ ладонь, протянула ее свекрови.

— Глянька, что есть: живая кровь, живая кровь, матушка!

Старуха молча отвела глаза отъ краснаго пятнышка и, выждавъ, пока невѣстка поутихла, снова заговорила:

— Такъ это у тебя—пройдетъ. Ежели, думаешь, чахотка, она не отъ побоевъ, она больше отъ кошки заводится, ежели, стало быть, молока потрескаетъ, а ты изъ опивковъ ея нахлебаешься; ну, а кошекъ этихъ у меня и въ заводѣ сроду, дряни, не было. Не съ чего, значитъ, и чахотки быть. Брось, стало быть, и думки объ эстомъ. Такъ... А на побои намъ, бабамъ, и обижаться нельзя... Въ старину-то такъ говаривали: сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ. Мой-то упокойникъ не чета твоему горбуну былъ. Войдетъ въ сердца, бывало, трое сутокъ не отдышешься... А ничего, коришься, сама де виновата, не углядѣла, не упредила, сама, значитъ, себя раба и побила. Покряхтишь, склемаешься черезъ силушку да и стараешься пуще прежняго, какъ бы еще въ чемъ хозяина не потревожить.

Молодуха молчала и продолжала прясть.

Передъ ея глазами невольно вставали два образа: одинъ—высокій, краснощекій юноша, съ доброй, ласкающей улыбкой на губахъ и тихимъ, полнымъ нѣжности и любви голосомъ; другой—какой-то гигантскій паукъ, горластый, пьяный, неутомимо и безсмысленно злобный.

Ревнивое сердце матери какъ бы подсмотрѣло эти видѣнія.

— Горбачъ, говоришь,—снова завела она, — не тебѣ бы его такъ поносить: сама-то, кажись, тоже погорбатѣла себѣ спозараночку... Пьяницей опять величаешь... Да можетъ онъ и башку-то свою растерялъ черезъ этотъ позоръ свой: горбачъ, не горбачъ, а тоже мужикъ, чать... Ты бы объ этомъ лучше почаще подумывала!

— Не напрашивалась я къ вамъ въ домъ,—тономъ какой-то заученной, до тошноты опостылѣвшей самозащиты возразила молодка,—сами меня почесть силкомъ къ себѣ взяли. Сама знаешь!

Старуха дѣланно разсмѣялась:

— Вотъ, вотъ... Ишь ты золото какое, подумаешь!

— Я-то не золото,—какъ-то невольно оживляясь, подхватила молодка, — да почище Гришки ко мнѣ люди сватались. Грѣхомъ попрекаешь... Не сбаловала бы я и съ Мишкой зря, кабы ужъ почесть что не просватана за него была. Сами знаете. Оба знаете!...

— Была мнѣ нужда въ ваши пакости эти втыкаться,—будто бы презрительно проговорила старуха.

Что-то былое, юное, смѣлое заволновалось въ измученной груди молодой женщины.

— Полно-ка,—сказала она пѣвуче,—полно-ка, матушка, сама молода бывала... Сама знаешь, сколь она, ласка-то, прилука молодецкая сильна. Никто вѣдь другой, Мишка Орѣшкинъ—щеголекъ! Два года свадьбы-то вѣдь дожидались.

— Нагорѣлись, значитъ?!—какъ-то подзодаривающе, и вмѣстѣ съ тѣмъ и сама смакуя, подсказала старуха.

— Ихъ, значитъ, дѣло такое: и меня-то измаялъ всю своей этой лихоманкой. Фимка,—бывало, молитъ,—все одно вѣдь не минуешь меня!... Молитъ такъ-то, а самъ, а самъ... Эх-ма!...

И махнувъ рукой, молодая женщина какъ-то безпомощно-сладко закачала головой.

Старуха смотрѣла на нее искоса и молчала. Проняло ея это «эх-ма». Въ душу какъ бы далекой-далекой весной пахнуло. И ясно она чувствовала, что ничего-то при такихъ обстоятельствахъ не остается сдѣлать молодой любящей женщинѣ, какъ только «эхма» вскликнуть, да и упасть въ объятія милаго. И рада была ея старая душа этому невольному отвлеченію отъ тягостныхъ обычныхъ

ощущеній всяческой боли, злобы и затаенной зависти: нѣжилось, отдыхалось какъ-то.

Обѣ замолчали, и обѣ чувствовали одна въ другой человѣка, и женщину.

И жалость ли проникла въ сердце этой старой свекрови по отношенію къ ея несчастной невѣсткѣ, почувствовалось ли ей, что вообще лучше бы, справедливѣе было бы, еслибъ миновала ее чаша быть женою ея злобнаго сына-урода, но она невольно прошептала:

— И неужто ужъ такъ и не смогъ онъ, Мишка, разстараться деньжонокъ для свадьбы?

— Гдѣ-жъ ихъ взять было?—вопросомъ же отвѣтила молодка,—ты сама, чай, помнишь... Избу ладилъ новую; всѣ деньжонки на лѣсъ исхарчилъ. А пожаръ и смахни все: ни плашки-то на дворѣ, ни былочки-то на гумнѣ не оставилъ. Всѣ вѣдь Зарѣченскіе тогда также въ чистую погорѣли.

И, подождавъ, она стала продолжать:

— И не его вина, не могу я серчать на него. Какъ онъ плакалъ, разливался. А какъ узналъ про мое-то это дѣло, и Боже ты мой милостивый: Фимка, говоритъ, вѣрь Богу, только, говоритъ, развѣ души своей не продамъ, а къ Красной Горкѣ добьюсь деньжонокъ для свадьбы. Съ тѣмъ и ушелъ, значитъ, въ Москву.

И образъ красиваго, плачущаго Миши отлетѣлъ. На смѣну ему какъ бы откуда-то снизу, упорно, какъ сама дѣйствительность, предъявлялся горбатый и злой Гришка, злополучный сынъ и злополучный мужъ.

Обѣ женщины вздохнули и опять умолкли.

— И на кой вы тогда потянулись ко мнѣ?—заговорила затѣмъ Фима съ выраженіемъ тихой и нѣжной жалобы,—все равно, ни къ чему я вамъ теперича...

Старуха жевала своими какими-то пятнисто-синими губами и не откликалась.

Фима продолжала чувствовать въ ней сочувствующаго ей человѣка и, пользуясь этимъ рѣдкимъ случаемъ, невольно стала изливаться передъ ней.

— Ни къ чему, матушка. Такъ я это и понимала спервоначалато. Вѣдь кабы... Ахъ, матушка, матушка!... Кабы не прошелъ тогда этотъ слушокъ про меня, нечто бы...

Она хотѣла сказать: «нечто осмѣлились бы вы хоть подумать свататься ко мнѣ», но сдержалась и заговорила дальше:

— Тяжко мнѣ было. Какъ стала это меня пытать тетка, да какъ спокаялась я ей, и не приведи-то Господи: засрамотила, дяденьку тѣмъ

же часомъ позвала. «Вонъ, вонъ,—стали кричать,—ишь, молъ, пригрѣли сиротинку горемычную, выростили, а она вонъ чѣмъ платитъ!» Лобъ я весь до крови простучала объ полъ, кланяясь: не опозорю, молъ, васъ, придетъ по веснѣ Мишка, успѣемъ мы свой грѣхъ подъ вѣнцомъ схоронить... И упросила-таки, смилосердились, до весны согласились меня потерпѣть въ своемъ дому. Чисто на святыхъ угодниковъ Божьихъ взмолилась я на нихъ. А тутъ вы объявились. Иду это, значитъ, я по выгону съ рѣчки. Гришка навстрѣчу, тары-бары зачинаетъ разные. Я это посмѣялась еще: ишь ты, молъ, горбатый, тоже къ дѣвкамъ зачинаетъ подлаживаться. Опослѣ и съ подружками пересмѣхнулись: женишокъ, молъ, тоже вѣдь!... Анъ и опять, и опять онъ, пришаркиваетъ этакъ, «мы-ста, да вы-ста». А тамъ и ты, матушка, со сватомъ Егоромъ къ намъ въ избу пожаловали; вина съ собой прихватили, меня это уволили изъ избы. Встряхнулось тутъ мое сердечушко, голубемъ забилось. А только вы вышли изъ избы, дядюшка пьяненькій и объявляетъ: просватали мы тебя, пропили, значитъ. Чѣмъ вы его такъ-то улестили, я до сей поры не знаю, а уперся да и все: Мишка де твой—ищи вѣтра въ полѣ; всѣ люди смѣются надъ нашимъ опороченіемъ; и либо ты за горбача замужъ ступай, либо—получай коробокъ да и ступай побираться. Что тутъ дѣлать? И поговорить путемъ не съ кѣмъ, сиротѣ. На могилку къ матушкѣ стала бѣгать, жалюсь ей такъ и этакъ, а она, знамо, только полыномъ покачиваетъ. Встрѣлась я съ женишкомъ; онъ опять было этакъ разстилаться, да ручищами пошевеливать. А я ему такъ и ахнула напрямки: что ты, молъ, белены объѣлся: да вѣдь я Мишина, вся-то Мишкина, всей, то-есть душенькой, и даже и ребеночка отъ него подъ сердцемъ ношу. Засмѣялся онъ: знаю, говоритъ, самъ онъ мнѣ бахвалился; подлецъ онъ и одну только насмѣшку сдѣлалъ надъ тобой, а я, молъ, тебя жалѣю. А жалѣешь, говорю, такъ и ослобони меня, отцѣпись, ракъ клещатый. Тутъ ужъ онъ такъ сурьезно началъ: не понимаешь ты, говоритъ, дѣвка ничего; онъ надъ тобой надругался, а я тебя отъ сердца жалѣю, вотъ и ты меня пожалѣй; ты, говоритъ, теперича черезъ его подлость вродѣ бы какъ убогая и старица, и я такой же; вотъ и сойдемся вмѣстѣ, и будемъ другъ друга жалѣть. И долго онъ такъ-то говорилъ, все насчетъ жалости, да объ обманѣ Мишкиномъ.

— И точно—такъ-то все твердо, что раньше я и рѣчей такихъ сроду ни отъ кого не слыхала. Пошла я отъ него, задумалась. Рѣчи его словно вотъ изъ своего сердца поднимаются. Стало и про Мишку сумнѣніе брать: а ну, какъ обманетъ? А оно и, впрямь, долго ли ему тамъ въ Москвѣ и получше меня сыскать. Взяли, значитъ, меня дум-

ки. А дядя съ теткой такъ и долбятъ свое: «и думать не моги супротивничать». И смирилась я, подъ конецъ дѣла, въ своемъ сердцѣ: все, молъ, отъ Бога: пожалѣю я его сироту, вѣкъ и онъ меня не оставитъ. Подружки это дразнятся: «нашла, молъ, себѣ ежа замѣсто соколика яснаго». А я, знай, помалкиваю: какъ бы еще вамъ мнѣ позавидовать не пришлось.

— И вѣрно ты это такъ разсудила,—вставила свекровь,—такъ-то бы и вѣки вѣчные себя тебѣ понимать.

— Матушка!—всплеснувъ руками, вскрикнула Фима,—да моя ли, моя ли вина-то во всемъ эстомъ? Слушай ужъ ты, все слушай! Все-то это времячко, какъ свадьба наша готовилась, я, ну, словно бы только молилась и молилась. Право же такъ, матушка, чистехонько-то да болѣзно было на душенькѣ: Господи, молъ, Господи все-то и во всемъ Твоя и Твоя волюшка! И жалѣла я его, горбуночка. Богъ видитъ, и вотъ какъ жалѣла! Думала,—небось, успокою я тебя, забудешь у меня и водчонкой заниматься. Все я передумала, матушка. Тоже, молъ, легко ли: парень ужъ и немолоденькой, годовъ ужъ за тридцать будетъ, а чего онъ въ своей жизни видалъ, какой радости? Охъ, молъ, Миша, не серчай ты на меня, ты-то, молъ, завсегда себѣ какую хошь подружку найдешь, а мнѣ, знать, самъ Господь велитъ за грѣхъ нашъ съ тобою сиротинѣ убогому слезу утереть. Такъ-то, такъ-то, матушка, все-то это времячко я и плакала-то и смѣялась промежъ слезъ. Такъ я и ему, горбуночку, говаривала. Молчитъ, бывало, причмокиваетъ: «мы-ста, вы-ста!...» Ладно, молъ, думаю, со стыда это онъ такъ-то, безъ привычки. Повѣнчали насъ, на конецъ дѣла, въ церкви Божьей. Пиръ это вы завели, т.-е. говорить не остается. Чудесили всячески. А тамъ, матушка, а тамъ, матушка...

Фима оборвалась, сдавила себѣ грудь и заговорила быстро-быстро, переходя на шопотъ: — Какъ отвели это насъ въ клѣть свахи, какъ, значитъ, нацѣловалъ онъ меня вдосталь, да какъ вся-то я опять прижалась къ нему, заговорила ему не помню ужъ что, а такое-то, знамо дѣло, ужъ хорошее-расхорошее,—какъ онъ вскинется звѣремъ, какъ спрыгнетъ съ кроватушки... Шваркъ дверью и былъ таковъ.

— Людское дѣло,—вставила старуха,—нашей сестрѣ и то обидно бываетъ... Ты бы сама-то повздумала.

— Вздумала я, матушка,—громко и твердо стала продолжать Фима,—и вотъ какъ весь свой грѣхъ восчувствовала, то-есть какъ огнемъ вся загорѣлась. Бей, бей, думала это, бей, муженекъ; нельзя, чтобы не поучить; обоимъ опослѣ лучше станетъ. Жду это—горю,

что да какъ будетъ. Вошелъ онъ. Глядь—четверть въ рукахъ. Дорвался, дорвался—хохочетъ. Запрокинулъ это четверть днищемъ надъ головой и давай винище тянуть. Задохнется, опустить бутыль, поотдышится и опять за то же. А тамъ и началъ...

— Осатанѣлъ,—вставила старуха,—тутъ ужъ, знамо, какая наука...

— Наука, матушка? Гдѣ ужъ тутъ! Вѣдь и сказать нельзя, какъ онъ меня срамотилъ, какъ онъ меня испозорилъ всю!—Фима вся заметалась, содрогаясь. Глаза открылись широко-широко, исполнились ужасомъ:—А бить-то сталъ... Господи! Стащилъ это за косы... всю оголилъ дочиста... Мѣста живого не оставилъ... Ножищами топчетъ по груди-то, по сердцу, по животу... Насмерть, насмерть, чуяла, бьетъ!...

Фима оборвалась и закашлялась.

Старуха помолчала и произнесла насколько могла тверже:

— Что говорить, не услышь мы тогда крику,—такъ и добилъ бы онъ тебя, окаянный; самого насилу водой отлили.—И затѣмъ, пожевавъ губами, она всетаки добавила:—А и взять нечего. Такое ужъ ихъ мущинское дѣло: не могутъ чужого на своемъ терпѣть.

— Пусть такъ,—снова заговорила Фима,—на все я согласна. Такъ, такъ и такъ. Потѣшился надо мною въ охотку, ничего чужого не оставилъ, гдѣ ужъ тамъ—одна-то своя душенька черезъ силушку въ тѣлѣ осталась. Ну, и ладно бы!... Теперь-то за что же колотитъ да охальничаетъ всячески? Вотъ ужъ второй вѣдь годъ пошелъ? Какъ я ему не стараюсь. За что же, за что?... Учишь ты меня, да вѣдь гдѣ тутъ, когда денно-нощно вся дрожмя дрожишь. Вѣдь сама ты видишь все, вѣдь у него и ласки-то хуже всякихъ побоевъ... Охъ, одинъ ужъ конецъ бы скорѣй!...

Старухѣ нечего было говорить, тѣмъ не менѣе она всетаки заскрипѣла было, но дверь распахнулась и вошелъ Григорій.

II.

Господи, Боже мой, много на свѣтѣ всякихъ, такъ или иначе обиженныхъ судьбой или природой; много, конечно, есть и всевозможныхъ разновидностей людей съ поврежденными хребтами. Иные изъ нихъ, несмотря на наличность своего дефекта, прямо-таки красивы, прямо-таки поражаютъ своей красотой,—и не только красотою лица, но и благородствомъ всей своей осанки, общимъ изяществомъ всей своей неправильно развитой фигуры. Ихъ немного жаль съ перваго взгляда, но едва ли не эта нѣжная, невольно умягча-

ющая душу жалость и даетъ первый толчокъ для проникновенія въ нихъ оригинальную, совершенно своеобразную красоту.

Но есть среди нихъ и такіе, при взглядѣ на которыхъ такъ и вспоминается грубое изреченіе народа: Богъ шельму мѣтитъ.

Это какіе-то какъ бы прирожденные горбуны. Въ нихъ все горбато, все криво, ненормально, какъ-то удручающе неестественно; все, какъ въ общей фигурѣ, такъ и въ ея деталяхъ: въ выраженіи, въ манерахъ, въ самомъ голосѣ, наконецъ.

И такимъ-то горбачомъ былъ и Григорій.

Богъ его возьми, онъ даже фамилію сумѣлъ какимъ-то образомъ привязать къ себѣ такую, что ее неудобно упомянуть въ печати. Слово, отъ котораго она происходитъ, совершенно и не употребительно въ крестьянскомъ обиходѣ. Откуда, когда онъ отрылъ ее и привязалъ къ себѣ,—и самъ священникъ, негодовавшій на нее, никакъ не могъ доискаться. Отецъ его, какъ и дяди, писались Пѣтушковыми, а онъ вдругъ сталъ и не вѣсть чѣмъ. Такъ ужъ, должно быть, и на разстояніи, по одному только упоминанію о немъ, ему необходимо было вѣять своимъ горбачествомъ.

Горбы на его спинѣ и груди были и не особенно велики, былъ и и ростомъ онъ не особенно уже малъ, но гнетъ горбачества запечатлѣвался во всей его фигурѣ, а главное въ лицѣ, поразительно отчетливо.

Клеймо не несчастія, а какого-то общаго неопредѣленнаго, какъ бы стихійнаго порока, носило на себѣ это лицо, что-то ужъ слишкомъ скуластое, съ большимъ, какъ бы какимъ-то мускулистымъ ртомъ, выдающимся сильно впередъ и то и дѣло обнажающимъ крупные, сплошные, желтоватые зубы, съ небольшими изжелта сѣрыми глазами, съ крупнымъ ноздрястымъ носомъ и общимъ выраженіемъ какого-то циничнаго вызова, какого-то вздутаго бахвальства, прекрасно опредѣляющагося, повидимому, совершенно безсмысленными словами, приведенными молодухой Фимой: «мы-ста! вы-ста!»

Желтые волосы его были острижены по мужицки, въ скобку; жесткая и рѣдкая бородка едва намѣчалась; усы же были подстрижены, какъ дѣлаютъ это иные изъ священниковъ, и своими странными, непривычными для глаза, колючками производили впечатлѣніе тоже чего-то безсмысленно-зрящаго.

Онъ былъ одѣтъ въ ветхій, короткій, кое-гдѣ заплатанный полушубокъ, сѣрые, низко отвисавшіе штаны и лапти.

Первымъ дѣломъ, войдя въ избу, Григорій изботенился и, выдравъ голову какъ можно выше надъ своими выпирающими овчину горбами, громко и дѣланно захохоталъ.

— Чему такъ-то?—спросила его мать.

— Хо-хо!—прокричалъ онъ въ отвѣтъ, прихлопывая себя по бокамъ длинными и тяжелыми руками.—Хо-хо! На мужичье это я полюбовался. Чисто мокрыя курицы бродятъ. Все, значитъ, вдрызгъ промокло. Ни къ чему и приступиться нельзя. Праздничекъ, выходитъ, да и только.—И похохотавъ, и пристукнувъ кулакомъ по столу, онъ сталъ сообщать и свои дальнѣйшія впечатлѣнія.—Уморушка! То-есть ни пахать тебѣ, ни возить, ни сѣять, ни молотить, одно дѣло—водку пить. Окончательно, значитъ, праздникъ,—ничего не дозволяетъ дѣлать ненастье! Ходятъ это мужики, ежи ежами. Руки-то чешутся,—ахъ бы за соху-матушку, ахъ бы за кошелку съ сѣменками, ахъ бы за цѣпъ-батюшку! Анъ и нѣтъ! На небо все глядятъ, вздыхаютъ, а небо и вниманія не беретъ, знай себѣ льетъ да льетъ.

— Легко ли дѣло,—вздыхая, сказала старуха,—вторую недѣлю безъ передышки поливаетъ. Самый-то сѣвъ, а гдѣ тутъ!

— Вона!—подхватилъ Григорій.—Земля-то, какъ кисель, разсыропилась. Особливо тѣ тужатъ, кому посѣять пришлось. Посѣялъ, значитъ, а запахать и не моги! Расплылся весь посѣвъ. Чего и дѣлать, ума не приложатъ. Чудно! И вѣдь копошатся все. Одни, значитъ, въ полѣ это вокругъ копенъ мокрыхъ, другіе—по гумнамъ, одонья нащупываютъ. Щупай, молъ, и такъ знатно, что мокрехонько. По гумнамъ-то ажъ солодомъ пахнетъ,—растетъ, значитъ, зерно. Разставляютъ тоже другіе снопы,—сплелись это бѣлыми ниточками, не оторвешь другъ отъ дружки. Микитка Долгій ажъ голосомъ воетъ. А ругани-то, а ругани-то по селу! Никашка Широковъ съ Упанковымъ изъ-за какой-то луговины въ драку сцѣпились. А какая тамъ луговина, на дождь осерчали, на погодку-матушку, а ее ни съ чѣмъ-то не зацѣпишь. У лавочки винной чего дѣлается: бабы это такъ и ревутъ, а мужики—буль, буль, буль, буль,—съ горя, значитъ, для сугрѣва! Охъ, дурачье безсмысленное, то-то вахлаки-азіаты!

— Гришанюшка,—немного нараспѣвъ для вразумительности остановила его мать,—грѣшно будто такъ смѣяться. Божья, чай, воля. У самого, чать, весь овесъ въ полѣ.

— Много его тамъ,—презрительно фыркнулъ Григорій,—нѣту, мы объ этомъ не затужимъ.—И онъ сталъ говорить вѣско, дѣловито:—Купчей земли мнѣ батюшка не оставилъ, спасибо ему, а на четвертокъ я и вниманія брать не хочу. Нечего и пачкаться на немъ. Какъ сдавалъ допрежде мужикамъ, такъ и на лѣто опять сдамъ.

Говоря это, Григорій скрутилъ цыгарку изъ газетнаго лоскутка,

засыпалъ въ нее махорки изъ вынутаго изъ кармана кисета, закурилъ и, приглядываясь къ синеватымъ струйкамъ дыма, сталъ ухарски сплевывать сквозь зубы.

Старуха неодобрительно закачала головой:

— Охъ, не то, сынокъ. Оправиться бы только, лошадки бы, допрежде всего, добиться, а то и на четверткѣ прокормиться можно.

— Ни Боже мой! Не желаю! Не по горбу мнѣ мужицкая работа! Я при моихъ разне-сто-рон-нихъ способностяхъ и такъ не пропаду: потому—интеликентъ!

— Охъ, не надо такъ-то!—тоскливо сказала старуха, морщась отъ этихъ ненавистныхъ ея слуху барскихъ выраженій.

— Не любишь,—захохоталъ Григорій,—хо-хо! Нѣтъ, мы еще докажемъ себя! Доккажемъ! Охъ, холодно что-то. Намокъ я, на мужиковъ любовавшись. Семъ-ка на печку залечь, да поотдохнуть этакъ въ аппетитъ, какъ турка, значитъ, на картинѣ въ бариновомъ кабинетѣ.—Онъ сбросилъ съ себя полушубокъ, надѣлъ на ноги старые резиновые калоши, приговаривая: —калошки, калошки со бариновой ножки,—и влѣзъ на печь.—Такъ,—зарычалъ онъ оттуда, распластавшись и накрываясь зипуномъ,—тепленько, любо! Чайку бы теперь сюда горяченькаго съ сахаромъ въ накладку, лампочку съ зеленымъ абажурцемъ да книжку бы позанятнѣе.—Онъ помолчалъ немного и началъ говорить медленно, съ перерывами, самымъ тономъ голоса показывая, что онъ ведетъ бесѣду исключительно съ самимъ собой.—Не хорошо! Не то! Все никуда не годится! Изба гнилая, темная! Я это, Григорій Антиповичъ, въ лаптяхъ, весь драный. Матушка на работѣ надрывается. Жена въ болѣзни чахнетъ. Не то! Не прилично! Субардинація не та, политики настоящей не оказывается!... Нѣту, достаточно, все поиначе надо завести!

— Что-жъ, аль опять въ Коломну, калачи печь?—спросила мать.

Григорій не удостоилъ отвѣтомъ и только пропѣлъ: «Торговали калачомъ, и остались не при чемъ!»

И, помолчавъ, онъ снова заговорилъ:

— Никуда я не пойду. На сторонѣ жить, въ людяхъ жить—не по скусу мнѣ, непріятно: свободы мало. Нѣтъ, зиму кое-какъ работенкой перебьемся, а тамъ я опять и барина взнуздаю!

Старуха вся съежилась и затрясла головой.

Григорій отчасти предусматривалъ съ ея стороны подобный жестъ.

— Не одобряешь, мать, такихъ мечтаній? Думаешь, больше не пріютитъ меня у себя баринъ. Врешь, души во мнѣ онъ не чаетъ, потому—жалѣетъ, значитъ. Вотъ онъ у меня гдѣ!

Онъ вытянулъ свой кулакъ и, потрясая имъ, скосилъ глаза на жену.

— Фимка, правильно я говорю? Жалѣетъ вѣдь? Хо-хо! Она, небось, знаетъ, какъ и кого жалѣть надобно. Хо-хо! Ничего, молчи себѣ, я тебя не стращаю! Вѣрное слово, что сурну-то клонишь? Небось, говорю, я нынче милостивъ, благороденъ, чисто вотъ самъ нашъ баринъ, самъ господинъ нашъ, дворянинъ Леонтій Ивановичъ Тихорѣцкій, крупный землевладѣлецъ, писатель разызвѣстный и поэтъ! Денежки задаромъ, слезы и поученья, доброта ангельская, ученье—свѣтъ, не ученье—тьма.

Григорій громко захохоталъ и заколотился о печь.

Женщины переглянулись.

Площадная ругань такъ и хрястнула, какъ ударъ по лицу.

— Что ругаешься?—вскрикнула старуха.—Не пьянъ, чать? Грѣхъ вѣдь, возьми въ свою голову!

— Дуракъ, дуракъ онъ, мать,—говорилъ свое Григорій,—какъ есть-то младенчикъ! Писать это да говорить—точно что мастакъ, ну а въ жизни, т.-е. окончательно—дурень! И чтобы такой-то да мнѣ оглобли повернулъ. Нѣтъ, каши онъ мало ѣлъ!

— Да вѣдь ужъ прогналъ,—какъ-то выкрикомъ простонала старуха,—просился ты, не принялъ, чего же еще на него надѣяться?

— Мало ли мы съ нимъ ссорились,—снисходительно-важно отозвался Григорій.—Мы съ нимъ все одно какъ веревочкой связаны. Онъ ли меня прогонялъ, я ли уходилъ—мы и сами того не разберемъ. Сколько разовъ я это увольнялся съ усадьбы и опять туда вертался, и не сочтешь! Чудно, ей-Богу!... И чѣмъ, чѣмъ я только у него состоялъ, чему только отъ него не научился. Придешь это, простите, пожалѣйте, возьмите опять къ себѣ. Ихъ, заходитъ, заходитъ, затреплетъ это волосами сѣдинцими. «Несчастный, злополучный,—закричитъ,—знаю, что не можешь ты самъ по себѣ существовать, такъ зачѣмъ не слушаешься меня: пьянствуешь, людямъ проходу не даешь, наушничаешь»?... Знаю я, что ему говорить: самъ я себѣ не радъ, вродѣ какъ бы порча на мнѣ!... И еще пуще разругается, а у самого слеза въ голосѣ такъ и дрожитъ ужъ, такъ и выговариваетъ.

И похохотавъ, Григорій сталъ продолжать фистулой, уже прямо копируя помѣщика.

— «Какое же тебѣ мѣсто дать? Все занято. Вотъ развѣ что: при хозяйствѣ всегда столяръ нуженъ, ты можешь столярничать. Хочешь, поступай, но смотри, не баклуши бить, а какъ слѣдуетъ работать»! Ну, а мнѣ не все равно,—возвратился Григорій къ своему обычному голосу,—не привыкать стать клички-то мѣнять. Чего тамъ, и сто-

рожомъ-то былъ, и въ садовникахъ, и по писарской, и по кузнечной части, всякая, значитъ, кличка пристаетъ: что ни орепей, то и въ хвостъ!...

— Потому, ручки у тебя золотыя, дитятушка,—поспѣшила подольстить мать,—потому, много тебѣ Господь всякаго таланту далъ, только бы жить да радоваться...

— Вѣрно,—перебилъ онъ ее, не дождавшись самой сути поученія,—вѣрно. Я все могу. И если бы мнѣ настоящее образованіе,—ну, и шабашъ, не то бы министромъ, не то бы митрополитомъ былъ.

— Только бы соблюдать тебѣ себя поаккуратнѣе,—опять вставила было мать, и опять тщетно.

— Шабашъ! — какимъ-то фальшиво-проникновеннымъ тономъ сталъ говорить Григорій,—достаточно!... Только барина дождаться. Внѣдрюсь къ нему, и аминь: даже водку брошу. Въ душу къ нему влѣзу, такъ-то взнуздаю!... Слова поперекъ не скажу, всѣ книжки эти его желтенькія назубокъ вызубрю. Знаю я, что ему надобно. Наскрозь вижу дурака. Оплету этакой всякой жалостью, и вознесетъ онъ меня.

И потирая руки, весь слегка вздрагивая, точно отъ приступовъ сладострастія, онъ началъ шептать, какъ бы уже помимо своей воли.

— Нѣтъ ему по скусу старосты. Не потрафятъ на него дураки. Плакался онъ и мнѣ не разъ. Намеки давалъ,—кабы, дескать, да кабы... Мм... совьюсь, сожмусь змѣей въ комочекъ, припаду это весь къ землѣ, чтобы ни Боже мой, а тамъ и вспрыгну. Староста, управляющій господина Тихорѣцкаго! Держись тогда мужики: всѣ кишки повыпущу! Сжаться только. Смириться! Замереть!...

Такія мечты вслухъ Григорія не были новостью для его домашнихъ. Обѣ женщины знали, что мечты, только попусту его раздражая, затѣмъ тянули его на разгулъ.

Немного, и Григорій сталъ спускаться съ печи.

Старуха не знала на что рѣшиться: молчать или воззвать къ его благоразумію.

Онъ посмотрѣлъ на каждую изъ нихъ и, засмѣявшись, размашисто погрозилъ пальцемъ.

— Все наскрось вижу. Думали, въ лавочку потянусь. Нѣту, на работу поднялся: работать засяду. Смирился, значитъ.

Фима украдкой перекрестилась подъ фартукомъ. Старуха стала вслухъ выражать свою радость и благословеніе.

Григорій будто бы и не слушалъ.

— Темень. Лампу зажечь!—скомандовалъ онъ женѣ.

Та поднялась, и на столѣ засвѣтилась маленькая жестяная лампочка.

Григорій же порылся въ ларѣ, вынулъ старый хомутъ, кусокъ кожи, дратвы и пр.

— Нынче по шорной части прогуляемся,—сказалъ, онъ сѣвъ и принимаясь за работу,—батькѣ хомутъ оправимъ. Такъ,—сталъ поощрять онъ себя затѣмъ,—нынче пошорничаемъ, а завтра по бондарской части—кадушку на барскій дворъ оправимъ, а тамъ и за пилу съ рубанкомъ возьмемся—Кузьмичу раму смастеримъ. Дураки они всѣ: ничѣмъ бы другому хлѣбъ давать, сами бы могли все сдѣлать, да нѣтъ, въ башкѣ чего-то не хватаетъ, руки не ухватисты. Эхъ, свинопасы. Дрянь!...

И сплюнувъ, онъ сталъ пѣть,—пѣть, а не играть пѣсни, т.-е. пѣть духовное, стихиры, псалмы, гласы такіе-то и такіе-то.

При пѣніи голосъ его особенно изобличалъ его горбачество своей какой-то хриплостью и сдавленностью. И онъ точно сознательно усугублялъ это свое голосовое горбачество, то и дѣло мѣняя тона, забирая то высочайшимъ фальцетомъ «дишкантомъ», то опуская до степени чуть что не октавы.

Мать слушала и умилялась. Фима, при первомъ приступѣ кашля, вышла и пошла справляться по дѣламъ двороваго хозяйства.

III.

Вечеръ длился. Григорій работалъ, пѣлъ и мечталъ о своемъ будущемъ величіи. Старуха дремала, прислонясь къ печкѣ. Фима пряла и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдила за подогрѣвавшимися въ печкѣ похлебкой и кашей. За окномъ шумѣло и хлюпало. Временами съ улицы глухо звучали пьяные, озлобленные крики. Тихо шелестѣли тараканы по стѣнамъ. Мирно чирикалъ сверчокъ.

Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась, и черезъ порогъ перешагнулъ, очевидно, не однимъ только дождемъ подмоченный, сельскій староста. Строгими глазами встрѣтилъ было его Грирогій, но онъ, безмятежно улыбаясь, снялъ свой мокрый картузъ, покрестился на образа, расправилъ клинья своей темно-русой бородки и, вытащивъ изъ-за пазухи зипуна блестяще-бѣлый конвертъ, крѣпко пристукнулъ имъ по носу хозяина.

— Что еще?—опѣшилъ Григорій.

— Письмо вашей милости,—пояснилъ староста,—съ почты, значитъ, получай.

Григорій взглянулъ на надпись на конвертѣ и весь привскочилъ.

— Отъ него, отъ барина!

— А то еще отъ кого же,—засмѣялся староста,—съ кѣмъ же тебѣ еще вожжаться?

Почеркъ письма былъ преднамѣренно крупенъ и разборчивъ. Григорій быстро прочелъ его, еще и еще и, затопавъ ногами, такъ и покатился со смѣху.

— Ну-ка, ну-ка,—залился заранѣе и староста,—чего еще такого чудеситъ?

— Пѣсни, пѣсни бабьи велитъ писать!—какъ можно торжественнѣе объявилъ Григорій.

Мать укоризненно замахала руками и отвернулась. Староста выразилъ обиду за такое зубоскальство.

— Я это несъ тебѣ, старался, а ты вродѣ бы какъ охальничать.

— Да вотъ же тебѣ Христосъ, правда! На, слушай!

И Григорій, придвинувъ къ себѣ лампу, сталъ читать.

Письмо состояло изъ просьбы къ Григорію заставить спѣть по возможности самыхъ старѣйшихъ изъ его односельчанъ такія-то и такія пѣсни, записать эти пѣсни съ совершенной точностью, не измѣняя въ нихъ ни одного слова, ни одной буквы, и затѣмъ переслать ихъ по такому-то адресу.

«Тебѣ, можетъ быть, извѣстно,—говорилось въ концѣ письма,—что мнѣ лично удалось записать эти пѣсни прошедшимъ лѣтомъ, но, къ моему крайнему огорченію, онѣ у меня вмѣстѣ съ другими бумагами пропали. Пожалуйста же, отнесись къ моему порученію какъ можно серьезнѣе, дѣло это важное. Вознагражденіе твоего труда будетъ зависѣть отъ того, насколько удачно ты его выполнишь. Постарайся же: повторяю, дѣло очень важное».

Послѣднія три слова были жирно подчеркнуты.

Чтеніе произвело цѣлую бурю хохота. Смѣялась и старуха, какъ-то все отплевываясь, смѣялась даже, вся трепеща, какъ осинка, и безрадостная Фима.

Особенно же прямо какъ-то торжествовалъ староста, давясь, прыская, топоча ногами и весь такъ и вскидываясь куда ни пришлось.

— Дѣло, дѣло!—повторялъ онъ,—важное, замѣть... Дѣло—это пѣсенки-то бабьи!... Дѣло! Ахъ, комаръ ихъ подави!... Ахъ, чудесники, дѣлать имъ нечего! Въ письмѣ пишетъ, т.-е. и вотъ какъ приказываетъ, со всей сурьезностью: пѣсенки, молъ, играй и пиши... пѣсенки... пѣс-с... пѣс-с-с-с-с...

И человѣкъ такъ и падалъ, такъ и разсыпался весь.

Григорій посмѣялся и самъ въ волюшку, но затѣмъ счелъ за

нужное осадить этого вахлака, глумящагося надъ образованнымъ человѣкомъ.

— Ну, достаточно! Дуракъ и на царскую грамоту, пожалуй, радъ смѣяться.

Староста присѣлъ будто бы отъ неожиданности.

— Но? Аль огнѣвилъ чѣмъ вашу милость?

Григорій важно сталъ его вразумлять.

— Пѣсенки!... Вздоръ по-твоему, по-мужицкому! Иные и попы ихъ запрещаютъ: грѣхъ-де, баловство непутевое. Ну, а господа поиначе это дѣло понимаютъ: пѣсенки-то у нихъ не пустая забава, а денежки выходятъ.

— Но?—опять вскрикнулъ староста.—Это какъ же такъ? Выпимши я малость, не пойму сразу-то!...

Григорій поднялся, заходилъ по избѣ, дѣловито потрогивая и будто бы приводя въ порядокъ попадавшіеся ему на глаза предметы и наконецъ-то удостоилъ отвѣтить.

— Вы, темнота, что смыслите? Вамъ хоть и золота дай, такъ вы въ немъ ничего не поймете: фунтъ на фунтъ хлѣба или на косушку водки промѣняете. Ну, а образованный человѣкъ и изъ глины золота добыть сумѣетъ, у иного изъ пѣсенокъ бабьихъ часомъ червончики сыплются.

Староста невольно заинтересовался.

— Какъ же такъ-то? Растолкуй, коли уменъ.

— Слушай,—сталъ разъяснять Григорій,—онъ, баринъ-то, вѣдь и самъ стишки разные сочиняетъ. Настрочитъ, это, подпишется, а потомъ въ журналъ пошлетъ. Тамъ отпечатаютъ его стишки во всей точности, а ему, значитъ, деньжонокъ въ обмѣнъ пришлютъ, за строчку этакъ копеекъ по сорока, а то и по полтиннику.

— Врешь!—покачивая головой, возразилъ староста,—будетъ сказки-то разсказывать!

— Я тебѣ говорю,— сталъ убѣждать его Григорій,— сколько разовъ я самъ у него въ корзинкѣ подъ столомъ счетца находилъ: при семъ, дескать, за столько-то всего строкъ шлется вамъ сто рублей или больше.

— Но-о?—какъ-то растерявшись и широко открывая ротъ протянулъ староста,—и это за пѣсенки-то?

— Разное онъ пишетъ,—поучалъ Григорій,—вообще разныя книги сочиняетъ.

— Слыхалъ я про это,—какимъ-то сокрушеннымъ тономъ возразилъ староста,—а только наврядъ. Голова—не та. Книгу писать, тутъ, поди, большая вумственность нужна; а онъ, нашъ-то, почи-

тай и въ церковь не ходитъ, землю вонъ всю плугами перепортилъ, хлѣбъ по хлѣбу засѣвать началъ.

— Такъ вѣдь все это насчетъ земли-то онъ изъ книжекъ же начитался.

— Наврядъ!

— Я тебѣ говорю, такъ. Самъ я ихъ по его приказу сколько перечиталъ. Сельско-хозяйственныя называются, агрономическія—о плодосмѣнности, объ удобреніи, о луговодствѣ, обо всякой, стало быть, штуковинѣ.

— И все зрящія?—спросилъ староста.

— А кто-жъ ихъ знаетъ. Читаешь, всего не поймешь, а будто бы и правильно. Ну, а потомъ, какъ пройдетъ время, оглянешься этакъ, оно и выходитъ, что все это брехня, не наше что-то.

— Знамо дѣло,—подтвердилъ староста,—упаси Господи и заниматься, грѣхъ одинъ.

И весь отряхнувшись, какъ собака вылѣзшая изъ воды, староста сказалъ посмѣиваясь:

— Что-жъ, могарычку бы съ тебя, работенку, ишь, тебѣ предоставилъ.

Григорій насупился, но всетаки вынулъ изъ своего кошелька двѣ монеты и протянулъ ихъ женѣ.

— Спроворь ужъ бутылочку!

Фима накинула на себя зипунъ и пошла.

— А ты, мать, ужинъ собирай.

Старуха только вздохнула.

Староста распоясался, распахнулъ армякъ и сталъ снова перебирать:

— Гоже бы такъ-то: чикъ-чикъ перышкомъ, и полтинничекъ. Сиди себѣ да почикивай! Нѣтъ, братъ, наврядъ!

Григорій молчалъ. Какъ истый пьяница, онъ, ожидая вино, всѣмъ своимъ существомъ сосредоточивался на его предвкушеніи и томился отъ нетерпѣнія, испытывая какое-то острое, нетерпѣливо-требовательное сладострастіе.

Завѣтная зеленоватая бутылка съ краснымъ сургучомъ на пробочкѣ, наконецъ, закрасовалась на столѣ. Подлѣ нея на ручникѣ появилась чашка съ хлебовомъ, хлѣбъ, огурцы, солонка. Григорій лично досталъ изъ поставца чашку и стаканчикъ и сначала было поставилъ передъ гостемъ чашку, но тутъ же исправилъ свою ошибку, спохвотясь, что чашка куда вмѣстительнѣе толстостѣннаго стаканчика.

Водка булькнула сладостно и полилась изъ горлышка, играя въ лучахъ лампы.

— Ну-ка, Господи благослови!

И оба мужика, покрестившись, стали «кушать» водку, медленно, систематично, все круче и круче запрокидывая головы и все плотнѣе прищуривая глаза.

Выпивъ, оба крякнули, поморщились и безмолвно стали закусывать, для шику, одной сольцой.

Затѣмъ принялись и за ложки, похлебали и опять повторили порцію. И тутъ уже трапеза пошла по настоящему. Женщины принимали въ ней участіе какъ бы мимоходомъ, подходя изъ своихъ уголковъ къ столу и снова затѣмъ возвращаясь въ нихъ, будто бы по необходимому дѣлу.

Лица мужиковъ скоро подернулись струйками пота. Староста «на готовое» захмелѣлъ быстро. Все болѣе и болѣе разнѣживаясь, онъ сталъ говорить безъ умолку, голосомъ все утончавшимся и походившимъ на дѣтскій лепетъ.

Григорій же, наоборотъ, басилъ и вначалѣ больше молчалъ. Воспринимать постепенно дѣйствія хмеля онъ не умѣлъ, не хватало терпѣнія; ему требовалось поскорѣе почувствовать себя какъ бы внѣ обычной жизни, на какой-то безграничной свободѣ.

И онъ спѣшилъ пить,—жадно, стараясь опередить пріемами порціи своего собутыльника.

И желанный туманъ не замедлилъ окутать его. Радостная, благодатная легкость охватила весь его организмъ. Онъ сталъ чувствовать себя чѣмъ-то совсѣмъ другимъ, чѣмъ-то настоящимъ своимъ, тѣмъ существомъ, которымъ, какъ ему это смутно ощущалось, онъ былъ по своей природѣ, внѣ всего посторонняго, всего мѣшающаго его жизни.

Староста, котораго онъ, въ сущности, какъ и вообще всѣхъ людей, всегда презиралъ, теперь былъ въ его глазахъ уже совершенной ничтожностью. Онъ только снисходилъ къ нему, терпѣлъ, его, какъ и тѣхъ двухъ бабъ, которыя ежились по угламъ, какъ тараканы въ щеляхъ.

Гнушаясь нѣжнымъ лепетомъ старосты, онъ, какъ казалось ему, сталъ подавлять его своимъ басищемъ и все поучалъ, громилъ и устрашалъ.

Мысль его, по обыкновенію, неизмѣнно цѣплялась вокругъ помѣщика.

— Мы съ бариномъ докажемъ вамъ себя,—гремѣлъ онъ, все болѣе и болѣе ожесточаясь,—всѣмъ докажемъ, и мужикамъ, и волостному, и попишкѣ! А учительшу къ шуту прогонимъ! Мы съ нимъ, съ бариномъ, одна душа! Насъ ежели окончательно разлучить, мы

оба жить не можемъ. Онъ жалостливъ не въ мѣру, ну, мужики и пользуются. Я имъ опасенъ при немъ, потому глаза ему открываю на ихъ плутни, подлости!... Вотъ они и наговариваютъ на меня. Онъ знамо и вѣритъ, по своей слабости, потому, какъ дитя малое неразуменъ. И самъ себѣ не радъ. Онъ не то чтобы, а мученикъ, мученикъ прямо!... Святой, окончательно! Одинъ онъ только и есть такой во всемъ свѣтѣ. Всѣ злые, лютые, волки волками. А онъ нѣтъ, не таковскій! И онъ чуетъ и меня... Онъ меня вотъ какъ обожаетъ!... Ему что мой горбъ, ему душа нужна!... Душу ищетъ въ человѣкѣ!... Душу!...

И онъ колотилъ по столу кулаками.

— На что, на что такъ-то,—пробовалъ успокоивать его староста,—выпилъ, получилъ свое удовольствіе, и чувствуй, значитъ, а не то, чтобы серчать!...

Григорій отпихивался отъ него, вставалъ, расхаживалъ по избѣ, жестикулировалъ и все плылъ и плылъ куда-то въ охватывающемъ его хмѣльномъ туманѣ.

Слова, фразы слетали съ его языка совершенно помимо его воли. Мысли и чувства, казалось, являлись совершенно случайно. Но нѣтъ, въ сущности, это было не совсѣмъ такъ.

Человѣкъ онъ былъ, этотъ озлобленный горбачъ Григорій, и теперь, не чувствуя себя въ своемъ обычномъ хомутѣ, не чувствуя ни гнета своихъ горбовъ, ни своего вѣчнаго гнетущаго всю его душу больного, на смерть искалѣченнаго самолюбія, онъ невольно хотѣлъ убѣжать, скрыться отъ своего обычнаго «я», тоскующаго и задыхающагося отъ сознанія своего безсилія. Незамѣтно для себя онъ рылся, рылся въ себѣ, въ своихъ душевныхъ потемкахъ, свѣту искалъ невольно, отдыха, хоть капельку истинной свободы.

И въ то же время онъ злобствовалъ: трудны такіе поиски въ потьмахъ, ужасно тяжелы.

Брань, насмѣшки, угрозы, бахвальства слетали съ его кривящихся, пѣнящихся слюною, губъ. Руки сжимались въ кулаки, ломали другъ друга, вскидывались вверхъ.

Староста и мать говорили ему что-то, но онъ ихъ почти и не замѣчалъ.

Мало-по-малу глаза его все чаще и чаще стали останавливаться на Фимѣ.

И что ни взглядъ, то выраженіе его глазъ становилось все дичe, все какъ-то изступленно-тоскливѣе. Гнать, бить ее ему не хотѣлось, но присутствіе, даже какъ бы само существованіе ея вызывало въ немъ какую-то бездонную злобную тоску. Ему смутно чувствовалось,

что смотря на нее такую, какова она была, всю замиравшую отъ страха и скорби, всю трясущуюся,—онъ какъ бы въ зеркало смотрится.

И все больнѣе, все мучительнѣе ему становилось.

Бутылка опустѣла. Староста, желая утѣшить Григорія, лично сбѣгалъ и обмѣнилъ ее на новую.

Григорій сначала какъ бы развеселился отъ свѣжаго угощенія, но затѣмъ еще болѣе захмелѣлъ и сталъ ожесточаться.

— Что? Что же такое?—застоналъ затѣмъ, внезапно скрежеща зубами, и таращa глаза на Фиму.—Что такое? Господи! Она вѣдь, эта Фимка, жена, только, вѣдь и всего!... Что мнѣ отъ нея надо, что въ ней такое сидитъ?!

Староста потрепалъ его по головѣ и поднесъ ему еще чашку.

Онъ выпилъ и, какъ то весь вздымаясь, подошелъ къ столу. Здѣсь же упалъ на лавку и что есть силы вцѣпился себѣ въ волосы.

Плакать, рыдать ему хотѣлось, но слезы не были его достояніемъ: въ дѣтствѣ, что ли, онъ до дна исчерпалъ весь ихъ запасъ.

Головѣ его отъ дранья волосъ стало сильно больно. Онъ выпустилъ руки, оглядѣлъ всѣхъ троихъ, каждаго по очереди, затѣмъ пристально уставился на виднѣвшіеся въ темномъ углу образа.

— Молчатъ,—заговорилъ онъ, всѣ молчатъ.—Никто отвѣта не даетъ. Только баринъ одинъ... да и тотъ прогналъ!... Окаянный я человѣкъ, изъ волковъ волкъ. Нѣту, нѣту такому прощенія, никуда не уйти!

И вставъ изъ-за стола, онъ потянулся было къ образамъ, занесъ уже руку для креста, но зашепталъ «пьяный, не гоже... да и все одно...»—и снова вернулся на лавку.

Староста сталъ упрашивать его лечь спать.

Онъ оттолкнулъ его и властно, голосомъ почти совершенно трезвымъ, сказалъ матери:

— Матушка, разскажи, спокайся, значитъ... Давно я не слыхивалъ,—прошу покорнѣйше.

Мать сразу поняла, въ чемъ суть его просьбы.

— На что? на что еще?—стала она отнѣкиваться,—лягъ, усни лучше!

— Благословенъ еси Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ!—протяжно и выразительно запѣлъ Григорій тѣмъ мотивомъ, который такъ часто повторяется при моленіяхъ о мертвецахъ.

Староста весь задергался, точно на него искры посыпались.

Старуха поднялась.

— Куда?—крикнулъ Григорій.—Разсказывай все, съ самаго

начала... Научи мя оправданіемъ твоимъ! Говори, люблю слушать эту сказку... Одна услада въ жизни.

Старуха все еще уклонялась.

— Сказывай!—освирѣпѣвъ, закричалъ Григорій,—а то сейчасъ Фимку полосовать примусь... Убью на твоихъ глазахъ!

— Родименькая!—тихо взмолилась къ ней и Фима.

Старуха покорилась. Говорить она была привычна, кстати мелькнуло у нея въ головѣ, что, какъ бывало не разъ и прежде,—подъ ея повѣствованіе Григорій уснетъ. И она завела тихо, монотонно, убійственно-равнодушно.

IV.

— Знамо, много ужъ тому дѣлу годовъ будетъ, лѣтъ ужъ поболѣ тридцати прошло. Жили это мы въ избѣ хорошей, большой, о двухъ срубахъ. Всей семьей вмѣстѣ. Всѣхъ, значитъ, мужиковъ трое у насъ было. Старшій Иванъ Дементьичъ,—старательный былъ старикъ, и пчелу водилъ и рукомесло зналъ: чашки да ложки дѣлалъ разсохи да крюки къ окосьямъ налаживалъ, лапти опять плелъ. Годовъ ему-жъ подъ восемьдесятъ было, вдовымъ ходилъ, дѣтей тоже у него не было. Ну, а землей онъ не займался. Второй братъ Ефимъ былъ, этотъ шорничалъ: сбрую шилъ, тоже и землей дорожилъ. Жена у него была, и сынъ Миша, въ солдатахъ, значитъ. Ну, а третій братъ Василій, стало быть, хозяинъ мой, упокойникъ. Ребятокъ у насъ было три дѣвчонки, да вотъ стало быть, Гришанюшка. Мужикъ мой землей займался, а еще и рыбу ловить былъ мастеръ, а еще и съ ружьемъ по осенямъ и зимамъ хаживалъ,—зайцевъ да лисъ билъ. Ничего это всему семевству жилось, ладно. Только отслужилъ Миша солдатчину, пришелъ домой. И сталъ онъ это погуливать. Гармоника завсегда при немъ, бражничаетъ. Товарища себѣ Андрея Куликова завелъ: торговый былъ человѣкъ, денежный, а и на разгулъ куды какъ поваженный. Приведутъ это къ избѣ дѣвокъ,—водчонка, игры, да пѣсни. Ну, а чтобы дѣломъ заняться, это ему, Мишкѣ, не по скусу казалось. Вотъ и сталъ старшій-то Иванъ Ефиму говорить: что молъ ты, Юнька, сына работать не заставляешь. А тотъ ему—а что ему работать,—ему работать не на кого. А Иванъ говоритъ:—а коли такъ,—такъ не стоитъ его и въ дому держать; вонъ, молъ, онъ опомнясь въ кабакѣ осьмину овса пропилъ. Услыхалъ Миша про такіе разговоры, обидѣлся и сталъ дядьевъ колотить при случаѣ. И пошла тутъ неурядица въ семевствѣ. А что такое? Почему бы ему, Мишѣ, не постараться для хозяйства? Все было въ порядкѣ: четыре лошади,

двѣ коровы, двадцать овецъ, свинушки четыре; хлѣба убирали достаточно, даже и продавали залишки. Ну, стали мужики жаловаться на Мишку въ правленіе за обиды и всякіе проступки. Старшина это выслушаетъ, наказать Мишку посулится. А Миша провѣдаетъ, заявится это поранѣ въ правленіе, какъ судъ-то назначенъ, подпоитъ старшину и стариковъ, и остается будто въ своемъ правѣ.

Тутъ ужъ и отецъ это его, Ефимъ, сталъ говаривать: эхъ, кабы барскіе-то были, узналъ бы молъ тогда, какъ баловство награждаютъ. А она, воля-то, всего лѣтъ съ пятокъ еще тогда стояла.

Ладно-сь. Кабачокъ это тогда въ Шагаевкѣ дворовый Алексѣй Спиридоновичъ держалъ; аккуратный былъ человѣкъ: всѣмъ бралъ за водочку—рожь ли, овесъ ли, ветчина ли, холсты ли,—ничѣмъ не брезговалъ. Всего, значитъ, и потаскиваетъ ему Мишка. Ну, старики, знамо, не молчатъ. Прямо иной часъ почесть что до уголовья у нихъ ссоры доходили. Такъ-то идетъ что-то ужъ третій годокъ. Только и пожался Василій-отъ мировому судьѣ на Мишку, Карлушѣ, значитъ, Еменскому. Этотъ въ сурьезъ дѣло принялъ, и вотъ какъ настращалъ Мишанюшку. Образумился онъ. Но хотя же не покорился, а на сторону ушелъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, съ Куликовымъ-то торговлей стали заниматься: товаръ красный въ городѣ тюками брали, да по селамъ разнашивали. Проторговалъ такъ-то двѣ зимы. Тридцать шесть рублей накопилъ. Тутъ взялъ да и женился на вдовѣ изъ села Дукина, Тамбовской губерніи, съ мальчишечкой по третьему году; Дарьей ее, вдову, звали. Оженился онъ, значитъ, на эстой Дарьѣ съ мальчишечкой, и куды дѣваться—къ роднымъ же пришелъ. Слова не сказали старики,—живите молъ, съ Богомъ. И стало насъ, стало быть, теперича ужъ три бабы. Вотъ и зачинаетъ это молодушка-то поспрашивать свекровушку: чей да чей молъ сегодня день, кому-то печку топить да хлѣбы ставить, избу убирать, за скотиной ходить. Ну, а та и молчитъ, потому ранѣ у насъ никакихъ такихъ очередей не было.

И стали эти вздоры промежь насъ, бабъ, заводиться. Ну, а Мишка оченно уважалъ свою молодую жену, а съ ней, значитъ, и парнишку ея. На колѣнкахъ это его нянчитъ, кашей молочной кормитъ. А самъ своего прежняго не оставляетъ: балуется водочкой. Ладно-сь. У насъ съ Василіемъ-то упокойникомъ у самихъ четверо ребятъ. И не стало это у насъ хватать пшенца на кашку ребятамъ. А Мишка своего знай кормитъ да кормитъ. Нашимъ-то, извѣстно, завидно; чего ребенокъ малый понимаетъ, зачали они это жаловаться мнѣ, стало быть и отцу. Вотъ и скажи Василій-то Михайлѣ: ты, молъ, племяшь, свое-то пшено въ кабакъ отнесъ,—да

останпшное все на своего мальченка изводишь,—такъ молъ, не гоже! Гордый онъ Мишка-то былъ, не стерпѣлъ такого упрека. Какъ это броситъ шибмя горшокъ-отъ съ кашей,—да прямо-то по башкѣ дядиной; а тамъ и еще кулаками прибавилъ, и рубаху всю изодралъ на немъ. Ну, Василій это никакихъ, сходилъ за старостой, заявилъ все во всей точности, а тамъ и на волостную опять подали. Старшиной Бѣдиковъ Александръ ходилъ,—опредѣлили подѣлиться братьямъ. Зимой это, стало быть, все случилось. Стали это братья судить-рядить, какъ бы это поровнѣе раздѣлиться. Ну, и знамо вздоры; а тутъ еще все несчастія пошли: овцы дохнуть стали, коровка одна пала, да и лошадку-то одну Мишка убить постарался, какъ на бугоръ возъ кирпича ввозилъ, для постройки, значитъ, дома господскаго. Къ веснѣ, значитъ, во дворѣ всего три лошади, да корова, да пять овечекъ остались. Пріѣхалъ это старшина для раздѣлу, созвали стариковъ. Все имущество на три жеребья распредѣлили, на трехъ братьевъ, значитъ; а на племяша Мишу, при живомъ отцѣ ничего не положили. Онъ и того пуще озлился. Ну, а начальство на него не взяло вниманія. Дали ему до жребія банюшку за огородомъ, да сушильный овинъ развалящій,—да и отпихнули, значитъ, въ сторону. Изба чорная Мишкиному отцу, Ефиму досталась; Ивану съ Васильемъ горница пришлась. Подѣлили потомъ на три же части и всю скотину, и сбрую, и одежу, и птицу, и хлѣбъ въ зернѣ, а тамъ и озимь въ полѣ. А Мишкѣ и земли опять ничего не дали. Разошлись пока до осени на двѣ половины въ одномъ дворѣ. Стали и пищу варить себѣ врозь. Прошло это лѣто худо ли хорошо. Подоспѣлъ по осени и праздничекъ нашъ храмовой, Рождество, стало быть, Пресвятой Богородицы. Выпили, знамо, всѣ для праздника. Разстроился Миша съ отцомъ на первый день, избилъ его, батюшку, даже поболѣ полбороды выдралъ. Одначе ничего, прошелъ и второй день. Вотъ и третій приступилъ. Тутъ и влети Мишкѣ въ голову: эхъ, пчела недѣлена! А пчела эфта только привезена была съ пчельника и въ клѣти у Ивана стояла. Мишка съ отцомъ и ворвись въ клѣть, отбираютъ, значитъ, ульи, которые получше. Услыхалъ про это Иванъ. Пришелъ вмѣстѣ съ Васильемъ и говоритъ: эхъ, молъ, братъ Юнька, и ты племяшь, не старались вѣдь вы за пчелой, зачѣмъ же молъ тревожить ее, вы ей еще вреду можете сдѣлать. Ну, и опять не выдержалъ своей гордости Мишка. Въ клѣти-то карчаги съ останешней брагой и дрожжами стояли. Облюбовалъ ихъ Мишка,—разъ этто, да и давай карчагами-то дядей угощать,—прямо, значитъ, опять по башкамъ,—такую ужъ, видно привычку взялъ. Ну, знамо, и они въ драку. Пошелъ это содомъ въ клѣти. А на дворѣ-то Гришанюшка случись. Любопытно ему

на эту драку взглянуть показалось. Только дверь-то шпроченнымъ ульемъ заложена, снутри-то. Онъ возьми да вкарабкайся по притолкѣ, чтобы въ приклѣть-то ему попасть. Ну, а у шорниковъ притолки-то, извѣстно, гвоздями усажены: ремни, стало быть дороржать. И зацѣпись, значитъ, Гришанюшка рубахой это за гвоздь-отъ, значитъ; зацѣпись это въ подмыкѣ и свисни внизъ. Увидалъ это Мишка,— виситъ, значитъ, мальчишка. Какъ тряхнетъ это ульище со всего розмаха, онъ и притиснулъ мальчишку къ притолкѣ, вплотную, значитъ. Ну, знамо, спина и сломилась у него. Замертво сняли, думали, и часу не выживетъ. Анъ нѣту, болѣлъ, болѣлъ, да и сталъ это ползать помаленьку; сперва все этакъ на корачкахъ, а тамъ и на ножки подниматься зачалъ. Ну, а горбатымъ съ той поры и доселѣ ходитъ.

V.

Старуха примолкла.

Староста тихо посвистывалъ посомъ, скрючившись на лавкѣ.

Фима сидѣла, какъ статуя, уронивъ голову на руки.

Григорій лежалъ навзничь и не шевелился.

Старуха давно приглядывалась къ нему и надѣялась, что онъ и на этотъ разъ успулъ подъ монотонный звукъ ея голоса.

Но онъ не спалъ.

Тихо поднялся онъ, налилъ въ чашку и стаканчикъ водки и сталъ будить старосту.

Тотъ сначала не желалъ просыпаться, но почуя водку, мигомъ оживился.

Стали снова подчиваться, возобновилась и бесѣда.

— Такъ,—говорилъ больше самому себѣ Григорій, очень просто!... Дѣлились, дѣлились, жадничали, жадничали, да и переломили спину ребенку, и пустили его на всю жизнь горбачомъ. Все же это и самъ, какъ вчерась помню. Помню все и дальше, все помню. Одинъ былъ я мальчонокъ, надежа-сыночекъ. Гордились на меня родители,—ну, а какъ попортился,—всѣ и обидѣлись на меня... И впрямь, какъ червь ползаешь, что ужъ тутъ ждать, сдохъ бы ужъ, не сраматилъ!... Озлобились на меня всѣ!... Чисто нарочно это я въ урода-то распостылаго обернулся.

— Гришанюшка,—запротестовала мать,—я-ль тебя не жалѣла?! Да и отецъ упокойникъ жалѣлъ.

— Знаю,—отмахивался Григорій,—знаю, а только и словъ отъ васъ было: хоть бы ужъ прибралъ Господь, куда ему такому на свѣ-

тѣ жить. Помню, все помню. Стыдобушка я ваша былъ. Какъ огнемъ васъ жегъ своимъ видомъ!... Тятька-то, можетъ, черезъ меня больше и виномъ зашибаться сталъ.

— Зачѣмъ?—снова опровергала его мать, раздѣлъ-то этотъ ему крылья отшибъ. Не молоденькій уже былъ, тоска взяла по прежнему хозяйству... не могъ сообразиться, какъ все спервоначалу-то заводить... Гордый былъ тоже!

— Было,—перекрикивалъ ее Григорій,—было и это все!... Ну, а и я тоже понаддалъ. Помню, бывало, напьется онъ и меня давай накачивать. Пей, пей, кричитъ, стервецъ, пей, горбунокъ; гуляй, пока тятька живъ!... Пьяный-то такъ, а тверезый и не взглянетъ,—стыдится, значитъ; не желаетъ меня за настоящаго человѣка понимать... Такъ и пресмыкался я это, въ сторонкѣ, чтобъ не дули, не учили, значитъ... А и дули меня! И дули же!...

И Григорій вскакивалъ, сверкая глазами.

— Сестры это, особливо Машка... Господи Боже мой, и сейчасъ не пойму, что я ей дался. Чуть только поймаетъ гдѣ,—и давай лупить, крапивой-то, вѣникомъ, что ни подвернется. Бьютъ это и знай приговариваютъ, такъ-то молъ горбатому, такъ-то молъ!... А за что?... Я и сейчасъ все это у Машки допытываюсь, за что ты меня мучила. Воротитъ морду-то: такъ, говоритъ, ужъ очень злобно глядѣть на тебя было... И всѣ-то ко мнѣ такъ и всѣ-то, всѣ-то люди Божьи такъ!... Подсунешься къ ребятамъ,—ну, ты, горбатый!—и бацъ по горбу. Бабы либо дѣвки пройдутъ, особливо какъ въ лѣта я входить началъ,—плюнутъ это, скверность какую-нибудь скажутъ. Мужики, старики, старушки Божьи,—и тѣ всѣ не-какъ къ человѣку тебѣ обращаются, а либо съ насмѣшкой, либо съ жалостью этой распостылой.

Староста временами говорилъ ему, что онъ и самъ куда какъ озоренъ бывалъ.

— Вѣрно,—подхватывалъ онъ, и вотъ какой отчаянный былъ, хуже сейчаснаго! И въ своемъ правѣ былъ: сколько не мучиться... Вѣдь окончательно, окончательно же за человѣка нисколько не почитали. Въ школу насилу допросился. Куды ему горбатому: нешто онъ можетъ что! Учитель ужъ вступился, принялъ. А тамъ какъ осилилъ грамоту, да къ церкви Божьей, къ храму Господню приверженность возымѣлъ. И оттуда отпоръ. Староста церковный, самъ батюшка, весь причтъ,—такъ и машутъ на тебя руками, какъ на чорта: непристойно... въ церковномъ богослуженіи все въ благолѣпіи должно соблюдаться,—народъ обидится.

И Григорій хохоталъ, представляя въ лицахъ и себя въ моментъ

своихъ просьбъ въ подобныхъ случаяхъ и тѣхъ, кто ему отказывалъ въ нихъ.

Наконецъ, снова добрался Григорій и до своего барина.

— Пріѣхалъ это, увидѣлъ. Кто такой, какъ и что?... А мнѣ на ту пору ужъ двадцатый годокъ шелъ, батюшка ужъ на погостѣ лежалъ; побирались мы съ матушкой, горюны. Взялъ это къ себѣ, работу далъ, учить всему сталъ... А я... а я... Господи, да гдѣ же удержаться? Вѣдь, вѣдь оно и не въ привычку было... Думалось все,— охъ, обманъ, охъ, опять пролетитъ все, охъ, спѣшить надо. И съ водочкой ужъ знакомъ былъ... Круги въ головѣ ходили... Бранилъ онъ меня, чуть не плакалъ надо мной... гонялъ это меня за мои пакости... И опять, и опять...

Совсѣмъ разсиропившійся староста снова подсунулъ ему переполненную чашку.

Онъ выпилъ ее духомъ и сталъ кричать:

— Баринъ мой, душа моя, Богъ мой! Люблю тебя... Душу положу. Только приказывай: пѣсни прикажешь писать,—изволь, помирать велишь,—съ удовольствіемъ!

И заплясавъ, шатаясь, онъ запѣлъ:

И жить будемъ, и гулять будемъ,
А смерть придетъ, помирать будемъ!

Староста надвинулъ на него картузъ, набросилъ ему на плечи полушубокъ и, обхвативъ руками, повлекъ изъ избы.

— Еще, еще разстараемся. И-ихъ... гулять будемъ!...

На улицѣ ихъ встрѣтила темень и мокрота. Они поблуждали, увязая и шлепая по грязи и, наконецъ, растеряли другъ друга.

VI.

Холодъ, наконецъ, разбудилъ Григорія. Онъ приподнялъ голову— чья-то пустая рига, лежитъ онъ, въ своемъ драномъ полушубкѣ, прямо на жесткомъ току. Въ открытыя ворота смотритъ бѣлѣющее первыми лучами разсвѣта небо, смутное, клубящееся тучами,—какое-то безнадежно-печальное.

Онъ поднялся, зубы такъ и стучатъ. Что такое, какъ онъ попалъ сюда?

Вспоминалось только письмо барина, да кое что изъ того, что было до посылки за второй бутылкой. Голова болитъ, кружится.

— Ничего, небось... Чего тамъ!...

Сознаніе, что баринъ снова протянулъ къ нему руку, торжествовало

надо всѣмъ. За свое пьянство, въ сущности, онъ никогда себя не упрекалъ; вполнѣ извинялъ себя въ немъ, даже болѣе того: протестъ ему въ немъ чувствовался. Противъ кого? Такъ, вообще,—противъ всѣхъ, противъ обстоятельствъ, противъ всей жизни: нельзя не пить, не даромъ она, водка, дана человѣку, одна отрада въ ней!

И тяжесть похмѣлья онъ привыкъ переносить стойко: трещитъ головизна,—ничего, не съ побоевъ, съ гулянокъ,—расплата, значитъ, ничего, такъ и слѣдуетъ.

Теперь кстати, не вполнѣ выспавшись, онъ и не вполнѣ вытрезвился.

— Чего тамъ!... Мы имъ ужо докажемъ!... Хватилъ бы еще для сугрѣву, да денегъ, кажись, ни гроша ни осталось. Плевать!...

И онъ потащился по грязи и лужамъ.

Улица едва просыпалась. Только кое-гдѣ курились дымки надъ избами. Тамъ и сямъ изъ воротъ или изъ пролета дверокъ выглядывали хмурые, почесывающіеся люди, приглядывающіеся къ небесной мути.

— Не даетъ Богъ ведрышка. Опять дождичокъ посылаетъ... Царица Небесная!...

Григорій только скулами поводилъ, посмѣиваясь: ништо вамъ, такъ и надоть!

Дома онъ засталъ только одну мать, громко молившуюся передъ образами.

— А Фимка гдѣ?—тихо и не поднимая глазъ, спросилъ онъ.

— На дворѣ, со скотиной, должно.

— Такъ! Ничего! Все въ порядкѣ, все въ порядкѣ. Только не огорчайте меня.

Печка уже топилась. Слышалось шипѣніе закипавшаго варева.

— Пожуешь, что-ль, чего?—спросила мать.

— Нѣту. Сосну маленько.

Лихорадка била его, но онъ только судорожно смѣялся. Вошла, какъ тѣнь, и Фимка. Вмѣстѣ съ матерью смѣнила она на немъ бѣлье, уложила на лавкѣ, укрыла зипунами, шубой.

Онъ потрясся, побурчалъ что-то и сталъ похрапывать.

Фима подала свекрови завтракъ, прихлебнула и сама нѣсколько ложекъ. А тамъ и опять сѣла за свою безконечную пряжу. Старуха, слово за словомъ, снова стала скрипѣть. Не могла она не говорить: жизни какъ-то никакой въ себѣ не чувствовалось безъ звуковъ собственнаго голоса.

— Баринъ этотъ опять,—на кой это?... Что онъ на немъ, на горбатомъ ищетъ?...

Смутны были ея отношенія къ этому барину. Что-то не совсѣмъ доброе она чувствовала къ нему. Упрекалъ онъ ее все какъ будто, къ совѣсти ея запоздало и ненужно взывалъ.

— Да,—скрипѣла она,—такъ-то?... А самъ что же хорошаго ему сдѣлалъ? Только набаловалъ, только дразнишь все зря. Бросилъ бы, скорѣе бы онъ за умъ-то взялся. А то ишь все надѣется... Мать я ему, кажется, мать, да и то ничего не могу... Эхъ, на роду, знать, написано...

И тѣмъ не менѣе окончательно смириться передъ этимъ «на роду написано» всетаки не хотѣлось. Все еще какъ бы ожидалось чего-то лучшаго въ будущемъ.

И старуха невольно впадала въ свои вѣчные совѣты, въ свои вѣчныя поученія, что и какъ надо дѣлать, чтобы жить по настоящему, какъ православному крестьянину полагается.

Фима слушала и не слушала. Что тутъ: и такъ все извѣстно, и такъ все одно и одно, какъ эта сѣрая все навивающаяся и навивающаяся нить въ ея пальцахъ, какъ шумъ дождя, какъ эти тучи и тучи въ разгнѣвавшемся на грѣхи людскіе небѣ. И вся бѣлая, худая, понурая надъ своей безконечной работой, она, при этомъ тускломъ освѣщеніи плачущаго непогожаго дня, являлась какъ бы живымъ воплощеніемъ жертвы безысходной, тоски и обиды,—покорной, не протестующей и только недоумѣвающей: за что же, зачѣмъ?...

А ея мучитель, ея горбачъ знай переваливался себѣ съ одного горба на другой, то ничкомъ, то навзничь, властно покрикивалъ въ бреду, и храпѣлъ, храпѣлъ, точно его душили.

Проснулся онъ къ самому обѣду.

Потребовалъ умываться; плескался долго, сосредоточенно, то и дѣло понукая жену: «Ну, не жалѣй воды-то, небось, не далеко въ случаѣ чего на колодецъ сбѣгать».

Потомъ утерся тщательно ручникомъ, пообѣдалъ, повздыхавъ на то, что опохмѣлиться не на что и, закуривъ цидулку, развалился за столомъ, важно погружаясь въ соображеніе, что и какъ надо предпринимать по поводу полученнаго порученія.

Извнѣ раздался шумъ голосовъ.

Трахъ—и въ избу опять ввалился староста, а съ нимъ и еще двое снаружи и изнутри подмоченныхъ мужиковъ.

Староста еще съ порога потрясъ четвертью.

— Вотъ она!... Для опохмѣльеца, значитъ!...

Григорій въ полномъ смыслѣ слова заржалъ отъ восторга.

Мужики тутъ же наперебой разсказали, по какому собственно поводу появилась въ ихъ рукахъ эта водка. Совсѣмъ затосковали мужики

въ томленіи по работѣ. Думалось, думалось и надумалось, что за ходившимъ года четыре тому назадъ сборщикомъ по части господской аренды Емелькой Дамочкинымъ до сихъ поръ состоитъ долгъ барину что-то рублей въ сорокъ. Онъ, баринъ-то, можетъ, и думать о нихъ забылъ, — а не гоже: Дамочкинъ, мужикъ богатый: пускай поплатится. Собрались гурьбой, благо досужно; стали «шумѣть» на должника. Ну, тотъ вертѣлся, вертѣлся, да и поставилъ, наконецъ, полтора ведра мужикамъ, чтобы глотки имъ заткнуть.

— А я,—пояснилъ староста,—добро помню, горбатый. Ты значитъ, вчерась меня попользовалъ, а я нонче—мой чередъ. А эти тебѣ по бариновому дѣлу: пѣсенники, стало быть.

Заходили посудинки по рукамъ. Полилось и весельице.

Григорій между тѣмъ твердо помнилъ о дѣлѣ; выпилъ чашечки двѣ и, доставъ собственноручно переплетенную нѣкогда записную тетрадь и карандашъ, сталъ требовать у пѣсенниковъ такой-то и такой-то пѣсни.

— Вона!—взбодрились старички, напружили груди и загремѣли:

Не отъ тучи... ахъ, еще скажемъ, не отъ грома
Гнѣздо сокола,—ахъ, да загоралось!...

Хорошо, живо, вольно звучала пѣсня, но отдѣльныя фразы ея различались плохо. Григорій ловилъ слухомъ слова, записывалъ ихъ, но, перечитывая, чувствовалъ, что что-то не то, смысла въ нихъ никакого не получается. «Ахъ, ахъ, скажемъ, да еще скажемъ»—а, ничего и не говорится по настоящему.

— Рѣже, рѣже,—сталъ онъ кричать, не больно такъ ужъ переливайте, явственнѣй!...

Но пѣвцы при всемъ желаніи не могли этого сдѣлать, даже не понимали, что отъ нихъ требовалось. Пѣсню они играли, отражали своими голосами то, что прежде отъ другихъ людей приняли своимъ слухомъ: имъ дали звуки, и они даютъ звуки.

И чѣмъ болѣе они старались, тѣмъ только все болѣе воспроизводили духъ пѣсни, мелодію ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все болѣе заливали отдѣльныя слова всевозможными вплетеніями всевозможныхъ междометій и вводныхъ фразъ.

Григорій писалъ, чиркалъ, снова писалъ и опять маралъ. По его настоянію сталъ, наконецъ, пѣть только одинъ старикъ, соло.

— Стой,—командовалъ Григорій,—оборви и сначала повтори... не всю... а вотъ съ этого мѣста...

Но такъ, съ середины пѣсни, старикъ не могъ начинать пѣніе.

— Стой,—отстранялъ его другой,—у него голосъ гнусавъ, меня слушай!

— Во!...

Но и этотъ не облегчалъ дѣла.

— Говоркомъ говори, говоркомъ говори, дьяволы,—закричалъ, наконецъ, Григорій.

— Говоркомъ? Это какъ же еще тебѣ?

— Говоркомъ, безъ голоса,—путался Григорій.—Вотъ такъ-то: «не отъ тучи, еще скажемъ, не отъ грома»,—ну, и дальше, дальше, какъ по книгѣ, значитъ, читай. Валите же, азіаты!...

Но этого пѣвцы сдѣлать уже рѣшительно не могли. Безъ звуковъ въ ихъ представленіи не оказывалось никакого подобія пѣсни: память, совершенно, молчала.

Григорій терялъ терпѣніе и съ отчаянія уже собирался хватить, что ли, на всякій случай, какъ слѣдуетъ.

Но на помощь явилась мать. Она знала эту пѣсню, сама пѣвала ее въ молодости и теперь, по необходимости, заставила себя пропѣть ее только, такъ сказать, мысленно.

И вотъ она мало-по-малу стала подсказывать тѣ и другія слова, которыя опускались или искажались пѣвцами.

Григорій почувствовалъ, что дѣло на его бумагѣ какъ бы получаетъ, наконецъ, жизнь.

— Матушка,—вдругъ осѣнило его,—такъ вѣдь ты, стало быть, и сама знаешь ее. Спой же, спой ее намъ!

Старуха сильно смутилась, даже оскорбилась немного.

Ей, старухѣ, и играть въ этой пьяной компаніи пѣсни! Да вѣдь ей за свѣчи пора хвататься, а не шутки шутить.

Но Григорій сталъ настаивать.

— Матушка, вѣдь для дѣла!... На колѣнки сяду.

Мужики, покатываясь со смѣху, тоже начали ее упрашивать, а тамъ и усовѣщевать:

— Эка ты какая!... Не хочешь сына уваживать.

Григорій же, юродствуя, шлепнулся на колѣни и кланялся ей въ ноги.

Старуха, наконецъ, стала рваться изъ избы.

— Винцомъ ее попоить, — вдругъ догадался староста, — вотъ она и разыграется.

Эта блажь привела всѣхъ въ восторгъ.

Всѣ четверо кинулись къ старухѣ, скрутили, запрокинули ей голову и «силкомъ» влили-таки ей въ горло чашку водки.

Давно она не пила вина, ожгло оно всю ея внутренность, но

нельзя сказать, чтобы это ощущеніе, какъ и сознаніе, что ее-таки напоили, были ей непріятны.

До извѣстной степени то же должна испытывать строгая дѣвушка, которая долго отбивается отъ ласкъ милаго, но, наконецъ, невольно уступивъ его насилію, невольно начинаетъ нѣжиться подъ горячими поцѣлуями.

Закачала старуха головой, смутно чувствуя себя какъ бы плѣненной этими озорниками, и проговорила улыбаясь:

— Нѣтъ на васъ страху, шальные.

Мужики пришли въ умиленіе.

Староста жалъ ей руку и расшаркивался какъ-то по-господски. А Григорій продолжалъ умолять:

— Матушка, пой же, не томи.

Привыкла она исполнять его прихоти; теперь же и винцо подзуживало.

И вотъ, отойдя къ притолкѣ и степенно опершись подбородкомъ на правую руку, подпертую въ локтѣ лѣвой, она негромко и отчетливо запѣла.

Пѣсня полилась стройно, покойно, сказываясь, вырисовываясь во всѣхъ своихъ подробностяхъ, и перенося слушателя въ давно-давно прошедшее.

Мужики невольно притихли.

Григорій протрезвѣлъ отъ тихо проникающей къ нему въ душу ясной и покойной радости и записывалъ слова пѣсни вполнѣ осмысленно.

Когда старуха кончила, Григорій прочелъ ей записанное для провѣрки.

Старуха улыбнулась и сказала:

— И такъ, да не такъ.

И всѣ почувствовали, что она права. Голосъ Григорія воспроизвелъ какъ бы только тѣнь или отзвукъ той живой жизни, которая пронеслась передъ ними въ звукахъ старухиной пѣсни... Странно,—моментъ былъ очень удобный, но никто не потянулся къ водкѣ.

— Матушка,— тихо попросилъ Григорій,— можетъ, ты и тѣ прочія споешь.

И старуха спѣла и другія три пѣсни. Молча, тихо покачивая головами, выслушали ихъ гости. Отчетливо, почти безъ помарокъ, занесъ ихъ слова на бумагу Григорій.

Когда же дѣло, наконецъ, закончилось, всѣ снова и съ освѣженными силами вернулись къ шуму и гаму.

Старуху засыпали похвалами; стали вспоминать подробности ея горестной жизни, пить за ея здоровье.

Григорій, радуясь скорому и благополучному окончанію дѣла, весь предался своей жаждѣ. Стали пить и всѣ прочіе. Четверть опустошилась и замѣнилась новой. Въ избу входили еще и еще люди. Иные плакали по случаю непогоды, иные заводили брань, ссоры. Григорій кого-то билъ, и кто-то и его билъ.

Пьяная, безсмысленная сумотоха царила въ избѣ вплоть до вечера. Наконецъ гости разбрелись.

Старуха поспѣшила завернуть огонь въ лампѣ. Фима спасалась у сосѣдей.

А Григорій долго босикомъ и распояской толкался по темной избушкѣ и кричалъ дикимъ голосомъ:

— Фимка! Жена!... Супруга!... Цѣловать тебя желаю!... Шкуру спущу!...

VII.

На другое утро природа смилостивилась.

Тучи разбѣжались сразу, точно по уговору. Солнце засіяло среди глубокой лазури и любовно, какъ мать огорченнаго въ ея отсутствіе ребенка, стало отогрѣвать и ласкать все, что ни наполняло зелень. Ясно засверкали крестики надъ сельскою церковью.

Свободнѣе вздохнули люди.

Работа такъ и закипѣла по гумнамъ и въ поляхъ: теперь подмоченные и частью поросшіе хлѣба разставлялись на отогрѣвъ солнца уже безъ всякаго опасенія: вошло солнце въ свою настоящую силу и не обманетъ.

Бодро въ общемъ чувствовалъ себя и Григорій.

Со снопами хлопотать онъ послалъ мать съ женою, самъ же рѣшилъ, прежде всего, покончить со вчерашнимъ дѣломъ. Чернила у него хранились въ скляночкѣ, но порядочной бумаги не оказалось. Онъ отправился за бумагой къ священнику.

Еще молодой, но достаточно уже многосемейный священникъ, отличавшійся чрезвычайнымъ любопытствомъ и чрезвычайною же робостью, допустилъ его на порогъ своего зальца, но предворительно, на всякій случай, удалилъ изъ него, какъ жену со свояченицей, такъ и всѣхъ дѣтей.

— Что тебѣ, горбатый? Спросилъ онъ, — безобразилъ опять, слышь, вчера? А? Ты смотри, братъ...

Григорій пожался въ горбахъ и для степенности потребовалъ себѣ священническаго благословенія.

Тотъ поднялся, благословилъ,—дѣлать нечего.

— Что же надобно-то?

— Бумажки пожалуйте; получше-съ, листиковъ этакъ пять.

Священникъ чуть-чуть заволновался.

— Это зачѣмъ тебѣ?—спросилъ онъ, нервно покручивая на палецъ конецъ своей длинной и отвислой, какъ бы отпадающей, бороды.

Григорій пояснилъ съ надлежащей важностью.

Священникъ поразспросилъ кое-что, выразилъ кое-какія опасенія, и въ концѣ концовъ остался при сомнѣніи, слѣдуетъ ли дать Григорію бумаги.

Тотъ сталъ упрашивать.

— Да, оно, конечно, не трудно... Конечно. Ну, а только какъ-же, ты чѣмъ же вознаградишь меня?

— Господи, отработаю вашей милости.

— Что?... Обѣщанками думаешь отбояриться? Нѣтъ, нѣтъ... ты вотъ что: замокъ у меня у письменнаго стола попортился, и вотъ еще лампа въ резервуарѣ распаялась... Такъ ты того, почини, а я тѣмъ временемъ и приготовлю тебѣ просимое.

Дѣлать нечего, сходилъ Григорій домой, захватилъ кое-какой инструментъ, олова для спайки; пропыхтѣлъ часа три надъ данной ему работой и только тогда получилъ бумагу, и то въ количествѣ всего трехъ листовъ.

Поругался Григорій про себя. Затѣмъ тщательно переписалъ свои пѣсни, уложилъ ихъ въ тутъ же сооруженный конвертъ и немедленно отправился въ сосѣднее село для сдачи на почту своей корреспонденціи.

VIII.

Отвѣтъ изъ Москвы получился на пятый день. Въ письмѣ прилагались и деньги—пять рублей. Порученіе оказалось выполненнымъ вполнѣ удачно. «Я знаю,—писалъ, между прочимъ, Тихорѣцкій, — что ты человѣкъ вообще на очень многое способный; еслибъ ты окончательно бросилъ свое пьянство и еще кое-что, то и совсѣмъ было бы хорошо. Весной я пріѣду и тогда еще разъ потолкуемъ».

Григорій ликовалъ. Хорошъ былъ и журавль въ небѣ, ясно намѣчающійся въ послѣднихъ словахъ Тихорѣцкаго; недурна была и синица, въ видѣ синенькой бумажки, шелестѣвшей уже въ рукѣ Григорія.

Мать, увидѣвъ въ его рукахъ эту синицу, тоже, конечно, порадовалась, хотя и знала, что она изъ очень непосѣдливой породы.

«Барская прихоть, — подумала она, — взялъ да и бросилъ, что ему пятишница!»

Но Григорій принялъ эти деньги въ свою собственность съ совершенно противоположнымъ на нихъ взглядомъ. Ему совсѣмъ не хотѣлось признавать въ нихъ подарка или подачки; нѣтъ, ему чувствовалось въ нихъ то, что называется гонораромъ.

— Въ моихъ пѣсняхъ,—разсудилъ онъ,—было, скажемъ, хоть строкъ сто. Баринъ ихъ, конечно, отпечатаетъ, за что и получитъ сколько ему тамъ придется. Ну, барину съ нашего брата дѣло привычное наживаться: вотъ онъ и опредѣлилъ мнѣ копеекъ по пяти за строчку. Сто строкъ,—аккуратъ пятишница и выходитъ.

И ему чрезвычайно льстила такая догадка.

— Вона куда стало хватать, съ самимъ бариномъ Тихорѣцкимъ на одной работкѣ сталъ встрѣчаться. Ого! Объ этомъ тоже покрѣпче надо поразмыслить на досугѣ.

И онъ твердо порѣшилъ на послѣднемъ.

Понятно, что въ тотъ же вечеръ и выпилъ онъ въ свое удовольствіе, послѣ чего долго толкался по сосѣдямъ, доказывая имъ, каковъ онъ человѣкъ, и какого именно достоенъ уваженія. Но мужики, по недосугу, только выталкивали его. Также поступилъ съ нимъ и староста.

— Дуракамъ извѣстно счастіе. А намъ деньги зря не даются. Брысь, не смущай, сатана!...

Григорій посмѣялся на его мужицкія слова, вернулся домой, пошабаршилъ, повеличался въ волюшку, постращалъ Фиму, а тамъ легъ себѣ и уснулъ.

IX.

Григорій вообще былъ склоненъ къ увлеченію. Эта способность и дѣлала изъ него такого разносторонняго мастера, какимъ онъ былъ. Онъ любилъ «доходить», достукиваться, любилъ покорять своимъ рукамъ сначала будто совсѣмъ и несвойственное имъ дѣло. Вообще отъ природы онъ былъ скорѣе лѣнивъ, а въ особенности мало постояненъ. Но все новое было для него чрезвычайно заманчиво. Ему было чрезвычайно пріятно сознавать, что все-то ему доступно, ничто не можетъ затруднить. Это тѣшило его самолюбіе и позволяло ему не бояться нужды и презирать другихъ людей, безпомощныхъ помимо своего спеціальнаго дѣла.

«Доходя» онъ работалъ страстно, но научившись дѣлу, понявъ его, онъ тотчасъ же и самое это дѣло какъ бы презиралъ, за его легкость, за свою легкую побѣду надъ нимъ.

Въ сущности, чувство любви ему было совершенно недоступно какъ къ людямъ, такъ и къ труду.

Себя онъ любилъ, себя любилъ тѣшить—и только.

Это-то и не давало ни на чемъ сосредоточиться и это же мѣшало ему уживаться съ людьми.

Зависть его точила всегда, зависть, спутанная съ презрѣніемъ. Онъ озлоблялся на товарищей, вѣчно хотѣлъ унизить ихъ, показать имъ свое превосходство. Люди же въ свою очередь и его только презирали.

И онъ сбивался съ толку, строилъ каверзы, наушничалъ, вслѣдствіе чего самъ и платился въ концѣ концовъ.

Новизна послѣдняго дѣла, такъ легко исполненнаго имъ и такъ щедро вознаградившаго его, невольно привлекала его къ себѣ.

Ему не хотѣлось видѣть въ немъ только мимолетный случай; сознаніе говорило ему, что нѣтъ, это не только случай, это не то, что какая-нибудь находка; это дѣло, которое другіе постоянно дѣлаютъ, какъ, напримѣръ, и баринъ: онъ постоянно пишетъ, постоянно все что-то записываетъ и затѣмъ обращаетъ свою исписанную бумагу въ деньги.

И Григорій невольно допытывался:

— Пѣсни вотъ эти велѣлъ записать, и не иначе, конечно, какъ для печати. Но понадобилось почему то только, именно, эти, пѣсни напечатать. Значитъ, и вообще ихъ печатаютъ. А пѣсенъ пропасть. Записывать ихъ онъ, Григорій, можетъ, очевидно, не хуже барина. Значитъ...»

И онъ жадно потиралъ руки:

— Вѣрно, само собой!... Стой, баринокъ, никакъ ты, наконецъ, и въ самомъ дѣлѣ меня на настоящее дѣло толкнулъ. Стой, надо доходить, надо все это какъ слѣдуетъ продумать».

Совѣтоваться ему было не съ кѣмъ, да и не любилъ онъ обращаться за помощью къ людямъ.

— Зачѣмъ?... Еще и другіе грамотѣи за то же примутся. Нѣтъ, помалкивать надо».

И новизна работы влекла его уже и сама по себѣ. Писать, обращаться съ перомъ и бумагой стало его прямымъ желаніемъ.

Манила его особенно и чистота, благородство дѣла: не мастерство какое-нибудь мужицкое, а самое-то господское занятіе.

«Что-жъ, въ добрый часъ, значитъ,—сказалъ онъ самъ себѣ,—чего мы на свѣтѣ не дѣлали!... Попытка—не пытка!...»

Но какъ же нужно было начинать? Да, какъ? Пѣсенъ онъ и самъ знаетъ не мало. Записать пока хоть изъ нихъ тѣ, что покажутся лучшэ?

А тамъ и отправить ихъ къ барину. Письмо, конечно, ему написать при этомъ этакъ пообстоятельнѣе: «хочу, молъ, поработать; если какія пѣсни окажутся негодящими, можно другими будетъ обмѣнить; ну, молъ, а деньжонокъ во всякомъ разѣ пожалуйте,—потому, молъ, все разныя несчастія...»

И говоря себѣ все это, Григорій чувствовалъ, что въ сущности за этимъ еще что-то таится: только вѣдь начать дѣло, только приступить, а тамъ оно само во всей своей глубинѣ объявится.

День Григорій проработалъ: привезъ на наемной лошади свой овесъ съ поля; даже помолотилъ рожь съ бабами. Но только стало смеркаться, ушелъ въ избу, примостился подлѣ лампочки и взялся за свою тетрадь съ перышкомъ.

И весело, смѣшно ему было какъ-то: точно вотъ баловаться онъ это садится, анъ нѣтъ, совсѣмъ не то.

Рѣшительности въ немъ было довольно. Сказавъ себѣ, что раздумывать надъ выборомъ пѣсенъ долго нечего, а надо писать да писать ихъ, какая ни придется, а тамъ ужъ впослѣдствіи лучшія сами собой выберутся, онъ смѣло приступилъ къ дѣлу.

До ужина онъ успѣлъ написать что-то съ десятокъ пѣсенъ. Поужинавъ, важно сказалъ своимъ:

— Вы ложитесь, а я писать стану.

И опять заскрипѣлъ перомъ.

Сначала онъ сталъ было писать, какъ сдѣлалъ это и раньше, сплошь заполняя строки, какъ бы прозой, но затѣмъ, къ собственному удовольствію своему спохватился, что это неправильно: вѣдь это пѣсни, ихъ, какъ стихи, надо писать, обрывками.

И наткнувшись на эту мысль, онъ почувствовалъ, что что-то надо понять, что въ пѣсняхъ есть извѣстный размѣръ, согласно которому и строки слѣдуетъ дробить.

Онъ сталъ вдумываться, то напѣвая вполголоса, то только вслухъ произнося фразы, такъ и сякъ пріударяя голосомъ на отдѣльныхъ словахъ и ихъ слогахъ.

Нѣтъ, дѣло что-то плохо поддавалось.

«Чортъ,—подумалъ онъ,—это оттого, что въ нихъ и складу мало, и риѳмы нѣтъ».

— Вотъ такое само собой покатится.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной,
Тихія долины
Полны свѣжей мглой.

— Да, тутъ все явственно.

И онъ уже сталъ было набрасывать и это стихотвореніе, но опять спохватился:

— Стой, да вѣдь это не того, это не пѣсня, а стихотвореніе, я его по книжкѣ въ школѣ выучилъ.

Онъ пробѣжалъ написанное и сообразилъ, что и въ немъ многое взято изъ книжекъ:

— Вотъ вѣдь и «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», и «Ахъ, вы сѣни мои сѣни» тоже записалъ...

Самъ онъ ихъ въ пѣсенникѣ читывалъ.

— Ну, штука—сказалъ онъ себѣ вслухъ:—какъ же это ихъ угадать, печатаны онѣ или не печатаны?

Онъ подумалъ и снова.

— А ежели пофальшивить этакъ съ ними, поизмѣнить нѣсколько, чтобы не узнали...

И эта мысль понравилась ему.

— Вѣрно! Еще и покрасивѣе можно сдѣлать, риѳмой этакъ подправить, вотъ какъ у Пушкина или Лермонтова.

А на риѳму онъ мастакъ! Риѳмой, бывало, онъ прямо изводилъ всѣхъ на барскомъ дворѣ. Дадюшка Тихонъ, съ того свѣта спихань! Горничная Фекла поварова свекла!

Знакомая радость охватила его; какъ будто достукивается, покоряетъ себѣ тайны новаго дѣла.

— Да чего тамъ подправлять,—взять да и написать заново.

Онъ самъ чувствовалъ, что это ужъ черезчуръ что-то дерзко для перваго раза. Но только засмѣялся на это сознаніе: чего тамъ, гдѣ наше не пропадало!

— Но что именно писать, какъ, о чемъ?... Стой,—сказалъ онъ себѣ,—надо какъ слѣдуетъ во все вглядѣться.

Онъ всталъ, досталъ изъ своего сундучка подаренную ему когда-то Тихорѣцкимъ хрестоматію и погрузился въ чтеніе помѣщенныхъ въ ней стихотвореній. Долго читалъ онъ, жадно что-то отмѣчая карандашомъ въ записной книгѣ.

— Такъ, наконецъ,—сказалъ онъ себѣ,—всѣ они, главнымъ дѣломъ, какъ бы на три разряда разваливаются: либо насчетъ божественнаго, вродѣ «Ангелъ» у Лермонтова, либо насчетъ страшнаго, какъ «Утопленникъ», а либо насчетъ одной пустяковины, какъ всѣ эти «Птичка Божія не знаетъ» или «Вчера я отворилъ темницу». А то еще басня есть, эта, значитъ, съ поученіемъ.

Онъ почувствовалъ, что какъ будто бы постигъ и всю премудрость всѣхъ этихъ писателей и даже слегка уже презиралъ ихъ, какъ побѣжденныхъ.

Ничего такого особеннаго. И наврядъ, чтобы и ему такъ не написать.

— Ну, чего же тамъ?... Эхъ, горбунокъ, ну-ка, понатужься.

Онъ подумалъ и изобрѣлъ:

— Вотъ чего написать. Отшельникъ это въ лѣсу спасается. И ходитъ его бѣсъ смущать. А онъ ему не дается. И бѣсъ ни съ чѣмъ всякій разъ отваливается.

И онъ приступилъ къ работѣ. Минутъ черезъ сорокъ стихотвореніе было готово: въ пустынѣ, подъ хладною мглой сидѣлъ старецъ, покрытый сѣдиной и т. д.

Онъ перечелъ его вслухъ и прямо-таки удивился:

— Футы, чертовщина, да вѣдь ни чѣмъ не хуже хоть бы и этого господина Лермонтова: «по небу полуночи!...» У него-то и не поймешь ничего путемъ, а тутъ одной божественности не оберешься!

И возликовалъ Григорій, и какъ всегда злобно, злорадствуя:

— А! Погодите, еще не то будетъ. Дайте руку-то понабить какъ слѣдуетъ.

И по свойственной его натурѣ страсти, Григорій весь предался своему новому дѣлу.

Временами онъ какъ бы просыпался, говоря себѣ: ой, не слишкомъ ли ты это ужъ хватаешь? Писателемъ вѣдь хочешь быть? Ой, такъ бы вѣдь и всѣ стали писать и огребать себѣ золото лопатой.

Но тутъ же онъ и возражалъ себѣ:

— А тѣ пѣсни, которыя такъ понравились барину, кто сочинялъ? Мужики же, да еще въ старину, когда народъ вообще еще глупѣе былъ. Пословица не даромъ говоритъ, что не боги горшки обжигаютъ. Такъ,—снова разсуждалъ онъ,—но вѣдь такъ бы, пожалуй, и всѣ бы стали писать. Почему же не пишутъ-то? Почему? Стало быть, либо въ лобъ не влетаетъ, либо не могутъ.

Онъ зналъ, помнилъ, что у писателя долженъ быть особенный талантъ, что писателемъ прямо родиться надо. Ну, и что-жъ такое, почему же и у него не быть такому таланту?... Вонъ баринъ пишетъ же, а что онъ, чѣмъ такъ ужъ онъ отличается отъ обыкновенныхъ людей,—только обучался всякой штуковинѣ, а и уменъ-то ни Богъ вѣсть какъ: вѣритъ вонъ всѣмъ, какъ малый ребенокъ, обмануть его ничего не стоитъ, всѣхъ, какъ солнышко, обогрѣть норовитъ. Гдѣ же тутъ умъ. Нѣтъ, значитъ, талантомъ беретъ. Пишетъ себѣ, да и баста.

Зналъ Григорій еще со временъ школы и про Ломоносова и Кольцова.

— То-то и оно-то! Видно не даромъ и то, что мужикъ сѣръ, да умъ у него не волкъ съѣлъ. Доходи, значитъ, озоруй, да и вся не долга!...

X.

И Григорій цѣлые часы, а затѣмъ и цѣлые дни сталъ проводить въ своихъ поэтическихъ упражненіяхъ. Даже въ водкѣ не сталъ испытывать прежняго влеченія.

— На что она, зачѣмъ голову себѣ туманомъ заливать, когда и такъ и весело, и надежно?!

Писалъ Григорій все легче и легче. Особенно, если направлялъ себя по части такъ называемой имъ «пустяковины». Тутъ вѣдь все годится, все—хлѣбъ; увидалъ «березу» и закатывай: «печальная береза у моего окна»; ласточка летитъ,—хвать и ее за хвостъ: «ласточка примчалась изъ-за синя моря». Вали, значитъ, хватай безо всякаго стѣсненія.

Съ риѳмой онъ теперь уже совершенно сроднился, слова прямо какъ бы и рождались въ его представленіи своими окончаніями.

Глянетъ на столъ, видитъ—перо,—ро, и кто-то ужъ ему подсказываетъ: нутро, старо. Перо лежитъ, и опять риѳмы—жидъ, дрожитъ.

Побѣгалъ карандашомъ по бумагѣ,—и пустяковина готова:

На столѣ лежитъ перо,
Хоть и старо, да востро,
Хоть лежитъ, да не дрожитъ,
Какъ собака жидъ!...

Легкость процесса творчества особенно умиляла Григорія.

— Какъ же не талантъ? Развѣ всякому это доступно? Нѣтъ, другой-то хоть день просиди, да не сложитъ такъ.

Мать его съ женой проводили дни на поденной, а онъ посиживалъ себѣ въ избѣ на свободѣ и писалъ да распѣвалъ написанное.

Мать скорбѣла тайкомъ, глядя на его новое увлеченіе, но молчала,—благо пить-то хоть бросилъ.

Такъ проработалъ онъ недѣли двѣ. Бумаги уже купленной на базарѣ извелъ прямо дести. Сталъ, наконецъ, онъ подумывать: не пора ли отсылать кое-что изъ своихъ созданій. Для этого нужно было произвести выборъ, отдѣлить лучшее изъ матеріала. Онъ началъ читать, перечитывать и пришелъ въ замѣшательство: все какъ будто бы одинаково хорошо, каждое въ своемъ родѣ, какъ же тутъ выбирать?...

Пріостановилъ онъ свою творческую горячку.

И опять его начали брать сомнѣнія:

— А ну какъ все никуда не годится... Кто-жъ его въ самомъ дѣлѣ знаетъ?

Почувствовалось ему, что надо бы провѣрить себя, показать кому-нибудь свои работы.

Такъ, но кому? Онъ какъ-то инстинктивно чувствовалъ, что вѣрнѣе бы всѣхъ изъ окружавшихъ его людей могла бы оцѣнить произведенія изящной словесности учительница, которая вообще много читала и даже толстенный журналъ получала, но къ ней идти Григорій не рѣшался: во-первыхъ, онъ слишкомъ презиралъ ее за то, что она, дѣвка, имѣетъ нахальство учительствовать; а во-вторыхъ, въ силу его прежнихъ вторженій къ ней въ пьяномъ видѣ, она торжественно и разъ навсегда заявила ему, что не желаетъ его знакомства и въ случаѣ назойливости его обратится за помощью къ земскому начальнику.

Мужики, конечно, не могли быть судьями. И дѣлать нечего, скрѣпя сердце, Григорій отправился со своими бумагами къ батюшкѣ.

Тотъ опять принялъ его на порогѣ своего зальца. И опять предварительно очистилъ комнату отъ своихъ домочадцевъ.

— Стихи твои прослушать?—переспросилъ онъ.—Слыхалъ, слыхалъ я ужъ объ этомъ. Что же, оно ничего, прочти, только, братъ, того, смотри братъ, что бы не того, значитъ...

— Помилуйте, батюшка,—обиженно сказалъ Григорій,—я вамъ насчетъ божественнаго.

— А! Ну, ладно, читай, читай.

Григорій открылъ чтеніе своимъ пустынникомъ, покрытымъ сѣдиной.

Батюшка, за вѣчнымъ недосугомъ, едва успѣвалъ слѣдить за своими епархіальными вѣдомостями, стиховъ же еще со временъ семинаріи, которые онъ называлъ «стихвотворенія», прямо какъ-то стыдился.

— Такъ, такъ,—сказалъ онъ и теперь,—стихвотвореніе, значитъ... ничего, ничего... старайся; это лучше, чѣмъ безобразничать... Да, да, ну, еще что ли?

Григорій уже почувствовалъ, что мало ему будетъ пользы отъ батюшки, но тѣмъ не менѣе сталъ читать страницу за страницей.

Читалъ Григорій громко, но плохо, часто, срывчато, невольно какъ-то все сбиваясь на подражаніе самому священнику при его чтеніи въ церкви.

Батюшка послушалъ, послушалъ его:—да, какъ будто, и дѣйствительно «стихвотворенія»: риѳмы такъ и колотятъ, какъ градъ по окну...

и ему стало становиться какъ-то жутко: горбатый, пьяница и вдругъ ни съ того, ни съ сего взялъ да и записалъ, какъ будто бы баринъ какой-нибудь... Богъ съ нимъ совсѣмъ! Тяжелый, нудный, непутевый человѣкъ!...

И, ссылаясь на какое-то неотложное дѣло, батюшка перебилъ Григорія и выпроводилъ насколько могъ деликатнѣе:

— Послѣ, послѣ какъ-нибудь... А оно, дѣйствительно, и ранѣе бывали случаи: Ломоносовъ это, Кольцовъ, и еще какъ его... Да и нынче пишутъ, есть кто-то изъ народа... крупный писатель... какъ его?... Ахъ, забылъ... Послѣ, иди же себѣ со Христомъ!...

Григорій въ нѣкоторой степени былъ всетаки удовлетворенъ: священникъ, хоть, очевидно, и ничего не понимаетъ въ стихахъ, но все же не даромъ упомянулъ про Ломоносова.

Зашелъ онъ кстати къ пономарю. Но этотъ былъ съ похмелья и золъ.

— Что такое?—сталъ онъ кричать, выслушавъ покрытаго сѣдиной старца,—это ты откуда же взялъ, горбатый?... А? Нигдѣ я этого никогда не читывалъ. Врешь стало быть. Брешешь! Иступай себѣ, а то я, братъ, тебѣ по горбу-то насыплю.

Плюнулъ Григорій и возвратился домой.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ себѣ,—что мнѣ себя унижать зря. И Ломоносова не въ Холмогорахъ признали. Перепишу себѣ еще разикъ, что не пришлось, да и въ Москву: авось баринъ поумнѣе попа съ пономаремъ окажется.

Дома сидѣлъ онъ надъ письмомъ къ Тихорѣцкому, такъ какъ никакъ не могъ найти соотвѣтствующій случаю тонъ: то выходило слишкомъ ужъ просительно и по мужицки, то слишкомъ развязно; а чувствовалось, что написать надо умственно, тонко, чтобы баринъ тутъ-то и узналъ бы своего Григорія во всей-то его правдѣ-истинѣ.

И такъ и не добился своего Григорій; самъ чувствовалъ, что всетаки принизился въ своей просьбѣ поскорѣе прислать ему деньжонокъ, да ничего не могъ подѣлать,—привычка. Такъ и махнулъ онъ, наконецъ, рукой:

— Эхъ, вывози, кривая!

XI.

На другой день Григорій лично сдалъ на почту, заказною бандеролью, какъ дѣлалъ это раньше съ рукописями Тихорѣцкаго, свою собственную рукопись, заключавшую въ себѣ десять стихотвореній, всего безъ малаго въ пятьсотъ строкъ.

Балагуръ писарь, съ разрѣшенія Григорія, прочелъ эту рукопись въ присутствіи самого старшины. Оба они выразили удивленіе, а писарь даже «вы» сказалъ Григорію, поразясь неожиданностью его творчества.

Григорій отнесся къ нимъ милостиво, даже руку было протянулъ на прощаніе старшинѣ, за что тотъ его тутъ же и осадилъ.

— Ну, ну, тамъ когда-то еще что будетъ, а покедова за это вашего брата и по горбу можно.

Григорій только плечами пожалъ презрительно.

Дома онъ почувствовалъ себя какъ-то странно: точно что-то потерялось, чего-то не хватало. Подумалъ онъ было, не сѣсть ли ему снова за свое обычное теперь занятіе, но тутъ же почувствовалъ, что нѣтъ, надо передохнуть, а можетъ быть даже и дождаться предварительно отвѣта на то, что уже послано.

Въ саду Тихорѣцкаго шли обычныя осеннія работы.

Окапывались и освобождались отъ лишнихъ попорченыхъ суковъ и вѣтвей яблони, прочищались и подстригались ягодныя кусты, пересаживались тѣ и другія молодыя деревца и т. д.

Всѣ эти работы хорошо были извѣстны Григорію, такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, желая сдѣлать изъ него садовника, Тихорѣцкій лично посвящалъ его въ нихъ.

И Григорія такъ и потянуло теперь въ этотъ садъ.

Онъ досталъ лопату и отправился.

Товарищи приняли его съ обычною насмѣшливостью, но садовникъ былъ очень радъ ему, такъ какъ видѣлъ въ немъ своего прямого помощника.

Работѣ онъ предался барски-ретиво, что называется «въ охотку», какъ любитель, а не профессіоналъ.

Облетавшій и съ перваго взгляда какъ будто бы и грустно улыбавшійся садъ ему говорилъ въ тайнѣ совсѣмъ другое.

Шопотъ кронъ, шелестъ листьевъ уже оброненныхъ на землю говорили ему какъ о прошломъ, такъ и о будущемъ, и если о прошломъ съ сожалѣніемъ и даже съ укоромъ, то о будущемъ—хоть и съ недомолвками, но чрезвычайно ласково и многообѣщающе. Деревья сбрасывали съ себя свои желтые, красные или сизые листья какъ-то небрежно, даже щегольски-весело, безъ всякаго сожалѣнія къ нимъ.

И Григорій зналъ, что въ сущности онѣ совершенно правы, что грусть тутъ совсѣмъ неумѣстна: опадало старое, уже отслужившее, но вмѣсто него уже набирали силы молодыя, свѣжія почки, таящія въ себѣ будущіе листья и цвѣты, а затѣмъ и плоды. Онъ зналъ, что ничто въ этомъ саду отнюдь не разрушается, но, наоборотъ, все за-

пасается новыми силами съ тѣмъ, чтобы послѣ зимняго отдыха, при первомъ призывѣ весны, вздохнуть всей грудью и зацвѣсти и заблагоухать въ обновленной мощи.

Солнце свѣтило мягко. Воздухъ былъ прозраченъ и какъ-то особенно по осеннему звонокъ, особенно бережливъ по отношенію всякихъ звуковъ.

То и дѣло по воздуху носились длинныя, золотящіяся на солнцѣ паутинки; цѣплялись къ платью, къ вѣтвямъ, наплетались другъ на друга, сбиваясь въ бѣлые комочки и опять уносились при наплывѣ вѣтра.

Вскапываемая земля была рыхла, сочна и черна, какъ сажа; желтые листья на ней, особенно если на нихъ случались водяныя капельки, сіяли какъ золото.

Сладко-горьковатый ароматъ и бодрилъ и нѣжилъ.

Григорій ни на минуту не забывалъ, что садъ этотъ именно Тихорѣцкаго, который казался ему теперь чѣмъ-то вродѣ его старшаго брата, добраго, умнаго, всей душой понимающаго его.

Временами ему такъ и представлялось, что вотъ-вотъ и онъ появится въ своемъ возлюбленномъ саду, весь стройный, изящный со своей безвременно посѣдѣвшей кудрявой головой и тихой конфузливой рѣчью.

Не трудная, жадно-спорившаяся работа, бодрила Григорія, повергала его временами въ какой-то дикій восторгъ.

И вдругъ, весь выпрямляясь и запрокидывая голову, онъ громко, на весь садъ гоготалъ.

Товарищи окликали его, называли жеребцомъ, лѣшимъ, но тутъ же и сами принимались гоготать не хуже его.

И послѣ такихъ гоготаній въ саду становилось какъ-то еще веселѣе, бодрѣе, надежнѣе.

Это какъ бы сама осень покрикивала, добрая, съ лѣтнимъ запасомъ въ закромахъ, съ зимнимъ отдыхомъ и обѣщаніемъ послѣ него живительной, благодатной весны.

Такъ сталъ проводить Григорій день за днемъ.

Работалъ онъ изъ всѣхъ силъ, прямо изнурялъ себя работой, но зато душа пребывала на полномъ покоѣ и отдыхѣ. Ему не хотѣлось ни думать, ни заглядывать въ будущее; хотѣлось только обливаться потомъ, освѣжаться затѣмъ на душистомъ осеннемъ вѣтеркѣ и опять работать, съ тѣмъ, чтобы, дорываясь до постели, засыпать, падая, какъ ключъ въ воду.

Въ отношеніи матери, жены онъ велъ себя тихо, степенно, не хвастаясь, не стращая, говоря вообще мало, только по необходимости.

Фима просто не узнавала его. Надежда зацвѣтала въ ея душѣ. Но старуха была опытнѣе и только помалкивала въ отвѣтъ на разспросы невѣстки: какъ-де, да какъ именно нужно понимать такую перемѣну въ Григоріи.

XII.

Прошло болѣе двухъ недѣль.

«Однако пора бы отвѣту придти,—стало все чаще и чаще щемить сердце Григорія,—тогда-то живо обернулъ. Вѣдь какъ я ему приказывалъ, какой не какой, молъ, отвѣтъ, да поскорѣе».

Снова сталъ онъ хмуриться и топырить свои толстыя губы, садъ утрачивалъ для него свою прелесть, работа пріѣлась. Покопается въ землѣ, отброситъ заступъ и начнетъ вертѣть и затѣмъ раскуривать папиросу, медленно такъ, съ разстановками.

Скоро и работа въ саду прекратилась. Новой, подходящей не оказывалось подъ руками, искать было лѣнь, не стоило. Мастерить же что-нибудь дома было какъ-то противно. И Григорій больше все бродилъ безцѣльно, куда глаза смотрѣли. Ожиданіе давало себя знать все мучительнѣе и мучительнѣе. Почта приходила въ сосѣднее село два раза, въ понедѣльникъ и въ пятницу. И Григорій сталъ по этимъ днямъ обязательно заходить въ волостное правленіе.

Шутникъ писарь далъ ему прозвище «Горбатый Пушкинъ» и вмѣстѣ со старшиной всячески изощрялъ свое остроуміе по поводу его тщетныхъ ожиданій.

— Письмеца все ждешь?... Письма нѣтъ, а вотъ книгъ цѣлая кипа пришла, гляди не твои ли сочиненія это ужъ отпечатаны.

Ругаться въ волостномъ было небезопасно, и Григорій поневолѣ молчалъ, но зато все охотнѣе и охотнѣе развязывалъ себѣ языкъ дома. Сталъ, затѣмъ, и попивать, какъ прежде.

Молчаніе Тихорѣцкаго онъ объяснялъ по своему.

— Зависть взяла. Какъ это осмѣлиться: горбачъ мужичонка и туда же въ калачный рядъ со свинымъ-то рыломъ. Жалѣть-то они, такіе блаженненькіе, рады, скусно имъ это, а какъ честь надо воздать человѣку, наравнѣ съ собой почувствовать, тутъ у нихъ и не хватаетъ кишки; тутъ, значитъ, не знаютъ, какъ и приступиться къ нему, и въ бѣжки отъ него, въ молчанки играть для всякаго случая.

Такъ говорило самолюбіе Григорія, но въ то же время въ глубинѣ его сердца ныла и другая нотка.

— Хоть бы деньжонокъ какую ни на есть малость прислалъ,

вѣдь сколько времени-то на эти писанія даромъ потрачено. Самъ же взманилъ, самъ въ стихи эти втиснулъ.

Онъ злился уже и на самые эти свои стихи: чортъ ли въ нихъ, если вмѣсто денегъ отъ нихъ только одна мука выходитъ.

Какой-нибудь истинной цѣнности онъ никогда имъ не придавалъ, какъ и вообще литературнымъ произведеніямъ.

Не зналъ онъ и теперь, что собственно они представляютъ изъ себя: наврядъ, чтобы ужъ особенно плохи; ну, а кто-жъ ихъ тамъ знаетъ, можетъ, и не потрафлено по ихнему.

И онъ снова возвращался къ Тихорѣцкому: такъ ты бы и разъяснилъ, что и какъ; поучилъ бы, указалъ, что да что не годится.

И снова ему казалось, что совсѣмъ они не плохи, коли баринъ молчитъ: нѣтъ, смутился, зависть взяла, хлѣбъ хочетъ отбивать, горбачъ проклятый!... Шишъ же, молъ, тебѣ, жди да жди у моря погоды.

И, наконецъ, надумалъ Григорій попробовать обойтись безъ Тихорѣцкаго въ своемъ дѣлѣ: прямо отъ себя стихи въ журналы послать. Вѣрно, что такъ надо дѣйствовать, говорилъ онъ себѣ, а какъ возьмутъ это, напечатаютъ, то-то онъ рожу-то состроитъ!

И Григорій, въ новомъ увлеченіи, заранѣе торжествовалъ и злорадствовалъ.

Непріятно ему было возвращаться къ бумагѣ и перу, презиралъ онъ теперь всѣ эти барскія дурацкія стихотворенія. Но дѣлать нечего, онъ скрѣпился духомъ и засѣлъ. Перечелъ все старое, выбралъ, подправилъ и переписалъ особенно тщательно.

Какъ именно и въ какіе изъ журналовъ направлять матеріалъ, онъ плохо сознавалъ. И въ этомъ дѣлѣ рѣшилъ посовѣтоваться съ писаремъ. Тотъ, выслушавъ его, посмѣялся по своему обыкновенію, но за бутылку водки обѣщалъ помочь ему.

Потолковали за водочкой, выбрали два толстыхъ журнала, два еженедѣльныхъ и одну газету.

— Стучаться, такъ ужъ по всѣмъ дверямъ, — поучалъ писарь, — можетъ и найдется какой добрый человѣкъ, пріютитъ, значитъ. Написали «отношенія» къ гг. редакторамъ-издателямъ, величая ихъ для пущей вразумительности ихъ превосходительствами, подпись подъ стихами выставили «Горбатый Пушкинъ», не забыли приложить подробный адресъ автора, упаковали, все какъ слѣдуетъ, и отправили.

Раньше мѣсяца отвѣта Григорій не предвидѣлъ и твердо рѣшилъ не мучиться до времени ожиданіями.

Кстати и работенка ему навязалась порядочная. Знакомый столяръ получилъ заказъ заново отдѣлать одинъ господскій домъ для новобрачныхъ и звалъ Григорія себѣ въ помощники. Григорія прельстило,

главнымъ образомъ, разнообразіе работъ. Ушелъ онъ изъ своего села, поселился въ самомъ отдѣлывающемся домѣ. Столяръ былъ усердный работникъ, но и водкой не брезговалъ. Компанія вообще при этой работѣ подобралась теплая, и Григорій чувствовалъ себя среди нея, какъ сыръ въ маслѣ. Пили на порядкахъ, но аккуратно, не позволяя себѣ черезчуръ роскошествовать. Такъ и еще мѣсяца съ полтора пробѣжало.

При окончательномъ разсчетѣ Григорію получить пришлось всего рубля три, такъ какъ и аккуратное пользованіе виномъ, въ общей сложности, оказывалось не дешовымъ, да и по частямъ раньше забиралось.

XIII.

Возвратился Григорій въ свою темную избушку. Послѣ барскихъ, блестящихъ новыми обоями и лаками хоромъ, ея убожество было особенно ощутительно. Мать съ вѣчнымъ скрипомъ и вздохами, больная, унылая жена то же мало радовали. Хлѣбъ лѣтній былъ уже весь обращенъ въ муку и на половину уже вышелъ.

Дѣйствительность говорила о себѣ черезчуръ мрачно. Чувствовалось Григорію, что совсѣмъ-то дрянь его дѣлишки, что достаточно ему ублажать себя всякими бахвальствами и мечтаніями о будущихъ благахъ, что смириться, наконецъ, надо да и работать, не покладая рукъ.

Работать? А гдѣ ему взять настоящей-то работы? Лампы попу запаивать, да сбруи или ведра чинить мужикамъ, много ли тутъ настукаешь? На сторону если куда-нибудь идти,—одежи, прежде всего, нѣтъ крѣпкой, да и на сторонѣ-то не скоро дѣло объявится. А впереди цѣлая зима!...

— Да и весна-то что еще скажетъ,—засматривалъ онъ и дальше,—вѣдь баринъ-то недаромъ молчитъ, вѣдь, теперь обидѣвшись, и на глаза, пожалуй, къ себѣ не пуститъ. О, дьяволъ, и нужно было этими пѣсенками душу-то оплетать!

Но прицѣпка къ надеждѣ все еще существовала.

— Почемъ знать? Придетъ это почта, и сразу все вверхъ дномъ перевернетъ.

И онъ ждалъ и ждалъ, и вольно и невольно ждалъ; вольно, убѣждая сознательно себя въ томъ, что, въ сущности, ожиданіе его вполнѣ исполнимо; и невольно, цѣпляясь за надежду къ своему выходу изъ бѣды, какъ утопающій за соломинку. И чѣмъ больше онъ ждалъ, чѣмъ острѣе и страшнѣе становилось у него на душѣ, тѣмъ въ

то же время и вѣра въ исполненіе желаемаго у него все болѣе и болѣе разгоралась: ощущалось уже прямо требованіе, чтобы дѣло, наконецъ, совершилось, что сама справедливость, наконецъ, требуетъ этого! Больше вѣдь некуда податься, не гибнуть же въ самомъ дѣлѣ, не съ голоду же дохнуть...

Зима стала ранняя, безъ снѣга, вѣтряно-холодная. Работы не наклевывалось никакой. Пить, чтобы хоть на часокъ забыться, было не на что. Праздность и сама по себѣ мучила и душу и тѣло. Угнетенность даже предаваться злобѣ не давала. Скука, тоска прямо на смерть давили.

А тутъ еще староста сталъ каждый день приставать съ требованіемъ недоимокъ.

Недоимки платить—рубли, а мать о соли подняла вопросъ:

— Гришанюшка, сольца-то вся доходитъ; растарался бы гдѣ, родименькій!...

— Корову продать, одно остается,—сказалъ, наконецъ, Григорій.

Старуха захлипала. Фима только молокомъ и поддерживала свое существованіе... Вышла она изъ избы и пошла голосить надъ своей кормилицей.

И на другой же день Григорій спровадилъ корову на базаръ. Вернулся уже къ вечеру, сильно пьяный съ полуведерной бутылью водки и сразу же сталъ всячески бахвалиться и озорничать. Мать требовала, чтобы онъ передалъ ей деньги, вырученныя за корову, силой начала пытаться вырвать ихъ у него. Онъ пришелъ въ неистовство, побилъ мать, а затѣмъ и до Фимки дорвался. Мучилъ, колотилъ, измывался надъ ней всячески, изощряясь во всевозможномъ цинизмѣ и вмѣстѣ проклиналъ ее, какъ погубительницу всей своей жизни.

Та по утру, несмотря на всѣ усилія, не могла подняться съ лавки.

Григорій, очнувшись, постоялъ надъ ней, поприглядѣлся къ ея блѣдному, полупрозрачному лицу, съ выраженіемъ мольбы и невольнаго укора и зашепталъ какія-то неопредѣленныя утѣшенія; въ душѣ же почувствовалъ страстное желаніе бить ее еще и еще, какъ бы по какой-то необходимости, чуть ли не подолгу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ, что и запить ему необходимо, окончательно, какъ бы затопиться въ винѣ.

Онъ довольно опредѣленно чувствовалъ, что имѣетъ какъ бы полное право на это; какъ чувствовалъ это и вчера, послѣ разлуки со своей коровой, вслѣдствіе чего тутъ же и пріобрѣлъ себѣ подобающій случаю запасъ вина.

— Опохмелиться!—сказалъ онъ матери.

Мать, запрятавшая бутыль, не хотѣла ему ее давать, но не устояла въ концѣ-концовъ.

— На, на, давись, захлебнись ей проклятущей.

Онъ выпилъ чашку, двѣ, три и потерялъ сознаніе, которое почти не возвращалось къ нему и во многіе послѣдующіе дни. Не давать ему водки было невозможно, такъ какъ онъ хватался за ножъ или топоръ, душилъ себя веревкой, бился лбомъ о стѣну со всего размаху. И мать махнула, наконецъ, рукой: будь, что будетъ. Стала она ходить по сосѣдямъ, къ старостѣ, къ старшинѣ, къ священнику, жалуясь на сына. Но безобразія Григорія никого не удивляли, и никто не откликался на нихъ ничѣмъ существеннымъ, такъ какъ всѣ и сами его отчасти побаивались: отчаянный человѣкъ! Озли его,—ему и «пѣтуха» пустить подъ крышу ничего не стоитъ. Фима отъ вѣчныхъ побоевъ и всяческихъ издѣвательствъ со стороны мужа стала походить на сумасшедшую, кричала и визжала, какъ кликуша. На нѣкоторое время она вырывалась изъ дому, прячась у сосѣдей, но тѣ подолгу держать ее опасались: хворая, на ладонъ дышетъ, еще помретъ невзначай. И поневолѣ ей приходилось возвращаться въ домъ своего палача.

И онъ злой, но умный человѣкъ, несмотря на бушевавшій въ его головѣ хмель зналъ, сознавалъ, какъ бывало это и прежде, что именно онъ дѣлаетъ со своей жертвой, зналъ, что прямо на смерть ее заколачиваетъ.

Такъ ему это было нужно, словно бы и помимо его воли; женщина такая, какъ она, съ ея чистотой, съ ея жалостью, была слишкомъ большимъ контрастомъ по сравненію съ нимъ. Онъ завидовалъ ей въ ея прошломъ, ревновалъ ее къ нему; зналъ, что ни самъ не можетъ ей дать ничего похожаго на счастіе, ни отъ нея ничего добнаго не въ состояніи получить; въ ней, въ качествѣ его, горбачевой, жены ему чувствовалось, какъ бы олицетвореніе нелѣпости своей собственной судьбы; и она самой же судьбой была отдана ему въ жертву.

Жертва, вся въ его волѣ, не протестующая, хилая, болѣзненная... Обращаться съ ней грубо, безстыдно, бить, наказывать ее было полнѣйшимъ безуміемъ, чѣмъ-то какъ будто бы и совершенно невозможнымъ, несовмѣстимымъ съ самымъ существованіемъ ея; но фактически это было вполнѣ возможно, она была его рабой; и онъ билъ и билъ ее, захлебываясь отъ сознанія всей своей безпощадности, всего своего мужицкаго, горбачевскаго звѣрства.

Послѣднее время, иногда, пользуясь минутами его отрезвле-

нія, она, повинуясь какому-то отчаянію, не могла сдерживаться, чтобы не говорить ему:

— Слушай-ка, ты, давно я тобой загублена; будетъ же, оставь... Ничего ты не боишься, но вѣдь Онъ-то все видитъ, отъ Него никуда не схоронишься!...

И Григорій невольно отступалъ отъ нея. Онъ зналъ, что Богъ на ея сторонѣ и боялся этого Бога, въ полномъ смыслѣ слова, боялся его, какъ чего-то до ужаса непостижимое для его души. Страшно вымолвить, но это такъ; если бы заглянуть въ самую глубь его темной души, то стало бы ясно, что душа эта человѣческая страшится Бога, какъ силы непонятной, которая, не давая ей ни минуты отрады на землѣ, и въ будущемъ грозитъ чѣмъ - то невѣдомо - ужаснымъ. Переродиться душевно въ Фиму онъ не могъ, не имѣлъ ни малѣйшей возможности; задавленный своими горбами, онъ не смѣлъ взглянуть на Христа; и божество было для него только страхомъ и страхомъ.

Понятно, что такое познаніе своихъ отношеній къ Богу въ мужикѣ Григоріи не могло быть осмысленнымъ; нѣтъ, оно только едва мерцало среди потемокъ его души, но тѣмъ болѣе губительно оно дѣйствовало этой своей неясностью, недоговоренностью на все его человѣческое существо.

И Григорій продолжалъ неистовствовать.

Впрочемъ, полуведерной хватило не болѣе, какъ на пять дней. Заговѣться пришлось уже по необходимости. Григорій мучился нестерпимо и выбивался изъ всѣхъ силъ, чтобы изобрѣсти способъ пріобрѣтенія вина. Но тщетно. День казался до безконечности длиннымъ, и ночь не принесла покоя. Все его тѣло ныло, болѣло; сна не было, все что-то пугало, заставляло вздрагивать.

IV.

Утромъ старуха пошла молотить на помѣщичій дворъ.

Фима лежала на печи и слабо стонала во снѣ. Григорій слушалъ ее и говорилъ себѣ, что надо встать и помолиться; но прямой потребности въ молитвѣ не было; тоска все по томъ же винѣ говорила о себѣ гораздо ощутительнѣе.

Въ избу вошелъ одинъ изъ мужиковъ, служившихъ на помѣщичьей усадьбѣ:

— Эй, баринъ тебя къ себѣ требуетъ!

— Ну? Аль пріѣхалъ.

— Ночесь. Староста ажъ чуть не померъ со страстей. Ну, командуй, что ли!

Григорій чувствовалъ себя тоже какъ бы обмершимъ отъ неожиданности. Вскочилъ онъ, умылся наскоро, причесался, надѣлъ валенки, полушубокъ.

Сани, дожидавшіяся у избы, скрипнули по свѣжему уплотненному морозомъ снѣжку и быстро помчали Григорія.

Тихорѣцкій, все тотъ же, что и прежде, стройный, худощавый, въ своихъ безвременно посѣдѣвшихъ кудряхъ, встрѣтилъ его на порогѣ кабинета, близъ жарко топившагося камина.

— Григорій, — заговорилъ онъ своимъ страннымъ, застѣнчивымъ тономъ,—голубчикъ, что это ты?... Какъ это ты?... А?... Что тебя надоумило?

— Это насчетъ чего-съ?—какъ-то невольно, будто бы копируя самого же себя въ чемъ-то далекомъ прошломъ, спросилъ Григорій.

— Да вотъ съ этими твоими стихами. Ты прежде всего прости меня. Но меня все это время не было въ Москвѣ и только третьяго дня я, наконецъ, набрелъ на твою корреспонденцію.

Въ душу Григорія точно весной пахнуло.

— Что же скажете?—быстро спросилъ онъ.

— О твоихъ стихахъ?

Тихорѣцкій пристально и со страданіемъ посмотрѣлъ въ раздувшееся отъ пьянства лицо злополучнаго автора и безпокойно заходилъ:

— Да неужели ты, дѣйствительно, все это въ серьезъ? Помилуй, вѣдь это никому не дается такъ, сразу... И откуда ты надумалъ?... Я что ли натолкнулъ тебя на эту несчастную мысль своимъ порученіемъ о пѣсняхъ?

— Вродѣ того-съ,—какъ-то въ одно и то же время и прямо по дурацки простодушно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно ядовито отрѣзалъ Григорій, копируя своей горбатой фигурой вытягивающагося передъ начальствомъ солдата.

Лицо Тихорѣцкаго подернулось и болью, и досадой.

— Я такъ и понялъ это,—сказалъ онъ, избѣгая смотрѣть на этого снова, какъ и всегда, ломавшагося передъ нимъ и страдавшаго человѣка. —И пойми, что я очень каюсь за свою оплошность... Всю дорогу думалъ о тебѣ. Вѣдь ты, чего добраго, куда-нибудь и въ редакціи посылалъ?

— Совершенно вѣрно-съ.

— Ну, и что же?

— Въ аккуратѣ то же, что и отъ вашей милости.

И Григорій по какой-то застарѣлой привычкѣ при разговорахъ съ Тихорѣцкимъ почти непроизвольно гаерствовалъ, ухитряясь каждое словечко произносить съ особеннымъ эффектцемъ.

Тихорѣцкій, какъ хорошо это было извѣстно Григорію, не переносилъ этого юродства. Болѣзненно раздражался онъ и теперь и все больше, и больше.

— Ну, да, да,—говорилъ онъ, весь поеживаясь,—иначе и быть не можетъ. Помилуй, вѣдь ты едва-едва только полуграмотенъ, да и кромѣ того, ужъ что-что, а поэзія совершенно не по тебѣ. Ты знаешь, я цѣню въ тебѣ твой умъ, твои разнообразныя способности. Всей душой былъ радъ помочь тебѣ въ устройствѣ твоей жизни. Но, пойми, поэтической жилки, любви къ красотѣ, къ изящному въ тебѣ, то-есть нисколько нѣтъ... ничего подобнаго!... И я тебѣ отъ всего сердца совѣтую, поскорѣе и разъ навсегда забудь и думать о какомъ бы то ни было сочинительствѣ!

— Такъ-съ,—проговорилъ Григорій,—и больше ничего-съ?...

— А что? А чего же бы тебѣ такого!...

Тихорѣцкій еще разъ пристально присмотрѣлся къ его обезображенной горбами фигурѣ, къ его злымъ воспаленнымъ глазамъ и произнесъ почти шопотомъ:

— Крутишь, говорятъ, на всю пропалую. Жену совершенно извелъ?

— А вы слушайте больше,—какъ бы отъ всей души возмутясь сказалъ Григорій,—чахотка на ней, хоть и доктора призовите.

— Чахотка,—повторилъ помѣщикъ,—а не говорилъ я тебѣ, что тебѣ при твоемъ характерѣ нельзя, невозможно жениться.

Григорій неожиданно и крайне отвратительно осклабился:

— Чай, баба при всякомъ характерѣ нужна!

Тихорѣцкій вздрогнулъ и взвизгнулъ столь привычнымъ для Григорія дребезжащимъ, подернутымъ слезой, звукомъ:

— Молчать! Не смѣй, не смѣй юродствовать!...

Григорій какъ-то по черепашьи втянулъ голову въ свои горбы и выразилъ на лицѣ какъ бы полнѣйшее обалдѣніе.

— И теперь, и теперь юродствуешь!—опять крикнулъ Тихорѣцкій.—Не смѣй, говорю, ломаться!...

Григорій попятился. Тихорѣцкій снова заходилъ по кабинету.

— Вотъ что,—заговорилъ вновь,—измучилъ ты меня!... Пора мнѣ тебя узнать. Ты, что бы тамъ тебя къ этому не привело, но только и только животное... Вѣроятно, прямое мѣсто твое не среди порядочныхъ людей, а тамъ гдѣ-нибудь, на Сахалинѣ. Но... но разъ ужъ я такъ или иначе связался съ тобой, то... то мнѣ всетаки тебя жаль. И даже не жаль, а просто я считаю своей обязанностью сдѣлать, наконецъ, изъ тебя человѣка, хоть нѣсколько, хоть до извѣстной степени человѣка...

Григорій уже предвидѣлъ дальнѣйшее.

— Правда, что ты прямо чуть не до тла разорилъ свое хозяйство?—снова заговорилъ помѣщикъ.

— Есть маленько.

— То-есть такъ, что и жрать,—это слово помѣщикъ произнесъ особенно рѣзко и подчеркнуто,—такъ, что и жрать тебѣ нечего?

— Живы покудова.

— Не наясничать!—и быстро охватя своими бѣлыми, холеными руками заплатанный на полушубкѣ горбъ Григорія, онъ подтолкнулъ его къ образамъ:—Я дамъ тебѣ снова мѣсто на усадьбѣ, уплачу всѣ твои долги, но со слѣдующими условіями: хоть и пей временами, но никогда не опохмеляйся; затѣмъ жену и пальцемъ тронуть не смѣй; наконецъ, не лѣзь съ разными глупостями къ остальнымъ служащимъ, не наушничай на нихъ, не лги, не клевещи на нихъ! Можешь? Можешь ты мнѣ во всемъ этомъ поклясться?

— Могу, могу!—искреннимъ и слегка даже удивленнымъ тономъ вскрикнулъ Григорій и размашисто перекрестился.

Его глаза какъ-то по особенному ново уловили ликъ Христа, его благословляющую руку.

— Не буду!... И пить воздержусь!...—и затрясясь весь отъ сухихъ рыданій, онъ едва добавилъ:—сами вѣдь все понимаете: какъ по книгѣ читаете!

Помѣщикъ бѣгло побудоражилъ его желтоволосую голову и быстро отошелъ къ своему письменному столу:

— Ладно же. Еще потолкуемъ. Я, можетъ быть, всю зиму проживу здѣсь. Завтра же и переселяйся, чѣмъ именно, въ качествѣ чего—я сегодня же обсужу... А теперь...—Онъ уже взялся за ключъ одного изъ ящиковъ стола, но пріостановился:—Ничего? Дать тебѣ сколько-нибудь на самое необходимое? Не выйдетъ изъ этого какого-нибудь худа?

— Помилуйте!... Да я прямо вотъ матушкѣ ихъ!...

Тихорѣцкій уже каялся въ своемъ недовѣріи.

— На, возьми, и до завтра!

XV.

И съ тремя серебряными рублями въ сжатомъ кулакѣ Григорій тихо выплылъ изъ кабинета, оттуда въ сѣни, на дворъ и пошелъ, и покатился себѣ по снѣжку вглубь бѣлѣющаго поля.

— Ишь, какъ раскатывается ежъ, знать, сцапалъ-таки что нибудь съ барина,—закричали, завидя его, работавшіе на гумнѣ люди.

Онъ слышалъ ихъ, но только прибавилъ шагу. Зайдя же за лѣсокъ и почувствовавъ себя уже вполнѣ на свободѣ, онъ невольно остановился и, покрутивъ надъ головой шапкой, громко и протяжно засвисталъ.

Что значилъ этотъ свистъ? Въ точности онъ и самъ бы не могъ опредѣлить. Такъ, вѣроятно, прощай, дескать, прощай все, что крутило все это долгое время, всѣ мечты, всѣ упованія, а вмѣстѣ и съ ними и все злое, и страшное: безвыходность положенія, отчаяніе, это темное, безпросыпное пьянство. Вся эта пестрая, наносная полоса, прощай, а вмѣсто нея здравствуй опять своя прежняя, бывалая тропочка къ теплой, полной всякихъ запасцевъ, господской людской!

Радости особенной Григорій не испытывалъ, скорѣе какъ-то смѣшно ему было: опять, опять перемѣна въ судьбѣ, опять поворотъ къ старому!... Что же такъ, такъ и такъ!

И онъ невольно ухмылялся, отчасти и самъ удивляясь, что внезапно явившееся спасеніе, въ сущности, такъ мало его трогаетъ:

— А? Даже и долги заплатитъ! И ничего это я себѣ, иду—будто и вчерась такъ же шелъ. Нѣтъ, вообще это я еще съ этого перепоя не очухался; вотъ ужо во всемъ-то со всею точностью разберусь.

До села было дойти недолго. Винная лавка возвышалась надъ избами куда ниже и куда дальше, чѣмъ церковь, но Григорій замѣтилъ ее первою, хотя, поровнявшись съ церковью, онъ усердно перекрестился передъ ея папертью.

— На бутылочку,—озорно посмѣиваясь въ душѣ, сталъ говорить онъ себѣ,—во всякомъ разѣ можно разориться. Не для чего-нибудь тамъ, а головѣ своей дурацкой на излѣченіе. Оно и клятва не будетъ нарушена: вчерася я не пилъ, значитъ, нынче не на похмелье будетъ выпитъ. Да, выпью это себѣ для послѣдняго раза сейчасъ это чашечки съ двѣ-три, да на сонъ грядущій съ полбутылочки, а тамъ и аминь, значитъ!

И онъ зашелъ-таки въ винную лавку. Сидѣлецъ покачалъ головой, но всетаки не могъ ему отказать въ бутылкѣ.

Въ избѣ было тихо.

— Спитъ,—сказалъ себѣ Григорій, подразумѣвая жену,—и пущай ее, значитъ. Теперь и баринъ за ней,—отдыхай, значитъ!...

Осторожно откупорилъ онъ бутылку, затѣмъ досталъ хлѣба, соли и сталъ выпивать по малости и закусывать съ твердымъ намѣреніемъ довести себя только до надлежащаго самочувствія.

Винцо разливалось по жилкамъ, голова освѣжалась, яснѣла, но вдругъ Григорій поймалъ себя на томъ, что начинаетъ говорить вслухъ:

— Стой,—сказалъ онъ себѣ,—этакъ опять перехватишь.

И онъ спряталъ бутылку отъ соблазна въ сундучокъ; самъ же сбѣгалъ къ сосѣду, кое-чѣмъ приторговывавшему, и раздобылся у него табачишкомъ, по которомъ тоже уже давно тосковалъ.

Заструился синій дымокъ изъ его ноздрей, слюни съ языка такъ и побѣжали. Всему существу стало еще какъ-то пріятнѣе. Походилъ онъ по переулкамъ, подумалъ о своей будущей жизни и вернулся, наконецъ, снова въ избушку.

— Теперь можно и еще покушать; вполнѣ возможно!

И присѣвъ, онъ, сталъ потягивать, смакуя, уже прямо изъ горлышка. Винцо ничего, развѣ только что чуть-чуть все подласкивало какъ будто.

— Небось, теперь и до ночи ужъ не далеко: лягу это, въ случаѣ чего, и ни Боже мой!...

И снова онъ пересѣлъ къ столу и сталъ то потягивать изъ чашки, то закусывать хлѣбомъ.

Бутылка вдругъ стала опоражниваться предательски-быстро.

— Чисто это ее черти локаютъ,—громко и сердито проговорилъ Григорій,—нешто на васъ, на сволочь, напасешься?!

Ему показалось, что вотъ кто-то только что сидѣлъ съ нимъ рядомъ и затѣмъ вдругъ пропалъ.

— Ты куда же ушелъ?—заговорилъ онъ,—вѣдь вижу, что сидѣлъ, сама скамейка доказываетъ... Ишь!...

Онъ смотрѣлъ на скамью и видѣлъ, что, дѣйствительно, по всѣмъ признакамъ кто-то долженъ былъ на ней сидѣть не далѣе, какъ минуту, двѣ тому назадъ, но въ чемъ именно состояли эти признаки, онъ не понималъ: скамья была только всегдашній скамьей и ничѣмъ инымъ.

— Послѣ доберусь,—сказалъ себѣ Григорій и, похлебавъ изъ новой чашки, склонился головой къ столу.

— Такъ,—смутно и какъ-то раздражительно стало бродить въ его отяжелѣвшей головѣ, такъ, значитъ, опять туда, на усадьбу, а тамъ и опять то же да то же: Григорій, ступай на почту; Григорій, топи печи; горбатый, иди столяру помогать... Такъ, такъ, оно ничего, оно даже и очень прекрасно... а только... а только то-то гдѣ же, то-то?...

И онъ снова поглядѣлъ на скамью, и опять ему почувствовалось, что она хранитъ на себѣ чей-то невидимый и неуловимый слѣдъ.

— Пустота,—проговорилъ,—сидѣлъ и сидѣлъ,—пустяковина! Пустяковина?—вскрикнулъ онъ затѣмъ и стукнулъ кулакомъ по

столу.—Такъ не хочу же, не желаю!... Не хочу, чтобы все это такъ зря, и опять къ барину!

Фима проснулась и залепетала что-то въ ужасѣ.

Григорій испуганно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то обличающе вскинулъ по направленію ея свои налившіеся кровью глаза:

— Вотъ оно кто сдѣлъ-то! Убилъ я ее! Окончательно убилъ. За что же, зачѣмъ? Чтобы опять у барина трепаться... Баринъ!... Да это не ты ли и сидѣлъ тутъ? Вѣрно, вездѣ поспѣешь, никуда отъ тебя не увернешься!

Онъ всталъ, въ два-три пріема выпилъ остатки водки и заходилъ пошатываясь. Тихорѣцкій еще не появлялся передъ нимъ, въ опредѣленномъ образы, но его присутствіе здѣсь было болѣе чѣмъ ощутительно. Духомъ, опечатлѣніемъ его все болѣе и болѣе переполнялась вся изба, весь ея воздухъ. Григорій ждалъ, томился, все переходя съ мѣста на мѣсто, спотыкаясь и хватаясь за что ни пришлось.

И вотъ Тихорѣцкій предсталъ передъ нимъ какъ бы ужъ и въявѣ: стоитъ, покачивая головой, укоряетъ его въ чемъ-то такъ грустно-задумчиво.

— Милости просимъ,—сталъ кланяться ему Григорій,—ваши рабы. Премного довольны вами. Что еще прикажете? Чѣмъ еще разуважите?

Благообразное лицо помѣщика задергалось въ скулахъ и нижняя часть его поползла внизъ. Изъ зіяющаго рта показался длинный, какъ у уставшей собаки, языкъ. Сквозь сѣдые кудри, шелестя ими, выставились развилины козлиныхъ роговъ.

— Такъ! Вотъ оно что! Здорово!—говорилъ Григорій какимъ-то радостно-изобличительнымъ тономъ.—Чортъ ты, чертище, и ничего-то больше!...

И онъ сталъ хохотать.

Фима превозмогла себя и принялась читать «Да воскреснетъ Богъ». Голосъ ея былъ какъ бы голосомъ самого ужаса.

— Мертвая, мертвая замолилась!—закричалъ Григорій и внѣ себя побѣжалъ изъ избы въ сѣни, оттуда случайно выскочилъ на дворъ. Страхъ его такъ и трясъ, ему нужно было спрятаться, укрыться куда-нибудь съ головой. Пометавшись, онъ вбѣжалъ въ пустой коровій хлѣвъ и сталъ, поскольку могъ, зарываться соломой. Но тщетно: ужасный голосъ звучалъ неотразимо, а тамъ и этотъ баринъ въ образѣ чорта или чортъ въ образѣ барина сталъ снова передъ его глазами.

— Проклятый, проклятый!—кричалъ Григорій.—Уйди, оставь! Огнемъ, огнемъ спалю!...

И нашаривъ въ карманѣ спички, онъ сталъ выдергивать изъ навѣса пучки соломы и, поджигая ихъ, набрасывать другъ на друга костромъ.

Пламя вспыхнуло, наконецъ, и затрещало.

Въ первый мигъ Григорій чувствовалъ необычайную радость, и, запѣвъ «Благословенъ еси Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ», все разжигалъ и разжигалъ свой костеръ, но затѣмъ кто-то какъ бы шепнулъ ему, что это не то, что онъ въ чемъ-то ошибся.

— Не то,—закричалъ онъ,—тамъ онъ на усадьбѣ!... Тамъ его прихватить надо!...

Онъ отскочилъ и только тутъ не созналъ, не понялъ, а какъ бы только вспомнилъ, что вѣдь это пожаръ передъ нимъ, вѣчный деревенскій ужасъ,—пожаръ.

И онъ инстинктивно кинулся на борьбу съ нимъ, вскочивъ въ середину пламени и топча его ногами. Огонь сталъ жечь его тамъ и здѣсь, душить дымомъ.

— Врешь, врешь,—кричалъ онъ изступленно,—всю жизнь такъ душилъ да жегъ,—довольно, достаточно!

Но борьба и на этотъ разъ оказалась не по его силамъ.

Огонь все разгорался, взбѣгая по соломеннымъ стѣнкамъ-щитамъ котуха къ его соломенному же потолку.

Григорій изнемогалъ, задыхался и, наконецъ, упалъ въ безсиліи.

. . . .

Сгорѣла половина села.

Фиму, впрочемъ, успѣли вытащить.

Тихорѣцкій не могъ помочь несчастнымъ хоть сколько-нибудь существенно и съ огорченія поспѣшилъ снова переселиться въ столицу.

Е. Гославскій.

ІЁСТА БЕРЛИНГЪ *).

Сельмы Лагерлефъ.

(Переводъ съ шведскаго.)

V. Домъ Лильекрона.

Среди кавалеровъ находился одинъ великій музыкантъ, о чемъ я не разъ упоминала. Это былъ высокій, плотный человѣкъ съ большой головой и густыми, черными волосами. Въ то время ему, навѣрное, было не больше сорока лѣтъ, но у него были грубыя черты лица, и онъ былъ тихаго нрава, а потому многіе его считали старше. Онъ былъ почти всегда печаленъ, но это былъ добрый человѣкъ.

Разъ подъ вечеръ онъ взялъ подъ мышку свою скрипку и ушелъ изъ Экебю. Онъ ни съ кѣмъ не попрощался, хотя и рѣшилъ никогда больше не возвращаться туда. Жизнь тамъ ему опротивѣла съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ графиню Елизавету подъ гнетомъ ея несчастія. Онъ шелъ, не отдыхая, весь вечеръ и всю ночь, пока, наконецъ, къ восходу солнца не пришелъ въ небольшое помѣстье Лёфдала, принадлежавшее ему.

Было еще такъ рано, что всѣ спали. Лильекронъ сѣлъ на зеленую скамью-качалку, стоявшую у главнаго зданія, и сталъ любоваться своимъ имѣніемъ. Боже, развѣ было гдѣ-нибудь мѣсто красивѣе этого? Пологая лужайка передъ домомъ была густо покрыта мелкой свѣтло-зеленой травкой. Это была замѣчательная лужайка. Несмотря на то, что на ней паслись бараны и постоянно играли дѣти, она всегда оставалась такой же зеленой и густой. Коса никогда не касалась ее, но, по приказанію хозяйки, по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю ее мели и очищали свѣжую траву отъ сора и сухихъ листьевъ. Онъ посмотрѣлъ на дорожку, ведущую къ дому, и вдругъ подобралъ ноги. Наканунѣ

---

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1904 г.

вечеромъ дѣти граблями разрисовали песокъ затѣйливыми узорами, и слѣды отъ его большихъ сапоговъ испортили всю эту кропотливую работу. Но какъ все удивительно хорошо росло на этомъ мѣстѣ! Шесть рябинъ, окружавшихъ дворъ, были вышиной съ цѣлый букъ, а толщиной съ дубъ. Навѣрное, нигдѣ больше не было такихъ великолѣпныхъ рябинъ. Онѣ были очень красивы со своими толстыми стволами, покрытыми желтыми лишаями, и темно-зеленой листвой, усѣянной большими гроздьями бѣлыхъ цвѣтовъ. Это напомнило ему небо, усѣянное звѣздами. Дѣйствительно нельзя было не удивляться тому, какъ хорошо росли деревья на этомъ дворѣ. Тамъ стояла старая ива, такая толстая, что двое человѣкъ не могли обхватить ее. Стволъ ея уже сгнилъ, и въ немъ было большое дупло, а верхушку уничтожила гроза, но дерево всетаки не хотѣло умирать. Каждую весну на сломанномъ стволѣ появлялся пучокъ свѣжей зелени точно для того, чтобы показать, что старая ива еще жива. А черемуха у восточнаго угла дома стала такой большой и развѣсистой, что осѣняла своей тѣнью весь домъ. Торфяная крыша была совсѣмъ бѣлая отъ покрывавшихъ ее цвѣтовъ черемухи, которая успѣла уже отцвѣсти. Повидимому, и березы чувствовали себя, какъ въ раю въ этомъ помѣстьѣ. Онѣ стояли группами тамъ и сямъ на поляхъ и лугахъ и представляли изъ себя столько разновидностей, что, казалось, онѣ задались цѣлью передразнивать всѣ другія деревья. Одна со своей густолиственной, развѣсистой верхушкой походила на липу, другая вытягивалась кверху и своими правильными очертаніями напоминала пирамидальный тополь, у третьей вѣтви свѣшивались внизъ, какъ у плакучей ивы. Ни одна не походила на другую, и всѣ были прекрасны.

Онъ всталъ, обогнулъ домъ и остановился съ противоположной стороны, къ которой прилегалъ садъ. Садъ былъ такъ удивительно прекрасенъ, что у него захватило дыханіе. Яблони были въ цвѣту. Это онъ зналъ; онъ видѣлъ, что во всѣхъ другихъ помѣстьяхъ яблони цвѣли. Но дѣло въ томъ, что нигдѣ онѣ не цвѣли такъ, какъ здѣсь, гдѣ онъ зналъ всѣ яблони наперечетъ, и гдѣ онъ видѣлъ ихъ въ цвѣту съ дѣтскихъ лѣтъ. Онъ осторожно ходилъ по дорожкамъ со сложенными руками. Земля была сплошь покрыта бѣлыми цвѣтами, деревья также были совсѣмъ бѣлыя, только нѣкоторыя изъ нихъ слегка впадали въ розоватый оттѣнокъ. Никогда не видалъ онъ ничего болѣе красиваго. Онъ зналъ каждое дерево такъ близко, какъ будто это были его братья и сестры или друзья дѣтства. Астраханскія яблони были чисто-бѣлыя, какъ и зимніе сорта, тогда какъ райская яблоня была совсѣмъ розовая. Но красивѣе всѣхъ были старыя непривитыя яблони, горькихъ яблокъ которыхъ никто не могъ ѣсть.

Онѣ такъ обильно были покрыты цвѣтами, что казались большимъ снѣжнымъ сугробомъ, сверкавшимъ въ сутреннихъ лучахъ солнца.

Да, не надо забывать, что было раннее утро! Роса сверкала на всѣхъ листьяхъ и цвѣтахъ, и пыль была смыта. Изъ-за покрытой лѣсомъ горы, у самаго подножія которой стоялъ домъ, всходило солнце и посылало первые лучи. Казалось, эти лучи зажгли верхушки елей. Луга молодого клевера, поля ржи и ячменя, свѣжіе всходы овса,—все было покрыто тончайшей дымкой тумана, а тѣни были рѣзкія, какъ при лунномъ сіяніи.

Потомъ онъ остановился и долго стоялъ передъ грядками, расположенными между дорожками; на грядкахъ были посѣяны всевозможные овощи, коренья и разная зелень. Онъ зналъ, что хозяйка и ея служанки много потрудились надъ этими грядками. Онѣ копали, скребли, унавоживали землю и работали надъ ней до тѣхъ поръ, пока она не стала легкой и рыхлой. Затѣмъ, выравнявъ грядку, онѣ натягивали надъ ней вожжи и обозначали по нимъ проданныя полосы и клѣтки. Послѣ этого онѣ протаптывали между грядками узенькія дорожки мелкими, смѣшными шажками, и сѣяли до тѣхъ поръ, пока всѣ клѣтки не были заполнены. А дѣти также помогали въ этой работѣ и были счастливы и горды, хотя для нихъ было очень тяжело стоять согнувшись и вытягивать руки надъ широкими грядками. Но трудъ этотъ не пропалъ даромъ, и результаты его были уже видны: посѣвы всходили.

Отрадно было видѣть, какъ молодцовато стояли горохъ и бобы, расправивъ первую пару своихъ листиковъ, а морковь и рѣпа взошли такими аккуратными и ровными рядами. Но смѣшнѣе всего была мелкая, курчавая зелень петрушки, которая приподнимала верхній слой земли и какъ будто играла пока въ прятки съ жизнью.

Была тамъ еще одна небольшая грядка, гдѣ бороздки шли не такъ ровно, а маленькія клѣтки представляли изъ себя пробные образцы всего, что только можно было сѣять и сажать. Это былъ дѣтскій огородъ.

Лильекронъ вдругъ взялся за скрипку и началъ играть. Птицы уже пѣли въ чащѣ большого кустарника, защищавшаго садъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Утро было такое дивное, что ни одно живое существо, одаренное голосомъ, не было въ состояніи молчать. Смычокъ двигался точно самъ собой.

Лильекронъ ходилъ взадъ и впередъ по дорожкамъ и игралъ. «Нѣтъ,—думалъ онъ,—болѣе красиваго мѣста не найти на всемъ свѣтѣ». Развѣ можно сравнить Экебю съ Лёфдало! Правда, его домъ покрытъ торфяной крышей и всего въ одинъ этажъ. Онъ стоялъ на

опушкѣ лѣса, сзади него возвышалась гора, а передъ нимъ лежала долина. Ничего замѣчательнаго не было въ этомъ мѣстѣ: тутъ не было ни озера, ни водопада, ни заливныхъ луговъ, ни парковъ, и всетаки оно было прекрасно. Оно было прекрасно уже только потому, что здѣсь царили миръ и тишина. Въ этомъ домѣ жилось легко. Все, что въ другомъ мѣстѣ вызвало бы горечь и ненависть, здѣсь смягчалось добротой и кротостью. Такъ и должно быть въ настоящемъ, хорошемъ домѣ.

Хозяйка спитъ въ одной изъ комнатъ, выходящихъ въ садъ. Вдругъ она просыпается и прислушивается, но не двигается. Она улыбается и все слушаетъ. Музыка все приближается и, наконецъ, кажется, точно музыкантъ остановился подъ ея окномъ. Не въ первый разъ слышитъ она звуки скрипки подъ своимъ окномъ. Ея мужъ имѣетъ обыкновеніе приходить такъ неожиданно послѣ того, какъ въ Экебю произошло что-нибудь необычайное.

Онъ стоитъ, кается и проситъ прощенія. Онъ описываетъ ей, какъ темныя силы соблазнили его покинуть то, что онъ любилъ больше всего на свѣтѣ: ее и дѣтей. Но вѣдь онъ всетаки любитъ ихъ. О, конечно, онъ любитъ ихъ!

Въ то время, какъ онъ играетъ, она встаетъ и одѣвается, не сознавая хорошенько, что дѣлаетъ. Она совершенно увлечена его игрой.

«Не роскошь и не жизнь въ довольствѣ соблазнили меня,—играетъ онъ,—и не любовь къ другой женщинѣ, не честь, нѣтъ, меня прельстила жизнь со всей ея перемѣнчивостью: я долженъ былъ чувствовать вокругъ себя ея радости, ея горечь, ея богатства. Но теперь мнѣ довольно всего этого, теперь я усталъ. Никогда больше не покину я своего дома. Прости меня, будь милосерда ко мнѣ!»

Но вотъ она поднимаетъ занавѣсь и открываетъ окно, и онъ видитъ ея доброе, прекрасное лицо.

Она добра и умна. Ея взоры, какъ солнечные лучи, приносятъ благословеніе всюду, куда только падаютъ. Она смотритъ за всѣмъ и управляетъ всѣмъ. Тамъ, гдѣ она живетъ, все должно произрастать и благоденствовать. Она носитъ въ себѣ счастіе.

Онъ вскакиваетъ къ ней на подоконникъ и счастливъ, какъ молодой любовникъ.

Потомъ онъ беретъ ее на руки, спускается съ ней въ садъ и несетъ ее подъ яблони. Тамъ онъ говоритъ ей, какъ все прекрасно, и показываетъ грядки съ зеленью и дѣтскій огородъ, и смѣшную, мелкую зелень петрушки.

Когда просыпаются дѣти, они приходятъ въ неописуемый восторгъ,

узнавъ, что пришелъ отецъ. Они сейчасъ же завладѣваютъ имъ. Они должны показать ему много новаго и удивительнаго: дятла, который стучитъ въ лѣсу у ручья, гнѣздышко въ ивнякѣ и молодыхъ карасѣй, плавающихъ тысячами на поверхности пруда.

Потомъ отецъ, мать и дѣти дѣлаютъ длинную прогулку по полямъ и лугамъ. Онъ долженъ посмотрѣть, какъ густо растетъ рожь, какъ хорошъ клеверъ, и какъ картофель высовываетъ изъ-подъ земли свои первые, сморщенные листки.

Онъ долженъ посмотрѣть коровъ, возвращающихся съ пастбища, онъ долженъ познакомиться съ новыми телятами и ягнятами, собрать яйца и дать сахару лошадямъ.

Весь день дѣти слѣдуютъ за нимъ по пятамъ. Уроки и работа забыты, весь день они бродятъ повсюду съ отцомъ.

Вечеромъ онъ играетъ имъ польки. Весь день онъ былъ для нихъ такимъ хорошимъ товарищемъ, что они засыпаютъ съ горячей молитвой о томъ, чтобы отецъ никогда не покидалъ ихъ.

И онъ дѣйствительно остается съ ними цѣлыхъ восемь дней, и все время онъ веселъ, какъ мальчикъ. Онъ точно влюбленъ во все, что его окружаетъ: и въ жену, и въ дѣтей, и въ свой домъ, а объ Экебю онъ никогда и не вспоминаетъ.

Но вотъ наступаетъ утро, которое уже не застаетъ его больше дома. Онъ не могъ больше вынести, для него было слишкомъ много счастія. Экебю было въ тысячу разъ хуже его дома, но зато Экебю находилось въ самомъ водоворотѣ событій. Какъ тамъ мечталось, какъ хорошо тамъ было играть... Какъ могъ онъ жить вдали отъ подвиговъ кавалеровъ, вдали отъ отъ длиннаго Лёвена, берега котораго гремѣли приключеніями?

Въ его имѣніи все шло своимъ обычнымъ, спокойнымъ ходомъ. Все произрастало и благоденствовало подъ бдительнымъ надзоромъ кроткой хозяйки. Все, что въ другомъ мѣстѣ поселяло бы вражду и горечь, проходило здѣсь безъ жалобъ и страданій. Все было такъ, какъ должно было быть. А если хозяинъ дома и желалъ жить кавалеромъ въ Экебю, такъ что-жъ изъ этого? Развѣ можно жаловаться на солнце за то, что оно каждый вечеръ исчезаетъ на западѣ и оставляетъ землю во мракѣ?

Что можетъ быть менѣе несокрушимо, нежели покорность? Что можетъ быть болѣе увѣрено въ побѣдѣ, нежели терпѣніе!

VII. Доврская вѣдьма.

На берегахъ Лёвена появилась Доврская вѣдьма. Многіе видѣли, какъ она бродила тамъ, маленькая и сгорбленная, въ юбкѣ изъ звѣ-

рпныхъ шкуръ съ кушакомъ, отдѣланнымъ серебромъ. Зачѣмъ вышла она изъ волчьей норы на свѣтъ Божій? Зачѣмъ покинула она горы и чего ей надо въ зеленѣющихъ долинахъ?

Она идетъ и собираетъ подаяніе. Она скупа, алчна и любитъ подачки, несмотря на свои богатства. Въ расщелинахъ скалъ она хранитъ тяжелые слитки серебра, а на сочныхъ пастбищахъ, далеко среди горъ, пасутся ея большіе стада черныхъ коровъ съ золотыми рогами. И всетаки она бродитъ по дорогамъ въ берестовыхъ лаптяхъ и засаленной мѣховой одеждѣ, изъ-подъ столѣтней грязи которой едва проглядываютъ нашитыя на ней пестрыя тесемки. Трубка ея набита мхомъ, и она не стѣсняется просить подаянія у послѣднихъ бѣдняковъ. Повидимому, у этой старухи, которая никогда не благодаритъ и никогда ничѣмъ не довольна, нѣтъ стыда.

Она очень стара. Нельзя себѣ представить, чтобы румянецъ юности освѣщалъ когда-нибудь это широкое лицо съ коричневой, лоснящейся жиромъ кожей, съ приплюснутымъ носомъ и узкими глазами, сверкающими на грязномъ лицѣ, какъ уголья въ сѣрой золѣ. Неужели она когда-нибудь, сидя на дворѣ, отвѣчала звуками рожка на любовную пѣсню пастушка? Она, навѣрное, жила уже нѣсколько столѣтій. Самые старые люди не могли припомнить такого времени, когда бы ее не было въ странѣ. Ихъ отцы помнили, что она была уже совсѣмъ старой, когда они были молоды. Да и теперь еще она жива. Я сама, пишущая эти строки, видѣла ее.

Она обладаетъ удивительной силой. Дочь финновъ, владѣющихъ тайной колдовства, она не преклоняется ни передъ кѣмъ. Ея широкія ноги оставляютъ смѣлые слѣды на пескѣ большихъ дорогъ. Она можетъ вызвать градъ и повелѣваетъ молніей. Наврядъ ли она способна на что-нибудь доброе, но зла она можетъ причинить много. Лучше всего быть съ ней въ добрыхъ отношеніяхъ. Если она проситъ послѣднюю козу или цѣлый фунтъ шерсти, то надо дать ей это; иначе падетъ лошадь или сгоритъ изба, или испортится корова, или умретъ ребенокъ, или работящая хозяйка потеряетъ разсудокъ.

Конечно, она не можетъ быть желаннымъ гостемъ, но лучше всего встрѣчать ее съ улыбкой. Кто знаетъ, для кого бродитъ по долинѣ эта зловѣщая старуха? Она пришла не за тѣмъ только, чтобы наполнить свою суму. За ней слѣдуютъ всякія злыя твари; появляется червь, истребляющій поля, изъ лѣсу выползаютъ гады, лисица и волкъ воютъ въ сумеркахъ.

Она очень горда. Она обладаетъ мудрыми познаніями праотцевъ, а это возвышаетъ духъ человѣка. На ея посохѣ выцарапаны старинныя, драгоцѣнныя руны. Этотъ посохъ она не продала бы за

золото со всей долины. Она умѣетъ пѣть заклинанья, варить приворотное зелье, она знаетъ всѣ травы и умѣетъ завязывать буревой узелъ.

Если бы я только могла проникнуть въ мысли этихъ столѣтнихъ мозговъ? Что думаетъ эта старуха, привыкшая къ темнымъ лѣсамъ и величественнымъ горамъ, про людей въ долинѣ? Ей, вѣрящей въ великаго Тора и могущественныхъ финскихъ боговъ, эти христіане кажутся смирными дворовыми собаками. Неукротимая, какъ снѣжный буранъ, могучая, какъ водопадъ, она не можетъ любить этихъ сыновъ равнины.

Но отъ времени до времени она всетаки спускается съ горъ, чтобы посмотрѣть на житье-бытье этихъ людишекъ. При видѣ ея люди содрогаются отъ ужаса; но сама сильная дочь горныхъ лѣсовъ спокойно идетъ по долинѣ, подъ защитой страха, который она на всѣхъ наводитъ. Подвиги ея праотцевъ еще не забыты, да и ея также. Какъ кошка, вѣрящая въ свои когти, вѣритъ она въ свою мудрость и въ силу заклинаній, полученную ею въ даръ отъ боговъ. Ни одинъ король не увѣренъ такъ въ своемъ могуществѣ, какъ она въ своемъ царствѣ ужаса, которымъ владѣетъ.

И вотъ Доврская вѣдьма прошла уже много деревень. Она дошла до Борга и не побоялась зайти въ графскую усадьбу. Черезъ кухню она рѣдко входитъ. Она идетъ прямо къ террасѣ. Она такъ же увѣренно шагаетъ своими широкими берестовыми лаптями по аллеямъ, окаймленнымъ цвѣтами, какъ если бы она шла по лѣснымъ тропинкамъ.

Случилось, что графиня Мерта вышла какъ разъ на террасу полюбоваться великолѣпіемъ іюньскаго дня. Подъ террасой остановились въ это время двѣ служанки. Онѣ шли изъ бани, гдѣ коптились окорока, и несли на палкѣ нѣсколько свѣже-прокопченыхъ окороковъ въ кладовыя.

— Не желаете ли посмотрѣть, графиня, достаточно ли коптились окорока?—спросили служанки.

Графиня Мерта, хозяйничавшая въ то время въ Боргѣ, перегнулась черезъ перила и посмотрѣла на окорока, но въ ту же минуту старая колдунья положила свою руку на одинъ изъ окороковъ:

— Посмотрите-ка на эту коричневую, блестящую кожу и на толстый слой жира! Какой пріятный ароматъ можжевельника распространяется отъ этой свѣже-прокопченой ветчины! О, кушанье, достойное боговъ!—вѣдьма хочетъ обладать имъ.

Дочь горъ и дремучихъ лѣсовъ не привыкла просить и вымаливать! Развѣ не благодаря ей цвѣтутъ цвѣты и живутъ люди? Въ ея

власти послать морозъ или бурю, или устроить наводненіе. А потому ей незачѣмъ просить и вымаливать. Она кладетъ свою руку на то, что ей понравилось, и это принадлежитъ ей.

Но графиня Мерта ничего не подозрѣваетъ о могуществѣ старухи.

— Прочь, старая бродяга!—говоритъ она.

— Отдай мнѣ окорокъ,—говоритъ Доврская вѣдьма, волчья наѣздница.

— Она съ ума сошла!—кричитъ графиня и приказываетъ служанкамъ нести окорока въ кладовую.

Глаза столѣтней старухи сверкаютъ злобой.

— Отдай мнѣ окорокъ,—повторяетъ она,—или тебѣ будетъ плохо.

— Скорѣе я отдамъ его сорокамъ, нежели такой, какъ ты.

Тогда старуха задрожала отъ гнѣва. Она высоко подняла свой посохъ, испещренный рунами, и дико замахала имъ. Изъ ея губъ вырывались странныя, непонятныя слова, волосы встали дыбомъ, глаза сверкали и, все лицо исказилось.

— Пусть тебя самое съѣдятъ сороки!—закричала она наконецъ.

И она ушла, бормоча проклятія и размахивая посохомъ. Она повернула назадъ, къ горамъ, она не пошла дальше къ югу. Зловѣщая дочь необитаемыхъ горныхъ вершинъ исполнила то, за чѣмъ она спустилась съ горъ.

Графиня Мерта осталась на террасѣ и смѣялась надъ ея дикой злобой. Однако вскорѣ смѣхъ застылъ на ея губахъ. Она не вѣрила своимъ глазамъ. Она думала, что это сонъ; но нѣтъ, вотъ онѣ, вотъ сороки, которыя должны ее съѣсть.

Изъ парка и изъ сада къ ней слетались сороки цѣлыми стаями съ растопыренными когтями и съ вытянутымъ клювомъ. Крылья ихъ шумѣли, онѣ издавали рѣзкіе звуки и точно хохотали. Передъ ея глазами мелькали бѣлыя и черныя крылья и, она, какъ въ туманѣ, видѣла, какъ стая все росла и росла, и какъ все небо покрылось черными и бѣлыми крыльями. Въ яркихъ лучахъ утренняго солнца перья переливали, какъ металлъ. Шеи были взъерошены, какъ у хищныхъ птицъ. Все ниже и ниже кружились надъ графиней эти чудовища, приготовляясь вонзиться клювомъ въ ея лицо и руки. Она бросилась въ сѣни и заперла за собой двери. Дрожа и задыхаясь, она навалилась на двери въ то время, какъ снаружи сороки продолжали кружиться съ рѣзкимъ крикомъ и хохотомъ.

Съ этой минуты графиня заперлась и отъ прекраснаго лѣта, и отъ всѣхъ радостей земныхъ. Съ тѣхъ поръ она жила въ запертыхъ

комнатахъ со спущенными шторами въ вѣчномъ страхѣ, въ тревогѣ и отчаяніи, граничащими съ безуміемъ.

Безумнымъ можетъ показаться и весь этотъ разсказъ, но, тѣмъ не менѣе, это правда. Многіе могутъ засвидѣтельствовать, что такъ гласитъ старое сказаніе.

Сороки сѣли на перила крыльца и на крышу дома. Казалось, точно онѣ ждутъ, когда покажется графиня, чтобы сейчасъ же броситься на нее. Онѣ поселились въ паркѣ, такъ и остались тамъ. Не было никакой возможности избавиться отъ нихъ. Если ихъ стрѣляли, то дѣлалось только хуже: на мѣсто одной убитой появлялось десять новыхъ. По временамъ цѣлыя стаи улетали для поисковъ пищи, но на мѣстѣ всегда оставались вѣрные сторожа. И если только графиня Мерта показывалась, если она смотрѣла въ окно или хотя бы на мгновеніе приподнимала штору, если она пыталась выйти на крыльцо, то онѣ тотчасъ же слетались. Вся безчисленная стая бросалась на домъ, страшно шумя крыльями, и графиня бѣжала въ самую отдаленную комнату.

Она жила въ спальнѣ за красной гостиной. Часто описывали мнѣ эту комнату, какой она была въ то ужасное время, когда сороки осаждали Боргъ. Двери и окна были завѣшены толстыми коврами, полъ былъ также устланъ коврами; люди двигались тамъ безшумно и говорили шепотомъ.

Сердцемъ графини овладѣлъ смертельный ужасъ. Волосы ея посѣдѣли, кожа сморщилась. Въ какой-нибудь мѣсяцъ она превратилась въ старуху. Она не могла себя заставить не вѣрить въ проклятыя чары. По ночамъ она часто просыпалась и кричала, что ее клюютъ сороки. Цѣлые дни она плакала, не видя никакого выхода изъ своего положенія. Когда кто-нибудь входилъ къ ней, то она вздрагивала, такъ какъ боялась, что стая птицъ ворвется за каждымъ, входившимъ въ ея комнату. По большей части она сидѣла тихо въ своемъ креслѣ, спрятавъ лицо въ руки и покачиваясь взадъ и впередъ; по временамъ она вздрагивала и начинала стонать и кричать. Такъ она жила въ запертой комнатѣ со спертымъ воздухомъ, доведенная до мрачнаго отчаянія.

Нельзя себѣ представить болѣе ужаснаго существованія. Развѣ можно не пожалѣть ее?

Мнѣ собственно больше нечего разсказывать про нее, а то, что я разсказала, было не въ ея пользу. Совѣсть моя даже упрекаетъ меня немного за это. Вѣдь когда она была молода, то она была жизнерадостна и добра, и много веселыхъ и интересныхъ разсказовъ про

нее доставили мнѣ большое удовольствіе, хотя здѣсь не мѣсто было заводить рѣчь о нихъ.

Но дѣло въ томъ, что душа вѣчно алчетъ, хотя бѣдная молодая графиня и не знала этого. Игры и удовольствія не могутъ питать ее. Если ей не даютъ другой пищи, то она, какъ дикій звѣрь, терзаетъ сперва другихъ, а потомъ и себя самое.

Вотъ каковъ смыслъ этого разсказа.

VII. Ивановъ день.

Стояла средина лѣта, какъ и теперь, когда я пишу эти строки. Стояла великолѣпная пора.

Въ то время Синтрамъ, злой патронъ изъ Форса, предавался тоскѣ и унынію. Ему ненавистно было побѣдоносное шествіе свѣта, его давила каждая минута дня, и его приводила въ отчаяніе побѣда свѣта надъ тьмою. Ему противенъ былъ зеленый нарядъ, въ который одѣлись деревья, и пестрый коверъ, который покрывалъ землю.

Лѣто одѣло все въ нарядный уборъ. Даже сѣрыя и пыльныя дороги украсила по обѣ стороны кайма изъ лиловыхъ и желтыхъ цвѣтовъ.

Когда наступилъ Ивановъ день, и природа сіяла во всей своей красотѣ, а дрожащій воздухъ доносилъ благовѣстъ изъ церкви въ Бру до самаго Форса, когда повсюду царили праздничный миръ и покой, то заводчикъ вскочилъ, весь охваченный злобой. Ему показалось, что Богъ и люди осмѣлились забыть объ его существованіи, и онъ рѣшилъ также поѣхать въ церковь. Пусть тѣ, которые радуются лѣту, увидятъ его, Синтрама, который любитъ тьму безъ разсвѣта, смерть безъ воскресенія, зиму безъ весны. Онъ надѣлъ на себя волчью шубу и теплыя варежки. Онъ велѣлъ запречь въ сани гнѣдую лошадь и подвязать бубенчики къ сбруѣ, украшенной раковинами. Снарядившись, какъ если бы на дворѣ было тридцать градусовъ мороза, онъ поѣхалъ въ церковь. Ему казалось, что полозья скрипѣли отъ сильнаго мороза, а бѣлое мыло на спинѣ лошади онъ принималъ за иней. Онъ не чувствовалъ жары. Отъ него вѣяло холодомъ, какъ отъ солнца вѣетъ тепломъ.

Онъ ѣхалъ по равнинѣ, лежащей къ сѣверу отъ церкви въ Бру. Онъ проѣзжалъ по большимъ богатымъ деревнямъ и по полямъ, надъ которыми высоко въ воздухѣ пѣли жаворонки. Никогда не слыхала я, чтобы жаворонки гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ пѣли такъ, какъ надъ этими полями. Неужели Синтрамъ былъ глухъ къ этому пѣнію, льющемуся съ вышины?

Если бы онъ только смотрѣлъ по сторонамъ, то многое вызвало бы его гнѣвъ. Онъ увидалъ бы, что у каждой двери стояло двѣ березки, а въ открытыя окна онъ увидалъ бы, что потолки и стѣны комнатъ украшены цвѣтами и зелеными вѣтвями. Самая послѣдняя нищая дѣвочка шла по дорогѣ съ вѣткой сирени въ рукахъ, и каждая крестьянка несла, обернувъ въ носовой платокъ, цѣлый букетъ цвѣтовъ.

На дворахъ стояли шесты, украшенные гирляндами и цвѣтами. Трава вокругъ нихъ была притоптана, потому что наканунѣ ночью тамъ плясали и веселились.

На Лёвенѣ тѣснились плоты изъ сплавляемаго лѣса. Маленькіе бѣлые паруса на нихъ были подняты въ честь праздника, хотя воздухъ былъ тихъ, и вѣтеръ не надувалъ ихъ; всѣ мачты были украшены вѣнками.

Всѣ дороги, ведущія въ Бру, были полны народа, который направлялся въ церковь. Женщины были очень нарядны въ своихъ свѣтлыхъ, домотканныхъ лѣтнихъ платьяхъ, приготовленныхъ нарочно къ этому дню. Всѣ принарядились къ празднику.

Люди не могли нарадоваться на праздничную тишину и на отдыхъ послѣ будничной работы, на теплый воздухъ, на поля, обѣщающія обильную жатву, и на землянику по краямъ дороги, которая уже начала краснѣть. Они обратили вниманіе на удивительную тишину въ воздухѣ, безоблачное небо и пѣніе жаворонковъ и сказали: «Сейчасъ же видно, что этотъ день принадлежитъ Господу Богу».

Но вотъ на дорогѣ показался Синтрамъ. Онъ ругался и изо всѣхъ силъ хлесталъ измученную лошадь. Песокъ подъ полозьями скрипѣлъ невыносимо, а звонъ бубенчиковъ заглушалъ церковные колокола. Его лобъ подъ мѣховой шапкой былъ гнѣвно сморщенъ.

Всѣ, направлявшіеся въ церковь, задрожали, думая, что видятъ самого нечистаго. Даже въ великій лѣтній праздникъ имъ нельзя было забыть холода и зла. Горька участь живущихъ на землѣ.

Люди, стоявшіе въ тѣни за церковной стѣной, или сидѣвшіе на церковной оградѣ въ ожиданіи службы, смотрѣли на него въ тихомъ недоумѣніи, когда онъ поднимался на церковный пригорокъ. Только что этотъ великолѣпный день наполнялъ ихъ сердца радостью и благодарностью за то, что они живутъ на землѣ и наслаждаются существованіемъ. Но при видѣ Синтрама въ ихъ души закралось предчувствіе какого-то ужаснаго несчастія.

Синтрамъ вошелъ въ церковь, сѣлъ на свое мѣсто и съ такой силой бросилъ варежки на скамейку, что стукъ волчьихъ когтей, вшитыхъ въ варежки, раздался по всей церкви. Нѣсколько женщинъ,

занявшихъ уже мѣста на передней скамейкѣ, упали въ обморокъ при видѣ страшной мохнатой фигуры, и ихъ вынесли изъ церкви.

Но никто не осмѣлился выгнать Синтрама. Онъ нарушалъ благочестіе и мѣшалъ народу молиться, но всѣ слишкомъ боялись его и никто не рѣшился заставить его уйти изъ церкви.

Напрасно старый священникъ говорилъ о свѣтломъ лѣтнемъ праздникѣ. Никто его не слушалъ. Народъ думалъ только о злѣ, о холодѣ и объ ужасномъ несчастіи, которое имъ предвѣщалъ злой патронъ.

По окончаніи службы патронъ вышелъ изъ церкви и поднялся на вершину холма, на которомъ стояла церковь. Онъ долго смотрѣлъ на проливъ въ Брубю, потомъ онъ перевелъ свой взглядъ на усадьбу пробста и на три мыса на лѣвомъ берегу Лёвена. Всѣ видѣли, какъ онъ сжалъ кулакъ и потрясъ имъ по направленію къ проливу и къ его зеленѣющимъ берегамъ. Потомъ онъ сталъ смотрѣть на югъ, на нижній Лёвенъ, и взоры его проникли до самыхъ отдаленныхъ мысовъ, синѣющихъ на горизонтѣ и какъ будто заграждавшихъ собою озеро. Его взоры скользили по всѣмъ окрестностямъ на милю въ окружности: онъ посмотрѣлъ и на вершину Гурлиты, и на Бьёрнидеть, гдѣ оканчивается озеро, и на востокъ, и на западъ, гдѣ длинная цѣпь горъ окаймляетъ долину, и во всѣ стороны онъ со злобой потрясалъ сжатымъ кулакомъ. Людямъ казалось, что если бы только въ его правой рукѣ былъ снопъ молній, то онъ съ дикой радостью разбросалъ бы ихъ по этой спокойной странѣ и распространилъ бы повсюду смерть и горе, гдѣ бы онъ только могъ. Сердце его такъ сроднилось со зломъ, что онъ находилъ радость только въ горѣ и несчастіи. Понемногу онъ и самъ пріучился любить все безобразное и дурное. Онъ былъ болѣе помѣшанъ, нежели самый буйный сумасшедшій; но объ этомъ никто не догадывался.

Вскорѣ по странѣ стали ходить странные слухи. Говорили, что когда церковный сторожъ сталъ запирать церковь, то бородка ключа сломалась, такъ какъ въ замкѣ была крѣпко свернутая бумажка. Сторожъ отдалъ бумажку пробсту. Это было, какъ всякій и догадывается, письмо, предназначенное для существа въ другомъ мірѣ.

Шепотомъ разсказывали о томъ, что тамъ было написано. Пробстъ сжегъ бумажку, но сторожъ смотрѣлъ, пока горѣла эта дьявольщина. Огненно-красныя буквы ярко выдѣлялись на черной бумагѣ. Онъ не могъ удержаться, чтобы не прочесть то, что было написано. Говорили, будто онъ прочелъ, что нечистый хочетъ послать несчастіе на всю мѣстность, куда только можетъ хватить глазъ съ вершины церковнаго шпица въ Бру. Онъ хотѣлъ, чтобы лѣса заслонили собой

церковь, чтобы медвѣдь и лисица поселились въ человѣческихъ жилищахъ. Чтобы поля оставались невоздѣланными, и чтобы во всей мѣстности не было слышно ни собаки, ни пѣтуха. Нечистый хотѣлъ услужить своему господину, навлекши несчастіе на всѣхъ людей. Вотъ это-то онъ и обѣщалъ.

И люди стали со страхомъ ожидать, что̀ будетъ. Они знали, что власть нечистаго велика, что онъ ненавидитъ все живущее, что онъ желалъ бы, чтобы вся мѣстность превратилась въ пустыню. Они знали, что онъ охотно воспользовался бы чумой, или голодомъ, или войной, чтобы уничтожить всѣхъ, кто только любилъ добро и работу, приносящую радость и счастіе.

VIII. Богиня Музыка.

Такъ какъ ничто не могло развеселить Іесту Берлинга съ тѣхъ поръ, какъ онъ помогъ молодой графинѣ бѣжать, то кавалеры рѣшили прибѣгнуть къ доброй и могущественной богинѣ Музыкѣ, не разъ утѣшавшей многихъ несчастныхъ.

Для этого они велѣли въ одинъ іюньскій вечеръ отпереть двери въ большой залъ въ Экебю и раскрыть тамъ окна. Въ залъ ворвались свѣтъ и воздухъ: красные лучи большого заходящаго солнца и прохладный, ласкающій вечерній воздухъ.

Полосатые чехлы были сняты съ мебели, клавикорды раскрыты, и кисея съ венеціанской люстры была также снята. Золоченые грифы, поддерживающіе бѣлыя, мраморныя доски, снова засверкали на свѣтѣ. Бѣлыя богини снова танцовали надъ зеркаломъ. Разнообразные цвѣты на шелковой обивкѣ мебели блестѣли въ лучахъ заходящаго солнца. Всю комнату наполняло благоуханіе розъ, разставленныхъ повсюду. Тутъ были удивительныя розы съ неизвѣстными названіями, привезенныя въ Экебю изъ чужихъ странъ. Тутъ были желтыя розы съ жилками, въ которыхъ просвѣчивала красная кровь, какъ у человѣка, и бѣлыя, какъ сливки, съ завернутыми лепестками, и розовыя съ большими лепестками, которые по краямъ были безцвѣтны, какъ вода, и темно-красныя съ чернымъ оттѣнкомъ. Были нарѣзаны и внесены въ комнату всѣ розы Альтрингера, выписанныя изъ далекихъ странъ, чтобы веселить взоры прекрасныхъ женщинъ.

Потомъ принесли ноты, пюпитры, духовые и струнные инструменты всевозможныхъ родовъ: въ Экебю должна была появиться сама добрая богиня Музыка, чтобы утѣшить Іесту Берлинга.

Богиня выбрала Оксфордскую симфонію Гайдна и приказала ка-

валерамъ разучить ее. Патронъ Юліусъ дирижируетъ, а остальные играютъ каждый на своемъ инструментѣ. Всѣ кавалеры умѣютъ играть—иначе они и не были бы кавалерами.

Когда все готово, посылаютъ за Іёстой. Онъ все такъ же убитъ и печаленъ, но ему доставляетъ удовольствіе видъ великолѣпнаго зала, и онъ радуется при мысли, что услышитъ прекрасную Музыку. Всякій знаетъ, что для опечаленнаго и страдающаго богиня Музыка—лучшее общество. Она рѣзва и весела, какъ дитя. Она страстна и обаятельна, какъ молодая женщина. Она добра и мудра, какъ старые люди, прожившіе хорошую жизнь.

И вотъ кавалеры заиграли тихо и нѣжно.

Маленькій Рустеръ относится къ дѣлу очень серьезно. Онъ читаетъ ноты съ очками на носу, губы его извлекаютъ изъ флейты нѣжные звуки, а пальцы такъ и бѣгаютъ по клапанамъ. Дядя Эбернгардъ сидитъ согнувшись надъ віолончелью; парикъ съѣхалъ ему на ухо, а губы дрожатъ отъ волненія. Бергъ стоитъ, гордо выпрямившись со своимъ фаготомъ. Онъ иногда забывается и дуетъ во всю силу своихъ легкихъ, но тогда Юліусъ стучитъ своей палочкой прямо по его толстому черепу.

Дѣло идетъ великолѣпно, блестяще. Точно какими-то чарами кавалеры извлекаютъ изъ мертвой нотной бумаги самое богиню Музыку. Раскинь свою волшебную мантію, добрая богиня, и перенеси Іёсту Берлинга въ страну веселья, гдѣ онъ обыкновенно жилъ.

Ахъ, да неужели же это Іёста Берлингъ, этотъ блѣдный, убитый человѣкъ, котораго старики должны занимать, какъ если бы онъ былъ ребенкомъ! Теперь насталъ конецъ веселью въ Вермландѣ.

Я знаю, почему эти старики такъ любятъ Іёсту Берлинга. Я познаю, какъ безконечно долго длятся зимніе вечера, и какъ тоска понемногу овладѣваетъ душой въ уединенныхъ усадьбахъ. Я понимаю, какое оживленіе онъ долженъ былъ вносить съ собой.

Представьте себѣ воскресное послѣобѣда, когда работа стоитъ, и мысли бездѣйствуютъ! Представьте себѣ упорный сѣверный вѣтеръ, наполняющій комнату холодомъ, отъ котораго не спасаетъ самая усиленная топка! Представьте себѣ единственную сальную свѣчу, съ которой постоянно приходится снимать нагаръ! Прибавьте ко всему этому монотонное пѣніе псалмовъ, доносящееся изъ кухни.

И вдругъ раздается звонъ бубенчиковъ.ъ Слышно, какъ въ сѣняхъ бодро топаютъ ногами, отряхая съ нихъ снѣгъ, и въ комнату входитъ Іёста Берлингъ. Онъ смѣется и шутитъ. Онъ вноситъ съ собой оживленіе и тепло. Онъ открываетъ клавикорды и играетъ такъ, что удивляешься старымъ струнамъ. Онъ поетъ всѣ пѣсни, играетъ всѣ

мелодіи. Онъ дѣлаетъ счастливыми всѣхъ обитателей дома. Никогда онъ не мерзъ, никогда не чувствовалъ усталости. Несчастный забывалъ свое горе при взглядѣ на него. И что за доброе сердце у него было! Какъ сострадателенъ онъ былъ къ слабымъ и бѣднымъ! А какой онъ былъ даровитый и способный! Да, стоило послушать, когда старики говорили про него.

А теперь, въ самый разгаръ игры, онъ вдругъ разражается слезами. Вся жизнь представляется ему однимъ сплошнымъ несчастіемъ. Онъ кладетъ голову на руки и плачетъ. Кавалеры приходятъ въ ужасъ. Это не тихія, благодатныя слезы, которыя вызываетъ богиня Музыка. Онъ рыдаетъ, какъ человѣкъ, доведенный до глубокаго отчаянія. Они въ недоумѣніи откладываютъ свои инструменты.

Даже добрая богиня Музыка, которая любитъ Іесту Берлинга, и та начинаетъ терять мужество; но вдругъ она вспоминаетъ, что у нея есть еще одинъ воинъ среди кавалеровъ.

Это кроткій Лёвенборгъ, который потерялъ свою невѣсту въ мутныхъ волнахъ рѣки, и который рабски преданъ Іестѣ Берлингу, какъ никто другой. Онъ тихо подходитъ къ клавикордамъ, обходитъ ихъ кругомъ и нѣжно притрагивается къ клавишамъ.

Въ кавалерскомъ флигелѣ у Лёвенборга стоитъ большой деревянный столъ, на которомъ нарисована клавіатура, и къ которому прикрѣпленъ пюпитръ. За этимъ столомъ онъ сидитъ часами, и его пальцы неутомимо бѣгаютъ по бѣлымъ и чернымъ клавишамъ. Онъ упражняется, играя гаммы и этюды, а также Бетховена. Впрочемъ, кромѣ Бетховена, онъ ничего другого и не играетъ. Богиня Музыка была очень милостива къ нему, и ему удалось списать многія изъ тридцати шести сонатъ.

Но старикъ никогда не рѣшается играть на какомъ-нибудь другомъ инструментѣ, кромѣ стола. Къ клавикордамъ онъ питаетъ какой-то благоговѣйный страхъ. Они притягиваютъ его, но еще больше пугаютъ. Онъ никогда не рѣшался дотронуться до нихъ. Что это за удивительная вещь со множествомъ струнъ, которая можетъ давать жизнь произведеніямъ великаго маэстро! Стòитъ ему только приложить ухо къ крышкѣ, и онъ сейчасъ же слышитъ, какъ внутри раздаются andante и scherzo.

Да, клавикорды—это тотъ алтарь, на которомъ надо поклоняться богинѣ Музыкѣ. Но онъ никогда не игралъ на такомъ инструментѣ. Самъ онъ никогда не разбогатѣетъ настолько, чтобы купить себѣ клавикорды, а на этихъ онъ боялся играть. Да и майорша не очень-то охотно открыла бы ихъ для него.

Не разъ слышалъ онъ, какъ на нихъ бренчали польки и вальсы.

Но отъ такой недостаточной музыки великолѣпный инструментъ могъ только дребезжать и стонать. Нѣтъ, вотъ если бы на немъ заиграли Бетховена, то тогда бы можно было услышать чистые, прекрасные звуки.

Онъ рѣшилъ, что теперь настала часъ для него и для Бетховена. Онъ соберетъ все свое мужество и прикоснется къ святынѣ и дастъ своему другу насладиться мечтательной мелодіей.

Онъ садится и начинаетъ играть. Онъ очень взволнованъ и неувѣренъ въ себѣ, но онъ всетаки кое-какъ играетъ два, три такта, потомъ онъ тщетно старается взять вѣрную ноту, морщитъ лобъ, начинаетъ сначала, и вдругъ закрываетъ лицо руками и плачетъ.

Да, добрая богиня Музыка, ему очень горько. Вѣдь святыня оказалась вовсе не святыней. Въ ней не скрываются ясные и звучные тоны, въ ней нѣтъ глухой, могучей грозы и бѣшенаго урагана. Въ ней нѣтъ безконечныхъ мелодій, которыя наполняли рай и скрылись въ ней. Это просто старые дребезжащіе клавикорды и больше ничего.

Но тогда богиня Музыка дѣлаетъ знакъ впавшему въ уныніе полковнику. Онъ беретъ съ собой Рустера, и они идутъ въ кавалерскій флигель и приносятъ оттуда столъ Лёвенборга, на которомъ нарисованы клавиши.

— Посмотри, Лёвенборгъ,—говоритъ Беренкрейцъ,—вотъ твои клавикорды. Играй теперь для Іёсты!

Тогда Лёвенборгъ перестаетъ плакать и садится играть Бетховена для своего опечаленнаго молодого друга. Теперь онъ навѣрное развеселится.

Въ головѣ у старика звучатъ прекраснѣйшія мелодіи. Ему кажется, что Іёста долженъ слышать, какъ хорошо онъ играетъ. Навѣрное Іёста обращаетъ вниманіе, что онъ особенно хорошо играетъ въ этотъ вечеръ. Для него нѣтъ больше никакихъ трудностей. Онъ дѣлаетъ рулады и трели совершенно свободно. Ему хотѣлось бы, чтобы маэстро самъ слышалъ его.

Чѣмъ дольше онъ играетъ, тѣмъ больше онъ увлекается. Онъ слышитъ каждый звукъ невѣроятно сильно и ясно.

«О, горе, горе,—игралъ онъ,—почему мнѣ не любить тебя? Потому что твои губы холодны, твои щеки завяли, потому что твои объятія душатъ, твои взоры превращаютъ въ камень.

«О, горе, горе, ты одна изъ тѣхъ гордыхъ, прекрасныхъ женщинъ, чью любовь трудно завоевать, но зато ихъ любовь горитъ ярче и сильнѣе. Тебя, отверженную, я прижалъ къ своему сердцу и полюбилъ тебя. Своими ласками я отогрѣлъ тебя, и твоя любовь наполнила меня блаженствомъ.

«О, какъ я страдалъ! О, какъ я тосковалъ послѣ того, какъ потерялъ ту, которую я сперва любилъ. Черная ночь была вокругъ меня и внутри меня. Я лежалъ, распростертый, въ молитвѣ, въ тяжелой неслыханной молитвѣ. Небо оставалось замкнутымъ передъ моимъ страстнымъ ожиданіемъ. Съ вышины, усѣянной звѣздами, ко мнѣ не спустился ни одинъ духъ, чтобы утѣшить меня.

«Но моя тоска разодрала туманную завѣсу. И ты пришло, о, горе, ты спустилось ко мнѣ по луннымъ лучамъ. Ты пришла ко мнѣ, моя возлюбленная, озаренная свѣтомъ и съ улыбающимися устами. Веселые геніи окружали тебя. На нихъ были вѣнки изъ розъ, и они играли на цитрахъ и флейтахъ. Видѣть тебя было блаженство.

«Но ты исчезла. И не было больше лунныхъ лучей, по которымъ я могъ бы послѣдовать за тобой. Я лежалъ на землѣ, безъ крыльевъ, прикованный къ праху. Мои стоны походили на рычаніе дикихъ звѣрей, на оглушительные раскаты грома въ небесахъ. Я хотѣлъ послать за тобой молнію. Я проклиналъ цвѣтущую землю. Я желалъ, чтобы пожары уничтожили растенія, а чума людей. Я призывалъ смерть и адъ. Я думалъ, что муки въ вѣчномъ огнѣ—блаженство въ сравненіи съ моимъ несчастіемъ.

«О, горе, горе, вотъ тогда-то ты стало моимъ другомъ! Почему же не любить мнѣ тебя, какъ любятъ гордыхъ, строгихъ женщинъ, любовь которыхъ трудно завоевать,—но зато любовь эта горитъ ярче и сильнѣе, чѣмъ всякая другая».

Вотъ что онъ игралъ, этотъ бѣдный мистикъ. Онъ сидѣлъ, весь охваченный энтузіазмомъ и волненіемъ и прислушивался къ удивительнымъ звукамъ, увѣренный, что и Іёста слушаетъ ихъ и утѣшается.

Іёста сидѣлъ тихо и смотрѣлъ на него. Сначала онъ былъ недоволенъ этой шутовской выдумкой, но потомъ онъ смягчился. Невозможно было противустоять этому старику, который сидѣлъ и наслаждался своимъ Бетховеномъ.

И Іёста задумался надъ тѣмъ, что и этотъ человѣкъ, который теперь былъ такъ кротокъ и беззаботенъ, былъ когда-то во власти горя, что и онъ потерялъ свою возлюбленную. И вотъ онъ сидитъ теперь, совершенно счастливый, за своимъ деревяннымъ столомъ. Много ли надо для человѣка, чтобы быть счастливымъ.

Онъ чувствовалъ себя униженнымъ.

«Какъ, Іёста,—сказалъ онъ себѣ,—неужели же ты не можешь больше терпѣть и страдать? Ты, закаленный въ бѣдности? Ты, который слышалъ, какъ каждое дерево въ лѣсу, каждая кочка въ полѣ проповѣдуютъ тебѣ о терпѣніи и отреченіи? Ты, выросшій въ стра-

нѣ, гдѣ зима сурова, а лѣто бѣдно? Неужели ты забылъ искусство терпѣть?»

«Ахъ, Іеста, мужчина долженъ переносить все, что даетъ ему жизнь, съ мужествомъ въ сердцѣ и улыбкой на губахъ, иначе онъ не мужчина. Горюй сколько хочешь, если ты потерялъ твою возлюбленную; пусть совѣсть точитъ и грызетъ тебя, но показывай себя другимъ мужчиной и вермландцемъ. Пусть взоры твои сіяютъ радостью, встрѣчай друзей своихъ веселыми словами!»

«Жизнь сурова и природа сурова. Но та и другая даютъ мужество и радость, какъ противовѣсъ своей суровости, иначе никто не выносилъ бы ихъ».

«Мужество и радость! Пожалуй, мужество и радость первыя обязанности въ жизни. Ты никогда не измѣнялъ имъ, такъ не измѣняй же имъ и теперь».

«Развѣ ты хуже Лёвенборга, который играетъ на своихъ деревянныхъ клавикордахъ, или другихъ кавалеровъ, этихъ мужественныхъ, беззаботныхъ, вѣчно юныхъ людей? А ты вѣдь знаешь, что ни одинъ изъ нихъ не избѣгъ страданій!»

И Іеста посмотрѣлъ на нихъ. Боже, что за картина! Всѣ сидятъ, серьезные, глубоко задумавшись, и слушаютъ музыку, которую никто не слышитъ.

Вдругъ Лёвенборга пробуждаетъ изъ его мечтаній веселый смѣхъ. Онъ поднимаетъ свои руки съ клавишъ и слушаетъ въ упоеніи. Это смѣхъ Іесты Берлинга, его старый, хорошій, добрый, заразительный смѣхъ. Это самая пріятная музыка, которую старикъ только слышалъ въ своей жизни.

— Развѣ я не зналъ, что Бетховенъ поможетъ тебѣ, Іеста,— восклицаетъ онъ.—Теперь ты опять здоровъ.

Вотъ какъ добрая богиня Музыка вылѣчила Іесту Берлинга отъ его меланхоліи.

IX. Брубюскій священникъ.

Эросъ, всесильный богъ, ты знаешь, что иногда кажется, будто человѣкъ уже совсѣмъ освободился отъ твоей власти. Иногда кажется, что въ человѣкѣ уже умерли всѣ прекрасныя чувства, соединяющія людей. Безуміе уже готово вцѣпиться своими когтями въ несчастнаго. Но тогда приходишь ты во всемъ своемъ могуществѣ, ты—источникъ свѣта и жизни, и высохшее сердце расцвѣтаетъ, какъ жезлъ святого.

Нѣтъ человѣка болѣе скупого, нежели брубюскій священникъ.

Никто не сумѣлъ такъ отстранить отъ себя людей жестокостью и безсердечіемъ. Комнаты его зимой не топятся, онъ сидитъ на деревянной некрашеной скамьѣ, одѣвается въ лохмотья, питается однимъ черствымъ хлѣбомъ и приходитъ въ бѣшенство, когда въ его дверяхъ появляется нищій. Лошади его издыхаютъ отъ голода въ конюшнѣ, а онъ продаетъ сѣно; его коровы питаются сухой травой по дорогѣ и обгрызаютъ мохъ со стѣнъ домовъ. Блеянье его голодныхъ овецъ слышно на большой дорогѣ. Крестьяне бросаютъ ему подачки пищей, отъ которой отказываются ихъ собаки, и даютъ ему одежду, которая не годится для ихъ бѣдныхъ. Его рука протянута для милостыни, а спина согнута для благодарности. Онъ проситъ милостыню у богатыхъ, а бѣднымъ даетъ въ долгъ. При видѣ монеты сердце его загорается вожделѣніемъ, и онъ успокаивается только тогда, когда монета переходитъ въ его карманъ. Горе тому, кто не можетъ внести ему денегъ въ срокъ платежа.

Онъ женился поздно, но лучше было бы, если бы онъ вовсе не женился. Его жена умерла, измученная и переутомленная работой. Его дочь служитъ въ чужихъ людяхъ. Онъ старѣетъ, но старость не уменьшаетъ страсти къ скопидомству. Эта страсть, граничащая съ безуміемъ, никогда не покидаетъ его.

Въ одинъ прекрасный день въ началѣ августа въ гору въ Брубю поднимается тяжелая карета, запряженная четверкой лошадей. Въ каретѣ сидитъ знатная, старая дѣвица, путешествующая съ цѣлой свитой: съ кучеромъ, слугой и камеръ-фрау. Она пріѣхала навѣстить брубюскаго священника, котораго любила въ молодые годы.

Когда онъ былъ домашнимъ учителемъ въ имѣніи у ея отца, они любили другъ друга, но гордая родня разлучила ихъ. И вотъ теперь она пріѣхала въ Брубю, чтобы увидать его еще разъ прежде, чѣмъ умереть. Единственная радость, которую еще жизнь можетъ дать ей,—это увидать еще разъ возлюбленнаго своихъ молодыхъ лѣтъ.

Старая маленькая барышня предается мечтамъ, сидя въ своей большой каретѣ. Ей кажется, что она поднимается не въ гору Брубю, по дорогѣ къ бѣдной маленькой усадьбѣ помѣщика-священника, ей кажется, что она направляется къ прохладной бесѣдкѣ въ глубинѣ парка, гдѣ ее ждетъ ея возлюбленный. Она видитъ его передъ собой: онъ молодъ, онъ умѣетъ любить, онъ умѣетъ цѣловать. Теперь, когда она знаетъ, что сейчасъ увидитъ его, образъ его встаетъ передъ ней съ удивительной отчетливостью. Какъ онъ прекрасенъ, какъ онъ прекрасенъ! Какъ онъ мечтателенъ, какъ онъ страстенъ, онъ наполняетъ все ея существо упоеніемъ и восторгомъ!

Она сама теперь состарилась, увяла, пожелтѣла. Онъ, можетъ быть, и не узнаетъ ее съ ея шестидесятью годами, но вѣдь она пріѣхала не для того, чтобы показать себя, а для того, чтобы посмотрѣть его, для того, чтобы увидать возлюбленнаго своихъ молодыхъ лѣтъ, котораго пощадило время, который все еще молодъ, прекрасенъ и горячъ.

Она жила такъ далеко отъ этихъ мѣстъ, что никогда ничего не слыхала о брубюскомъ священникѣ.

Но вотъ колеса кареты зашумѣли по щебню холма, на вершинѣ котораго стоитъ усадьба священника.

— Христа ради, подайте милостыню бѣдному человѣку!—раздается ноющій голосъ нищаго съ края дороги.

Благородная дама протягиваетъ нищему серебряную монету и спрашиваетъ, далеко ли до усадьбы священника.

— Усадьба священника вонъ тамъ,—отвѣчаетъ онъ,—но священника нѣтъ дома, никого нѣтъ въ усадьбѣ.

Старая маленькая барышня блѣднѣетъ. Прохладная бесѣдка исчезаетъ, возлюбленнаго тамъ нѣтъ. Какъ могла она надѣяться, послѣ сорока лѣтъ ожиданія, найти его тамъ?

— Но что барышнѣ надо въ усадьбѣ священника?—

Барышня пріѣхала повидаться съ помощникомъ священника. Она знала его много лѣтъ тому назадъ.

Ихъ раздѣляли сорокъ лѣтъ и сорокъ миль. И съ каждой милей, на которую она приближалась, съ ея плечъ падалъ одинъ годъ, со всей тяжестью горя и воспоминаній, такъ что теперь, когда она подъѣхала къ усадьбѣ священника, она превратилась опять въ двадцатилѣтнюю дѣвушку безъ заботъ и воспоминаній.

Нищій стоитъ и смотритъ на нее, и на его глазахъ она превращается изъ двадцатилѣтней въ шестидесятилѣтнюю и изъ шестидесятилѣтней опять въ двадцатилѣтнюю.

— Священникъ возвратится вечеромъ, — говоритъ онъ. — Барышнѣ лучше всего поѣхать теперь на постоялый дворъ, а вечеромъ опять пріѣхать сюда. Вечеромъ священникъ навѣрное будетъ дома.

Тяжелая карета съ маленькой увядшей дамой поворачиваетъ и ѣдетъ по направленію къ постоялому двору, но нищій долго еще стоитъ на дорогѣ, смотритъ ей вслѣдъ и весь дрожитъ. У него является желаніе упасть на колѣни и цѣловать слѣды колесъ.

Въ полдень того же дня брубюскій священникъ стоитъ передъ женой пробста. Онъ чисто выбритъ, на немъ башмаки съ блестящими пряжками, шелковые чулки, брыжжи и манжеты.

— Она знатная барышня,—говоритъ онъ женѣ пробста,—граф-

ская дочь. Неужели вы думаете, что я, бѣдный человѣкъ, могу попросить ее остановиться у меня? Полы у меня черные, въ гостиной нѣтъ мебели, потолокъ въ залѣ совсѣмъ зеленый отъ сырости и плесени. Помогите мнѣ прошу васъ! Подумайте, вѣдь она знатная графская дочь!

— Велите сказать ей, что вы уѣхали?...

— Дорогая моя, она проѣхала сорокъ миль, чтобы увидать меня, бѣднаго человѣка. Вѣдь она ничего не знаетъ, какъ я живу. У меня даже нѣтъ постели, которую я могъ бы предложить ей. У меня не на что положить ея слугъ.

— Такъ пусть она уѣзжаетъ...

— Дорогая моя слушайте! Неужели вы не понимаете меня? Скорѣе я отдамъ все, что у меня есть, все, что я съ такимъ трудомъ, съ такими лишеніями собралъ, чѣмъ отпустить ее, не принявъ подъ своей крышей. Ей было двадцать лѣтъ, когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ, а это было сорокъ лѣтъ тому назадъ, подумайте только, подумайте! Помогите мнѣ и дайте мнѣ возможность принять ее у меня! Вотъ деньги, если онѣ нужны, но тутъ однѣхъ денегъ мало.

О, Эротъ, женщины любятъ тебя. Онѣ охотнѣе сдѣлаютъ сто шаговъ для тебя, нежели одинъ для другихъ боговъ.

Жилище пробста въ Бру опустошается: изъ комнатъ выносятъ мебель, изъ кухни посуду, изъ кладовыхъ запасы. Нагруженные возы все это свозятъ въ усадьбу священника. Когда пробстъ возвратится домой, то онъ найдетъ пустыя комнаты. Онъ пріотворитъ дверь въ кухню и спроситъ про обѣдъ, но въ кухнѣ никого не окажется. Онъ не найдетъ ни обѣда, ни служанки! Что дѣлать? Эротъ такъ хотѣлъ, всесильный Эротъ!

Но вотъ подъ вечеръ тяжелая карета опять поднимается къ усадьбѣ священника. Маленькая барышня боится, ужъ не постигнетъ ли ее еще какая-нибудь неудача... Неужели она увидитъ, наконецъ, единственную радость своей жизни!

Карета сворачиваетъ къ усадьбѣ священника, но въ воротахъ она останавливается. Большая карета слишкомъ широка и не проходитъ въ ворота. Кучеръ щелкаетъ бичомъ, слуга ругается, лошади тянутъ изо всѣхъ силъ, но заднія колеса крѣпко застряли въ воротахъ. Графская дочь не можетъ въѣхать на дворъ своего возлюбленнаго.

Но вотъ кто-то вышелъ на встрѣчу, это онъ. Онъ вынимаетъ ее изъ кареты и несетъ на рукахъ, которыя сохранили всю свою силу. Она чувствуетъ такое же горячее объятіе, какъ и прежде, сорокъ

лѣтъ тому назадъ. Она смотритъ въ его глаза, которые сіяютъ, какъ и тогда, когда ему было всего двадцать пять лѣтъ.

Ея душу обуреваютъ чувства болѣе горячія, чѣмъ когда-либо раньше. Она вспоминаетъ, что онъ внесъ ее когда-то на террасу. Она думала, что ея любовь жила всѣ эти годы, и всетаки она забыла что это значитъ быть заключенной въ сильныя объятія и смотрѣть въ молодые сіяющіе глаза.

Она не замѣчаетъ, что онъ состарѣлся. Она видитъ только глаза, одни глаза.

Она не видитъ черныхъ половъ, заплесневѣвшихъ потолковъ, она видитъ только его сіяющіе глаза. Брубюскій священникъ въ это мгновеніе красивый, статный мужчина. Онъ сталъ красивымъ при одномъ взглядѣ на нее.

Она прислушивается къ его голосу, ясному, сильному и ласкающему. Онъ все говоритъ съ ней. Зачѣмъ нужна была ему мебель въ пустыя комнаты, зачѣмъ кушанья и прислуга? Старая барышня ничего и не замѣтила бы. Она слышитъ его голосъ и видитъ его глаза.

Никогда, никогда раньше не была она такъ счастлива.

Какъ красиво онъ кланяется, красиво и гордо, какъ если бы она была принцессой, а онъ избраннымъ любимцемъ! Говоря съ ней, онъ употребляетъ старинныя выраженія. Она только улыбается и счастлива.

Вечеромъ онъ предлагаетъ ей руку и они гуляютъ въ старомъ запущенномъ саду. Но она не замѣчаетъ, что садъ запущенъ и некрасивъ. Неровные кусты въ ея глазахъ превращаются въ ровно подстриженную живую изгородь, сорная трава кажется ей ровными, блестящими газонами, она видитъ длинныя тѣнистыя аллеи, а въ нишахъ изъ темной зелени бѣлыя статуи молодости, вѣрности, надежды и любви.

Она знаетъ, что онъ былъ женатъ, но теперь она забыла это. Какъ помнить ей это? Вѣдь ей двадцать лѣтъ, а ему двадцать пять. Конечно, ему только двадцать пять лѣтъ, онъ молодъ и въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ. Неужели онъ когда-нибудь превратится въ брубюскаго священника, онъ, этотъ улыбающійся юноша? Иногда въ душѣ его просыпаются мрачныя предчувствія. Но пока онъ еще не знаетъ ни жалобъ бѣдныхъ, ни проклятій обманутыхъ, ни презрительныхъ насмѣшекъ, ни унизительной брани. Его сердце горитъ только чистой, невинной любовью. Этотъ гордый юноша никогда не полюбитъ золото такъ, что готовъ будетъ ползти за нимъ по самой ужасной грязи, собирать подаяніе на дорогѣ, терпѣть униженіе, на-

смѣшки, холодъ и голодъ. Неужели онъ будетъ морить голодомъ свое дитя, мучить жену, и все изъ-за этого несчастнаго золота! Это невозможно. Никогда не будетъ онъ такимъ. Онъ такой же бодрый человѣкъ, какъ и многіе другіе. Онъ не чудовище.

Возлюбленная его молодыхъ лѣтъ идетъ рядомъ не съ презрѣннымъ, жалкимъ человѣкомъ, недостойнымъ того сана, который онъ осмѣлился принять. Нѣтъ, этого не можетъ быть.

О, Эротъ, всесильный богъ, только не въ этотъ вечеръ! Въ этотъ вечеръ онъ не брубюскій священникъ, и не на другой день, и не въ слѣдующій за нимъ...

На третій день она уѣхала. Ворота расширили и карета понеслась подъ гору такъ быстро, какъ только могли бѣжать отдохнувшія лошади.

Какой сонъ, какой дивный сонъ! Во всѣ эти три дня не набѣжало ни одного облачка!

Она уѣхала, улыбаясь, въ свой замокъ къ своимъ воспоминаніямъ. Никогда больше она не слыхала его имени, да она и не спрашивала о немъ. Она хотѣла жить воспоминаніями объ этомъ дивномъ снѣ до конца своихъ дней.

Брубюскій священникъ сидѣлъ въ своемъ опустѣвшемъ домѣ и плакалъ горько и безутѣшно. Она вернула ему молодость. Неужели онъ опять состарится? Неужели злые духи вернутся, и онъ снова станетъ такимъ же презрѣннымъ, какъ и прежде?

X. Патронъ Юліусъ.

Патронъ Юліусъ вынесъ изъ кавалерскаго флигеля свой красный деревянный сундукъ. Потомъ онъ наполнилъ зеленый боченочекъ, неразлучный съ нимъ во всѣхъ путешествіяхъ, душистой померанцевой водкой, а въ большой рѣзной баулъ онъ положилъ масло, хлѣбъ и зеленовато-коричневый сыръ, жирную ветчину и блины, плавающіе въ малиновомъ вареньѣ.

Сдѣлавъ всѣ эти приготовленія, патронъ Юліусъ пошелъ со слезами на глазахъ прощаться съ Экебю и со всѣми его прелестями. Онъ въ послѣдній разъ нѣжно потрогалъ истертые кегельные шары и ласково потрепалъ по щекамъ круглолицыхъ ребятишекъ на заводскомъ пригоркѣ. Онъ обошелъ всѣ пещеры въ саду и гроты въ паркѣ. Онъ побывалъ въ конюшнѣ и на скотномъ дворѣ, потрясъ злого быка за рога и далъ телятамъ полизать свои руки. Подъ конецъ онъ вошелъ въ главное зданіе, гдѣ его ожидалъ прощальный завтракъ, и изъ глазъ его еще чаще закапали слезы.

Что за печальное существованіе! Какая непроглядная тьма! Кушанія казались отравленными, вино горькимъ. Какъ патронъ Юліусъ, такъ и всѣ кавалеры были во власти глубокаго волненія. Слезы застилали ихъ взоры. Прощальные тосты прерывались рыданіями. Что за печальное существованіе! Отнынѣ жизнь патрона Юліуса будетъ однимъ непрерывнымъ страданіемъ. Никогда больше губы его не сложатся въ улыбку, веселыя пѣсни перестанутъ жить въ его памяти, какъ цвѣты въ осеннюю пору. Онъ поблѣднѣетъ, похудѣетъ, завянетъ, какъ роза отъ холода, какъ лилія отъ жажды. Никогда больше не увидятъ кавалеры бѣднаго Юліуса. Какъ по вспаханному полю проносятся тѣни отъ облаковъ, гонимыхъ бурей, такъ и въ душѣ его проносятся тѣни отъ мрачныхъ предчувствій. Онъ уѣзжаетъ домой, чтобы тамъ умереть.

Теперь онъ стоитъ передъ кавалерами цвѣтущій и здоровый. Но никогда больше не увидятъ они его такимъ. Никогда больше не спросятъ они его шутя, когда онъ видѣлъ въ послѣдній разъ носки своихъ ногъ, никогда больше не пожелаютъ они его щекъ на мѣсто кегельныхъ шаровъ. Болѣзнь уже гнѣздится внутри него. Она точитъ и изнуряетъ. Онъ уже давно это чувствуетъ. Его дни сочтены.

Ахъ, еслибы только кавалеры сохранили память объ умершемъ! Ахъ, еслибы они не забыли его!

Его призываетъ долгъ. Дома живетъ мать и ждетъ его. Семнадцать лѣтъ она ожидаетъ его возвращенія изъ Экебю. Теперь отъ нея получено письмо, въ которомъ она зоветъ его, и онъ слушается призыва. Онъ знаетъ, что это его смерть, но онъ послушается, какъ добрый сынъ.

О, эти дивные праздники! О, прекрасные луга на берегу озера, могучій водопадъ! О, радость и веселье! Бѣлые, скользкіе полы бальныхъ залъ, милый кавалерскій флигель! О, скрипки и волторны, о, счастливая, беззаботная жизнь! Разстаться со всѣмъ этимъ—равносильно смерти.

Потомъ патронъ Юліусъ пошелъ въ кухню и сталъ прощаться съ прислугой. Всѣхъ, начиная съ экономки и кончая послѣдней работницей, онъ обнялъ и перецѣловалъ въ невыразимомъ волненіи. Служанки плакали надъ его горькой участью: неужели этотъ добрый и веселый баринъ умретъ, и онѣ никогда больше не увидятъ его!

Патронъ Юліусъ приказалъ вытащить изъ сарая свои дрожки и вывести изъ конюшни свою лошадь.

Голосъ чуть не измѣнилъ патрону Юліусу, когда онъ отдавалъ это приказаніе. Итакъ, дрожкамъ не придется спокойно развалиться въ Экебю, а старой Кайсѣ придется разстаться съ полными яслями!

Ему не хотѣлось бы дурно говорить про свою мать, но всетаки, если она не хотѣла думать о немъ, то могла бы подумать объ его дрожкахъ и о бѣдной Кайсѣ. Какъ перенесутъ они длинное путешествіе?

Но горше всего была разлука съ кавалерами.

Маленькій, круглый патронъ Юліусъ, для котораго, казалось, было гораздо естественнѣе кататься по землѣ, нежели ходить, чувствовалъ себя въ глубоко-трагическомъ положеніи. Онъ вспомнилъ великихъ аѳинянъ, спокойно опоражнивающихъ кубокъ съ ядомъ, въ кругу своихъ плачущихъ учениковъ. Онъ вспомнилъ стараго короля Іесту, который предсказывалъ шведскому народу, что настанетъ время, когда народъ захочетъ вырыть его изъ могилы.

Подъ конецъ онъ спѣлъ кавалерамъ свою лучшую пѣсню. При этомъ онъ подумалъ о лебедѣ и объ его предсмертной пѣснѣ.

Онъ хотѣлъ, чтобы они помнили его такимъ: съ величавой и гордой душой, которая не унижается до жалобъ, а отходитъ съ пѣніемъ.

Наконецъ послѣдніе бокалы были опорожнены, послѣдняя пѣсня спѣта, и патронъ Юліусъ въ послѣдній разъ обнялъ всѣхъ. Потомъ онъ надѣлъ пальто и взялъ въ руки хлыстъ. У всѣхъ глаза были полны слезъ, а въ его собственныхъ глазахъ стоялъ такой густой туманъ отъ горя и слезъ, что онъ ничего не видѣлъ.

Тогда кавалеры подняли его и стали качать. Въ его ушахъ раздалось громовое «ура». Потомъ они посадили его куда-то, но онъ не видѣлъ куда. Кто-то щелкнулъ бичомъ, и патронъ Юліусъ поѣхалъ. Когда онъ снова овладѣлъ своимъ зрѣніемъ, то онъ былъ уже на большой дорогѣ.

Правда, что кавалеры плакали и были искренно огорчены, но горе не убило въ нихъ сердцахъ способности къ веселью и шуткамъ. Кто-то изъ нихъ—былъ ли это Іеста Берлингъ, поэтъ, или старый воинъ Беренкрейцъ, или же удрученный жизнью кузенъ Кристофферъ?—кто-то устроилъ такъ, что старой Кайсѣ не пришлось покидать своей конюшни, а разваливающіяся дрожки могли спокойно остаться въ сараѣ. На мѣсто всего этого въ телѣгу для возки сѣна впрягли большого пѣгаго вола, на возъ поставили красный сундукъ, зеленый боченокъ и рѣзной баулъ съ провизіей, а подъ конецъ посадили и самого патрона Юліуса, глаза котораго застилали слезы, только—посадили не на баулъ и не на сундукъ, а на спину пѣгаго вола.

Таковы люди: они не находятъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы встрѣтить горе во всей его неприглядности! Кавалеры дѣйствительно скорбѣли объ этомъ другѣ, который уѣзжалъ, чтобы умереть вдали отъ нихъ, объ этой увядающей лиліи, объ этомъ смертельно

раненомъ лебедѣ; и всетаки они почувствовали нѣкоторое облегченіе въ своемъ искреннемъ горѣ, когда увидали его на спинѣ вола: въ то время, какъ волъ тронулся въ путь, его толстое тѣло продолжало сотрясаться отъ рыданій, его руки, протянутыя для послѣдняго объятія, опустились безпомощно, а его глаза, устремленные вверхъ, точно искали правосудія у немилосерднаго неба.

На дорогѣ туманъ въ глазахъ патрона Юліуса сталъ понемногу разсѣиваться, и онъ замѣтилъ, что сидитъ на покачивающейся спинѣ какого-то животнаго. Говорятъ, что это дало ему поводъ задуматься надъ тѣмъ, какъ много перемѣнъ можетъ произойти въ семнадцать долгихъ лѣтъ. Кайса измѣнилась поразительно. Неужели это могло случиться отъ овса и отъ клеверныхъ пастбищъ въ Экебю? И онъ воскликнулъ —не знаю, кто это слышалъ, камни на дорогѣ или птицы въ кустарникѣ—но это истинная правда, что онъ воскликнулъ: «Чортъ меня побери, если у тебя не выросли рога, Кайса!»

Поразмысливъ еще нѣсколько времени, онъ потихоньку сползъ со спины вола и влѣзъ на возъ. Сѣвъ на баулъ съ провизіей, онъ продолжалъ свой путь, погрузившись въ глубокія думы.

Черезъ нѣсколько времени, подъѣзжая къ Брубю, онъ услыхалъ пѣнье, причемъ кто-то отбивалъ тактъ ногами:

«Разъ, два, три,
Разъ, два, три,
Вотъ охотники пришли».

Однако навстрѣчу къ нему по дорогѣ шли вовсе не охотники, а веселыя барышни изъ Берга и хорошенькія дочки судьи изъ Мункерга-да. Онѣ надѣли на длинныя палки свои маленькіе узелки съ провизіей, а палки положили на плечи, какъ ружья, и такимъ образомъ храбро шагали по жарѣ, распѣвая въ тактъ: «Разъ, два, три, разъ, два, три».

— Куда это вы, патронъ Юліусъ?—крикнули онѣ, поровнявшись съ нимъ и ничуть не обращая вниманія на темную тучу на его челѣ.

— Я покидаю мѣсто грѣха и суеты,—отвѣчалъ патронъ Юліусъ.— Я не хочу больше жить среди лѣнивцевъ и бездѣльниковъ. Я ѣду къ своей матери.

— О,—воскликнули дѣвушки,—это неправда, никогда не покинете вы Экебю, патронъ Юліусъ!

— Да,—отвѣтилъ онъ, ударяя кулакомъ по сундуку.—Какъ Лотъ бѣжалъ изъ Содома и Гоморры, такъ я бѣгу изъ Экебю. Теперь тамъ нѣтъ больше ни одного праведнаго человѣка. Когда земля раз-

верзнется подъ ними, и съ неба на землю посыпется сѣрный дождь, тогда я буду радоваться праведному суду Божію. Прощайте, берегитесь Экебю!

Сказавъ это, онъ хотѣлъ ѣхать дальше, но не тутъ-то было! Веселыя дѣвушки направлялись къ Дундерклеттенъ и собирались взойти на самую вершину, но идти туда было далеко, и у нихъ вдругъ явилось большое желаніе доѣхать до самаго подножія горы въ телѣгѣ патрона Юліуса. Какъ счастливы тѣ, кто могутъ еще радоваться жизни и солнечному свѣту! Не прошло и двухъ минутъ, какъ дѣвушки настояли на своемъ. Патронъ Юліусъ повернулъ и поѣхалъ къ Дундерклеттенъ. Онъ улыбался, сидя на своемъ баулѣ, пока телѣга наполнялась дѣвушками. По краямъ дороги росла ромашка, кукушкины слезки и колокольчики. Отъ времени до времени волъ остонавливался, чтобы отдохнуть. Тогда дѣвушки выходили изъ телѣги и собирали цвѣты. Вскорѣ на головѣ Юліуса и на рогахъ вола красовались роскошные вѣнки.

Дальше на дорогѣ имъ попались молодыя свѣтло-зеленыя березки и темный кустарникъ ольхи. Тогда онѣ опять сошли, наломали вѣтвей и украсили всю телѣгу. Вскорѣ она походила на движущуюся рощицу. Весь день маленькое общество веселилось и дурачилось отъ души.

Патронъ Юліусъ понемногу смягчался, и чело его становилось все яснѣе и яснѣе. Онъ раздѣлилъ свою провизію между дѣвушками и пѣлъ имъ пѣсни. Когда онѣ стояли на вершинѣ Дундерклеттенъ, съ которой открывался такой широкій и прекрасный видъ, что всѣ до слезъ были тронуты этимъ величественнымъ зрѣлищемъ,—то сердце патрона Юліуса забилось горячо, и онъ далъ волю своимъ чувствамъ и заговорилъ про свой любимый край.

«О, Вермландъ, — сказалъ онъ, — прекрасный дивный край! Часто глядя на тебя на картѣ, я спрашивалъ себя, что ты изъ себя представляешь, но теперь я нашелъ отвѣтъ на свой вопросъ. Ты старый, благочестивый отшельникъ, который сидитъ, подогнувъ подъ себя ноги крестомъ, сложивъ руки на груди, и мечтаетъ. На свои полузакрытые глаза ты надвинулъ остроконечную шапочку. Ты погрузился въ глубокія думы, ты мечтатель, и ты такъ прекрасенъ! Обширные лѣса—твое одѣяніе. Длинныя тесьмы изъ голубой воды и изъ ровныхъ рядовъ горъ окаймляютъ это одѣяніе. Красота твоя такъ непритязательна, что чужестранцы не замѣчаютъ ее. Ты бѣденъ, какъ и подобаетъ быть отшельнику. Ты сидишь тихо въ то время, какъ волны Венерна омываютъ твои ноги, сложенныя накрестъ. По лѣвую сторону отъ тебя поля, руды и копи. Это твое сердце. На сѣверѣ у

тебя таинственныя, пустынныя, прекрасныя мѣста. Это твоя голова, погруженная въ думы.

«Видя тебя такимъ могучимъ и серьезнымъ, я не могу удержаться отъ слезъ. Ты строгъ въ своей красотѣ; ты бѣдность, ты размышленіе, ты отреченіе; и всетаки, несмотря на строгость, я вижу кротость въ твоихъ чертахъ. Я смотрю на тебя и поклоняюсь тебѣ. Стóитъ мнѣ заглянуть въ темные лѣса, стоитъ мнѣ лишь коснуться края твоего одѣянія, какъ духъ мой исцѣляется. Часъ за часомъ, годъ за годомъ созерцалъ я твой святой ликъ. Какая загадка скрывается подъ твоими опущенными вѣками, богъ отреченія? Разрѣшилъ ли ты уже тайну жизни и смерти, или ты все еще размышляешь? Для меня ты носитель великихъ серьезныхъ идей. Но люди копошатся на тебѣ и вовсе не замѣчаютъ величавой серьезности на твоемъ царственномъ челѣ. Они видятъ лишь твою внѣшнюю красоту, и она такъ очаровываетъ ихъ, что они забываютъ все.

«Горе мнѣ, горе всѣмъ намъ, дѣтямъ Вермланда! Красоты, красоты и ничего другого не требуемъ мы отъ жизни. Мы, дѣти отреченія, дѣти глубокомыслія и бѣдности, мы простираемъ наши руки въ единой долгой мольбѣ и просимъ только одного: красоты! Пусть жизнь будетъ, какъ розовый кустъ, пусть она цвѣтетъ любовью и удовольствіемъ, пусть каждый пользуется розами! Вотъ чего мы желаемъ, а край нашъ носитъ черты строгой серьезности и отреченія. Нашъ край вѣчный символъ глубокомыслія, но мы не способны размышлять.

«О, Вермландъ, прекрасный, дивный край!»

Такъ говорилъ онъ со слезами на глазахъ и голосомъ, дрожавшимъ вдохновеніемъ. Дѣвушки слушали его съ удивленіемъ и не безъ волненія, но едва ли онѣ понимали всю глубину чувствъ, которыя скрывались подъ этой наружностью, сіявшей весельемъ и юморомъ.

Когда день сталъ клониться къ вечеру, всѣ снова сѣли въ телѣгу. Дѣвушки едва замѣтили, куда ихъ везетъ патронъ Юліусъ, и не успѣли онѣ опомниться, какъ очутились передъ крыльцомъ въ Экебю.

— Теперь мы зайдемъ сюда и попляшемъ,—сказалъ патронъ Юліусъ.

Что сказали кавалеры, когда увидали патрона Юліуса съ увядшимъ вѣнкомъ на шляпѣ и съ цѣлымъ возомъ молодыхъ дѣвушекъ?

— Мы такъ и думали, что его похитили дѣвушки,—сказали они,—иначе онъ уже давнымъ давно былъ бы здѣсь.

Кавалеры знали, что патронъ Юліусъ въ семнадцать разъ пытался покинуть Экебю; эту попытку онъ возобновлялъ каждый годъ.

Самъ патронъ Юліусъ уже успѣлъ забыть и эту и всѣ другія попытки. Его совѣсть снова заснула на цѣлый годъ.

Патронъ Юліусъ былъ славный малый. Онъ былъ легокъ въ танцахъ и неутомимъ за карточнымъ столомъ. Его рука одинаково свободно владѣла перомъ, кистью и смычкомъ. У него были прекрасныя слова, мягкое сердце и неистощимый запасъ пѣсенъ. Но къ чему было бы ему все это, если бы у него не было совѣсти, которая давала себя чувствовать только разъ въ годъ, подобно сѣтчатокрылымъ насѣкомымъ, покидающимъ мракъ и взлетающимъ вверхъ для того, чтобы прожить лишь нѣсколько часовъ въ сіяніи дня и солнечныхъ лучахъ, а потомъ умереть.

XI. Глиняные святые.

Свартшёская церковь вся бѣлая, и снаружи, и внутри. Стѣны, каѳедра, скамьи, потолокъ, подоконники, покровъ на алтарѣ—все бѣлое. Въ Свартшёской церкви нѣтъ ни украшеній, ни картинъ, ни щитовъ. Лишь надъ алтаремъ возвышается распятіе съ бѣлой полотняной пеленой. Но не всегда было такъ. Потолокъ былъ весь разрисованъ, и всевозможныя изображенія изъ камня и глины наполняли этотъ Божій домъ.

Однажды, много-много лѣтъ тому назадъ, одинъ Свартшёскій художникъ стоялъ и любовался лѣтнимъ небомъ. Его вниманіе привлекли облака, стремившіяся къ солнцу. Онъ смотрѣлъ, какъ бѣлыя легкія облака, появляющіяся обыкновенно утромъ на самой линіи горизонта, нагромождаются другъ на друга, превращаются понемногу въ колоссовъ, растутъ, стремясь все выше и выше. Вотъ они расправляютъ паруса, точно суда. Вотъ они поднимаютъ знамена, какъ воины. Они хотятъ завоевать все небо. Но вотъ эти растущія чудовища предстаютъ передъ солнцемъ, царемъ неба, и принимаютъ кроткіе образы. Страшный левъ съ разинутой пастью превращается въ даму съ напудреной прической. Великанъ съ мускулистыми руками ложится и принимаетъ образъ размышляющаго сфинкса. Иныя облака закрываютъ свою бѣлую наготу мантіей съ золотой каймой; другія наводятъ румянецъ на свои бѣлоснѣжныя щеки. Чего только не было на небѣ? Тамъ были и равнины, и лѣса, и за̀мки, окруженные стѣнами съ высокими башнями. Наконецъ, бѣлыя облака завладѣли всѣмъ небомъ. Они заполнили все голубое пространство. Они достигли солнца и заслонили его.

«О, какъ это прекрасно,—подумалъ художникъ,—какъ было бы хорошо, если бы души, тоскующія по небу, могли нестись на этихъ облакахъ, какъ на качающихся корабляхъ, все выше и выше!»

И вдругъ онъ понялъ, что бѣлыя облака на лѣтнемъ небѣ—это и есть тѣ суда, на которыхъ отлетаютъ души праведниковъ.

Онъ даже видѣлъ ихъ. Онъ видѣлъ на движущейся массѣ облаковъ праведниковъ въ золотыхъ коронахъ, съ лиліями въ рукахъ. Въ вышинѣ раздавалось ихъ пѣніе. Ангелы спускались къ нимъ навстрѣчу на широкихъ, сильныхъ крыльяхъ. О, какое множество ангеловъ! По мѣрѣ того, какъ росли облака, и праведниковъ было видно все больше и больше. Пушистыя облака были усѣяны ими. Они украшали небо, какъ лиліи украшаютъ лугъ. Что за блаженство возноситься такъ въ небеса! Одно облако всплывало за другимъ съ небесными полчищами, блиставшими серебрянымъ вооруженіемъ, съ безсмертными пѣвцами въ мантіяхъ, окаймленныхъ пурпуромъ.

Впослѣдствіи этотъ художникъ разрисовалъ потолокъ въ Свартшёской церкви. Онъ задался цѣлью изобразить облака, нагромождающіяся на лѣтнемъ небѣ, облака, несущія души праведниковъ къ престолу Всевышняго. Рука, водившая кистью, была сильная, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько жесткая, такъ что облака, нарисованныя на потолкѣ церкви, гораздо больше походили на длинныя локоны накладного парика и вовсе не напоминали легкія, воздушныя облака. А такъ какъ святые пріобрѣли въ фантазіи художника извѣстные образы, то онъ и одѣлъ ихъ въ длинныя, красныя мантіи, въ епископскія шапки и черные кафтаны съ жесткими плотными воротниками. Онъ изобразилъ ихъ съ большими головами и маленькими туловищами и снабдилъ ихъ носовыми платками и молитвенниками. Изъ ихъ ртовъ вылетали латинскія изреченія, а для наиболѣе важныхъ святыхъ онъ поставилъ на облакахъ крѣпкіе, деревянные стулья для того, чтобы они могли съ полнымъ удобствомъ совершить путешествіе въ небеса.

Такъ что же? Всякій хорошо зналъ, что ни души, ни ангелы никогда не являлись бѣдному художнику, а потому никто особенно и не удивлялся, что онъ не изобразилъ ихъ неземными существами. Произведеніе простодушнаго художника многихъ трогало до глубины души, и во многихъ сердцахъ вызвало благоговѣйное чувство. Оно было бы вполнѣ достойно того, чтобы и мы любовались имъ.

Но въ тотъ годъ, когда кавалеры хозяйничали въ Экебю, графъ Дона велѣлъ выкрасить всю церковь въ бѣлый цвѣтъ. Тогда-то и уничтожили живопись на потолкѣ. Въ то же время были уничтожены и глиняные святые.

Ахъ, эти глиняные святые!

Скорѣе я согласна была бы пережить какое-нибудь другое горе, нежели то, которое я испытала, когда ихъ уничтожили. Мое сердце

не страдало бы такъ отъ жестокости людей другъ къ другу, какъ оно страдало изъ-за глиняныхъ изображеній.

Подумайте только! Въ Свартшёской церкви находилось прежде изображеніе святого Олафа съ вѣнцомъ на шлемѣ и топоромъ въ рукахъ, а передъ святымъ стоялъ колѣнопреклоненный великанъ. На каѳедрѣ можно было видѣть Юдиѳь въ красной кофтѣ и голубой юбкѣ; въ одной рукѣ у нея былъ мечъ, а въ другой—вмѣсто головы ассирійскаго воина — она держала песочные часы. Была въ церкви также и загадочная царица Савская въ голубой кофтѣ и красной юбкѣ; на одной ногѣ у этой царицы была вмѣсто ступни гусиная лапа, а въ рукахъ она держала книги сибиллъ. На хорахъ лежалъ Георгій Побѣдоносецъ въ полномъ одиночествѣ, такъ какъ и его лошадь и драконъ были разбиты. Нельзя также не упомянуть и Кристоффера съ зеленѣющимъ жезломъ, и святого Эрика со скипетромъ и сѣкирой, въ длинной мантіи съ золотымъ узоромъ.

Какъ часто я сидѣла въ Свартшёской церкви и горевала о томъ, что изображеній больше нѣтъ, и какъ я тосковала по нимъ. Я не обратила бы никакого вниманія на то, что у многихъ изъ нихъ не хватало носа или ногъ, или что позолота сошла, и краски вылиняли. Я видѣла бы ихъ въ ореолѣ легендъ.

Всѣ эти святые причиняли не мало хлопотъ: одни теряли скипетры, другіе—уши или руки, и ихъ постоянно приходилось подчищать и подправлять. Прихожанамъ надоѣло это, и имъ очень хотѣлось какъ-нибудь отдѣлаться отъ святыхъ. Но всетаки крестьяне никогда не рѣшились бы тронуть ихъ, если бы не графъ Дона. Это онъ велѣлъ убрать ихъ.

И вотъ за это я возненавидѣла его такъ, какъ только можетъ ненавидѣть ребенокъ. Я ненавидѣла его, какъ голодный нищій ненавидитъ скупую хозяйку, которая отказываетъ ему въ кускѣ хлѣба. Я ненавидѣла его, какъ бѣдный рыбакъ ненавидитъ шаловливаго мальчика, который испортилъ его сѣть и пробилъ дыру въ его лодкѣ. Развѣ не страдала я отъ голода и жажды въ эти длинныя церковныя службы! А графъ Дона отнялъ у меня тотъ хлѣбъ, которымъ жила моя душа. Развѣ не стремилась я къ небесамъ, къ безконечному! А онъ испортилъ мою ладью и разорвалъ ту сѣть, въ которую я ловила святыя мечты.

Взрослые неспособны на такую глубокую ненависть. Развѣ я могла бы быть теперь способна ненавидѣть такое жалкое существо, какъ графъ Дона, или такого безумца, какъ Синтрамъ, или такую истасканную свѣтскую даму, какъ графиня Мерта! Но когда я была ребенкомъ, то счастіе ихъ было, что они давно уже умерли.

Напрасно священникъ проповѣдывалъ со своей каѳедры о мирѣ и всепрощеніи,—я была глуха къ его словамъ. Ахъ, если бы я только видѣла передъ собой старыя, глиняныя изображенія святыхъ, то они проповѣдывали бы мнѣ такъ, что я слышала бы и понимала.

И вотъ часто я сидѣла въ церкви и думала о томъ, какъ все произошло, когда ихъ вынесли изъ церкви и уничтожили.

Когда графъ Дона объявилъ свой бракъ недѣйствительнымъ, вмѣсто того, чтобы разыскать свою жену и узаконить ее, это вызвало всеобщее недовольство, такъ какъ всѣ знали, что его жена бѣжала изъ его дома только потому, что нехотѣла быть замученной до смерти. Повидимому, онъ хотѣлъ вернуть себѣ милость Божію и уваженіе людей какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ, и вотъ онъ рѣшилъ обновить Свартшёскую церковь. Онъ велѣлъ выкрасить всю церковь бѣлой краской и уничтожить картину на потолкѣ. Онъ самъ со своими рабочими вынесъ глиняныя изображенія изъ церкви, положилъ ихъ въ лодку, выѣхалъ на середину озера и погрузилъ ихъ въ глубокія воды Лёвена.

Какъ осмѣлился онъ наложить свои руки на изображенія святыхъ? О, подумать только, что это преступленіе совершилось безпрепятственно! Развѣ рука, отрубившая голову Олоферну, не владѣла больше мечомъ? Развѣ царица Савская забыла всѣ чары волшебства, раны которыхъ опаснѣе отравленной стрѣлы? Святой Олафъ, старый викингъ, Георгій Побѣдоносецъ, поразившій дракона, неужели ореолъ вашей славы померкъ?! По всей вѣроятности они просто не хотѣли употреблять насилія по отношенію къ преступникамъ. Разъ свартшёскіе крестьяне не хотѣли больше расходоваться на краски для ихъ одѣяній и позолоту для ихъ коронъ, то имъ и не оставалось ничего другого, какъ позволить графу Дона погрузить ихъ въ бездонную глубину. Они не хотѣли больше позорить Божій домъ своимъ жалкимъ видомъ. О, бѣдныя, безпомощныя изображенія, помнили ли они еще то время, когда передъ ними молились колѣнопреклоненные люди?

Я представляю себѣ лодку, нагруженную святыми, скользящую по гладкой поверхности Лёвена въ тихій лѣтній вечеръ, въ августѣ. Крестьянинъ, сидящій на веслахъ, гребетъ тихо, какъ бы нехотя, и по временамъ искоса поглядываетъ на необыкновенныхъ пассажировъ, сложенныхъ на носу. Но графъ Дона вовсе не боится; онъ беретъ святыхъ, одного за другимъ, въ свои собственныя графскія руки и бросаетъ ихъ въ воду. Лицо у него ясное, и онъ дышитъ глубоко. Онъ чувствуетъ себя борцомъ за чистое евангелическое ученіе. И во славу этихъ старинныхъ изображеній не свершилось никакого чуда. Тихо и безпомощно погрузились они въ вѣчность.

Въ слѣдующее воскресенье вся церковь блистала бѣлизной. Изображенія не мѣшали больше созерцанію внутренняго міра. Лишь духовными очами должны были благочестивые люди созерцать великолѣпіе небесъ и лики святыхъ. Молитвы людей должны были на собственныхъ крыльяхъ вознестись къ Всевышнему. Имъ не надо больше цѣпляться за подолы одѣяній святыхъ.

Ахъ, земля, возлюбленное жилище человѣка, покрыта зеленью... Небо,—цѣль его стремленій,—голубое... Міръ пестрѣетъ яркими красками. Но почему же церковь бѣлая? Бѣлая, какъ зима, нагая, какъ бѣдность, блѣдная, какъ ужасъ! Она не сверкаетъ инеемъ, какъ зимній лѣсъ. Она не украшена жемчугомъ и кружевами, какъ невѣста. Церковь выкрашена вся бѣлой клеевой краской, и въ ней нѣтъ ни единаго изображенія, ни единой картины.

Въ это воскресенье графъ Дона сидѣлъ на клиросѣ въ креслѣ, украшенномъ цвѣтами для того, чтобы всѣ могли видѣть его и восхвалять. Его должны были чествовать за то, что онъ починилъ старыя скамьи, уничтожилъ безобразныя изображенія, велѣлъ вставить вездѣ новыя стекла, на мѣсто старыхъ, разбитыхъ, и выкрасилъ всю церковь клеевой краской. Конечно, онъ воленъ былъ сдѣлать все это. Ничего дурного не было въ томъ, что онъ, желая смягчить гнѣвъ Всемогущаго, украсилъ храмъ, причемъ онъ постарался сдѣлать это настолько хорошо, насколько понималъ. Но зачѣмъ же онъ ждалъ награды за это?

Онъ, у котораго на совѣсти былъ тяжкій гнѣвъ, онъ долженъ былъ бы упасть на колѣни у позорной скамьи и просить своихъ братьевъ и сестеръ въ церкви молить Бога, чтобы онъ позволилъ ему присутствовать въ храмѣ. Лучше было бы для него, если бы онъ стоялъ бѣднымъ грѣшникомъ, а не сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ на клиросѣ, ожидая похвалы и награды за то, что хотѣлъ примириться съ Господомъ.

О, графъ, конечно, Богъ ожидалъ видѣть тебя у позорной скамьи! Если люди и не посмѣли осудить тебя, то онъ не могъ допустить насмѣяться надъ собой. Это все тотъ же Богъ, любящій правду, который заставляетъ говорить камни, когда люди молчатъ.

По окончаніи богослуженія, послѣ послѣдняго псалма, никто не уходилъ изъ церкви, потому что священникъ взошелъ на каѳедру, чтобы сказать благодарственное слово графу. Но до этого дѣло такъ и не дошло.

Не успѣлъ священникъ взойти на каѳедру, какъ раскрылись двери, и въ церковь вошли святые; съ нихъ струилась вода Лёвена, и они были запачканы зеленой тиной и коричневой грязью. Они, должно

быть, узнали, что священникъ собирается произнести хвалебное слово въ честь того, кто уничтожилъ ихъ, кто изгналъ ихъ изъ Божьяго дома и погрузилъ въ холодныя, разрушительныя волны. Старые святые пожелали также сказать свое слово въ этомъ дѣлѣ.

Имъ не нравился монотонный плескъ волнъ. Они привыкли къ пѣнію псалмовъ и молитвъ. Они молчали и покорялись, пока думали, что все дѣлается во славу Божію. Но это было вовсе не такъ. Графъ Дона сидѣлъ на клиросѣ на почетномъ мѣстѣ и хотѣлъ, чтобы его восхваляли и ему молились въ Божьемъ домѣ. Этого святые не могли снести. И вотъ они встали изъ своей мокрой могилы и пришли въ церковь, и народъ сейчасъ же узналъ ихъ. Вотъ святой Олафъ съ вѣнцомъ на шлемѣ, вотъ святой Эрикъ въ мантіи съ золотымъ узоромъ, а вонъ сѣрый Георгій Побѣдоносецъ и святой Кристофферъ; царица Савская и Юдиѳь отсутствовали.

Когда народъ успѣлъ опомниться отъ изумленія, то по церкви пронесся ясный шепотъ:

— «Кавалеры!»

Да, конечно, это были кавалеры. Они подошли къ графу и, не говоря ни слова, подняли его стулъ на плечи, вынесли изъ церкви и поставили на пригоркѣ.

Они ничего не говорили и не смотрѣли ни направо, ни налѣво. Они просто вынесли графа Дона изъ Божьяго дома, а когда это было сдѣлано, они сейчасъ же направились ближайшей дорогой къ озеру.

Никто ихъ не тронулъ, а они не тратили время на объясненіе своего поступка. Это было ясно и безъ объясненій: «Мы, кавалеры изъ Экебю, имѣемъ свое особое мнѣніе. Графъ Дона недостоинъ быть восхваляемымъ въ Божьемъ домѣ. Потому мы и выносимъ его оттуда. А теперь, если кто пожелаетъ, то пусть тащитъ его обратно».

Однако, никто не пожелалъ втащить его обратно. Священникъ такъ и не сказалъ своего хвалебнаго слова. Народъ сталъ выходить изъ церкви. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, находили, что кавалеры поступили правильно.

Всѣ вспомнили бѣлокурую, молодую графиню, которую такъ жестоко мучили въ Боргѣ. Вспомнили, какъ она была добра къ бѣднымъ, какимъ утѣшеніемъ было только смотрѣть на ея кроткое лицо.

Грѣшно было устраивать дикія выходки въ церкви, но священникъ и всѣ прихожане сознавали, что собирались еще хуже насмѣяться надъ Всемогущимъ. И они со стыдомъ и молча стояли передъ старыми безумцами.

— Когда молчатъ люди, то говорятъ камни,—сказали они.

Съ этого дня графу Хенрику не жилось въ Боргѣ. Въ одну тем-

ную, ночь въ началѣ августа, къ главному крыльцу подъѣхала карета. Всѣ слуги встали вокругъ нее, и изъ дома вышла графиня Мерта, закутанная въ шаль и съ густой вуалью на лицѣ. Ее велъ графъ, но она всетаки вся дрожала. Съ громадными усиліями удалось ее уговорить перейти сѣни и выйти на крыльцо.

Она быстро вошла въ карету, графъ вскочилъ за ней, дверцы захлопнули, и кучеръ погналъ лошадей во всю прыть. Когда сороки проснулись на слѣдующее утро, то графини уже больше не было въ Боргѣ.

Графъ поселился потомъ далеко на югѣ. Боргъ продали, и послѣ того онъ часто мѣнялъ хозяевъ. Всѣ любили это мѣсто, но не многіе нашли тамъ счастіе.

Перев. **М. Благовѣщенская.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Къ картинѣ Рѣпина.

«Иди за мною, сатано!»…
Христосъ сложилъ святыя руки.
Его лицо измождено,
Но онъ готовъ на смерть и муки.
Суровъ и труденъ новый путь
Поста, любви и всепрощенья.
Глаза смежились, впала грудь,
Но твердо свѣтлое ученье.

И въ тѣлѣ жирномъ властный грѣхъ,
Въ огнѣ зловѣщемъ рдѣютъ очи,
Въ изгибѣ устъ застывшій смѣхъ,
Отъ крыльевъ словно сумракъ ночи.
Онъ землю тяжкою стопой
Отъ вѣка нагло попираетъ
И взоръ враждебный и тупой
На слово истины бросаетъ.

Евгеній Морозовъ.

* *

На полѣ брани мирный сонъ.
Они навѣкъ почили рядомъ,
Въ послѣдній разъ окинувъ взглядомъ
Обоимъ чуждый небосклонъ.

Сердцамъ ихъ чуждая вражда
Ихъ привела на бой сюда,
Ихъ кровью землю обагрила,
Какъ братьевъ рядомъ положила.

Молчитъ недавняя гроза.
Цѣлуетъ лучъ чужого солнца
Чело пробитое японца,
Нѣмые русскіе глаза.

Евгеній Морозовъ.

НЕ ВЪ ОТЦА.

I.

Кто въ Петербургѣ не слышалъ о профессорѣ Савицкомъ? Не даромъ онъ слылъ за самаго недоступнаго изъ петербургскихъ врачей: у него записываться надо было едва ли не за три недѣли, а визита на домъ не всякій отъ него могъ дождаться. И платили ему, разумѣется, соотвѣтственно этой недоступности. А съ паціентами, какъ говорятъ, онъ обходился рѣзко, допрашивая ихъ, точно подсудимыхъ; едва кто изъ нихъ начнетъ жаловаться на свои недуги, онъ имъ не даетъ говорить, требуя, чтобы они отвѣчали только на вопросы. Ну, вотъ этого самаго профессора удалось мнѣ три года назадъ узнать не какъ врача только, но и какъ человѣка, и убѣдиться, что съ этимъ сильнымъ, вѣчно работающимъ, непреклоннымъ умомъ живетъ бокъ-о-бокъ самое доброе, отзывчивое сердце.

Случилось это вотъ какъ. Проводилъ я лѣто съ семьей около Райволы, на берегу небольшого озерка, въ круглую голубую поверхность котораго съ трехъ сторонъ внимательно, почти угрюмо смотрѣлся обступавшій его сосновый лѣсъ. На небольшомъ только пространствѣ крутой берегъ былъ открытъ, и здѣсь расположились, невдалекѣ одна отъ другой, двѣ дачи, изъ которыхъ одну занимали мы, другую—Савицкій.

Разъ, вернувшись изъ Петербурга, я засталъ свою младшую дѣвчурку въ сильной лихорадкѣ, съ горѣвшимъ лицомъ метавшуюся въ постели. Жена, разумѣется, потеряла голову и тоже металась не хуже ребенка. Мѣстный врачъ уже побывалъ два раза и ничего опредѣленнаго не сказалъ. Что было мнѣ дѣлать? Ѣхать въ Петербургъ значило терять время и, пожалуй, никого изъ знакомыхъ докторовъ не отыскать. Вдругъ у жены блеснула мысль: «Пойди ты попросту къ Савицкому. Мы сосѣди; можетъ быть, онъ и не откажется».

Возможность пригласить знаменитаго профессора мнѣ и въ голову не приходила. Знакомъ я съ нимъ не былъ, а слухъ объ его недоступности дойти до меня успѣлъ. Да и самая его могучая, строгая фигура — я встрѣчался съ нимъ не разъ на прогулкахъ — внушала мнѣ что-то похожее на страхъ. Густыя мрачныя брови, почти всегда сдвинутыя, темные пристальные глаза, будто поглощавшіе безслѣдно всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра, твердо сомкнутыя молчаливыя губы, — все это не говорило о мягкости.

И всетаки я рѣшился. Меня приняли. Профессоръ сидѣлъ на террасѣ и курилъ сигару. Не ожидалъ я его застать незанятымъ.

— Мы сосѣди,—встрѣтилъ онъ меня съ неожиданной привѣтливостью въ голосѣ. И голосъ этотъ, низкій и глубокій, не звучалъ сурово. — Сама судьба намъ велитъ познакомиться. Что, всѣ ли у васъ здоровы? Утромъ я встрѣтилъ вашу супругу съ пятилѣтней дѣвочкой и видъ ея что-то мнѣ не понравился.

Я объяснилъ профессору, что какъ разъ изъ-за этой дѣвочки его безпокою.

— Сперва я не смѣлъ къ вамъ обратиться, но...

Онъ перебилъ меня и тотчасъ поднялся съ мѣста, бросивъ недокуренную сигару.

— Полноте! Вы зашли ко мнѣ, должно быть, потому, что не знаете, съ какимъ врачомъ имѣете дѣло, и здѣшній врачъ не догадывается тоже. Молодая жизнь, можетъ быть, въ опасности, и вы боялись, что я откажусь подѣлиться съ вами тѣмъ, что знаю. Полноте! Дѣтей мнѣ особенно жаль.

И тутъ же онъ взялъ шляпу трость и быстрой, твердой походкой направился со мной къ нашей дачѣ.

— Вы меня застали,—говорилъ онъ дорогой,—въ минуту ничего недѣланья. Это нехорошо. Излѣниться можно. И спасибо вамъ, что оторвали...

— Я не подозрѣвалъ,—отвѣтилъ я,—что вамъ случается быть незанятымъ.

— Случается. И я начинаю примѣчать за собою наклонность вдаваться въ неподвижность, не работать ни тѣломъ, ни головою. Голова, по настоящему, всетаки работаетъ, только въ сторонѣ какъ-то, будто вдали отъ меня...

— Это необходимый отдыхъ,—отозвался я.

Онъ махнулъ рукой.

— Отдыхъ? Нѣтъ, не то. Упорная наклонность мысли возвращаться туда, куда ее не слѣдуетъ пускать.

Онъ замолчалъ, и смыслъ этихъ словъ сталъ мнѣ ясенъ только впослѣдствіи.

Случай съ моей дѣвчуркой профессоръ сразу опредѣлилъ. Подготовлялась попросту корь и надо было принять мѣры, чтобы не перебопѣла вся семья. Тутъ, лицомъ къ лицу съ болѣзнью, онъ былъ опять весь жрецомъ своего дѣла. Но въ ясныхъ, короткихъ его предписаніяхъ я не подмѣтилъ ни тѣни рѣзкости.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ бывать у насъ часто и, къ моему удивленію, порой даже засиживался. Я всегда провожалъ его домой, желая хоть на нѣсколько минутъ продлить нашу бесѣду. Это былъ поразительно ясный и въ то же время простой, непритязательный умъ, безъ тѣни профессіональной замкнутости, безъ того особаго самодовольнаго чванства, какое свойственно прославленнымъ спеціалистамъ. Ему, очевидно, доставляло удовольствіе выходить изъ своей роли консультанта и попросту обмѣниваться мыслями съ посторонимъ. Мнѣ всегда жаль было обрывать нашъ разговоръ на порогѣ его дачи, но попросить у него позволенія войти я не рѣшался. И вотъ разъ онъ пригласилъ меня самъ.

— Пашему брату такъ рѣдко приходится имѣть дѣло просто съ человѣкомъ, а не съ паціентомъ только. Такъ позвольте ужъ съ вами отступить отъ этого обычая, благо досужаго времени у меня теперь много. Я разрѣшаю себѣ полную свободу и лишь въ рѣдкіе дни навѣщаю особенно тяжкихъ больныхъ. Я радъ случаю скинуть съ себя профессіональную тогу, а то профессія точно прикрываетъ отъ насъ, врачей, самую жизнь.

Стòило мнѣ заглянуть въ домъ Савицкаго—и тотчасъ у меня явилась мысль, что здѣсь только жилье, а не настоящая жизнь. У Савицкаго было трое дѣтей. Старшая дочь Катя, лѣтъ двадцати восьми, некрасивая и неразговорчивая, точно слегка раздраженная на всѣхъ и на все, сынъ студентъ, необыкновенно юркій и прыткій и въ то же время съ почти дѣтской свѣжестью на лицѣ,—до того весело игралъ въ немъ совсѣмъ еще нетронутый жизнью румянецъ,— да младшая дочь, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, глядѣвшая такою же юркою, какъ братъ. Черты ея не успѣли еще сложиться, не выражая пока ничего, кромѣ недоумѣвающаго, будто нетерпѣливаго вопроса, обращеннаго ко всему окружающему міру. Звали ее Зоинькой. Съ дѣтьми Савицкій былъ внимателенъ и ласковъ, хотя въ его обращеніи съ ними чувствовалось что-то разсѣянное, даже тогда, когда рука его нѣжно касалась курчавыхъ темныхъ волосъ его любимицы, младшей дочери. Старшіе дѣти жили какъ-то бокъ-о-бокъ съ нимъ, но не вмѣстѣ. Между ними и отцомъ стояло, какъ будто выросшее цѣлой

стѣной, долгое недоразумѣніе. И молчаливое безучастіе Кати и особое жизнерадостное «себѣ на умѣ», читавшееся на розовомъ лицѣ студента, почему-то одинаково не давали имъ обоимъ стать въ непосредственное близкое общеніе съ отцомъ. Онъ, бывало, заговоритъ съ однимъ изъ нихъ—и вдругъ оборветъ свою рѣчь, какъ бы чувствуя, что понять они другъ друга не могутъ... И почти горькая складка ложилась на его спокойныя черты.

Савицкій былъ женатъ два раза, и первая его жена, мать Кати и Володи,—такъ звали студента,—умерла очень давно. На дочери сказывалось отсутствіе мягкаго материнскаго вліянія, а сынъ—онъ былъ изъ тѣхъ, которымъ никакого вліянія не нужно, потому что они съ первыхъ же годовъ юности стряхнули съ себя всякую духовную связь съ близкими. Открытой беззаботности Володи сердечная привязанность, долгъ къ семьѣ казались еще болѣе чуждыми, чѣмъ угрюмости его старшей сестры.

О второй женѣ мнѣ разсказали, что сорока лѣтъ уже Савицкій увлекся совсѣмъ молодой дѣвушкой, мать которой онъ долго и старательно пользовалъ, не переставая ее поддерживать и утѣшать, пока ее медленно доводилъ до гроба неизлѣчимый недугъ. Дочь осталась круглой сиротой и совершенно безъ средствъ, и Савицкій предложилъ ей озарить лучомъ своей молодости его опустѣлый домъ. Жива ли она еще, и гдѣ она теперь? Я не рѣшался спросить. Но смутно я сознавалъ, что протекшіе годы причинили Григорію Артемьевичу—такъ звали Савицкаго—болѣзненную, тяжкую обиду, и жгучая боль, причиненная ею, до сихъ поръ горитъ въ его памяти. Во всемъ домѣ чувствовалось будто присутствіе нѣмой враждебной тѣни, которую изгнать было нельзя.

И, странное дѣло, несмотря на репутацію жестокой самоувѣренности, которую профессору навязала молва, въ его отношеніи къ своему дѣлу было что-то почти робкое, было неутомимое, болѣе чѣмъ добросовѣстное, исканіе истины. Оттого, должно быть, ему и рѣже другихъ случалось ошибаться.

— Вы, вѣроятно, думаете,—говаривалъ онъ часто,—что человѣческая натура для меня то же, что клавиши инструмента для опытнаго исполнителя? Нѣтъ. Представьте себѣ, рѣдко мнѣ не случалось наталкиваться на что-нибудь новое, негаданное. Клавиши эти то и дѣло поражаютъ насъ, врачей какимъ-нибудь совершенно неожиданнымъ тономъ. И прислушиваться къ этимъ тонамъ мы обязаны. Мы все же ощупью идемъ въ нашемъ, такъ называемомъ точномъ знаніи.

— Неужели и вы въ потемкахъ? — отвѣтилъ я разъ на такія слова.

— Не въ потемкахъ, коли хотите, а въ сумеркахъ. И когда-когда еще блеснетъ настоящій солнечный лучъ! Книгу природы труднѣе, пожалуй, разобрать, чѣмъ самыя мудреныя клинообразныя надписи. Тамъ, по крайней мѣрѣ, имѣешь дѣло съ чѣмъ-то замкнутымъ, съ человѣческою рѣчью, въ которой все условно, а потому и уловимо. А въ природѣ за условностью, которую мы въ нее вложили, чуется что-то иное, грозное, безусловное, окончательное. И чѣмъ дальше мы идемъ, тѣмъ болѣе это окончательное отъ насъ ускользаетъ. Едва мы хотимъ опереться на какое-нибудь понятіе,—мы видимъ, что у насъ подъ ногами не твердая скала, какъ мы думали, а дымное облако, разсыпающееся, какъ сонная греза.

— Да коли такъ,—замѣтилъ я,—вся наука—одно самообольщеніе, и послѣ каждаго подъема мы роковымъ образомъ падаемъ, разбивъ лишнюю иллюзію.

— Видите-ли,—было его отвѣтомъ,—ученые бываютъ двухъ родовъ. Одни все взвѣшиваютъ, измѣряютъ и довольствуются тѣмъ, что приборы у нихъ все точнѣе и область приблизительнаго все меньше. Они и успокаиваются на этой неполной точности, мирятся съ несовершенствами зрѣнія и слуха и выдумываютъ себѣ въ утѣшеніе какую-то норму, т.-е. законную границу ошибокъ, свойственную большинству людей. А главной неточности они и не подозрѣваютъ. Не въ томъ она, что насъ обманываютъ чувства, что вѣсы, даже самые усовершенствованные, все же врутъ, что ни времени, ни пространства, ни силы въ сущности измѣрить нельзя, а въ томъ, что мы попросту не знаемъ, имѣется ли все это въ дѣйствительности или только въ нашемъ воображеніи. И что такое сама дѣйствительность? Гдѣ ея мѣрило? Чуть сдаютъ нервы или едва они раздражены, мы уже не то ощущаемъ, что прежде. Ну, а какъ знать, въ какой мѣрѣ обманываетъ насъ обычная, такъ называемая нормальная чувствительность? И потому что черезъ мои руки сотни людей прошли, у которыхъ такая чувствительность болѣе или менѣе встрѣчалась, имѣю ли я основаніе заключить, что она-то именно и есть правильная? Все наше тѣло, да и не одно наше, состоитъ изъ милліардовъ живыхъ существъ, для которыхъ оно служитъ и колыбелью, и кладбищемъ. Родятся они, живутъ, умираютъ,—а мы этого даже не примѣчаемъ. А кто намъ сказалъ, что въ органахъ такихъ мельчайшихъ существъ не живутъ еще милліарды другихъ, которыхъ ни въ какое увеличительное стекло не увидишь? И гдѣ предѣлъ этому, гдѣ граница? И тѣ, которые на внѣшности не останавливаются и чувствуютъ священный ужасъ неизвѣстнаго, тѣ со страхомъ подходятъ

къ великой тайнѣ и не рѣшаются, подобно Шиллеровскому юношѣ, приподнять завѣсу...

— Вы великій скептикъ,—попробовалъ я шутливо отвѣтить,— Вы не вѣрите въ природу и даже, чего добраго, въ невѣріе.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Чтобы на такомъ скептицизмѣ остановиться, надо быть человѣкомъ, не признающимъ въ жизни ничего, кромѣ удовольствія. Вы знаете, я не таковъ: двухъ вещей я не могу не признавать. Людямъ стало легче жить не оттого только, что изобрѣли разныя усовершенствованія, а оттого, что у всѣхъ насъ все-таки меньше равнодушія къ судьбѣ прочихъ, чѣмъ бывало прежде. А это, какъ хотите, что-нибудь да значитъ. И вотъ вамъ мѣрило для практическихъ успѣховъ:—болѣе живое участіе въ судьбѣ прочихъ. Есть такое—мѣрило и для теоріи. Я твердо знаю, что обидѣть слабаго нехорошо, и презираю человѣка, способнаго это сдѣлать. И какъ ни стараюсь я себя увѣрить, что установился такой взглядъ тысячелѣтіями, путемъ эволюціи и наслѣдственности, я сознаю, что это объясненіе вздоръ, что есть гдѣ-то нравственные устои, которыхъ я опредѣлить не могу, но которые тѣмъ не менѣе существуютъ. Если быть порядочнымъ человѣкомъ, значило бы только удовлетворять условной или утилитарной морали, я бы не презиралъ того, кто такую мораль нарушаетъ. Да и самъ себя онъ не презиралъ бы. Вѣдь я не встрѣчалъ до сихъ поръ такого закоренѣлаго мерзавца, у котораго въ самой глубинѣ души не шевелился бы стыдъ.

— Не встрѣчали, дѣйствительно?...

Нашъ разговоръ былъ прерванъ неожиданнымъ появленіемъ Володи.

Молодой человѣкъ вошелъ, какъ всегда, быстро и беззвучно, хотя нельзя было про него сказать, чтобы онъ шелъ крадучись. И какъ всегда, полная, невозмутимая жизнерадостность сіяла на его свѣжемъ лицѣ. Григорій Артемьевичъ бросилъ на сына быстро вспыхнувшій взглядъ и тотчасъ отвернулся, опустивъ глаза. Бесѣда наша тутъ же оборвалась. Володя со мной поздоровался съ почти заискивающей любезностью.

— Что, Владиміръ Григорьевичъ,—обратился я къ молодому человѣку,—не весело вамъ здѣсь въ Финляндіи, особенно въ этомъ глухомъ углу?

Володя сперва посмотрѣлъ на меня улыбаясь, потомъ какъ-то осторожно сказалъ:

— Я скуки вообще не признаю.—Затѣмъ онъ обратился къ отцу:—Ахъ да, папа! Опять эта женщина пришла. Вы знаете, старуха эта уродливая, съ больной щекой. Я хотѣлъ ее прогнать, но...

— Прогнать?—Глаза у Григорія Артемьевича опять блеснули и онъ мигомъ поднялся.—Я къ ней пойду.—И какъ бы извиняясь, онъ повернулся ко мнѣ.—Это волчанка. Очень серьезный случай.

Оставшись вдвоемъ съ Володей, я попробовалъ съ нимъ разговориться. Я подмѣтилъ двусмысленную улыбку, съ которой онъ проводилъ уходившаго отца.

— Находите страннымъ,—началъ я,—что Григорій Артемьевичъ и бѣдныхъ лѣчитъ?

Володя облокотился на перила террасы и устремилъ красивые глаза въ глубь сада, отвѣчая мнѣ:

— Не страннымъ, нѣтъ. Это было бы неточное выраженіе, а, пожалуй, что лишнее это стараніе. Всѣхъ бѣдныхъ не вылѣчишь, а помогать имъ по одиночкѣ, это почти то же, что попытаться Ладожское озеро вычерпать чайными ложками.

— А вы очень любите точно выражаться?—спросилъ я опять.

Тутъ смѣющіеся глаза юноши снова обратились ко мнѣ:

— Этому меня отецъ научилъ.

— Но скажите пожалуйста, какими судьбами вы, сынъ такого знаменитаго ученаго, не пошли по медицинской части или, по крайней мѣрѣ, не поступили на естественный факультетъ?

Улыбка теперь широко засіяла на лицѣ Володи.

— Отчего я въ доктора не пошелъ? Да попросту оттого, что совсѣмъ не весело трогать руками разныхъ нечистоплотныхъ субъектовъ и перевязывать противныя раны, да еще по ночамъ вставать, коли позовутъ къ больному. Въ положеніи отца можно бы этого и не дѣлать, но въ молодые годы, знаете, нельзя отказываться: мигомъ получишь дурную репутацію. Ну, а естественныя науки—онѣ вѣдь такъ только называются, а на самомъ дѣлѣ въ нихъ слишкомъ много этой противной философіи, и на каждомъ шагу, куда бы не толкнулся, все запертыя двери. Скучно! То ли дѣло мы, юристы! Тутъ все ясно: сводъ законовъ. Подошелъ подъ статью—и подвергайся взысканію по такому-то пункту. Позабылъ на бумагѣ выставить число или мѣсяцъ, или подпись нечеткая, или еще что-нибудь такое,—и бумага никуда не годится. Ясно и просто.

— А, вы такъ понимаете право?

— Еще бы,—съ оттѣнкомъ восторга засмѣялся молодой человѣкъ,—а вы думаете, есть теперь еще дураки, которые за отвлеченными понятіями гоняются?

— Конечно, нѣтъ,—отвѣтилъ я, намѣренно ему поддакивая,—зато есть умные люди, которые ясныя и простыя слова умѣютъ такъ выворачивать наизнанку, что черное выходитъ бѣлымъ.

— Ну, это очень просто, — съ наивной самоувѣренностью отвѣтилъ молодой человѣкъ. — На охотѣ вотъ, напримѣръ. Одному ясно видна птица и рука у него не дрожитъ и попадаетъ онъ въ цѣль почти каждый разъ; а другой — нѣтъ: зрѣніе слабо, нервы... Ну, такъ вотъ и у насъ, юристовъ. Кто увидитъ заковычку и ею воспользуется, кто нѣтъ. Вотъ и все.

— Вы должно быть въ адвокаты готовитесь? — спросилъ я.

— Какъ придется, — развязно отвѣтилъ юноша. — Спора нѣтъ, денегъ на этомъ заработаешь больше, чѣмъ на службѣ, но не все вѣдь и въ деньгахъ. Положимъ, это не отвлеченное понятіе, но все же есть много вещей цѣннѣе денегъ. И знаете, какъ это ни странно, иныя вотъ изъ этихъ самыхъ отвлеченныхъ понятій, ну, хорошая репутація, напримѣръ, или нравственное вліяніе, имѣютъ очень осязательную цѣнность и въ концѣ концовъ тѣ же деньги приносятъ. Оттого-то я еще не рѣшился; служба, при удачѣ, пожалуй, что и выгоднѣй. Да, впрочемъ, во всякой профессіи одно и то же — другихъ обскакать...

«Ну, не похожъ ты на своего отца», — подумалъ я.

И всетаки Володя меня настолько заинтересовалъ своимъ откровеннымъ, будто ребяческимъ цинизмомъ, что я его тутъ же пригласилъ къ намъ заходить, когда ему дѣлать нечего.

— Помилуйте, очень буду радъ, — отвѣтилъ онъ весело. — Киснуть вдвоемъ съ Катей не забавно, а съ вами такъ пріятно бесѣдовать.

Этотъ наивный комплиментъ по моему адресу мнѣ показался комичнымъ, и я обѣщалъ себѣ немалое удовольствіе отъ предстоявшаго мнѣ изученія юноши, такъ охотно раскрывавшаго передъ первымъ встрѣчнымъ свои взгляды.

«Однако, ты себѣ на умѣ, хоть и глядишь такимъ откровеннымъ, — подумалъ я, — и не все въ тебѣ такъ просто и ясно, какъ съ перваго взгляда кажется».

II.

Володя Савицкій не злоупотреблялъ моимъ приглашеніемъ, хоть и доставляло ему, повидимому, большое удовольствіе у насъ бывать. Онъ всѣмъ пришелся по нраву, и женѣ, которая его нашла очень милымъ: «такой благовоспитанный, — говорила она, — и такъ хорошо умѣетъ себя держать», и моему 16-лѣтнему Андрюшѣ, которому очень лестно было водить знакомство съ студентомъ третьяго курса. Одной только Вѣрочкѣ, моей 15-лѣтней дочкѣ, онъ съ перваго же

раза не понравился. Она, впрочемъ, странное существо, совсѣмъ не въ жену и не въ меня. Нравъ у нея рѣзкій, неуживчивый, и, какъ скоро ей кто-нибудь придется не по вкусу, она смотритъ букой, враждебно опуская внизъ свои острые черные глазенки. Скороспѣлую развязность молодого человѣка, какъ ни смягчало ее, казалось, явное желаніе Володи всѣмъ угождать, она называла нахальствомъ, хоть и сама избыткомъ скромности не отличалась. Но съ моею молодежью Володя разговаривалъ немного. Онъ, видимо, старался совсѣмъ овладѣть расположеніемъ жены и моимъ. Надо ему отдать справедливость—скучно съ нимъ не бывало никогда: было что-то необыкновенно забавное въ его твердомъ убѣжденіи, что жизнь для него—накрытый столъ и ему только выбирать приходится, чего отвѣдать.

— Пора,—не разъ говорилъ онъ женѣ,—чтобы ныть у насъ перестали. Несносно, право несносно! И въ литературѣ, и въ музыкѣ, и попросту въ жизни вѣчный минорный тонъ, вѣчное какое-то окисленіе духа. Одно взаимное прививаніе скуки и больше ничего. И что, скажите, въ этомъ толку? Хмурь эту бросить надо; ничего, кромѣ разслабленности, она не приноситъ.

У него была на этотъ счетъ даже своя особая философія, хоть и увѣрялъ онъ, что философствовать не любитъ:

— Съ жизнью надо весело обращаться и, повѣрьте, она сама повеселѣетъ. Внѣшнему міру надо свои впечатлѣнія навязывать, а не воспринимать ихъ отъ него.

Жена только снисходительно улыбалась, слушая эти задорныя рѣчи, и находила этотъ оптимизмъ Володи очень симпатичнымъ, но слегка ребяческимъ. Было, однако, существо, внимавшее ему почти съ восторженнымъ довѣріемъ. Это была моя племянница Лиза, или попросту Лили, какъ ее называли, хотя это нѣжное имя не особенно шло къ ея далеко не мягкому нраву. Она пріѣхала къ намъ гостить въ началѣ іюля и съ перваго же дня познакомилась съ Володей. Странное дѣло! Во всемъ, даже въ чертахъ лица, было у нея большое сходство съ моей Вѣрочкой, а между тѣмъ Володя Савицкій производилъ на обѣихъ дѣвушекъ совершенно противоположное впечатлѣніе. Какъ ни упрямо качала Вѣрочка головкой, твердя кузинѣ, что этотъ Володя совсѣмъ нехорошій, самоувѣренный такой и въ сущности фальшивый, при всей своей кажущейся откровенности, Лили оставалась при своемъ.

— Нѣтъ, онъ много лучше другихъ,—отвѣчала она.—Куда годятся эти молодые люди на постномъ маслѣ, которые вѣчный трауръ на себя наложили и носятъ его, какъ мундиръ, точно это приказано.

— А ты замѣтила,—горячо настаивала Вѣрочка,—какъ сегодня,

когда принесли газеты и прочитали, что въ Самарѣ, кажется, или въ Саратовѣ, не помню, крестьяне такъ бѣдствуютъ, онъ размѣялся и сталъ увѣрять, что это просто отъ глупости народа и помогать ему не надо, а то онъ никогда не станетъ на ноги и не научится самъ за себя хлопотать.

— Ну, что-жъ,—возразила Лили,—тутъ много вѣрнаго. Миндальничаньемъ ничего не сдѣлаешь. У всякаго судьба въ собственныхъ рукахъ.

Лили разсуждала про это съ такой увѣренностью, будто долголѣтній опытъ научилъ ее этому, а на самомъ дѣлѣ она повторяла слова брата своего Виктора, сумѣвшаго выйти сухимъ изъ воды послѣ трехъ очень крупныхъ университетскихъ исторій, въ которыя его старались впутать товарищи. Но братъ этотъ, которому она собиралась написать, чтобы освѣдомиться, какого онъ мнѣнія насчетъ Володи, всетаки былъ не то, что молодой Савицкій. Недоставало ему той вкрадчивой, жизнерадостной веселости, которой вся была пропитана чисто мажорная натура Володи. Разъ, когда мы случайно остались вдвоемъ съ молодымъ человѣкомъ, я у него вдругъ спросилъ:

— А какъ успѣли у васъ, въ теперешнее время, сложиться ваши консервативные взгляды?

— Кон-сер-ва-тив-ные?—спросилъ онъ, широко раскрывъ глаза и отчеканивая каждый слогъ.—Вы это называете консерватизмомъ?

— А то какъ же?—была моя очередь удивиться.

— Да помилуйте!—воскликнулъ онъ,—развѣ вы у меня какіе-нибудь предразсудки нашли, какую-нибудь отсталость? Я, напротивъ, кажется, отрицаю всякій авторитетъ,—онъ сдѣлалъ выразительное движеніе рукой,—въ томъ числѣ авторитетъ и такъ называемой точной науки и выведенныхъ ею неточныхъ теорій. И этотъ послѣдній кумиръ пора долой! Гдѣ же тутъ консерватизмъ?

— А насчетъ вопросовъ политическихъ?—спросилъ я опять.

— Да и тутъ дѣло самое простое. Вамъ показалось развѣ, что мнѣ какая-нибудь традиція мила? За однимъ только я признаю право на господство—за силой физической, потому что съ нею спорить нельзя, и за умственной, потому что спорить съ нею безполезно. Въ этомъ весь такъ называемый прогрессъ. Только у насъ берутся не съ того конца. Въ толпу вѣрятъ, въ массу, и одинъ даже такой мудрецъ нашелся, который призналъ, что толпа-то и есть настоящій сверхчеловѣкъ. А куда она годится, развѣ только въ экстренную минуту? Нѣтъ, настоящая демократія та, которая широко раскрываетъ двери передъ умными людьми, откуда бы они ни приходили.

— Въ этомъ числѣ и передъ вами, конечно?

Володя только посмотрѣлъ на меня, улыбаясь во всю ширь своихъ красивыхъ темно-сѣрыхъ глазъ и недоумѣвая, быть можетъ, смѣюсь ли я надъ нимъ или говорю серьезно.

— Вашъ батюшка,—добавилъ я,—не совсѣмъ такъ смотритъ на вещи.

— Мой батюшка безспорно очень умный человѣкъ, только онъ не додумалъ своихъ мыслей до конца...—Помолчавъ съ минуту, онъ продолжалъ, слегка понизивъ голосъ.—У Григорія Артемьевича, вы, конечно, это ужъ замѣтили, предразсудковъ и суевѣрій тоже нѣтъ, но, покончивъ съ этимъ старьемъ, онъ остановился на полдорогѣ. Для него осталось какое-то коллективное божество—человѣкъ, Homo sapiens по-латыни, и по отношенію къ этому самому Homo sapiens какой-то нравственный долгъ. Но откуда взялись эти обязанности, гдѣ ихъ корни,—на этотъ счетъ мой папаша при всемъ своемъ умѣ все-таки пассъ.

— Такъ что вы съ своей стороны не признаете никакого долга, никакихъ обязанностей?

Володя посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ и какъ будто немного разсердился.

— Признаю я одно,—отчеканилъ онъ, вставая; мы сидѣли оба на террасѣ, и съ глубокаго черняго неба на насъ такъ мягко, такъ участливо смотрѣли яркія звѣзды,—надо себя вести порядочно, но не оттого, что такъ велѣно, а по той самой причинѣ, по которой мы руки моемъ: непріятно быть грязнымъ,—вотъ и все. А затѣмъ позвольте мнѣ вамъ пожелать доброй ночи.

И, пожавъ мнѣ руку, Володя спустился въ садъ, а черезъ минуту мнѣ издали послышалось, какъ онъ насвистывалъ бойкій опереточный мотивъ.

А еще черезъ минуту иной звукъ, легкій и будто скользящій, опять нарушилъ глубокое молчаніе ночи. Лили и Вѣрочка шли обнявшись, и песокъ дорожки чуть-чуть скрипѣлъ подъ ихъ словно задумчивой походкой.

— Ну, что-жъ,—проговорила вполголоса Вѣрочка,—вокругъ стояла такая тишь, что слова ея отчетливо доходили до моего слуха,—понравилось тебѣ, что сейчасъ говорилъ твой драгоцѣнный Володя.

«Драгоцѣнный,—подумалъ я,—вотъ до чего ужъ дошло».

Онѣ, очевидно-таки, подслушивали.

— Онъ какъ всегда говорилъ умно,—отвѣтила Лили,—и во

всякомъ случаѣ не заурядно. Да подожди лучше, что про него напишетъ Викторъ. Ему ты, я думаю, повѣришь?

За Викторомъ былъ въ глазахъ Вѣрочки авторитетъ безспорный.

И вотъ на слѣдующій же день пришло не письмо, котораго Лили ожидала, а пріѣхалъ самъ Викторъ. По натурѣ это былъ шалунъ и балагуръ, но шалившій какъ-то угрюмо, съ неизмѣнной чертой укоризненной важности на лицѣ. Онъ будто и себѣ, и другимъ вѣчно собирался прочесть нотацію. И однако товарищи его очень любили. Онъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые могутъ безнаказанно идти противъ ходячаго мнѣнія. И моя неразговорчивая своенравная Вѣрочка ему покорялась. Въ его присутствіи она становилась совсѣмъ шелковой. Въ самый день пріѣзда Виктора мнѣ довелось услыхать его отзывъ о Володѣ Савицкомъ и вызванный этимъ отзывомъ споръ.

— Вотъ видишь,—громко торжествовала Вѣрочка, хлопая въ ладоши,—и Витя со мной одного мнѣнія.

— Ну, не совсѣмъ,—глубокимъ, почти панихиднымъ басомъ произнесъ Викторъ,—я къ нему такъ строго не отношусь, какъ вы вотъ, моя самостоятельная кузина. Я только не вижу въ немъ пророка, какъ Лили. Онъ попросту добродушный эгоистъ, а это въ наше время не рѣдкость. И единственный культъ, пророкомъ котораго онъ можетъ быть, культъ самого себя.

— Въ тебѣ говоритъ зависть!—отпарировала Лили.

— А въ тебѣ что говоритъ?—сталъ ее дразнить братъ.

На это, разумѣется, Лили прямо не отвѣтила.

— Ну, допустимъ, онъ эгоистъ,—сказала она,—но эгоизмъ у него не грубый, будничный, какъ у всѣхъ...

— А такъ сказать съ двойнымъ букетомъ,—перебилъ ее братъ.

Вѣрочка все громче торжествовала.

— Ну, моя прелестная кузина, вы тоже не слишкомъ на него нападайте... Потому что, какъ ни говори, малый онъ неглупый, себѣ на умѣ.

— А это хорошо?—перебила Вѣрочка.

— Хорошо или, нѣтъ,—другой вопросъ. Въ такое время мы живемъ, когда надо глядѣть въ оба и не зѣвать... А что въ немъ оригинально,—это смѣсь умѣнія вѣрно разсчитывать самымъ наивнымъ балагурствомъ, конечно, для вида только. Держитъ камень за пазухой и въ то же время смѣется.

Этимъ приговоромъ ни одна изъ барышенъ не была удовлетворена и какъ водится, каждая осталась при своемъ мнѣніи.

— Викторъ,—сказалъ я племяннику, оставшись съ нимъ съ

глазу на глазъ.—Ты посмотри за сестрой. Боюсь, какъ бы не увлеклась она слишкомъ этимъ Володей Савицкимъ.

— Не безпокойтесь, дядюшка, она не изъ такихъ,—беззаботно отвѣтилъ Витя.

И въ тотъ же день онъ отправился къ Савицкимъ. Вечеромъ молодые люди не показывались, а на слѣдующій день, чѣмъ свѣтъ, отправились стрѣлять утокъ. У насъ дома все какъ-то неестественно затихло. Ни смѣха, ни болтовни не слышалось. Да и самый день выдался хмурый. Мнѣ захотѣлось навѣстить профессора, съ которымъ не видался ужъ цѣлую недѣлю, но Григорія Артемьевича не было дома—его вызвали на консиліумъ. Встрѣтили меня его дочери.

— Отецъ вернется только завтра,—медленно произнесла неразговорчивая Катя.

— А безъ папы скучно,—добавила бойкая Зоя.

— Что-бы вы къ намъ зашли,—предложилъ я,—все же веселѣе будетъ.

— Я съ большимъ удовольствіемъ, — рѣшительно отвѣтила младшая.

Но Катя тотчасъ отыскала массу препятствій. Ей надо было письма отправлять, смотрѣть за хозяйствомъ, а Зоиньку безъ себя она отпустить не можетъ. Та нахмурила бровки и отошла прочь.

Да, туча какая-то, незамѣтная съ перваго взгляда, несомнѣнно висѣла надъ домомъ профессора. Одна изъ тѣхъ неотвязчивыхъ тучъ, которыя не разрѣшаются грозой, но которыхъ солнце не въ силахъ разсѣять.

Къ обѣду Викторъ привелъ своего товарища. Они ровно ничего не застрѣлили, но проголодались страшно и находились оба въ томъ пріятно возбужденномъ настроеніи, которое приноситъ съ собою въ молодые годы долгая ходьба. Разговоръ шелъ урывками, скачущимъ темпомъ. Люблю я слушать такіе разговоры,—въ нихъ молодость особенно ярко сказывается и есть въ нихъ что-то похожее на нервные прыжки совсѣмъ еще невыѣзжанной лошади.

— А уточки сегодня насъ скромности учили,—сказалъ Викторъ.—Вотъ мы, практическіе люди и не всегда въ цѣль попадаемъ.

— А что дѣлали безъ насъ милыя барышни?—спросилъ Володя.

— Скучали, разумѣется,—подхватилъ Викторъ, только не признаются.—Сидѣли по угламъ и дѣлали видъ, что читаютъ.

— Вотъ и не правда,—сказала Лили,—цѣлыхъ двѣ статьи прочла въ толстомъ журналѣ.

— О чемъ, позвольте спросить?

Лили должна была признаться, что не совсѣмъ помнитъ. Мало-

по-малу, когда острый аппетитъ двухъ охотниковъ былъ удовлетворенъ, разговоръ вошелъ въ ровную колею. Лили, желавшая поддержать свою репутацію серьезной молодой особы, обратилась къ Володѣ съ какимъ-то научнымъ вопросомъ. Тотъ отвѣтилъ въ шутливомъ тонѣ. Лили совсѣмъ было обидѣлась, и замѣтивъ это, Володя спросилъ:

— Да позвольте узнать, отчего вы меня за спеціалиста по научной мудрости считаете? Я попросту добрый малый, пріѣхалъ на дачу отдохнуть и совсѣмъ не намѣренъ голову ломать надъ этой профессіей.

— А мнѣ такъ напротивъ казалось,—вмѣшался я въ разговоръ молодыхъ людей,—что вы охотно излагаете свои взгляды.

— Т.-е. вѣрнѣе свое отсутствіе взглядовъ,—бойко отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Володя, чего ты врешь,—замѣтилъ ему товарищъ.—Взгляды у тебя есть, всѣ это знаютъ, и даже очень опредѣленные.

— Да, онъ только притворяется,—поспѣшила вставить Лили.—И кто же повѣритъ, чтобы сынъ Григорія Артемьевича могъ не получить отъ него хоть часть его огромныхъ знаній.

— Т.-е. сомнѣній, хотите вы сказать,—все также весело и бойко отвѣтилъ Володя.—Отецъ очень любитъ говорить, что на днѣ науки большой вопросительный знакъ. А коли такъ, говорю я себѣ, не стоитъ до этого дна и докапываться. Отецъ трудился чуть не сорокъ лѣтъ, написалъ цѣлые фоліанты и пришелъ только къ вопросительному знаку. Я и вывожу логическое слѣдствіе: — не стòитъ искать.

— Да что же стòитъ по вашему?—прямо ужъ враждебно спросила Вѣрочка, у которой все время горѣли глаза отъ нетерпѣнія вмѣшаться въ споръ.

— Стòитъ жить, Вѣра Николаевна, попросту жить. На эту тему написана вѣдь довольно извѣстная вещь, про которую и вы, конечно, слыхали—ни больше ни меньше, какъ гётевскій Фаустъ. Этотъ почтенный старикашка дожилъ до 60 лѣтъ, не извѣдавъ жизни и тщетно отыскивая истину въ сторонѣ отъ нея... И надо было, чтобы изъ преисподней выскочилъ Мефистофель,—научить его, что любая теорія—пустая скорлупа. А зерно въ томъ, что всегда дѣлали и будутъ дѣлать люди.

— Другими словами,—захохоталъ Викторъ,—съ помощью того же Мефистофеля добывать себѣ Маргариту.

— Разумѣется... Это по крайней мѣрѣ не наскучитъ. И сомнѣній тутъ ужъ нѣтъ никакихъ, дѣло самое простое.

— Вы думаете?—обратился я къ бойкому молодому человѣку.—

А я такъ думалъ, что женщина самая замысловатая изъ всѣхъ книгъ, да еще такимъ шрифтомъ написанная, который разобрать куда какъ труднѣе всѣхъ клинообразныхъ надписей.

Володя не отвѣтилъ и покорно только опустилъ голову. Со мною онъ очевидно не хотѣлъ вступать въ споръ, да и чувствовалъ вѣроятно, что съ виду шутливая бесѣда дошла до самаго края обрыва, гдѣ малѣйшее неосторожное слово можетъ разомъ уронитъ его авторитетъ передъ Лили.

Но послѣ обѣда, когда молодежь сошла въ садъ, разговоръ опять вернулся къ покинутой темѣ. Голоса раздавались все громче и съ террассы я могъ разслышать каждое слово.

— Всѣ думаютъ,—говорилъ расходившійся Володя, что я отъ отца получилъ невѣсть какой огромный кладъ премудрости. А на самомъ дѣлѣ, что видѣлъ я съ раннихъ лѣтъ? Человѣка вѣчно колеблющагося, которому многолѣтніе труды не дали никакой твердой опоры, человѣка ни во что невѣрующаго, но изъ какой-то слабонервной размягченности готоваго отдать даже свое время, т.-е. гораздо больше, чѣмъ деньги, первому встрѣчному. Человѣка, у котораго поступки расходятся со взглядами. По-моему, коли твердой увѣренности ни въ чемъ нѣтъ, лучше, гораздо лучше вернуться къ доброй старинѣ.

— Тамъ по крайней мѣрѣ бакшишъ обѣщанъ,—насмѣшливо вмѣшался Викторъ.

— Ну, а что, какъ ты думаешь,—отрѣзалъ Володя,—законъ сохраненія энергіи, напримѣръ, коли ты въ него увѣруешь, бакшишь тебѣ какой-нибудь посулитъ? А коли нѣтъ, можетъ пригрозить тебѣ какимъ-нибудь наказаніемъ.

Дальше я уже не слышалъ: жена меня отозвала по какому-то дѣлу. Но позже, когда Володя Савицкій ушелъ къ себѣ, Лили медленно и, какъ бы колеблясь, поднялась на террасу, гдѣ мы сидѣли съ женой, и я не могъ не замѣтить, что слова молодого человѣка произвели на меня глубокое, хоть и смутное впечатлѣніе.

— Что, Лили,—спросилъ я съ притворной небрежностью,—разобрала ты что-нибудь изъ того, что говорилъ сегодня этотъ молодой Савицкій.

— Мудреный онъ очень,—отвѣтила она, не поднимая головы.— Загадка въ немъ какая-то.

— Ну, совѣтую тебѣ не стараться эту загадку разобрать. Повѣрь мнѣ, кромѣ пустого сердца и нѣкотораго умѣнія фехтовать бойкими словами, ты у этого Володи ничего не отыщешь.

Лили не отвѣтила ни слова и тихо вышла, крѣпко поцѣловавъ жену.

III.

Цѣлыхъ пять дней Володя не показывался. Лили глядѣла также пасмурно, какъ финляндское небо, за все это время не на шутку нахмурившееся. Поблѣднѣла она даже какъ будто. Примѣтившій это Викторъ ее немилосердно дразнилъ.

— Больно ужъ видно онъ тебѣ приглянулся, этотъ розовый философъ, который съ виду херувимчикомъ глядитъ, а внутри высохъ, какъ дуплистое дерево. И что тебѣ въ немъ, скажи пожалуйста, такъ приглянулось?

Лили сперва отмалчивалась, а потомъ, наскучивъ преслѣдованіемъ брата, нетерпѣливо отвѣтила.

— Въ Савицкомъ есть одно во всякомъ случаѣ, чего у большинства другихъ нѣтъ,—есть увѣренность въ себѣ и, главное, нѣтъ глупой боязни признаваться громко въ томъ, что онъ думаетъ.

— Однако,—сказалъ я себѣ, услыхавъ этотъ отвѣтъ,—пора бы женѣ принять мѣры: зараза укореняется.

Лили и ея братъ были круглыми сиротами. Она попеременно жила то у насъ, то у женниной сестры и оттого, можетъ быть, вышла не то чтобы ужъ очень самостоятельной, а какъ-то не приросшей ни къ какой почвѣ. Отсутствіе семьи въ ней чувствовалось. Настоящаго вліянія не имѣлъ на нее никто. А такъ какъ природа, особенно человѣческая, пустоты не любитъ, молодая дѣвушка была какъ нельзя лучше подготовлена воспринять всякое вліяніе со стороны.

«Впрочемъ, что-жъ,—сказалъ я себѣ, убѣдившись изъ разговора съ женой, что и у нея опредѣленнаго плана дѣйствій не сложилось,—пожалуй, этотъ молодой Савицкій на ней и женится. Приданое у нея, правда, не ахти какое, но у него зато средства должны быть хорошія. Отецъ его зарабатываетъ такъ много».

И сказалъ я себѣ въ заключеніе, что прежде всего надо хорошенько распознать молодого человѣка. Вѣдь нѣсколько бойкихъ фразъ, притомъ довольно циничныхъ, еще ничего не доказываютъ. Въ нихъ можетъ быть одинъ молодой задоръ, своеобразное хвастовство. Вліяніе современныхъ теорій... Любовь, если она только искренняя, все это переворачиваетъ мигомъ, какъ солнце разгоняетъ утренній туманъ. Мой племянникъ о своемъ товарищѣ выражался довольно загадочно. Въ его отношеніяхъ къ нему была странная смѣсь какого-то невольнаго поклоненія и скрытой, быть можетъ, завистливой враждебности.

— А ты не знаешь,—спросилъ я его,—здѣсь теперь этотъ Володя или уѣхалъ куда-нибудь?

— Исчезъ, только не знаю куда, — отвѣтилъ Викторъ. Онъ мнѣ не говорилъ.

Я рѣшился на слѣдующій день зайти къ профессору. Когда я приближался къ его дачѣ, мнѣ ужъ издали съ террасы послышался его непривычно-громкій голосъ. Въ обыкновенное время Григорій Артемьевичъ говорилъ спокойно, даже мягко. Завидѣвъ меня, онъ замолкъ, и я очутился въ довольно неловкомъ положеніи. Уйти было нельзя и невольно приходилось своимъ появленіемъ прервать домашнюю сцену. Володя сдѣлалъ видъ, что ничего не происходило, и взявъ со стола газету, развязно протянулъ мнѣ руку. На его розовомъ лицѣ, однако, не было обычной невозмутимости. Оно замѣтно покраснѣло, и гнѣвныя искорки такъ и сыпались изъ глазъ. Григорій Артемьевичъ молча со мной поздоровался, пригласилъ сѣсть и снова обратился къ сыну.

— Слышишь, Владиміръ, чтобы это было въ послѣдній разъ. Я не хочу, чтобы мой сынъ бывалъ у этихъ Парниныхъ. Если мои слова тебя не убѣдили, ты долженъ это сдѣлать изъ уваженія ко мнѣ. Сынъ не можетъ дружить съ людьми, съ которыми отецъ не хочетъ знаться.

Парнины были очень богатые люди. Усадьба, гдѣ они проводили лѣто, была настоящимъ дворцомъ. Парнинъ отецъ занималъ очень высокое мѣсто и слылъ за человѣка крутого и въ то же время изворотливаго. Двое изъ его сыновей были университетскими товарищами Володи.

— Мнѣ кажется,—почтительно, но холодно возразилъ молодой Савицкій, усаживаясь на противоположномъ концѣ террасы, —что дѣти не обязаны наслѣдовать антипатіи своихъ родителей.

— Ты толженъ знать, однако, что съ Парнинымъ, — строго отвѣтилъ Григорій Артемьевичъ, — у меня было столкновеніе. Ты знаешь, по какому поводу. Мое отношеніе къ нему не антипатія, а совершенно заслуженное презрѣніе. Съ такого рода людьми, тѣмъ болѣе, что онъ занимаетъ высокое положеніе, моя семья не должна вести знакомства, а ты у нихъ прогостилъ четыре дня.

— Первый разъ слышу,—попробовалъ разсмѣяться Володя,— что глупо поддерживать дружбу съ товарищами, какъ разъ потому, что ихъ отецъ человѣкъ высокопоставленный. Да пусть судьей между нами будетъ Николай Константиновичъ,—добавилъ онъ, кивнувъ головой въ мою сторону.

— Не глупо,—возразилъ ему отецъ, и гнѣвныя ноты опять послышались въ его голосѣ,—а нѣчто совсѣмъ иное.

Володя вспыхнулъ и не отвѣтивъ ничего, только повелъ плечами и вышелъ.

— Вашъ сынъ,—началъ я, оставшись вдвоемъ съ профессоромъ,—къ намъ иногда заходитъ. Противъ этого, я надѣюсь, вы ничего не имѣете.

Савицкій ничего не отвѣтилъ. Онъ очевидно сожалѣлъ, что далъ волю своему раздраженію въ присутствіи посторонняго.

— Вы, можетъ быть, страннымъ находите,—сказалъ онъ, что я прочелъ сыну нотацію.—Ему двадцать второй годъ, и свободѣ дѣтей я мѣшать не намѣренъ, пока есть малѣйшая возможность этой свободы не ограничивать. Но здѣсь другое дѣло. Эти Парнины разбогатѣли и вышли въ люди самымъ недостойнымъ образомъ и дѣти ихъ,—знаю это достовѣрно,—не лучше родителей. А мое столкновеніе съ ихъ отцомъ вышло по такому случаю. Хотите, я вамъ скажу.

И онъ разсказалъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Григорію Артемьевичу пришлось побывать на востокѣ Россіи какъ разъ въ такой годъ, когда тамъ было очень неблагополучно. Тифозная эпидемія грозила распространиться на все заволжье послѣ недороднаго года. Онъ заявилъ про это въ Петербургѣ, и встрѣтился съ явнымъ нежеланіемъ признать бѣдствіе. Но былъ онъ изъ тѣхъ людей, которыхъ запугать или остановить не легко. Григорій Артемьевичъ пошелъ напроломъ—и тутъ-то и столнулся съ Парнинымъ. Оба были слишкомъ крѣпкіе и вѣскіе люди, чтобы кому-либо изъ нихъ могло прійтись плохо отъ такого столкновенія, но забыть про него Григорій Артемьевичъ не могъ, и одно имя Парнина вызывало у него взрывъ негодующаго раздраженія.

— Не научился,—сказалъ онъ, стараясь успокоиться,—на старости лѣтъ съ ложью мириться. И вотъ видите, удержаться не могу. А это плохо. Значитъ сталъ выпускать изъ руки вожжи.

Не въ первый разъ я уже замѣчалъ, что Савицкій жалуется на угрожающій подступъ дряхлости, и мнѣ все казалось, что въ этихъ жалобахъ какъ будто оттѣнокъ кокетничанья. Глядя на его крѣпкую властную фигуру, на огонь въ его глазахъ, слыша его мощный, хотя и сдержанный голосъ, невольно ощущалось присутствіе нетронутой силы. На этотъ разъ однако было не совсѣмъ такъ. Въ голосѣ попадались надорванныя ноты, волненіе долго еще кипѣло урывками.

— А у насъ въ семьѣ,—сказалъ я, желая смягчить его недовольство съ сыномъ,—Владиміра Григорьевича очень полюбили.

Онъ не сразу отвѣтилъ, вскинувъ только на меня быстрымъ взглядомъ. Потомъ онъ произнесъ какъ бы вскользь.

— Да, малый онъ не глупый. И способный тоже, кабы только... Видите, на мой взглядъ не въ способностяхъ главное дѣло, а въ томъ, чтобы умѣть ихъ направлять, какъ слѣдуетъ.

— Да вамъ, кажется, на то и книги въ руки. Живя рядомъ съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, нельзя ему не подчиняться.

Савицкій махнулъ нетерпѣливо рукой.

— Да!—вырвалось у него,—вы вѣрно сказали:—рядомъ, именно только рядомъ... И къ тому же нѣтъ у меня времени заниматься своими отцовскими обязанностями... А можетъ быть и умѣнія.

Голосъ его мгновенно упалъ.

— Можетъ быть,—продолжалъ онъ тихо,—я не впору, слишкомъ рано, выложилъ передъ нимъ все, что думаю, все, что меня тревожитъ. Раскрылъ передъ нимъ вопросы, на которые и у меня нѣтъ отвѣта. Молодежи надо давать готовое рѣшеніе, или лучше не давать ничего, пока у нея самой не разовьется самостоятельный процессъ мысли.

— Да, вашъ сынъ очень самостоятельно мыслитъ,—сказалъ я.

— Только вотъ бѣда,—быстро отвѣтилъ Григорій Артемьевичъ, такъ и уставившись на меня своими глубокими черными зрачками,—эта самостоятельность въ отрицаніи. Это то же, какъ если бы человѣкъ свою силу на то употреблялъ, чтобы подкапываться подъ домъ, гдѣ ему суждено жить.

Мы оба помолчали съ минуту. И невольно у меня пробѣжала мысль, что и у самого Григорія Артемьевича фундаментъ подъ этимъ домомъ не особенно твердъ.

— А, впрочемъ, вы правы,—заговорилъ онъ опять,—въ словахъ вашихъ есть вѣдь невысказанный упрекъ... Мнѣ надо быть помягче съ сыномъ, стараться его приблизить, коли уже природа насъ сдѣлала такими далекими другъ отъ друга.

Онъ пригласилъ меня остаться отобѣдать. И я тотчасъ замѣтилъ, что Савицкій какъ будто старается загладить впечатлѣніе недавней сцены съ Володей. Замѣтилъ это и молодой человѣкъ и какъ-то весь насторожился. А въ глазахъ его такъ и бѣгали попрежнему злыя искорки. Онъ глядѣлъ на отца, точно врагъ, готовый отразить нападеніе. Да, я съ перваго раза не ошибся: между Савицкимъ и его старшими дѣтьми будто стояла невидимая стѣна. И въ молчаніи Кати было что-то неодобряющее, чужое. Видно было, что противъ отца она съ братомъ заодно, хоть и между ними тоже не было никакой настоящей близости. Впрочемъ, Григорій Артемьевичъ все время говорилъ больше со мной, изрѣдка лишь обращаясь къ дѣтямъ. Раза два онъ тщетно пытался въ разговоръ втянуть молодого человѣка. Говорили мы съ Григо-

ріемъ Артемьевичемъ о самыхъ общихъ предметахъ, совершенно чуждыхъ его профессіи—о политикѣ, о земствѣ, попросту даже о городскихъ слухахъ. Какъ всегда, каждое слово выходило у Савицкаго мѣткимъ, будто отчеканеннымъ. Чувствовалось, однако, что внутри у него, въ самой глубинѣ мысли, что-то стояло замкнутымъ, безучастнымъ. Такъ, должно быть, иныя рѣчи слагались, невысказанныя, но жгучія, мучительныя. Въ его глазахъ читалось затаенное страданіе.

— Катя!—обратился онъ вдругъ къ дочери,—я завтра уѣзжаю на [illegible] въ Москву по важному случаю. Тебѣ это, впрочемъ, не въ [illegible]ку; домъ я оставляю въ вѣрныхъ рукахъ.—И не дожидаяс[illegible] дочери, онъ снова обратился ко мнѣ.—Вотъ о чемъ я глубо[illegible]ю. Никогда возможности нѣтъ, ну хоть разъ въ три года, проѣздиться, какъ я хотѣлъ, и по Россіи, да посмотрѣть, что въ ней за перемѣны творятся.

— Вы и такъ постоянно въ разъѣздахъ,—недовольнымъ тономъ замѣтила Катя.

— Какъ будто это то же самое,—махнулъ Савицкій рукой.— Вездѣ и всегда я только врачъ, а не попросту человѣкъ, имѣющій право быть свободнымъ и поглядѣть на жизнь другихъ людей.

Катя посмотрѣла на отца какъ-то сбоку, губы ея зашевелились, но она ничего не сказала.

— Въ этой жизни,—вмѣшался Володя,—такъ ужъ развѣ много интереснаго... Все сплошная великороссійская глупость.

— Ты слишкомъ молодъ еще,—спокойно возразилъ профессоръ,— чтобы замѣтить перемѣны. Онѣ есть—и очень глубокія.

— Да, кое кто поумнѣлъ, это правда... Прежде, лѣтъ двадцать назадъ, имѣли наивность воображать, что можно штурмомъ завоевать позицію и любой молокососъ, лизнувшій науки, пожалуй даже объѣвшійся ею, годится чуть ли не въ министры. Теперь одни дураки такъ думаютъ, которыхъ, разумѣется, непочатый уголъ. Съ насъ и того довольно, чтобы каждый по одиночкѣ пролѣзъ вверхъ. Смѣна труппѣ всетаки подъ конецъ выйдетъ, только понемножку.

Отецъ посмотрѣлъ на него пристально и съ грустнымъ выраженіемъ.

— Эхъ, братецъ мой, ты мой, самая эта простая штука, все выворачивать наизнанку. Оно какъ будто и остроумно выходитъ, но, повѣрь мнѣ, дешевенькое это остроуміе.

Мы встали и прошли на веранду. Послѣ мутнаго дня вечеръ наступалъ ясный, прозрачный и тихій. Только гдѣ-то вдали почти безъ шума, слабый вѣтерокъ гулялъ по верхушкамъ сосенъ. Неожиданно

Катя обратилась къ отцу, будто теперь только отвѣчая на его слова подъ конецъ обѣда.

— Вы вотъ жалуетесь, папа, что у васъ нѣтъ свободы по Россіи покататься, да нравы тамъ какіе-то изучать, а мнѣ, вы думаете, весело у васъ въ домѣ за экономку оставаться и не имѣть даже возможности къ кому-нибудь изъ знакомыхъ съѣздить.

Жалоба изъ Катиныхъ устъ была такой рѣдкостью, что Григорій Артемьевичъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Съѣздить, куда?—спросилъ онъ.—Да ты мнѣ ни разу про это не говорила.

— Разумѣется,—обиженнымъ тономъ продолжала она,—по вашему, кто ни о чемъ не проситъ, тому ничего и не надо. Да и, по настоящему, денегъ нѣтъ у меня на путешествіе.

— Денегъ?—какъ-то болѣзненно вырвалось у Савицкаго, будто оскорбленнаго упоминаніемъ объ этомъ.

— Да, конечно,—складывая газету, которую онъ не читалъ,— вступился Володя съ другого конца веранды.—Ихъ и вовсе быть не можетъ. Вольно вамъ такъ много ихъ отсылать къ Валентинѣ Сергѣевнѣ.

Все обомлѣли отъ этихъ словъ. Гробовое молчаніе наступило. Только смуглое личико Зоиньки густо покраснѣло и нѣмой, но страстный упрекъ читался во взглядѣ, брошенномъ ею на брата. Валентиной Сергѣевной звали ея мать...

Первымъ нарушилъ молчаніе профессоръ.

— Я, кажется, имѣю право...—сказалъ онъ задрожавшимъ слегка голосомъ—и мнѣ стыдно за тебя...—Савицкій остановился.—Ну да что, не стоитъ,—добавилъ онъ, махнувъ рукой.

Опять минутное молчаніе... Потомъ Григорій Артемьевичъ обратился ко мнѣ, приневоливая голосъ къ спокойствію, и заговорилъ о какомъ-то новомъ изобрѣтеніи въ области электротехники. Ничто изъ совершавшагося въ обоихъ полушаріяхъ, и въ научной области, и въ политикѣ, не ускользало отъ его вниманія. Въ этомъ онъ не походилъ на своихъ товарищей по профессіи: все его интересовало. Володя безъ шума всталъ и удалился. А у насъ долго еще тянулась бесѣда, такая ровная и спокойная, какъ будто въ семьѣ Савицкихъ ничего не происходило въ этотъ день. Когда я захотѣлъ проститься, профессоръ меня удержалъ: «Нѣтъ, останьтесь. Съ вами я отдыхаю, а мнѣ отдыхъ порой нуженъ».—И тутъ впервые, за все время нашего знакомства у него вырвалось болѣзненное восклицаніе.

— Да, много толкаюсь среди людей, иной разъ съ утра до вечера

все работа, а людей, просто людей, всетаки не видишь. И у себя дома тоже чужіе, все чужіе...

Мы были одни на верандѣ, когда у него сорвались эти горькія слова. Потомъ ему будто жалко стало, что онъ не смогъ ихъ удержать во-время, и онъ опять сдѣлалъ усиліе надъ собой, чтобы заговорить попросту. Но теперь уже попытка не удалась. Я вскорѣ замѣтилъ, что своего успокаивающаго дѣйствія бесѣда со мной на него уже не оказываетъ. Мы разстались.

На полпути къ своей дачѣ я встрѣтился съ Володей. Онъ будто хотѣлъ шмыгнуть въ сторону, дѣлая видъ, что меня не примѣчаетъ, но быстро измѣнилъ рѣшеніе и подошелъ ко мнѣ, какъ всегда, улыбаясь.

— Вы, кажется, очень подружились съ отцомъ, Николай Константиновичъ. Такъ, знаете, вы бы его урезонили.

— Не берусь, Владиміръ Григорьевичъ, не берусь,—улыбнулся я въ отвѣтъ.—А вы, кажется, къ намъ заходили.

Молодой человѣкъ кивнулъ головой и продолжалъ:

— Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ очень бы это не мѣшало. Отецъ зарабатываетъ такъ много, цѣлые десятки тысячъ, а куда все это дѣвается, чортъ знаетъ. Бумаги у него какія-то есть, правда, но не ахти сколько. Да и гдѣ ему? Развѣ такіе глубокомысленные теоретики въ биржѣ что-нибудь понимаютъ. Давно я ему совѣтую купить имѣніе. Могъ бы нажить цѣлое состояніе. Земля-то какъ въ цѣнѣ растетъ. А все нѣтъ? Кромѣ этой дурацкой дачи и не имѣется у насъ ни клочка. И все изъ-за чего? Изъ-за этой Валентины Сергѣевны. Вы, конечно, знаете — это его вторая жена, которая въ одинъ прекрасный день его бросила и съ кѣмъ-то скрылась, оставивъ ему Зоиньку на память. Это было лѣтъ десять назадъ. И странное это дѣло, право! Другой бы на мѣстѣ отца попросту махнулъ на нее рукой, а онъ, представьте себѣ, до сихъ поръ ее любитъ втайнѣ. Преглупо, не правда ли? Такъ вы бы его урезонили.

Я, однако, рѣшительно не могъ взять на себя чѣмъ-либо обнадежить очаровательнаго молодого человѣка. Дома все было, какъ нельзя болѣе, въ порядкѣ. Жена прощалась на крыльцѣ съ какой-то дамой, пріѣхавшей насъ навѣстить, и я, разумѣется, благословилъ судьбу что меня не было дома весь этотъ день. Изъ залы доносились звуки какого-то цыганскаго романса, который втроемъ распѣвали Викторъ, его сестра и Вѣрочка. Я заглянулъ туда—всѣ были въ самомъ мирномъ настроеніи, и Лили, когда, прощаясь съ нею, я заглянулъ ей пристально въ глаза, не отвернула ихъ отъ меня, а, напротивъ, сказала весело и бойко:

— Дядюшка, что это вы у меня изъ глазъ точно выудить хотите тайну какую-то. Повѣрьте, что тайны никакой нѣтъ.

— Ну, теперь давайте что-нибудь другое,—крикнулъ Викторъ. «Задремалъ тихій садъ»—хотите?

Я поцѣловалъ Лили въ лобъ и пошелъ къ себѣ наверхъ. И долго еще въ открытыя окна доносились до меня звуки молодыхъ голосовъ.

IV.

Наступилъ рядъ ясныхъ, теплыхъ, почти знойныхъ дней. И въ человѣческой жизни и въ природѣ такъ бываетъ, что все будто притаится и замретъ, какъ бы въ ожиданіи чего-то. И бываетъ оно такъ всегда передъ рѣзкимъ поворотомъ, все равно, къ холоду или горю. Молодежь наша широко пользовалась этимъ послѣднимъ подаркомъ уходящаго лѣта. Часто катались на лодкѣ, совершали длинныя прогулки по безконечнымъ лѣсамъ. Я видалъ своихъ только за столомъ; по цѣлымъ днямъ они пропадали. Присоединялись къ нимъ, разумѣется, и Володя Савицкій и еще какой-то пріѣхавшій къ нему на нѣсколько дней товарищъ, необыкновенно молчаливый и невзрачный. Фамилія его была Тесовъ. Въ маленькомъ обществѣ ему приходилось играть роль античнаго хора, все время поддакивая тому, что говорили другіе. Володя, кажется, и дорожилъ имъ только потому, что онъ былъ для него чѣмъ-то вродѣ средневѣковаго оруженосца и каждое его слово воспринималъ съ убѣжденнымъ поклоненіемъ.

Разъ вечеромъ меня тоже потянуло къ лѣсистымъ берегамъ нашего озерка подышать смолистымъ запахомъ сосенъ. Медленно опускалась на землю сѣверная ночь, а на самыхъ верхушкахъ деревьевъ тихо гасли послѣдніе лучи заката. Вдругъ мнѣ послышался шорохъ вблизи. Сухія вѣтки захрустѣли, кто-то слабо вскрикнулъ, потомъ секунды двѣ чуткаго, напряженнаго молчанія, потомъ смѣхъ, тоже короткій, почти беззвучный. Я узналъ голоса Лили и Володи. Они меня не замѣтили и вдругъ какъ бы вынырнули на дорогу изъ чащи лѣса. Она будто старалась уйти отъ него и въ то же время точно подстрекала Володю продолжать.

— Вы себѣ много позволяете, Владимиръ Григорьевичъ,—услышалъ я брошенныя съ притворной строгостью слова.

— Вы знаете мое правило,—было его отвѣтомъ,—позволять себѣ все то, что можно.

Тутъ они меня примѣтили и разомъ приняли степенный видъ. Проходя мимо меня, Володя развязно мнѣ поклонился и столь же развязно сказалъ:

— Собираемся къ вамъ чай пить всей компаніей. Очень всѣ устали. Грести, это такъ утомляетъ...

Очевидно, была пора вмѣшаться, но какъ? Отказать Володѣ отъ дома? Запретить молодежи кататься на лодкѣ и совершать прогулки? На каждое изъ этихъ предположеній я могъ только отвѣтить нѣмымъ пожиманіемъ плечъ. Еще разъ я переговорилъ съ женой, отвѣтившей мнѣ спокойно, что она давно замѣчаетъ сближеніе между Лили и Володей, и еще разъ тоже сказалъ Виктору, что онъ плохо присматриваетъ за сестрой.

— Чего тамъ присматривать,—засмѣялся онъ хрипло,—сама знаетъ, я думаю, что обжечься можно. Да и что у васъ, дядюшка, за застарѣлыя понятія? Развѣ въ наше время дѣвушка за собой дастъ присматривать? Теперь ужъ не то, что какихъ-нибудь 25 лѣтъ назадъ...

А мнѣ всетаки казалось, что различіе не особенно велико, что по настоящему все осталось какъ было, и самостоятельные, порой даже рѣзкіе пріемы, усвоенные женской молодежью, очень мало измѣнили существо дѣла. На Виктора впрочемъ разсчитывать было нечего: онъ собирался уѣзжать черезъ три дня. И жена была одного мнѣнія со мной. И прежде говорила она—вся строгость присмотра ничему не мѣшала, изощряя только умѣніе вывертываться. И теперь показная простота отношеній только прикрываетъ собою все то же старинное ухаживаніе. И вскружить голову дѣвушкѣ теперь, пожалуй, потруднѣе будетъ, особенно такой дѣвушкѣ, какъ Лили. Она очень хорошо понимаетъ, что ея будущее прежде всего отъ нея зависитъ и что безприданницѣ надо быть вдвое осторожной. Конечно, надо убѣдиться, каковы его намѣренія.

Насчетъ этихъ намѣреній мнѣ скоро пришлось окончательно разочароваться. Три дня спустя, когда Викторъ уже уѣхалъ,—я разъ усѣлся съ книгой на самомъ берегу озера, гдѣ уже длинными сизыми тѣнями почти до самой его половины протягивались стоявшія вокругъ сосны. Вдругъ за моей спиной по тропинкѣ послышались громкіе голоса. Это были Володя и его вѣрный поклонникъ Тесовъ.

— Не понимаю,—говорилъ тотъ,—какъ ты это, съ твоими трезвыми взглядами, за дѣвченкой этой увиваешься. Къ чему это повести можетъ! Жениться, что ли, ты на ней собираешься?

— Жениться! Вотъ умно придумалъ! Да неужто ты не понимаешь, мудрая башка, что и въ жизни каникулы бываютъ, какъ въ занятіяхъ. Зачѣмъ я за нею увиваюсь? Да попросту такъ, ради удовлетворенія естественной наклонности и безъ всякой рѣшительной цѣли. Попросту забавно, и ей, разумѣется, тоже. Не могу же я въ

силу какого-то отвлеченнаго принципа, котораго я вдобавокъ не признаю, подавить въ себѣ природу. Да и надобности въ этомъ никакой нѣтъ. Мы оба люди разумные, иллюзій себѣ не дѣлаемъ и ни до чего опаснаго не допустимся. А не воспользоваться случаемъ было бы, милый мой, глупо. Такъ то-съ, синьоръ милый, пойми же наконецъ, что самые великіе люди пьютъ, ѣдятъ и ухаживаютъ за женщинами точно такъ же, какъ самые невеликіе. А впрочемъ, черезъ пять недѣль лекціи начнутся, и тогда —finita la comedia.

Это было по крайней мѣрѣ ясно и въ тотъ же день я передалъ слышанное женѣ. И удивительное дѣло—это извѣстіе произвело на нее необыкновенное впечатлѣніе. Насколько она прежде стояла за полное невмѣшательство, настолько теперь она не останавливалась передъ мыслью, что чего добраго надо пошарить у Лили въ комнатѣ и даже перехватывать ея письма. У дамъ на этотъ счетъ, извѣстное дѣло, совершенно особая мораль.

Съ своей стороны я попробовалъ было нѣсколько поисповѣдывать Лили. Случаевъ къ тому представлялось сколько угодно. Разъ я наткнулся на нее у самой калитки, гдѣ она оживленно прощалась съ Володей и съ Тесовымъ, на этотъ разъ не пожелавшими къ намъ зайти. Она взглянула на меня сбоку, вспыхнула и отвернулась. Но я загородилъ ей дорогу.

— Лили, мой другъ,—сказалъ я,—ты умная дѣвушка, а ведешь себя, какъ тебѣ сказать, довольно неосмотрительно.

Я догадался сразу по выраженію ея лица, что начатое объясненіе ни къ чему не приведетъ. Въ ней что-то замкнулось отъ меня, упрямо и на глухо замкнулось, какъ это всегда бываетъ у дѣвушекъ, когда ихъ хотятъ предостеречь, но предостереженіе уже приходитъ слишкомъ поздно.

— Ты допускаешь,—продолжалъ я, однако,—слишкомъ большую фамильярность между тобою и этимъ молодымъ Савицкимъ.

— Фамильярность?—въ ея притворно-удивленномъ взглядѣ читалось полнѣйшее самообладаніе.—Вы находите, что я не держу себя достаточно—какъ бы это лучше выразить—корректно, что ли, то-есть попросту жеманно? Какъ хотите, дядюшка, только я деревянной быть не умѣю, да и не нахожу нужнымъ. Когда мнѣ кто-нибудь не нравится, я его избѣгаю, когда... наоборотъ,—это слово она какъ будто подыскивала съ нѣкоторымъ трудомъ,—обращаюсь съ нимъ совершенно просто. Вотъ и все. Средины, кажется, и нѣтъ вовсе.

Волненія и слѣда нельзя было замѣтить на ея лицѣ.

— Другими словами, — возразилъ я, — этотъ Володя Савицкій тебѣ нравится.

У нея брови сдвинулись, что-то прямо непріязненное было въ выраженіи ея глазъ.

— Да вамъ самимъ, кажется, не разъ доводилось съ нимъ долго разговаривать и вы могли убѣдиться...

— Что онъ уменъ? Конечно.

— Нѣтъ, не уменъ только. Онъ знаетъ чего хочетъ. Не теряетъ лишнихъ словъ. Не старается говорить красно—этого я терпѣть не могу — и не прикрываетъ свою мысль пустыми звонкими словами. Все это хорошо, честно и, вдобавокъ, незаурядно... Ну, а теперь, дядюшка, позвольте мнѣ пройти къ себѣ и переодѣться къ обѣду.

— Минуту еще постой!—Она сжала губы, какъ бы давая мнѣ понять, что слушаетъ меня изъ одной вѣжливости и все, что я скажу еще, будетъ совершенно ненужнымъ.—Ты, можетъ быть, воображаешь, — продолжалъ я, — что онъ на тебѣ женится. Могу тебя на этотъ счетъ разувѣрить. Совершенно случайно — это было третьяго дня, я сидѣлъ на скамейкѣ у озера—мнѣ довелось услышать, какъ онъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ говорилъ Тесову, что мысль о женитьбѣ ему и въ голову не приходила и черезъ пять недѣль, когда начнутся лекціи...

Лицо ея мгновенно преобразилось. Въ глазахъ что-то блеснуло, кровь бросилась въ щеки. Но она превозмогла себя и тутъ.

— Извините, дядюшка, по сплетенъ я не люблю, и до того, что вы подслушали, мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Да и кто вамъ сказалъ, будто я разсчитываю па предложеніе со стороны Савицкаго? Неужели нельзя на свободѣ, лѣтомъ поболтать съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ говорится весело, безъ того, чтобы сейчасъ пришло въ голову: не женится-ли онъ па мнѣ? Ахъ, дядюшка, ужасно все это старо!

И не прося больше разрѣшенія, она быстро пошла впередъ и бѣгомъ поднялась па террасу. Къ обѣду она, впрочемъ, въ этотъ день не являлась, извинившись тѣмъ, что у нея болитъ голова.

И достигъ я своей попыткой лишь того, что и она, и Володя стали отъ меня сторониться, даже прямо избѣгать меня. Володя перестапъ у насъ бывать, а при встрѣчахъ раскланивался съ преувеличенной вѣжливостью и при этомъ что-то почти насмѣшливое читалось въ его глазахъ. Къ профессору я тоже не заглядывалъ. Какъ я слышалъ, онъ вернулся изъ Москвы разстроеннымъ и, пробывъ со своими дня два, опять куда-то уѣхалъ. Да и мнѣ казалось почему-то, что ему неловко будетъ со мною встрѣчаться попрежнему. И пришлось мнѣ сдѣлать еще одно наблюденіе: съ самаго отъѣзда Виктора Вѣрочка какъ-то охладѣла къ своей двоюродной сестрѣ. Длинныхъ прогулокъ вдвоемъ, обмѣна таинственныхъ признаній уже не было.

Вѣрочка все больше оставалась дома съ женой и какъ-то черезчуръ усердно зачитывалась серьезными книжками, а Лили, напротивъ, исчезала на цѣлые часы. Было у нея на то и готовое объясненіе. Она свела знакомство съ какими-то двумя барышнями, жившими верстахъ въ двухъ отъ нашей дачи. Съ ними ей было, очевидно, веселѣе, чѣмъ съ 15-лѣтней Вѣрочкой. Но жена, выслушивая ея уклончивые отвѣты, всматривалась недовѣрчиво въ глаза племянницы, и не думавшими опускаться передъ ея испытующимъ взглядомъ. Мнѣ она не повѣряла своихъ подозрѣній, но я и безъ того хорошо зналъ, что она выслѣживаетъ Лили.

Разъ, едва мы вечеромъ отпили чай, — удивительно молчаливо просидѣли мы почти цѣлый часъ за столомъ,—Лили встала, подошла къ женѣ, потомъ къ Вѣрочкѣ, поцѣловала ихъ обѣихъ и, сказавъ, что она устала, поднялась къ себѣ наверхъ. Минутъ черезъ десять ея примѣру послѣдовала и Вѣрочка.

— Нехорошо, — вполголоса проговорила жена, оставшись со мною вдвоемъ.

— Ты что-нибудь узнала?—спросилъ я тревожно.

— Ничего положительнаго. Но я не сомнѣваюсь, что они видятся тайно. Прежде все происходило у насъ, такъ сказать, на глазахъ, а теперь они прячутся. И если они только замѣтятъ, что я за ними слѣжу, будетъ еще хуже. Въ сущности какъ это ни странно,—добавила она минуту спустя, — мы вѣдь характера Лили совсѣмъ не знаемъ.

— Да, она скрытная.

— Нѣтъ, не то. Она только вбила себѣ въ голову, что мы не даемъ ей быть самостоятельной, и, чтобы вырваться изъ этой мнимой неволи, она готова на все, на самый шальной поступокъ.

Слабый шорохъ мнѣ послышался гдѣ-то въ замолкнувшемъ домѣ, но я не обратилъ на это особаго вниманія. Часъ спустя, когда я отправился къ себѣ, я встрѣтилъ въ коридорѣ Вѣрочку съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, выходившую изъ комнаты Лили. Лицо ея мнѣ показалось очень блѣднымъ.

— Папа,—сказала она шепотомъ,—Лили нѣтъ, она и не ложилась совсѣмъ. Я ее все время стерегу здѣсь и, услышавъ твои шаги, я поспѣшно отворила дверь.

— Какъ, да вѣдь она съ нами всѣми простилась и пошла наверхъ! Мы вѣдь всѣ слышали...

— А потомъ, должно быть, незамѣтно...

«Вотъ, стало быть,—подумалъ я,—что означалъ услышанный мною шорохъ?»

— Мнѣ показалось, — продолжала Вѣрочка, — что скрипнула дверь. И тогда-то я и вышла.

— Да зачѣмъ же ты мамѣ не сказала... — и не разслышавъ ея отвѣта, я бросился внизъ къ женѣ.

Мы тотчасъ рѣшили, что оба отправимся въ поиски. Битыхъ два часа я рыскалъ по лѣсу, но одинъ шелестъ сосенъ отвѣчалъ на мой зовъ. Полный мѣсяцъ холодно купался въ глади дремлющаго озера, случайный плескъ воды отъ всплывшей на поверхности рыбы одинъ нарушалъ мертвое, почти страшное затишье. Ни одна птица не крикнула, не встрепенулась даже, мохъ только сухо хрустѣлъ подъ моими ногами, и этотъ слабый звукъ да едва слышное движеніе ночного воздуха по вѣтвямъ деревьевъ какъ-то неестественно громко отдавались въ моемъ встревоженномъ слухѣ.

Я вернулся домой, не встрѣтивъ никого. Мѣсяцъ зорко сторожилъ на безоблачномъ небѣ будто вымершую опустѣлую землю. На порогѣ дачи я столкнулся съ женой.

— Что-жъ,—спросилъ я,—тоже не нашла?

Сперва она только покачала головой.

— Нашла... и привела... Она у себя теперь... Не заходи только, не безпокой ее. Завтра я тебѣ все скажу, а теперь я слишкомъ устала.

Разумѣется, я не могъ уснуть эту ночь. Да и поздно ужъ очень было. Давно пропѣли третьи пѣтухи. Мѣсяцъ не переставалъ посылать ко мнѣ въ окно свои холодные, непривѣтливые лучи, пока я безпокойно ворочался на кровати.

Жена ихъ застала вдвоемъ на той самой скамейкѣ, гдѣ нѣсколько дней назадъ я невольно подслушалъ разговоръ Володи съ Тесовымъ. Они не успѣли во-время скрыться. Жена оставалась въ тѣни сосенъ, заслонявшихъ собою мѣсяцъ, и они ее не примѣтили. Они сидѣли крѣпко обнявшись и страстный шепотъ сливался съ звукомъ безумныхъ поцѣлуевъ.

Притворяться было уже нечего. Лили призналась во всемъ и попробовала это сдѣлать съ вызывающей дерзостью, но скоро ея черезчуръ натянутые нервы сдали, и какъ ни старалась она подавить вспыхнувшее чувство стыда, оно взяло верхъ и смирило ея строптивую самоувѣренность. Это было не первое ихъ ночное свиданіе. И съ каждымъ днемъ она подчинялась ему болѣе, отдаваясь все полнѣе, все безотчетнѣе его ласкамъ. Она уступала ему во всемъ, остановившись лишь передъ непоправимымъ. Чувственность, таившаяся въ ней подъ покровомъ ея гордой самостоятельности, вспыхнула вдругъ неудержимо. Она не боролась даже, пока онъ медленно, съ какимъ-то

особымъ утонченнымъ наслажденіемъ овладѣвалъ ею шагъ за шагомъ, точно онъ скупо берегъ сокровище, изъ боязни его расточить разомъ. И онъ тоже умѣлъ сдержаться въ послѣднюю минуту. Принадлежать другъ другу вполнѣ и въ то же время добровольно остановиться впору, какъ бы передъ запертыми воротами рая,—въ этомъ они, должно быть, видѣли какую-то особую власть надъ собой и радовались этой власти, этому добровольному отреченію. Въ каждую новую встрѣчу они могли сызнова перелистывать недочитанную книгу, упиваться изъ недопитаго кубка. И каждый разъ въ этомъ было что-то новое, нетронутое и оттого все болѣе и болѣе рѣдкое, драгоцѣнное и головокружительное.

— И она во всемъ этомъ могла признаться, не сгорая отъ стыда?—воскликнулъ я.—Да что признаніе!... Его боятся однѣ трусливыя натуры... Но какъ могла она, дочь моего брата?...

— Тебѣ,—укоризненно остановила меня жена,—всего обиднѣе, что это случилось съ дочерью твоего брата. Фамильная честь пострадала... Сейчасъ виденъ мужской эгоизмъ. Ты бы о ней самой подумалъ. Она вѣдь погублена, бѣдная, нравственно погублена.

— Я заставлю этого молокососа на ней жениться!—снова воскликнулъ я, принимаясь шагать по комнатѣ.

— И много будетъ прока, если она выйдетъ за этого... негодяя!... А главное—надо спасти нашу Вѣрочку отъ заразы.

— Вѣрочку, да, конечно... У насъ въ домѣ Лили больше оставаться не можетъ.—Меня удивляло спокойствіе жены. Послѣ ея разсказа я ожидалъ негодующихъ возгласовъ, слезъ, а она была тутъ передо мной съ готовымъ хладнокровнымъ рѣшеніемъ, и охваченъ ненаходящей себѣ выхода тревогою былъ я.

— Все мною ужъ обдумано,—продолжала жена.—Я отвезу Лили къ сестрѣ, а то, чего добраго, несмотря на все ея раскаяніе...—Я машинально кивнулъ головой.—Сестра женщина твердая... Я ей все скажу, и она сумѣетъ, думается мнѣ, освободить Лили отъ этого наважденія. А потомъ увидимъ. Отъ всѣхъ болѣзней можно выздоровѣть при хорошемъ лѣченіи. Правда, натура у нея глубоко испорчена, но сердце, кажется, уцѣлѣло, а въ комъ есть сердце...

Во всемъ я соглашался съ женой, удивляясь ея энергіи. Удивляло меня только, что она какъ будто находила смягчающее обстоятельство въ утонченномъ разсчетѣ, остановившемъ молодыхъ людей передъ тѣмъ, что грозило имъ опасностью. Для меня въ этомъ разсчетѣ было что-то вдвойнѣ омерзительное. Но есть вѣдь особая женская мораль, какъ есть женская логика. И въ другомъ тоже я не былъ съ женой одинаковаго мнѣнія. Какимъ бы ни былъ Володя негодяемъ и

въ моихъ глазахъ, я не переставалъ думать, что женитьба его на Лили будетъ почти удачной развязкой. Можетъ быть, въ этомъ сказывалась и моя, спеціально мужская мораль, тоже не всегда совпадающая съ настоящей. Какъ бы то ни было, узнавъ, что профессоръ вернулся, я захотѣлъ съ нимъ въ тотъ же день повидаться. Прежде всего надо было переговорить съ Лили. Но про это жена и слышать не хотѣла.

— Нѣтъ, оставь ее наединѣ съ собою. Тутъ прикосновеніе мужской руки слишкомъ грубо. Ты, чего добраго, опять подымешь въ ней строптивое чувство и тѣмъ сотрешь тяжелое сознаніе вины...

V.

Григорій Артемьевичъ меня поразилъ своимъ болѣзненнымъ видомъ. Онъ замѣтно осунулся за эти послѣдніе дни. Потухла глубокая сила, какая прежде чувствовалась во взглядѣ его темныхъ глазъ. Въ голосѣ слышалась подавленная нерѣшительность, точно сказывалось въ немъ горькое смиреніе безпомощности. Когда я заговорилъ про его сына, бережно подходя къ тому, что приходилось ему сообщить, онъ только безнадежно махнулъ рукой.

— Надъ нимъ я власти уже не имѣю. Приходится въ этомъ сознаться, какъ это для меня ни обидно. Да не во мнѣ, не въ моемъ отцовскомъ самолюбіи дѣло. Это бы еще не бѣда... Вышелъ бы изъ него только хорошій честный человѣкъ, я бы и съ тѣмъ помирился, что мы думаемъ и чувствуемъ не заодно. Люблю я вѣдь дѣтей не для себя, а для нихъ.

— Всетаки, я думаю,—возразилъ я,—вы можете такъ повліять на сына, чтобы впору его образумѣть, не дать ему совершить что-нибудь непоправимое, низкое.

При послѣднемъ словѣ Григорій Артемьевичъ весь встрепенулся, и потухшіе глаза зажглись прежнимъ огнемъ, правда, на одно мгновеніе только. Чувствовалось, однако, что усталая воля этого человѣка въ силахъ еще пробудиться и сокрушить любое сопротивленіе.

— Какъ вы сказали? Низкое?..—вырвалось у него невольно.

Признаніе, какое я имѣлъ ему сдѣлать, было не изъ легкихъ. Но понялъ онъ меня съ полуслова. И на этотъ разъ уже не блескъ негодованія, а что-то почти робкое, виноватое показалось на его лицѣ. Онъ стыдился за сына.

— Что-жъ,—заговорилъ онъ,—и вы могли усомниться въ моемъ мнѣніи на этотъ счетъ. Тутъ двухъ исходовъ быть не можетъ, коли есть взаимная склонность, а есть она очевидно. Не скрою отъ

васъ, я всегда былъ противъ браковъ по принужденію. Нельзя изъ чувства долга дать счастіе ни себѣ, ни другому. Но здѣсь объ этомъ рѣчи быть не можетъ, и я вамъ ручаюсь...

— Не ручайтесь, Григорій Артемьевичъ, — отвѣтилъ я, вставая,—вашему сыну, быть можетъ, несмотря на его чувство къ моей племянницѣ, женитьба на ней покажется и черезчуръ ранней и недостаточно выгодной. У нея приданое небольшое.

Савицкій такъ и вскочилъ съ кресла и выпрямился во весь ростъ.

— Кто говоритъ о приданомъ!—воскликнулъ онъ. — Во-первыхъ, я кое-что заработалъ и заработаю еще, во-вторыхъ, онъ не лишенъ способностей. Онъ можетъ и долженъ работать самъ! Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, это сознаніе онъ отъ меня въ наслѣдство получилъ: для всякаго человѣка, у кого есть мозги и здоровье, трудъ не обязанность только, а непремѣнное условіе жизни. Это онъ понимаетъ!

Увы, очень скоро, въ тотъ же самый день мнѣ пришлось увидѣть, какъ ошибался профессоръ. Возвращаясь къ себѣ, я встрѣтился съ Лили у самаго входа въ нашъ садъ. Меня сразу поразила яркая краска, горѣвшая на ея щекахъ, и такой же яркій блескъ ея обыкновенно мягкихъ глазъ. Это было совсѣмъ не то, что я ожидалъ увидѣть. Не раскаяніе, не стыдъ, а негодованіе читалось на ея лицѣ. При встрѣчѣ со мной взглядъ ея не опустился и робѣть приходилось не ей, а мнѣ. И признаюсь, я бы дорого далъ, чтобы отстранить отъ себя неизбѣжное объясненіе.

— Ты уѣзжаешь завтра,—нашелся я только сказать. — Жена такъ хочетъ и я думаю, она права. Надѣюсь до завтрашняго дня рѣшится и твое будущее.

Я остановился и посмотрѣлъ на нее, выжидая, какое впечатлѣніе произведутъ мои слова. Но лицо ея не измѣнилось ничуть. На немъ было все то же негодующее выраженіе.

— Я сейчасъ отъ Григорія Артемьевича,—добавилъ я.

— Вы ради меня тамъ были?

Никогда еще голосъ ея не звучалъ такъ, не имѣлъ такого жестокаго, почти металлическаго оттѣнка.

— Вы напрасно потрудились, дядюшка. Если вы хотѣли устроить мое будущее, какъ только что сказали... какъ это ни странно было...—теперь въ ея словахъ несомнѣнно слышалась ироническая нота,—знайте, что я сама не соглашусь быть женой Владиміра Григорьевича.

— Не согласишься, ты?...—изумленіе мое все росло.

— Я только что съ нимъ видѣлась,—съ поразительнымъ спо-

койствіемъ отвѣтила Лили,—и я должна была ему сказать, что мы разстаемся и, признаюсь, думала...—тутъ голосъ ея оборвался. Черезчуръ натянутая струна лопнула.—Я думала,—едва уже внятно проговорила она,—онъ мнѣ не дастъ такъ уѣхать и...

— И онъ тебѣ сказалъ, какъ говорятъ обыкновенно люди его сорта, что—нечего дѣлать, надо покориться обстоятельствамъ?

Она взглянула на меня умоляющими, смягченными глазами. Еще мигъ, казалось, и слезы блеснутъ на ея рѣсницахъ. Но я не испытывалъ ни малѣйшаго состраданія и продолжалъ неумолимо.

— Для такихъ людей каждая молодая дѣвушка предметъ забавы, а связать съ ней жизнь, будущее—на что это?

Эти слова ей вернули прежнее вызывающее настроеніе.

— Вы думаете, я захотѣла бы ему навязываться? Какъ вы меня хорошо знаете! Для этого я слишкомъ горда! Но я полагала, что онъ, по крайней мѣрѣ, не отпуститъ меня такъ, захочетъ увезти отсюда...

— Увезти!—воскликнулъ я.—Да ты съ ума сошла! Тебя попросту запереть надо!

— Не безпокойтесь, дядюшка. Я за себя постоять сумѣю. Я не изъ тѣхъ, которыя самоубійствомъ кончаютъ, или цѣлый вѣкъ плачутъ надъ послѣдствіями одной неосторожной минуты... Но я все-таки думала, что онъ меня любитъ искренно и если не теперь, пока онъ еще не покончилъ съ университетомъ, то позже... Вѣдь мы могли-бы подождать оба!

Мнѣ стало ея жаль. Ея взвинченное настроеніе опять уступило мѣсто простому заурядному горю.

— Онъ мнѣ далъ понять,—съ усиліемъ продолжала она,—да и не понять далъ только, а прямо сказалъ, что въ его года связывать себя было бы непростительною глупостью, и съ моимъ благоразуміемъ я не могу не видѣть, что люди, которые твердо рѣшили выковать себѣ крупное будущее,—онъ именно такъ выразился,—не налагаютъ на себя въ 22 года обузу семьи...

— Подлецъ!—вырвалось у меня.—И хорошо, по крайней мѣрѣ, что ты вò-время сама въ этомъ убѣдилась.

— Не знаю, хорошо ли, дядюшка?—отвѣтила она,—но вы, конечно, поймете, что теперь я сама не захотѣла бы...

Тутъ силы ей измѣнили. Я долженъ былъ ее довести до скамейки и принялся ее утѣшать, какъ могъ, гладя ее по шелковистымъ бѣлокурымъ волосамъ.

Она была необыкновенно хороша въ эту минуту, когда безпомощность разочарованія придала ея чертамъ особенно мягкую, трогательную прелесть. Но утѣшать мнѣ ее пришлось не долго. Она

встала, извинившись передо мною, и пошла къ себѣ. Жена лучше моего принялась бы за дѣло утѣшенія...

Онѣ уѣхали не на слѣдующій день, а цѣлой недѣлей позже. Лили не на шутку расхворалась. Нервы ея сдали. А тѣмъ временемъ пришла ко мнѣ записка отъ Григорія Артемьевича и не легко, я думаю, было ему писать эти короткія строки. «Я переговорилъ съ сыномъ. Къ сожалѣнію, я въ немъ ошибся даже и въ этомъ. Онъ и слышать не хочетъ о женитьбѣ. Приневоливать его я не имѣю ни права, ни возможности. Остается одно—убѣдиться, что между нами порвалась еще лишняя нить. Вашъ Савицкій».

Въ тотъ же самый день я случайно повстрѣчался съ Володей. Онъ мнѣ поклонился съ развязной любезностью, но я не отдалъ ему поклона и, надѣюсь, онъ достаточно понялъ, что означалъ взглядъ, мною брошенный на него, пока онъ проходилъ мимо.

Больше мы съ нимъ не видались. Дня два спустя онъ куда-то уѣхалъ. Къ его отцу я, разумѣется, болѣе не заходилъ. Я былъ бы для него живымъ упрекомъ. И почувствовалъ я какъ-то, что вокругъ насъ все будто стихло, сама жизнь словно притаилась и потекла медленнѣе. Въ своей маленькой каморкѣ наверху Лили неподвижно лежала съ полузакрытыми глазами, не произнося почти ни слова. Жена отъ нея не отходила. Пустота и молчаніе наполняли весь домъ. Вѣрочка и Андрюша тоже показывались мало, будто сторонясь отъ меня. Какая-то боязнь нарушить водворившуюся мрачную тишину была въ самой ихъ походкѣ. А когда, наконецъ, больная поднялась и я проводилъ ее на желѣзную дорогу, Лили трудно было узнать: столько читалось неподвижнаго безучастія на ея прежде всегда оживленныхъ чертахъ. Молча она мнѣ протянула руку на прощаніе, и я не могъ бы сказать, что было въ этомъ рукопожатіи и въ сопровождавшемъ его долгомъ взглядѣ—укоръ или благодарность.

Между тѣмъ осень подступала все ближе. Не было уже прозрачныхъ безоблачныхъ дней, вѣтеръ уже не ласково, а съ какой-то угрюмой настойчивой злобой шумѣлъ среди вѣтвей. Наше озеро нахмурилось тоже и сѣрые гребни вѣчныхъ нетерпѣливыхъ волнъ смѣнили его синюю гладь. Рѣдко прежде мнѣ приходилось такъ живо, такъ непосредственно ощущать холодъ запустѣнія. Стукъ копытъ, скрипъ колеса рѣдко-рѣдко слышался по дорогѣ. Прохожихъ не было вовсе. Молодежь моя явно скучала. Къ счастью, Вѣрочка какъ разъ за послѣдніе дни сблизилась съ младшей дочерью профессора, съ черноглазой Зонькой. Должно быть, обѣ дѣвушки одинаково почувствовали гнетъ одиночества, и я былъ радъ, что Зонька приходила къ намъ часто. Своимъ присутствіемъ она напоминала какъ-то сво-

его отца, не давая окончательно порваться связи, возникшей было между нами. Послѣ всего, что случилось, Савицкій почему-то мнѣ сталъ необыкновенно дорогимъ и близкимъ. Здоровье его все не поправлялось. Онъ уже не ѣздилъ никуда. Непривычная утомленная неподвижность его охватила. И разъ, въ половинѣ августа, я услышалъ отъ его дочки, что онъ не вставалъ съ самаго утра. На вопросъ, что съ нимъ, она ничего положительнаго сказать не сумѣла. Долго не думая, я отправился къ нему и спросилъ, можно ли его увидѣть. Меня впустили. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, не на кровати, а на широкомъ диванѣ въ своемъ кабинетѣ. Услыхавъ мои шаги, онъ раскрылъ глаза и попробовалъ было приподняться. Но попытка не удалась, рука его безжизненно и вяло коснулась моей, голова тяжело опустилась снова на сафьянную подушку. При немъ была одна только его старшая дочь, ухаживавшая за отцомъ съ какою-то холодной аккуратностью. Меня больно поразила эта странно-одинокая безпомощность недавно еще сильнаго человѣка, привыкшаго помогать другимъ и однимъ появленіемъ своимъ въ комнатѣ больного какъ-то отдалять подступающую опасность. Теперь онъ самъ нуждался въ помощи. А у его изголовья никого,—даже простой сидѣлки. Одна эта вѣчно недовольная, будто безмолвно упрекающая отца, угрюмая не по лѣтамъ Катя.

— Видите,—съ трудомъ проговорилъ онъ,—свалился и я... Стыдно какъ будто, и то особенно стыдно, что я не въ состояніи опредѣлить, въ чемъ тутъ дѣло.

— Вамъ нужно врача и сидѣлку, — невольно, говоря это, я искоса взглянулъ на Катю.

— Врача?—Григорій Артемьевичъ поморщился, и косая улыбка на мигъ показалась на его губахъ. Много недоговореннаго и горькаго было въ этой улыбкѣ: можетъ быть даже тайное сознаніе безполезности и безсилія того, которому онъ служилъ самъ. — Какого врача?

— Да я за тѣмъ и здѣсь,— было моимъ отвѣтомъ, — чтобы узнать ваше мнѣніе на этотъ счетъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня, чуть-чуть качнулъ головой и проговорилъ, какъ будто желая убѣдиться, угадалъ ли я его затаенную мысль.

— Благодарю васъ. Да что-жъ, можно, пожалуй, телеграфировать одному изъ моихъ ассистентовъ, Козелкову или Пафнутьеву, или Щербову, кому хотите.

— Неужели вамъ безразлично?—спросилъ я живо.

— Вполнѣ. Если дѣло ясно и можно, такъ сказать, по складамъ

прочесть, любой годится, если же таится что-нибудь не совсѣмъ простое, то ни одинъ. Пригласите Козелкова, пожалуй. Долгъ передъ медициной будетъ, по крайней мѣрѣ, исполненъ.

Я такъ и сдѣлалъ и, вдобавокъ, уже отъ себя, пошептавшись съ Катей, далъ телеграмму и Володѣ. Оказалось, что онъ гоститъ опять у Парниныхъ. Григорій Артемьевичъ замолкъ. Вѣки его снова опустились и какая-то холодная зловѣщая тѣнь легла на его чертѣ. Распорядился я и насчетъ сидѣлки и, убѣдившись, что мое присутствіе Савицкому не нужно и, чего добраго, онъ даже въ тайнѣ имъ тяготится, я оставилъ больного, попросивъ Катю меня извѣстить, когда пріѣдетъ ассистентъ.

VI.

Ассистентъ пріѣхалъ въ тотъ же вечеръ. Это былъ тощій, высокій человѣкъ, съ рѣдкой, будто ощипанной бородкой и съ очками на тусклыхъ близорукихъ глазахъ. На его лицѣ, пока онъ ощупывалъ больного, я уловилъ какую-то смѣсь обычной подчиненности съ притаившимся торжествомъ. Онъ будто радъ былъ, что знаменитый врачъ, передъ которымъ испуганно склонялась академія, теперь у него какъ бы во власти.

— Инфекціоннаго начала на основаніи данныхъ изслѣдованія опредѣлить нельзя,—произносилъ онъ вяло, своимъ безцвѣтнымъ голосомъ.—Желудочно-кишечный трактъ въ порядкѣ. Правое легкое свободно отъ всякихъ хриповъ, что же касается лѣваго...

— Батенька, да говорите же попроще,—остановилъ его профессоръ.—Я вѣдь не изъ тѣхъ паціентовъ, кого морочить можно страшными словами.

— Я стараюсь вѣрно опредѣлить картину болѣзнетворнаго процесса,—отвѣтилъ Козелковъ, слегка какъ будто обидѣвшись.

Катя отвела меня въ сторону. Въ первый разъ я примѣтилъ на ея лицѣ признаки тревоги.

— Скажите,—прошептала она,—вѣдь это кажется нехорошо, что онъ тамъ бормочетъ. По его лицу вижу, что нехорошо.

— А вы понимаете медицинскій языкъ?—спросилъ я, чтобы избѣгнуть прямого отвѣта.

— Нѣтъ, отецъ никого изъ насъ не посвящалъ въ свою науку. Я по чутью только догадываюсь. Такъ скажите же, скажите!..

Я вглядѣлся въ нее пристально.

— А вамъ было бы очень тяжело узнать, что есть... опасность?

Она въ свою очередь взглянула на меня пристально.

— Вы думаете, я не люблю отца? Говорите ужъ прямо. Оттого, что я остаюсь спокойна тамъ, гдѣ другіе волнуются? Вотъ, напримѣръ, Зоинька, взгляните на нее, кидается изъ стороны въ сторону, плачетъ, и отецъ видитъ слѣды этихъ слезъ, слышитъ ея глухія всхлипыванія. Что-жъ тутъ хорошаго, всѣмъ только мѣшаетъ... Я сумѣю, повѣрьте, сдержать себя, если даже почувствую угрозу разлуки, но...

Она не договорила, голосъ у нея осѣкся. Я понялъ вдругъ, что въ этой, съ виду сухой дѣвушкѣ, можетъ таиться такой глубокій чистый родникъ безкорыстной привязанности къ отцу, какого и слѣда нѣтъ у иныхъ шумно горюющихъ натуръ.

Козелковъ выходилъ изъ комнаты больного и что-то быстрымъ шепотомъ приказывалъ сидѣлкѣ. «Компрессы,—могъ я только разслышать.—Температура воды шестнадцать пять десятыхъ градуса. Пузырь со льдомъ на голову и по три пріема этихъ капель. Пошлите поскорѣе». Она взглянула на рецептъ и до моего слуха долетѣло зловѣщее слово: «digitalis».

Катя разслышала тоже, и на одинъ мигъ наши глаза встрѣтились. Она поняла и остановила доктора, собиравшагося опять войти въ комнату больного.

— Что, сердце?—спросила она вполголоса.

— Не одно сердце,—отвѣтилъ тотъ.—Причина заболѣванія, насколько я могу судить по изслѣдованію стетоскопомъ, процессъ, совершающійся въ почкахъ. Есть осложненіе со стороны лѣваго легкаго.

— Какъ, онъ вдобавокъ простудился?

— Точно опредѣлить причину нельзя. Мы имѣемъ дѣло съ продуктами жизнедѣятельности микроорганизмовъ, которые на благопріятной почвѣ быстро размножаютъ свои колоніи.

Я почти засмѣялся, услыхавъ эти мудреныя слова. И едва Катя ушла, чтобы поторопить сидѣлку, я въ свою очередь остановилъ его, спросивъ:

— Что, докторъ, надежда есть?

— Будутъ приняты всѣ мѣры,—съ холоднымъ самодовольствомъ отвѣтилъ тотъ,—предписываемыя наукой и клинической практикой.

Я не настаивалъ, убѣдившись, что толку отъ Козелкова не добьешься. Мнѣ стало ясно, отчего Савицкій такъ равнодушно отнесся къ моему совѣту вызвать врача. И нѣчто иное тоже стало для меня яснымъ. Могучій организмъ Григорія Артемьевича выдержалъ бы, не будь съ нимъ тяжелыхъ потрясеній, черезъ которыя онъ прошелъ за

послѣднее время. Но это, конечно, оставалось недоступнымъ для Козелкова.

На слѣдующее утро пріѣхалъ Володя. И на его всегда жизнерадостныя черты легла тревога. Голосъ ея дрогнулъ, когда онъ спросилъ у сестры:

— Что, плохъ? Должно быть плохъ, коли за мной послали...

Искренняя нота, прозвучавшая въ этихъ словахъ, заставила меня позабыть про недавнее прошлое. Я молча протянулъ руку молодому человѣку. Передъ строгимъ неумолимымъ призракомъ смерти нельзя было не отложить въ сторону даже такіе счеты, какъ наши. Потерять отца—это была роковая минута въ жизни даже такого черстваго существа, какъ Володя Савицкій.

Одно, очевидно, сильно озабочивало молодого человѣка: показаться отцу,—или неожиданный пріѣздъ сына можетъ его встревожить? Онъ шепотомъ спрашивалъ мнѣнія сестры и потомъ такимъ же шепотомъ обратился ко мнѣ:

— Вы, надѣюсь, ему не говорили, куда адресована была телеграмма... Вы знаете, онъ не любитъ, чтобы я бывалъ у Парниныхъ!

— А вы все-таки бываете?

Я поспѣшилъ его успокоить, но онъ долго еще простоялъ на мѣстѣ, переминаясь съ ноги на ногу и, очевидно, колеблясь, войти ли ему къ больному. Но самъ Григорій Артемьевичъ вывелъ насъ изъ затрудненія.

— Катя,—послышался черезъ полуотворенную дверь его отчетливый, хотя и слабый голосъ. Она поспѣшила къ нему и до меня донесся другой, еще тише сказанный вопросъ.—Это Володя пріѣхалъ? Мнѣ показалось...

Я тоже прошелъ въ кабинетъ.

— Григорій Артемьевичъ!—сказалъ я профессору,—извините меня. Я взялъ на себя вызвать вашего сына.

— Вы это сдѣлали, вы?—уставился онъ на меня съ удивленіемъ, но безъ всякаго оттѣнка неудовольствія.

— Онъ не рѣшается войти,—продолжалъ я,—и...

Больной посмотрѣлъ на меня пристально и еще разъ произнесъ:

— Вы? И теперь вамъ хотѣлось бы, чтобы я увидѣлся съ нимъ и простилъ ему?... И это послѣ его поступка съ вами? Вы, стало быть, зла не помните?

Я промолчалъ, и слабая рука этого недавно еще могучаго исполина ума и знанія отыскала мою руку, чтобы пожать ее. А между тѣмъ на его могучемъ лбу обрисовалась лишняя складка и что-то, не то недоумѣніе, не то мгновенное ощущеніе страха, вдругъ словно

отуманило его широко раскрытые глаза. Но это былъ всего одинъ короткій мигъ. И когда вошелъ его сынъ, въ устремленномъ на него взглядѣ больного была обычная невозмутимая ясность.

— Спасибо, что пріѣхалъ, —проговорилъ онъ медленно. —Близкой опасности, кажется, нѣтъ, но все же нельзя знать. И тяжело мнѣ было бы всѣхъ васъ покинуть, не повидавшись съ тобой.

Лицо Володи меня поразило своей необычайной блѣдностью, когда онъ нагнулся къ отцу, чтобы его поцѣловать. Проявленія нѣжности между ними я до сихъ поръ не подмѣчалъ, и теперь, послѣ недавней размолвки, когда, быть можетъ, сынъ послѣдній разъ могъ услышать отъ умирающаго отца слово упрека или прощенія, въ нихъ было что-то особое, торжественное.

— Смѣшно и стыдно бояться смерти, когда ее видѣлъ столько разъ,—продолжалъ, минуту спустя, Григорій Артемьевичъ,—а всетаки... рано что-то, жаль... Кой-что могъ бы еще сдѣлать.

Онъ посмотрѣлъ на сына недовѣрчивыми глазами, будто стараясь уловить то, что скрывалось за смущеніемъ Володи.

— А тебѣ жаль тоже? — произнесъ онъ на этотъ разъ едва слышно.—Въ самомъ дѣлѣ? За послѣднее время мы что-то не совсѣмъ ладили... И часто мнѣ приходилось... Ну, прости, коли я сказалъ тебѣ что-нибудь лишнее. Не для себя это говорю, мнѣ отъ тебя ничего вѣдь не нужно, а изъ-за тебя самого. Хотѣлось мнѣ, чтобы ты всѣмъ могъ глядѣть прямо въ глаза когда и твой часъ наступитъ... Что ни говори, великая тутъ загадка... И никакими анализами, никакими ретортами ея не разрѣшить... Можетъ быть, я виноватъ передъ тобою...

— Вы? Передо мной?—вырвалось у молодого человѣка и трудно было усомниться въ искренности его волненія.

— Можетъ быть, я напрасно говорилъ передъ тобою лишнее... И въ то же время не договаривалъ всего, потому что этого всего никто не знаетъ. Лучше, пожалуй, было бы...

Онъ видимо утомился и умолкъ, не досказавъ своей мысли, какъ не досказывалъ ее цѣлую жизнь.

Я понялъ, что мучило его больной мозгъ. «Лучше,—хотѣлъ онъ сказать,—нагую истину, которая всетаки никогда не бываетъ полна, хранить подъ ключомъ, чтобы не попала она въ неопытныя руки»... Понялъ это, должно быть, и Володя, но прибавилъ къ этому отъ себя кое-что иное. Губы его крѣпко стиснулись и, съ минуту простоявъ съ опущенными глазами, онъ вдругъ ихъ поднялъ на меня. Опять прочелъ я въ нихъ прежнюю загадочную самоувѣренную улыбку.

Катя подошла ко мнѣ и шепнула, что лучше бы намъ оставить

больного. Мы вышли на цыпочкахъ. Григорій Артемьевичъ насъ не останавливалъ. Онъ впалъ, кажется, въ забытье.

— А что, вы согласны съ батюшкой,—спросилъ у меня вдругъ Володя,—что молодыхъ людей надо держать на умственной діэтѣ?

— Совершенно такъ же,—отвѣтилъ я,—какъ не слѣдуетъ давать въ руки дѣтямъ заряженнаго пистолета.

— Старая пѣсня,—возразилъ онъ, пожимая плечами.—И что это за истина, позвольте васъ спросить, которую надо держать подъ спудомъ? Нѣтъ, ужъ лучше скажите прямо, что истины, попросту, никакой нѣтъ и въ научной области точно такъ же, какъ въ нравственной.

Я невольно поморщился, услыхавъ это.

— Вы бы лучше,—сказалъ я,—бросили философствовать, да подумали бы, что послѣдній разъ, быть можетъ, слышите голосъ своего отца.

— Да развѣ онъ такъ ужъ плохъ?—у молодого человѣка сказывалась явная неохота признаваться передъ собою въ опасности отца.—Ему рано умирать. Онъ самъ это чувствуетъ. Онъ могъ бы еще такъ много...

Мысль Володи такъ и осѣклась на этомъ словѣ, но я договорилъ за него: «Такъ много поработать», невольно промелькнуло у меня въ головѣ.

Предчувствіе однако насъ всѣхъ обмануло. Крѣпкій организмъ Григорія Артемьевича выдержалъ. Да и «digitalis» сдѣлалъ, должно быть, свое дѣло. Три дня спустя онъ могъ встать и черезъ недѣлю былъ совсѣмъ на ногахъ. Онъ радовался своему воскресенію съ полной откровенностью. Въ этой радости было что-то молодое, почти наивное, Григорій Артемьевичъ пробовалъ свои обновленныя силы какъ юноша, только что выпущенный въ открытую жизнь.

— Понюхалъ смерти,—шутилъ онъ,—да она меня не захотѣла. Рано еще. Только надо держать ухо востро. Съ сердцемъ шутки плохія.

Особой осторожности Савицкій однако не выказывалъ. Онъ даже съ удвоенной энергіей принялся опять за работу. За время болѣзни къ нему пришло какъ разъ нѣсколько приглашеній и уже черезъ два дня послѣ своего перваго выхода на воздухъ онъ отправился къ петерпѣливо ждавшимъ его паціентамъ. И дома онъ засиживался порой до поздней ночи.

Володю видимо безпокоила эта усиленная дѣятельность.

— Онъ совсѣмъ себя не бережетъ,—говорилъ мнѣ не разъ мо-

лодой человѣкъ.—А вѣдь, подите, знаетъ, кажется, что можетъ это пройти небезнаказанно.

Разъ, когда я сталъ выговаривать Савицкому за его неосторожность, онъ меня остановилъ, и, хотя въ его глазахъ и была прежняя пронзающая сила, я испугался того, что прочелъ въ нихъ.

— Вы думаете,—заговорилъ, цѣлую минуту почти не сводя съ меня пристальнаго взгляда,—я всего этого не знаю самъ. Вздоръ эти предосторожности, вотъ что. Удалить можно опасность, правда, на годъ, можетъ быть, на два, но при такихъ условіяхъ, при которыхъ жить не стоитъ. Что мнѣ осталось недолго до финала, это я знаю, какъ нельзя лучше. Такъ лучше ужъ это короткое время использовать по настоящему. И засиживаюсь я по ночамъ, потому что не окончена еще моя книга, а въ ней мое медицинское завѣщаніе... Да и кстати вотъ,—къ слову пришлось,—за другое завѣщаніе тоже приняться пора. Вы не откажетесь, конечно, быть однимъ изъ свидѣтелей?

Нескрываемое безпокойство появилось на лицѣ Володи, когда пріѣздъ вызваннаго изъ Петербурга нотаріуса далъ ему понять, что затѣялъ отецъ. Что-то почти похожее на обнюхиваніе было въ его обращеніи со мной. Всячески старался онъ узнать послѣднюю волю отца. Разумѣется, отъ меня онъ ничего не добился, но правду онъ всетаки узналъ. Григорій Артемьевичъ посвятилъ въ нее Катю, сказавъ ей, что всю жизнь дѣйствовалъ открыто и не имѣетъ повода скрывать отъ нея, какъ распорядился онъ своимъ имуществомъ. И Катя, хоть и обѣщала отцу не говорить про это Володѣ, не устояла противъ его увертливыхъ, будто скользящихъ разспросовъ.

Большую часть своего имущества Савицкій оставлялъ обѣимъ дочерямъ.

— Все, что я имѣю,—сказалъ онъ мнѣ,—пріобрѣтено трудомъ и я полное право имѣю отдавать, кому хочу, смотря по тому, кому деньги нужнѣй. И всего менѣе онѣ нужны сыну. Не думайте, чтобы я хотѣлъ его этимъ наказывать. Но онъ изъ тѣхъ, которые сами пріобрѣтать могутъ, и какъ разъ нужда въ пріобрѣтеніи усилитъ въ немъ энергію.

«Не черезчуръ ли усилитъ,—подумалъ я, услыхавъ это,—вѣдь энергіи бываютъ разныя...»

Володѣ отецъ всего оставлялъ 40,000, ровно половину того, что завѣщивалось разнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ.

— Всю жизнь я наталкивался,—говорилъ мнѣ Григорій Артемьевичъ,—на недостатокъ помощи, на неравенство даже передъ болѣзнью и смертью. Такъ нельзя же хоть сколько-нибудь изъ того, что при-

несли мнѣ чужія страданія, не отдать на то, чтобы такія страданія облегчить. Это не только право для меня, это прямая обязанность.

На другой день послѣ того, какъ было подписано завѣщаніе, вернулась жена изъ Черниговской губерніи, куда отвозила племянницу. Она была, видимо, довольна. Сестра ея, женщина властная и толковая, обѣщала такъ взять въ руки Лили, чтобы незамѣтно для нея самой вернуть ея жизнь въ покинутое русло. Она была вполнѣ способна выполнить это обѣщаніе.

— Лили даже не почувствуетъ наложенную на нее узду,—увѣряла жена.—Удивительное дѣло, она какъ-то сразу примирилась и не замѣтно въ ней ни горечи, ни прежней ея наклонности съ какимъ-то вызовомъ стоять на защитѣ своей независимости. Она не то, чтобы присмирѣла—этого я не думаю, она вошла въ себя и сосредоточилась. И знаешь, я тебѣ скажу?... Мнѣ кажется, ея любовь къ этому Володѣ Савицкому была не слишкомъ глубокая.

— Тѣмъ хуже,—проговорилъ я,—коли ее увлекла такъ далеко пустая вспышка.

— Для кого тѣмъ хуже?—возразила мнѣ жена.—Вѣдь когда дѣлаютъ операцію, стараются все вырѣзать до чиста, чтобы не оставалось и корешка отъ заразы. А что-жъ, лучше было бы, если бы въ ней занозой такъ и засѣла навѣки эта несчастная любовь? А такъ поле теперь чисто, и жизнь можетъ начаться сызнова.

Я покачалъ головой, не совсѣмъ убѣжденный этими доводами. И опять мнѣ пришлось убѣдиться, что женская мораль совсѣмъ особаго сорта.

Недѣли полторы я не видалъ Савицкихъ. Профессоръ опять уѣхалъ куда-то. Съ Володей я встрѣтился раза два, но съ нимъ не разговорился. Онъ ходилъ, повѣсивъ голову, и мрачная мысль, повидимому, засѣла въ немъ глубоко и упорно.

«Пускай себѣ тужитъ и злится»,—думалъ я, и никакого состраданія къ его денежному разочарованію во мнѣ не шевелилось.

Я не предвидѣлъ, чѣмъ скажется это разочарованіе. Разъ—было это уже въ сентябрѣ—Зоинька, давно не заглядывавшая къ намъ, прибѣжала съ необыкновенно испуганнымъ лицомъ и долго о чемъ-то шушукалась съ Вѣрочкой. До меня урывками долетали отдѣльныя слова:

— Братъ, духовная, деньги...

Я тотчасъ догадался, что Володя такъ-таки и не помирился съ своимъ положеніемъ семейнаго изгоя. Если произошла бурная сцена между нимъ и Григоріемъ Артемьевичемъ, это могло, пожалуй, дурно отозваться на здоровьѣ профессора. И встревоженный этимъ,

я принялся допрашивать дѣвочку. Разузнать про случившееся мнѣ не стоило большого труда. Сцена произошла въ самомъ дѣлѣ тяжелая. Гнѣвные звуки взволнованнаго голоса Григорія Артемьевича такъ и раскатывались по дому. Никогда еще Зоинька не помнила отца такимъ раздраженнымъ.

— Что, ты недоволенъ?—повторялъ онъ сыну,—ты смѣешь говорить о какихъ-то своихъ правахъ, какъ будто есть у тебя права на то, что я заработалъ! Есть они только у больныхъ и бѣдныхъ, и захоти я все имъ отдать, никому не было бы до этого дѣла?

Много говорилъ еще въ этомъ родѣ отецъ и все запальчивѣе, все грознѣе становились его слова. Всего, конечно, Зоинька не разслышала или не поняла. Кое что тоже она позабыла. Но видъ отца, когда онъ вышелъ изъ кабинета, гдѣ происходило объясненіе, съ шумомъ захлопнувъ за собою дверь, она никогда не забудетъ. Губы у него тряслись, глаза затуманились и вдругъ вспыхивили, будто въ нихъ играла зарница. Володя все время говорилъ спокойно, но голосъ его, всегда отчетливый, хоть и сдержанный, позволялъ ей разслышать каждое его слово:

— Я вамъ сынъ, кажется,—говорилъ онъ между прочимъ,—и хоть я очень хорошо знаю, что вы меня терпѣть не можете, всетаки оставлять меня полунищимъ вы не имѣете права. Я ближе къ вамъ стою, чѣмъ разные оборванцы, о которыхъ вы хлопочете. Вы и то меня все время держали впроголодь и не особенная была мнѣ польза отъ того, что къ вамъ деньги валили, какъ снѣгъ.

Лицо молодого человѣка было сильно разгорячено, когда онъ вскорѣ послѣ отца вышелъ изъ кабинета.

— Чего ты тутъ стоишь,—съ испуганнымъ видомъ набросился онъ на Зоиньку,—небось подслушивала?

— Какъ тебѣ не стыдно,—попробовала его остановить дѣвочка.

— Стыдно? Вотъ еще! Стоитъ быть сыномъ богатаго человѣка, коли во всемъ себѣ отказывать приходится. Я вѣдь не изъ тѣхъ дураковъ, которые все о собственномъ хлѣбѣ мечтаютъ и на самихъ себя постъ накладываютъ, чтобы не жить на папенькинъ счетъ.

И уходя, онъ сердито разсмѣялся, а потомъ принялся что-то насвистывать. Но такая нешуточная злоба слышалась въ звукахъ его голоса, что Зоинька съ перепуга бросилась къ намъ искать совѣта и помощи.

А помочь развѣ можно было? Тамъ, гдѣ безсильной оказывалась желѣзная воля Григорія Артемьевича, что могло сдѣлать чужое вмѣшательство. Сперва я захотѣлъ было пройти къ профессору, но передумалъ, рѣшивъ, что лучше это будетъ сдѣлать завтра, когда уля-

жется хоть нѣсколько взаимное раздраженіе. Завтра! Сколько разъ мы повторяемъ это слово въ слѣпой увѣренности, что завтрашній день принадлежитъ намъ.

— Папа рѣшилъ, кажется,—добавила Зонька,—на мѣсяцъ уѣхать въ Италію отдохнуть. Онъ тамъ еще не бывалъ. И меня онъ хочетъ взять съ собою. Я такъ буду рада и такъ это хорошо, что онъ поѣдетъ!

На этомъ успокоился и я. Но на слѣдующее утро, едва забрезжился свѣтъ, меня разбудили. И по испуганному лицу прислуги я тотчасъ увидѣлъ, что случилось недоброе.

— Что такое?—спросилъ я въ просонкахъ.

— У Савицкихъ несчастіе. Григорій Артемьевичъ приказалъ долго жить. Въ три часа къ нему въ кабинетъ вошелъ камердинеръ. Баринъ все не звалъ и онъ почуялъ должно быть, что приключилось что-то неладное. А онъ, бѣдняжка, совсѣмъ ужъ былъ похолодѣвши, голова на стулъ свалилась. Такъ и ахнулъ камердинеръ—и перекрестился! И сразу весь домъ подняли...

Въ девять я былъ тамъ. Онъ лежалъ уже на столѣ съ перекосившимся лицомъ, но на высокомъ лбу все еще что-то могучее, спокойно-властное читалось. Ожидали священника. Катя стояла возлѣ окна и что-то непреклонное, застывшее было въ ея выпрямленной фигурѣ, такъ неподвижно скрестились ея руки и глаза безъ слезъ съ такой упорною, непримиренною, протестующею горечью устремлялись на бездыханное тѣло отца. Меня она не примѣтила сперва и спустя нѣсколько времени только, случайно посмотрѣвъ въ мою сторону, молча мнѣ кивнула головой. Зонька истерично рыдала въ другомъ углу. Володи тутъ не было. Онъ явился только къ самому началу панихиды. Держалъ онъ себя вполнѣ прилично, слегка наклонившись, и, когда нужно было, опускался на колѣни. Сказывалось ли у него на сердце что-либо похожее на молитву, не могу сказать. Но раза два я подмѣтилъ, какъ судорога будто пробѣгала по его цвѣтущему лицу. Ни словомъ мнѣ не пришлось съ нимъ обмѣняться. Лишь только была окончена служба, онъ молча вышелъ.

И съ тѣхъ поръ я его уже не видалъ. Слухи о немъ только изрѣдка до меня доходили. Годъ спустя онъ выдержалъ блистательно экзаменъ и поступилъ тотчасъ на службу въ то вѣдомство, во главѣ котораго стоялъ Парнинъ. Повезло ему, разумѣется, очень, а еще черезъ два года онъ сталъ зятемъ своего начальника. Его жена, Софья Иліодоровна, была некрасивая маленькая особа, правда, съ довольно выразительными, но плаксиво-кисловатыми чертами, говорившими о нравѣ неподатливомъ и капризномъ. Счастливы ли они,

трудно рѣшить. Да о счастіи, впрочемъ, люди имѣютъ различныя понятія. А Лили и бровью не дрогнула, узнавъ объ его женитьбѣ. Она давно выбрала себѣ жизненную долю и, принявъ рѣшеніе, неуклонно шла къ своей цѣли. Выборъ ея палъ на человѣка среднихъ лѣтъ, не слишкомъ умнаго и не вполнѣ глупаго, съ начинавшейся просѣдью въ рѣдкихъ волосахъ, но сохранившаго въ обращеніи съ женщинами юношескую прыть и несомнѣнно обѣщавшаго стать хорошимъ мужемъ. У него было пятьдесятъ тысячъ дохода и явное желаніе остепениться, бросивъ якорь въ супружеской пристани, вмѣсто прежняго черезчуръ бурнаго плаванія въ открытомъ морѣ. Что-жъ, Лили конечно, его приберетъ къ рукамъ, и прошлое будетъ всѣми забыто, — даже и ею самой.

К. Головинъ.

НА ПОЛѢ СЛАВЫ.

Историческій романъ изъ временъ Яна Собескаго.

Генрика Сенкевича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Зима съ 1682 на 1683 годъ была такая морозная, что даже дряхлые старики не помнили подобной. Осенью шли затяжные дожди, а въ половинѣ ноября хватилъ первый морозъ, который сковалъ воды и облекъ деревья какъ бы стеклянной скорлупой. Въ борахъ на соснахъ осѣлъ иней и началъ ломать вѣтви. Въ первыхъ дняхъ декабря послѣ возстановившагося мороза птицы начали слетаться въ деревни и города, и даже дикіе звѣри выходили изъ зарослей и приближались къ человѣческимъ жилищамъ. И вотъ, около святого Дамазія *) небо подернулось тучами, а потомъ снѣгъ валилъ безустанно въ теченіе десяти дней. Онъ покрылъ землю пеленою въ два фута, засыпалъ лѣсныя дороги и плетни,—мало того, даже окна въ хатахъ. Люди лопатами разгребали снѣжные сугробы, чтобы изъ дома проникнуть въ конюшню и сарай, а когда снѣгъ, наконецъ, прекратился, хватилъ снова такой жестокій морозъ, что даже деревья въ лѣсу трескались съ громомъ, напоминающимъ пушечный выстрѣлъ.

Крестьяне, когда имъ приходилось ѣхать въ пущу за дровами, для безопасности ѣздили не иначе, какъ кучей, да и то съ опаской, какъ бы ночь не застала ихъ далеко отъ деревни. Послѣ захода солнца никто не осмѣливался выйти даже на собственный дворъ безъ вилъ или топора, а собаки до утра повизгивали короткимъ и отрывистымъ испуганнымъ лаемъ, какимъ онѣ обыкновенно отзываются при приближеніи волка.

---

*) 11 декабря.

И тѣмъ не менѣе въ такую-то ночь и въ ужасный морозъ по лѣсной дорогѣ ѣхалъ большой возокъ на полозьяхъ, запряженный четверкою лошадей и окруженный людьми. Впереди ѣхалъ на крѣпкой кобылѣ слуга съ кафаркомъ, то-есть съ желѣзнымъ ковшомъ, прикрѣпленнымъ къ длинной жерди, въ которомъ горѣла сухая смолистая лучина,—не для освѣщенія дороги, потому что вокругъ все было залито луннымъ свѣтомъ, а для того, чтобы отпугивать волковъ. На козлахъ сидѣлъ возница, на коренномъ форейторъ, а по сторонамъ кареты на пристяжкахъ двое парней, вооруженныхъ кистенями.

Вся эта процессія подвигалась очень медленно по случаю малонаѣзженой дороги и снѣжныхъ сугробовъ, которые кое-гдѣ, въ особенности на заворотахъ, возвышались на подобіе валовъ поперекъ дороги.

Медленность эта выводила изъ терпѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ безпокоила пана Гедеона Понговскаго, который, разсчитывая на численность и вооруженіе своей челяди, рѣшилъ пуститься въ дорогу, хотя въ Радомѣ его предупреждали объ опасности, тѣмъ болѣе, что до Белчончки нужно было ѣхать чрезъ Козеницкую пущу.

Пану Гедеону казалось, что выѣхавъ до полудня изъ Радома, онъ уже на закатѣ солнца будетъ дома. Оказалось, что нужно было расчищать дорогу, а на это уходило нѣсколько часовъ, такъ что Едльны они достигли только на вечерней зарѣ. Тамъ ихъ предостерегали еще разъ, что лучше остаться здѣсь на ночлегъ, но такъ какъ у кузнеца нашлась лучина, которою можно было освѣщать себѣ дорогу, то панъ Понговскій скомандовалъ ѣхать дальше.

И вотъ ночь застала ихъ на дорогѣ.

Ѣхать шибко было трудно изъ-за сугробовъ. Панъ Гедеонъ испытывалъ все бòльшую и бòльшую тревогу, и, наконецъ, началъ ругаться, но по латыни, чтобы не оскорбить свою родственницу, пани Винницкую, и свою пріемную дочь, панну Сенинськую, которыя ѣхали съ нимъ вмѣстѣ.

Панна Сенинськая особеннаго страха не испытывала. Напротивъ, отдернувъ кожаную занавѣску окна кареты и приказавъ ѣдущему сбоку слугѣ, чтобы онъ не заслонялъ ей видъ, она весело смотрѣла на сугробы и на сосновые стволы, покрытые длинными лентами снѣга, по которымъ ползали красные отблески отъ горящей лучины и чудесно сливались съ зеленымъ блескомъ мѣсяца. Потомъ, сложивъ губы на подобіе птичьяго клюва, она начала дуть и ее забавляло то, что дыханіе ея было видно и отливало розовою окраской.

Но боязливая и престарѣлая пани Вишицкая начала ворчать.

— Зачѣмъ нужно было выѣзжать изъ Радома, или, по крайней мѣрѣ, не заночевать въ Едльнѣ, гдѣ ихъ предостерегали о грозящей опасности? А все это по милости чьего-то упрямства. До Белчончки еще немалый кусокъ дороги, да еще по сплошному лѣсу, гдѣ волки непремѣнно загородятъ имъ дорогу, если только архангелъ Рафаилъ, покровитель путешествующихъ, не смилуется надъ заблудившимися. Къ сожалѣнію, они едва ли достойны небеснаго заступничества.

Услыхавъ это, панъ Понговскій разсердился до крайности. Только этого не доставало! Говорить, что они заблудились!

Дорога какъ стрѣла, а что касается волковъ, то преградятъ ли они имъ дороду, или нѣтъ,—еще не извѣстно. Слуги—въ достаточномъ количествѣ, притомъ волкъ не охотно выходитъ навстрѣчу солдату, и не только потому, что боится его больше, чѣмъ обыкновеннаго человѣка, а изъ уваженія, и потому, что волкъ звѣрь умный.

Волкъ отлично понимаетъ, что ни мужикъ, ни горожанинъ ничего не дадутъ ему даромъ, и только воинъ подчасъ хорошо угоститъ его: недаромъ же люди войну называютъ волчьей жатвой.

Хотя панъ Понговскій говорилъ такъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слегка льстилъ волчьему племени, но не особенно онъ былъ увѣренъ въ волчьемъ расположеніи. И онъ задумался, не приказать ли одному изъ слугъ слѣзть съ коня и помѣститься рядомъ съ барышней. Въ такомъ случаѣ онъ самъ охранялъ бы одну дверцу кареты, слуга—другую, не говоря уже о томъ, что оставленный конь, вѣроятно, помчался бы впередъ или назадъ и могъ бы отвлечь за собою волковъ.

Но пану Гедеону казалось, что время для этого еще не настало.

Тѣмъ временемъ онъ положилъ на переднемъ сидѣньи, около панны Сениньской, пару пистолетовъ и ножъ, чтобы имѣть все это наготовѣ. Правой руки у него не было, и орудовать онъ могъ только лѣвой.

Тѣмъ не менѣе они проѣхали спокойно нѣсколько сотъ саженей.

Дорога начала расширяться.

Понговскій, который отлично зналъ эту дорогу, облегченно вздохнулъ и сказалъ:

— И Маликова поляна недалеко.

Онъ разсчитывалъ, что въ открытомъ мѣстѣ, какъ ни какъ, а все таки лучше, чѣмъ въ лѣсу.

Но именно въ эту самую минуту слуга, который ѣхалъ впереди съ кафаркомъ, вдругъ повернулъ коня, подскочилъ къ каретѣ и началъ быстро и торопливо говорить что-то возницѣ и другой челяди,

а тѣ отвѣчали ему отрывистыми словами, какъ говорится обыкновенно, когда нельзя тратить времени.

— Что тамъ?—спросилъ панъ Понговскій.

— Что-то слышно со стороны поляны.

— Волки?

— Голоса какіе-то. Богъ его знаетъ, что такое.

Панъ Понговскій хотѣлъ было уже дать приказъ человѣку, ѣхавшему впереди съ кафаркомъ, скакать и осмотрѣть, что тамъ дѣлается, но сообразилъ, что въ такихъ случаяхъ лучше не оставаться безъ огня и держаться кучей. Потомъ онъ подумалъ, что на освѣщенной полянѣ оборона легче, чѣмъ среди бора, и потому приказалъ ѣхать дальше.

Но черезъ минуту слуга однако снова показался у окна кареты.

— Кабаны, панъ,—сказалъ онъ.

— Кабаны?

— Направо отъ дороги слышно страшное хрюканье.

— Слава Богу!

— Можетъ быть на нихъ напали волки.

— Потому-то я и говорю—слава Богу. Проѣдемъ мимо безъ задержки. Пошелъ!

Дѣйствительно, предположеніе слуги оказалось справедливымъ.

Выѣхавъ на поляну, путешественники увидали на разстояніи какихъ-нибудь двухъ или трехъ полетовъ стрѣлы, направо отъ дороги сплоченную кучу дикихъ свиней, которую окружалъ подвижной вѣнокъ волковъ. Страшное хрюканье, въ которомъ слышалось не тревога, а скорѣе свирѣпость, становилось все яснѣй и яснѣе. Когда карета выѣхала на середину поляны, слуги, смотря съ своихъ сѣделъ, замѣтили, что волки еще не смѣли броситься на стадо и только напирали на него все сильнѣй.

Кабаны установились кругомъ; молодые въ серединѣ, старики по окружности, образуя какъ бы подвижную крѣпость, грозную, сверкающую бѣлыми клыками, непреодолимую и неустрашимую.

А между кругомъ волковъ и черною массою кабановъ былъ видѣнъ бѣлый снѣжный кругъ, залитый, какъ и вся поляна, яснымъ свѣтомъ луны.

Нѣкоторые изъ волковъ подскакивали къ стаду, но тотчасъ же пятились назадъ, словно устрашенные грозными взрывами хрюканья.

Если бы волки напали уже на стадо, борьба всецѣло поглотила бы ихъ и карета проѣхала бы безпрепятственно, но коль скоро этого еще не случилось, то представлялось опасеніе, что волки бросятъ опасную аттаку, для того, чтобы предпринять другую.

И дѣйствительно, спустя минуту нѣсколько волковъ начали отдѣляться и направились къ каретѣ. За ними послѣдовали другіе. Но видъ вооруженныхъ людей ошеломилъ ихъ.

Одни начали скучиваться за каретой, другіе опережали ее на нѣсколько шаговъ или бѣшенымъ аллюромъ кружили вокругъ нея, точно хотѣли возбудить этимъ самихъ себя.

Слуги хотѣли стрѣлять, но панъ Понговскій воспретилъ это изъ опасенія, чтобы выстрѣлы не привлекли всей массы.

Тѣмъ временемъ лошади, хотя и привыкшія къ волкамъ, начали прижиматься другъ къ другу и поворачивать въ бокъ головы съ громкимъ храпомъ, а спустя минуту произошелъ еще случай, который во сто разъ увеличилъ всю опасность.

Молодая пристяжная, на которой сидѣлъ слуга съ фонаремъ, встала на дыбы разъ и два, а потомъ рванулась въ сторону.

Слуга, понимая, что если бы онъ свалится, то его тотчасъ же разорвутъ волки, схватился за луку, но вмѣстѣ съ тѣмъ выпустилъ жердь съ карафкомъ, и тотъ глубоко погрузился въ снѣгъ.

Лучина заискрилась, потомъ погасла и теперь только свѣтъ луны заливалъ поляну.

Возница, родомъ русинъ, началъ молиться, слуги-мазуры ругаться.

Ободренные темнотою волки напирали настойчивѣй, а со стороны мѣста битвы съ кабанами прибѣгали другіе. Нѣкоторые изъ нихъ подходили совсѣмъ близко съ торчащей щетиной на спинѣ и щелкали зубами. Глаза ихъ сверкали красными и зелеными огоньками.

Наступила минута прямо страшная.

— Стрѣлять, пане?—спросилъ одинъ изъ слугъ.

— Отпугнуть ихъ крикомъ,—отвѣтилъ панъ Понговскій.

И тотчасъ же раздалось пронзительное: «а-гу! а-гу!». Лошади пріободрились, а волки, на которыхъ человѣческій голосъ производитъ сильное впечатлѣніе, отступили на нѣсколько шаговъ.

Но случилось нѣчто еще болѣе странное.

Лѣсное эхо повторило крикъ съ большею силою; и вдругъ раздались какъ будто взрывы дикаго смѣха, а минуту спустя кучка всадниковъ зачернѣлась по обѣимъ сторонамъ возка и во всю конскую прыть помчалась къ стаду кабановъ и окружающихъ его волковъ.

Во мгновеніе ока и тѣ, и другіе не выдержали натиска и разсыпались по полянѣ, словно ихъ разогналъ вихрь. Раздались выстрѣлы, крики и снова тѣ же самые взрывы какого-то страннаго хохота. Слуги пана Понговскаго тоже устремились за всадниками, такъ что

возлѣ кареты остался только возница и слуга, сидящій на одной изъ пристяжныхъ лошадей.

— И слово плоть бысть!—воскликнула, наконецъ, пани Винницкая.—Съ неба что ли помощь?

— Благодареніе ей, откуда бы она ни была,—отвѣтилъ панъ Понговскій.—Намъ уже плохо приходилось.

А панна Сениньская, желая тоже вставить слово, прибавила:

— Богъ послалъ этихъ молодыхъ рыцарей!

Изъ чего панна Сениньская могла заключить, что это были рыцари, къ тому же еще молодые,—трудно было отгадать, потому что они какъ буря пронеслись мимо возка; но ее никто не спросилъ объ этомъ, потому что старшіе слишкомъ были взволнованы тѣмъ, что̀ произошло.

Тѣмъ временемъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ звучали еще отголоски преслѣдованія, а не особенно далеко отъ кареты одинъ волкъ (вѣроятно, ему кистенемъ переломили спину), сидѣлъ на заднихъ лапахъ и отъ боли вылъ такъ страшно, что у всѣхъ по кожѣ пробѣгали мурашки.

Форейторъ соскочилъ на землю и пошелъ добить его, потому что лошади начали метаться такъ, что надломили дышло.

Черезъ нѣсколько времени конный отрядъ снова зачернѣлся на снѣжной равнинѣ.

Онъ шелъ безпорядочной кучей, облеченный туманомъ: несмотря на то, что ночь была ясная и прозрачная, утомленныя лошади дымились на морозѣ словно печныя трубы.

Всадники приближались со смѣхомъ и пѣснями, а когда подъѣхали уже близко, одинъ изъ нихъ подскочилъ къ возку и спросилъ звучнымъ, веселымъ голосомъ:

— Кто ѣдетъ?

— Понговскій изъ Белчончки. Кому я обязанъ спасеніемъ?

— Ципріановичъ изъ Едлинки!

— Букоемскіе!

— Благодарю васъ, господа! Богъ послалъ васъ въ самую пору. Благодарю!

— Благодарю!—повторилъ молодой женскій голосъ.

— Слава Богу, что въ пору!—отвѣтилъ молодой Ципріановичъ, приподнимая мѣховую шапку.

— Откуда же вы узнали о насъ?

— Намъ не говорилъ никто, но волки сбились въ кучу, и мы выѣхали спасать людей, а если между вами оказалась столь достой-

ная персона, тѣмъ больше наша радость и заслуга передъ Богомъ,— любезно отвѣтилъ Ципріановичъ.

А одинъ изъ пановъ Букоемскихъ добавилъ:

— Не считая шкуръ.

— Поистинѣ, это настоящее рыцарское дѣло,— проговорилъ панъ Гедеонъ,—и прекрасный поступокъ, за который я, Богъ дастъ, въ скорѣйшемъ времени отблагодарю васъ. Вмѣстѣ съ этимъ я думаю, что и у волковъ прошла охота попробовать человѣческаго мяса, и что мы безопасно доѣдемъ до дома.

— Едва ли за это можно ручаться. Волки непремѣнно соберутся опять и могутъ вторично стать поперекъ вашей дороги.

— Тогда и исхода нѣтъ никакого. Но мы не поддадимся.

— Исходъ есть, что мы проводимъ васъ до самаго дома. Можетъ быть намъ удастся по дорогѣ спасти еще кого-нибудь.

— Я не смѣлъ просить объ этомъ, но ужъ если вы такъ милостивы, то пусть будетъ такъ, потому что и мои женщины не такъ станутъ бояться.

— Я и такъ не боюсь, но благодарна вамъ всею душою,—отозвалась панна Сениньская.

Панъ Понговскій отдалъ приказъ и всѣ двинулись въ путь, но не успѣли проѣхать и нѣсколько шаговъ, какъ надломленное дышло окончательно лопнуло и карета остановилась.

Явилась новая задержка.

Правда, при каретѣ имѣлись веревки, и слуги тотчасъ же начали связывать сломанныя части дышла, но являлось полнѣйшею неизвѣстностью, не сломается ли оно опять при такой торопливой работѣ.

Тогда молодой Ципріановичъ на минуту задумался, потомъ снова приподнялъ шапку и сказалъ:

— До Едлинки черезъ лѣсъ ближе, чѣмъ до Белчончки. Окажите честь нашему дому и пожалуйте къ намъ на ночлегъ. Не знаю, что могло бы насъ встрѣтить въ глубинѣ бора, и не будетъ ли насъ мало, чтобъ справиться со всѣми этими звѣрями, которые непремѣнно стекутся на дорогу изъ всей пущи. Карету мы какъ-нибудь стащимъ, а чѣмъ меньше придется ее тащить, тѣмъ лучше. Сказать правду, оказанная намъ честь будетъ превышать нашу услугу, но такъ какъ это почти dura necessitas, то мы черезчуръ и не возгордимся.

Панъ Понговскій не сразу отвѣтилъ на эти слова, потому что почувствовалъ въ нихъ упрекъ.

Онъ вспомнилъ, что когда старикъ Ципріановичъ два года тому назадъ пріѣхалъ поклониться ему въ Белчончку, то панъ Гедеонъ

принялъ его, правда, любезно, но съ нѣкоторою гордостью, и въ свою очередь навѣстить его не поѣхалъ по тому случаю, что онъ былъ «homo novus», изъ рода, которому шляхетство было даровано только лишь въ прошломъ поколѣніи, армянинъ по происхожденію, дѣдъ котораго еще торговалъ шелковымъ товаромъ въ Каменьцѣ.

Сынъ этого торговца, Якубъ, уже служилъ подъ начальствомъ великаго Ходкевича въ артиллеріи и подъ Хотиномъ оказалъ такія значительныя услуги, что по протекціи Станислава Любомирскаго получилъ шляхетство и королевское угодье Едлинку въ пожизненное владѣніе. Потомъ, при его наслѣдникѣ, Серафинѣ, пожизненное владѣніе перешло въ залогъ.

Молодой человѣкъ, который явился съ такою доброю помощью, былъ именно сыномъ Серафина.

И панъ Понговскій тѣмъ скорѣе почувствовалъ упрекъ, что слова «мы черезчуръ и не возгордимся», молодой Ципріановичъ произнесъ до нѣкоторой степени надменно и съ намѣреннымъ удареніемъ.

Но собственно эта-та рыцарская гордость и понравилась старому шляхтичу, а такъ какъ отказать своему избавителю было трудно, да и дорога до Белчончки была дѣйствительно далека и небезопасна, то, уже не колеблясь дольше, онъ отвѣтилъ:

— Безъ вашей помощи волки теперь, можетъ быть, грызлись бы изъ-за нашихъ костей. Позвольте мнѣ расплатиться съ вами хоть тѣмъ удовольствіемъ, съ которымъ я принимаю ваше предложеніе... Ѣдемъ!

Ципріановичъ приказалъ приняться за работу.

Дышло сломано было такъ, что словно его кто обрубилъ топоромъ. Одинъ конецъ веревки привязали къ полозьямъ, другой—къ сѣдламъ и бодро двинулись впередъ при крикахъ всадниковъ и пѣсняхъ пановъ Букоемскихъ.

До Едлинки, которая была скорѣе лѣснымъ поселкомъ, чѣмъ деревней, было не особенно далеко. Вскорѣ передъ путешественниками открылась обширная поляна, скорѣе широкое поле, замкнутое съ четырехъ сторонъ боромъ, а на немъ нѣсколько дворовъ, крыши которыхъ, заваленныя снѣгомъ, блестѣли и искрились при свѣтѣ луны.

Немного подальше за крестьянскими избами были видны хуторскія постройки, расположенныя кольцомъ вокругъ двора, а въ глубинѣ барскій домъ, весьма неказистый, передѣланный Ципріановичами изъ домика, въ которомъ когда-то жилъ лѣсничій, но все таки черезчуръ большой для такого маленькаго поселенія.

Изъ оконъ дома струился яркій свѣтъ, обагряя снѣгъ около сѣней, кусты, растущіе передъ домомъ и колодезные журавли, которые торчали по правой сторонѣ въѣзда.

Видимо, старикъ Ципріановичъ ожидалъ сына, а можетъ быть и гостей съ дороги, потому что едва карета приблизилась къ воротамъ, на крыльцо выбѣжало нѣсколько слугъ съ факелами, а за слугами и самъ хозяинъ въ куньемъ тулупѣ и хорьковомъ колпакѣ, который тотчасъ же снялъ при видѣ кареты.

— Какихъ дорогихъ гостей послалъ намъ Богъ въ нашу лѣсную глушь?—спросилъ онъ, спускаясь со ступенекъ крыльца.

Молодой Ципріановичъ поцѣловалъ руку отца и сообщилъ ему, кого онъ привезъ, а панъ Понговскій, выходя изъ кареты, сказалъ:

— Давно я хотѣлъ сдѣлать то, къ чему меня принудили тяжелыя обстоятельства, и тѣмъ болѣе благословляю случай, который согласуетъ и моей волѣ.

— Съ людьми разныя бываютъ приключенія, но для меня ваше приключеніе,—счастіе, почему я съ радостью прошу васъ пожаловать ко мнѣ въ домъ.

Сказавъ это, панъ Серафинъ снова поклонился и подалъ руку пани Винницкой, за которой вошли въ домъ всѣ остальные.

И тотчасъ же гостей охватило то отрадное чувство, которое всегда охватываетъ путниковъ, которые изъ темноты и съ мороза входятъ въ теплыя и освѣщенныя комнаты. Дѣйствительно, и въ сѣняхъ, и въ другихъ покояхъ пылалъ огонь въ широкихъ кафельныхъ каминахъ, а, кромѣ того, слуги начали всюду зажигать свѣчи.

Панъ Понговскій съ нѣкоторымъ изумленіемъ оглядывался вокругъ, потому что обыкновеннымъ шляхетскимъ домамъ далеко было до роскоши, которая бросалась въ глаза въ домѣ Ципріановичей.

При свѣтѣ огня и свѣчъ во всѣхъ покояхъ были видны вещи, которыя увидишь даже не во всякомъ замкѣ: итальянскіе сундуки и стулья изъ рѣзного дерева, тамъ и здѣсь часы и венеціанское стекло, канделябры изъ благородной мѣди, восточное оружіе, осыпанное бирюзою и развѣшенное на вышитыхъ коврахъ. На полу лежали мягкіе крымскіе коротко подстриженные коврики.

«Отъ купеческаго дѣла осталось,—съ оттѣнкомъ гнѣва подумалъ панъ Понговскій,—а теперь они могутъ задирать носъ передъ шляхтой и кичиться богатствомъ, добытымъ не съ оружіемъ въ рукахъ».

Но любезность и искреннее гостепріимство Ципріановичей обезоружили стараго шляхтича, а когда немного спустя онъ услышалъ стукъ посуды въ сосѣдней комнатѣ, то и совсѣмъ пришелъ въ добродушное настроеніе духа.

Чтобы согрѣть гостей, прибывшихъ съ мороза, подали вино, горячее и приправленное пряностями. Начался разговоръ о мино-

вавшей опасности. Панъ Понговскій весьма одобрялъ молодого Ципріановича: вмѣсто того, чтобы сидѣть въ теплой комнатѣ, онъ спасаетъ людей по дорогамъ, несмотря на лютые морозы, на утомленіе и опасность.

— Правда,—говорилъ онъ,—такъ нѣкогда поступали тѣ славные рыцари, которые, разъѣзжая по свѣту, охраняли людей отъ зміевъ, драконовъ и разной другой нечисти.

— Если же кому-нибудь удавалось спасти такую прекрасную королевну,—отвѣтилъ молодой Ципріановичъ,—то онъ былъ такъ же счастливъ, какъ мы въ настоящую минуту.

— Вѣрно! Никто еще не избавлялъ болѣе прекрасной! Богомъ клянусь! Справедливо ты говоришь!—съ энтузіазмомъ воскликнули четыре брата Букоемскихъ.

Панна Сенпньская ласково улыбнулась, такъ что на ея щекахъ появились двѣ ямочки, и опустила глаза внизъ.

Пану Понговскому, однако, этотъ комплиментъ показался слишкомъ фамильярнымъ, потому что панна Сенпньская, хотя сирота, и безъ всякаго состоянія, принадлежала къ магнатскому роду. Онъ направилъ разговоръ въ другую сторону и спросилъ:

— И вы давно ѣздите по дорогамъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ выпалъ глубокій снѣгъ, и будемъ ѣздить до тѣхъ поръ, пока морозъ не отпуститъ,—отвѣтилъ молодой Станиславъ Ципріановичъ.

— И много вы волковъ набили?

— Всѣмъ хватитъ на шубы.

Тутъ паны Букоемскіе засмѣялись словно четверка коней, а когда немного успокоились, старшій, Янъ, сказалъ:

— Его величество король будетъ доволенъ своими лѣсничими.

— Вѣрно,—согласился панъ Понговскій.—Да, я слыхалъ, что вы состоите лѣсничими въ здѣшней королевской пущѣ. Но вѣдь Букоемскіе родомъ изъ Украйны?

— Мы изъ этихъ Букоемскихъ.

— Скажите... скажите... хорошій родъ, Ело-Букоемскіе... У васъ тамъ даже какое-то родство съ большими домами.

— И съ святымъ Петромъ!—воскликнулъ Лукашъ Букоемскій.

— А?—переспросилъ панъ Понговскій.

И онъ сурово и подозрительно началъ посматривать на всѣхъ братьевъ, какъ бы желая узнать, не позволяютъ ли они издѣваться надъ нимъ. Но у братьевъ лица были ясныя, и они съ глубокимъ убѣжденіемъ кивали головами, подтверждая такимъ образомъ сказан-

ныя слова. Наконецъ, панъ Понговскій до крайности изумился и спросилъ:

— Родственники святого Петра? A quo modo?

— Черезъ Пшегоновскихъ.

— Вотъ тебѣ на! А Пшегоновскіе-то тутъ при чемъ же?

— Черезъ Усвятовъ.

— А Усвяты опять тамъ черезъ кого-нибудь,—уже съ улыбкою отвѣтилъ старый шляхтичъ,—и такъ далѣе, до Рождества Господа Христа... Такъ... Хорошо и въ земномъ сенатѣ имѣть какихъ-нибудь родственниковъ, что ужъ тутъ толковать о небесномъ... Но какимъ манеромъ вы изъ Украйны забрались въ нашу Козеницкую пущу, потому что, какъ я слышалъ, вы живете здѣсь уже нѣсколько лѣтъ?

— Три года. Украинскія наши помѣстья мятежъ давно уже сравнялъ съ землею, а потомъ и граница тамъ измѣнилась. Мы не хотѣли служить въ чамбулахъ *) у нехристей и вотъ сначала служили въ нашемъ войскѣ, потомъ снимали землю въ аренду, а затѣмъ нашъ родственникъ, панъ Мальчиньскій, поставилъ насъ здѣсь лѣсничими.

— Да,—сказалъ старикъ Ципріановичъ, — мнѣ одно кажется страннымъ: какъ это мы всѣ сошлись въ этой пущѣ. Потому что всѣ мы не здѣшніе, и свело насъ только непостоянство человѣческой судьбы. Ваши владѣнія,—тутъ онъ обратился къ пану Понговскому,—насколько мнѣ извѣстно, находятся на Руси.

Панъ Понговскій при этомъ вздрогнулъ, какъ будто кто-нибудь дотронулся до его незажившей раны.

— Да, у меня тамъ были имѣнія,—сказалъ онъ,—но мнѣ опротивѣли тамошнія мѣста, потому что тамъ несчастія поражали меня, какъ молніи.

— Воля Божія,—отвѣтилъ Ципріановичъ.

— Конечно, трудно противъ нея бороться, но и жить было тяжело.

— Вы, какъ мы знаемъ, долго служили въ войскѣ.

— Пока не потерялъ руку. Я мстилъ и за отчизну, и за себя. А если Господь Іисусъ отпуститъ мнѣ хоть одинъ грѣхъ за каждую языческую голову, то я питаю надежду, что можетъ быть и не увижу ада.

— Конечно, конечно! И служеніе отечеству заслуга, и горе заслуга. Лучше избѣгать печальныхъ мыслей.

*) Отрядъ татаръ.

— Я бы радъ бѣжать отъ нихъ, только онѣ-то не хотятъ бѣжать отъ меня. Но довольно объ этомъ. Оставшись калѣкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опекуномъ вотъ этой дѣвицы, я подъ старость переселился въ спокойный край, куда чамбулы не заходятъ, и сижу, какъ вы видите, въ Белчончкѣ.

— Правильно; и я точно такъ же,—сказалъ старикъ Ципріановичъ.—Молодежь, хотя теперь время спокойное, ища приключеній, такъ и рвется на большую дорогу, но всетаки страшны и печальны тѣ страны, въ которыхъ каждый оплакиваетъ кого-нибудь.

Панъ Понговскій приложилъ руку ко лбу и долго держалъ ее такъ, а потомъ отозвался грустнымъ голосомъ:

— Правда, что въ тѣхъ странахъ можетъ проживать или крестьянинъ, или магнатъ. Крестьянинъ потому, что когда случится языческое нашествіе, то онъ бѣжитъ въ лѣса и сумѣетъ прожить тамъ, какъ дикій звѣрь, цѣлые мѣсяцы, а магнатъ потому, что у него укрѣпленные замки и собственные полки, которые его охраняютъ... Да и то еще всякое бываетъ! Были Жулкевскіе и погибли, были Даниловичи и погибли. Изъ Собескихъ погибъ братъ нынѣ благополучно царствующаго надъ нами короля Яна... А сколько другихъ!... Одинъ изъ Виснёвецкихъ корчился на крюкѣ въ Стамбулѣ... Корецкаго заколотили желѣзными прутьями... Погибли Калиновскіе, а передъ тѣмъ платили дань кровью Гербурты и Язловецкіе. Въ разное время полегло и нѣсколько Сениньскихъ, которые когда-то почти всѣмъ тамошнимъ краемъ владѣли... Что это за кладбище!... Я до утра не кончилъ бы, еслибъ захотѣлъ всѣхъ перечислить... А если бы перечислять не только однихъ магнатовъ, но и шляхтичей, то для этого и мѣсяца не было бы достаточно.

— Правда, правда! Но достойно удивленія, какъ Господь Богъ размножилъ эту турецкую и татарскую нечисть. Потому что ихъ тамъ столько переколотили, что когда мужикъ весною боронитъ, то языческіе черепа на каждомъ шагу попадаются ему подъ соху... Господи Ты, Боже мой! Сколько ихъ переколотилъ хотя бы нашъ теперешній государь... На добрую рѣку хватило бы крови, а они лежатъ и лежатъ.

Это была правда.

Республика, раздираемая безпорядками и своеволіемъ шляхты, не могла содержать сильную армію, которая была бы въ состояніи одной большой войной разъ навсегда покончить съ турецко-татарскими наѣздами.

Да наконецъ, такую армію не могла бы выставить и вся Европа. Зато эта республика была населена буйнымъ людомъ, который

не имѣлъ ни малѣйшаго желанія подставлять горло подъ ножъ восточныхъ грабителей. Напротивъ, на это страшное, усѣянное могилами и залитое кровью пограничное поле, то-есть на Подолію, на Украйну, на Червонную Русь, наплывали все новыя и новыя волны польскихъ поселенцевъ, которыхъ привлекала не столько урожайная земля, сколько жажда постоянной войны, битвъ и приключеній.

«Поляки,—писалъ старинный лѣтописецъ (Кромеръ),—идутъ на Русь для состязаній съ татарами».

И вотъ, наплывали крестьяне изъ Мазовіи, наплывала воинственная шляхта, которой было стыдно «умирать въ постелѣ обыкновенною смертью»; наконецъ, на этихъ «червонныхъ» земляхъ вырастали могучіе магнаты, которые, не ограничиваясь оборонительными дѣйствіями дома, не разъ шли далеко-далеко,—въ Крымъ, въ Валахію, искать тамъ власти, побѣдъ, смерти, вѣчнаго спасенія и славы.

Говорилось даже, что поляки не хотятъ одной большой войны, но хотятъ всегда пользоваться ею. И хотя то была неправда, тѣмъ не менѣе пылкому племени была мила вѣчная неурядица, и татаринъ порою кроваво расплачивался за свою дерзость.

Ни добруджскія земли, ни аккерманскія, а тѣмъ паче ни безплодные крымскіе камыши не могли прокормить своихъ дикихъ обитателей, и голодъ гналъ ихъ на плодородное пограничье, гдѣ ихъ ожидала обильная добыча, а часто и смерть.

Зарева пожаровъ освѣщали тамъ незанесенныя въ исторію пораженія. Отдѣльные полки разносили впухъ и впрахъ чамбулы, превышающіе ихъ въ десять разъ численностью. Только лишь изумительная быстрота движеній спасала грабителей, но вообще всякій чамбулъ, настигнутый регулярными войсками республики, тѣмъ самымъ былъ обреченъ на погибель безъ возможности спастись.

Бывали экспедиціи, въ особенности небольшія, изъ которыхъ въ Крымъ не возвращался никто. Въ свое время для татаръ и турокъ были страшны имена Претвица и Хмелецкаго. Изъ второстепенныхъ рыцарей въ ихъ памяти кровью были записаны: Володіёвскій, Пелка и старшій Рущицъ, которые уже нѣсколько лѣтъ или нѣсколько десятковъ лѣтъ покоились въ могилѣ. Но никто не источилъ столько крови изъ поклонниковъ Ислама, какъ теперешній король Янъ III Собескій.

Подъ Подгайцами, Калушемъ, Хотиномъ и Львовомъ до сихъ поръ лежали непогребенныя груды языческихъ костей, отъ которыхъ широкія поля бѣлѣлись, какъ отъ снѣга.

Но, наконецъ, страхъ охватилъ всѣ орды.

Вздохнуло тогда пограничье, а когда и ненасытимая турецкая

сила начала искать болѣе легкихъ завоеваній, вздохнула и вся истерзанная республика.

Остались только болѣзненныя воспоминанія.

Далеко отъ теперешняго гнѣзда Ципріановичей, на пригоркѣ стоялъ высокій крестъ съ двумя копьями. Двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ воздвигъ его панъ Понговскій на мѣстѣ сожженнаго дома; и какъ только онъ подумаетъ объ этомъ крестѣ и о всѣхъ дорогихъ существахъ, которыхъ онъ утратилъ на этомъ мѣстѣ, его старое сердце еще и теперь ноетъ отъ боли.

Но онъ былъ суровъ какъ къ другимъ, такъ и къ самому себѣ, стыдился проливать слезы передъ посторонними, не выносилъ дешевыхъ сожалѣній, и не захотѣлъ дольше говорить о своихъ несчастіяхъ, а началъ разспрашивать хозяина, какъ ему живется въ лѣсномъ краю.

Хозяинъ отвѣтилъ:

— Тихо здѣсь, тихо! Когда боръ не шумитъ и волки не воютъ, то, кажется, слышно, какъ падаетъ снѣгъ. Спокойствіе есть, огонь въ каминѣ есть и кувшинъ теплаго вина вечеромъ найдется,—а старости больше ничего и не нужно.

— Правильно. Но вашъ сынъ?

— Молодой птенецъ раньше или позже вылетитъ изъ гнѣзда. Шумятъ что-то старыя деревья о большой войнѣ съ нехристями.

— На эту войну и старые сокола вылетятъ. И я полетѣлъ бы съ другими, если бы не это...

Тутъ панъ Понговскій встряхнулъ пустымъ рукавомъ, въ которомъ остался только кусокъ руки у плеча.

Ципріановичъ налилъ ему вина.

— За успѣхъ христіанскаго оружія.

— Пошли Богъ! До дна!

Тѣмъ временемъ молодой Ципріановичъ точно такъ же угощалъ изъ дымящагося кувшина пани Винницкую, панну Сенинськую и четырехъ братьевъ Букоемскихъ. Барыни едва прикасались губами къ краю сосудовъ, зато паны Букоемскіе не заставляли себя просить, вслѣдствіе чего міръ съ каждою минутой становился для нихъ все болѣе и болѣе веселымъ, а панна Сенинськая все болѣе и болѣе прекрасною.

Наконецъ старшій, Янъ, сказалъ:

— Нечего удивляться волкамъ, что имъ хотѣлось сожрать васъ; волкъ хоть и дикій звѣрь, а толкъ понимаетъ.

Остальные Букоемскіе, Матвѣй, Марекъ и Лукашъ, отъ радости даже ударили себя по колѣнамъ.

— Вотъ это вѣрно!

— Въ самую точку попалъ!

— И говорить нечего!

Слыша это, панна Сениньская сложила руки и, притворяясь испуганною, сказала молодому Ципріановичу:

— Спасите меня, я вижу, что ваши гости только для того спасли меня отъ волковъ, чтобы самимъ съѣсть меня!

— О, нѣтъ,—весело отвѣтилъ Ципріановичъ,—панъ Янъ Букоемскій говорилъ, что нечего удивляться волкамъ, а я скажу, что нечего удивляться панамъ Букоемскимъ.

— Тогда я начну читать молитву: «подъ твое покровительство...»

— Только не кощунствуй!—воскликнула пани Винницкая.

— Да, да! Эти рыцари готовы и тетушку съѣсть вмѣстѣ со мною. Вѣдь такъ?

Но вопросъ этотъ на минуту остался безъ отвѣта. По лицамъ Букоемскихъ было видно, что они чувствуютъ къ этому гораздо меньшую охоту. Однако, Лукашъ, отличавшійся отъ братьевъ болѣе быстрымъ умомъ, сказалъ:

— Пусть отвѣчаетъ Янъ,—онъ старшій братъ.

Янъ немного смутился, но всетаки отвѣтилъ:

— Кто его знаетъ, что завтра будетъ.

— Правильное замѣчаніе,—сказалъ Ципріановичъ,—но къ чему вы его примѣняете?

— Что?

— Да ничего. Я только спрашиваю, почему вы упоминаете о завтрашнемъ днѣ.

— А вы развѣ не знаете, что чувство хуже волка, потому что волка можно убить, а чувства не убьешь.

— Я знаю это, но здѣсь уже совсѣмъ другая матерія.

Панна Сениньская начала хихикать въ руку, за ней Ципріановичъ, а въ концѣ и паны Букоемскіе. Но дальнѣйшій разговоръ прервала служанка, звавшая къ ужину.

Старшій панъ Ципріановичъ подалъ руку пани Винницкой, а молодой повелъ панну Сениньскую.

— Трудно спорить съ паномъ Букоемскимъ,—сказала развеселившаяся паненка.

— Потому что его мнѣнія словно норовистые кони, изъ которыхъ каждый тянетъ въ свою сторону: тѣмъ не менѣе, онъ высказалъ двѣ правды, съ которыми нельзя не согласиться.

— Какая же первая правда?

– Что никто не знаетъ, что его встрѣтитъ завтра, какъ, напримѣръ, и я не зналъ, что глаза мои встрѣтятъ васъ сегодня.

— А другая?

— Что легче убить волка, чѣмъ чувство... Великая это правда!

Сказавъ это, молодой Ципріановичъ вздохнулъ, а панна опустила низко свои густыя рѣсницы и замолкла.

И только тогда, когда они сѣли за столъ, она проговорила:

— А вы скоро пріѣдете въ Белчончку, чтобы мой опекунъ могъ отблагодарить васъ за спасеніе и за гостепріимство?

Угрюмое настроеніе пана Понговскаго въ значительной мѣрѣ разсѣялось за ужиномъ, а когда хозяинъ, въ изысканныхъ выраженіяхъ провозгласилъ тостъ сначала за здоровье дамъ, а потомъ за почтеннаго гостя, старый шляхтичъ отвѣтилъ очень любезно, благодаря за избавленіе отъ опасности и завѣряя въ своей вѣчной благодарности.

Потомъ разговоръ пошелъ de publicis, о королѣ, о его побѣдахъ, о сеймѣ, который долженъ былъ собраться въ апрѣлѣ и о войнѣ, которая грозила нѣмецкой имперіи со стороны турецкаго султана, и на которую въ Польшѣ уже собиралъ охотниковъ панъ Гіеронимъ Любомирскій, мальтійскій кавалеръ.

Паны Букоемскіе слушали съ немалымъ интересомъ, какъ въ нѣмецкой землѣ съ распростертыми объятіями принимали всякаго поляка, потому что турки пренебрежительно относились къ нѣмецкой конницѣ, тогда какъ польская вызывала въ нихъ надлежащій страхъ.

Панъ Понговскій до нѣкоторой степени осуждалъ гордость кавалера Любомирскаго, который говорилъ о нѣмецкихъ графахъ: «Десятокъ такихъ влѣзаетъ въ одну мою перчатку», но одобрялъ его рыцарскія достоинства и большую опытность въ военномъ искусствѣ.

Лукашъ Букоемскій, услыхавъ это, заявилъ отъ своего имени и отъ имени своихъ братьевъ, что пусть только наступитъ весна,— они не выдержатъ и направятся къ пану-кавалеру, но пока стоятъ большіе морозы, будутъ бить волковъ, чтобы отомстить за панну Сеницкую. И хотя Янъ сказалъ, что волкамъ нечего удивляться, онъ, Лукашъ, когда подумаетъ, что такая невинная голубица могла сдѣлаться ихъ жертвою, то у него сердце закатывается отъ бѣшенства, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему трудно удержаться отъ слезъ.

— Жалко,—говорилъ онъ,—что волчьи шкуры такъ дешевы, и что жиды за три штуки едва даютъ только талеръ, но отъ слезъ удержаться трудно, и даже лучше просто-на-просто дать имъ свободу, потому что если кто-нибудь не пожалѣлъ бы угнетенной невинности

и добродѣтели, тотъ оказался бы варваромъ, недостойнымъ рыцарскаго и шляхетскаго имени.

Сказавши это, онъ дѣйствительно далъ свободу слезамъ, а его примѣру послѣдовали и остальные братья. Хотя волки въ самомъ худомъ случаѣ могли угрожать только жизни, а отнюдь не невинности панны Сенпньской, братьевъ Букоемскихъ такъ растрогало краснорѣчіе Лукаша, что сердца ихъ размягчились, точно растопленный воскъ.

Они даже хотѣли послѣ ужина палить изъ пистолетовъ въ честь панны Сенпньской, но хозяинъ воспротивился этому, потому что у него въ домѣ находился больной лѣсникъ, человѣкъ заслуженный, и требующій спокойствія.

Панъ Понговскій думалъ, что это можетъ быть какой-нибудь бѣдный родственникъ, въ самомъ худшемъ случаѣ шляхтичъ-однодворецъ, и изъ вѣжливости началъ разспрашивать о немъ, но когда узналъ, что рѣчь идетъ о простомъ мужикѣ, служившемъ въ былое время у пана Ципріановича, то пожалъ плечами, удивленно посмотрѣлъ на хозяина и сказалъ:

— Ахъ, да! Я и забылъ, что разсказываютъ о вашемъ черезчуръ ужъ добромъ сердцѣ.

— Дай Богъ, чтобъ не разсказывали ничего дурного!—отвѣтилъ панъ Серафинъ.—Я многимъ обязанъ этому человѣку, да онъ и всякому можетъ пригодиться, потому что отлично знаетъ разныя травы и въ каждой болѣзни помочь сумѣетъ.

— Одно только мнѣ удивительно, отчего же онъ, если можетъ лѣчить другихъ, не вылѣчитъ самого себя? Пришлите его когда-нибудь къ моей родственницѣ, пани Винницкой, которая дѣлаетъ изъ травъ разные экстракты и моритъ ими людей... Но намъ пора подумать и объ отдыхѣ, потому что дорога меня страшно утомила, а отъ вина немного разобрало, точно такъ же какъ и пановъ Букоемскихъ.

У Букоемскихъ въ головѣ, дѣйствительно, шумѣло, а глаза у нихъ были затуманенные и растроганные, и когда молодой Ципріановичъ провожалъ ихъ во флигель, гдѣ долженъ былъ ночевать вмѣстѣ съ ними, то они шли за нимъ весьма невѣрнымъ шагомъ по скрипящему снѣгу, удивляясь, что луна смѣется надъ ними и сидитъ на крышѣ сарая, вмѣсто того, чтобы сіять на небѣ.

Но панна Сенпньская такъ глубоко запала имъ въ сердцѣ, что имъ хотѣлось еще разговаривать о ней.

Наконецъ, старшій братъ, Янъ, глубоко вздохнулъ, потомъ выдохнулъ воздухъ въ каминъ съ такою силой, что огонь заколебался, и сказалъ:

— О, Іисусе! Братья мои милые! Заплачьте надо мною, потому что для меня наступила страшная пора!

— Какая пора? Говори, не таись!

— А та, что я люблю такъ, что у меня даже ноги подкашиваются.

— А я, какъ ты думаешь, не люблю?—воскликнулъ Лукашъ.

— А я?—крикнулъ Матвѣй.

— А я?—закончилъ Марекъ.

Янъ хотѣлъ имъ что-то отвѣтить, но сразу не могъ, потому что почувствовалъ себя не хорошо. Онъ только широко раскрылъ глаза отъ великаго изумленія, и началъ оглядывать всѣхъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто видѣлъ ихъ въ первый разъ.

Наконецъ, на его лицѣ отразился гнѣвъ.

— Какъ, собачьи сыны,—крикнулъ онъ,—вы хотите стать старшему брату поперекъ дороги и лишить его счастія?

— Какая важность!—отвѣтилъ Лукашъ,—Ну и что-жъ? Развѣ панна Сениньская какой-нибудь майоратъ, чтобы она досталась только старшему брату? Мы родились отъ одного отца и одной матери, значитъ если ты обзываешь насъ собачьими дѣтьми, то тревожишь въ гробу родительскія кости. Любить каждому дозволяется.

— Каждому-то, каждому, но вы берегитесь, потому что вы обязаны мнѣ obedientiam.

— Всю жизнь кланяться ослиной головѣ? Такъ что ли?

— Ты язычникъ, кощунствуешь, какъ собака.

— Самъ ты кощунствуешь. Іаковъ былъ моложе Исава, а Іосифъ былъ самымъ младшимъ братомъ, значитъ ты и священное писаніе поносишь, и на вѣру лаешь.

Янъ, прижатый этими аргументами къ стѣнѣ, не нашелся, что отвѣтить сразу, а когда Матвѣй еще сказалъ что-то о Каинѣ, то совсѣмъ потерялъ голову.

Гнѣвъ закипалъ въ немъ все больше и больше, и, наконецъ, онъ правою рукой началъ искать саблю, которая была прицѣплена къ его боку.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы не Марекъ, который все время какъ будто боролся съ какой-то мыслью, но, наконецъ, воскликнулъ громовымъ голосомъ:

— Я младшій изъ васъ, я—Іосифъ, значитъ панна Сениньская моя!

Другіе братья обратились къ нему съ негодованіемъ и съ бѣшено-горящими глазами:

— Что? Твоя? Твоя, яйцо ты гусиное, кукла соломенная, сапъ ты лошадиный, пропоица... Твоя?

— Зажми ротъ: такъ сказано въ писаніи.

— Въ какомъ писаніи, дуракъ?

— Все равно, въ какомъ,—сказано. Сами вы напились, а не я.

Но въ это дѣло вмѣшался Станиславъ Ципріановичъ.

— Какъ вамъ не стыдно,—заговорилъ онъ,—братья вы, шляхтичи, и драку затѣваете. Такъ-то вы смотрите на братскую любовь? И изъ-за чего ссора? Что панна Сениньская, грибъ что ли она какой-нибудь, который къ тому попадетъ въ кошолку, кто первый найдетъ его въ лѣсу? Вспомните обычай, который существуетъ у пеликановъ. Они не только не шляхтичи, но даже и не люди, но по родственному чувству во всемъ уступаютъ другъ другу, а когда не наловятъ рыбы, то кормятъ другъ друга собственнымъ мясомъ... Вы говорите о вашихъ родителяхъ, но они теперь слезами обливаются, видя распрю своихъ сыновей, которымъ передъ предсмертнымъ благословеніемъ наказывали должно быть что-нибудь другое. Имъ и райскія радости теперь не всласть, и очей они поднять не смѣютъ на тѣхъ четырехъ евангелистовъ, имена которыхъ дали вамъ при святомъ крещеніи.

Такъ говорилъ Сташко Ципріановичъ и хотя сначала ему хотѣлось смѣяться, но по мѣрѣ того, какъ, говорилъ, онъ все больше и больше увлекался своимъ краснорѣчіемъ, несмотря на то, что и самъ былъ немного навеселѣ. Тѣмъ не менѣе, паны Букоемскіе въ концѣ-концовъ такъ сильно расчувствовались отъ его рѣчи, что всѣ четверо заплакали, а старшій, Янъ, воскликнулъ:

— О, ради Бога, убейте меня, но не называйте Каиномъ!

На это Матвѣй, который упомянулъ о Каинѣ, бросился къ нему въ объятія.

— Братъ! Палачу меня за это отдать слѣдуетъ!

— Прости меня, иначе я лопну отъ горя!—взывалъ Лукашъ.

А Марекъ повторялъ:

— Я брехалъ на заповѣди, какъ песъ!

И они начали обниматься, но Янъ, высвободившись, наконецъ, изъ братнихъ объятій, вдругъ сѣлъ на скамью, разстегнулъ жупанъ, рванулъ рубаху, и, обнаживъ грудь, заговорилъ прерывающимся голосомъ:

— Вотъ вамъ! Какъ пеликанъ!... берите!

Остальные братья зарыдали еще сильнѣй.

— Пеликанъ! Чистый пеликанъ!... Ей-Богу, пеликанъ!

— Берите панну Сениньскую!

— Она твоя! Ты бери ее!

— Пускай берутъ младшіе.

— Никогда! Быть этого не можетъ!

— Ну ее совсѣмъ! Не хотимъ мы ее!

Вдругъ Лукашъ ударилъ себя по бедрамъ такъ, что по комнатѣ прошелъ гулъ.

— Я знаю!—крикнулъ онъ.

— Что ты знаешь? Говори, не скрывай.

— Пусть ее беретъ Ципріановичъ!

Остальные Букоемскіе отъ радости даже вскочили со скамей,—такъ имъ пришлось по сердцу слово Лукаша, и окружили Ципріановича.

— Бери ее, Сташко! Ты этимъ насъ лучше помиришь! Сдѣлай это для насъ!

— Да благословитъ тебя Богъ!—вопіялъ Янъ, поднимая глаза къ небу, и простирая руки надъ Ципріановичемъ.

А Ципріановичъ покраснѣлъ, остолбенѣлъ отъ изумленія, и только повторялъ:

— Побойтесь вы Бога!

Но сердце въ груди его дрогнуло при одной мысли объ этомъ, потому что, сидя возлѣ отца въ теченіе двухъ лѣтъ среди глухого лѣса, и вообще мало сталкиваясь съ людьми, онъ давно уже не видалъ такой прелестной дѣвушки.

Видалъ онъ когда-то такихъ въ Бжежанахъ, куда его отдалъ отецъ для того, чтобы онъ отшлифовался и освоился съ общественными дѣлами, но въ то время онъ былъ еще мальчишкой, и время давно изгладило эти впечатлѣнія.

Онъ ужасно смѣшался и еще разъ повторилъ:

— Побойтесь Бога! Куда вамъ или мнѣ до ней?

Но Букоемскіе, какъ обыкновенно бываетъ съ пьяными, не хотѣли видѣть никакихъ препятствій и начали доказывать.

— Никто изъ насъ не будетъ ревновать къ другому, а ты бери ее,—настаивалъ Лукашъ.—Мы и такъ хотѣли идти на войну, довольно ужъ намъ сторожить лѣсъ.—Тридцать талеровъ за весь Божій годъ!... На пропой не хватитъ, а о другомъ что ужъ тутъ толковать! Лошадей мы распродали, вещи то же самое, за волками ѣздимъ на твоихъ лошадяхъ...

— Извѣстное дѣло, тяжело сиротамъ. Лучше погибнуть на войнѣ! А ты бери ее, если любишь насъ.

— Бери ее,—восклицалъ Янъ,—а мы сейчасъ же отправимся къ кавалеру Любомирскому, бить нехристей.

Но Ципріановичъ опомнился уже отъ изумленія и протрезвился такъ, какъ будто съ утра ничего въ ротъ не бралъ.

— Сообразите, что вы говорите. Развѣ для этого достаточно только моей или вашей воли? А она сама, а панъ Понговскій, человѣкъ гордый и неуживчивый? Хотя панна со временемъ и стала бы моимъ другомъ, то онъ можетъ быть предпочелъ бы, чтобы она скорѣе въ полѣ работала, чѣмъ сдѣлалась бы женою такого нищаго, какъ я или кто-нибудь изъ васъ.

— Вотъ что!—воскликнулъ Янъ.—А самъ панъ Понговскій,—что онъ, каштелянъ краковскій или великій гетманъ? Мало ему, если Букоемскіе явятся сватами?

— Пусть бережется! Старъ онъ, до смерти ему осталось немного, какъ бы святой Петръ не прищемилъ ему пальцевъ въ небесныхъ воротахъ. Заступись же ты за насъ, святой Петръ и скажи ему такъ: «Не умѣлъ ты такой-сякой при жизни быть ласковымъ съ моимъ потомствомъ, такъ цѣлуй теперь пса въ морду». Скажи ему это послѣ его смерти. Но мы и при жизни не позволимъ надъ собою издѣваться... Какъ? Потому только, что у насъ нѣтъ богатства, нами будутъ пренебрегать, и помыкать нами, какъ холопами! Такова-то расплата за наше служеніе отечеству, за нашу кровь, за наши раны? О, братья мои! Сироты вы Божьи, не одна несправедливость встрѣтила насъ въ жизни, но болѣе тяжелой мы еще ни отъ кого не видали!

— Правда, правда!—жалобно отвѣчали Лукашъ, Марекъ и Матвѣй.

И слезы снова обильно потекли по ихъ ланитамъ, но выплакавшись братья Букоемскіе снова начали возмущаться:—имъ казалось, что дворянамъ невозможно оставлять безнаказаннымъ подобное оскорбленіе.

Марекъ, наиболѣе порывистый, первый вспомнилъ объ этомъ.

— На поединокъ на сабляхъ вызвать его неудобно,—сказалъ онъ,—потому что онъ старъ и руки у него нѣтъ, но если бы онъ выказалъ намъ неуваженіе, намъ нужно отомстить. Что намъ дѣлать, подумайте.

— Ну, это мы рѣшимъ завтра,—сказалъ Ципріановичъ.—И огонь давно угасъ въ каминѣ, и полночь миновала. Постели намъ приготовлены у стѣны, а отдохнуть нужно, потому что за день мы довольно поработали на морозѣ.

Огонь дѣйствительно угасъ и въ комнатѣ потемнѣло, такъ что совѣтъ хозяина пришелся по вкусу братьямъ Букоемскимъ.

Разговоръ продолжался еще съ минуту, но все болѣе и болѣе вя-

лый, потомъ въ комнатѣ послышался шепотъ молитвъ, прерываемыхъ глубокими вздохами.

Головешки въ каминѣ начали покрываться пепломъ и чернѣть, отъ времени до времени что-то запищитъ въ догорающемъ очагѣ, да сверчокъ отзовется въ углу жалобнымъ голосомъ.

Раздается еще грохотъ сапогъ, сбрасываемыхъ на полъ, потомъ на короткое время тишина, а потомъ оглушительный храпъ четырехъ уснувшихъ братьевъ.

Но молодой Ципріановичъ не могъ заснуть, потому что всѣ его мысли кружились около панны Сенинськой, какъ пчелы около цвѣтка. Правда, онъ сомкнулъ было рѣсницы разъ и два, но увидалъ, что это ни къ чему не приведетъ, и подумалъ:

— Пойду посмотрѣть, есть-ли у нея еще огонь...

И онъ вышелъ.

Въ окнѣ панны Сенинськой свѣта не было, только свѣтъ луны дрожалъ на неровныхъ стеклахъ окна, какъ на бѣгучей водѣ.

Весь міръ затихъ и уснулъ такъ глубоко, что даже и снѣга, казалось, заснули въ зеленоватой безднѣ луннаго свѣта.

— Знаешь ли ты, что ты для меня рай?—шепнулъ молодой Ципріановичъ, смотря въ серебряное окно дѣвушки.

Старый панъ Ципріановичъ, по свойственному ему гостепріимству и установившемуся обычаю, не щадилъ просьбъ и заклинаній, чтобы гости подольше остались въ Едльнѣ. Онъ даже преклонялъ колѣна передъ пани Винницкой, что, по случаю его легкой, но всетаки досадительной подагры, давалось ему не безъ труда. Но никакія просьбы не помогли. Панъ Понговскій уперся на своемъ,—ѣхать до наступленія полудня домой,—и въ концѣ-концовъ пришлось согласиться на это, тѣмъ болѣе, что, по его словамъ, у него должны были быть гости. И вотъ онъ двинулся предъ полуднемъ. День стоялъ ясный, морозный, погода была чудесная. Иней на деревьяхъ и снѣгъ на поляхъ были осыпаны точно тысячами искръ, которыя такъ сверкали на солнцѣ, что глаза едва могли выносить блескъ, отражающійся и отъ неба и отъ земли. Кони шли бодрою рысью, такъ что въ нихъ играли селезенки, полозья саней скрипѣли по твердому снѣгу, занавѣски въ возкѣ были отдернуты, и поминутно, то въ томъ окошкѣ, то въ другомъ, показывалось розовое личико панны Сенинськой, съ веселыми глазками и съ покраснѣвшимъ отъ мороза носикомъ,—настоящая прелестная картинка въ рамкѣ.

И ѣхала она какъ королевна, потому что карету окружала «почетная гвардія», состоящая изъ пановъ Букоемскихъ и молодого Ципріановича. Молодые люди, сидя на бойкихъ лошадяхъ изъ едлин-

ской конюшни (потому что своихъ лошадей паны Букоемскіе вмѣстѣ съ дорогимъ вооруженіемъ или продали, или отдали въ залогъ), гарцовали по сторонамъ экипажа, то поднимая коней на дыбы, то пуская ихъ впередъ такимъ ходомъ, что снѣжные комки, вырванные изъ замерзшей земли конскимъ копытами, свистѣли въ воздухѣ, какъ брошенный камень.

Панъ Понговскій можетъ быть и не особенно былъ радъ этой почетной стражѣ, и даже въ минуту отъѣзда просилъ рыцарей, чтобъ они не безпокоились, потому что дорога днемъ безопасна, а о разбойникахъ въ пущѣ и слуху нѣтъ,—но когда тѣ настаивали, что имъ необходимо проводить дамъ, то пану Гедеону ничего иного оставалось, какъ, платя вѣжливостью за вѣжливость, пригласить ихъ въ Белчончку. Получилъ онъ обѣщаніе и пана Ципріановича, что тотъ навѣститъ его, но только лишь черезъ нѣсколько дней, потому что старому человѣку не легко было сразу разставаться съ домомъ.

Путешествіе шло незамѣтно,—рыцари упражнялись въ ловкости, а панна Сениньская показывала свое личико въ окнахъ кареты. Остановились они лишь на половинѣ дороги, чтобы дать отдыхъ конямъ у лѣсной корчмы, носящей довольно зловѣщее имя «Разбой». Рядомъ съ корчмой находилась и кузница. Кузнецъ теперь подковывалъ лошадей, а возлѣ корчмы стояло нѣсколько мужицкихъ саней, запряженныхъ худыми, лохматыми лошадьми.

Изъ корчмы высыпали разные люди посмотрѣть на карету, окруженную всадниками, и остановились въ отдаленіи. То были не крестьяне, а горожане изъ Козеницъ, которые лѣтнею порою дѣлали горшки, а зимою, во время санняго пути, развозили ихъ по деревнямъ, въ особенности во время какихъ-нибудь праздниковъ. Имъ показалось, что въ этой каретѣ сидитъ какой-нибудь большой сановникъ, поэтому они на морозѣ сняли шапки и смотрѣли съ большимъ интересомъ.

Сидящіе въ каретѣ, тепло одѣтые, не вышли наружу, всадники также остались на коняхъ; отправился только слуга пана Понговскаго съ сулеею вина, чтобы подогрѣть его въ корчмѣ у огня. Тѣмъ временемъ панъ Понговскій приказалъ сермяжникамъ приблизиться и началъ ихъ разспрашивать: откуда они, куда ѣдутъ, и не грозила ли имъ гдѣ-нибудь «опасность отъ звѣря?»

— Какое тамъ, не грозила, ваша милость!—отвѣтилъ старый горожанинъ,—только мы ѣдемъ скопомъ, и днемъ. Мы ждемъ здѣсь нашихъ изъ Пшитыка и изъ другихъ мѣстъ. Крестьяне тоже можетъ быть подоспѣютъ, а если наберется возовъ пятнадцать или двадцать, то и ночью поѣдемъ, а нѣтъ, такъ и нѣтъ, хотя мы безъ палокъ никогда не ѣздимъ...

— А съ людьми не было никакого случая?

— Волки загрызли одного жида среди бѣлаго дня. Съ гусями онъ ѣхалъ: только перья остались на дорогѣ, а отъ человѣка и отъ лошади лишь одни кости. А сегодня утромъ пришелъ сюда пѣшкомъ шляхтичъ, который всю ночь просидѣлъ на соснѣ. Говоритъ, что конь его палъ, и что волки зарѣзали его у него на глазахъ. На деревѣ онъ такъ закостѣнѣлъ, что едва можетъ говорить, а теперь спитъ.

Панъ Понговскій обратился къ рыцарямъ:

— Слышите, господа?

— Слышимъ.

— Нужно будетъ его разбудить и разспросить. Безъ коня остался, какъ же его покинуть здѣсь. Слуга мой могъ бы сѣсть вдвоемъ съ форейторомъ на одну изъ пристяжныхъ, а бѣдняку отдать свою лошадь... Вы говорите, онъ шляхтичъ... Можетъ быть издалека?

— И должно быть онъ спѣшилъ куда-нибудь, коли ѣхалъ ночью и одинъ,—сказалъ Станиславъ Ципріановичъ.—Я пойду, разбужу его и разспрошу.

Но это оказалось излишнимъ, потому что въ ту же минуту изъ корчмы вышелъ слуга съ подносомъ, на которомъ были установлены кубки дымящагося вина, и, дойдя до кареты, сказалъ:

— Позвольте доложить вашей милости, панъ Тачевскій здѣсь.

— Панъ Тачевскій? А ради какого чорта онъ здѣсь очутился?

— Панъ Тачевскій?—повторила панна Сениньская.

— Онъ сейчасъ оправится и выйдетъ,—пояснилъ слуга.—Онъ у меня чуть подноса изъ рукъ не выбилъ, когда узналъ, что вы здѣсь...

— А тебя кто спрашиваетъ о подносѣ?

Слуга замолкъ, точно потерялъ голосъ; а панъ Понговскій взялъ кубокъ вина, сдѣлалъ одинъ глотокъ, сдѣлалъ другой, потомъ сказалъ Ципріановичу съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ:

— Это нашъ знакомый и... вродѣ сосѣда... изъ-подъ Чарной... И... до нѣкоторой степени сорви голова и повѣса. Изъ тѣхъ, здѣшнихъ Тачевскихъ, что когда-то чуть не въ цѣломъ воеводствѣ...

Дальнѣйшее объясненіе прервало появленіе пана Тачевскаго, который, поспѣшно выбѣжавъ изъ корчмы, шелъ къ каретѣ быстрыми шагами, но съ оттѣнкомъ робости на лицѣ. То былъ молодой шляхтичъ средняго роста, съ прекрасными черными глазами, худой, какъ щепка, съ головой, покрытой шапкою, которая чуть-ли не помнила времена Баторія. На немъ былъ сѣрый кунтушъ, подбитый овчиной, и желтые шведскіе сапоги съ огромными голенищами, закрывающими

даже и бедра. Въ Польшѣ такихъ сапогъ уже никто не носилъ больше: очевидно, то былъ какой-нибудь военный трофей временъ Яна Казимира, по необходимости изъятый изъ кладовой. Идя, онъ попеременно смотрѣлъ то на пана Понговскаго, то на панну Сенинскую, и улыбался, показывая бѣлые здоровые зубы, но улыбка его была печальна, а лицо даже немного сконфужено.

— Я несказанно радъ,—сказалъ онъ, останавливаясь передъ каретой и изысканно кланяясь,—что вижу въ добромъ здоровьѣ васъ, почтенную пани и панну, потому что дорога небезопасна, въ чемъ я самъ имѣлъ возможность убѣдиться.

— Прикройте голову, а то у васъ уши отмерзнутъ,—рѣзко сказалъ панъ Понговскій.—Благодаримъ за заботливость. А ради чего вы таскаетесь по пущѣ?

Тачевскій проницательно посмотрѣлъ на панну, какъ бы хотѣлъ спросить: «можетъ быть ты знаешь, ради чего?»,—но видя, что панна опустила глаза и занимается кусаніемъ ленточекъ отъ капора, отвѣтилъ болѣе твердымъ голосомъ:

— Да такъ, пришла охота посмотрѣть, какъ луна свѣтитъ въ лѣсу.

— Прекрасное желаніе. А коня у васъ волки зарѣзали?

— Дорѣзали только, потому что я самъ изъ него душу вымоталъ.

— Знаемъ. И просидѣли всю ночь на соснѣ, какъ ворона.

Тутъ Букоемскіе разразились такимъ оглушительнымъ хохотомъ, что лошади присѣли на заднія ноги, а Тачевскій повернулся и началъ пересчитывать ихъ глазами, причемъ въ его зрачкахъ промелькнулъ блескъ, холодный какъ ледъ и острый какъ кинжалъ.

Потомъ онъ сказалъ Понговскому:

— Не какъ ворона, а какъ шляхтичъ, лишенный лошади, надъ которымъ вашей милости смѣяться можно, но кому-нибудь другому можетъ быть не особенно здорово.

— Ого! ого! ого!—хоромъ воскликнули братья Букоемскіе, приближая къ нему своихъ коней. Лица ихъ померкли въ одну минуту и усы задвигались, но Тачевскій снова началъ пересчитывать ихъ, закидывая голову кверху.

Тогда панъ Понговскій отозвался суровымъ и повелѣвающимъ голосомъ, какъ будто командовалъ всѣми ими:

— Прошу... безъ всякихъ ссоръ! Это панъ Тачевскій,—прибавилъ онъ мягче черезъ минуту,—обращаясь къ рыцарямъ,—а это панъ Ципріановичъ и паны Букоемскіе, которымъ, могу сказать, мы

обязаны жизнью, потому что и на насъ вчера напали волки. Insperati, они пришли къ намъ на помощь, по какъ разъ въ самую пору.

— Въ самую пору!—съ удареніемъ повторила панна Сенинськая и съ благодарностью посмотрѣла на Ципріановича. А у Тачевскаго покраснѣли щеки, глаза затуманились, и съ неизмѣримой грустью въ голосѣ онъ проговорилъ:

— Въ самую пору, потому что ихъ была цѣлая толпа, и они были счастливы, что сидѣли на хорошихъ коняхъ, а по моемъ Валахѣ волки уже зубами звонятъ, и я лишился послѣдняго друга. Но,— признательно посмотрѣлъ онъ на Букоемскихъ,—да будутъ благословенны ваши руки, потому что вы сдѣлали то, что и я ото всей души желалъ бы сдѣлать, да только не было на это Божьяго соизволенія.

Панна Сенинськая была непостоянна, какъ всякая женщина, а можетъ быть ей сдѣлалось жалко пана Тачевскаго, потому что ея глаза смягчились и заморгали, рѣсницы нѣсколько разъ смежились, и она спросила совсѣмъ уже другимъ голосомъ:

— Старый Валахъ?... Господи, какъ я любила его, и какъ онъ зналъ меня! Господи!...

Тачевскій посмотрѣлъ на нее съ великою благодарностью.

— Онъ зналъ васъ, зналъ!...

— А вы, панъ Яцько, не особенно ужъ огорчайтесь!

— Я и прежде огорчался, верхомъ, а теперь буду огорчаться пѣшкомъ. Но да вознаградитъ васъ Богъ за доброе слово.

— А пока садитесь-ка на Мышастаго,—сказалъ панъ Понговскій.—Слуга сядетъ рядомъ съ форейторомъ, или станетъ за возкомъ. Во вьюкахъ есть и запасная бурка,—надѣньте, потому что вы мерзли цѣлую ночь, а теперь морозъ снова начинаетъ пощипывать.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Тачевскій,—я нарочно не взялъ шубы и мнѣ тепло.

— Ну, такъ въ путь!

И они немного погодя двинулись. Яцекъ Тачевскій занялъ мѣсто у лѣваго окошка возка, Станиславъ Ципріановичъ у другого, такъ что сидящая на переднемъ мѣстѣ паненка не поворачивая головы могла свободно смотрѣть и на того, и на другого.

Но панамъ Букоемскимъ не нравилось присутствіе Тачевскаго и ихъ сердило, что онъ занялъ мѣсто у окна кареты; поэтому, сбившись въ кучу, такъ что лошади чуть не стукались головою о голову, они начали совѣтоваться:

— Онъ надменно смотрѣлъ на насъ,—говорилъ Матвѣй.—Какъ Богъ святъ, онъ хотѣлъ насъ унизить!

— А теперь обратилъ къ намъ коня задомъ. Что вы скажете на это?

— Конечно, онъ не могъ повернуть его къ намъ передомъ, потому что конь не можетъ, какъ ракъ, ходить задомъ. Но что онъ льнетъ къ паннѣ, такъ это вѣрно,—замѣтилъ Марекъ.

— Это ты правду сказалъ. Посмотрите, какъ онъ извивается! Если бы подпруга лопнула, слетѣлъ бы съ сѣдла.

— Не слетитъ, чортъ его возьми, потому что хорошо умѣетъ сидѣть, да и въ подпругѣ ремни хорошіе.

— Посмотрите-ка! Опять улыбается ей.

— Что-жъ, братья родные, дозволимъ мы это?

— Никогда, ни за что! Не для насъ она,—хорошо! Но помните, что мы вчера рѣшили?

— Какъ же! А онъ должно быть пронюхалъ это,—хитрая бестія,— и теперь на зло намъ льнетъ къ ней.

— Издѣвается надъ нашимъ сиротствомъ и убожествомъ!

— Ну, не великъ панъ,—на чужой пристяжкѣ!

— Да вѣдь и мы не на своихъ...

— Но одна скотина у насъ всетаки осталась, такъ что если трое сидятъ дома, то четвертый можетъ ѣхать хоть на войну, а у того и сѣдла своего нѣтъ, потому что волки изгрызли его своими зубами.

— И еще носъ задираетъ... Чего ему отъ насъ нужно,—скажите-ка!

— Это у него надо спросить!

— Сейчасъ? Но политично, чтобы не обидѣть старика Понговскаго. И когда онъ отвѣтитъ,—вызвать его.

— Кто же изъ насъ это сдѣлаетъ?

— Конечно я, потому что я старшій. Только сосульки у себя съ усовъ стряхну и маршъ.

— Смотри, хорошенько запомни, что онъ тебѣ скажетъ.

— Какъ молитву Господню, все вамъ повторю.

Сказавъ это, старшій изъ пановъ Букоемскихъ началъ отряхать сосульки льда, образовавшіяся у него на усахъ, а потомъ приблизилъ своего коня къ пристяжкѣ Тачевскаго и заговорилъ:

— Почтеннѣйшій!

— Что вамъ?—спросилъ Тачевскій, неохотно отрывая голову отъ окна кареты.

— Вы имѣете противъ насъ что-нибудь?

Тачевскій съ минуту изумленно посмотрѣлъ на него, потомъ отвѣтилъ:

— Ничего.

И, пожавъ плечами, онъ снова повернулся къ каретѣ.

Букоемскій нѣкоторое время ѣхалъ въ молчаніи, раздумывая о томъ, возвратиться ли ему и дать отчетъ братьямъ въ полученномъ имъ отвѣтѣ, или попытаться еще. Эта послѣдняя мысль показалась ему удачною, и онъ отозвался снова.

— Если вы думаете, что преуспѣете въ чемъ-нибудь, то и я скажу вамъ то же, что вы сказали мнѣ: ничего.

Тачевскому становилось скучно и непріятно. Онъ понялъ, что къ нему придираются, а ему въ настоящее время не хотѣлось отвѣчать ни на какія придирки. Тѣмъ не менѣе, онъ подумалъ, что отвѣчать во всякомъ случаѣ нужно и чѣмъ-нибудь такимъ, что могло бы сразу покончить разговоръ.

И онъ спросилъ:

— Это ваши братья?

— Конечно, а то чьи же?

— Такъ вы обдумайте все вмѣстѣ, а теперь не прерывайте пріятнаго для меня разговора.

Букоемскій проѣхалъ съ нимъ рядомъ еще шаговъ десять или пятнадцать, но наконецъ поворотилъ коня назадъ.

— Что онъ тебѣ сказалъ? Говори прямо,—разспрашивали его братья.

Старшій повторилъ свой разговоръ съ Тачевскимъ. Остальные остались недовольны.

— Ты не съумѣлъ задѣть его какъ слѣдуетъ,—сказалъ Лукашъ.—Нужно было стременемъ ударить его коня подъ животъ или самому ему сказать что-нибудь оскорбительное.

— Напримѣръ такъ: волки съѣли вашего коня, такъ купите себѣ козу въ Пшитыкѣ.

— Это еще не уйдетъ... Но что значатъ его слова: это тоже ваши братья?

— Можетъ быть онъ хотѣлъ спросить: такіе же они дураки, какъ вы?

— Конечно! Богомъ клянусь, что такъ!—воскликнулъ Марекъ.—Другого у него и въ мысляхъ ничего не могло быть! Ну, а теперь что?

— Его смерть, или наша! И Стаху нужно сказать объ этомъ.

— Совсѣмъ не нужно, потому что если мы отдаемъ ему дѣвушку, то онъ и долженъ вызвать Тачевскаго, а дѣло идетъ о томъ, чтобы мы вызвали первые.

— Когда?

— У Понговскаго нельзя. А вотъ и Белчончка.

Дѣйствительно, Белчончка была уже недалеко. На опушкѣ лѣса

возвышался крестъ, съ изображеніемъ Спасителя между двухъ копій, сооруженный паномъ Понговскимъ. Направо, гдѣ дорога повернула за лѣсъ, разстилались обширные луга съ лентою ольшинъ вдоль рѣки; на другой, болѣе высокой сторонѣ, были видны обнаженныя кроны высокихъ деревьевъ и дымки крестьянскихъ хатъ.

Вскорѣ путники очутились среди построекъ, а когда миновали плетни и хуторскія постройки, то передъ ихъ глазами предсталъ домъ пана Понговскаго.

Широкій дворъ былъ обнесенъ старымъ, истлѣвшимъ и мѣстами развалившимся заборомъ. До этихъ сторонъ съ стародавняго времени не доходилъ никакой непріятель, поэтому никто и не заботился о надлежащемъ укрѣпленіи поселенія. На дворѣ стояли два голубиныхъ садка. По одну сторону тянулся флигель, по другую сараи, амбары и большая сыроварня, сложенная въ клѣтку изъ тонкихъ бревенъ и досокъ. Передъ домомъ и на дворѣ торчали столбики съ желѣзными кольцами для привязи лошадей; на каждомъ столбикѣ красовалась шапка замерзшаго снѣга. Домъ былъ старый, большой, съ низкою соломенной кровлей. По двору сновали гончія собаки, а среди нихъ свободно прогуливался прирученный аистъ со сломаннымъ крыломъ, который видимо только что покинулъ комнату, чтобъ прогуляться и подышать морознымъ воздухомъ.

Въ домѣ ждали пріѣзжихъ, потому что панъ Понговскій еще раньше послалъ слугу съ извѣщеніемъ, что онъ пріѣдетъ. Тотъ же самый слуга вышелъ навстрѣчу и, поклонившись, сказалъ:

— Панъ староста райгродскій, Гротусъ, пріѣхалъ.

— Боже Ты мой!—воскликнулъ панъ Понговскій.—И давно онъ ждетъ?

— И часа еще нѣтъ. Онъ хотѣлъ уже уѣзжать, но я ему сказалъ, что мы ждемъ вашу милость съ минуты на минуту.

— Ты хорошо сдѣлалъ.

Потомъ онъ обратился къ гостямъ:

— Покорнѣйше прошу! Панъ Гротусъ мой родственникъ по женѣ. Вѣроятно онъ возвращается изъ Варшавы отъ брата, потому что выбранъ депутатомъ въ сеймъ. Пожалуйте, пожалуйте!

Черезъ минуту они очутились въ столовой комнатѣ, передъ лицомъ райгродскаго старосты, который головой чуть не касался потолка, потому что ростомъ превышалъ даже пановъ Букоемскихъ, а комнаты въ домѣ были низенькія. Панъ Гротусъ былъ видный шляхтичъ съ умными глазами, съ лицомъ и лысиной государственнаго человѣка, со лбомъ, перерѣзаннымъ шрамомъ надъ носомъ между бровями. Шрамъ этотъ, похожій на морщину, придавалъ его лицу

суровое и какъ бы гнѣвное выраженіе. Однако онъ ласково улыбнулся пану Понговскому и раскрылъ навстрѣчу ему объятія:

— Да, это я, гость, привѣтствую хозяина въ его собственномъ домѣ.

Панъ Понговскій обхватилъ его шею рукой и отвѣтилъ:

— Вотъ такъ гость, вотъ такъ милый гость! Дай тебѣ Боже здоровья, что ты навѣстилъ меня. Что тамъ слышно?

— De privatis хорошо, и de publicis тоже хорошо, потому что война.

— Какъ? Мы?.. Уже?

— Мы—еще нѣтъ, но союзъ съ его величествомъ цезаремъ будетъ подписанъ въ Матрѣ, а потомъ и неизбѣжная война.

Хотя слухи о будущей войнѣ съ турками ходили еще до Новаго года, и даже были такіе люди, которые называли ее неизбѣжною, но подтвержденіе этой вѣсти изъ устъ особы столь важной и столь близко стоящей къ государственнымъ дѣламъ, какъ панъ Гротусъ, произвело сильное впечатлѣніе и на пана Понговскаго, и на его молодыхъ гостей. И едва только хозяинъ представилъ ихъ старостѣ, какъ начался разговоръ о войнѣ, о Текели и о кровавыхъ распряхъ въ Венгріи, отъ которыхъ, какъ отъ огромнаго пожара, зарево распространяется даже на Рагузскіе края и на Польшу. То должна быть война страшная, передъ которою дрожалъ римскій цезарь и всѣ нѣмецкія земли.

Панъ Гротусъ, хорошо ознакомленный съ политическимъ положеніемъ, говорилъ, что Порта двинетъ половину Азіи и всю Африку, чтобы выступить съ такою силою, какой до сихъ поръ еще міръ не видалъ, но предположенія эти никому не испортили настроенія духа,— напротивъ, молодежь даже съ радостью слушала объ этомъ, потому что ей надоѣлъ долгій отдыхъ дома, а война открывала передъ нею поле для славы, заслугъ, даже и выгодъ.

Панъ Матвѣй Букоемскій, услыхавъ слова старосты райгродскаго, ударилъ себя по колѣну такъ, что гулъ пошелъ по всей комнатѣ, и сказалъ:

— Полъ-Азіи и кто тамъ еще? Важное дѣло! Точно намъ это въ первинку!

— Не въ первинку,—это вы правильно говорите,—отвѣтилъ хозяинъ, угрюмое лицо котораго загорѣлось мимолетной радостью.— Если эта вѣсть правильная, то навѣрно и соотвѣтственныя распоряженія будутъ скоро объявлены и начнется сборъ войскъ. Дай Господи! Дай Господи поскорѣе! Подъ Хотиномъ былъ старикъ Девёнткевичъ,

совершенно слѣпой. Сыновья наставляли ему копье для атаки, — и онъ билъ янычаровъ, какъ и другіе. Но у меня нѣтъ сына.

— Дорогой мой, если кто имѣетъ право остаться дома, такъ это ты,—сказалъ староста.—Плохо не имѣть сына для войны, еще хуже не имѣть глазъ, но хуже всего не имѣть руки.

— Я выучился владѣть саблей обѣими руками, — отвѣтилъ панъ Гедеонъ,—а поводья можно держать и въ зубахъ. Да наконецъ... и пасть хотѣлось бы мнѣ, лечь въ битвѣ противъ язычниковъ—въ полѣ... Не изъ-за какой-нибудь личной мести... нѣтъ!... Вотъ дѣло въ чемъ. Я говорю искренно: я старъ, много видѣлъ, много думалъ, и столько насмотрѣлся на людскую злобу, на мелкія дѣлишки, на безпорядокъ въ нашей республикѣ, на наше своеволіе, на срыванье сеймовъ, на непослушаніе, на всякое безправіе, что,—скажу вамъ,—не разъ въ отчаяніи спрашивалъ у Господа Бога: зачѣмъ Ты, Господь, создалъ нашу республику и нашъ народъ? И вотъ теперь, когда поднимается языческое море, когда гнусный змій раскрываетъ пасть, чтобъ пожрать весь міръ и христіанство, когда, какъ ты говоришь, римскій цезарь и всѣ нѣмецкія земли дрожатъ передъ этой грозовой тучей,—только теперь я понялъ, для чего насъ создалъ Господь и какую обязанность возложилъ на насъ. Сами турки говорятъ объ этомъ. Пускай дрожатъ другіе,—мы не задрожимъ! Пускай льется наша чистѣйшая кровь хоть до послѣдней капли, и пусть къ ней присоединится и моя кровь,—аминь!

Глаза пана Понговскаго заблестѣли и онъ сильно взволновался, но слезамъ не позволилъ оросить свои щеки, можетъ быть потому, что еще раньше выплакалъ ихъ, а можетъ потому, что онъ былъ человѣкъ суровый и къ себѣ и къ другимъ. Тѣмъ не менѣе панъ Гротусъ обнялъ его, поцѣловалъ въ обѣ щеки и сказалъ такъ:

— Правда, правда! Много у насъ плохого и лишь нашею кровью мы можемъ искупить передъ лицомъ Господа наши вины. Это—служеніе, это стража, которую намъ поручилъ Богъ, это предназначеніе нашего народа. И приближается уже время, когда мы представимъ свидѣтельство этого служенія... Да! Еще есть извѣстія отъ язычниковъ, что они хотятъ обрушиться на Вѣну. Туда мы и пойдемъ и передъ лицомъ всего міра докажемъ, что мы не что иное, какъ ратники Христовы, для защиты вѣры и Креста созданные! Всѣ народы, которые до сихъ поръ спокойно жили за нашими плечами, ясно увидятъ, какую мы стражу держимъ, и дастъ Богъ, что до тѣхъ поръ, пока міръ не прейдетъ, не прейдутъ наши заслуга и слава.

При этихъ словахъ молодежь охватилъ энтузіазмъ. Паны Букоемскіе вскочили съ мѣста и громкимъ голосомъ закричали:

— Дай Богъ! Когда будутъ собирать войска? Дай Богъ!

А Циприановичъ сказалъ:

— Душа такъ и рвется! Мы готовы хоть сегодня.

Одинъ Тачевскій молчалъ и лицо его не прояснялось, а тѣ вѣсти, которые радостью наполняли всѣ сердца, для него были только источникомъ боли и горести. Его мысль и его глаза неотступно слѣдили за панной Сениньской, весело порхающей вокругъ пиршественнаго стола, и говорили ей съ упрекомъ и неимовѣрной скорбью:

— Если бы не ты, я поѣхалъ бы въ какой-нибудь магнатскій замокъ, и хотя не нашелъ бы тамъ богатства, но получилъ бы какое-нибудь вооруженіе, коня, и записался бы куда-нибудь въ полкъ искать смерти или славы. Это твоя красота, твои взгляды, твои добрыя слова, которыя ты мнѣ бросала иногда, словно милыстыню, сдѣлали то, что я сижу тутъ на нѣсколькихъ десятинахъ и почти умираю съ голоду. И свѣта я не видалъ по твоей милости, и дуракомъ неотесанымъ остался. Чѣмъ я провинился, что ты меня словно въ плѣнъ взяла съ душою и тѣломъ? Я предпочиталъ умереть, чѣмъ не видѣть тебя цѣлый годъ, спѣша спасти тебя потерялъ послѣдняго коня, а ты еще смѣялась и благосклонно поглядываешь на другого. А теперь... что я сдѣлаю? Наступаетъ война! Что-жъ, мнѣ въ слуги идти къ кому-нибудь, или осрамиться, пѣхотинцемъ сдѣлаться? Что я такое сдѣлалъ, что ты и состраданія ко мнѣ никакого не имѣешь?

Такимъ-то образомъ горевалъ Яцекъ Тачевскій, который свое несчастіе чувствовалъ тѣмъ сильнѣй, что онъ происходилъ изъ знатнаго рыцарскаго рода, хотя былъ страшно бѣденъ. И хотя это была неправда, что панна Сениньская не имѣла къ нему состраданія, но правда была то, что по ея милости онъ никогда не показывался въ люди и сидѣлъ какъ въ берлогѣ, владѣя двумя крестьянами и часто не имѣя возможности удовлетворять насущнѣйшимъ потребностямъ жизни. Ему было семнадцать лѣтъ, а ей тринадцать, когда онъ полюбилъ ее безъ памяти, и продолжалъ любить такъ пять лѣтъ, съ каждымъ годомъ все больше и больше, и съ каждымъ годомъ все грустнѣе, потому что не имѣлъ никакой надежды. Панъ Понговскій сначала охотно пріютилъ его, какъ потомка знатной фамиліи, которой когда-то въ этихъ сторонахъ принадлежали цѣлые уѣзды, но потомъ, когда сообразилъ, какъ обстоятъ дѣла, сталъ съ нимъ рѣзокъ, а порою даже жестокъ. Правда, онъ не запиралъ передъ нимъ дверей дома, но держалъ его вдали отъ паненки, потому что относительно нея у него были особыя надежды и соображенія. А сама паненка испытывала на Тачевскомъ свою силу и забавлялась его любовью, точно такъ же, какъ всякая дѣвушка забавляется цвѣтами на

лугу. Порою наклонится надъ какимъ-нибудь, сорветъ какой-нибудь, вплететъ себѣ въ косу, а потомъ броситъ, а потомъ и забудетъ, а потомъ начнетъ искать новыхъ... Тачевскій никогда не говорилъ ей о своей любви, но она превосходно знала о ней, хотя притворялась, что не знаетъ и что вообще не хочетъ знать о томъ, что съ нимъ дѣлается. Помыкала она нмъ, какъ ей было угодно. Когда однажды на нее напали пчелы, она спряталась къ нему подъ плащъ и прижалась къ его сердцу, но потомъ за это же самое не могла простить его въ теченіе двухъ дней. Порою она относилась къ нему почти презрительно, а когда ему казалось, что вотъ-вотъ и все пропало, однимъ ласковымъ взглядомъ, однимъ задушевнымъ словомъ она вновь наполняла его сердце неизмѣримой радостью и надеждой. Если случалось, что по поводу какой-нибудь свадьбы, именинъ, или какой-нибудь большой охоты онъ нѣсколько дней не показывался въ Белчончкѣ, панна сильно скучала по немъ, но когда онъ появлялся опять, за свою скуку долго мстила и досаждала ему. Самыя тяжелыя минуты онъ переживалъ тогда, когда въ Белчончкѣ бывали гости, а среди нихъ какой-нибудь молодой человѣкъ, и красивый, и приличный. Тогда Яцекъ Тачевскій думалъ, что въ сердцѣ паненки нѣтъ даже простого состраданія. И теперь именно онъ думалъ такъ по поводу Ципріановича, а все то, что панъ Гротусъ разсказывалъ о будущей войнѣ, вливало еще большую горечь въ переполненный и безъ того фіалъ его горестныхъ мыслей.

Тачевскій въ домѣ пана Понговскаго строго привыкъ владѣть собою, но и при всемъ томъ за ужиномъ едва могъ высидѣть, прислушиваясь къ разговору паненки съ Станиславомъ Ципріановичемъ. Бѣдный молодой человѣкъ замѣтилъ, что новый знакомецъ на самомъ дѣлѣ понравился ей, потому что былъ храбръ, милъ и не глупъ. За столомъ разговоръ шелъ все о будущемъ формированіи арміи. Ципріановичъ, узнавъ отъ пана Гротуса, что можетъ быть тотъ самъ будетъ производить наборъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, вдругъ обратился къ паненкѣ и спросилъ:

— Какой полкъ вы больше предпочитаете?

Паненка посмотрѣла на его плечи и отвѣтила:

— Гусарскій.

— Изъ-за крыльевъ?

— Да. Я видѣла разъ гусаръ и думала, что это небесное войско. Потомъ они снились мнѣ двѣ ночи.

— Не знаю, приснюсь ли я вамъ, если стану гусаромъ, но что вы мнѣ приснитесь, такъ это вѣрно, и тоже съ крыльями.

— Почему такъ?

— Потому что это свойственно ангелу.

Панна Сенинськая опустила глаза такъ, что тѣнь отъ рѣсницъ падала на ея розовыя щеки, и, немного погодя, сказала:

— Поступите въ гусары.

Тачевскій стиснулъ зубы и провелъ рукою по влажному лбу, но за весь ужинъ не дождался ни слова, ни взгляда. И только когда всѣ вставали уже изъ-за стола и въ комнатѣ задвигали стульями, сладкій, дорогой голосъ зазвучалъ у него надъ ухомъ:

— И вы также поѣдете на войну?

— Чтобы пасть! Чтобы пасть!—отвѣтилъ панъ Яцекъ.

И въ этомъ отвѣтѣ слышалась такая неподдѣльная и искренняя скорбь, что любимый голосъ снова отозвался какъ будто съ оттѣнкомъ волненія:

— Зачѣмъ огорчать людей?

— По мнѣ никто не станетъ плакать.

— Почемъ вы знаете?—въ третій разъ прозвучалъ дѣвичій голосъ.

Потомъ она порхнула къ другимъ гостямъ быстро, какъ чудное, сонное видѣніе и расцвѣла, словно розовый цвѣтокъ, въ другомъ концѣ комнаты.

Старики тѣмъ временемъ послѣ ужина засѣли за кубки съ медомъ и, наговорившись вдосталь объ общественныхъ дѣлахъ, начали толковать о частныхъ. Панъ Гротусъ нѣкоторое время растроганными глазами водилъ за панной Сенинськой, потомъ сказалъ:

— Вотъ это такъ свѣча! Посмотрите только, милѣйшій, на эту молодежь, которая льнетъ къ ней, какъ ночныя бабочки къ огню. И дивиться тутъ нечему, и мы, если бы не наши года, стремились бы къ ней точно такъ же.

Но панъ Понговскій пренебрежительно махнулъ рукою.

— Ночныя бабочки, сѣрыя бабочки, больше ничего!

— Какъ такъ? Тачевскій, напримѣръ,—онъ не изъ сѣрыхъ.

— Но нищій. Букоемскіе тоже не изъ сѣрыхъ. Они даже выдаютъ себя за родственниковъ апостола Петра. Это можетъ быть пригодится имъ въ царствѣ небесномъ, а пока они вчетверомъ сидятъ въ королевскомъ лѣсничествѣ, какъ простые лѣсники.

Панъ Гротусъ удивился родственнымъ связямъ Букоемскихъ не менѣе, чѣмъ въ свое время удивлялся панъ Понговскій, и началъ подробно разспрашивать о нихъ, но въ концѣ-концовъ разсмѣялся и сказалъ такъ:

— Святой Петръ—великій апостолъ и я не хочу умалять его достоинства, тѣмъ болѣе, что, чувствуя приближеніе старости, скоро

долженъ буду прибѣгнуть къ его милости, но, между нами будь сказано, такимъ родственникомъ едва ли можно хвалиться. Онъ былъ простой рыбакъ, не больше. Святой Іосифъ, который происходилъ отъ царя Давида,—ну, это дѣло совсѣмъ другое!

— Я говорю, что для дѣвушки здѣсь нѣтъ никого подходящаго, и не только среди тѣхъ, которыхъ вы видите сейчасъ подъ моей кровлей, но и во всей округѣ.

— А тотъ, который сидитъ теперь около пани Винницкой?... На видъ рыцарь хоть куда.

— Ципріановичъ? Да, онъ человѣкъ порядочный, но изъ армянскаго рода, и дворянство его насчитываетъ только три или четыре поколѣнія.

— Зачѣмъ же вы приглашаете ихъ? Амуръ—измѣнникъ, и вы не опомнитесь, какъ онъ вамъ устроитъ страшную кутерьму.

Панъ Понговскій, еще при представленіи своихъ гостей пану Гротусу объяснилъ, чѣмъ обязанъ имъ, и теперь еще разъ въ подробности разсказалъ о нападеніи волковъ и о помощи, которую ему оказали, вслѣдствіе чего, по чувству признательности, онъ долженъ былъ пригласить къ себѣ въ домъ своихъ спасителей.

— Правда, правда,—подтвердилъ панъ Гротусъ,—но Амуръ въ свою очередь можетъ натворить кутерьмы, потому что и у дѣвушки кровь не вода.

— О, это увертливая куница,—отвѣтилъ панъ Понговскій,—укусить кого-нибудь она можетъ быть и сумѣетъ, но сама изъ чужихъ рукъ вывернется, и не всякому удастся схватить ее. Ужъ таково прирожденное достоинство знатной крови, что она должна не поддаваться, а только распоряжаться и повелѣвать. Я самъ не принадлежу къ числу тѣхъ, которыхъ легко водить за носъ, но все-таки и мнѣ нѣтъ-нѣтъ, да и придется ей уступить. Правда, я многимъ обязанъ Сенинськимъ, но и безъ этого, когда она станетъ передо мною—начнетъ косу съ руки на руку перекидывать, наклонять голову и посматривать на меня, то я въ большинствѣ случаевъ сдѣлаю то, что она захочетъ. И еще порой подумаешь, какой это почетъ и какое благословеніе Божіе, что послѣдній отпрыскъ, послѣдняя представительница такого рода находится подъ моей кровлей. Вы, конечно, знаете о Сенинськихъ... вся Подолія была ихняя. По совѣсти сказать, и Даниловичи, и Жулкевскіе, и Собескіе—всѣ изъ нихъ выросли. Его величество король долженъ памятовать объ этомъ, тѣмъ болѣе, что изъ ихъ неизмѣримыхъ помѣстій почти что ничего не осталось, и дѣвушка, если и будетъ имѣть что-нибудь, то только то, что останется послѣ меня.

— А что скажутъ ваши родственники?

— Понговскіе очень дальняя родня и едва ли могутъ представить надлежащіе документы. Но все-таки мнѣ иногда не даетъ покоя мысль, что послѣ моей смерти могутъ появиться какіе-нибудь затрудненія, процессы, ссоры... какъ это всегда бываетъ у насъ. Больше всего меня безпокоютъ родственники моей жены, послѣ которой мнѣ осталась часть наслѣдства, между прочимъ, эта Белчончка.

— Я съ этимъ процессомъ не выступлю,—улыбаясь отвѣтилъ Гротусъ,—но за другихъ не ручаюсь.

— Въ томъ-то и дѣло! Въ томъ-то и дѣло!... Я собирался было ѣхать въ Варшаву и просить самого короля принять подъ покровительство сироту, но у него теперь голова занята совсѣмъ другимъ.

— Если бы у васъ былъ сынъ, то дѣло было бы просто: выдать-бы за него дѣвушку...

Панъ Понговскій посмотрѣлъ на старосту райгродскаго такимъ страдальческимъ взоромъ, что тотъ оборвался на половинѣ слова. Они долго молчали, потомъ панъ Гедеонъ сказалъ голосомъ, прерывающимся отъ волненія:

— Дорогой мой, я могъ бы сказать, вмѣстѣ съ Виргиліемъ: «infandum jubes renovare dolorem»... Да... дѣло было бы простое... И скажу я вамъ, что если бы не эта простая вещь, то я можетъ быть давно бы уже издохъ. Моего сына ребенкомъ захватили ордынцы. Не разъ случалось, что люди возвращались изъ языческой неволи тогда, когда о нихъ и память пропадала. Цѣлые года я ждалъ чуда, цѣлые года жилъ этой надеждой. И теперь еще, когда я подопью, то думаю себѣ: а ну какъ!.. Богъ больше, чѣмъ людскія ожиданія. Но минуты надежды коротки, а боль тяжела и неотступна... Нѣтъ!... Зачѣмъ обманывать самого себя? Не соединится моя кровь съ кровью Сенинскихъ, а если родственники растащутъ мое достояніе, то и послѣдній отпрыскъ дома, которому я обязанъ всѣмъ, останется на свѣтѣ безъ куска хлѣба.

Они снова стали пить въ молчаніи. Панъ Гротусъ думалъ, какъ бы смягчить боль, которую онъ невольно причинилъ хозяину дома, и чѣмъ бы утѣшить его въ его скорби. Наконецъ, ему пришло въ голову то, что онъ счелъ счастливою мыслью:

— Э,—сказалъ онъ,—на все есть средства, и вы, дорогой, безъ всякихъ препятствій можете обезпечить за дѣвушкой кусокъ хлѣба.

— Какимъ же это образомъ?—съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ панъ Понговскій.

— Развѣ никогда не случалось, что старые люди женятся даже на несовершеннолѣтнихъ? Exemplum изъ исторіи: великій гетманъ

Конецпольскій, который былъ старше васъ женился совсѣмъ еще на зеленой дѣвчонкѣ. Правда и то, что, принявши слишкомъ много молодящаго средства, онъ умеръ въ первую же ночь послѣ свадьбы, но ни панъ Маковскій, вашъ радомскій чашникъ, ни панъ ловчій Рудницкій не умерли, хотя обоимъ было по семидесяти лѣтъ. А вы человѣкъ крѣпкій. Если васъ Господь Богъ благословитъ потомствомъ, то тѣмъ лучше, а нѣтъ—то вы оставите въ полномъ спокойствіи и достаткѣ молодую вдову, которая потомъ выберетъ себѣ такого мужа, какого сама захочетъ.

Приходили ли пану Понговскому когда-нибудь такія мысли въ голову, трудно сказать,—но, выслушавъ слова старосты райгродскаго, онъ сильно смутился, наливая дрожащей рукою гостю меду, не попалъ въ кубокъ, такъ что благородный напитокъ полился на полъ, и сказалъ:

— Выпьемъ!... За успѣхъ христіанскаго оружія!

— Это само по себѣ,—отвѣтилъ панъ Гротусъ, слѣдуя за теченіемъ собственной мысли,—а вамъ всетаки нужно обдумать то, что я сказалъ вамъ, потому что, какъ мнѣ кажется, я попалъ въ самую цѣль.

— Ну, вотъ! Что тамъ толковать! Выпьемъ-ка еще.

Дальнѣйшій разговоръ былъ прерванъ движеніемъ креселъ за большимъ столомъ. Пани Винницкая и панна Сениньская намѣревались идти на покой. Звучный, словно серебряный колокольчикъ, голосъ паненки началъ повторять: «покойной ночи, покойной ночи», потомъ она почтительно присѣла передъ паномъ Гротусомъ, поцѣловала руку у пана Понговскаго, какъ котенокъ потерлась лбомъ и носикомъ объ его плечо и удалилась. Ципріановичъ, Букоемскіе и Тачевскій вышли вслѣдъ за дамами. Въ комнатѣ остались только два старика и говорили долго, потому что панъ Понговскій приказалъ подать еще сулею лучшаго меда.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сахалинъ, какъ колонія.

Территоріальное значеніе занятія Сахалина.—Сахалинъ-амурскій Котлинъ.—Естественныя богатства Сахалина.—Каменный уголь.—Его открытіе.—Россійско-Американская компанія.—Хищническая разработка угля.—Коммиссія генералъ-адъютанта Сколкова.—Повсемѣстное распространеніе на островѣ угля и неисчерпаемость его залежей.—Анализы сахалинскихъ углей, ихъ практическое примѣненіе.—Недостатокъ рукъ для разработки угля.—Отсутствіе перевозочныхъ средствъ.—Несбывшіяся надежды на распространеніе сахалинскаго угля въ Японіи и Китаѣ.—Необходимость устройства за границей угольныхъ складовъ.—Опасность дуйскаго рейда и отсутствіе погрузочнаго инвентаря.—Стремленіе американцевъ къ вывозу сахалинскаго угля въ азіатскіе и американскіе порты и наша боязнь мирнаго завоеванія Сахалина иностранцами.—Русскіе предприниматели.—Возникновеніе общества „Сахалинъ“.—Покровительство новому обществу и его результаты.—Утрата довѣрія къ дуйскому углю вслѣдствіе небрежности его разработки.—Товарищество „Маковскій и К°“.—Рудники тюремнаго вѣдомства.—Залежи желѣзныхъ рудъ.—Нефть и слухъ объ ея колоссальномъ богатствѣ.—Золото.—Рыбный промыселъ.—Сахалинъ—житница Японіи.—Будущее значеніе сельдяного промысла.—Лѣса и лѣсные пожары.—Результаты нашей культурной работы на Сахалинѣ и возможная будущность послѣдняго.

Полвѣка тому назадъ, спустя четыре года послѣ открытія Невельскимъ Амура, былъ занятъ нами и островъ Сахалинъ, повидимому, главнымъ образомъ потому, что «островъ этотъ, по положенію своему, служитъ дополненіемъ Приамурскаго края, присоединеніе котораго такъ необходимо для Россіи» [1]). Близкое сосѣдство Японскихъ острововъ и даже то обстоятельство, что южная часть Сахалина лѣтъ за шестьдесятъ до нашего прибытія на островъ была занята японскими рыбо-промышленными факторіями, не внушали серьезныхъ опасеній русскому правительству. «Число людей, назначенныхъ для экспедиціи,—говоритъ начальникъ ея, Буссе, показываетъ, что не предполагалось возможности военныхъ дѣйствій и необходимости защиты острова противъ Японіи или другой какой-либо политической націи. Сто человѣкъ эти назначались, конечно, для защиты нашего торговаго поселенія отъ туземныхъ дикарей или японскихъ рыбаковъ, и число

[1]) *Н. В. Буссе:* „О. Сахалинъ и экспедиція 1853—54 гг.“, стр. 79.

это слишкомъ достаточно для достиженія этой цѣли» [2]). Военное значеніе Японіи вовсе игнорировалось. Со словъ Головнина, были убѣждены, что хотя «числительныя военныя силы ея и матеріальныя средства велики, но что двухсотлѣтнее внутреннее спокойствіе, миръ съ сосѣдями и природная трусость дѣлаютъ Японію несравненно слабѣе даже самаго безсильнаго европейскаго государства и едва способнаго не только для нападеній, но для обороны своей земли противъ серьезной экспедиціи европейцевъ» [3]).

Но если оптимизмъ современниковъ относительно военнаго значенія Японіи находилъ свое оправданіе въ дѣйствительномъ безсиліи нашихъ сосѣдей-островитянъ, то восточная война 1854—55 гг., когда англійская военная флотилія въ поискахъ нашей эскадры, скрывшейся въ устьяхъ Амура, не только крейсировала вдоль береговъ Татарскаго пролива, но даже запасалась углемъ на Сахалинѣ, могла служить указаніемъ на значеніе его для обороны береговъ материка и устьевъ Амура на случай войны съ какой-либо морской державой. Тѣмъ не менѣе, 15 лѣтъ спустя, въ 1870 году, мы находимъ на всемъ Сахалинѣ одинъ баталіонъ пѣхоты пятиротнаго состава, два горныхъ орудія и мѣстную команду въ посту Дуэ. Двѣ изъ этихъ ротъ и взводъ артиллеріи находились въ посту Муравьевскомъ, остальныя были разбросаны по всему острову по семи, девяти и даже по два человѣка на постъ, «только для того, чтобы показать японцамъ присутствіе русскихъ въ данной мѣстности» [4]). Конечно, по обстоятельствамъ времени, когда приходилось лишь констатировать фактическое занятіе острова русскими, этого состава охраны было вполнѣ достаточно, хотя и тогда уже военное значеніе Сахалина на случай военныхъ дѣйствій не оспаривалось спеціалистами. Такъ извѣстный изслѣдователь нашихъ военныхъ границъ, г. Венюковъ, еще въ 1873 г. находилъ, что «укрѣпленіе пролива Маміа-Ринзо (Невельского) и содержаніе въ немъ на случай войны нѣсколькихъ броненосныхъ судовъ (или же устройство подводныхъ минъ на фарватерѣ) могутъ придать Сахалину, или, вѣрнѣе, части его около Погиби, значеніе ключа Амура, а вмѣстѣ и связать самый островъ неразрывно съ Приморскимъ краемъ» [5]).

Вслѣдъ за военными значеніемъ Сахалина увлекались и статскіе люди, но, какъ и слѣдовало ожидать, болѣе съ гражданской, чѣмъ съ военной точки зрѣнія. «Одинъ взглядъ на карту достаточенъ, чтобы убѣдиться въ безусловной необходимости для Россіи обладанія этимъ островомъ... Сахалинъ тотъ же островъ Котлинъ, только въ сибирскомъ масштабѣ. Укрѣпить его пушками и дорого, и неудобно; гораздо прочнѣе укрѣпится онъ за нами, если онъ будетъ заселенъ русскимъ элементомъ; нужды нѣтъ, ежели первоначальный элементъ его населенія будетъ ссыльно-каторжный.

---

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) *Венюковъ*: „Матеріалы для военнаго обзора современныхъ русскихъ границъ въ Азіи“. *Военный Сборникъ* 1873 г., № 3, стр. 26.

[5]) Тамъ же, стр. 27.

На глазахъ нашихъ Сидней, Мельбурнъ превратились изъ мѣстъ ссылки въ цвѣтущія колоніи; и этимъ обязаны они присутствію золота и каменнаго угля въ ихъ почвѣ... Сахалинъ представляетъ неистощимый рудникъ каменнаго угля высокаго достоинства: какъ Ньюкестль и Австралія снабжаютъ углемъ Атлантическій и Южный океаны, такъ Сахалину предназначено природой «удовлетворять потребностямъ прибрежій Тихаго океана» [6]). Такъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ смотрѣли на Сахалинъ и его значеніе люди, имѣвшіе случай близко познакомиться съ нимъ, и этотъ взглядъ далеко не единственный.

Богатства Сахалина, дѣйствительно, изумительны. «Богатѣйшія залежи каменнаго угля и многочисленные выходы нефти составляютъ главныя богатства его. Кромѣ того на Сахалинѣ найдены руды: желѣзная, мѣдная, сребро-свинцовая, цинковая, а сходство въ геогностическомъ строеніи нѣкоторыхъ горныхъ отроговъ острова съ амурскими золотоносными розсыпями даетъ основаніе предполагать, что на немъ существуютъ и мѣсторожденія золота». «Раціональная эксплоатація этихъ богатствъ,—по мнѣнію того же автора,—могла бы повести къ быстрому заселенію, а быть можетъ, даже и обогащенію острова» [7]). Независимо отъ минеральныхъ богатствъ, Сахалинъ обладаетъ неисчерпаемымъ обиліемъ рыбы, каковы сельдь и лосось, въ которой нѣкоторые изслѣдователи (Чеховъ) усматриваютъ даже главное его богатство и его будущность. Наконецъ, двѣ трети Сахалина (до 4 съ половиною милліоновъ десятинъ) покрыты сплошнымъ лѣсомъ, который, какъ показалъ опытъ, можетъ явиться предметомъ выгоднаго промысла экспортной торговли, морскія же прибрежья богаты трепангами и извѣстными подъ именемъ морской капусты водорослями, составляющими и нынѣ предметъ вывоза въ Японію и Китай, гдѣ они являются лакомствомъ и необходимою приправой пищи.

Старѣйшей промышленностью на Сахалинѣ является каменно-угольная. Первыя свѣдѣнія о нахожденіи на его берегахъ каменнаго угля были доставлены еще Лаперузомъ [8]). Въ 1850 г. находившійся при амурской экспедиціи штурманскій офицеръ Орловъ объявилъ награду тѣмъ изъ туземцевъ, которые доставятъ образцы каменнаго угля и укажутъ его мѣстонахожденіе. Зимою 1851—1852 гг. Невельской, по указаніямъ инородцевъ, поручилъ лейтенанту Бошняку изслѣдовать западное побережье острова и въ мѣстности, гдѣ въ настоящее время находится п. Дуэ, послѣднимъ были открыты богатѣйшія залежи каменнаго угля, выходящаго мощными пластами на дневную поверхность у самаго берега моря [9]).

Проходившія черезъ Татарскій проливъ морскія суда не разъ съ тѣхъ

---

6) *Я. Бутковскій*: „Сахалинъ и его значеніе". *Морской Сборникъ* 1874 г., стр. 134 и 135.

7) *А. Марюміусъ* (горный инженеръ): „Горное дѣло на о. Сахалинѣ", Сахалинскій календарь на 1897 г., отд. II, стр. 49.

8) *А. М. Никольскій*: „Островъ Сахалинъ и его фауна позвоночныхъ", стр. 12.

9) *А. Кеппенъ*: „Остр. Сахалинъ и его каменноугольныя мѣсторожденія", стр. 66.

поръ грузились углемъ па сахалинскихъ побережьяхъ, гдѣ во многихъ мѣстахъ черными массами выступали свиты каменно-угольныхъ пластовъ [10]). Вѣсти объ этихъ богатыхъ залежахъ давали правительству основаніе смотрѣть на Сахалинъ, какъ па угольную станцію для судовъ амурской флотиліи, а потому, предоставивъ этотъ островъ во владѣніе россійско-американской компаніи на тѣхъ же правахъ, какія были присвоены ей ея привиллегіями, т.-е. на правахъ монопольнаго владѣнія и управленія островомъ, оно оставило за собою право разработки каменнаго угля для надобностей военныхъ судовъ [11]). Восточная война помѣшала компаніи вступить въ фактическое владѣніе островомъ, хотя въ заливѣ Сихкотанъ ею велась разработка каменнаго угля и былъ устроенъ складъ [12]), а послѣ войны, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, взглядъ правительства на возможную роль этой компаніи въ дѣлѣ эксплоатаціи минеральныхъ и прочихъ богатствъ Сахалина измѣнился. Опасаясь, что предоставленное ей исключительное право владѣнія островомъ стѣснитъ могущую возникнуть тамъ при условіи свободной конкуренціи торговлю и промышленность, правительство въ началѣ 1856 г. рѣшило передать островъ въ вѣдѣніе генералъ-губернатора Восточной Сибири, уплативъ компаніи весьма крупную сумму въ возмѣщеніе ея убытковъ. Позднѣе ей впрочемъ предоставлено было право разработки каменнаго угля, но лишь для собственной надобности, однако она предпочла пріобрѣтать для своихъ судовъ уголь у казны за плату отъ 10 до 16 коп. за пудъ, а вскорѣ и совсѣмъ прекратила всякую дѣятельность въ прилежащей къ Амуру части нашихъ владѣній [13]).

Вслѣдъ за изъятіемъ Сахалина изъ вѣдѣнія россійско-американской компаніи генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири было сдѣлано распоряженіе о посылкѣ на Сахалинъ военной команды для ломки угля, и въ августѣ того же, 1856 года близъ инородческаго селенія Дуи лейтенантъ Рудановскій построилъ первое зданіе Дуйскаго поста для помѣщенія команды. Въ слѣдующемъ году для организаціи работъ въ дуйскихъ копяхъ былъ командированъ горный инженеръ Носовъ; но онъ прослужилъ не долго. Слишкомъ ограниченное число команды (отъ 40 до 50 человѣкъ) и недостатокъ отпускаемыхъ казной средствъ убѣдили его въ невозможности правильно поставить работы, а потому онъ предпочелъ совсѣмъ отказаться отъ службы на Сахалинѣ [14]). Тѣмъ не менѣе за 16 мѣсяцевъ работы, изъ числа которыхъ было только 288 рабочихъ дней, онъ успѣлъ добыть болѣе 258 тысячъ пудовъ угля [15]), и полагалъ, что при 600 рабочихъ про-

10) *Римскій Корсаковъ*: „Случаи и замѣтки на винтовой шхунѣ „Востокъ“, *Морской Сборникъ* 1858 г., № 5.

11) *А. Кеппенъ*, стр. 67.

12) *Ф. Шмидтъ*; „Отчетъ о путешествіи въ Амурскій край и на о. Сахалинъ“. Труды Спб. экспед. Имп. Р. Г. О. Физическій отд., т. I, стр. 24.

13) *Тихменевъ*: „Историческое обозрѣніе образованія Россійско-американской компаніи“, стр. 97—98, 110—112.

14) *Кеппенъ*, стр. 71—73.

15) *Носовъ*: „О сахалинскомъ каменномъ углѣ“. *Горный Журналъ* 1860 г., № 7, стр. 54—56.

изводительность дуйскихъ копей можетъ выразиться добычею отъ 1.500,000 до 1.800,000 пудовъ въ годъ. Но его проектъ не встрѣтилъ сочувствія въ правящихъ сферахъ, такъ какъ при слабой населенности Приморской области казалось невозможнымъ доставить такое число чернорабочихъ. По отъѣздѣ Носова, работами въ дуйскихъ копяхъ съ сентября 1859 г. по 1873 г. завѣдовали лица или вовсе незнакомыя съ горнымъ дѣломъ, какъ прапорщикъ Корельскій, или знакомые съ нимъ весьма мало, какъ кондукторъ Домашевскій и урядникъ Моревъ [16]). Работы велись хищнически и безъ всякаго плана. Въ 1862 г., по распоряженію генералъ-губернатора Восточной Сибири, горныя работы на Сахалинѣ стали производиться исключительно трудомъ ссыльныхъ и суточная плата въ 20 к. была замѣнена сдѣльной по 2 к. съ пуда, при чемъ ссыльнымъ разрѣшалось добывать уголь, гдѣ они хотятъ, лишь бы не далеко отъ поста. Эта мѣра вызвала громадную производительность труда, тѣмъ болѣе, что двухкопеечная попудная плата при дороговизнѣ провіанта, была очень низка и едва давала возможность существовать даже при усиленной работѣ. По свидѣтельству Кеппена, съ 1 января по 1 августа 1862 г. при 55 рабочихъ добыто 100,240 пудовъ угля или по 260 пуд. въ мѣсяцъ на человѣка; при установленіи же двухкопеечной попудной платы съ 1 января по 1 сентября 1863 года 94 человѣка добыли 517,774 пуда или по 688 съ половиною п. въ мѣсяцъ каждый, т.-е. болѣе чѣмъ въ 2 съ половиною раза противъ добычи 1862 г. Въ частности же мы видимъ примѣры добычи угля по 714 и даже по 838 пудовъ въ мѣсяцъ на человѣка [17]). Но такая усиленная производительность работъ шла въ ущербъ ихъ правильности, такъ какъ, при отсутствіи всякаго руководящаго начала, каждая артель работала тамъ, гдѣ хотѣла, и только на такую глубину, которая не слишкомъ обременяла рабочихъ. «По всему береговому обрыву, отъ самаго почти мыса Хоинджe мимо п. Дуэ на 2 съ половин. версты къ сѣверу отъ него до нынѣшнихъ рудниковъ и еще нѣсколько далѣе повсемѣстно видны слѣды старыхъ разработокъ, входы въ которыя въ большей части случаевъ завалены осыпавшимися съ горы землею и щебнемъ, такъ что мѣста нахожденія устьевъ старыхъ штоленъ иногда могутъ быть узнаны только по

---

[16]) *Кеппенъ.* Тамъ же.

[17]) *Кеппенъ*, стр. 73—74. Пользуюсь случаемъ исправить ошибку г. Кеппена, который, при разсчетѣ заработной платы рабочихъ, прибавилъ лишній десятичный знакъ, а потому получилось будто бы нѣкоторые изъ ссыльныхъ зарабатывали по 80, 100 и даже 140 р. въ мѣсяцъ. Въ ошибочности этого заключенія не трудно убѣдиться изъ приведенныхъ выше цифръ максимальныхъ выработокъ рабочихъ, которыя показываютъ, что наибольшій заработокъ ихъ колебался отъ 13 р. 77 к. до 16 р. 76 к. въ мѣсяцъ. Такой заработокъ, конечно, не можетъ считаться значительнымъ, а при цѣнѣ ржаной муки въ 2 р. 25 к. и свѣжаго мяса—10—12 р. пудъ (*Дейхманъ:* „Островъ Сахалинъ въ горнопромышленномъ отношеніи". *Горн. Журн.* 1871 г., № 3, стр. 556), является даже очень скуднымъ. Со словъ г. Кеппена, ту же ошибку повторилъ профессоръ Тальбергъ („Ссылка на Сахалинъ" *Вѣстн. Европы* 1879 г., № 5, стр. 226) и нѣкоторые другіе изслѣдователи.

сохранившимся на берегу остаткамъ срубовъ, служившихъ угольными складами, и по остаткамъ отъ угольныхъ спусковъ, столбы коихъ по береговому обрыву кое гдѣ еще выглядываютъ изъ обваловъ... Въ теченіе 12 лѣтъ (считая съ 1859 г., когда впервые были заложены правильныя работы горнымъ инженеромъ Носовымъ), производилась добыча угля по меньшей мѣрѣ изъ 15 пластовъ, помощью 25 штоленъ, а между тѣмъ ни одинъ изъ разрабатывавшихся пластовъ не выработанъ окончательно, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были произведены лишь самыя незначительныя разработки... Лица, по преимуществу завѣдывавшія рудничнымъ производствомъ, не имѣя понятія о горномъ хозяйствѣ и считая себя халифами на часъ, заботились только, такъ сказать, о сегодняшнемъ днѣ, чтобы добычею большаго количества угля выказать свое усердіе къ службѣ... При обиліи каменно-угольныхъ пластовъ въ Дуэ никому и въ голову не приходило, что здѣсь когда-либо можетъ почувствоваться недостатокъ въ углѣ, до того же, что отъ неправильности работъ при послѣдующей разработкѣ цѣнность (стоимость) угля должна въ значительной степени увеличиться, никому не было дѣла» [18]).

Въ 1868 году въ Высочайше утвержденномъ комитетѣ о преобразованіи системы каторжныхъ работъ возникла мысль о возможности разработки каменно-угольныхъ богатствъ о. Сахалина трудомъ каторжныхъ. Эта мысль, въ случаѣ ея осуществленія, сразу разрѣшала жгучій вопросъ, куда дѣвать и чѣмъ занять всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя ежегодно приговаривались судами на каторгу, но для которыхъ не находилось ни соотвѣтствующаго мѣста, ни производительныхъ работъ, а потому для изслѣдованія Приамурскаго края и условій организаціи каторжныхъ работъ на Сахалинѣ была по Высочайшему повелѣнію организована коммиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Сколкова, которая, констатировавъ повсемѣстные выходы каменнаго угля и легкость его добычи, полагала тѣмъ не менѣе необходимымъ произвести всестороннее изслѣдованіе Сахалина въ горнопромышленномъ отношеніи при помощи спеціалистовъ. Результатомъ этого заключенія, поддержаннаго ходатайствомъ генерала-губернатора Восточной Сибири, явилось назначеніе въ 1873 году на островъ Сахалинъ для изслѣдованія Дуйскихъ мѣсторожденій каменнаго угля горнаго инженера Кеппена [19]).

Выше было замѣчено, что инженеръ Носовъ предполагалъ производи-

---

18) *Кеппенъ*, стр. 25, 26, 28.

19) *Кеппенъ*, стр. 71—72. Должно сказать, что еще въ 1867 г. для изслѣдованія каменноугольныхъ мѣсторожденій на островъ былъ командированъ горный инженеръ Лопатинъ, который пробылъ на Сахалинѣ болѣе года и во многихъ мѣстахъ западнаго и южнаго побережій открылъ залежи каменнаго угля. Но недостатокъ средствъ и необходимость, при отсутствіи всякихъ путей сообщенія, совершать путешествіе пѣшкомъ, по трудно доступнымъ даже для пѣшехода горнымъ и таежнымъ мѣстамъ, лишили его возможности сколько-нибудь подробнаго изслѣдованія найденныхъ мѣсторожденій (*Лопатинъ*: „Рапортъ генералъ-губернатору Восточной Сибири". *Горн. Ж.* 1870 г., № 10).

тельность дуйскихъ копей при 600 рабочихъ отъ 1.500,000 до 1.800,000 пуд. въ годъ. Болѣе обстоятельныя изслѣдованія горнаго инженера Кеппена показали, что на самомъ дѣлѣ производительность этого мѣсторожденія гораздо значительнѣе. При 200 человѣкахъ команды, считая въ году 305 рабочихъ дней и работая сразу не болѣе какъ въ 20 забояхъ въ двухъ пластахъ, Кеппенъ опредѣляетъ производительность дуйскихъ копей въ полтора милліона пудовъ при одной смѣнѣ, а при двухъ до двухъ съ половиною милліоновъ пудовъ въ годъ. Такія же мощныя мѣсторожденія указаны имъ и близъ Сортуная и Пояси, на 200 верстъ южнѣе поста Дуэ. Изъ обзора же указанныхъ разными изслѣдователями (Шмидтъ, Глепъ, Лопатинъ) мѣсторожденій каменнаго угля, Кеппенъ дѣлаетъ заключеніе, что весь западный сахалинскій хребетъ, на нѣсколько сотъ верстъ тянущійся вдоль побережья Татарскаго пролива, почти на всемъ протяженіи долженъ заключать въ себѣ каменно-угольные пласты, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаютъ поразительной мощности. Такъ, по словамъ горнаго инженера Носова, въ 4 верстахъ южнѣе дуйскихъ каменно-угольныхъ ломокъ, въ обнаженіи берегового обрыва на высотѣ 90 футовъ, онъ видѣлъ пластъ каменнаго угля болѣе $2^1/_2$ саженъ толщины, открытый на протяженіи 80 саженъ, но далѣе заваленный обваломъ. Во времена Кеппена, спустя 15 лѣтъ, и это обнаженіе уже было завалено горною осыпью и даже поросло травою [20]). Позднѣе горными инженерами Сухаревичемъ и Марголіусомъ были указаны новыя мѣста каменно-угольныхъ залежей. Хотя со временъ Кеппена спеціальныхъ изслѣдованій Сахалина въ горно-промышленномъ отношеніи вовсе не производилось, но одинъ уже перечень нынѣ извѣстныхъ каменно-угольныхъ мѣсторожденій, по словамъ горнаго инженера Марголіуса, указываетъ, что на Сахалинѣ имѣется много данныхъ для созданія каменно-угольной промышленности большихъ размѣровъ. «Надо надѣяться,—говоритъ онъ,—что дальнѣйшее изслѣдованіе острова вполнѣ подтвердитъ сказанное, такъ какъ есть основаніе думать, что онъ почти на всемъ протяженіи заключаетъ въ себѣ пласты каменнаго угля» [21]).

Образцы сахалинскаго каменнаго угля въ концѣ пятидесятыхъ годовъ были неоднократно изслѣдованы въ лабораторіи горнаго департамента, причемъ оказалось, что «по составу и качествамъ своимъ уголь изъ дуйскихъ мѣсторожденій можетъ сравниться только съ лучшими сортами англійскаго или шотландскаго угля и годенъ не только для топки паровыхъ котловъ, но можетъ замѣнить древесный уголь при всякаго рода металлургическихъ операціяхъ... Высокія достоинства дуйскаго угля подтверждаются также практическими опытами при употребленіи его на нашихъ военныхъ судахъ... На одномъ изъ винтовыхъ транспортовъ сибирской флотиліи при 300-сильной машинѣ, двухъ паровикахъ съ десятью топками, въ часъ сжигалось до 75 пудовъ дуйскаго угля. На одной же изъ шхунъ той же фло-

---

[20]) *Кеппенъ*, стр. 14, 19, 30, 31.

[21]) *А. Марголіусъ*: „Горное дѣло на о. Сахалинѣ", стр. 58.

тилiи при 60-сильной машинѣ и двухъ паровикахъ съ четырьмя топками расходъ дуйскаго угля составлялъ 20 п. въ часъ. При этомъ нужно еще замѣтить, что на нѣкоторыхъ судахъ уголь два раза пережигался, т.-е. мелкiе куски угля, проваливавшiеся сквозь колосники топки и спекавшiеся въ поддуваль въ болѣе значительной величины комья, снова перебрасывались въ топку, черезъ что достигалась значительная экономiя. Количество золы, получавшейся при употребленiи дуйскаго угля, было весьма незначительно, такъ что на упомянутой шхунѣ зола изъ поддувала выгребалась не болѣе трехъ или четырехъ разъ въ сутки. Въ сравненiи съ сахалинскимъ углемъ японскаго приходится тратить на 20% болѣе. Кромѣ того при употребленiи японскаго угля каждые три часа приходилось выгребать изъ поддувала значительныя массы золы, такъ что, сравнительно съ сахалинскимъ, японскiй уголь даетъ по меньшей мѣрѣ втрое большее количество золы» [22]). Съ описанныхъ Кеппеномъ временъ и до 1901 года никакихъ анализовъ сахалинскихъ углей не производилось, хотя съ тѣхъ поръ были открыты кромѣ дуйскаго рудника александровскiй и владимiрскiй казенные рудники и частные рудники горно-промышленнаго товарищества

---

[22]) *Кеппенъ*, стр. 60—61. Для интересующихся привожу по Кеппену данныя анализа дуйскихъ углей. Изъ двѣнадцати произведенныхъ въ лабораторiи горнаго института анализовъ оказывается, что дуйскiй уголь долженъ давать 63,97% кокса и среднимъ числомъ содержитъ—7,48% золы. Если же взять въ соображенiе только пять полныхъ анализовъ (въ остальныхъ образцахъ были опредѣлены только количества кокса и золы), то выходитъ слѣдующее среднее содержанiе въ ста частяхъ угля: углерода 77,99, водорода—5,59, азота и кислорода—9,78, воды—1,08, золы — 5,56, удѣльный вѣсъ—1,25. Уголь восьми образцовъ представлялъ плотныя однородныя массы чернаго цвѣта, причемъ блескъ угля въ нѣкоторыхъ былъ незначителенъ, другiе же образцы, напротивъ того, имѣли весьма сильный блескъ. При накаливанiи угля отдѣлялись газы, горящiе пламенемъ съ значительнымъ отдѣленiемъ копоти; по сгаранiи оставался спекающiйся коксъ и только одинъ образецъ угля далъ коксъ не спекающiйся. По анализамъ произведеннымъ въ 1859 г. самимъ Носовымъ на остр. Сахалинѣ, имъ опредѣленъ слѣдующiй составъ углей изъ дуйскихъ мѣсторожденiй: чистаго угля—66,73 и 67,99, золы—2,75 и 2,00, смолистыхъ и летучихъ веществъ—27,00 и 27,50, воды—3,5 и 2,5 и сѣры—0,02, и 0,01. Наконецъ, въ таблицѣ каменныхъ углей, изслѣдованныхъ въ лабораторiи горнаго департамента и взятыхъ изъ главнѣйшихъ мѣсторожденiй угля въ Россiи, показанъ слѣдующiй составъ углей изъ дуйскихъ мѣсторожденiй: угля—71,01, летучихъ веществъ—24,88 и золы—4,11. Органическая часть угля въ ста частяхъ содержитъ: углерода—75,57, водорода—5,03, кислорода и азота—19,40. Нагрѣвательная способность непросушеннаго угля—6.369. Сравнивая вышеприведенныя цифры содержанiя угля и золы въ образцахъ углей дуйскихъ мѣсторожденiй съ 46 приведенными въ той же таблицѣ анализами каменныхъ углей изъ различныхъ мѣстностей европейской и азiатской Россiи, усматривается, что, по содержанiю угля, дуйскiй каменный уголь уступаетъ только углю изъ деревни Сухой Логъ, близъ Каменскаго завода на Уралѣ. Содержанiе же золы въ дуйскомъ углѣ превосходитъ только таковое же въ угляхъ нѣкоторыхъ мѣсторожденiй Бахмутскаго уѣзда, луньевскаго мѣсторожденiя на Уралѣ и домбровскаго въ Царствѣ Польскомъ. По нагрѣвательной способности дуйскiй уголь уступаетъ только муравлинскому Рязанской губернiи, углямъ Бахмутскаго уѣзда, луньевскаго и кыновскаго мѣсторожденiя на западномъ склонѣ Урала (стр. 57—60).

Маковскій и К°. По произведенному въ 1901 году въ лабораторіи горнаго института анализу углей изъ владимірскаго казеннаго рудника уголь этотъ признанъ относящимся по составу органической массы ко второй и третьей группамъ классификаціи Гринера. Шесть изъ доставленныхъ двѣнадцати образцовъ оказались особенно пригодными для отопленія паровыхъ котловъ на фабрикахъ и пароходахъ, при чемъ, несмотря на далекую перевозку и на продолжительное храненіе, остались плотными и неразсыпавшимися. Образцы эти были взяты изъ различныхъ забоевъ на горизонтахъ отъ 15 до 40 сажень наклонной высоты, считая отъ дневной поверхности [23]).

На первыхъ порахъ правительство наше мечтало о широкомъ сбытѣ сахалинскаго угля, предполагая снабжать имъ не только наши военныя суда, но и порты Великаго океана. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно ничего не предпринимало не только для того, чтобы завоевать иностранные рынки, но даже и для обезпеченія собственныхъ своихъ судовъ чуть не даровымъ топливомъ. Для эксплоатаціи сахалинскихъ копей послано было въ 1856 г. всего только 25 человѣкъ команды, которая при инженерѣ Носовѣ была увеличена до 40—50 человѣкъ. Въ 1861 году къ этой командѣ прибавилось 80 человѣкъ каторжныхъ. Съ такимъ числомъ рабочихъ, конечно, невозможно было мечтать о міровомъ рынкѣ для сахалинскаго угля. Наиболѣе крупной выработкой за первыя 15 лѣтъ существованія дуйскихъ копей отличается 1863 годъ, когда было добыто 611 тысячъ пудовъ угля, за весь же этотъ періодъ добыто менѣе 3,25 милліоновъ пудовъ, слѣдовательно, средняя годовая производительность копей составляла всего только 216,660 пудовъ.

Но и это ничтожное количество не могло быть использовано нашими судами за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ и въ то время, когда выработка дуйскаго угля обходилась въ 12 к. за пудъ, наши военныя суда за плохой японскій уголь платили на мѣстѣ самое меньшее по 8 долларовъ за тонну, а съ доставкою во Владивостокъ уголь этотъ обходился по 12 долларовъ за тонну или по 30 коп. за пудъ [24]). Но японскимъ углемъ вслѣдствіе плохихъ его качествъ пользовались только въ случаѣ недостатка англійскаго, который въ 1862 году, напримѣръ, поднимался до 27 долларовъ за тонну, или до 1 р. $12^1/_2$ коп. за пудъ [25]). Въ 1857 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири приказалъ заготовить возможно больше угля и устроить въ Де-Кастри и Николаевскѣ склады для его запасовъ на случай войны. На основаніи этого приказа въ Николаевскѣ въ томъ же году была заложена шхуна «Первая» вмѣстимостью въ 250 тоннъ, которая должна была служить исключительно цѣлямъ перевозки каменнаго угля

---

[23]) „Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 гг." (Приложеніе къ всеподданнѣйшему отчету), стр. 82. Этотъ же обзоръ даетъ слѣдующія данныя анализа владимірскихъ углей: влаги—2,55, кокса—57,61, летучихъ веществъ—33,01, золы—5,52, сѣры—0,974.

[24]) *Кеппенъ*, стр. 190.

[25]) Тамъ же, стр. 97.

изъ поста Дуэ. Шхуна эта проплавала нѣсколько лѣтъ, занятая перевозкою военныхъ грузовъ, и, наконецъ, разбилась у береговъ Японіи, не перевезя ни одного пуда угля [26]). Между тѣмъ въ дуйскихъ копяхъ производилась усиленная ломка угля, который, за неимѣніемъ помѣщеній, складывался подъ открытымъ небомъ, гдѣ, подвергаясь вліянію сырого, перемѣнчиваго климата, онъ быстро вывѣтривался и разрушался. Къ 1 января 1865 года накопилось свыше 630 тысячъ пудовъ угля, а потому въ этомъ году выработка была ограничена 8½ тысячами пудовъ, а въ слѣдующемъ—и вовсе прекращена [27]).

Тѣмъ не менѣе министерство иностранныхъ дѣлъ еще въ 1858 году поручило нашему японскому консулу войти въ сношеніе съ правительствомъ объ уступкѣ участка земли для устройства въ Хакодате угольнаго склада [28]). Въ 1862 и 1863 годахъ, вѣроятно, въ виду значительныхъ остатковъ угля, правительство поручало нашимъ консуламъ въ Китаѣ и Японіи пріискать покупателей на сахалинскій уголь, причемъ спускало цѣну до 7 руб. и даже до 3 долларовъ и 75 центовъ за тонну съ погрузкой, но покупатели не рѣшались на такую сдѣлку, такъ какъ, съ одной стороны, они не имѣли предъ собою образцовъ, а съ другой — видя, что русскія военныя суда предпочитаютъ своему углю даже плохой японскій, относились съ полнымъ недовѣріемъ къ сахалинскому углю [29]).

Необходимость устройства угольныхъ складовъ въ одномъ изъ японскихъ или китайскихъ портовъ была очевидна. Англійскій уголь, привозимый кружнымъ путемъ, былъ слишкомъ дорогъ, японскій—слишкомъ плохъ, а потому сахалинскому углю представлялась возможность самаго широкаго сбыта въ водахъ Великаго океана. Въ 1866 году консулъ нашъ въ Хакодате, статскій совѣтникъ фонъ-Бюцовъ, настаивалъ на необходимости устройства угольнаго склада въ Хакодате. Слѣдомъ за нимъ о томъ же ходатайствовали въ 1866 г. командиръ корвета «Аскольдъ», въ 1872 году главный командиръ портовъ Восточнаго океана и въ томъ же году генералъ-адъютантъ Посьетъ. Кромѣ того, командированная въ 1869 году подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Сколкова коммиссія для изученія условій устройства каторги на Сахалинѣ, настойчиво указывала на необходимость обезпечить трудъ ссыльно-каторжныхъ широкимъ сбытомъ дуйскаго угля въ японскихъ и китайскихъ портахъ. Особенною обстоятельностью отличалось представленіе генералъ-адъютанта Посьета. Онъ указывалъ, что при тѣхъ высокихъ цѣнахъ, какія приходится русскимъ судамъ платить за иностранный, не всегда хорошаго качества, уголь, экономія на разницѣ цѣнъ сахалинскаго и иностраннаго угля въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ избыткомъ можетъ окупить не только устройство склада въ Хакодате, но и оборудованіе дуйскаго порта и обзаведеніе необходимыми перевозочными сред-

[26]) Тамъ же, стр. 95—96.
[27]) Тамъ же, стр. 47.
[28]) Тамъ же, стр. 96.
[29]) *Кеппенъ*, стр. 101—102.

ствами. Но особенное значеніе онъ придавалъ общему оживленію Приамурскаго края, которое должно было явиться слѣдствіемъ удешевленія фрахта на привозимые въ Приамурье товары. Онъ находилъ, что, съ удешевленіемъ цѣнъ на предметы первой необходимости, «жизнь въ Приморской области сдѣлается менѣе тягостною». Прямымъ слѣдствіемъ этого, по его мнѣнію, явился бы притокъ населенія—«условіе, отъ котораго главнѣйше зависитъ процвѣтаніе края, страждущаго преимущественно недостаткомъ рабочихъ рукъ»[30]). Должно сказать, что это замѣчаніе сохранило все свое значеніе и до настоящаго времени. Но всѣ эти ходатайства и представленія не имѣли равно никакого успѣха. На запросъ по поводу представленія фонъ-Бюцова военный губернаторъ приморской области, контръ-адмиралъ Фуругельмъ, отвѣтилъ, что онъ не видитъ возможности доставить уголь въ Хакодате. Паровыя суда во время пути отъ Дуэ до Хакодате и обратно должны израсходовать до двухъ третей всего нагружаемаго на нихъ угля, что тяжело ляжетъ на его цѣну, парусныхъ же судовъ въ сибирской флотиліи не имѣется. Что же касается частныхъ судовъ, то на нихъ также разсчитывать невозможно, во-первыхъ, потому, что ихъ весьма мало приходитъ въ Николаевскъ, а, во-вторыхъ, потому, что на опасномъ дуйскомъ рейдѣ рѣдкое судно, да и то лишь за весьма выгодную цѣну, рѣшится принять грузъ[31]). Что касается представленія генералъ-адъютанта Посьета, то «въ виду неопредѣленности запасовъ угля въ дуйскомъ и другихъ сахалинскихъ мѣсторожденіяхъ, малаго спроса на таковой уголь въ послѣдніе годы, устройство складовъ его, съ израсходованіемъ для сей цѣли значительной суммы на покупку парового транспорта, было признано неудобнымъ и рановременнымъ»[32]).

Въ числѣ весьма значительныхъ препятствій къ распространенію сахалинскаго угля являлась и продолжаетъ оставаться до сихъ поръ неустроенность дуйскаго рейда. Татарскій проливъ вообще отличается своимъ неспокойнымъ характеромъ: его каменистое дно не удерживаетъ якоря даже при незначительномъ вѣтрѣ, берега же его усѣяны шхерами и отдѣльными камнями, а потому чуть только вѣтеръ начинаетъ свѣжѣть, погрузка прекращается, а при болѣе значительномъ вѣтрѣ и самое судно вынуждено удалятья къ материковому берегу, гдѣ имѣется прекрасная гавань въ заливѣ Де-Кастри. При такихъ условіяхъ на Дуйскомъ рейдѣ даже теперь не существуетъ сколько-нибудь сносной пристани, а въ описываемое время не было также и никакихъ перевозочныхъ средствъ, кромѣ двухъ-трехъ деревянныхъ баржъ. Съ такимъ инвентаремъ погрузка сколько-нибудь значительныхъ количествъ угля была, конечно, невозможна. Слѣдующій случай прекрасно характеризуетъ безпомощность поста Дуэ въ этомъ отношеніи. Въ 1868 г. агентъ одной крупной американской компа-

[30]) Тамъ же, стр. 99.

[31]) *Кеппенъ*, стр. 98.

[32]) Тамъ же, стр. 100.

ніп, г. Фельксъ, получилъ разрѣшеніе взять въ Дуэ 1,200 тоннъ угля. Уголь этотъ долженъ былъ служить образчикомъ, на основаніи котораго компанія, предполагавшая завести постоянныя сношенія съ Сахалиномъ, могла судить о достоинствахъ мѣстнаго угля. Потерявъ на погрузку около восьми дней и успѣвъ принять за это время только 260 тоннъ угля, т.-е. по 35 тоннъ въ сутки, Фельксъ ушелъ въ Шанхай, отказавшись отъ мысли о возможности снабжать Америку сахалинскимъ углемъ [33]).

Какъ ни затруднителенъ былъ вывозъ угля съ Сахалина, однако, вслѣдствіе приказа генералъ-губернатора 1857 г., повтореннаго въ 1863 году, въ Де-Кастри и Николаевскѣ были устроены небольшіе склады сахалинскаго угля, который иногда былъ отпускаемъ на иностранныя суда, изрѣдка заходившія въ эти гавани. Высокія достоинства сахалинскаго угля не остались незамѣченными, и американцы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ упорно добивались возможности получить право вывоза его въ Америку. Еще въ 1859 году торговый агентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ Хакодате, г. Рейсъ, велъ переговоры съ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ, находившимся тогда въ Японіи, о вывозѣ сахалинскаго угля въ Америку. Генералъ-губернаторъ очень благосклонно отнесся къ этому предложенію и разрѣшилъ г. Рейсу лично осмотрѣть дуйскія копи и для ознакомленія съ достоинствами добываемаго тамъ угля вывезти до 100 тоннъ его въ Санъ-Франциско. Уголь былъ признанъ очень хорошимъ и въ слѣдующемъ же году новая американская компанія пароходства между Санъ-Франциско, Японіей и Китаемъ черезъ своего посланника въ Петербургѣ возбудила ходатайство о заключеніи съ русскимъ правительствомъ контракта на вывозъ съ Сахалина до 50 тысячъ тоннъ (3 милліона пудовъ) угля ежегодно. При этомъ компанія предлагала или предоставить ей самой добывать уголь, или покупать его изъ казенныхъ копей. Но министерство иностранныхъ дѣлъ отклонило это ходатайство, находя, что предоставленіе иностранцамъ самимъ разрабатывать уголь «можетъ повести за собой важныя неудобства и подать поводъ къ непріятнымъ столкновеніямъ» [34]). Что же касается предложенія компаніи пріобрѣтать уже готовый уголь, то, при неустроенности дуйскихъ копей, объ этомъ нечего было и думать. Между тѣмъ, по свидѣтельству горнаго инженера Носова, американцы готовы были платить до 10 долларовъ за тонну (25 к. пудъ), надѣясь на сбытъ его въ С.-Франциско по 18 долларовъ за тонну [35]). При стоимости добычи угля въ 2 коп. пудъ, казалось бы, не могло быть убыточнымъ потратиться на оборудованіе даже въ самомъ широкомъ размѣрѣ горныхъ работъ на Сахалинѣ, тѣмъ болѣе, что при отсутствіи хорошаго и дешеваго угля въ портахъ Великаго океана можно было не бояться никакой конкуренціи и быть увѣреннымъ въ обезпеченіи колоссальнаго сбыта.

---

[33]) Тамъ же, стр. 104.

[34]) *Кеппенъ*, стр. 101.

[35]) *Носовъ*: „О сахалинскомъ каменномъ углѣ“. *Горн. Журн.* 1860 г., № 7, стр. 63.

Такъ въ 1867 году нѣкоторые иностранные купцы и въ томъ числѣ агенты американскаго пароходнаго общества Pacific-Mail-Steam-Chip-Company неоднократно обращались къ нашему консулу въ Хакодате съ просьбою сообщить имъ основанія, на которыхъ они могли бы пріобрѣтать сахалинскій уголь, а въ 1869 году эта компанія просила о разрѣшеніи ей пріобрѣтать не менѣе 5 тысячъ тоннъ угля ежегодно. Въ 1868 г. купеческій домъ Августъ Гердъ и К° въ Шанхаѣ заявилъ желаніе имѣть пятилѣтнюю привиллегію на исключительную добычу каменнаго угля въ Дуэ съ условіемъ снабжать наши суда необходимымъ количествомъ угля и дѣлить полученную прибыль пополамъ, причемъ если бы послѣдняя составила менѣе двухъ долларовъ на тонну, то вся получаемая прибыль поступаетъ въ пользу правительства. На это предложеніе военный губернаторъ Приморской области далъ отзывъ, что не считаетъ удобнымъ ни предоставленіе дуйскихъ копей въ монопольное пользованіе иностранцевъ, ни вообще сдѣлокъ правительства съ частными лицами. Англичанинъ Портеръ ходатайствовалъ объ отводѣ ему участка между Сартунаемъ и Нояси и тоже получилъ отказъ [36]).

Повидимому, главная администрація края не раздѣляла взглядовъ министерства иностранныхъ дѣлъ на опасность водворенія на Сахалинѣ американцевъ и въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ генералъ-губернаторъ, Корсаковъ разрѣшилъ отвести шанхайскому торговому дому Олифантъ и К° пятьсотъ саженъ берега по р. Сартунай для разработки каменнаго угля. Фирма, не жалѣя денегъ, сразу широко поставила дѣло и начала правильную разработку угля штольнами, завела буксирный пароходъ и баржи, устроила на берегу склады угля и товаровъ. Нѣсколько позднѣе получили разрѣшеніе на отводъ каменноугольныхъ участковъ еще два американца, Крауля и Эше, а по ихъ слѣдамъ американцы одинъ за другимъ стали возбуждать ходатайства объ отводѣ имъ участковъ. По словамъ Бутковскаго, къ генералъ-губернатору поступило по этому поводу до сорока просьбъ, что испугало администрацію, которая увидѣла въ этомъ стремленіи опасность мирнаго завоеванія острова иностранцами, и раздача имъ участковъ была воспрещена. Стали раздавать участки русскимъ предпринимателямъ, но «вскорѣ весь этотъ вопросъ запутался въ административномъ лабиринтѣ; никто не могъ указать системы, которой слѣдовало держаться въ этомъ дѣлѣ, а потому выбрали лучшій способъ рѣшенія, именно: затормазили весь вопросъ; иностранцамъ же, начавшимъ разработку, стали дѣлать затрудненія въ вывозѣ угля, въ наймѣ рабочихъ и этимъ совершенно парализовали ихъ дѣятельность» [37]).

Первымъ русскимъ предпринимателемъ для разработки каменнаго угля на островѣ былъ купецъ Боуровъ, которому еще въ 1859 году была отведена богатѣйшая мѣстность между рѣками Сартунаемъ и Нояси, но, за-

---

36) *Кеппенъ*, стр. 102—105.

37) *Я. Бутковскій*: „Островъ Сахалинъ". *Историческій Вѣстникъ* 1882 г. № 10, стр. 176—177.

тративъ около 20 тыс. рублей, Боуровъ производство прекратилъ. Черезъ 10 лѣтъ въ той же мѣстности сдѣланъ былъ отводъ лейтенанту Старицкому, который, вступивъ въ компанію съ поручикомъ Якимовымъ, два года спустя, передалъ отведенныя ему площади торговому дому Олифантъ и К°. Но при разсчетахъ произошли недоразумѣнія, начался процессъ, и въ 1872 г., по распоряженію генералъ-губернатора, разработка угля на Сартунаѣ была вовсе воспрещена, представителю же торговаго дома Эллисъ и Эше, г. Риду, было предложено выѣхать съ острова.

Между тѣмъ дуйскія копи еле влачили свое существованіе и въ 1875 г., напримѣръ, ихъ производительность едва достигала 95 съ половиною тысячъ пудовъ, а потому министерство внутреннихъ дѣлъ было очень довольно, когда явился новый русскій предприниматель въ лицѣ г. Бутковскаго, который рисовалъ самыя широкія перспективы своей предполагаемой дѣятельности на Дальнемъ Востокѣ. Воспользовавшись возникшею еще въ 1869 году у правительства мыслью—сосредоточить на Сахалинѣ всѣ каторжныя работы, Бутковскій предложилъ отдать ему въ аренду дуйскія копи съ тѣмъ, чтобы разработка ихъ производилась трудомъ каторжныхъ, числомъ до 2-хъ тысячъ человѣкъ. Предложеніе Бутковскаго было слишкомъ заманчиво, чтобы можно было на него не согласиться. Съ отдачею въ аренду дуйскихъ копей разомъ разрѣшались два весьма заботившихъ правительство вопроса: открытіе мѣста каторжныхъ работъ и колонизація пустыннаго острова, причемъ правительство надѣялось достигнуть этихъ цѣлей при наименьшихъ затратахъ, такъ какъ, независимо отъ арендной платы, заработная плата каторжныхъ въ значительной мѣрѣ должна была окупать расходы правительства на ихъ содержаніе. На этомъ основаніи въ 1875 году министерство внутреннихъ дѣлъ заключило съ г. Бутковскимъ контрактъ, по которому дуйскія копи отдавались ему въ аренду на 24 года, причемъ правительство обязалось поставлять на рудники въ лицѣ каторжныхъ рабочую силу за поденную двадцатикопеечную плату съ неустойкой въ размѣрѣ одного рубля въ день за каждаго невыставленнаго по требованію г. Бутковскаго рабочаго. Бутковскій же обязался вести разработку по всѣмъ правиламъ горнаго искусства и подъ руководствомъ состоящаго на государственной службѣ горнаго инженера.

Задуманный г. Бутковскимъ планъ былъ чрезвычайно обширенъ. «Онъ хотѣлъ совершенно отстранить на Сахалинѣ иностранную эксплуатацію; русскимъ топливомъ намѣревался замѣнить англійскій и японскій угли на всѣхъ приморскихъ рынкахъ Китая (что, сказать къ слову, съ открытіемъ Суэцкаго канала было весьма трудно: время, когда Англія поставляла свой уголь кружнымъ путемъ черезъ мысъ Доброй Надежды, было потеряно навсегда и безвозвратно) и разсчитывалъ даже чайную торговлю съ Россіей направить морскимъ путемъ вдоль Сахалина на Амуръ вмѣсто существующаго способа странствованія караваномъ по степямъ Гоби на Кяхту» [33]).

---

[33]) *Я. Бутковскій:* „Островъ Сахалинъ“, 181 стр.

Но этому грандіозному благодѣтельному плану, долженствовавшему имѣть чуть не міровое значеніе, къ сожалѣнію, не суждено было осуществиться за отсутствіемъ у предпринимателя денегъ. Г. Бутковскій не остановился передъ этимъ и организовалъ акціонерное общество «Сахалинъ», которое, страдая тѣмъ же недостаткомъ, ходатайствовало о разрѣшеніи сдѣлать заграничный заемъ, но министерство финансовъ категорически этому воспротивилось. «Это запрещеніе,—говоритъ г. Бутковскій,—а вслѣдъ за тѣмъ и другія стѣсненія и неблагопріятныя обстоятельства съ самаго же начала нанесли смертельный ударъ новому обществу и парализовали его дѣятельность» [39]).

Не извѣстно, о какихъ стѣсненіяхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ говоритъ г. Бутковскій, но дѣятельность акціонернаго общества «Сахалинъ» пользовалась на островѣ самымъ широкимъ просторомъ. Обязанное по контракту вести правильную разработку копей подъ руководствомъ правительственнаго инженера, оно довольствовалось приглашеніемъ штейгера, который, находясь въ полной зависимости объ общества, нисколько не заботился о правильной постановкѣ работъ и обезпеченіи каменноугольному дѣлу прочной будущности. Въ виду полнаго отсутствія какого бы то ни было наблюденія со стороны администраціи за технической стороною дѣла, работы велись хищнически и столь же примитивно, какъ они велись вначалѣ казною подъ руководствомъ совершенно неподготовленныхъ къ этому дѣлу лицъ военнаго и морского вѣдомства [40]).

Разсчеты правительства на широкую постановку дѣла, которая могла бы дать заработокъ значительному числу ссыльныхъ (до 2 тысячъ, какъ предполагалъ Бутковскій) также не оправдались, а съ этимъ вмѣстѣ не оправдались и надежды ни на горнопромышленную колонизацію острова, ни на выгодность для казны эксплоатаціи копей при помощи каторжныхъ. По измѣненному въ 1892 году контракту, казна обязана была доставлять обществу не менѣе 210 человѣкъ рабочихъ ежедневно. Но такъ какъ содержаніе тюрьмы при дуйскихъ копяхъ требовало значительнаго числа лицъ, занятыхъ хозяйственными работами для надобностей самой тюрьмы, причемъ среди каторжныхъ находилось не мало больныхъ, слабосильныхъ и утомленныхъ, которымъ необходимо было давать отдыхъ, то численность каторжныхъ въ посту Дуэ доходила до 700 человѣкъ съ цѣлымъ штатомъ администраціи и воинской команды, что обходилось казнѣ до 65 тыс. руб. въ годъ, которые расходовались исключительно въ интересахъ компаніи [41]). Пользуясь недоразумѣніями, возникшими при исчисленіи поденной платы и неустойки казны за невыставленныя поденщины, компанія прекратила платежъ попудныхъ денегъ, вслѣдствіе чего за нею накопилась громадная недоимка. Такъ какъ недоразумѣнія эти не могли быть разрѣшены на

[39]) Тамъ же.

[40]) *А. Марголіусъ*: „Горное дѣло на островѣ Сахалинѣ". Сахалинскій календарь на 1897 г., стр. 61.

[41]) *Марголіусъ*, стр. 62.

мѣстѣ, то распутывать ихъ пришлось въ Петербургѣ. Подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго тюремнаго управленія въ 1884 году была организована особая коммиссія изъ представителей общества «Сахалинъ», чиновъ государственнаго контроля и государственныхъ имуществъ, которая, при всевозможныхъ урѣзкахъ начетовъ сахалинской администраціи въ пользу общества, исчислила состоящую за нимъ недоимку въ 31,453 руб.

Въ видѣ особой льготы недоимку эту, по соглашенію съ морскимъ министерствомъ, обществу было разрѣшено уплатить каменнымъ углемъ [42]). Но и послѣ 1884 г. общество не находило нужнымъ соблюдать условія контракта, и за нимъ накопилась новая недоимка. Чтобы дать ему возможность расплатиться съ казною, главное тюремное управленіе за семь лѣтъ до окончанія стараго контракта заключило съ нимъ въ 1892 году новый, условія котораго значительно измѣнены въ пользу арендаторовъ, тѣмъ не менѣе размѣръ недоимки въ 1897 г. простирался свыше 104 тысячъ руб., а общество, не теряя ни бодрости духа, ни надеждъ, возбудило въ то же время ходатайство о возобновленіи контракта еще на 24 года и о разсрочкѣ ежегодными равными частями слѣдующей съ него недоимки [43]). Но терпѣніе главнаго тюремнаго управленія, повидимому, совершенно истощилось и дуйскіе рудники съ 1901 года сданы въ аренду товариществу «Маковскій и К°».

Отсутствіе конкуренціи и хоть какой-нибудь заботливости о правильной постановкѣ рудничнаго дѣла низвели качества продажнаго каменнаго угля до того, что даже русскіе моряки избѣгаютъ грузиться сахалинскимъ углемъ, предпочитая ему японскій, техника добычи котораго за послѣднія тридцать лѣтъ сдѣлала большой шагъ впередъ. Несмотря на легкость, удобство и дешевизну добычи каменнаго угля въ дуйскихъ копяхъ, гдѣ орографическій характеръ мѣстности даетъ возможность вести разработку штольнами въ нѣсколько этажей какъ по простиранію, такъ и вкрестъ его, не прибѣгая къ дорогимъ подъемнымъ и водоотливнымъ сооруженіямъ, мѣсторожденія разработывались только у выходовъ угольныхъ пластовъ, гдѣ уголь всегда бываетъ вывѣтреннымъ и нечистымъ. При многократныхъ перегрузкахъ внутри и внѣ рудника, при перевозкѣ и погрузкѣ на суда уголь измельчается и вслѣдствіе этого также много теряетъ въ своихъ достоинствахъ [44]). Вотъ какъ описываетъ бывшій начальникъ главнаго тюремнаго управленія, г. Саломонъ, тѣ примитивные пріемы, какіе употреблялись до послѣдняго времени обществомъ «Сахалинъ» для вывоза угля на дневную поверхность и для погрузки его на суда: «уголь выносится изъ копей преимущественно въ мѣшкахъ и, въ незначительной части, въ устроенныхъ на желѣзныхъ полозьяхъ деревянныхъ ящикахъ, затѣмъ высыпается съ двухсаженной высоты, здѣсь выгружается въ вагонетки, изъ нихъ опять

---

[42]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1884 г., стр. 115,

[43]) *Марюміусъ*. Тамъ же.

[44]) *А. Марюміусъ*, стр. 58, 59, 64 и 68.

между рудниками и пристанью вываливается съ подобной же высоты на нижнюю террасу, гдѣ вторично выгружается въ новыя вагонетки, тутъ сбрасывается въ такъ называемые дворики, вродѣ большихъ деревянныхъ закромовъ, изъ послѣднихъ набирается въ третій рядъ вагонетокъ, доставляющихъ его къ баржѣ, опять сваливается и только въ ней уже, въ крайне измельченномъ видѣ, набивается въ бочки для сдачи на пароходъ»[45]). Очевидно, что уголь, содержащій въ себѣ значительную долю примѣсей и состоя изъ весьма мелкихъ кусковъ, кромѣ большого количества золы, даетъ значительный процентъ отброса, такъ какъ мелочь, не успѣвая спекаться, проваливается сквозь колосники топки въ поддувало и оттуда выбрасывается вмѣстѣ съ золою. При такой постановкѣ каменноугольнаго дѣла,—говоритъ г. Марголіусъ,—благопріятныхъ отзывовъ о качествахъ сахалинскихъ углей нельзя ожидать и они будутъ стоять ниже японскихъ, хотя значительно богаче ихъ по содержанію нелетучаго углерода и лучше по теплопроизводительной способности[46]). Лучшей характеристикой дѣятельности общества Сахалинъ служитъ его производительность. За 17 лѣтъ, съ 1880 г. по 1 ноября 1896 года, имъ добыто было всего только 7.289,155 пудовъ угля, что составляетъ среднюю годовую добычу 428,774 пуда; наибольшая же выработка за это время составляла 686,717 пудовъ. Если сравнить эту производительность съ тѣмъ громаднымъ рынкомъ, на которомъ дуйскій уголь могъ бы найти свой сбытъ, а съ другой стороны, принять во вниманіе благопріятность залеганія дуйскихъ пластовъ, не требующихъ значительныхъ затратъ на ихъ разработку, и тѣ громадныя льготы, которыми общество пользовалось со стороны правительства, то дѣятельность общества не можетъ быть оцѣнена иначе, какъ только отрицательной величиной. То покровительство, которое оказывали ему, вопреки вопіющимъ злоупотребленіямъ и упорному игнорированія требованій контракта, повело лишь къ значительному обезцѣненію дуйскихъ копей хищнической ихъ разработкой и къ утратѣ сахалинскимъ углемъ той прекрасной репутаціи, которой онъ справедливо пользовался ранѣе среди моряковъ и въ торговомъ мірѣ. И много нужно времени и усилій, чтобы вновь завоевать утраченное довѣріе къ его неоспоримымъ достоинствамъ, тѣмъ болѣе, что наша сосѣдка, Японія, уже успѣла заручиться рынкомъ для сбыта своего угля, который съ каждымъ годомъ все болѣе расширяется, и конкуренція съ которымъ, благодаря дешевизнѣ труда и близости Японіи къ главнѣйшимъ азіатскимъ портамъ, очень затруднительна.

Въ 1892 г. возникло новое каменноугольное товарищество «Маковскій и К°», которое арендовало у казны сартунайскій пріискъ, но, проработавъ тамъ четыре года, перенесло свою дѣятельность ближе къ п. Александровскому, на мгачинскій пріискъ, а въ 1901 году арендовало сверхъ того и

[45]) *А. П. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ“. *Тюремн. Вѣстн.* 1901 г., № 2, стр. 36.
[46]) *А. Марголіусъ*, стр. 76, 59.

дуйскія копи. Добыча угля въ рудникахъ товарищества въ 1900 и въ 1901 гг. превышала 2 милліона пудовъ [47]). Съ переводомъ работъ на мгачинскій рудникъ товарищество устроило складъ угля на азіатскомъ берегу Татарскаго пролива, въ заливѣ де-Кастри, который представляетъ совершенно закрытую гавань, весьма удобную для стоянки и груженія судовъ. Съ 1900 года оно пригласило для завѣдыванія работами горнаго инженера, но это, конечно, еще не можетъ служить гарантіею правильной постановки работъ, пока наблюденіе за ними не будетъ возложено на правительственнаго агента и пока администрація будетъ безсильна охранить копи отъ хищнической ихъ разработки.

Большія потребности въ топливѣ для казенныхъ зданій, мастерскихъ и паровыхъ катеровъ и все болѣе усиливавшіяся съ расширеніемъ тюремной дѣятельности затрудненія въ добычѣ дровъ вслѣдствіе вырубки лѣса въ ближайшихъ къ посту Александровскому мѣстностяхъ побудили администрацію острова приняться за разработку угля средствами тюрьмы. Близъ поста Александровскаго найдены были значительныя залежи каменнаго угля, гдѣ въ 1889 г. и былъ заложенъ александровскій рудникъ [48]). Разработка этого рудника съ первыхъ же шаговъ дала администраціи надежду на возможность вести дѣло не только безъ ущерба, но и съ нѣкоторою выгодою отъ сбыта угля [49]). Для руководства работами былъ въ 1890 г. приглашенъ инженеръ Сухоневичъ, подъ наблюденіемъ котораго разработка александровскаго рудника производилась до 1895 г. Надежды тюремнаго вѣдомства, однако, оправдались только отчасти, ибо разработка угля велась такъ небрежно, онъ былъ такъ мелокъ и такъ засоренъ каменными породами, что признанъ былъ негоднымъ даже для катеровъ тюремнаго вѣдомства, а потому тюрьма, имѣя свои рудники, давала ежедневно въ копи общества Сахалинъ безплатно десять чернорабочихъ, за что получала необходимое для катеровъ количество угля [50]). Исторія александровскаго рудника служитъ прекрасной иллюстраціей значенія техники для качествъ угля. Преемникъ г. Сухоневича, обративъ должное вниманіе на сортировку угля и на очистку его отъ постороннихъ примѣсей, при очень незначительной затратѣ труда, успѣлъ достигнуть того, что уголь александровскаго рудника сдѣлался исключительнымъ матеріаломъ для отопленія катеровъ, паровыхъ котловъ при машинахъ въ тюремныхъ мастерскихъ, а также въ кузнечномъ и сварочномъ производствѣ [51]) и, наконецъ, началъ поступать въ продажу [52]).

Александровское мѣсторожденіе прослѣжено на пространствѣ по про-

---

47) Обзоръ острова Сахалина за 1900—1901 годъ. (Приложеніе къ всеподданнѣйшему отчету), стр. 83.

48) Записка завѣдующаго тюремными копями на о. Сахалинѣ инженера Сухоневича. *Тюремный Вѣстникъ* 1895 г., № 5, стр. 277.

49) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1890 г., стр. 336.

50) *А. Маріюліусъ*, стр. 69.

51) Тамъ же, стр. 77.

52) Обзоръ о. Сахалина за 1899 г., стр. 17; тоже за 1900 и 1901 г., стр. 29.

стиранію до 800 саженъ и заключаетъ въ себѣ свиту изъ пяти пластовъ общей мощности до 2½ саж. Запасы угля составляютъ свыше милліона тоннъ [53]), но вслѣдствіе громадныхъ дислокацій, которымъ подвергались слагающія эту мѣстность породы, угольные пласты залегаютъ очень неправильно, образуя многочисленные сдвиги, сбросы, пережимы и утолщенія. Вблизи ихъ обыкновенно уголь сильно перемятъ, а потому количество годнаго для употребленія угля должно быть значительно уменьшено [54]).

Въ 1892 году тюрьмою былъ открытъ новый рудникъ къ юго-востоку отъ п. Дуэ, гдѣ оказались такіе же мощные и такого же прекраснаго качества пласты угля, какъ и въ близъ лежащихъ частныхъ копяхъ [55]). Наконецъ, въ 1895 году въ долинѣ р. Ноями, въ 18 верстахъ къ сѣверу отъ поста александровскаго, открыто богатѣйшее мѣсторожденіе каменнаго угля, для разработки котораго въ томъ же году былъ заложенъ рудникъ, названный Владимірскимъ [56]). Это мѣсторожденіе, представляя продолженіе сосѣдняго мгачинскаго, заключаетъ въ себѣ свиту изъ пяти пластовъ общею мощностью до 3 саженъ. Мѣсторожденіе это по простиранію одного изъ пластовъ прослѣжено до 2 верстъ и, по предположительнымъ разсчетамъ, запасъ угля въ этомъ мѣсторожденіи исчисляется въ 15 милліоновъ тоннъ [57]). Уголь владимірскаго мѣсторожденія, о результатахъ анализовъ котораго было сказано выше, гораздо лучше александровскаго: онъ легко загорается, содержитъ мало золы, почти свободенъ отъ примѣсей и отличается однородностью. Можно предполагать, что съ увеличеніемъ глубины разработки будутъ улучшаться и качества добываемаго угля [58]).

Средняя годовая производительность рудниковъ, разрабатываемыхъ тюремнымъ вѣдомствомъ, простирается свыше 567 тысячъ пудовъ, причемъ выработка имѣетъ постоянную тенденцію къ возрастанію. Такъ, въ 1898 г. было добыто около 600 тысячъ пудовъ, въ 1899 г.—около 620 тысячъ, въ 1900 г.—болѣе 886 тысячъ и въ 1901 г.—болѣе 1,095 тыс. Около половины (48%) добываемаго въ послѣдніе годы угля продается на суда, остальная же часть расходуется на нужды тюремнаго вѣдомства. Такъ, въ 1899 г. было продано около 252 тыс. пуд., въ 1900 г.—болѣе 537 тыс. и въ 1901 г.—460½ тыс. [59]).

По словамъ горнаго инженера Лопатина [60]), почти всегда въ сосѣдствѣ каменноугольныхъ копей встрѣчаются и залежи желѣзной руды. Руду эту ему приходилось встрѣчать въ разныхъ мѣстахъ Сахалина въ видѣ гли-

---

53) Тамъ же, стр. 80.

54) *Сухоневичъ*: „Записка", стр. 277—278.

55) Тамъ же.

56) Приказъ по острову военнаго губернатора о. Сахалина отъ 17 сентября 1897 г., № 165.

57) Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 гг., стр. 81.

58) *А. Маргомусъ*, стр. 83.

59) Обзоры за 1899 и за 1900—1901 гг., стр. 17 и 29.

60) Рапортъ къ генералъ-губернатору Восточной Сибири. *Горный Журн.* 1870 г., № 10, стр. 66.

нистыхъ сферосидеритовъ, бураго желѣзняка, магнитнаго песку, смѣшаннаго съ кварцемъ, и сѣрнаго колчедана. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, залежи бураго желѣзняка встрѣчаются на Сахалинѣ почти вездѣ, но до сихъ поръ для открытія надежныхъ мѣсторожденій желѣзной руды ничего не предпринималось, хотя, при изобиліи на островѣ коксующихся углей, возникновеніе чугунно-плавильнаго производства весьма возможно [61]). Въ 1890 г. тюремнымъ вѣдомствомъ были произведены опыты выплавки чугуна изъ мѣстной руды, которые оказались весьма удачными, но далѣе опытовъ дѣло не пошло [62]). Въ 1902 г. горный инженеръ Клейе открылъ близъ самаго поста Александровскаго богатыя залежи желѣзной руды, которыя получаютъ особенную цѣнность вслѣдствіе непосредственнаго сосѣдства ихъ съ каменноугольными копями. Имъ сдѣлана заявка, но разработка еще не начиналась.

Въ такомъ же дѣвственномъ положеніи находятся и нефтяные источники, открытые еще въ 1880 г. николаевскимъ купцомъ Ивановымъ, по указанію инородцевъ. Источники эти находятся въ самомъ узкомъ мѣстѣ сѣвернаго Сахалина на западномъ его берегу въ 9 верстахъ отъ Охотскаго моря и въ такомъ же разстояніи отъ центральнаго водораздѣльнаго хребта. Естественные выходы нефти сосредоточены въ долинѣ Аллась, длиною въ $1\frac{1}{2}$ и шириною въ $\frac{3}{4}$ верстъ и въ прилегающихъ къ ней двухъ падяхъ—Малой и Ивановской. Поверхность этой долины покрыта во многихъ мѣстахъ ямами, наполненными нефтью, но самые значительные выходы ея располагаются въ восточной части долины, гдѣ находится большое асфальтовое озеро, твердое въ пасмурную погоду и размягчающееся подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей до того, что птицы, обманутыя черною блестящею поверхностью озера, которую они принимаютъ за воду, вязнутъ въ немъ и погибаютъ. Здѣсь въ большомъ изобиліи находятся выходы нефти [63]). Въ 1899 г. для обслѣдованія этихъ мѣсторожденій былъ командированъ горный инженеръ Бацевичъ, но, по недостатку надлежащихъ буровыхъ инструментовъ, онъ ограничился лишь самыми поверхностными изысканіями. Эти мѣсторожденія, за смертью Иванова, по Высочайшему повелѣнію 15 ноября 1888 г., отведены отставному лейтенанту Зотову, который, по недостатку средствъ, не могъ приняться за разработку нефти и, по слухамъ, продалъ принадлежащіе ему участки кому-то изъ бакинскихъ нефтепромышленниковъ. Еще болѣе значительныя мѣсторожденія нефти открыты были позднѣе на восточномъ берегу Охотскаго моря около Ныйскаго и Набильскаго заливовъ. Въ 1899 г. горному инженеру Клейе были выданы три свидѣтельства на развѣдку этихъ мѣсторожденій и хотя ему удалось привлечь къ этому дѣлу нѣкоторыя лондонскія фирмы и образовать въ Лондонѣ синдикатъ подъ именемъ «Сахалинскій и амурскій

---

61) *А. Марголіусъ*, стр. 54.

62) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1890 г., стр. 338.

63) *Л. Бацевичъ*: „Описаніе сахалинскихъ нефтяныхъ мѣсторожденій". *Горный Журналъ* 1890 г., стр. 146.

нефтяной и горно-промышленный синдикатъ», съ капиталомъ въ 100,000 фунтовъ стерлинговъ, но дальше изысканій дѣло пока не пошло, и каковы ихъ результаты, неизвѣстно, хотя по словамъ предпринимателя и работавшаго у него мастера по буренію, англичанина Лангдона, эти мѣсторожденія скрываютъ въ себѣ колоссальныя богатства нефти, которая отличается самымъ ничтожнымъ содержаніемъ летучихъ веществъ. Въ 1902 г. изысканіе нефти на Сахалинѣ производилъ инженеръ Платоновъ, командированный обществомъ бакинскихъ нефтепромышленниковъ въ Техасъ и Пенсильванію для ознакомленія съ мѣстными нефтяными источниками. Если вѣрить сообщенію шанхайскаго журнала *Der Ostasiatische Lloyd*, то г. Платоновъ, обслѣдовавъ сахалинскія мѣсторожденія, пришелъ къ заключенію, «что все видѣнное имъ въ Америкѣ ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ нашелъ на Сахалинѣ, гдѣ нефтеносныя поля на р. Нутово превосходятъ во всѣхъ отношеніяхъ бакинскія» [64]).

Выше было замѣчено, что геогностическое строеніе нѣкоторыхъ горныхъ отроговъ уже давно заставляло предполагать присутствіе на Сахалинѣ золотоносныхъ площадей. Практика вполнѣ подтвердила это теоретическое соображеніе и въ 1898 году въ Тымовскомъ округѣ, по рѣкамъ Тыми и Поронаю открыты мѣстности съ несомнѣннымъ содержаніемъ золота. Дворяниномъ Кирхнеромъ и врачомъ Чердынцевымъ организовано «Сахалинское золотопромышленное товарищество», которымъ сдѣлано двѣнадцать заявокъ, но развѣдки, по словамъ административнаго «Обзора» [65]), показали, что добыча мѣстнаго золота сопряжена съ слишкомъ значительной затратой рабочей силы, чтобы быть выгодной. Это объясненіе едва ли можетъ считаться правильнымъ. На Сахалинѣ такъ много рабочихъ рукъ, которыя готовы работать за самую незначительную плату, что обстановка золотопромышленнаго дѣла достаточнымъ числомъ недорогихъ рабочихъ не можетъ представить никакихъ затрудненій. Другое дѣло жизненные припасы. Ближайшая къ Сахалину часть Приамурья не имѣетъ скота и не производитъ хлѣба, а потому главнѣйшіе жизненные продукты приходится привозить изъ далека, что, при слабомъ развитіи судоходства, стоитъ очень дорого. Дороговизна фрахта является причиною, что даже на материкѣ считаютъ возможнымъ разрабатывать площади чуть не съ золотниковымъ содержаніемъ, а тѣ площади, которыя гдѣ-нибудь въ Енисейской или въ Томской губерніи считались бы весьма богатыми, вовсе не разрабатываются въ Приамурьѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что съ развитіемъ судоходства, съ удешевленіемъ фрахта и жизненныхъ припасовъ, на Сахалинѣ явится возможность добычи и открытаго на немъ золота.

Что касается другихъ ископаемыхъ богатствъ, каковы найденныя на Сахалинѣ мѣдная, цинковая и сребросвинцовая руды, то о нихъ сказать нечего, такъ какъ они совершенно не изслѣдованы.

---

[64]) *Тюремный Вѣстникъ* 1903 г., № 5, стр. 432.
[65]) Обзоръ о. Сахалина за 1900 и 1901 гг., стр. 83.

Рыбныя богатства Сахалина имѣютъ совершенно сказочные размѣры. Сельдь, нѣсколько породъ лососевыхъ, каковы: кета, горбуша, чвица (послѣдняя достигаетъ $1\frac{1}{2}$ пуда вѣса и болѣе $1\frac{1}{2}$ аршинъ длины) [66]), треска, камбала, палтусъ (до $3\frac{1}{2}$ пудовъ вѣсомъ) и многія другія породы рыбъ, а также сивучи, нерпы и киты, могли бы доставить обильный заработокъ и безбѣдное существованіе населенію, во много разъ превышающему нынѣшнее населеніе Сахалина. «Ловъ сельди нужно видѣть самому,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей Сахалина,—чтобы повѣрить необыкновенному обилію этой рыбы. Берега въ полномъ смыслѣ слова завалены ею; невода не выдерживаютъ тони и рыбу нужно вычерпывать изъ невода саками. Для чистки рыбы не достаетъ рукъ; безчисленное множество рыбы японцы варятъ и приготовляютъ для удобренія полей; иные сушатъ ее на юколу и всетаки тысячи сельдей гніютъ на берегу и заражаютъ воздухъ міазмами» [67]). Подходя къ берегамъ и не успѣвая съ отливомъ уйти обратно въ море, сельди громадною массою остаются на прибрежныхъ банкахъ; не имѣющіе неводовъ мѣстные жители пользуются этимъ и цѣлыми телѣгами вывозятъ сельдь съ этихъ банокъ, въѣзжая прямо въ средину пласта трепещущей рыбы [68]). Вся почти рыбопромышленность на островѣ находится въ рукахъ японцевъ. До какой степени незначительно участіе русскаго населенія въ рыбныхъ промыслахъ, видно изъ того, что въ 1901 году въ Корсаковскомъ округѣ на 6,053 японца приходилось всего 170 русскихъ рабочихъ [69]). Въ 1899 г. на Сахалинѣ считалось 224 рыболовныхъ участка. По свидѣтельству же «Обзора острова Сахалина за 1900 и 1901 гг.» русскихъ промысловъ считалось 81, изъ коихъ большинство только числились русскими, въ дѣйствительности же принадлежали японцамъ. Главнымъ японскимъ промысломъ на Сахалинѣ служитъ ловля селедки, изъ которой они вывариваютъ жиръ, а сухой остатокъ вывозятъ для удобренія своихъ полей. Такимъ образомъ, Сахалинъ, по справедливости, можетъ считаться житницею японцевъ, откуда кромѣ тука они ежегодно вывозятъ громадныя количества красной рыбы, служащей послѣ риса главнымъ пищевымъ продуктомъ рабочаго класса. Точное количество вывозимой японцами рыбы неизвѣстно. Офиціальныя свѣдѣнія исчисляютъ количество вывезенной японцами рыбы для 1897 г. въ 603,595 пудовъ, а для 1898 г. въ 705,434 пуда [70]). Но «Обзоръ острова Сахалина за 1900 и 1901 годы откровенно сознается въ невозможности точнаго учета добываемой японцами рыбы и опредѣляетъ вывозъ ея приблизительно въ 1.300,000 пудовъ ежегодно.

---

66) *Г. Крамаренко*: „Выдержки изъ отчета". Сахалинскій календарь на 1897 г. Отдѣлъ II, стр. 125.

67) *Брылкинъ*: „Письма съ Сахалина". Записки сибирскаго отдѣла Имп. Русск. Географ. общества 1864 г. Кн. VI, стр. 41.

68) *Г. Крамаренко*: „Рыбопромышленность на южномъ Сахалинѣ". Сахалинскій календарь на 1897 г., стр. 111.

69) Обзоръ о. Сахалина за 1900 и 1901 гг., стр. 85.

70) Сахалинскіе календари на 1898 и 1899 гг., стр. 119 и 127.

Чтобы оцѣнить истинное значеніе этой величины, слѣдуетъ принять во вниманіе, что большая часть добываемой на Сахалинѣ японцами рыбы падаетъ на сельдь. Изъ одного пуда сельди, на который въ среднемъ приходится 140 штукъ, выходитъ всего только 10 фун. тука, слѣдовательно, для приготовленія одного пуда тука нужно 4 пуда или 560 штукъ селедки. Такимъ образомъ если считать, что вывозъ тука достигаетъ всего только 800 т. пуд., то японцы ежегодно вылавливаютъ изъ сахалинскихъ водъ свыше трехъ милліоновъ пудовъ селедки, составляющихъ колоссальную цифру свыше 470 милліардовъ рыбъ. Между тѣмъ сахалинская сельдь отличается своими прекрасными качествами и, превосходя по вкусу астраханскую и даже керченскую сельдь [71]), въ соленомъ видѣ могла бы сдѣлаться предметомъ почти неограниченнаго сбыта на сибирскихъ и заграничныхъ рынкахъ. Немногіе русскіе промышленники, которые занимаются здѣсь селедочнымъ промысломъ, идутъ по слѣдамъ японцевъ и также перерабатываютъ селедку на тукъ для удобренія японскихъ полей. Это объясняется впрочемъ не недостаткомъ предпріимчивости, а слабымъ развитіемъ судоходства и дороговизной фрахта, котораго не можетъ выдержать столь дешевый продуктъ, какъ селедка.

Любопытно сравнить съ приведенными выше данными свѣдѣнія о добычѣ японцами тридцать лѣтъ тому назадъ. По свидѣтельству Мицуля, у котораго имѣются подробныя данныя о состояніи этой промышленности въ 1871—1872 гг., число японскихъ рабочихъ, занимавшихся рыбнымъ промысломъ, достигало 600 человѣкъ, а количество добытаго тука составляло 147.140 пуд. [72]). Слѣдовательно, число рабочихъ увеличилось въ десять разъ и, вѣроятно, во столько же разъ увеличилась и добыча тука.

Около двухъ третей острова Сахалина, пространство котораго исчисляется въ 66.300 кв. вер., занято лѣсами, состоящими по преимуществу изъ хвойныхъ породъ: лиственницъ и ели, представляющихъ прекрасный строительный матеріалъ. Сахалинская ель достигаетъ очень крупныхъ размѣровъ и, при огромной вышинѣ, можно встрѣтить экземпляры болѣе полутора аршинъ въ поперечникѣ на высотѣ груди человѣка. Эксплуатація сахалинскаго лѣса съ экономическою цѣлью началась въ 1896 г., когда извѣстные рыбопромышленники Семеновъ и Демби, взявъ подрядъ на поставку шпалъ въ Китай для строившейся тамъ желѣзной дороги, заготовили на Сахалинѣ свыше 120 т. шпалъ [73]). Въ началѣ 1898 г. администраціей Карсаковскаго округа были организованы лѣсорубныя артели для экспорта лѣса во Владивостокъ, Портъ-Артуръ, Дальній и въ Японію. Дѣятельность этихъ артелей продолжалась до послѣдняго времени, но о

---

[71]) *Г. Крамаренко*: „Рыбопромышленность на южномъ Сахалинѣ“, стр. 112.

[72]) *Мицуль*: „Очеркъ о. Сахалина въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“. стр. 113—120.

[73]) *А. Фонъ-Фрикенъ*: „Лѣса острова Сахалина“. Сахалинскій календ. на 1897 г., стр. 45—47.

результатахъ ея ничего неизвѣстно, такъ какъ администрація хранитъ по этому поводу строгое молчаніе.

Можно сказать только одно, что операція эта могла бы быть гораздо выгоднѣе, если бы населеніе имѣло возможность не торопиться съ поставкою сырого лѣса, а доставляло бы его уже въ сухомъ и обдѣланномъ видѣ, по примѣру американцевъ, лѣсъ которыхъ предпочитается сахалинскому. Несмотря на значительный расходъ сахалинскаго лѣса для надобностей тюрьмы и поселеній, можно сказать, что и до настоящаго времени главнымъ потребителемъ его является огонь, истребляющій ежегодно громадные участки. Площадь выгорѣвшаго на Сахалинѣ лѣса нельзя опредѣлить хотя бы и приблизительно, но, по свидѣтельству г. Фонъ-Фрикена, она громадна и должна быть исчисляема сотнями тысячъ десятинъ [74]. Начинаясь по большей части вблизи населенныхъ мѣстъ, пожаръ, за отсутствіемъ какой бы то ни было лѣсной охраны, пробирается все дальше и дальше въ глубь тайги; идетъ по лѣсистымъ склонамъ горныхъ хребтовъ и останавливается только тогда, когда его зальетъ дождемъ. Между тѣмъ вмѣстѣ съ лѣсами оголяется и покровъ лѣсной почвы, состоящей изъ влаголюбивыхъ растеній и играющій роль губки, впитывающей избытки атмосферной влаги и регулирующей уровень рѣчныхъ водъ. Результатомъ оголенія почвы являются наводненія, которыя послѣ значительныхъ дождей съ разрушительной силой проносятся по долинамъ, смывая плодородный слой почвы, а иногда заливая засѣянныя поля, которыя гибнутъ, занесенныя иломъ. Такимъ образомъ лѣсные пожары гибельны не столько тѣмъ, что безполезно истребляютъ массы древесины, сколько потому, что уничтожаютъ и тѣ немногія плодородныя мѣстности, на которыхъ возможно занятіе сельскимъ хозяйствомъ.

Выше я приводилъ уже мнѣніе одного изъ мечтателей, пророчившаго Сахалину господство надъ Великимъ океаномъ и предрекавшаго ему будущность Мельбурна и Сиднея. Съ тѣхъ поръ какъ писались эти строки, протекло тридцать лѣтъ, и за это время Сахалинъ успѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ только какъ мѣсто ссылки наиболѣе тяжкихъ преступниковъ. Прошлое его полно самыхъ мрачныхъ преданій; одно имя Сахалина вызываетъ ужасъ, а будущее его вполнѣ неопредѣленно. И дѣйствительно, что можно предсказать Сахалину, основываясь на опытѣ предыдущихъ лѣтъ? Богатства Сахалина неисчерпаемы, и если судить объ его роли въ будущемъ только потому, что мы знаемъ о нихъ, а знаемъ мы еще очень мало, то Сахалинъ съ бо́льшимъ безъ сомнѣнія правомъ, чѣмъ Сидней, Мельбурнъ или Ньюкестль, можетъ разсчитывать на блестящую будущность. Его богатства гораздо разнообразнѣе, и если Мельбурнъ знаменитъ только своимъ золотомъ, а Ньюкестль углемъ, то Сахалинъ имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы развить одновременно нѣсколько видовъ какъ добывающей, такъ и обрабатывающей промышленности. Уголь, желѣзо, нефть, рыба, вотъ

[74]) Тамъ же, стр. 34.

тѣ предметы первой необходимости, которые зовутъ Сахалинъ на міровой рынокъ и сулятъ ему значеніе одной изъ богатѣйшихъ колоній въ свѣтѣ. Разнообразіе естественныхъ богатствъ можетъ дать заработокъ многочисленному населенію съ самыми разнородными навыками. Здѣсь могутъ рядомъ уживаться, не стѣсняя другъ друга, и рыболовъ, и горнякъ, и разные виды заводскихъ рабочихъ. Между тѣмъ что мы сдѣлали за эти полвѣка, съ тѣхъ поръ какъ мы заняли островъ? Ровно ничего, или даже менѣе чѣмъ ничего. Мы повыжигали лѣса, засыпали мусоромъ угольныя копи и среди баснословныхъ рыбныхъ богатствъ не сумѣли организовать рыбнаго дѣла настолько, чтобы не зависѣть въ этомъ отношеніи отъ Амура, который и до настоящаго времени продолжаетъ поставлять свою рыбу въ тюремные склады Сахалина [75]). Аборигены страны, айно, вымираютъ, стѣсненные въ рыбныхъ ловляхъ, которыя мы у нихъ отняли. Мы же лишили ихъ пушного звѣря, котораго выжили изъ долинъ и загнали лѣсными пожарами въ далекіе горные хребты, мало доступные даже для инородцевъ. Населеніе Сахалина не достигаетъ даже 0,6 на квадратную версту и не лишаетъ острова его пустыннаго характера. Что же можно предсказать Сахалину, судя по его прошлому?

Мы заняли пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ южные берега Сахалина съ 70 человѣками команды. Позднѣе мы на всемъ Сахалинѣ держали одинъ баталіонъ пѣхоты, а до послѣдняго времени вся воинская охрана Сахалина состояла изъ тюремныхъ командъ, численность которыхъ на 1 января 1901 г. составляла всего 1.634 человѣка. Мы жили старыми преданіями о глубокомъ снѣ нашихъ сосѣдей и не хотѣли видѣть того, что совершалось предъ нашими глазами. Но вотъ грянулъ громъ орудій по сосѣдству съ Сахалиномъ, и только теперь мы замѣтили, что въ нашемъ сосѣдѣ мы имѣемъ не жалкаго нищаго, высылающаго ежегодно своихъ дѣтей собирать у сахалинскихъ береговъ крохи нашихъ рыбныхъ богатствъ, чтобы не умереть съ голоду, а грознаго врага, готоваго обѣими руками уцѣпиться за пренебрегаемый нами островъ. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ войны многое на Сахалинѣ должно будетъ измѣниться. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать Сахалину значеніе форта для охраны всего Приамурья и прилегающихъ къ нему береговъ Татарскаго пролива. Тогда постъ Александровскій сдѣлается, по необходимости, угольной станціей для нашихъ тихоокеанскихъ судовъ, а южное побережье пріобрѣтетъ значеніе военнаго оплота противъ сосѣдней Японіи. Логическая необходимость заставитъ соединить постъ Александровскій съ южнымъ Сахалиномъ желѣзной дорогой для подвоза войскъ и каменнаго угля. Пустынный островъ оживится и можетъ быть, пріобрѣтетъ тогда то значеніе, которое ему предназначено самой природой и котораго до сихъ поръ мы такъ упорно не хотѣли замѣчать.

А. Сѣичъ.

---

[75]) Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 гг., стр. 34.

Безплатныя юридическія консультаціи для женщинъ *).

Безплатныя юридическія консультаціи для женщинъ — учрежденіе нѣмецкое и феминистское.

Въ настоящее время въ Германіи существуетъ 26 бюро такихъ консультацій; они основаны женщинами и ведутся ими же въ слѣдующихъ городахъ: Берлинѣ, Боннѣ, Бременѣ, Бреславлѣ, Кёльнѣ, Данцигѣ, Дессау, Дрезденѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Фрибургѣ (Брисгау), Гёрлицѣ, Галле, Гамбургѣ, Гановерѣ, Гейдельбергѣ, Майнцѣ, Магдебургѣ (два), Мангеймѣ, Мюнхенѣ, Штутгартѣ и Висбаденѣ. Въ этомъ спискѣ представлены всѣ большія государства имперіи и нѣсколько маленькихъ. Названные города имѣютъ населеніе въ 50,000 человѣкъ (минимумъ).

Первое бюро безплатныхъ юридическихъ консультацій для женщинъ было учреждено въ Дрезденѣ, въ 1894 г., подъ предсѣдательствомъ извѣстной нѣмецкой феминистки, г-жи Маріи Штриттъ, въ настоящее время состоящей предсѣдательницей нѣмецкой федераціи женскихъ обществъ (70,000 членовъ). Его возникновеніе было вызвано публичными лекціями, прочитанными женщиной-законовѣдомъ—докторомъ правъ г-жею Эмиліей Кемпинъ.

Въ то время проектъ новаго нѣмецкаго гражданскаго уложенія очень занималъ умы спеціалистовъ, а также и тѣхъ феминистокъ, которыя понимали, какъ существенно для интересовъ женщинъ было отношеніе закона къ имуществу и личности женщины въ замужнемъ быту. Что касается до массы женщинъ, въ буржуазной, какъ и въ рабочей средѣ, можно безъ преувеличенія сказать, что въ то время она была совершенно невѣжественна въ дѣлахъ юридическихъ, и обнаруживала полнѣйшее равнодушіе къ обсужденію, которому подвергалось новое уложеніе въ парламентѣ и въ прессѣ.

Главари нѣмецкаго феминизма, особенно лейпцигская общая ассоціація женщинъ, сознавала всю ненормальность такого отношенія и понимала, какъ много сами женщины теряютъ отъ подобной апатіи. Поэтому лейпцигская ассоціація обратилась къ г-жѣ Кемпинъ, бывшей въ то время един-

*) Статья въ *La Revue* (15 авг. 1903 г.), Кэтэ Ширмехеръ.

ственной женщиной-докторомъ правъ нѣмецкой расы и владѣвшей нѣмецкимъ языкомъ *). Ее просили прочитать въ Германіи рядъ публичныхъ лекцій о правовомъ положеніи женщинъ, и издать популярное руководство по тому же предмету. Она стала, тѣмъ самымъ, вдохновительницей дѣла бюро безплатныхъ юридическихъ консультацій для женщинъ.

Число ихъ значительно возросло съ тѣхъ поръ благодаря энергичному походу за улучшеніе правового положенія женщинъ, предпринятому феминистками въ промежутокъ между 1894—1897 годами до окончательнаго принятія новаго гражданскаго уложенія. Походъ этотъ, особенно живо веденный радикальными феминистками въ Берлинѣ, пробудилъ въ женщинахъ интересъ къ правовымъ отношеніямъ, управляющимъ всею ихъ жизнью. Число тѣхъ изъ нихъ, которыхъ отпугиваетъ непонятный юридическій языкъ, техническіе термины, логическое разсужденіе, значительно уменьшилось. Новое гражданское уложеніе не кажется уже всѣмъ имъ чернокнижіемъ. Онѣ все больше и больше понимаютъ, какъ полезно и даже необходимо женщинѣ — незамужней, женѣ, матери, вдовѣ—имѣть знакомство съ правомъ, хотя бы элементарное.

Съ самаго обнародованія новаго гражданскаго уложенія феминистскія общества стали устраивать курсы правовѣдѣнія, съ цѣлью, какъ распространять между женщинами знаніе основныхъ законовъ, которые ими управляютъ, по отношенію къ ихъ имуществу и по отношенію къ ихъ личности, такъ и подготовлять женщинъ къ нѣкоторымъ обязанностямъ, къ которымъ новое уложеніе даетъ имъ доступъ (опекунши, попечительницы надъ сиротами, надъ бѣдными и т. п.).

Этотъ-то интересъ къ вопросамъ права у нѣмокъ и послужилъ развитію бюро юридическихъ консультацій для женщинъ. На этой-то почвѣ упомянутыя учрежденія и умножились. Главная мысль, лежащая въ основѣ бюро, слѣдующая: большое число лицъ, особенно женщинъ, совершенно невѣжественны въ вопросахъ права. Судъ и его сложный механизмъ пугаетъ ихъ, служитъ въ ихъ глазахъ угрозой, нагоняетъ на нихъ ужасъ. Прибѣгнуть къ суду имъ кажется почти что стыдомъ, и онѣ предпочитаютъ поступиться своими правами, нежели обратиться къ правосудію. Другія, по невѣжеству, глупо обязываются, подписывая все, что имъ подсунутъ. Еще другія попадаются въ руки недобросовѣстныхъ дѣльцовъ, которые ихъ эксплоатируютъ. Наконецъ, очень многія отказываются отъ своихъ правъ, потому что надо было бы, для использованія ихъ, довѣриться адвокату, а адвокатъ—мужчина. Невѣжество, легкомысліе, стыдъ—вотъ главныя причины, почему женщина является излюбленной жертвой несправедливости, притѣсненія, грубости.

Женщина же и должна найти способъ помочь себѣ, сказали себѣ въ

---

*) Г-жа Кемпинъ была швейцаркой. Она умерла три года тому назадъ. Въ настоящее время въ Германіи три женщины доктора правъ: г-жи Аугспургъ, Рашке и Дюнзингъ.

Германіи, и помочь путемъ учрежденія женскаго и безплатнаго. Женщина, имѣющая достатокъ, можетъ обратиться къ содѣйствію адвоката; она и по воспитанію, и по средѣ своей не такъ невѣжественна и не такъ безпомощна, какъ женщина бѣдная. Послѣдняя, безъ средствъ, безъ знанія и безъ всякой опоры, должна была особенно привлечь къ себѣ вниманіе. Для нея и создались бюро безплатныхъ юридическихъ консультацій въ Германіи.

Кружокъ женщинъ, обыкновенно членовъ какого-нибудь феминистскаго общества, собирается, составляетъ уставъ новой ассоціаціи и вербуетъ членовъ, взносы которыхъ должны идти на покрытіе расходовъ предпріятія. Нанимаютъ помѣщеніе для бюро, публикуютъ въ газетахъ, вывѣшиваютъ объявленія на вокзалахъ, въ вагонахъ конки, въ больницахъ, въ канцеляріяхъ общественнаго призрѣнія. И консультаціи открываются. Обыкновенно они происходятъ въ помѣщеніи общества, разъ или два въ недѣлю, по вечерамъ, отъ 6 до 8 или отъ 7 до 9 часовъ.

Въ среднемъ, около шести образованныхъ женщинъ чередуются—обыкновенно по двѣ—для пріема кліентокъ. Ихъ задача—терпѣливо выслушать, умѣло выспросить и ясно изложить дѣло, что составляетъ прекрасную школу для этихъ добровольцевъ-юристовъ.

Въ началѣ завѣдующія бюро представляютъ всѣ случаи безъ исключенія адвокату, который даетъ имъ справки о томъ, что надо дѣлать, и знакомитъ ихъ съ нѣмецкими законами.

Такъ какъ одни и тѣ же случаи часто повторяются, члены бюро становятся со временемъ настолько свѣдущи въ законахъ, что они могутъ сами давать вѣрныя и точныя указанія кліенткамъ, не прибѣгая къ помощи адвоката. Они становятся настоящими кладезями юридическихъ знаній, и вполнѣ безупречно знаютъ уложеніе. Во многихъ городахъ бюро юридическихъ консультацій даже съ самаго начала лишь въ исключительныхъ случаяхъ обращались къ адвокату, такъ какъ его замѣняли женщины—дочери или родственницы юристовъ, прекрасно знакомыя съ веденіемъ дѣлъ, потому что имъ самимъ приходилось участвовать въ подобной работѣ. Такъ, наприм., обстояло дѣло въ Дрезденѣ, гдѣ г-жа Цецилія Дозе руководила дѣлами бюро юридическихъ консультацій съ рѣдкимъ умѣніемъ. Подобное же положеніе занимаетъ г-жа Наталія Фуксъ въ берлинскомъ бюро.

Когда данное дѣло вполнѣ разобрано и права жалобщицы выяснены, члены бюро обращаются къ слѣдующимъ средствамъ: примиреніе либо черезъ личное вмѣшательство, либо черезъ письменное посредничество, добровольное соглашеніе, преслѣдованіе по суду, совѣтъ—оставить дѣло.

Въ большинствѣ случаевъ вмѣшательство бюро увѣнчивается успѣхомъ. Оно оказывается особенно дѣйствительнымъ въ случаяхъ разногласія между супругами, далѣе—въ отношеніи къ предпринимателямъ, нарушающимъ права отдѣльныхъ работницъ, и, наконецъ, въ установленіи матеріальной отвѣтственности отца по отношенію къ матери и ребенку, рожденному внѣ брака.

Несомнѣнно, на-ряду со множествомъ лицъ, не знающихъ своихъ правъ, существуетъ значительное число другихъ лицъ, прекрасно знающихъ свой долгъ, но безъ зазрѣнія совѣсти уклоняющихся отъ него, пока это возможно дѣлать безнаказанно. Но лишь только они убѣдятся, что ихъ жертва найдетъ поддержку въ какой-нибудь *общественной группѣ,* они сдаются. Такимъ образомъ, вмѣшательство лицъ извѣстнаго общественнаго положенія—богатыхъ, уважаемыхъ, съ вѣсомъ и образованіемъ—способствовало возстановленію согласія во многихъ рабочихъ семействахъ, и мужъ, видѣвшій, что женщины изъ высшихъ слоевъ общества принимали участіе въ судьбѣ его жалкой жены, относились къ нему самому съ предупредительностью, и обращались къ его лучшимъ чувствамъ, впослѣдствіи больше считался съ нею и не такъ часто ее оскорблялъ.

По такимъ же побужденіямъ, нѣкоторые предприниматели уплачивали работницамъ жалованье, зажитыя деньги, получить которыя послѣднія уже потеряли всякую надежду. Удавалось привести къ соглашенію домохозяевъ съ квартирантами, господъ съ прислугой, нанимателей со служащими. Въ другихъ случаяхъ, можно было добиться уплаты долга, или выдачи пособія, или же приходилось помогать малымъ и униженнымъ проходить черезъ всѣ трудности обязательнаго страхованія на случай болѣзни и старости.

Изъ годовыхъ отчетовъ нѣмецкихъ бюро явствуетъ, что въ теченіе 1901 г. 5,046 дѣлъ было разсмотрѣно этими добровольцами-юристами.

Такъ какъ, къ сожалѣнію, эти отчеты не всѣ одинаково подробны, и классификація отдѣльныхъ случаевъ не вездѣ сдѣлана по тому же плану, мы можемъ здѣсь дать систематическій перечень лишь 4,011 случаевъ.

Разногласіе между нанимател. и служащ., работниц.	558
» » супругами	550
Долги	480
Разногласіе между домохозяевами и квартирантами	409
Матеріальная отвѣтственность отца (внѣ брака)	299
Наслѣдства, духовныя завѣщанія	268
Пособія	221
Оскорбленія	116
Обязательное страхованіе	712
Управленіе имуществомъ	86
Разногласія семейныя	74
Составленіе жалобъ	39
Опека	25
Ипотеки	9
Разное	735 *)

*) Классификація, которой придерживаются отчеты дрезденскій, мюнхенскій, кёльнскій, франкфуртскій кажется намъ наиболѣе удачной; желательно, чтобы ея придерживались вездѣ, она ни слишкомъ подробна, ни слишкомъ сокращена.

Число посѣщеній каждаго бюро очень различно въ разныхъ городахъ. Приведемъ нѣсколько цифръ: дрезденское бюро въ теченіе года имѣло дѣло съ 940 жалобами; Франкфуртъ-на-Майнѣ—съ 620, Гамбургъ—съ 600, Висбаденъ—съ 238, Мюнхенъ—съ 247, Мангеймъ—съ 233. Напротивъ того, въ Бреславлѣ зарегистровано всего 34 обращеній, а въ Майнцѣ—29.

Дрезденскій, франкфуртскій и мюнхенскій отчеты классифицируютъ случаи также и по гражданскому состоянію кліентокъ. Мы узнаемъ отсюда, что замужнія женщины чаще обращаются къ помощи бюро, нежели вдовы или дѣвицы.

Наибольшее число кліентокъ составляютъ работницы, прислуга, поденщицы, служащія въ торговлѣ, торговки, съемщицы квартиръ и содержательницы пансіоновъ (комнатъ со столомъ). Небольшое число ихъ принадлежитъ къ свободнымъ профессіямъ (гувернантки и учительницы).

Такъ какъ дѣятельность бюро юридическихъ консультацій направлена главнымъ образомъ на то, чтобы распутать вопросы, примирить тяжущихся и, слѣдовательно, предотвратить излишніе или заранѣе проигранные процессы, то суды и адвокаты вездѣ оказались сторонниками этого новаго учрежденія, облегчающаго дѣло и тѣхъ и другихъ.

Особенно адвокаты очень довольны тѣмъ, что могутъ избавляться отъ потери времени надъ пустяками. Тѣ изъ нихъ, которые состоятъ офиціальными совѣтчиками бюро, несутъ эту службу безвозмездно, какъ почетную должность. Но когда сами кліентки желаютъ имѣть консультацію съ адвокатомъ, состоящимъ при бюро, его совѣтъ оплачивается согласно обычной нормѣ, либо кліенткой, либо отъ бюро.

Наконецъ, если попытки примиренія не удаются, стороны къ соглашенію не приходятъ, и процессъ становится неизбѣжнымъ, бюро требуетъ для своей неимущей кліентки юридической помощи, на которую она имѣетъ право. Если же, напротивъ, кліентка имѣетъ средства, она сама выбираетъ и оплачиваетъ своего защитника. Не справедливо было бы поэтому говорить, что безплатныя юридическія консультаціи, введенныя въ обычай нѣмецкими бюро, приносили бы ущербъ адвокатамъ. Мы уже замѣтили, что большинство лицъ, обращающихся въ бюро, не рѣшились бы обратиться прямо къ адвокату. Добавимъ, что зачастую предметъ жалобы настолько ничтоженъ, что стоимость консультаціи у адвоката превзошла бы сумму иска. Такъ, напримѣръ, въ Дрезденѣ работница требовала отъ хозяина несправедливо удержанное жалованье свое въ размѣрѣ двухъ марокъ. Консультація у адвоката стоила бы ей три марки, и безъ посредства бюро эта работница должна была бы отказаться отъ полученія этой суммы, которая для нея не была однако безразличной.

Изъ 5,040 случаевъ, по которымъ обратились въ бюро юридическихъ консультацій, большинство окончилось соглашеніемъ; приблизительно одна десятая часть даетъ поводъ къ судебному разбирательству и поступаетъ въ вѣдѣніе адвокатовъ, наконецъ, нѣкоторая часть устраняется сразу или же оставляется послѣ неудачной попытки примиренія.

Можно пожалѣть, что годовые отчеты не даютъ намъ возможности сдѣлать по этому вопросу общую сводку.

Въ нѣкоторыхъ городахъ городское управленіе предоставило помѣщеніе въ думѣ для бюро посредницъ. Въ другихъ, бюро юридическихъ консультацій работаетъ заодно съ бюро общественнаго призрѣнія. Иногда къ нему присоединяется бюро труда.

Правовыя познанія и опытъ въ области соціальной жизни, полученные благодаря работѣ въ бюро, побудили довольно значительное число женщинъ изъ достаточныхъ классовъ сдѣлаться попечительницами бѣдныхъ, попечительницами надъ сиротами, опекуншами.

Нѣкоторыя бюро занимаются также слѣдующей работой: какъ извѣстно, въ Германіи о предстоящихъ бракахъ публикуется въ газетахъ; одинъ изъ членовъ бюро обязанъ слѣдить за этими объявленіями и посылать отцу невѣсты различные образцы свадебнаго контракта. Надѣются этимъ способомъ убѣдить женщинъ въ Германіи, что не слѣдуетъ при вступленіи въ бракъ оставлять безъ вниманія способъ владѣнія имуществомъ.

Вѣрные духу ассоціаціи, столь развитому въ Германіи, всѣ 26 бюро юридическихъ консультацій для женщинъ вступили въ союзъ, и мѣстонахожденіе этого центральнаго союза въ Берлинѣ. Г-жа Марія Рашке, докторъ правъ, стоитъ во главѣ центральнаго бюро; она отвѣчаетъ письменно на запросы бюро, собираетъ статистическія данныя и издаетъ *Популярный обзоръ права*. Д-ръ Рашке также состоитъ предсѣдательницей «коммиссіи законовъ»,—одной изъ главныхъ коммиссій федераціи нѣмецкихъ феминистскихъ обществъ.

Такимъ образомъ, нѣмецкія феминистки обладаютъ важной организаціей для защиты своихъ юридическихъ правъ. За десять лѣтъ ихъ интересъ къ правовымъ вопросамъ увеличился, знанія ихъ въ этой области расширились. Ихъ безвозмездная дѣятельность въ 26 бюро юридическихъ консультацій позволяетъ имъ оказывать несомнѣнныя услуги своимъ болѣе обездоленнымъ соотечественницамъ и содѣйствовать сближенію классовъ не черезъ благотворительность, которая унижаетъ, а черезъ трудъ и черезъ сочувствіе, которые воспитываютъ.

Е. О.

Новая біографія Гладстона.

Еще при жизни Гладстона было издано нѣсколько его біографій, изъ которыхъ наиболѣе заслуживаетъ вниманія біографія, написанная Россе-лемъ. Послѣ смерти Гладстона появился цѣлый рядъ новыхъ біографій и характеристикъ этого замѣчательнаго дѣятеля. Среди нихъ первое мѣсто принадлежитъ характеристикѣ, написанной Брайсомъ *). Но всѣ эти прежнія работы, посвященныя Гладстону, утратили значительную долю своего интереса послѣ того, какъ осенью прошлаго года вышла въ свѣтъ трехтомная біографія Гладстона, написанная Морлеемъ. Морлей уже давно пріобрѣлъ себѣ крупную извѣстность литературными трудами: его книги о Вольтерѣ, Руссо, Дидро и энциклопедистахъ, Боркѣ, Кобденѣ, его статьи объ англійскихъ и французскихъ писателяхъ, по преимуществу двухъ послѣднихъ столѣтій, не только показываютъ въ немъ глубокаго знатока предмета, но и отличаются широтою общихъ взглядовъ, будучи проникнуты однимъ стройнымъ философскимъ міросозерцаніемъ. Это міросозерцаніе выработалось у него въ значительной степени подъ вліяніемъ Милля, съ которымъ онъ сходится во взглядахъ на большинство философскихъ и политическихъ вопросовъ. По религіознымъ убѣжденіямъ Морлей—агностикъ, подобно Спенсеру. Многіе пункты общаго міровоззрѣнія связываютъ Морлея со Спенсеромъ. Потому-то, какъ извѣстно, Спенсеръ и уполномочилъ Морлея произнести надгробную рѣчь на его могилѣ и только отъѣздъ Морлея въ Италію, случившійся до смерти Спенсера, лишилъ его возможности исполнить желаніе покойнаго друга.

Но Морлей не только замѣчательный писатель. Онъ и крупный политическій дѣятель. Въ 1882 г. онъ вступилъ въ палату общинъ, гдѣ сразу же занялъ выдающееся мѣсто въ рядахъ радикальной группы либеральной партіи. Въ 1886 г. онъ сдѣлался секретаремъ по дѣламъ Ирландіи въ кабинетѣ Гладстона и очень много помогалъ Гладстону въ составленіи билля о дарованіи Ирландіи отдѣльнаго парламента. Надо замѣтить, что Морлей

*) Она переведена на русскій языкъ. Изъ статей, посвященныхъ Гладстону въ русскихъ журналахъ, заслуживаетъ вниманія статья г-жи Конради: *Русская Мысль* 1889 г. XI и XII.

выступилъ въ качествѣ убѣжденнаго гомрулера еще въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ, когда противъ ирландскаго гомруля возставала вся либеральная партія. Въ 1892 г. онъ вторично занялъ постъ ирландскаго статсъ-секретаря въ новомъ кабинетѣ Гладстона и опять былъ дѣятельнымъ помощникомъ послѣдняго въ проведеніи билля черезъ палату общинъ.—Въ настоящее время Морлей является однимъ изъ главныхъ вождей либеральной оппозиціи, хотя въ послѣдніе года, отчасти вслѣдствіе болѣзни, отчасти отвлеченный работой надъ біографіей Гладстона, онъ сравнительно рѣдко выступалъ въ парламентѣ и на митингахъ.

Ирландскій вопросъ и сблизилъ Гладстона съ Морлеемъ. Этому сближенію содѣйствовала конечно и самая родственность ихъ натуръ. И тотъ, и другой никогда не смотрѣли на политику, какъ на средство удовлетворенія своего честолюбія или какъ на пріятную игру. Для обоихъ политическая дѣятельность имѣла значеніе лишь постольку, поскольку она давала имъ возможность проводить свои идеи и содѣйствовать осуществленію того, что они считали необходимымъ для общественнаго блага. Въ глазахъ того и другого политика была неотдѣлима отъ этики, оба они смотрѣли съ этической точки зрѣнія на вопросы даже внѣшней политики. Близость Морлея къ Гладстону и его выдающійся литературный талантъ и побудили семью Гладстона обратиться къ Морлею съ просьбою заняться составленіемъ гладстоновской біографіи. Этой работѣ Морлей посвятилъ слишкомъ пять лѣтъ, и въ результатѣ получилась такая біографія Гладстона, которая навсегда останется основною книгою для всякаго, кто пожелаетъ ближе познакомиться съ жизнью величайшаго изъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей XIX столѣтія.

Для составленія біографіи Гладстона Морлей располагалъ массою матеріала. Его главнымъ источникомъ были, конечно, бумаги, находящіяся въ Гаварденѣ, замкѣ, гдѣ жилъ Гладстонъ, и между прочимъ дневникъ Гладстона, состоящій изъ 40 небольшихъ книгъ. Затѣмъ въ распоряженіе Морлея были предоставлены какъ покойною королевой Викторіею, такъ и теперешнимъ королемъ Эдуардомъ письма и доклады Гладстона королевѣ.— Обширная переписка Гладстона также была использована Морлеемъ, которому, какъ онъ самъ заявляетъ въ предисловіи къ своей книгѣ, пришлось пересмотрѣть въ общемъ отъ 200 до 300 тысячъ бумагъ.—Этимъ громаднымъ матеріаломъ Морлей воспользовался съ замѣчательнымъ искусствомъ и потому, несмотря на то, что трехтомная біографія, написанная имъ, заключаетъ въ себѣ почти двѣ тысячи страницъ, читатель не найдетъ въ ней, за исключеніемъ нѣкоторыхъ писемъ къ герцогинѣ Сутерландской, ни одной лишней страницы.

Морлей поставилъ себѣ цѣлью написать біографію Гладстона, а не исторію его времени. Поэтому онъ проходитъ молчаніемъ многіе важные эпизоды англійской исторіи, не связанные непосредственно съ дѣятельностью Гладстона. Вообще его книга предполагаетъ въ читателѣ обстоятельное предварительное знакомство съ исторіей Англіи за XIX ст. Надо замѣтить

однако, что въ главахъ, посвященныхъ отношенію Гладстона къ внѣшней политикѣ, наприм., къ восточному вопросу, авторъ напоминаетъ иногда даже элементарные факты.

Выдающимся достоинствомъ книги является замѣчательное безпристрастіе Морлея. Правда, онъ нигдѣ не скрываетъ своихъ симпатій. Но при этомъ онъ всегда старается дать объективную оцѣнку тѣхъ государственныхъ дѣятелей, съ которыми Гладстонъ велъ борьбу. Таковы, наприм., отзывы о Пальмерстонѣ, Биконсфильдѣ, Чемберленѣ. Въ иныхъ случаяхъ авторъ заходитъ даже слишкомъ далеко въ желаніи быть безпристрастнымъ. Можно также пожалѣть о томъ, что Морлей, приводя отзывы Гладстона о томъ или другомъ политическомъ дѣятелѣ, порою ставитъ только заглавныя буквы. Безпристрастіе Морлея сказывается также и въ томъ, что при всей своей симпатіи къ Гладстону онъ нигдѣ не скрываетъ слабыхъ сторонъ послѣдняго. Такъ, наприм., говоря о краснорѣчіи Гладстона, онъ признаетъ, что Гладстонъ злоупотреблялъ ограничивающими предложеніями и придавалъ слишкомъ большое значеніе вербальнымъ оттѣнкамъ, не представлявшимъ реальнаго различія. «Если бы Гладстонъ—замѣчаетъ Морлей,—тратилъ столько труда на то, чтобы его слушатели могли точно понять, что онъ разумѣлъ, сколько онъ употреблялъ впослѣдствіи на разъясненіе того, что его мысль исказили, все было бы хорошо». Съ большимъ безпристрастіемъ характеризуетъ Морлей Гладстона и какъ ученаго и писателя. Такъ, по поводу гладстоновскихъ переводовъ одъ Горація, а также греческихъ и итальянскихъ поэтовъ Морлей замѣчаетъ, что это не произведенія настоящаго поэта, а развлеченіе дѣлового человѣка съ развитымъ вкусомъ и интересомъ къ хорошей литературѣ. Ученыя работы Гладстона Морлей оцѣниваетъ главнымъ образомъ какъ доказательство разнообразныхъ умственныхъ интересовъ Гладстона, не считая ихъ важнымъ вкладомъ въ науку.

Морлей расположилъ свой матеріалъ слѣдующимъ образомъ. Первый томъ обнимаетъ первыя 50 лѣтъ жизни Гладстона и заканчивается 1859 годомъ. Второй томъ занимаетъ 20 лѣтъ съ 1860 по 1880 г., а въ третьемъ изложеніе доведено до смерти Гладстона, т.-е. до 1898 г. Особая глава посвящена въ первомъ томѣ общей характеристикѣ Гладстона. Прежде всего Морлей подчеркиваетъ удивительное разнообразіе натуры Гладстона. Это «человѣкъ дѣйствія, ученый, борецъ; законодатель, администраторъ, вождь народа, первый спеціалистъ по финансамъ, мастеръ парламентскаго искусства и въ то же время человѣкъ, одушевленный самымъ высокимъ нравственнымъ идеализмомъ». Указавъ на крѣпкое здоровье и физическую выносливость Гладстона, поразительные примѣры которой можно найти во всѣ періоды его жизни, въ томъ числѣ и въ періодъ глубокой старости, Морлей останавливается затѣмъ на силѣ воли, какъ на главномъ качествѣ Гладстона. Это качество проявлялось между прочимъ въ способности всецѣло сосредоточиваться на томъ дѣлѣ, которымъ онъ былъ занятъ въ данный моментъ. Его сотоварищъ по нѣсколькимъ кабинетамъ,

Грегамъ, говорилъ, что Гладстонъ въ четыре часа можетъ сдѣлать то, на что другимъ понадобится 16 часовъ, а между тѣмъ онъ работаетъ какъ разъ по 16 часовъ въ сутки. Самъ Гладстонъ говорилъ Морлею, что его обычный рабочій день, когда онъ былъ министромъ, равнялся 14 часамъ. Но, какъ видно изъ послѣдующихъ главъ книги Морлея, Гладстону при составленіи бюджета приходилось работать и по 15—16 часовъ, при чемъ онъ еще находилъ время удѣлять каждый день по одному часу на уроки своему сыну. Надо замѣтить при томъ, что его работа отличалась замѣчательною интенсивностью. Въ связи съ этой силою воли стояло и то мужество, которое отличало Гладстона въ теченіе всей жизни, причемъ, по замѣчанію Морлея, онъ имѣлъ мужество быть благоразумнымъ точно также, какъ зналъ, когда благоразумно быть смѣлымъ.

Характеризуя ораторскій талантъ Гладстона, Морлей сначала говоритъ объ его физическихъ рессурсахъ. «Орлиный, властный взоръ; черты лица подвижныя, выразительныя, съ живою игрою; жесты естественные, смѣлые, непринужденные, безъ мелодраматической утрировки». Его рѣчь лилась легко, онъ обладалъ природнымъ даромъ въ выборѣ подходящихъ словъ, причемъ на развитіе этого дара онъ потратилъ съ своей стороны массу упорнаго постояннаго труда. Главная его сила заключалась въ искусствѣ дебатера. Въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ ареною его краснорѣчія была по преимуществу палата общинъ, надъ которою онъ властвовалъ, потому что онъ былъ весь проникнутъ своимъ предметомъ, потому что онъ глубоко вѣрилъ въ каждое слово, которое говорилъ, и серьезно желалъ убѣдить въ вѣрности своего мнѣнія своихъ слушателей, потому что онъ былъ мощнымъ бойцомъ.—Лишь во второй половинѣ 70-хъ годовъ онъ выступилъ ораторомъ на народныхъ митингахъ. Въ 1876 г., какъ извѣстно, произошла ужасная рѣзня болгаръ турецкими башибузуками. Обличеніе этой рѣзни, соединенное съ критикой всей туркофильской политики тогдашняго перваго министра Биконсфильда, и послужило предметомъ рѣчей Гладстона, которыя онъ произносилъ на многолюдныхъ народныхъ митингахъ въ разныхъ частяхъ Англіи. Самымъ характернымъ примѣромъ гладстоновскаго краснорѣчія на митингахъ являются знаменитыя Мидлотіанскія кампаніи Гладстона. Въ началѣ 1879 г. Гладстонъ рѣшилъ подготовить свою кандидатуру въ Мидлотіанскомъ округѣ, который лежитъ около Эдинбурга, и съ этою цѣлью произнесъ въ немъ цѣлый рядъ рѣчей, посвященныхъ разрушительной критикѣ всей политики консервативнаго министерства. Очевидцемъ этой первой мидлотіанской компаніи былъ Морлей и онъ рисуетъ намъ въ своей книгѣ громадную толпу, съ напряженнымъ вниманіемъ слушающую то подробный разборъ финансовой политики правительства, то призывъ къ соблюденію принциповъ международной справедливости, то воззванія къ нравственному сознанію свободнаго народа *).

---

*) Когда весною 1880 г. начались общіе выборы, онъ снова отправился въ Мидлоті-

Одной изъ главныхъ чертъ Гладстона была его религіозность. Между тѣмъ, какъ вся жизнь Гладстона была непрерывнымъ движеніемъ впередъ, въ религіозномъ отношеніи онъ всегда оставался правовѣрнымъ послѣдователемъ англиканской церкви. Морлей говоритъ, что Гладстонъ былъ христіаниномъ, на религіозныхъ идеяхъ котораго отразились и IV вѣкъ и XIII и XIV столѣтія. Въ связь съ этой религіозностью Морлей ставитъ и отношеніе Гладстона къ Данту. Въ письмѣ къ старому другу, написанномъ въ 1880 году, Гладстонъ говоритъ, что считаетъ себя чрезвычайно обязаннымъ четыремъ учителямъ: Аристотелю, Блаженному Августину, Данту и епископу Ботлеру. И характерно, что изъ трехъ частей Божественной Комедіи онъ въ особенности восторгался «Раемъ». Въ изложеніи религіозныхъ взглядовъ Гладстона Морлей опять проявляетъ ту объективность, на которую намъ уже приходилось указывать. Морлей—агностикъ, но это нисколько не мѣшаетъ ему понимать людей, стоящихъ въ религіозныхъ вопросахъ на противоположной точкѣ зрѣнія. Интересно, что Морлей и Гладстонъ въ своихъ бесѣдахъ, гдѣ затрогивались всевозможные политическіе и литературные вопросы, никогда не касались религіи.

Характерными чертами Гладстона являются далѣе его активная ненависть къ жестокости, угнетенію и несправедливостямъ и его постоянный оптимизмъ, проистекающій изъ глубокаго убѣжденія въ конечномъ торжествѣ истины и справедливости. Наконецъ въ теченіе всей своей слишкомъ 60-лѣтней политической дѣятельности онъ постоянно обнаруживалъ одно неоцѣненное для государственнаго дѣятеля качество: умѣніе учиться. Это качество онъ самъ признавалъ за собою и въ приложеніи къ первому тому сочиненія Морлея читатель найдетъ неоконченное письмо Гладстона къ королевѣ, написанное въ 1880 г., гдѣ Гладстонъ говоритъ про себя, что онъ учился всю свою жизнь.

Три тома сочиненія Морлея и даютъ намъ возможность прослѣдить шагъ за шагомъ эволюцію государственнаго дѣятеля, постоянно шедшаго, по выраженію Брайта, отъ мрака къ свѣту. Въ университетѣ мы видимъ Гладстона ревностнымъ консерваторомъ. Онъ произноситъ въ студенческомъ клубѣ рѣзкую рѣчь, выражающую осужденіе Грею и Росселю за ихъ попытку своимъ биллемъ о парламентской реформѣ пополнить основы англійской конституціи. Религіозность его въ это время была такъ велика, что онъ писалъ письма отцу, въ которыхъ выражалъ желаніе по выходѣ изъ университета сдѣлаться священникомъ. Эти письма, очень характерныя для Гладстона, помѣщены въ приложеніи къ первому тому книги Морлея.

Въ палатѣ общинъ, куда онъ вступилъ, когда ему едва минуло 23 года, онъ быстро становится виднымъ дѣятелемъ въ рядахъ консервативной партіи. А когда вождь консерваторовъ Робертъ Пиль въ концѣ 1834 г. получилъ порученіе отъ короля Вильгельма IV составить министерство, въ со-

---

анъ, гдѣ произнесъ множество рѣчей. Онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ этого округа, который прежде считался твердынею консервативной партіи, и оставался депутатомъ отъ него до самаго конца своего политическаго поприща.

ставъ этого министерства вошелъ 25-лѣтній Гладстонъ, какъ помощникъ министра колоній. Это министерство продержалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ, но оно положило начало той близости между Гладстономъ и Пилемъ, которая оказала такое громадное вліяніе на всю послѣдующую дѣятельность Гладстона. Морлей приводитъ интересныя выдержки изъ писемъ Гладстона къ отцу и изъ его дневника, показывающія, какъ рано вождь консерваторовъ оцѣнилъ все значеніе пріобрѣтенія, сдѣланнаго консервативной партіей въ лицѣ Гладстона. Но въ то же время Морлей отмѣчаетъ, какъ Пиль и другіе видные дѣятели торійской партіи боялись излишняго увлеченія Гладстона церковнымъ вопросомъ. Поэтому, когда въ 1838 г. появилась книга Гладстона «Государство въ его отношеніи къ церкви», не только вся проникнутая идеей о необходимости самой тѣсной связи между церковью и государствомъ, но и настаивающая на обязанности государства оказывать нравственную и матеріальную поддержку англиканской церкви, Пиль, видимо, избѣгалъ говорить съ Гладстономъ объ его произведеніи.

Въ 1841 г., когда Пиль снова сталъ во главѣ кабинета, онъ предложилъ Гладстону должность товарища министра торговли и промышленноси, а въ 1843 г. Гладстонъ замѣстилъ самого министра Рипона, получившаго другое назначеніе. Морлей приводитъ интересный отрывокъ изъ автобіографическихъ замѣтокъ, написанныхъ Гладстономъ въ послѣдніе годы жизни. Изъ этого отрывка видно, что Гладстонъ въ началѣ парламентской дѣятельности совершенно не интересовался вопросомъ о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ, такъ какъ его интересъ исключительно былъ направленъ на церковные вопросы. Онъ считалъ себя протекціонистомъ, потому что его отецъ былъ протекціонистомъ и потому что консервативная партія вообще стояла за протекціонизмъ. Надо замѣтить также, что до своего вступленія въ министерство торговли и промышленности Гладстонъ очень мало интересовался и финансовыми вопросами. Но очень скоро онъ не только освоился со всѣмъ механизмомъ работы, но и пришелъ къ убѣжденію въ необходимости радикальнаго измѣненія всей таможенной политики въ духѣ свободной торговли. Порою онъ находилъ, что самъ Пиль слишкомъ медленно двигается къ этомъ направленіи и, какъ впервые обнаруживается изъ книги Морлея, хотѣлъ вслѣдствіе этого разногласія выйти въ отставку, а затѣмъ, когда Пиль въ 1846 г. провелъ отмѣну хлѣбныхъ законовъ, Гладстонъ явился его главнымъ помощникомъ.

Одновременно съ измѣненіемъ взглядовъ Гладстона на протекціонизмъ, измѣнилось и его отношеніе къ вопросу о господствѣ англиканской церкви. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что государство имѣетъ право оказывать помощь и другому вѣроисповѣданію, если это вѣроисповѣданіе имѣетъ за себя большинство населенія. Поэтому, когда Пиль внесъ предложеніе объ устройствѣ въ Ирландіи семинаріи для подготовки католическаго духовенства, Гладстонъ поддержалъ это предложеніе, но при этомъ счелъ долгомъ выйти въ отставку, полагая, что его обязываютъ на этотъ шагъ его прежнія заявленія о необходимости государственной поддержки англиканской

церкви; и только, когда Пиль въ концѣ 1845 г. преобразовалъ свой кабинетъ, Гладстонъ снова вступилъ въ его составъ, какъ секретарь колоній.

Въ 1846 году, вслѣдствіе паденія министерства, Пиля Гладстонъ также выходитъ въ отставку и опять становится министромъ лишь въ 1853 г. За эти семь лѣтъ эволюція Гладстона по пути къ либерализму продолжалась, причемъ важную роль сыграло для него посѣщеніе Неаполя въ 1850 г. Надо замѣтить, что въ то время главные дѣятели консервативной партіи относились сочувственно къ Австріи и были противниками объединенія Италіи. Самъ Гладстонъ, впослѣдствіи бывшій горячимъ сторонникомъ объединенія Италіи, въ 1850 г. еще стоялъ только за конституціонныя реформы въ отдѣльныхъ итальянскихъ государствахъ. Но посѣщеніе Неаполя привело его къ убѣжденію, что Бурбоны нарушали самые элементарные принципы права. Онъ присутствовалъ при судѣ надъ Поэріо, однимъ изъ прежнихъ конституціонныхъ министровъ Фердинанда II. Онъ слышалъ такія показанія свидѣтелей со стороны обвиненія, десятой части которыхъ, по замѣчанію Морлея, было бы достаточно, чтобы не только прекратить процессъ, но и присудить свидѣтелей къ наказанію за клятвопреступленіе. Поэріо былъ приговоренъ къ 24-лѣтней каторгѣ. Гладстонъ посѣтилъ его въ тюрьмѣ и увидѣлъ его тамъ вмѣстѣ съ другими политическими заключенными скованнымъ двойными цѣпями съ обыкновенными уголовными преступниками. Но еще болѣе, чѣмъ жестокость наказанія, Гладстона возмущало нарушеніе всѣхъ законовъ и конституціи, въ вѣрности которой еще такъ недавно клялся Фердинандъ II. «Даже на суровость приговора,— писалъ Гладстонъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ лорду Абердину,—я бы не такъ желалъ привлечь вниманіе, какъ на важный фактъ беззаконія, который, какъ мнѣ кажется, лежитъ въ основѣ неаполитанской системы; беззаконія — источника жестокости, низости и всякихъ другихъ пороковъ; беззаконія, которое безпокоитъ и пугаетъ; страхъ ведетъ къ тиранніи, тираннія порождаетъ желаніе отмщенія, что въ свою очередь создаетъ справедливыя причины страха. Такъ страхъ все усиливается и усиливается, зло возрастаетъ съ страшною быстротою и прежнее преступленіе вызываетъ необходимость новаго». Съ изобличенія ужасовъ правленія Фердинанда, которое Гладстонъ характеризовалъ, какъ отрицаніе Бога на землѣ, возведенное въ систему, начинается полувѣковая дѣятельность Гладстона въ защиту угнетенныхъ народностей.

Съ 1846 года Гладстонъ принадлежалъ къ партіи пилитовъ. Какъ извѣстно, отмѣна хлѣбныхъ законовъ повела за собою распаденіе консервативной партіи на двѣ группы. Во главѣ тѣхъ консерваторовъ, которые остались вѣрны протекціонизму, сталъ Дизраэли, а другая группа послѣдовала за Пилемъ. Когда въ 1850 г. умеръ Пиль, пилиты остались безъ офиціальнаго вождя и, кромѣ того, ихъ положеніе между либералами съ одной стороны и консерваторами-протекціонистами—съ другой, было чрезвычайно затруднительно. Съ либералами ихъ соединяло убѣжденіе въ необходимости для Англіи свободной торговли, но зато они очень недовѣр-

чиво относились къ внѣшней политикѣ вождей вигской партіи, въ особенности Пальмерстона. Трудно представить себѣ бóльшій контрастъ, нежели контрастъ между взглядами Пальмерстона и Гладстона на принципы, которыми должна руководиться внѣшняя политика Англіи. Для Пальмерстона на первомъ планѣ былъ такъ называемый престижъ Англіи, для достиженія котораго онъ готовъ былъ попирать права другихъ державъ, въ особенности маленькихъ государствъ. Наоборотъ, Гладстонъ за все время своей политической дѣятельности неизмѣнно держался того убѣжденія, что и во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ безусловно обязательно соблюденіе тѣхъ же нравственныхъ принциповъ, что и въ отношеніяхъ частныхъ лицъ, онъ стоялъ за признаніе равноправности слабыхъ государствъ по отношенію къ сильнымъ и за принципъ братства народовъ.

Въ самомъ концѣ 1852, г. послѣ паденія протекціонистскаго министерства Дерби - Дизраэли, были сдѣланы попытки образованія коалиціоннаго кабинета изъ пилитовъ и виговъ. Во главѣ новаго министерства сталъ пилитъ лордъ Абердинъ, а министромъ финансовъ сдѣлался Гладстонъ. Его знаменитая рѣчь, произнесенная при внесеніи бюджета и длившаяся около пяти часовъ, сразу обнаружила въ немъ первокласснаго финансиста: широта и систематичность плановъ въ соединеніи съ способностью взвѣшивать мельчайшія подробности, привычка къ упорному труду и непреклонное мужество были отличительными чертами Гладстона, какъ министра финансовъ. Гладстонъ занималъ этотъ постъ до 1855 г., когда онъ вышелъ въ отставку вслѣдствіе разногласія съ Пальмерстономъ и другими вигами по вопросу о войнѣ съ Россіей. Когда вспыхнула крымская война, Гладстонъ считалъ ее необходимой, но когда Россія въ 1855 г. изъявила согласіе на такія условія, которыя, по мнѣнію Гладстона, вполнѣ обезпечивали достиженіе цѣли, поставленной Англіей въ началѣ войны, Гладстонъ настаивалъ на прекращеніи военныхъ дѣйствій и, въ виду несогласія съ его взглядами большинства его сотоварищей по кабинету, вышелъ въ отставку. Попрежнему поддерживаемый лишь небольшой группой пилитовъ, онъ занималъ одинокое положеніе между вигскимъ министерствомъ съ Пальмерстономъ во главѣ и торійской оппозиціей, предводительствуемой Дизраэли. Надо замѣтить, что консервативная партія даже въ концѣ 50-хъ годовъ разсчитывала на возвращеніе Гладстона въ ея ряды. Когда въ началѣ 1858 г. министерство Пальмерстона пало, Дерби и Дизраэли оба обратились къ Гладстону съ просьбой вступить въ организующійся консервативный кабинетъ. Морлей приводитъ очень интересное письмо Дизраэли къ Гладстону, до сихъ поръ остававшееся неизвѣстнымъ. Въ этомъ письмѣ Дизраэли говоритъ о своемъ глубокомъ уваженіи къ выдающимся способностямъ Гладстона и о своей готовности предоставить ему руководящую роль въ новомъ кабинетѣ. Но Гладстонъ отказался вступить въ консервативное министерство. Когда же лѣтомъ 1859 г. это министерство вышло въ отставку и Пальмерстонъ, формируя либеральный кабинетъ, предложилъ

министерство финансовъ Гладстону, тотъ принялъ это предложеніе и такимъ образомъ окончательно перешелъ въ ряды либеральной партіи.

Второй томъ сочиненія Морлея, обнимающій время отъ 1860 до 1880 г., рисуетъ намъ Гладстона, сначала какъ дѣятельнаго члена, потомъ какъ вождя этой партіи. Въ качествѣ министра финансовъ онъ по прежнему удивлялъ всѣхъ своей способностью одновременно уменьшать налоги и увеличивать доходы. По прежнему его финансовыя мѣры были направлены къ окончательному торжеству принциповъ свободной торговли, чему много посодѣйствовало заключеніе въ 1860 г. торговаго трактата съ Франціею. При этомъ Гладстону приходилось вести постоянную борьбу съ главою кабинета. Пальмерстонъ считалъ необходимымъ увеличеніе морского и военнаго бюджета, противъ чего неизмѣнно возставалъ Гладстонъ. Къ этому присоединилось разногласіе и по вопросу о парламентской реформѣ. Пальмерстонъ былъ противъ этой реформы, тогда какъ Гладстонъ съ самаго начала своего вступленія въ кабинетъ стоялъ за пониженіе ценза и допущеніе рабочихъ классовъ къ пользованію политическими правами. Въ 1865 г. умираетъ старый Пальмерстонъ, и первымъ министромъ формально дѣлается Россель, по душою преобразованнаго кабинета становится Гладстонъ, съ этого времени являющійся фактическимъ вождемъ либеральной партіи. Въ 1866 г. онъ вноситъ въ палату общинъ билль о парламентской реформѣ, представлявшій право голоса части рабочаго класса. Коалиція консерваторовъ съ нѣкоторыми изъ виговъ, враждебно относившихся къ усиленію демократическаго элемента въ англійскомъ государственномъ строѣ, приводитъ къ крушенію билля и замѣнѣ либеральнаго кабинета консервативнымъ министерствомъ, во главѣ котораго становятся Дерби и Дизраэли. Но въ слѣдующемъ же 1867 г. это министерство подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія само принуждено было внести въ парламентъ билль о парламентской реформѣ. Правда, этотъ билль первоначально былъ составленъ такъ, что нѣкоторыя его статьи имѣли цѣлью парализовать демократическій характеръ закона, но по предложенію Гладстона всѣ эти статьи были отвергнуты, и билль въ его окончательной редакціи предоставилъ право голоса городскимъ рабочимъ.

Въ 1868 г. Гладстонъ вноситъ въ палату общинъ предложеніе, направленное противъ господства англиканской церкви въ Ирландіи, и когда это предложеніе, несмотря на противодѣйствіе министерства, принимается палатою общинъ, Дизраэли распускаетъ палату. Новые выборы даютъ громадное большинство либеральной партіи и въ самомъ концѣ 1868 г. Дизраэли выходитъ въ отставку, а Гладстонъ становится во главѣ новаго либеральнаго кабинета. Первою его реформой была отмѣна господства англиканской церкви въ Ирландіи. Эта реформа была совершена тѣмъ самымъ государственнымъ дѣятелемъ, который 30 лѣтъ передъ тѣмъ въ своей книгѣ «Государство въ его отношеніи къ церкви» такъ горячо отстаивалъ необходимость этого господства. Другою реформой былъ ирландскій поземельный актъ 1870 г.

Глава, посвященная Морлеемъ этой реформѣ и озаглавленная: «Первая глава аграрной революціи», читается съ захватывающимъ интересомъ. Прежде всего она указываетъ на абсолютное незнакомство громаднаго большинства тогдашнихъ политическихъ дѣятелей съ сущностью тогдашняго ирландскаго вопроса. Такъ, Гладстонъ замѣтилъ про Пальмера, одного изъ самыхъ ученыхъ юристовъ, засѣдавшихъ въ то время въ палатѣ общинъ, что объ ирландскихъ поземельныхъ держаніяхъ онъ знаетъ не болѣе, чѣмъ о поземельныхъ отношеніяхъ на лунѣ. Морлей прибавляетъ, что вначалѣ тоже самое можно было бы сказать и о кабинетѣ, и объ обѣихъ палатахъ парламента и о всей массѣ британскихъ избирателей. Кабинетъ состоялъ главнымъ образомъ изъ ландлордовъ и юристовъ, «напитанныхъ,—по словамъ Морлея,—англійскими идеями о контрактѣ, о состязательной рентѣ, о неизмѣнномъ законѣ спроса и предложенія». Однимъ изъ немногихъ членовъ кабинета, сознавшихъ, что источникомъ ирландской нищеты и ирландскихъ волненій служитъ поземельный вопросъ, былъ Брайтъ, но Брайтъ считалъ возможнымъ только одно рѣшеніе этого вопроса, а именно постепенное превращеніе арендаторовъ въ собственниковъ земли. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гладстону онъ замѣчаетъ: «я изучалъ ирландскій вопросъ съ точки зрѣнія, почти недоступной вашимъ сотоварищамъ и съ которой быть можетъ и вы сами не имѣли случая его разсматривать». На это замѣчаніе Гладстонъ не безъ ироніи отвѣчаетъ: «у меня есть то преимущество при изученіи ирландскаго поземельнаго вопроса, что я не приступалъ къ нему съ увѣренностью въ томъ, что я его уже знаю, и, конечно, я употреблю всѣ усилія, какія могу, чтобы овладѣть имъ». И дѣйствительно тутъ опять проявилась основная черта Гладстона: умѣнье учиться. Въ пониманіи особенностей ирландскихъ аграрныхъ отношеній Гладстону много помогъ тогдашній ирландскій статсъ-секретарь Фортескью, самъ по происхожденію ирландецъ, знакомый съ такими особенностями ирландскаго поземельнаго строя, которыя были совершенно недоступны большинству тогдашнихъ англичанъ. Ирландскіе арендаторы считали, что землевладѣльцы должны вознаградить ихъ за тѣ улучшенія, которыя они произвели на арендуемыхъ ими участкахъ земли, и, кромѣ, того они находили необходимымъ положить предѣлъ произвольному удаленію арендаторовъ. Этотъ-то взглядъ ирландскихъ арендаторовъ Фортескью и положилъ въ основу своего проекта аграрной реформы. Новый законъ, по его мнѣнію, долженъ былъ дать арендаторамъ извѣстныя гарантіи противъ произвола ландлордовъ. Гладстонъ въ общемъ принялъ основныя идеи Фортескью и въ отвѣтъ на настоянія Брайта, чтобы реформа заключалась въ превращеніи арендаторовъ въ собственниковъ земли, писалъ ему: «Вашъ планъ, если бы даже онъ былъ принятъ цѣликомъ, могъ бы быть примѣненъ только къ небольшой части всѣхъ земель Ирландіи, цѣнность которыхъ равняется двумъ или тремъ стамъ милліоновъ и я не вижу хорошо, какую бы существенную выгоду получило большинство арендаторовъ отъ того, что немногіе изъ нихъ, болѣе счастливые, купили

бы землю и стали землевладѣльцами». Поэтому ирландскій земельный билль, внесенный въ парламентъ Гладстономъ, главнымъ образомъ былъ посвященъ охранѣ интересовъ арендаторовъ, но въ немъ находились также и статьи, облегчавшія болѣе состоятельнымъ арендаторамъ покупку земель при помощи государственнаго кредита. Огражденіе интересовъ арендаторовъ заключалось въ томъ, что при удаленіи арендатора безъ всякихъ причинъ съ арендуемаго участка ему предоставлялось получить вознагражденіе и кромѣ того возмѣщеніе стоимости возведенныхъ имъ на арендномъ участкѣ построекъ.

Кромѣ ирландской аграрной реформы и отмѣны въ Ирландіи господства англиканской церкви министерство Гладстона провело еще цѣлый рядъ важныхъ реформъ. Къ нимъ относятся, наприм., школьный законъ Форстера, впервые установившій правильную организацію народной школы и законъ о введеніи тайной подачи голосовъ.

Наконецъ, за время существованія перваго кабинета Гладстона и въ области международной политики произошло не мало событій чрезвычайной важности. Въ 1870 г. вспыхнула франко-прусская война и вслѣдъ затѣмъ Россія объявила, что она болѣе не считаетъ для себя обязательною статью парижскаго трактата, воспрещавшую Россіи и Турціи содержать военный флотъ на Черномъ морѣ. Понятно, что всѣ эти событія требовали отъ перваго министра громаднаго напряженія силъ, а между тѣмъ Гладстонъ еще прибавилъ себѣ работы, взявъ въ 1873 г. въ свои руки министерство финансовъ. Изъ книги Морлея видно, что кромѣ воскресеній Гладстонъ почти не зналъ отдыха. Въ октябрѣ 1871 г. во время парламентскихъ вакацій онъ писалъ женѣ: «Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ было сформировано правительство,—а съ того времени прошло почти три года,—я имѣлъ отдыхъ въ цѣлыхъ два дня». А въ сентябрѣ 1872 г. онъ заявилъ одному изъ министровъ, что за четыре вакаціи у него было пять свободныхъ дней. Между тѣмъ онъ находилъ возможность заниматься за это время богословскими и философскими вопросами. Такъ, въ заключеніе одного дѣлового письма онъ пишетъ: «я долженъ кончить, мнѣ сейчасъ предстоитъ обсужденіе съ Гёксли вопроса о безсмертіи души».

Въ началѣ 1874 г. Гладстонъ распускаетъ палату общинъ и новые парламентскіе выборы даютъ значительное большинство консервативной партіи. Гладстонъ выходитъ въ отставку, а въ слѣдующемъ году отказывается отъ руководства либеральной партіей. Лидеромъ либераловъ въ палатѣ общинъ становится лордъ Гартингтонъ. Главная дѣятельность Гладстона во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ была посвящена агитаціи противъ политики консервативнаго министерства въ восточномъ вопросѣ. Выше намъ уже приходилось говорить объ его знаменитой мидлотіанской кампаніи, нанесшей смертельный ударъ консервативному кабинету. На парламентскихъ выборахъ 1880 г. на долю либеральной партіи досталась блестящая побѣда, и во главѣ новаго либеральнаго кабинета опять сталъ Гладстонъ.

Исторіей этого второго кабинета Гладстона и открывается третій томъ сочиненія Морлея. Составъ кабинета былъ разнородный. Въ него вошли, какъ виги, во главѣ которыхъ стоялъ Гартингтонъ, такъ и радикалы, главнымъ представителемъ которыхъ былъ Чемберленъ. По поводу отношеній Гладстона къ членамъ кабинета Морлей замѣчаетъ: «въ публикѣ и въ рѣчахъ противниковъ первый министръ выставлялся властнымъ диктаторомъ. Между тѣмъ нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, изъ его сотоварищей по кабинету 1880 г. жаловались на то, что онъ недостаточно властвовалъ. Почти съ самаго начала онъ слишкомъ часто уступалъ большинству, правда, преимущественно по второстепеннымъ вопросамъ, но иногда также и по такимъ, которые стояли на неопредѣленной границѣ между второстепенными и главными». Морлей приводитъ много характерныхъ выдержекъ изъ писемъ Гладстона, рисующихъ его отношеніе какъ къ радикальнымъ членамъ кабинета, такъ и вообще къ программѣ радикальной партіи. Замѣчательно, что хотя Гладстонъ по своимъ личнымъ отношеніямъ былъ гораздо ближе къ вождямъ виговъ Гренвилю и Гартингтону, но по своимъ взглядамъ на большинство вопросовъ текущей политики онъ больше сходился съ редикалами. Онъ расходился съ ними только по одному существенному пункту: Гладстонъ находилъ, что радикалы желаютъ слишкомъ расширить сферу государственнаго вмѣшательства. Самъ Гладстонъ до конца жизни оставался индивидуалистомъ. Зато къ новой группѣ, выдвинувшейся изъ рядовъ консервативной партіи, къ такъ называемой торійской демократіи онъ относился безусловно отрицательно. Такъ, въ письмѣ, написанномъ имъ въ 1885 г. къ знаменитому историку и либеральному католику лорду Актону, Гладстонъ замѣчаетъ: «Торійская демократія не болѣе похожа на консервативную партію, въ которой я воспитался, чѣмъ на либерализмъ. Скорѣе менѣе. Это демагогія, только не демагогія, облагороженная любовью и пониманіемъ свободы, но демагогія самаго худшаго рода, направленная противъ миролюбія, уваженія къ закону и бережливости, которыя облагораживали старый консерватизмъ, демагогія, возбуждающая злобныя страсти и въ то же время въ тайнѣ также упорно, какъ и прежде отстаивающая принципъ классовыхъ интересовъ».

Хотя Гладстону пошелъ уже восьмой десятокъ, прежде чѣмъ онъ снова сталъ во главѣ управленія, тѣмъ не менѣе исторія его второго кабинета представляетъ дальнѣйшую эволюцію его воззрѣній по пути свободы, равенства и справедливости. Въ 1883 г. по поводу дѣла атеиста Брадло, котораго большинство палаты общинъ не хотѣло допустить въ парламентъ, Гладстонъ внесъ билль о замѣнѣ для желающихъ религіозной присяги простымъ утвержденіемъ. Билль былъ отвергнутъ большинствомъ трехъ голосовъ, но рѣчь, произнесенная Гладстономъ незадолго передъ голосованіемъ, останется навсегда безсмертнымъ памятникомъ его краснорѣчія. Въ рѣчи, посвященной защитѣ принципа абсолютной религіозной свободы, Гладстонъ развилъ то положеніе, что крайне произвольно проводить раздѣльную черту между абстрактнымъ отрицаніемъ Бога и абстрактнымъ признаніемъ Бо-

жества и что, по его мнѣнію, гораздо болѣе важнымъ различіемъ является признаніе и отрицаніе Провидѣнія.

Въ 1881 г. Гладстонъ провелъ черезъ парламентъ законъ, представившій важный шагъ впередъ въ разрѣшеніи ирландскаго поземельнаго вопроса. По этому закону въ случаѣ желанія арендаторовъ, назначалась особая судебная коммиссія для опредѣленія арендной платы на 15-лѣтній срокъ съ воспрещеніемъ землевладѣльцамъ удалять арендаторовъ въ теченіе этого времени при исправномъ взносѣ аренды, а также и повышать арендную плату. Въ 1884 и 1885 гг. Гладстонъ проводитъ широкую парламентскую реформу: право голоса получаютъ сельскіе рабочіе и кромѣ того радикально измѣняется самая система распредѣленія парламентскихъ округовъ: въ противоположность прежнему крайне неравномѣрному распредѣленію все королевство раздѣляется на округа, приблизительно равные по количеству населенія.

Въ главахъ, посвященныхъ второму кабинету Гладстона, Морлей даетъ много интересныхъ фактовъ относительно того, какъ у Гладстона постепенно развивалось убѣжденіе въ необходимости дарованія Ирландіи самаго широкаго самоуправленія. Уже весною 1882 г. онъ пишетъ тогдашнему ирландскому статсъ-секретарю Форстеру: «Относительно мѣстнаго управленія для Ирландіи я все болѣе и болѣе прихожу къ слѣдующимъ положеніямъ. Во-первыхъ, пока у насъ не будетъ серьезныхъ отвѣтственныхъ учрежденій въ Ирландіи, всякій планъ, который мы составляемъ, представится ирландцамъ, что бы мы ни говорили, какъ планъ англійскій и, какъ таковой, будетъ осуждаемъ. Въ крайнемъ случаѣ это—односторонній договоръ, который связываетъ насъ, но не ихъ. Во-вторыхъ, если вашъ превосходный планъ привлеченія мѣстнаго населенія къ содѣйствію въ исполненіи закона потерпитъ неудачу, то это будетъ слѣдствіемъ почти полнаго къ несчастью отсутствія чувства отвѣтственности за общественное благо и общественный миръ въ Ирландіи; и эту отвѣтственность мы можемъ создать только дарованіемъ мѣстнаго самоуправленія. Въ-третьихъ, если намъ скажутъ, что мы должны отложить рѣшеніе вопроса до того времени, пока состояніе страны не станетъ болѣе спокойнымъ, то я отвѣчу, что наименьшая опасность заключается въ движеніи впередъ. Только свобода дѣлаетъ людей годными для свободы. Это положеніе, какъ и всякое другое въ политикѣ, допускаетъ ограниченія; но оно гораздо надежнѣе, чѣмъ противоположная теорія, что надо ждать, пока люди сдѣлаются годными».

Въ самомъ кабинетѣ Гладстона разногласія по ирландскому вопросу все болѣе и болѣе обострялись. Въ маѣ 1885 г. Чемберленъ предложилъ учредить въ Ирландіи центральный совѣтъ, главнымъ образомъ, съ административными полномочіями, но въ то же время и съ нѣкоторыми законодательными функціями: его вѣдѣнію подлежало бы низшее и отчасти среднее образованіе, законы о бѣдныхъ, санитарная администрація и общественныя работы. Члены этого центральнаго совѣта должны были избирать-

ся мѣстными графскими совѣтами, въ свою очередь избираемыми населеніемъ. Проектъ Чемберлена нашелъ поддержку въ Гладстонѣ, но противъ него, при обсужденіи въ кабинетѣ, высказался Гартингтонъ и нѣкоторые другіе министры и предложеніе Чемберлена не было принято. Объ этомъ проектѣ до сихъ поръ не имѣлось никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, и книга Морлея впервые знакомитъ съ нимъ публику. Надо замѣтить, что книга Морлея даетъ вообще очень много важныхъ и совершенно новыхъ фактовъ по исторіи Англіи во второй половинѣ XIX в. Въ этомъ отношеніи особенное значеніе имѣетъ третій томъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ крушенія чемберленовскаго проекта въ іюнѣ 1885 г. послѣдовало паденіе министерства Гладстона, которое потерпѣло пораженіе въ палатѣ общинъ по вопросу о бюджетѣ. Новое консервативное министерство, во главѣ котораго сталъ Сольсбери, держалось сначала примирительной политики относительно Ирландіи и заявляло намѣреніе не возстановлять закона о преступленіяхъ, предоставлявшаго администраціи чрезвычайныя полномочія. Это вызывало въ Гладстонѣ надежду, что консервативное правительство дастъ Ирландіи самоуправленіе и этимъ разрѣшитъ ирландскій вопросъ. Въ это время Гладстонъ все настойчивѣе высказываетъ въ письмахъ желаніе отказаться отъ политической дѣятельности, заявляя въ то же время о своей готовности помочь всякому кабинету — либеральному или консервативному въ умиротвореніи Ирландіи. Въ октябрѣ 1885 г. его посѣтилъ въ Гаварденскомъ замкѣ Чемберленъ и изъ письма Гладстона къ Гренвиллю, цѣликомъ напечатаннаго Морлеемъ, видно, что Гладстонъ считалъ въ это время Чемберлена солидарнымъ съ нимъ во взглядахъ на ирландскій вопросъ. Когда въ концѣ 1885 г. произошли парламентскіе выборы и одинъ изъ бывшихъ членовъ Гладстоновскаго кабинета Чайльдерсъ въ своемъ адресѣ къ избирателямъ уже прямо высказался за дарованіе Ирландіи особаго парламента, то Гладстонъ въ письмѣ къ Чайльдерсу заявилъ о своемъ съ нимъ согласіи.

Выборы дали слѣдующіе результаты: 251 консерваторовъ, 333 либерала и 86 парнелитовъ. Либералы имѣли перевѣсъ надъ консерваторами въ 82 голоса, но въ случаѣ коалиціи между консерваторами и парнелитами противъ либераловъ получилось бы большинство въ 4 голоса. Консервативное министерство не сочло себя поэтому обязаннымъ выйти въ отставку и само открыло парламентъ въ началѣ 1886 г. Но въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій оно потерпѣло пораженіе и принуждено было подать въ отставку. Во главѣ новаго кабинета становится Гладстонъ, который къ тому времени уже окончательно пришелъ къ убѣжденію въ необходимости даровать Ирландіи особый парламентъ. Морлей говоритъ, что въ эту зиму Гладстонъ внимательно изучалъ ту главу незадолго передъ тѣмъ появившейся книги Дайси объ англійской конституціи, которая была посвящена организаціи колоніальныхъ законодательныхъ собраній. Въ составъ новаго кабинета Гладстона не вошли нѣкоторые изъ самыхъ видныхъ членовъ

прежняго, въ томъ числѣ Гартингтонъ, который уже заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ ирландскаго гомруля. Чемберленъ, хотя и вступилъ въ кабинетъ, но не надолго: онъ поспѣшилъ выйти изъ кабинета, какъ только Гладстонъ выработалъ проектъ объ ирландскомъ парламентѣ. Но зато въ кабинетъ вступило нѣсколько новыхъ членовъ и въ томъ числѣ Морлей, который взялъ на себя должность ирландскаго статсъ-секретаря. Морлей, какъ мы указывали въ началѣ статьи, еще раньше стоялъ за дарованіе Ирландіи самаго широкаго самоуправленія и многіе даже высказывали предположеніе, что онъ имѣлъ вліяніе на переходъ и самого Гладстона на сторону ирландскаго гомруля. Самъ Морлей, однако, горячо протестовалъ противъ этого предположенія.

Гладстонъ выступилъ съ двумя обширными законопроектами: одинъ изъ нихъ устанавливалъ для Ирландіи особый парламентъ съ обширными законодательными полномочіями и съ отвѣтственнымъ передъ нимъ кабинетомъ, а другой предлагалъ добровольный выкупъ земли у землевладѣльцевъ при содѣйствіи государственнаго кредита и перепродажу ея крестьянами. Ирландскіе билли Гладстона вызвали настоящую бурю среди англійскихъ партій и въ англійскомъ обществѣ. Морлей живо рисуетъ картину лондонскаго общества весною 1886 года. Различіе въ политическихъ вопросахъ вызывало разрывъ долголѣтнихъ дружескихъ связей, знатныя дамы исключали изъ списковъ гостей своихъ старыхъ знакомыхъ. Аристократы закрывали свои загородные дворцы для друзей, впавшихъ въ преступную ересь и даже портреты іересіарха были удаляемы со стѣнъ.

Морлей подробно останавливается на впечатлѣніи, которое произвели двѣ главныя рѣчи, произнесенныя Гладстономъ при обсужденіи билля о гомрулѣ. Первая изъ нихъ была сказана при внесеніи билля 8 апрѣля, и Морлей рисуетъ картину палаты общинъ въ этотъ день. Съ ранняго утра члены палаты стремились занять свои мѣста и уже до наступленія полудня всѣ ложи были заняты. Въ коридорахъ толпились принцы, посланники, перы, епископы и никогда ни одному министру не приходилось прежде держать рѣчи передъ такимъ собраніемъ. Самую рѣчь Морлей считаетъ образцомъ краснорѣчія безъ всякой примѣси декламаціи, но онъ вѣрно замѣчаетъ, что самое впечатлѣніе этой рѣчи служитъ подтвержденіемъ того положенія, что политическое краснорѣчіе есть дѣйствіе, а не слова, и что слушателей электризовали воспоминанія о его великихъ заслугахъ, его непреклонная рѣшимость и сильная воля и непоколебимая увѣренность, что справедливое дѣло не можетъ потерпѣть неудачи. «Немного,— говоритъ Морлей,—героическихъ моментовъ въ нашей парламентской политикѣ, но это былъ одинъ изъ такихъ моментовъ».

О другой рѣчи Гладстона, которая была произнесена имъ передъ голосованіемъ билля во второмъ чтеніи, Морлей отзывается такъ: «Если бы Гладстонъ былъ молодымъ человѣкомъ, а не 76-лѣтнимъ старикомъ, если бы предшествовававшіе четыре мѣсяца посвящены были досугу, а не тяжелой работѣ по приготовленію двухъ биллей и многообразнымъ

обязанностямъ главы правительства и лидера палаты, вдобавокъ осложненнымъ утратою товарищей и друзей, то и тогда его заключительная рѣчь была бы поразительна по своей силѣ, горячности и убѣдительности. Но краснорѣчіе Гладстона оказалось безсильнымъ убѣдить оппозицію, состоящую изъ консерваторовъ, недовольныхъ виговъ съ Гартингтономъ во главѣ и изъ группы радикаловъ, предводительствуемыхъ Чемберленомъ. Билль былъ отвергнутъ большинствомъ тридцати голосовъ и Гладстонъ немедленно распустилъ палату. Лѣтомъ 1886 г. произошли новые выборы, которые привели къ полному пораженію сторонниковъ гомруля: изъ 670 членовъ были выбраны 191 приверженецъ Гладстона и 86 парнелитовъ, всѣ же остальные депутаты принадлежали или къ консервативной партіи, или къ либераламъ-уніонистамъ,—такъ называли себя противники гомруля, принадлежавшіе прежде къ либеральной партіи. Но эта неудача нисколько не обезкуражила Гладстона. Онъ былъ убѣжденъ, что политика репрессіи, къ которой прибѣгло консервативное министерство Солсбери, должна рано или поздно убѣдить англійскій народъ, что внѣ гомруля нѣтъ другого средства для разрѣшенія ирландскаго вопроса. Частные выборы, по большей части заканчивавшіеся побѣдой гладстоніанцевъ, все болѣе укрѣпляли Гладстона въ томъ убѣжденіи, что скоро большинство англійскаго народа придетъ къ признанію необходимости ирландскаго гомруля. Но въ концѣ 1890 г. произошелъ инцидентъ съ Парнелемъ, отразившійся очень печально на дальнѣйшемъ ходѣ ирландскаго вопроса. Ирландскій депутатъ О'Ши обвинилъ Парнелля въ преступной связи съ своей женой и судъ призналъ обвиненіе справедливымъ. Вслѣдствіе этого Гладстонъ заявилъ, что онъ не считаетъ возможнымъ продолжать агитацію въ пользу ирландскаго гомруля въ томъ случаѣ, если Парнелль останется во главѣ ирландской національной партіи. Тогда большинство членовъ этой партіи сочло необходимымъ низложить Парнелля и выбрать на его мѣсто Макъ-Карти, но меньшинство осталось вѣрнымъ Парнеллю, который отказался подчиниться рѣшенію большинства. Морлей приводитъ заявленія Гладстона, показывающія, чѣмъ онъ руководствовался въ своемъ образѣ дѣйствія. Онъ постоянно категорически отказывался высказать свое личное осужденіе поведенію Парнелля въ дѣлѣ мадамъ О'Ши: «Какъ,—заключалъ онъ,—если человѣкъ называется вождемъ партіи, то это дѣлаетъ его цензоромъ и судьею вѣры и нравственности? Я не хочу этого принять. Это сдѣлало бы жизнь невыносимой». Онъ ставилъ вопросъ исключительно на политическую почву. «Я,—доказывалъ Гладстонъ,—постоянно пытался въ теченіе четырехъ лѣтъ убѣдить избирателей поддержать ирландское самоуправленіе. Теперь избиратель говоритъ мнѣ: если случится извѣстная вещь, именно сохраненіе руководства ирландской партіею въ тѣхъ же рукахъ, я не хочу поддерживать ирландскаго самоуправленія. Какъ я могу продолжать свое дѣло? Мы терпѣливо катили камень до вершины холма, а теперь онъ опять покатится внизъ, если только Парнелль не сочтетъ нужнымъ уйти». Но Гладстонъ попрежнему очень высоко цѣнилъ заслуги

Парнелля въ ирландскомъ дѣлѣ и въ одномъ письмѣ сравнивалъ его роль въ исторіи ирландскаго гомруля съ ролью Кобдена въ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ.

Поведеніе Парнелля и раздоры среди ирландскихъ гомрулеровъ отразились на парламентскихъ выборахъ 1892 г. Правда, эти выборы привели къ пораженію консерваторовъ и либералъ-уніонистовъ, но гладстоніанцы въ соединеніи даже съ ирландскими гомрулерами получили въ палатѣ общинъ большинство только въ 40 голосовъ. Тѣмъ не менѣе, когда вслѣдствіе пораженія въ палатѣ общинъ, консервативное министерство вышло въ отставку, Гладстонъ опять сталъ во главѣ кабинета. Въ февралѣ 1892 г. онъ внесъ въ палату общинъ билль о гомрулѣ, главное отличіе котораго отъ прежняго билля состояло въ томъ, что онъ оставлялъ за Ирландіей право имѣть представителей и въ обще-имперскомъ парламентѣ. Съ поразительною въ 83-лѣтнемъ старикѣ энергіею онъ провелъ этотъ билль черезъ палату общинъ, несмотря на то, что оппозиція прибѣгала къ самой беззастѣнчивой обструкціи. Обсужденіе билля заняло 82 засѣданія. Морлей, который въ этомъ кабинетѣ опять занималъ постъ ирландскаго статсъ-секретаря, напрасно упрашивалъ Гладстона беречь свои силы. Тотъ считалъ своимъ долгомъ давать отвѣты и самыя обстоятельныя разъясненія на самые мелочные вопросы и возраженія, нерѣдко имѣвшія цѣлью только затягивать пренія. Билль прошелъ черезъ палату общинъ, но только большинствомъ всего 34 голосовъ, а въ палатѣ лордовъ онъ былъ отвергнутъ громаднымъ большинствомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ палата лордовъ такъ изуродовала билль объ отвѣтственности предпринимателей, что министерство принуждено было взять билль назадъ. Серьезнымъ измѣненіямъ подвергся въ палатѣ лордовъ и билль объ организаціи сельскихъ совѣтовъ. Въ концѣ концовъ по этому биллю состоялось соглашеніе между обѣими палатами, но, высказываясь въ пользу этого соглашенія, Гладстонъ въ своей рѣчи 1 марта 1894 г. заявилъ о томъ, что наступилъ моментъ рѣшительнаго столкновенія между привилегіями наслѣдственной палаты и палаты, избранной слишкомъ шестью милліонами избирателей. Это была послѣдняя рѣчь Гладстона въ палатѣ общинъ. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ онъ заявилъ въ засѣданіи кабинета о своемъ окончательномъ рѣшеніи выйти въ отставку. Морлей указываетъ двѣ причины этого рѣшенія. Одна и самая главная, по словамъ самаго Гладстона, заключалась въ томъ, что и слухъ, и зрѣніе все болѣе измѣняли 84-лѣтнему старику, а другая—въ разногласіи съ большинствомъ членовъ кабинета по вопросу о значительномъ усиленіи расходовъ на флотъ. На этомъ усиленіи настаивало большинство членовъ кабинета, но Гладстонъ, всю свою жизнь бывшій врагомъ милитаризма и имперіализма, противился обремененію бюджета. Кромѣ того, Гладстонъ предлагалъ распустить палату общинъ и произвести общіе выборы по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ палатъ и о необходимости положить

предѣлъ обструкціи народной волѣ со стороны лордовъ, но кабинетъ нашелъ такой шагъ слишкомъ смѣлымъ.

Послѣ выхода въ отставку Гладстонъ прожилъ еще четыре года, но уже не принималъ болѣе постояннаго участія въ политической жизни. Только въ 1896 году ужасъ турецкой рѣзни въ Арменіи побудилъ его произнести въ Ливерпулѣ знаменитую рѣчь, гдѣ онъ заклеймилъ султана, назвавъ его великимъ убійцей. Въ этомъ же году онъ закончилъ свой дневникъ, который велъ въ теченіе 70 лѣтъ. Послѣдняя запись сдѣлана имъ 29 декабря 1896 г., когда ему исполнилось 87 лѣтъ. Изъ этой записи видно, что Гладстону въ самомъ мрачномъ видѣ рисовалась будущность англійскихъ финансовъ, а о внутренней политикѣ онъ замѣтилъ: «я не вхожу въ вопросы внутренней политики. Писать о нихъ легко, но писать честно почти невозможно». Въ концѣ 1897 года у Гладстона открылась мучительная болѣзнь: ракъ на лицѣ. Среди невыносимыхъ страданій онъ находилъ порою облегченіе, слушая музыку. Не только вся Англія безъ различія партій, но и все образованное человѣчество выражало свою симпатію, удивленіе и почтеніе умирающему Гладстону. Рано утромъ 19 мая 1898 г. его не стало.

Изложеніе политической дѣятельности Гладстона Морлей прерываетъ порою главами, посвященными предметамъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ этой дѣятельности. Такъ, во II томѣ одна глава посвящена обширной корреспонденціи Гладстона. Въ концѣ 70-хъ годовъ Гладстонъ построилъ въ гаварденскомъ замкѣ особую комнату для писемъ и бумагъ и назвалъ ее «Октагонъ». Однихъ «избранныхъ писемъ» Гладстонъ насчитывалъ около 60 тысячъ, да остальныхъ писемъ вмѣстѣ съ слишкомъ 20 фоліантами копій собственныхъ писемъ Гладстона набралось нѣсколько десятковъ тысячъ. Письма къ Гладстону писались на всевозможныхъ языкахъ и касались всевозможныхъ вопросовъ. Среди этой переписки Морлей нашелъ нѣсколько писемъ отъ лицъ, которые по своимъ философскимъ и религіознымъ убѣжденіямъ радикально расходились съ Гладстономъ, но которые считали долгомъ выражать свою къ нему симпатію. Гексли и Дарвинъ, Стеббсъ и Крейтонъ ведутъ съ нимъ переписку, и въ общемъ, замѣчаетъ Морлей, можно съ увѣренностью утверждать, что Гладстонъ параллельно съ политическими вопросами всегда ведетъ полемику по какому-нибудь богословскому, церковному или историческому вопросу. Въ III томѣ есть интересная глава, посвященная пребыванію Гладстона и Морлея въ Біаррицѣ въ декабрѣ 1891 г. и въ январѣ 1892 г. Читая эту главу, поражаешься живостью и разнообразіемъ интересовъ у 80-лѣтняго старика. Морлей въ дневникѣ, который онъ велъ во время своего пребыванія въ Біаррицѣ, записывалъ разговоры съ Гладстономъ; они касались и политики, и исторіи, и литературы. Изъ континентальныхъ литературъ Гладстонъ всего болѣе любилъ и зналъ итальянскую литературу. Мнѣ уже приходилось упоминать о томъ, какъ высоко ставилъ Гладстонъ Данта; въ разговорахъ съ Морлеемъ Гладстонъ замѣтилъ, одна-

ко, что Данта нельзя ставить наравнѣ съ Шекспиромъ, такъ какъ онъ слишкомъ оптимистъ. Интересенъ его отзывъ о Карлѣ I, Кромвелѣ и Елизаветѣ. «Карлъ былъ, безъ сомнѣнія, страшный лгунъ, Кромвель можетъ быть не всегда говорилъ истину, Елизавета была отчаянная лгунья». Въ одномъ изъ разговоровъ съ Морлеемъ Гладстонъ далъ краткую характеристику своей политической эволюціи. Когда Морлей привелъ англійское изрѣченіе: «немногого стоитъ тотъ человѣкъ, который не былъ бы хоть немного радикаломъ въ юности и консерваторомъ въ болѣе зрѣлые годы», Гладстонъ замѣтилъ: «что касается меня, то я думаю, что всѣ измѣненія въ моихъ политическихъ убѣжденіяхъ я могу резюмировать въ слѣдующемъ положеніи: я выросъ въ недовѣріи и нелюбви къ свободѣ и я выучился вѣрить въ нее. Тутъ ключъ ко всѣмъ моимъ измѣненіямъ».

И къ этой собственной характеристикѣ Гладстона три тома сочиненія Морлея служатъ лучшей иллюстраціей.

С. Фортунатовъ.

Война и государственные финансы.

„War and the preparation for war are the two cirkumstances which in modern times occasion the greater part of the necessary expense of all great states".

Adam Smith.

I.

Афоризмъ, что для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги, получилъ давно уже самую широкую извѣстность. Эту истину познало опытнымъ путемъ всякое государство, потому что всякое государство вело войны, а вслѣдствіе этого нуждалось въ средствахъ и переживало тяжелыя времена острой, напряженной финансовой нужды. Любое европейское государство въ своемъ финансовомъ портфелѣ имѣетъ кучу долговыхъ обязательствъ, въ главной своей массѣ обязанныхъ происхожденіемъ необходимости колоссальныхъ затратъ въ военное время. Эти обязательства тяжелымъ бременемъ лежатъ цѣлыми десятилѣтіями, цѣлыми вѣками, на финансахъ страны, истощая ихъ періодическими взносами процентовъ и погашеніями капитальной части долговой суммы. Такъ, наприм., по русской росписи на текущій годъ платежей по государственному долгу назначено 289.299,183 руб. Большая же часть этого долга возникла въ военныхъ цѣляхъ, и первые внѣшніе государственные займы, заключенные при Екатеринѣ II, выплачены окончательно въ недалекомъ прошломъ: такъ долго тяготѣли результаты екатерининскихъ войнъ надъ русскими государственными финансами.

Обычный государственный приходорасходный бюджетъ предусматриваетъ только такіе источники приходовъ и такія статьи расходовъ, которые необходимы для мирнаго, нормальнаго года. Отзвуками военнаго времени, тяжелымъ отголоскомъ стародавнихъ и свѣжихъ побѣдъ, въ такомъ бюджетѣ является только одна статья—платежи по государственному долгу, достигающіе въ Россіи весьма почтенныхъ размѣровъ, почти 16% обыкновеннаго расходнаго бюджета. Нормальный русскій государственный бюджетъ не выноситъ даже вполнѣ опредѣленныхъ расходовъ на желѣзнодо-

рожное строительство: эти расходы вызываютъ спеціальные государственные желѣзнодорожные займы, и, по усвоенному русскою росписью правилу, относятся въ экстраординарную ея часть.

Но не одни только милліардные займы говорятъ о тѣхъ грандіозныхъ, неисчислимыхъ финансовыхъ пожертвованіяхъ Россіи, которыя принесены ею въ тяжелую жертву чудовищному богу войны. Было время, когда попытка русскаго правительства обратиться къ внѣшнему кредиту оканчивалась неудачей, были и такія времена, когда не было и самой мысли о публичномъ кредитѣ. Войны же были всегда, особенно ихъ много было на зарѣ исторіи русской имперіи. Слѣдовательно, при отсутствіи публичнаго кредита, всегда была самая острая нужда въ источникахъ экстраординарныхъ финансовыхъ средствъ. Эта острая, непреодолимая финансовая нужда сыграла въ исторіи русскихъ государственныхъ финансовъ самую выдающуюся и многостороннюю роль.

Войны Россіи до XVIII вѣка почти не оставили послѣ себя финансовыхъ документовъ, поэтому чрезвычайно трудно опредѣлить, какъ и въ какихъ размѣрахъ правительство, вѣчно нуждавшееся въ деньгахъ, использовывало свои финансовые источники. Мы имѣемъ только скудныя и отрывочныя извѣстія о томъ, что тогдашнія войны и смуты угнетали цареву казну, ослабляли народно-хозяйственную жизнь. Въ поискахъ за средствами не брезговали ничѣмъ: взваливали на народъ непосильные налоги, брали силою, угрозою, просьбами и увѣщаніемъ деньги у купцовъ и монастырей, прибѣгали иногда и къ своеобразнымъ займамъ. Такъ, напримѣръ, въ грамотахъ Шуйскаго трогательно описывалось бѣдственное положеніе московскаго государства и говорилось, что «Божьимъ праведнымъ судомъ, а за грѣхъ всего православнаго крестьянства», объявился подъ самой Москвой самозванецъ, «еретикъ» и «воръ», который съ своими друзьями изъ Литвы и «нашими измѣнниками» хочетъ «вѣру крестьянскую попрати, а церкви Божіи осквернити, а Московское Государство до основанія разорити». Необходимо врага отразить, а денегъ нѣтъ: «дворянамъ, и боярскимъ дѣтямъ, и всякимъ служилымъ людямъ на жалованье наша многая казна вышла, а которые монастыри въ нашей державѣ, и тѣхъ монастырей всякая монастырская казна взята и роздана всякимъ служилымъ людямъ на жалованье». Въ виду этого печальнаго положенія государственныхъ финансовъ, Шуйскій обращается къ монастырямъ съ предложеніемъ, чтобы они послали всѣ монастырскія деньги «поклажей» въ Москву. «А какъ всесильный Богъ,—обѣщаетъ грамота,—своею милосердою десницею намъ надо враги побѣду подастъ, и съ измѣнники, съ воры управимся, и мы тое монастырьскую всякую казну исполнимъ вдвое». Вотъ, вѣроятно, чѣмъ, между прочимъ, и объясняются тѣ царскіе дары, которые теперь мы видимъ въ ризницахъ нашихъ старыхъ монастырей... Этими же своеобразными долгами историкъ Соловьевъ, напримѣръ, объясняетъ и то, почему съ такимъ упорствомъ Смоленскъ сопротивлялся полякамъ и сопротивлялся именно въ лицѣ богатыхъ купцовъ, стоявшихъ за Шуйскаго:

эти купцы дали изрядныя суммы Шуйскому въ долгъ и, сдайся они полякамъ, долгъ за Шуйскимъ пропалъ бы на всегда...

Не забираясь въ глубь древнихъ временъ, мы остановимся на исторіи русскихъ государственныхъ финансовъ въ ихъ отношеніи къ войнѣ, начиная съ XVII вѣка.

Въ XVII вѣкѣ Россія, только что пережившая смутное время, вступила въ періодъ усиленнаго государственнаго строительства какъ внутренняго, такъ и внѣшняго политическаго. Изъ исторіи мы знаемъ, что это время было трудною порою русскаго государства. Михаилъ Романовъ и его мать говорили избирателямъ на царство, говорили «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ», что онъ, Михаилъ, на государствѣ «быти не хочетъ». Инокиня Мароа заявляла, что она своего сына не «благословляетъ», что московское государство «разорилось до конца», что «казны государевой на Москвѣ нѣту», и «кому повелитъ Богъ быти государемъ-царемъ и ему, будучи на московскомъ государствѣ, чѣмъ служилыхъ людей жаловати, свои государевы обиходы полнити и противъ пограничныхъ государей стояти» [1]). Государство расло вширь, и этотъ политическій ростъ, обусловленый географическими и политическими причинами, вызывалъ столкновенія московскаго государства съ окружавшими его сосѣдями. Со всѣхъ сторонъ приходилось защищаться отъ недружелюбныхъ сосѣдей, и это разскажетъ вамъ исторія. XVII вѣкъ былъ полонъ кровавыхъ столкновеній московскаго государства съ его сосѣдями. Каждое, даже небольшое столкновеніе, вызывало громадные военные расходы, которые тяжелымъ бременемъ ложились на слабые государственные финансы. Во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ и поискахъ средствъ принимало видное участіе только одно правительство, народъ былъ матеріаломъ, пассивнымъ кирпичомъ, изъ котораго правительство выстраивало зданіе тогдашней Россіи. Въ исторіи этого строительства,—по справедливому замѣчанію одного ученаго изслѣдованія,—выдающимися явленіями считаются войска и финансы: вся исторія тогдашнихъ государственныхъ финансовъ сводится, главнымъ образомъ, къ приспособленію ихъ къ войнѣ, къ военнымъ расходамъ. Расходы на культурныя задачи государства были совсѣмъ почти неизвѣстны тогдашнему бюджету. Судъ и управленіе практиковали такъ называемое кормленіе, которое къ XVII вѣку изъ частно-правового явленія перерождалось въ публично-правовое. Населеніе только отдавало свои средства государственной власти, само же не получало ихъ обратно, какъ это дѣлается въ современныхъ культурныхъ государствахъ.

Многочисленныя войны первой половины XVII вѣка въ финансовомъ отношеніи нужно считать очень дорогими для народа. Войска, въ современномъ значеніи этого слова, у московскаго государства еще не было. Различалось, впрочемъ, два разряда войскъ—армейскій и гарнизонный, эти

---

[1]) Цит. по *Милюкову*: „Госуд. хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великаго. Спб., 1802 г., стр. 1—2.

войска регулярнаго жалованья не получали, а вознаграждались онѣ только «за службы и посылки». «Ежелѣть» выдавалось жалованье только одной стрѣлецкой пѣхотѣ [1]). Даже впослѣдствіи, когда армія была преобразована, солдаты обходились казнѣ очень дешево. Эта дешевка была особенно тяжела для солдатъ. Въ извѣстной книгѣ Посошкова говорится, между прочимъ: «Есть слухъ, что инымъ солдатамъ и по десяти алтынъ денежнаго жалованья не приходитъ на мѣсяцъ... На Вышнемъ Волочкѣ новобранному солдату за вычетомъ осталось двѣ гривны на мѣсяцъ и онъ,—повѣствуетъ Посошковъ,—припявъ деньги, вынулъ ножъ, да брюхо у себя и прорѣзалъ. И сіе явѣ есть, еже не отъ радости тако онъ учинилъ» [2]). Въ другомъ мѣстѣ своего повѣствованія о нуждахъ и печаляхъ русской земли Посошковъ говоритъ: «Надобно служивой людъ беречи, чтобы имъ пужда ни хлѣбная, ни одежная не касалася. Зѣло отъ нихъ слышно, еже къ нимъ на мѣсяцъ и по десяти алтынъ не приходитъ, то чѣмъ ему пропитатися, гдѣ ему взять шуба и иныя потребности, и харчи на что ему купить? И въ таковой скудости будучи, какъ ему не своровать и какъ ему изъ службы не бѣжать?... Не весьма прямо учинено, еже мундиръ солдату дать, а послѣди за весь тотъ мундиръ изъ жалованья мѣсячнаго и вычесть» [3]). Войска, содержимыя на гроши, причемъ населеніе было обязано нести натуральную квартирную повинность, были больнымъ мѣстомъ тогдашней народной жизни. Тотъ же Посошковъ говоритъ: «И при квартирахъ солдаты и драгуны такъ несмирно стоятъ, и обиды страшныя чинятъ, что и исчислить ихъ не мочно; а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ» [4]). Въ концѣ-концовъ и само правительство сознало, что населенію очень тяжело содержать войско: въ указѣ 9 января 1727 года говорится: «Бѣдные россійскіе крестьяне не отъ одного хлѣбнаго недороду и отъ подати разоряются и бѣгаютъ, какъ *отъ несогласія* у офицеровъ съ земскими управителями и у солдатъ съ мужиками» [5]).

Правда, уже въ XVII вѣкѣ московскія войска стараго типа оказались неспособными обслуживать военныя цѣли государства, пришлось реорганизовать всю армію на новыхъ началахъ, заимствованныхъ въ наиболѣе культурныхъ странахъ Запада. Эта дорогая въ финансовомъ отношеніи реформа совершилась не сразу, а постепенно. Сначала московское государство усилило составъ своей арміи наемными войсками иноземнаго строя, такъ называемыми рейтарами. Эти рейтары впервые были употреблены въ дѣло въ извѣстномъ смоленскомъ походѣ Шеина, первой серьезной войнѣ вѣка, въ которой къ тому же была участницей и русская пѣхота, реорганизованная на вышеупомянутыхъ началахъ. Эта новинка обо-

1) См. подробности войсковой организаціи у г. *Милюкова*. Тамъ же, литература вопроса.

2) *Посошковъ*: Сочиненія. М., 1842 г., стр. 32.

3) *Посошковъ*: „Op. cit.“, стр. 40—41.

4) Ibid., стр. 33.

5) См. объ этой повинности у г. Милюкова: „Op. cit.“, стр. 696, 636 и сл.

шлась государственной казнѣ за 14 мѣсяцевъ «смоленской службы» въ 430,000 руб. жалованья, сумма для тогдашняго времени очень значительная. Къ тому же и самый походъ былъ неудаченъ [1]). Послѣ этого перваго опыта правительство переходитъ къ дорогой реформѣ всего русскаго войска... Шеинскій походъ по вызваннымъ имъ расходамъ тяжело легъ на государственные финансы: на него было потрачено 608 тыс. р., т.-е. вдвое больше тогдашняго ежегоднаго военнаго бюджета.

Въ своихъ стремленіяхъ возможно дешевле обставить ратное дѣло правительство XVII в. прибѣгало къ всевозможнымъ мѣрамъ. Такъ какъ для многочисленныхъ войнъ обыкновенной регулярной въ тогдашнемъ смыслѣ арміи не хватало, а увеличить ее, за отсутствіемъ средствъ, не представлялось возможнымъ, то правительство возлагало на населеніе, и безъ того обезсиленное всевозможными налогами, повинностями и истощенное рядомъ войнъ, еще цѣлый рядъ своеобразныхъ повинностей.

Въ нужное время правительство набирало такъ называемыхъ «даточныхъ людей». «Даточные люди набирались съ помѣстій и вотчинъ лицъ, отправлявшихъ гражданскую службу, сидѣвшихъ у дѣлъ по приказамъ въ Москвѣ и по городамъ, съ поземельныхъ владѣній старыхъ, больныхъ, бездѣтныхъ и безродныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, которымъ некого было отправить за себя на государеву службу, также съ помѣстій и вотчинъ недорослей, вдовъ и дѣвокъ; затѣмъ ратную повинность отбывали крестьяне дворцовыхъ селъ, церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ, черныхъ волостей и посадскіе люди» [2]). Сборъ даточныхъ людей разверстывался между населеніемъ аналогично прямымъ денежнымъ налогамъ. Населеніе, поставляя даточныхъ, обязано было за свой счетъ снабдить ихъ полнымъ вооруженіемъ, одеждою, лошадями и провіантомъ на цѣлый годъ и больше, смотря по военнымъ планамъ правительства. Эти требованія обыкновенно сопровождались угрозами строгаго «правежа» и требованіемъ кругового поручительства. Безъ сомнѣнія, подобная мѣра, широко практиковавшаяся въ XVII в., значительно облегчала государственные финансы, хотя въ то же время, разоряя населеніе, она косвенно, но неуклонно наносила вредъ и ущербъ и государственному казначейству. Еще Иванъ Посошковъ писалъ въ своей книгѣ: «Не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много... но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними богатствы» [3]). А взиманіе даточныхъ и разоряло эти «внутреннія богатствы».

II.

Несмотря на то, что тяжесть войнъ XVII в. отзывалась, главнымъ образомъ, на народномъ хозяйствѣ, а не на государственныхъ финан-

---

[1]) *Милюковъ:* „Op. cit.“, стр. 50—52.

[2]) *Лаппо-Данилевскій:* „Организ. прямого обложенія въ Россіи въ XVII в.“.

[3]) *Посошковъ:* Сочин., стр. 1—2.

сахъ, всетаки послѣдніе очень страдали отъ непомѣрнаго напряженія, такъ какъ войны были слишкомъ часты. Обычныхъ рессурсовъ не хватало даже на содержаніе арміи въ мирное время, такъ какъ войско, увеличиваясь во время походовъ, продолжало оставаться въ такихъ увеличенныхъ размѣрахъ и въ немногіе годы замиренія. Расходъ на войско возрасталъ не по днямъ, а по часамъ. Въ концѣ XVII в. онъ увеличился за короткій срокъ въ полтора раза. Приведемъ процентныя даты одной изъ расходныхъ смѣтъ конца XVII в. по окладнымъ суммамъ. Изъ 1.371,218 рублей тратилось:

На военные расходы. . . .	82,9%
» дворцовые » . . .	4,1%
» благотворительность . . .	3,8%
» ямщиковъ.	3,3%
Спеціалистамъ разныхъ дѣлъ, преимущественно военнымъ.	3,5%
Администраціи	1,9%
Медицина	1,5%

Кромѣ того, въ видѣ прямой натуральной подати войскамъ сбиралось хлѣба—613,102 п. и соли—80,181 п. А сверхъ того, изъ бюджета по неокладнымъ сборамъ въ 1.136,637 р. на войско уходило 828,192 р.

Слѣдовательно, главнѣйшія финансовыя средства уходили на войско. Невольно возникаетъ вопросъ о томъ, какими же способами правительство добывало эти средства?

Въ XVII в. правительство пыталось покрыть военные расходы путемъ возможно полнаго и широкаго использованія налоговой способности населенія. Въ ту отдаленную пору налоговая система оригинально отличалась отъ современной; налоговой системы въ строгомъ и опредѣленномъ смыслѣ этого слова не было. Правительство, объявляя новый налогъ или снова опредѣляя окладъ стараго, всего менѣе считалось съ народной налогоспособностью, еще менѣе съ другими условіями обложенія. Правительство нуждалось въ деньгахъ для выполненія опредѣленныхъ задачъ, для достиженія опредѣленныхъ цѣлей и брало эти средства съ населенія въ формѣ налоговъ, всегда почти опредѣляя цѣль налога и окладъ соотвѣтственно текущей государственной потребности. Поэтому налоги носили цѣлевой характеръ. Налоги, имѣвшіе болѣе или менѣе давнее прошлое, оставшіеся въ наслѣдіе отъ стараго времени, такъ, наприм., данныя, полоняничныя деньги, въ тогдашнемъ бюджетѣ играли очень скромную роль: они, конечно, не могли удовлетворять всѣ, быстро растущія, потребности государства. Государство же, подчиняясь силѣ обстоятельствъ, не вырабатывало опредѣленной бюджетной системы финансовыхъ источниковъ, а всегда пыталось приладиться къ обстоятельствамъ путемъ отыскиванія доходовъ ad hoc. Вслѣдствіе такихъ пріемовъ и явились игравшіе въ государственныхъ финансахъ XVII в. громадную роль такъ называемыя «запросныя деньги».

Смоленскій походъ Шеина, обошедшійся правительству въ 608 т. р., вызвалъ, напримѣръ, трату всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ, двѣ «пятыхъ деньги», кромѣ того, для этого же похода стрѣлецкая подать была повышена съ 96 р. на 120, а потомъ на 240 р. съ сохи [1]). Еще колоссальнѣй были финансовыя затраты во время 13-лѣтней борьбы Московскаго государства со Швеціей и Польшей, борьбы, возникшей послѣ присоединенія Малороссіи. Не говоря уже о томъ, что за этотъ періодъ населеніе отдало ужасному богу войны «даточныхъ» въ количествѣ 70,000 человѣкъ, финансовыя пожертвованія были по-истинѣ ужасны. На войны, вызванныя присоединеніемъ Малороссіи (1654—1679 гг.), два раза собиралась «пятая деньга», пять разъ—«десятая», одинъ разъ—«пятнадцатая», одинъ разъ—рублевый сборъ съ торговыхъ людей, съ духовенства и служилыхъ людей и, независимо отъ этихъ сборовъ, въ теченіе двухъ лѣтъ (1670 и 1678 гг.) взимались особые сборы—полтинныя деньги и полуполтинныя. При этихъ сборахъ всегда указывалась военная цѣль, ихъ вызвавшая [2]). Характерной особенностью этихъ чрезвычайныхъ налоговъ XVII в. было то, что они почти не знали сословныхъ привилегій: отъ нихъ стонали и разорялись всѣ общественные классы, правда, не въ одинаковой мѣрѣ; бѣднѣло купечество, оскудѣвало духовенство, разорялись монастыри и церкви, бѣжали, куда глаза глядятъ, простые крестьяне, «черные люди». Такъ, наприм., когда въ 1637 г. выяснилась настоятельная потребность защиты южной границы отъ крымскаго хана и на первый разъ стоимость этой защиты была опредѣлена въ 111½ т. руб., то правительство прямо объявило, что «живущая четь» облагается въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ земель духовенства по 1 р. 20 к., съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель московскихъ чиновъ и гостей—по 60 к., съ посадовъ, черныхъ, дворцовыхъ земель—по 50 к., съ помѣстьевъ и вотчинъ городового дворянства, вдовъ и недорослей—30 коп. А на другой годъ, когда предвидѣлось новое нападеніе хана, былъ объявленъ и новый налогъ—«подымный сборъ» въ 2 р., а съ «пашенныхъ крестьянъ», которые «ничѣмъ не торгуютъ», велѣно было собирать по 1 руб. Все это было повторено и еще одинъ разъ, причемъ для монастырей и духовенства обязанность давать даточныхъ была переложена на деньги.

Особенно ужасна была «пятая деньга». По свидѣтельству г. Милюкова и проф. И. Х. Озерова [3]), установилъ пятую деньгу впервые земскій соборъ 1613—1615 гг. По словамъ же г. Бржевскаго [4]), ссылающагося на «Полное Собраніе Законовъ», и Котошихина, этотъ видъ обложенія широко практиковался и раньше. Въ XVII же вѣкѣ правительственная власть чувствовала себя не особенно твердо и въ такомъ чрезвычайномъ дѣлѣ,

---

[1]) *Милюковъ*: Op. cit., стр. 64, 65.

[2]) Ibid., стр. 74, 75.

[3]) *Милюковъ*: Op. cit., стр. 55. *Озеровъ*: „Общая картина обложенія въ Россіи въ XVII в.“ въ *Русской Мысли*, 1899 г., кн. VI, стр. 56.

[4]) *Бржескій*: „Госуд. долги Россіи“. Спб., 1884 г., стр. 15.

наковымъ является взиманіе ненавистной для народа пятой деньги, прибѣгало къ содѣйствію и авторитету земскаго представительства въ формѣ извѣстныхъ земскихъ соборовъ. Законодательный актъ, установившій въ 1614 г. пятую деньгу, говорилъ: «собирати на ратные люди, кто можетъ отъ живота своего и промыслу на 100 р., а бѣденъ, и съ тѣхъ велѣно имать, сыскивая, по рублю, а кто меньше 10 рублевъ, и съ тѣхъ имати не велѣно». Сборщики понимали свою задачу очень просто, они забирали не пятую часть *дохода,* а пятую часть всего капитальнаго имущества. Въ городѣ Мезени одинъ купецъ, съ имущества котораго, оцѣненнаго въ 523 р. налогъ былъ опредѣленъ въ 123 р. 70 к., уплативъ сорокъ рублей, бѣжалъ съ женой и дѣтьми въ Пустоозеро [1]). Да и не одинъ мезенскій купецъ бѣжалъ отъ повторнаго дѣйствія пятыхъ и иныхъ денегъ. Бросая общій взглядъ на финансовую исторію Россіи XVII в., проф. И. Х. Озеровъ говоритъ, что эта исторія—«печальная исторія запустѣнія нашей земли, исторія бросанія семей, метанія дворишекъ, исторія развитія у насъ несвободнаго класса, захребетниковъ и т. д., это—исторія всеобщаго и поголовнаго бѣгства населенія въ Заволжье, на окраины страны, въ Сибирь, на Донъ, исторія разоренія Россіи,—однимъ словомъ, это мрачная, печальная, надрывающая душу эпопея слезъ и горя русскаго мужика XVII в.» [2]).

Для того, чтобы дорисовать эту картину еще однимъ штрихомъ, упомянемъ также и о томъ, что войны XVII в. вызывали налоговое напряженіе не только въ области прямыхъ сборовъ, но и косвенныхъ. Воеводы и дьяки цѣлымъ рядомъ царскихъ приказовъ настойчиво поощрялись «во всемъ государю искати прибыли съ великимъ радѣніемъ». И дѣйствительно, «радѣніе» было до того сильно, что народъ оскудѣвалъ во всѣхъ отношеніяхъ. Производившіяся въ то время народныя переписи показывали страшную убыль населенія, а это—лучшій показатель народнаго оскудѣнія.

Въ то время необыкновенное развитіе получили откупа и монополіи, понятно потому, что они сразу давали правительству въ руки деньги, а откупщики потомъ уже вѣдались съ народомъ, причемъ, конечно, всякій откупщикъ старался о томъ, чтобы его хлопоты по сбиранію рублей не пропадали даромъ. Отмѣтимъ одну интересную подробность. Грамота 1639 года говоритъ: «Вѣдомо учинилось: въ городахъ... въ недавнее время взяты на откупъ квасъ, сусло, брага... и другіе мелкіе промыслы, которыми въ городахъ живутъ, кормятся и тягло платятъ посадскіе и всякіе жилецкіе люди; въ прежнее время такіе промыслы никогда въ откупу ни за кѣмъ не бывали, а теперь отъ нихъ посадскіе и всякіе жилецкіе люди оскудѣли». Около того же времени псковскій лѣтописецъ заноситъ на свои страницы извѣстіе о томъ, что въ Псковѣ «умышленіемъ воеводъ» взяты

---

1) *Милюковъ*: Op. cit., стр. 55 и сл.

2) Въ *Русской Мысли*, 1899 г., кн. VI, стр. 66.

на откупъ квасники, извозчики, банники и дегтярники [1]). Если теперь мы вспомнимъ, что въ ту пору налоги взыскивались съ свирѣпымъ правежемъ, съ цѣлымъ арсеналомъ настоящихъ пытокъ, то, вѣроятно, получимъ слабое представленіе о томъ, какая эпопея слезъ и горя развертывалась на всей тогдашней Руси, которой нужно было такъ много, много денегъ на ея продолжительныя и частыя войны... Невольно вспоминается при этомъ совѣтъ Гладстона, рекомендовавшаго англійскому парламенту вести войны на налоги, такъ какъ это, будто бы, охлаждаетъ пылъ современниковъ [2]). Русская финансовая исторія знаетъ рядъ войнъ, произведенныхъ на налоги, и эти войны не охладили пыла современниковъ, а только разорили того исполина, который въ самыхъ страшныхъ драмахъ безмолствуетъ...

Но, несмотря на такое страшное напряженіе платежныхъ силъ населенія, всетаки тѣхъ денегъ, которыя давало обложеніе, правительству, занятому войнами, не хватало. Приходилось волей-неволей искать другихъ финансовыхъ источниковъ. Въ отыскиваніи этихъ новыхъ рессурсовъ московское правительство «Америки» не открыло. Оно воспользовалось опытомъ другихъ странъ, гдѣ, подъ давленіемъ аналогичныхъ же обстоятельствъ, пускались въ ходъ всевозможные финансовые насосы. Правительство занялось порчей монеты. Дѣло началось съ небольшого и въ самомъ скоромъ времени пустило очень глубокіе корни. Исторія этого злоупотребленія монетою, по замѣчанію г. Миклашевскаго [3]), еще не совсѣмъ изученная, начинается чуть ли не съ самаго перваго момента появленія на Руси металлическихъ денегъ. Не имѣя возможности останавливаться здѣсь подробно на этой печальной исторіи, мы упомянемъ лишь о томъ, что въ XVII вѣкѣ порча монеты была видной статьей приходнаго бюджета московскаго государства, къ этому опасному средству прибѣгали чуть ли не во всѣ трудныя минуты. Доходъ отъ этой своеобразной финансовой операціи въ бюджетѣ числился, какъ доходъ отъ правительственной регаліи. При Михаилѣ, когда «царская казна была разграблена», «поневолѣ, — говоритъ одинъ документъ, — деньги стали легче дѣлать, чтобы государство было чѣмъ построить». «Да и не новое то дѣло, — оправдывается правительство предъ англійскими купцами, — во многихъ государствахъ то бывало въ воинское время»... и «укоризны въ томъ нѣтъ» [4]). Взглядъ правительства совпадалъ съ мнѣніями многихъ тогдашнихъ людей. Такъ, напримѣръ, современникъ Петра, выпустившаго порченой монеты колоссальное количество, извѣстный Посошковъ, говорилъ по этому поводу: «Иноземцы въ своихъ иноземскихъ деньгахъ сличаютъ цѣну по положенному въ нихъ матеріалу, а не по власти королевской... Мы не иноземцы, не мѣди цѣну исчисляемъ, но имя царя своего величаемъ; намъ не мѣдь дорога, а дорого его цар-

1) *Бржескій:* Op. cit., стр. 16.
2) *Проф. Тарасовъ:* „Оч. науки финанс. права“, 1883 г., стр. 671.
3) „Учен. Записки Имп. Моск. унив. юрид. отд.“. В. IX. М., 1895 г., стр. 553.
4) *Соловьевъ:* „Исторія“, IX, стр. 86.

ское наименованіе. Того ради мы не вѣсъ въ нихъ числимъ, но счисляемъ начертаніе на ней... И по сему разумѣй, еже у насъ не вѣсъ имѣетъ силу, но царская воля. У иноземцевъ короли такой власти не имѣютъ, яко народъ, и того ради короли ихъ не могутъ по своей волѣ что сотворити, но самовластны у нихъ подданные ихъ, а паче купецкіе люди. И тыи купцы по купечеству своему товары въ деньгахъ числятъ, а королевскую персону полагаютъ на нихъ вмѣсто свидѣтеля, что та цата имѣетъ въ себѣ толико товару, за что она идетъ. А по нашему простому разумѣнію, то стало быть королю безчестье, а не честь, что не по имени его деньги въ себѣ силу имѣютъ, но по купеческой цѣнѣ... У насъ толь сильно Его Пресвѣтлаго Величества слово, ащебъ повелѣлъ на мѣдной золотниковой цатѣ положить рублевое начертаніе, тобъ она за рубль и въ торгахъ ходить стала во вѣки вѣковъ неизмѣнно» [1]). Сперанскій въ своей запискѣ «О монетномъ обращеніи» разсказываетъ о другомъ примѣрѣ порчи монеты при Алексѣѣ Михайловичѣ. Были выпущены «мѣдныя ассигнаціи», т.-е. были надѣланы мѣдные рубли, которымъ сообщался принудительный курсъ, равный курсу серебрянаго рубля. Эти мѣдяки тотчасъ послѣ своего появленія на свѣтъ начали падать въ своей цѣнѣ. Лѣтъ черезъ восемь за 15 рублей мѣдныхъ давали уже 1 серебряный, а потомъ за 50 мѣдныхъ — одинъ серебромъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что правительство было вынуждено скупить эти мѣдяки по копейкѣ за штуку [2]).

Въ описываемый Сперанскимъ моментъ государственные финансы пришли въ сильное разстройство. Дешевыя деньги вздули неимовѣрно цѣны, послужили причиной оскудѣнія податныхъ источниковъ, солидныхъ бюджетныхъ дефицитовъ, тринадцатилѣтняя война въ конецъ подорвала и народное хозяйство. Положеніе еще болѣе ухудшилось тѣмъ, что появилась масса «воровскихъ», т.-е. фальшивыхъ денегъ. Лица съ жаждой скорой наживы скупали мѣдь и передѣлывали ее въ деньги, что еще болѣе роняло курсъ денегъ. Назрѣвалъ знаменитый въ исторіи русскаго народнаго хозяйства «мѣдный кризисъ». Противъ фальшивомонетчиковъ принимались строгія мѣры: имъ отрубали руки, заливали горло расплавленнымъ металломъ, отрѣзанныя руки прибивали къ заборамъ на видныхъ мѣстахъ города, но поддѣлка все усиливалась, такъ какъ бояре, преимущественно родственники царя, за взятки скрывали самыхъ усердныхъ фабрикаторовъ. Весною 1662 года [3]) вспыхнулъ народный бунтъ. Царь былъ въ подмосковномъ дворцѣ у обѣдни, когда возмущенная толпа подошла къ церкви и потребовала Алексѣя Михайловича къ себѣ для объясненія. Царица и царевны отъ страха спрятались въ теремѣ, куда, по совѣту царя, скрылись и тѣ бояре-взяточники, выдачи которыхъ требовалъ народъ. Царь просилъ народъ, чтобы ему дали достоять обѣдню, но народъ не ждалъ и требовалъ

[1]) *Посошковъ*: „Сочиненія", 253—4.

[2]) *Сперанскій*: „О монетномъ обращеніи". М., 1876 г., стр. 6. Изд. Имп. общ. ист. и древн. Росс.

[3]) *Соловьевъ*: „Исторія", кн. III, 1894 г., стр. 193 и сл.

своего царя къ себѣ немедленно. Царь, выйдя къ бунтующему народу, сказалъ: «Я — государь. Мое дѣло сыскать и наказать кого доведется по сыску, и вы ступайте по домамъ; дѣла такъ не оставлю, а въ томъ жена и дѣти мои порукою». Но народъ не унимался, царю въ отвѣтъ кричали: «Не дай намъ погибнуть напрасно, буде добромъ тѣхъ бояръ не отдашь, то мы станемъ брать ихъ у тебя сами, по своему обычаю»... Въ отвѣтъ на эти рѣчи пустили въ дѣло стрѣльцовъ, и въ результатѣ человѣкъ сто утонуло въ рѣкѣ, тысячъ семь перерѣзали, потомъ долго продолжался сыскъ и судъ, долго рѣзали языки, руки, рубили головы, и Москва затихла, но жалобы на мѣдныя деньги не затихли до тѣхъ поръ, пока правительство не изъяло ихъ изъ употребленія.

Вплоть до Екатерины II правительство, постоянно предпринимавшее походы, не переставало изыскивать средства для своихъ войнъ двумя испытанными способами: налогами и порчей монеты. Военные расходы особенно увеличились при Петрѣ Великомъ. Онъ преобразовалъ по лучшимъ образцамъ пѣхоту, учредилъ флотъ, причемъ на коммерческія «кумпанства» была возложена обязанность строить корабли (вмѣсто десятой деньги). Впослѣдствіи эта обязанность снова была переложена на деньги, такъ какъ завѣдывали этими «кумпанствами» заядлые взяточники, одинъ изъ которыхъ умеръ «со стыда и печали»... Петръ напрягъ платежныя силы народа до невозможнаго maximum'а. Его предшественники, подъ давленіемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, произвели въ организаціи обложенія рядъ реформъ, перейдя отъ старинной единицы обложенія — «сохи», къ подворной подати. Обложеніе двора привело къ тому, что населеніе каждаго двора страшно уплотнилось. Сама жизнь наталкивала Петра на подушную подать, что Петръ и сдѣлалъ. Воспользовавшись однимъ проектомъ, смѣлый реформаторъ ввелъ подушную подать, вооруженную паспортною системою. «Впредь изъ губерніи въ другую губернію *безъ писемъ* никого не пускать».

Петръ, вводя подушную подать, однимъ штрихомъ сразу обрисовалъ цѣль преобразованія: по его плану подушная подать должна обезпечить содержаніе арміи, и вотъ размѣры военныхъ расходовъ и послужили окладомъ для новаго налога [1]). Кромѣ валового насоса, которымъ Петръ выкачивалъ деньги изъ всѣхъ классовъ тогдашней Россіи, онъ прибѣгалъ и къ порчѣ монеты, и къ конфискаціи имуществъ. Имѣнія Цыклера, Соковнина и Пушкина давали послѣ конфискаціи оброкъ въ 1,224 р., который шелъ на содержаніе Преображенскаго приказа.

Подушная подать, конечно, не могла дать Петру, мало считавшемуся съ платежными силами населенія, столько денегъ, сколько ему нужно было: народъ былъ такъ разоренъ, что повсюду накапливались чудовищныя недоимки, побороть которыя не въ силахъ были самыя крутыя мѣры. Поэтому войны Петра производились главнымъ образомъ насчетъ монетной «регаліи». Денежную политику Петра вспомнили въ 1801 году на засѣда-

1) *Милюковъ*: Op. cit., стр. 563.

ніи государственнаго совѣта, когда читалась записка «Объ уменьшеніи въ Россіи золотыхъ и серебряныхъ монетъ». Въ этой запискѣ говорилось: «Крайнее истощеніе, въ которое государство приведено было въ началѣ минувшаго столѣтія шведскою войною, заставило Великаго Монарха прибѣгнуть къ непозволительному средству для наполненія своихъ недостатковъ. Испорчена была мѣдная монета въ количествѣ, въ какомъ она никогда не была прежде» [1]). И дѣйствительно, въ одномъ только іюнѣ мѣсяцѣ 1723 года былъ сдѣланъ *новый* выпускъ неполноцѣнныхъ пятикопѣечниковъ на полмилліона рублей... О вредѣ такихъ операцій говорила Петру и бергъ-коллегія, убѣждая, «что нѣсть полезно нынѣ много денегъ дѣлать» [2]) и Лефортъ, называвшій прибыль отъ такой «регаліи» «profit chimérque [3]). Раздавались голоса и въ обществѣ, протестовавшіе противъ этихъ операцій. Но все было напрасно: выпуски мѣдныхъ денегъ шли одинъ за другимъ, портилась и серебряная монета, причемъ она обезцѣнивалась такъ, что правительство получало около 150% прибыли на 100. Россія переживала рядъ кризисовъ, войны вызывали новые налоги и новое обезцѣненіе денегъ. Русскій рубль, равнявшійся въ XVI в. ста нынѣшнимъ, въ XVIII вѣкѣ сталъ равенъ только девяти [4]). Обезцѣнивалась и мѣдная монета: въ 1658 г. за рубль серебромъ давали 1 руб. 4 коп. мѣдью, а лѣтомъ 1663 г.—уже 15 руб. Все это страшно ломало товарныя цѣны. Во время знаменитаго пятилѣтняго кризиса (1659—1663 гг.), когда было «чрезвычайное затрудненіе въ торговыхъ оборотахъ» и «разореніе въ конецъ многихъ семействъ», четверть ржи въ Вологдѣ, въ сентябрѣ 1661 г., на мѣдныя деньги стóила 1 р. 20 к., а въ маѣ 1662 г.—уже 25 р. [5]). А вѣдь Вологда при тогдашнихъ путяхъ сообщенія была очень далека отъ Москвы, и цѣны тамъ ломаться такъ быстро, какъ это происходило въ Москвѣ, не могли. И это въ то время, когда, по словамъ Устрялова, въ Вологдѣ населеніе относилось къ правительству съ бóльшимъ довѣріемъ, чѣмъ въ столицахъ [6]).

III.

Нѣтъ сомнѣнія, что мѣдный кредитъ не могъ быть безграничнымъ: чѣмъ дальше заходило злоупотребленіе монетою, тѣмъ меньше дохода давала эта операція. Военные же расходы, какъ это показываетъ исторія Россіи, все возрастали. Правительства, смѣнившія Петра, фактически уже

---

[1]) Арх. гос. сов., т. III, ч. I, стр. 417.

[2]) 1-е полн. собр. зак., № 3748.

[3]) Сб. р. ист. об., т. III, стр. 370 и сл.

[4]) *Ключевскій:* „Россійскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему“. М., 1884 г.

[5]) Статья *Суворова* въ „Арх. ист. и практич. свѣдѣній, относящихся до Россіи“, кн. V. Спб., 1863 г.

[6]) *Устряловъ:* „Русская исторія“ 1837 г., стр. 242—3.

не могли черпать средства для своихъ войнъ тѣми же насосами, что и ихъ предшественники. Все возможное было использовано въ исчерпывающей полнотѣ. Приходилось отыскивать другіе насосы. Жизнь и опытъ западныхъ странъ подсказывали русскому правительству мысль о бумажныхъ деньгахъ. Было два обстоятельства, наталкивавшихъ правительство на путь бумажноденежнаго кредита. Съ одной стороны, съ развитіемъ политической жизни, получившей толчокъ въ реформахъ Петра, втянувшаго Россію на арену міровой политики, завязавшаго съ Западомъ довольно оживленныя сношенія, значительно осложнились задачи государственнаго управленія: предстояло удовлетвореніе многихъ насущныхъ потребностей, запросовъ, шедшихъ со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ мѣстъ воскресавшей страны. Дефекты административнаго аппарата вообще и финансоваго строя въ частности сказывались больнѣе, осязательнѣе, — все это наталкивало на необходимыя преобразованія. Съ другой стороны, къ этому времени далеко еще не закончилась работа другого характера, по внѣшнимъ дѣламъ Россіи, которая все еще продолжала округлять свои владѣнія, захватывая новыя страны, обороняясь отъ недружелюбныхъ сосѣдей, которые не могли, конечно, спокойно смотрѣть на внѣшній ростъ молодой державы. Эти первостепенныя задачи требовали колоссальныхъ финансовыхъ затратъ и правительству, имѣвшему въ своемъ распоряженіи болѣе чѣмъ скромный бюджетъ, къ тому же, страдавшій хроническими дефицитами, приходилось заняться поисками новыхъ источниковъ рессурсовъ.

Между прочимъ, въ странѣ упорно раздавались жалобы на то, что мѣдная громоздкая монета страшно затрудняетъ обращеніе и стѣсняетъ торговый оборотъ. Правительство пошло навстрѣчу жалобамъ на затруднительность денежной циркуляціи. Оно учреждаетъ въ 1757 г. «вексельные банковые обороты», а затѣмъ аналогичные имъ «печатные указы» [1]). Но все это было организовано такъ, что мало удовлетворяло купцовъ. Тогда правительство учреждаетъ мѣдный банкъ, или, какъ выражается законъ, «банковыя конторы вексельнаго производства». Но мѣдный банкъ не удержался на позиціи конторы «вексельнаго производства». Правительство не замедлило воспользоваться имъ, какъ источникомъ нужныхъ ему рессурсовъ. Фактически цѣль мѣднаго банка свелась къ тому, чтобы удержать въ рукахъ правительства серебряную монету [2]). Были и другіе недочеты въ дѣятельности этого кредитнаго учрежденія. Екатерина, наприм., такъ отзывалась о дѣятельности мѣднаго банка: «Щедрость сената доходила до того, что мѣднаго банка трехъ милліонный капиталъ почти весь роздали заводчикамъ, кои, уничтожая заводскихъ крестьянъ работы, платили либо безпорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятыя изъ казны деньги въ столицѣ» [3]). Также былъ неудаченъ опытъ и съ учрежденіемъ госу-

---

[1]) *Сб. И. Р. И. Об.* Т. XXVIII, стр. XIII.

[2]) *Печоринъ.* „Наши госуд. ассигнаціи. Въ *Вѣстн. Евр.* 1876 г., кн. VIII., стр. 608. *Шторхъ.* „Матеріалы по исторіи госуд. денежн. знаковъ въ Россіи съ 1653 по 1840 гг.“ Спб. 1868 г., стр. 27.

[3]) *Русск. Арх.* 1865 г., стр. 985.

дарственнаго заемнаго банка [1]), который имѣлъ, между прочимъ, цѣлью организовать на широкихъ началахъ кредитъ, такъ какъ отовсюду шли жалобы на ростовщиковъ, на самомъ же дѣлѣ превратился въ правительственную кассу, откуда брались суммы для надобностей военнаго времени. При этомъ изъ него тщательно выбиралась нужная для правительства серебряная монета...

Всѣ эти первые шаги, навѣянные отчасти примѣромъ Запада [2]), неудержимо приводили правительство къ бумажнымъ деньгамъ. Мысль эта то и дѣло мелькаетъ въ документахъ тогдашняго времени. Правительство хотѣло путемъ учрежденія бумажныхъ денегъ разрѣшить сразу три очень важныхъ задачи: удовлетворить насущныя потребности страны въ кредитѣ, въ удобныхъ знакахъ денежнаго обращенія и, главнымъ образомъ, правительственную потребность въ эластичномъ и легкомъ источникѣ чрезвычайныхъ рессурсовъ. Всѣ эти три потребности унифицировались въ объединяющемъ ихъ средствѣ удовлетворенія, и послѣдняя потребность въ новомъ финансовомъ источникѣ, подъ давленіемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, въ самомъ скоромъ времени заняла превалирующую позицію, вытѣснивъ изъ правительственной программы первыя двѣ...

Нужно замѣтить, что въ данномъ случаѣ Россія повторила то, что испытывали на себѣ и другія страны. Англія, Франція, Австрія, Италія и другія страны Запада въ затруднительныхъ обстоятельствахъ своей политической жизни, въ былое время, охотно прибѣгали къ пользованію бумажноденежнымъ обращеніемъ, какъ источникомъ финансовыхъ рессурсовъ. Причина этого вреднаго для народнаго хозяйства явленія лежала въ томъ, что потребности государства обычно возрастали гораздо быстрѣе, чѣмъ государственные доходы, развитіе политической жизни страны всегда опережало развитіе народно-хозяйственной жизни, по отношенію къ которой правительства прошлыхъ временъ преслѣдовали только однѣ фискальныя цѣли. Естественно, что при такихъ условіяхъ бюджетъ государства всегда имѣлъ хроническую наклонность къ дефицитамъ и уже нисколько не гарантировалъ благополучнаго баланса въ тѣхъ случаяхъ, когда неблагопріятныя обстоятельства внѣшняго или внутренняго характера заставляли правительство напрягать свои финансовыя средства. Достаточно вспомнить, напримѣръ, эпоху наполеоновскихъ войнъ, когда, по замѣчанію И. И. Кауфмана, не было европейскаго государства изъ боровшихся съ Наполеономъ, которое не прибѣгало бы къ значительнымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ, когда повсюду останавливался размѣнъ на звонкую монету и цѣнность бумажноденежныхъ знаковъ сводилась къ нулю [3]). Въ эту печальную для всей Европы годину потребовались громадныя средства, потребовались они сразу для всѣхъ континентальныхъ государствъ, боровшихся съ Наполеономъ за сохраненіе своей политической и національной независимости.

[1]) 1-е Полн. Собр. Зак. № 10235.

[2]) См. въ доказательство, наприм., П. С. З. №№ 10235, 13219 и др.

[3]) *И. И. Кауфманъ.* „Госуд. долги. Въ *Вѣст. Евр.*" 1885 г., янв.

Внѣшніе займы по условіямъ тогдашняго времени были немыслимы, приходилось довольствоваться незначительными пособіями отъ Англіи и использовывать денежное обращеніе...

Въ наши дни, въ странахъ просвѣщеннаго Запада, выработалось бюджетное право, по которому бюджетъ государства опредѣляется волей народнаго представительства, подлежитъ обсужденію и контролю этого члена публичной власти, что въ значительной мѣрѣ гарантируетъ устойчивость бюджета въ нормальное время и строгое соотвѣтствіе между доходами и расходами, такъ что въ обычное, тихое время врядъ ли правительствамъ западно-европейскихъ странъ придетъ на мысль пользоваться денежнымъ обращеніемъ, какъ источникомъ чрезвычайныхъ рессурсовъ. Въ періодъ же осложнившихся обстоятельствъ—продолжительныхъ войнъ, сильныхъ экономическихъ потрясеній, общественныхъ бѣдствій, когда отъ государства требуются значительныя финансовыя жертвы, страны Запада имѣютъ у себя подъ рукою весьма важный и богатый финансовый источникъ, это—займы. Этотъ новый источникъ создался сравнительно въ недавнее время, когда кредитъ сдѣлался могучею силою современнаго общественно-экономическаго быта, когда промышленная жизнь достигла необычайнаго развитія, и на денежныхъ рынкахъ стали появляться колоссальные свободные капиталы, ищущіе выгоднаго помѣщенія...

Раньше все это или только еще начиналось, или даже совсѣмъ и не зарождалось. Поневолѣ искали другихъ выходовъ изъ затруднительнаго положенія. Кромѣ того, побуждающимъ мотивомъ къ пользованію бумажными деньгами служило и то положеніе, которое правительства отдѣльныхъ странъ заняли по отношенію къ бумажнымъ деньгамъ. Правительства были исключительными лицами, регулировавшими денежное обращеніе, что всегда могло разстроить самую блестящую денежную систему и навлечь на страну неисчислимыя бѣдствія. Теперь же въ большинствѣ европейскихъ государствъ организація денежнаго обращенія настолько удовлетворительна, что она прочно и вѣрно защищаетъ денежную систему отъ всякихъ поползновеній. Вообще же правовое государство всегда отличается заботами и попечительствомъ объ истинныхъ нуждахъ народа, всегда ставитъ пользу народа основаніемъ своихъ разсчетовъ, охотно прислушивается къ голосу науки, познающей законы народно-хозяйственной жизни и предостерегающей смѣльчаковъ, пытающихся безнаказанно ихъ нарушить. Все это гарантируетъ такимъ государствамъ если не полное исчезновеніе попытокъ пользованія бумажно-денежнымъ обращеніемъ, то, по крайней мѣрѣ, внимательное и бережное отношеніе къ этому опасному по своимъ послѣдствіямъ средству...

Наиболѣе видные и авторитетные изслѣдователи бумажныхъ денегъ утверждаютъ, что долго еще не прекратятся попытки пользоваться ими въ качествѣ экстраординарныхъ рессурсовъ. Такъ, наприм., Ад. Вагнеръ говоритъ, что несмотря на вредъ бумажно-денежнаго обращенія для народнаго хозяйства въ его цѣломъ, «множество лицъ, даже отдѣльныя сосло-

вія, умѣютъ извлекать для себя выгоду изъ бѣдствій, причиняемыхъ обществу и отдѣльнымъ лицамъ бумажными деньгами» [1]). Есть защитники бумажныхъ денегъ и по самымъ высокимъ мотивамъ. «Безпрестанно,— говоритъ Милль,—появляются прожектеры съ планами исцѣленія всѣхъ экономическихъ бѣдствій посредствомъ неограниченнаго выпуска неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Правда и то, что есть въ этой мысли большая очаровательность. Возможность уплатить государственный долгъ, покрывать правительственные расходы безъ налоговъ—и ни больше, ни меньше, какъ обогатить каждаго человѣка въ обществѣ—это программа блестящая, если только можно думать, что можно исполнить ее печатаніемъ нѣсколькихъ словъ и цифръ на лоскуткахъ бумаги» [2]).

Эти надежды, можетъ быть и поневолѣ, питала и Россія въ лицѣ цѣлаго ряда ея правительствъ и тяжелымъ опытомъ, начиная съ 29 декабря 1786 года—момента введенія въ странѣ денегъ—и до 1896 года, до золотой валютной реформы, испытывала на себѣ иллюзорность этихъ мечтаній, переживала всѣ тѣ ужасныя по своимъ размѣрамъ несчастныя послѣдствія, которыми сопровождается наводненіе страны бумажными деньгами.

Мысль о бумажныхъ деньгахъ, какъ источникѣ чрезвычайныхъ ресурсовъ, зародилась еще до Екатерины I. Еще Петръ I сильно увлекался этой идеей, онъ завязалъ даже сношенія съ знаменитымъ французскимъ финансовымъ дѣятелемъ Джономъ Ло, котораго во Франціи иронически называли несравненнымъ математикомъ, запрятавшимъ Францію по всѣмъ правиламъ алгебры въ госпиталь. При Петрѣ на русскій языкъ было переведено сочиненіе Ло «Consideration sur le numéraire» подъ заманчивымъ заголовкомъ: «Деньги и купечество, разсуждено съ предлогами къ привосокупленію въ народѣ денегъ, черезъ г. Ивана Ляуса». «Предлоги» очень понравились царю, вѣчно нуждавшемуся въ «привосокупленіи денегъ». Петръ приглашалъ Ло въ Россію, обѣщалъ ему княжескій титулъ, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званіе оберъ-гофмаршала, андреевскій орденъ, двѣ тысячи душъ, право строить укрѣпленные города и т. д. Если же Ло не согласится на эти приманки, то Петръ приказывалъ своему парижскому послу узнать секретъ Ивана Ляуса или переманить въ Россію его сыновей и зятьевъ, буде окажется, что они знаютъ секретъ своего знаменитаго родственника. Ло не удалось пріѣхать въ Россію, хотя онъ обѣщалъ Петру пріѣхать къ нему послѣ того, какъ онъ составитъ «счастіе Франціи» [3])...

Послѣдующія правительства долго не осуществляли идей бумажныхъ денегъ, хотя имъ и подавались проекты такихъ денегъ. Такъ, наприм., въ царствованіе Елизаветы былъ поданъ подобный проектъ чиновниками Шлаттеромъ и Мелессиномъ. Но сенатъ отвергъ эту мысль, такъ какъ онъ

---

1) *Вагнеръ.* „Русскія бум. деньги. Перев. Н. Бунге. 1871 г., стр. 4.

2) *Милль Д. С.* „Основан. политич. экономіи". 1865 г., т. II, стр. 69.

3) *Гурьевъ.* „Реформа денежн. обращенія", стр. 8—10. *Горнъ.* „Джонъ Ло. Перев. 1885 г., стр. V—VI.

находилъ, что «сіе весьма предосудительно будетъ, что вмѣсто денегъ будутъ ходить бумажки, да и опасно, чтобы не подать причины впредь къ худымъ разсужденіямъ». Сенатъ Елизаветы думалъ, что бумажныя деньги будутъ хуже пятикопеечниковъ, «ибо мѣдные пятикопеечники внутреннюю доброту мѣди имѣютъ, около 8 руб. за пудъ, а билеты уже никакой и внутренней доброты имѣть не будутъ» [1]).

Но не прошло и 20 лѣтъ, какъ мысль о бумажныхъ деньгахъ снова всплываетъ въ сознаніи русскихъ финансовыхъ дѣятелей. Въ 1762 году при смѣтѣ въ 16.592,660 руб. дефицитъ достигъ огромной суммы—въ 1.152,023 руб. 97¾ к. [2]). Что было особенно печально, такъ это то, что дефицитъ касался обыкновенныхъ статей государственнаго бюджета, а, между прочимъ, предстояли еще крупные расходы, избѣгнуть которыхъ было рѣшительно невозможно. 18 мая 1762 года состоялось засѣданіе «учрежденнаго при дворѣ собранія», на которомъ тайнымъ совѣтникомъ Волковымъ было прочитано «подписанное Его Величествомъ повелѣніе, въ томъ состоящее, чтобы: 1) стараться получить отъ Даніи наслѣдныя Его Величества земли силою и къ тому не токмо все потребное пріуготовать, но и дѣйствительно за дѣло приниматься; 2) чтобы армія всегда въ хорошемъ состояніи была и никакого недостатка не претерпѣвала; 3) чтобы потребныя для сего денежныя суммы имѣть и въ готовности содержать... и 5) чтобы не оставлять въ небрежности и прочія обширныхъ здѣшнихъ областей границы». Поэтому собранію предстояло серьезно подумать о деньгахъ, такъ какъ въ воздухѣ запахло порохомъ. На этомъ же засѣданіи словесно тотъ же докладчикъ объявилъ, что войну съ Даніей императоръ считаетъ дѣломъ «нужнымъ и справедливымъ» и хочетъ, чтобы его повелѣнія исполнились «найскорѣе возможнѣйшимъ образомъ». Отъ сената требовалось, чтобы онъ «найскорѣйше» отыскалъ четыре милліона, а такъ какъ сдѣлать это было очень трудно, то черезъ того же Волкова было предложено, что «удобное и ближайшее къ тому средство—въ дѣланіи банкоцеттелей» [3]).

Итакъ, бумажныя деньги нужны были, какъ удобное средство къ «скорому полученію денегъ», такъ необходимыхъ для предстоявшихъ военныхъ цѣлей.

18 мая было засѣданіе по вопросу о дефицитѣ и предстоящей войнѣ, а 25 мая вышелъ уже указъ, учреждавшій въ странѣ банкъ съ правомъ выпуска банкоцеттелей. Указъ [4]) не говорилъ объ истинной цѣли вводимыхъ банкоцеттелей, а возвѣщалъ, что «хотимъ теперь собственно отъ насъ сіе важное всей имперіи, а паче купечеству и коммерціи показать благодѣяніе и для того повелѣваемъ: надѣлать какъ наискорѣе банковыхъ би-

[1]) *1-е Полн. Собр. Зак.* № 8940.
[2]) *П. С. З.* № 11489.
[3]) *Соловьевъ.* XV т. стр. 357. (Прилож.).
[4]) Полн. собр. зак. № 11550.

летовъ на 5.000,000 руб. и чрезъ сіе повелѣваемъ, чтобъ сіи билеты и въ самомъ дѣлѣ за наличную монету ходили».

Высочайшая воля, выраженная въ приведенномъ указѣ, въ исполненіе приведена не была, такъ какъ случился дворцовый переворотъ, и на мѣсто Петра III взошла его супруга Екатерина II.

Екатерина въ началѣ своего царствованія держалась иного взгляда на банковое дѣло, и этотъ взглядъ не сходился со взглядами ея предшественника-супруга. Она писала, что банкъ «не что иное, какъ вѣрное хранилище денегъ», что «банковъ безъ большого числа денегъ учредить не можно», а «всѣмъ извѣстно, сколь мало еще въ народѣ денегъ: хотя исчислить и со временъ царя Алексѣя Михайловича, то ни по пяти рублей на каждаго человѣка, живущаго въ имперіи нашей, не придетъ» [1]). Отвергнувъ проектъ и законъ своего вѣнценоснаго супруга, Екатерина прежде всего выпустила неполноцѣнной мѣдной монеты по 16 руб. изъ пуда [2]).

Все свое вниманіе новая императрица обратила на улучшеніе народно-хозяйственной жизни и государственнаго хозяйства. Свое царствованіе императрицѣ пришлось открыть слѣдующими печальными словами ея перваго указа: «Государственная казна истощена, излишнихъ расходовъ пріумножено, отчего неисчислимыя пріумножаются въ государствѣ непотребности» [3]). Въ особенно печальномъ положеніи находились государственные финансы. Царица съ ужасомъ смотрѣла на нихъ и писала: «при вступленіи на престолъ нашла я сухопутную армію въ Пруссіи, за двѣ трети жалованья неполучившую. Въ штатсъ-конторѣ именные указы на выдачу 17 милл. невыполненные. Почти всѣ отрасли торговли отданы частнымъ лицамъ въ монополіи. Таможни всей имперіи сенатомъ даны были на откупъ за два милліона. Шестьдесятъ милліоновъ (монеты), кои оставались въ имперіи, были двѣнадцати различныхъ вѣсовъ; серебряныя деньги отъ 82 пробы по 68-ю, мѣдныя отъ 40 до 32 руб. въ пудѣ» [4]). Не менѣе, если не болѣе, было плачевно и управленіе финансами. Центральные органы почти не знали управляемой страны и не имѣли свѣдѣній о платежныхъ силахъ населенія. Такъ, напримѣръ, сама Екатерина разсказала слѣдующій случай. Въ началѣ ея царствованія сенатъ исчислялъ государственные доходы въ 16 милл. руб., а послѣ провѣрки оказалось, что они равны 28 милл. Справедливо указываетъ г. Судейкинъ, что эта крупная неточность въ опредѣленіи доходовъ въ достаточной мѣрѣ объясняется своеволіемъ мѣстныхъ органовъ управленія [5]).

Екатеринѣ прежде всего пришлось считаться съ крупнымъ дефицитомъ, оставшимся ей въ наслѣдство отъ Петра III. Этотъ дефицитъ въ милліонъ слишкомъ рублей былъ для того времени очень значителенъ, вотъ почему

---

1) *Соловьевъ*, т. XX, стр. 191.
2) *Шторхъ*: „Матеріалы".
3) Указъ 23 іюля 1762 г.
4) Сб. И. Р. И. О. *Куломзинъ*: „Финанс. докум.", т. XXVIII.
5) *Вл. Судейкинъ*: „Госуд. банкъ", стр. 57.

черезъ пять дней по восшествіи на престолъ Екатерина уже присутствуетъ въ сенатѣ, гдѣ дебатируется вопросъ о «недостачѣ» денегъ. Г. Миклашевскій говоритъ, что эта недостача была покрыта личными деньгами императрицы [1]). Документы же говорятъ, что были выпущены неполноцѣнныя деньги [2]). Кромѣ того, тутъ же былъ изданъ указъ о продажѣ нѣкоторыхъ земельныхъ государственныхъ имуществъ [3]); земли продавались, «какъ для удобства помѣщикамъ, такъ и для казны при нынѣшнихъ недостаткахъ».

Въ борьбѣ съ хроническими дефицитами прибѣгали ко всякимъ средствамъ. Не избѣгли, конечно, и повышенія налоговъ. Нѣкоторые историческіе документы говорятъ, что Екатерина не охотно прибѣгала къ повышенію налоговъ, но внимательное чтеніе «архива государственнаго совѣта» того времени убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ это царствованіе налоги были подняты до такой степени, что дальнѣйшее повышеніе ихъ было бы все равно безрезультатно. Екатерина, конечно, фантазировала, когда писала Вольтеру: «наши налоги такъ необременительны, что въ Россіи нѣтъ мужика, который не имѣлъ курицы, когда онъ ее захочетъ, а съ нѣкоторыхъ поръ (вѣроятно, момента ея вступленія на престолъ), онъ предпочитаетъ индѣекъ курамъ» [4]). По офиціальнымъ даннымъ въ 1789 году «каждый крестьянинъ, не исключая ни престарѣлыхъ, ни малолѣтнихъ, платятъ отъ восьми до десяти рублей» [5]). Еще въ 1771 г. государственный совѣтъ разсматриваетъ проектъ о передѣлѣ мѣдныхъ пушекъ въ деньги, а за годъ передъ этимъ разсматриваются образчики мѣдныхъ рублевиковъ. Въ томъ же 1771 году заслушивается письмо русскаго посланника въ Берлинѣ о «проектѣ жида Ефраима» о «дѣланіи худой монеты для употребленія въ Польшѣ». Совѣтъ постановилъ проектъ отвергнуть, такъ какъ объ этой операціи могутъ узнать въ Польшѣ и поднять цѣны. Въ 1772 г. проектъ Ефраима снова фигурируетъ въ совѣтѣ и уже передается на заключеніе генералъ-прокурора, тогдашняго министра финансовъ [6]).

Во время приготовленія къ первой турецкой войнѣ и первому раздѣлу Польши государственный совѣтъ разсуждалъ о «сдѣланіи польской монеты на нынѣшіе случаи». Затѣмъ, предполагая, что денегъ на закупку воинскаго фуража не хватитъ, совѣтъ рѣшилъ, «по примѣру 1737 г.», запретить въ Малороссіи винокуреніе, произвести между жителями раскладку необходимаго провіанта, «а когда кто положенное число провіанта поставитъ, тому, давъ въ пріемѣ квитанцію, дозволитъ курить вино» [7]). Все это, конечно, показываетъ, что государственные финансы находились въ

---

[1]) *Проф. Миклашевскій*: „Op. cit.“, стр. 568.
[2]) См. цитату выше. *Шторхъ*: „Матеріалы“.
[3]) Полн. собр. зак. № 11624.
[4]) Сб. И. О., т. X. „Письма Ек. къ Вольтеру“.
[5]) Арх. гос. сов., т. I, ч. 2, засѣд. 25 сент. 1789 г.
[6]) Арх. гос. сов., т. I, ч. 1, стр. 311, 313.
[7]) Арх. гос. сов., т. I, ч. 1, стр. 9, 10.

очень печальномъ положеніи, а на очереди стояли крупныя войны. Войны очень тревожили правительство своей финансовой стороной, хотя Екатерина и писала Вольтеру успокоительное письмо, гдѣ говорила: «правда, что у насъ война, но Россія давно уже занимается этимъ ремесломъ и послѣ каждой войны выходитъ побѣдительницей».

Несмотря на то, что правительство Екатерины сумѣло прибѣгнуть къ внѣшнимъ займамъ, и за время этого царствованія было занято 43.307,836 руб. [1]), всетаки займовъ не хватало [2]). Турецкая война поглощала очень много денегъ. Уже въ 1769 г. «предложенія» генералъ-прокурора носятъ тревожный характеръ. Такъ, 23 апрѣля онъ доноситъ совѣту, что «по росписанію потребно на нынѣшній годъ на чрезвычайные расходы болѣе шести милліоновъ, однако посредствомъ займа нынѣшняго года недостатка не будетъ, на будущій же годъ по одному росписанію недостаетъ 2.900,000 р.». Поэтому онъ предлагалъ членамъ совѣта измыслить, чѣмъ покрыть этотъ дефицитъ [3]). На предложеніе нѣкоторыхъ членовъ повысить податные оклады, Екатерина объявила, что такое повышеніе она считаетъ крайнимъ средствомъ. Тогда рѣшено было предложить купцамъ за извѣстную сумму выписывать себя и свое потомство изъ подушнаго оклада, увеличена стоимость ведра водки до 3 руб., что давало лишнихъ денегъ до милліона рублей, были обложены «чрезвычайною податью» всѣ фабрики, заводы и все положенное въ подушный окладъ купечество. Мало того, прибѣгли даже къ сокращенію государственныхъ расходовъ [4]). Но всего этого было недостаточно для покрытія предстоящихъ расходовъ. Вотъ въ это-то время и была подана графомъ Сиверсомъ извѣстная записка, проектировавшая выпуски «банкоцеттелей», гдѣ вполнѣ опредѣленно указывалось, что въ случаѣ острой нужды правительство всегда можетъ надѣлать банкоцеттелей и ими покрыть свои расходы [5]). Правительство, недавно вооруженное противъ подобныхъ проектовъ и отвергшее извѣстный указъ Петра III, обѣими руками ухватилось за проектъ Сиверса и немедленно рѣшило, что слѣдуетъ «для начинающейся войны на расходы первой кампаніи учредить бумажныя ассигнаціи». Проектъ выпуска ассигнацій было поручено составить генералъ-прокурору Вяземскому, а 29 декабря 1768 г. были уже изданы манифестъ и указъ сенату объ учрежденіи ассигнаціоннаго банка съ правомъ выпуска ассигнацій [6]).

Манифестъ не говорилъ о настоящей цѣли выпуска ассигнацій, а торжественно возвѣщалъ: «Мы съ удовольствіемъ приступаемъ къ учрежденію въ имперіи нашей промѣнныхъ банковъ—и надѣемся, что оказываемъ черезъ то новый знакъ материнскаго ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ попеченія».

---

1) *Мигулинъ*: „Русск. госуд. кредитъ“, т. I, стр. 15.
2) Арх. гос. сов., т. I, ч. 1, стр. 1, 2.
3) Арх. гос. сов., т. I, ч. 2, стр. 408.
4) Арх. гос. сов., т. I, ч. 2, стр. 410.
5) *Куломзинъ*: „Ассигнаціи въ царств. Ек. II.“. *Русск. Вѣстн.* 1869 г., кн. V.
6) 1-е полн. собр. зак. №№ 13219, 13220.

Правительство Екатерины вело очень крупныя для тогдашняго времени войны—двѣ турецкихъ, польскую и шведскую. Налоги, какъ мы уже говорили, были подняты слишкомъ высоко, государственный кредитъ за границей только что начиналъ получать права гражданства. Бюджеты хронически страдали дефицитами: за восемь лѣтъ дефицитъ выразился въ почтенной суммѣ—153.502,814 руб. Все это неминуемо вело къ пользованію ассигнаціями. И дѣйствительно, хотя первый учредительный манифестъ обѣщалъ постоянную размѣнность бумажекъ, хотя два послѣдующіе манифеста «торжественнымъ императорскимъ словомъ» признавали выпущенныя ассигнаціи правительственнымъ долгомъ и говорили, что впредь новыхъ выпусковъ не будетъ, возраставшіе военные расходы продолжали вызывать все новые и новые выпуски государственныхъ ассигнацій. Къ концу царствованія Екатерины ихъ было выпущено на громадную сумму—157.703,640 р., хотя правительство манифестами два раза пыталось фиксировать сумму выпуска сначала на 20, а потомъ на 100 милл. Изъ этой колоссальной суммы на неправительственные расходы ушло только около 18 милл. [1]). Другимъ источникомъ средствъ для того времени были кредитныя учрежденія—всѣ казенныя, напримѣръ, приказы общественнаго призрѣнія, казны вдовьи, ссудныя, сохранныя и др., откуда правительство черпало свои чрезвычайные доходы въ видѣ оффиціально называемыхъ «позаимствованій». Этими позаимствованіями, какъ насосомъ, выкачивались изъ названныхъ кредитныхъ установленій хорошія деньги и замѣнялись бумажными, которыя неуклонно падали въ курсѣ. Металлическія же деньги изъ благородныхъ металловъ быстро исчезали изъ каналовъ денежнаго обращенія, такъ какъ при данныхъ обстоятельствахъ всегда дѣйствуетъ извѣстный законъ Грешема: «Money of less value drives out money more value» [2]).

Финансовая политика Екатерины нашла очень вѣрную оцѣнку у иностранцевъ. Такъ, англійскій посолъ при дворѣ Екатерины доносилъ депешею въ Лондонъ: «опасаясь, что новый налогъ, назначенный для поддержанія честолюбивыхъ замысловъ, въ которыхъ не предвидится никакой пользы для государства, можетъ вредно отразиться на умахъ ея подданныхъ, Екатерина не хочетъ обращаться къ подобной мѣрѣ, хотя нигдѣ во всей Европѣ налоги не назначаются такъ легко, какъ здѣсь. Она знаетъ невозможность найти денегъ въ имперіи, гдѣ нѣтъ ни банкировъ, ни значительныхъ купцовъ, ни вообще денежныхъ людей, и чтобы выйти изъ такого затрудненія, о которомъ по безпечности не подумали раньше, чѣмъ оно дало себя почувствовать, она намѣревается обратиться къ двумъ методамъ самымъ вреднымъ, какіе только можно придумать для пріобрѣтенія средствъ. Она хочетъ выпустить монету еще низшаго чекана, между тѣмъ, какъ въ настоящую минуту она ниже нарицательной цѣны; вторая мѣра, ею придуманная, состоитъ въ томъ, чтобы умножить число кредитныхъ билетовъ» [3]).

---

[1]) *Проф. Мигулинъ:* „Op. cit.“, стр. 27.

[2]) „Деньги худшаго качества вытѣсняютъ лучшія“.

[3]) *Русск. Арх.*, 1874 г., кн. XI.

Отношеніе же Екатерины къ кредитнымъ казеннымъ учрежденіямъ въ 1810 г. обсуждалъ государственный совѣтъ, который заявилъ, что «ассигнаціонный банкъ занятъ былъ почти единственно доставленіемъ казначейству чрезвычайныхъ пособій и сдѣлался, наконецъ, не что иное, какъ мѣсто заготовленія кредитныхъ бумагъ. Отъ сего капиталъ его возросъ, наконецъ, до 577.510,000 руб. Отпуская по временамъ огромную сію массу разнымъ мѣстамъ и лицамъ вошелъ ассигнаціонный банкъ съ ними, а особливо съ государственнымъ казначействомъ въ запутанные и безполезные разсчеты» [1]).

Финансовая политика Екатерины II въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ продолжалась и при ея преемникахъ: выпуски ассигнацій расли и расли, расходуясь преимущественно на военныя цѣли. Такъ, наприм., Павелъ I принялъ участіе въ безплодной для русскихъ интересовъ борьбѣ съ Франціей, принялъ долги польскаго короля, содержалъ нѣкоторыхъ королей, лишенныхъ престола, а черезъ это значительно увеличилъ государственный долгъ. При немъ сумма ассигнацій увеличилась новыми выпусками на солидную цифру—54.985,695 руб. Увеличился и внѣшній долгъ.

Преемникъ Павла, Александръ I, въ началѣ своего правленія предпринялъ, какъ извѣстно, рядъ широкихъ реформъ во всѣхъ областяхъ государственной жизни, въ томъ числѣ и въ области государственныхъ финансовъ. Въ финансовой области порядка было всего меньше. Принимая бразды правленія, Александръ говорилъ про порядки, царившіе до него: «Дѣла были тогда крайне запущены, по отсутствію всякихъ основныхъ началъ въ управленіи, ибо, хотя въ послѣдніе годы императрицы Екатерины порядку было и мало, но все нѣсколько держались еще прежнимъ; со вступленіемъ же на престолъ родителя, вслѣдствіе принятаго правила совершенно уничтожать все дотолѣ существовавшее, и остальной порядокъ былъ разрушенъ, безъ замѣны другимъ» [2]). Въ частномъ письмѣ къ Лагарпу, Александръ жаловался: «всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка,—это ужасно...» [3]). Императоръ былъ правъ. Его слова о всеобщемъ грабительствѣ подтверждены многочисленными документами. Недавно, наприм., въ журналѣ *Всемірный Вѣстникъ* разсказывалось объ одномъ крестьянскомъ челобитьѣ временъ Екатерины II. Рѣчь идетъ о прошеніи, написанномъ неизвѣстнымъ лицомъ отъ имени вятскихъ крестьянъ и поданномъ въ концѣ царствованія Екатерины. Прошеніе заканчивается такъ: «Итакъ, Великая Государыня, воззрите на вѣрноподданную безгласную твою чернь и нашу сущую въ томъ справедливость милостивымъ окомъ къ защитѣ сирыхъ обывателей страны, съ высоты твоего матерняго престола; ибо такую язву вкоренившуюся никто удержать и подданныхъ сохранить не можетъ, какъ только сильною твоею рукою и страхомъ... Обитатели всѣ гласно и громко вопіютъ и въ великомъ ихъ тамъ терпѣніи не могло-бъ чего послѣдовать, отчего, Боже насъ да сохрани».

---

[1]) Арх. гос. сов., т. IV, ч. 1, стр. 388.

[2]) *Корфъ, бар.*: „Восшествіе на престолъ императора Николая I“, стр. 10.

[3]) Сб. И. Р. И. Об., т. V, стр. 23.

Результаты прошенія послѣдовали черезъ нѣсколько лѣтъ, о нихъ можно узнать изъ именного указа, даннаго генералъ-поручику Маврину, о наказаніи мірскихъ начальниковъ, оказавшихся виновными въ незаконныхъ поборахъ и взяткахъ съ народа. «Видя изъ доклада вашего, намъ присланнаго,—пишетъ Екатерина,—что въ вятскомъ намѣстничествѣ сверхъ чиновниковъ, въ коронной службѣ состоящихъ, обличаются въ незаконныхъ поборахъ и взяткахъ съ народа, чинимыхъ въ каждой волости, мірскіе начальники, писчики и рекрутскіе отдатчики, число коихъ, подъ судъ уголовный идущихъ, полагаете вы до 3,900 человѣкъ...» 3,900 грабителей и воровъ только въ одномъ уголкѣ тогдашней Россіи... Грабили и высшіе чины. Недавно, наприм., помѣщикъ Воропоновъ опубликовалъ разсказы изъ начала XVIII вѣка, гдѣ описывались вопіющія безчинства чиновниковъ, отъ которыхъ трепетали богатые и властные дворяне [1]).

А о томъ, какъ расходовались крупныя казенныя суммы во время войны говоритъ, наприм., разбиравшееся въ государственномъ совѣтѣ дѣло Потемкина. Потемкинъ командовалъ арміей на югѣ Россіи, ему отпускались въ полное распоряженіе громадныя суммы. Послѣ смерти временщика пришлось дѣлать опись его дѣламъ. И вотъ счетная экспедиція заявляетъ государственному совѣту, что главнокомандующему было отпущенно 51.352,096 рублей 94 коп. Въ расходѣ же значилось—45,515,551 руб. 5 к. Деньгами найдено было—3.520,368 р. 2 к., кромѣ того недоставало оправдательныхъ документовъ на 9.758,504 р. 93¾ к. и, сверхъ того, относительно 1.391,444 р. 79 к. экспедиція «не полагаетъ собрать надлежащихъ справокъ». Кромѣ того, государственная военная коллегія при счетной экспедиціи заявила, что въ расходованіи казенныхъ суммъ всесильный временщикъ счетовъ не велъ, казенныя деньги и свои собственныя держалъ въ одномъ кошелькѣ и расходовалъ безъ соблюденія даже самыхъ небольшихъ и ничтожныхъ формальностей, наприм., безъ ордеровъ и записи выданнаго... [2]).

IV.

Александръ I, полный въ началѣ своего царствованія самыхъ благихъ намѣреній, рѣшилъ покончить со всѣми недочетами тогдашняго государственнаго строя. У него, какъ извѣстно, были прекрасные помощники и совѣтчики. Между прочимъ, въ области денежнаго обращенія рѣшено было произвести радикальную реформу и исцѣлить страну отъ тѣхъ ранъ, которыя нанесены были ей предшествующей финансовой политикой. Политическій горизонтъ былъ ясенъ, отдѣльные представители верховной власти клялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ,—словомъ, начало обѣщало хорошій конецъ. Но всѣмъ этимъ начинаніямъ мѣшали громадные дефициты

[1]) *Вѣстникъ Европы*, 1903 г., XI.
[2]) Арх. госуд. сов., т. III, ч. 1, стр. 605—613.

обыкновеннаго бюджета, достигшіе за первыя девять лѣтъ правленія Александра суммы въ 366.600,274 р. Кромѣ того, въ Европѣ въ это время началась эпопея Наполеона, въ которую счелъ долгомъ вмѣшаться и императоръ Александръ. Дефициты покрывались по старому рецепту: позаимствованіями изъ кредитныхъ установленій и новыми выпусками ассигнацій, курсъ которыхъ все падалъ и падалъ и былъ уже въ 33 к.

Война съ Наполеономъ тяжелымъ гнетомъ легла на государственные финансы и народное хозяйство. Особенно разорительно было то, что театромъ военныхъ дѣйствій служила территорія Россіи, а не ея граница. Для покрытія военныхъ расходовъ не было никакихъ другихъ средствъ, какъ уже испробованныхъ въ прежнее время: обращенія къ позаимствованіямъ изъ кредитныхъ установленій, выпуска ассигнацій, ассигнованія на военные расходы всѣхъ свободныхъ суммъ, имѣвшихъ другое назначеніе. Война началась въ 1812 году и закончилась въ 1815 г., когда прекратились и выпуски бумажныхъ денегъ, достигшіе во время войны—244.429,300 р., причемъ общее количество ассигнацій, находившихся въ обращеніи, равнялось—836 милл. р. Курсъ ассигнацій во время войны стоялъ на 20 копейкахъ,—самый низкій курсъ во все время существованія въ Россіи бумажныхъ денегъ. Въ цѣляхъ же полученія денегъ для войны указомъ 15 іюля 1812 года [5]) было предписано остановить въ странѣ всякія гражданскія постройки и сооруженія по всѣмъ вѣдомствамъ, остановить выдачу частныхъ ссудъ изъ кредитныхъ установленій и обратить въ государственное казначейство всѣ капиталы, принадлежащіе городамъ. Кромѣ того, были взяты значительныя суммы изъ кредитныхъ установленій и Воспитательнаго дома на сумму 153 милл. руб., была получена субсидія отъ Англіи;—словомъ, было потрачено все, что можно было истратить. Между прочимъ, частныя пожертвованія на войну достигали до ста милл. Точной цифры стоимости войны двѣнадцатаго года мы не имѣемъ. Барклай де-Толли въ своемъ отчетѣ опредѣляетъ ее въ 155 милл., но эту цифру, судя по приведеннымъ разсчетамъ, трудно признать вѣроятною. Дефицитъ по бюджету въ 1812—1815 гг. опредѣлился въ 531 милл. руб. [6]).

Война съ Наполеономъ отразилась на государственныхъ финансахъ самымъ гибельнымъ образомъ, она въ конецъ испортила денежное обращеніе, а это на имперскіе финансы вліяетъ не меньше, чѣмъ на народное хозяйство. Наполеонъ, воевавшій съ Россіей съ пустымъ карманомъ, выпустилъ на русскій денежный рынокъ массу фальшивыхъ кредитокъ. Наше отечество было наводнено фальшивыми деньгами. Французскіе авторы передаютъ, что въ Варшавѣ Наполеонъ устроилъ настоящій монетный дворъ, оттуда, главнымъ образомъ, и шли фальшивыя кредитки. Русскіе фабрикаторы не отставали отъ Наполеона. Передаютъ, что крестьяне такъ были

---

[5]) Полн. собр. зак., № 25186.

[6]) *Проф. Мигулинъ*: „Op. cit.“, т. I, стр. 62.

напуганы поддѣльными бумажками, что боялись брать какія бы то ни было кредитки, такъ что въ 1817 году министерство финансовъ распорядилось выдавать настоящія кредитки за представленныя фальшивыя, фабрикаторы которыхъ были открыты [1]).

Любопытно здѣсь отмѣтить одно обстоятельство. При громадныхъ выпускахъ мѣдной неполноцѣнной монеты появилась, какъ мы уже знаемъ, массовая ихъ поддѣлка. Позднѣе возникали проекты, во время борьбы съ Польшей, наводненія непріятельской страны легковѣсной монетой. Во время наполеоновской войны, когда ассигнаціи падали въ курсѣ очень низко, Наполеонъ наводнилъ Россію громаднымъ количествомъ поддѣльныхъ ассигнацій. И теперь, въ XX вѣкѣ, этотъ способъ борьбы находитъ себѣ примѣненіе въ русско-японскомъ столкновеніи. Газеты передаютъ, что японцы наполняютъ русскую приморскую область и оккупированную Манчжурію поддѣльными русскими кредитными бумажками. Бывали иногда случаи, когда у арестованныхъ японцевъ находили такихъ кредитокъ на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Намъ приходилось видѣть образчики японской поддѣлки: работа не можетъ быть названа искусной, такъ какъ при внимательномъ чтеніи, наприм., словъ закона на оборотной сторонѣ бумажкѣ можно замѣтить только простой наборъ какихъ-то странныхъ буквъ, мало похожихъ на русскія. Но съ перваго взгляда всетаки легко и ошибиться. Еще менѣе японцы стѣснялись съ Кореей. Они въ конецъ испортили у корейцевъ ихъ денежную систему. Въ Кореѣ была мѣдная монета—кеши, величиною съ нашу двухкопеечную монету, очень дешевая: по курсу на рубль приходилось около тысячи такихъ кеши. «Поддѣлывать такую монету не было никакого разсчета. Изъ мѣди дѣлать ее невыгодно, а изъ цинка нельзя, такъ какъ такую поддѣлку очень легко распознать. Вотъ японцы и придумали посовѣтовать корейцамъ имѣть никелевую монету въ пять центовъ. Корейскій министръ финансовъ англичанинъ Маклеви Браунъ проектъ этотъ одобрилъ. Поставку никеля взяли на себя англичане, а машины были выписаны изъ Японіи. Въ результатѣ японцы засыпали Корею никелевой монетой своего издѣлія, покупая корейскіе товары за поддѣльныя никелевыя ассигнаціи и играя на курсѣ этой монетой съ разорявшейся страной. Въ концѣ-концовъ, обезцѣнивъ корейскую монету до невозможныхъ предѣловъ, японцы стали отказываться брать ее при разсчетахъ и ввели свои бумажныя деньги. Теперь, когда въ Кореѣ идутъ милліонныя японскія работы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ и скупка провіанта для японскихъ войскъ, японцы производятъ расплаты или никелевой монетой или своими бумажками, а бумажки эти такого свойства, что агенство шанхайскаго банка имѣетъ инструкцію не держать ихъ болѣе, чѣмъ на тысячу долларовъ [2]).

---

[1]) *Я. И. Печоринъ.* Въ *Вѣстн. Европы* 1876 г., т. IV: „Наши госуд. ассигн.".
[2]) *Новое Время.*

V.

Великая отечественная война, «битва народовъ», какъ ее называютъ, въ конецъ разстроила денежное обращеніе Россіи, обезцѣнивъ до крайней степени ассигнаціи. Ассигнаціи, упавшія во время войны до 20 к., вплоть до валютной реформы 1843 года, не поднялись выше 27 к., хотя правительство и прекратило совсѣмъ дальнѣйшіе ихъ выпуски и даже въ періодъ 1818—1823 гг. сократило общее количество обращавшихся ассигнацій съ 836 милл. до 596 милл. [1]). Расходы на сравнительно незначительныя войны, происходившія въ періодъ 1818—1855 гг., покрывались или позаимствованіями изъ кредитныхъ учрежденій, или займами. Правительство было сильно озабочено возстановленіемъ валюты, что и было сдѣлано въ 1843 году талантливымъ министромъ гр. Канкриномъ. Эта реформа, помимо своего выдающагося народно-хозяйственнаго значенія, имѣла и крупное финансовое значеніе. Крымская кампанія привела Россію къ столкновенію съ наиболѣе культурными и сильными странами Запада и, что особенно важно, съ тѣми государствами, которыя размѣщали на своихъ рынкахъ наши внѣшніе займы. Вслѣдствіе этого громадные расходы на крымскую кампанію по необходимости должны были покрываться изъ внутреннихъ финансовыхъ источниковъ. Расходы же были такъ велики, что, напримѣръ, воюющія непріятельскія стороны вынуждены были прибѣгать къ вн. займамъ. «Приморская крѣпость Тавриды,— говоритъ Dietzel,—пала, главнымъ образомъ, подъ ударомъ 1,500 милл. франковъ, взятыхъ взаймы французскимъ правительствомъ». Россію же, лишенную возможности кредитоваться на заграничныхъ рынкахъ, спасло то обстоятельство, что у ней была прочная серебряная валюта, введенная при Канкринѣ. Г. Кауфманъ, опредѣлившій общую сумму расходовъ во время крымской войны, говоритъ, что если бы въ 1855 году было въ наличности 600 милл. руб. ассигнаціями, ходившими по курсу въ 28 к., то сдѣланный въ теченіе войны бумажный выпускъ въ 400 милл. руб., по переводѣ его на металлическую валюту, далъ бы всего только 100 милл., а можетъ быть и меньше—25 милл. Для полученія тѣхъ же 400 милл. руб., которые правительство получило путемъ выпуска кредитныхъ билетовъ, потребовались бы ассигнаціонные выпуски «миѳическихъ размѣровъ» [2]).

Истративши на крымскую кампанію 538,2 милл. руб., которые были добыты путемъ выпуска кредитныхъ билетовъ на 400 милл. и позаимствованіями изъ кредитныхъ установленій на остальную сумму, Россія снова лишилась полноцѣннаго рубля и перешла къ печальной эпохѣ колебанія и обезцѣненія курса кредитныхъ билетовъ. Война роковымъ образомъ повліяла на финансы и потому, что экономическая жизнь Россіи того времени переживала страшный застой. Общественная жизнь была отмѣчена

---

[1]) Таблица у Печорина. Op. cit.

[2]) *Кауфманъ*: „Op. cit.“, стр. 70.

глубокими чертами страшной реакціи, за что, собственно говоря, Россія и была наказана подъ Севастополемъ. Передъ крымской войной государственный бюджетъ всегда былъ дефицитнымъ, онъ только и дышалъ всевозможными займами и позаимствованіями. Внутренняго правильно организованнаго кредита не было, да и трудно было его создать при всеобщемъ экономическомъ застоѣ и отсталости. Россія того времени превращалась въ казарму, такъ какъ 49% тогдашняго въ общемъ очень значительнаго бюджета уходило на войско, много денегъ уходило на покрытіе расходовъ по государственному кредиту, такъ что на народное образованіе, судъ и администрацію шло только 8% всѣхъ бюджетныхъ средствъ [1]). Да и 49% имперскихъ доходовъ тратились такъ, что пользы не приносили: въ мирное время армія была занята тѣмъ, что убивала все время на парады, фронтовую выправку, въ боевомъ же отношеніи она сильно отстала отъ Запада, а вѣдь со временъ Петра наша армія стояла на одномъ уровнѣ съ лучшими образцами [2]). Экономическій застой вредно вліялъ и въ другомъ отношеніи на государственные финансы: податные источники были такъ истощены и ослаблены, что повышеніе налоговыхъ окладовъ приводило къ чудовищнымъ недоимкамъ въ сто и больше милліоновъ рублей, несмотря на то, что взысканіе податей поощрялось суровыми мѣрами.

Такое положеніе вещей естественно приводило Россію къ общественно-экономическимъ и финансовымъ реформамъ. Финансовыхъ реформъ не послѣдовало, а реформы въ области общественной и экономической жизни страны оказали на Россію сильное вліяніе, что въ свою очередь опять спасло Россію отъ финансоваго замѣшательства въ послѣднюю турецкую войну, когда снова послѣдовали громадные выпуски кредитныхъ билетовъ, уже не имѣвшихъ того счастливаго паритета съ серебромъ, которое у нихъ было передъ севастопольскимъ погромомъ.

Турецкая война, начатая Россіей изъ-за безкорыстнаго желанія оказать помощь балканскимъ славянамъ, вызвала острое нерасположеніе къ нашему отечеству во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, видѣвшихъ въ славянофильской политикѣ Россіи очень дурные, по ихъ мнѣнію, замыслы. Поэтому внѣшній заемъ, который Россія прежде всего поспѣшила заключить на иностранныхъ рынкахъ, былъ сдѣланъ на такихъ условіяхъ, которыя г. Бліохъ называетъ чрезмѣрно тягостными и до извѣстной степени несовмѣстимыми съ достоинствомъ великаго государства [3]). Сомнительный успѣхъ имѣлъ и внутренній заемъ въ формѣ 5%-хъ банковыхъ билетовъ. Подписка на этотъ заемъ, объявленная государственнымъ банкомъ 92 за 100, «потерпѣла полное фіаско, такъ какъ публикой почти не было заявлено требованій на новый заемъ, въ томъ числѣ не оказали никакого содѣйствія займу ни московское дворянство, ни московское ку-

---

[1]) *Бржескій.* „Op. cit.“, стр. 242.
[2]) *Мигулинъ.* Т. II, стр. 194.
[3]) *Бліохъ.* Т. II, стр. 239.

печество, категорически обѣщавшія государю помощь» [1]). Правительство, окончательно рѣшившее вести войну, созвало въ Ливадіи совѣтъ изъ свѣдущихъ лицъ (Н. Х. Бунге, А. А. Абаза, проф. Бабстъ и др.), который рѣшилъ, что единственный финансовый источникъ для войны, это—выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ. Министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ былъ противъ войны и просился въ отставку, но остался противъ воли на посту до окончанія военныхъ дѣйствій [2]).

Кромѣ министра финансовъ, тогда многія видныя лица были противъ войны и говорили, что если Россія начнетъ войну, то неминуемо придетъ къ банкротству. Противъ войны былъ и совѣтъ, собранный въ Ливадіи, такъ какъ участники совѣта предполагали, что громадные выпуски бумажныхъ денегъ при разстроенной валютѣ будутъ сопровождаться худшими послѣдствіями, чѣмъ это случилось въ крымскую войну, когда валюта была устойчива. Но несмотря на эту солидную оппозицію, правительство объявило войну и приступило къ выпускамъ бумажныхъ денегъ на значительную сумму. Кредитные билеты, число которыхъ во время войны достигло колоссальной суммы въ 1,200 милл. руб., всетаки не потеряли болѣе одной трети своей курсовой стоимости. Изъ исторіи русскихъ финансовъ и денежнаго обращенія мы знаемъ, что раньше при такихъ условіяхъ курсъ русскихъ бумажныхъ денегъ падалъ весьма низко и неудержимо. Какая же сила благопріятно вліяла на русскій кредитный рубль во время послѣдней турецкой войны и спасала его отъ чрезмѣрнаго и крайне гибельнаго для государственныхъ финансовъ обезцѣненія? По справедливому объясненію г. Кауфмана, въ этой силѣ не нужно искать чудодѣйственнаго элемента: «19 февраля 1861 г. даетъ достаточное объясненіе. О существованіи означенной силы всякій знаетъ по другому финансовому послѣдствію 19 февраля: по увеличенію податной силы освобожденной Россіи, сравнительно съ крѣпостною» [3]). Освобожденіе крестьянъ дало сильный толчокъ къ развитію народныхъ производительныхъ силъ, что въ свою очередь создало ту финансово-экономическую атмосферу, въ которой русскій кредитный рубль спасся отъ чрезмѣрнаго паденія въ курсѣ и вслѣдствіе этого потери на лажѣ во время войны при расходахъ въ 1,073 милл. руб. составили только 340 милл. руб. А если бы, конечно, курсъ кредитнаго рубля былъ слабѣе и опускался бы ниже, то эта потеря выразилась бы въ колоссальной цифрѣ. И тѣ тяжелыя послѣдствія войны 1877 г., которыя Россія пережила и которыя въ финансовомъ отношеніи были очень дороги, были бы неизмѣримо меньше, если бы послѣ окончанія войны правительство своевременно приняло надлежащія мѣры по урегулированію денежнаго обращенія.

Турецкая война была послѣдней войной, произведенной на бумажныя

---

[1]) *Мигулинъ*. „Р. г. к.". I т., стр. 459.

[2]) *Татищевъ*. „Александръ II", стр. 785. *Мигулинъ*. „Ор. и l. cit.".

[3]) *Кауфманъ И. И.* „Ор. cit.", стр. 252.

деньги. Въ XIX вѣкѣ были еще войны, которыя по условіямъ времени не могли сопровождаться выпусками бумажныхъ денегъ. Эти войны тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ исторіей внѣшнихъ и внутреннихъ займовъ. Мы уже частью упоминали объ этихъ займахъ и на фактахъ финансовой исторіи показали, что въ покрытіи военныхъ расходахъ они не играли особенно замѣтной роли. Только послѣ войны съ Наполеономъ, когда правительство было озабочено возстановленіемъ правильной системы денежнаго обращенія, и когда при неимовѣрно низкомъ курсѣ ассигнацій дальнѣйшіе ихъ выпуски были безцѣльны, по необходимости правительству пришлось покрывать военные расходы займами. Внѣшняго кредита Россія искала давно. Еще Алексѣй Михайловичъ пытался, но безрезультатно, заключить внѣшній заемъ въ Венеціи и Лондонѣ. Петръ Великій вообще былъ противъ всякихъ займовъ, онъ покрывалъ свои военные расходы порчей мѣдной монеты, и только Елизавета Петровна снова обращается къ внѣшнему займу, и снова ея попытка остается безрезультатной: Россія еще не имѣла довѣрія на заграничномъ денежномъ рынкѣ. Первый внѣшній заемъ для военныхъ цѣлей заключила у голландскихъ банкировъ Екатерина II. Заемъ былъ заключенъ подъ спеціальное обезпеченіе, что, конечно, говоритъ за то, что Россія въ то время имѣла очень сомнительную кредитоспособность. Этотъ первый заемъ будетъ выплаченъ только въ 1919 г. Кредитоспособность Россіи всегда обусловливалась двумя обстоятельствами: внѣшнимъ политическимъ ея значеніемъ и популярностью ея войнъ за границей. Разъ то или другое условіе отсутствовало въ сознаніи западно-европейскихъ биржевиковъ и публики, Россія или совсѣмъ лишалась кредита, или заключала займы на условіяхъ унизительныхъ для великаго государства, какъ это и случилось въ послѣднюю турецкую войну. Сноснымъ въ общемъ условіямъ русскаго государственнаго кредита не мало способствовало то обстоятельство, что Россія всегда была аккуратной плательщицей по своимъ внѣшнимъ долговымъ обязательствамъ. Финансовая исторія Россіи знаетъ только одну задержку этихъ платежей при Павлѣ I [1]) и эта задержка, между прочимъ, лишила возможности прибѣгнуть къ кредиту за границей императора Александра I. Въ стремленіи быть аккуратной плательщицей, Россія иногда заключала спеціальные займы для того, чтобы добыть золото для платежей по заграничному долгу.

Въ эпоху упадка ассигнаціоннаго курса и стремленія правительства возстановить металлическую валюту, происходили войны съ Персіей, Польшей и Турціей, обошедшіяся казначейству, по разсчетамъ министра Канкрина, въ 529.223,868 асс. руб. Кромѣ этихъ войнъ, Россія вела непрерывную войну на Кавказѣ. Въ поискахъ за средствами Россія волей-неволей обратилась къ кредиту въ формѣ позаимствованій изъ кредитныхъ установленій и къ внѣшнему, причемъ займы 1828 и 1829 годовъ были заключены подъ спеціальное обезпеченіе со стороны Россіи, что, конечно,

---

[1]) „Арх. гос. сов.". Т. I, стр. 614—615.

говоритъ за слабость кредита. Это сознавалось и самимъ Канкриномъ [1]). Въ бурный 1848 г. Россія, еще не трогавшая своихъ новыхъ полноцѣнныхъ кредитныхъ билетовъ, снова обратилась къ внѣшнему кредиту, такъ какъ армія приводилась въ боевую готовность, и Россія приняла участіе въ венгерской кампаніи. Этотъ заемъ для успѣшной его реализаціи былъ объявленъ желѣзнодорожнымъ, и, по словамъ проф. Мигулина, автора капитальнаго труда о русскомъ государственномъ кредитѣ, по результатамъ реализаціи заемъ былъ «послѣднимъ (до нашихъ дней), который былъ реализованъ на условіяхъ, соотвѣтствующихъ политическому значенію Россіи» [2]).

О внутреннемъ кредитѣ мы уже неоднократно упоминали, когда говорили о тѣхъ позаимствованіяхъ изъ кредитныхъ установленій, которыя пріобрѣли въ русской финансовой исторіи хроническій характеръ. Нужно замѣтить, что и выпуски бумажныхъ денегъ при Екатеринѣ и ея ближайшихъ преемникахъ разсматривались, какъ внутренніе займы. Въ полномъ собраніи законовъ есть три манифеста, гдѣ торжественнымъ императорскимъ словомъ возвѣщалось, что больше выпусковъ ассигнацій не будетъ, и что выпущенныя бумажки почитаются долгомъ. При этомъ обычно давалось слово за всѣхъ преемниковъ по престолу. Правильно организованнаго внутренняго кредита Россія не знала очень долго; первыя попытки русскаго правительства обратиться къ правильному внутреннему кредиту, какъ мы уже и говорили, не могутъ быть названы удачными. Своеобразный видъ внутренняго кредита, изобрѣтенный Канкриномъ въ виду финансовыхъ затрудненій во время подавленія польскаго мятежа 1831 года, въ формѣ билетовъ государственнаго казначейства, сначала не имѣлъ никакого успѣха у публики: «сбытъ сихъ билетовъ, а еще болѣе скорое возвращеніе ихъ въ кассы,—писалъ Канкринъ,—до крайности озабочивало министерство финансовъ» [3]). Первоначально эти билеты были выпущены, какъ временная мѣра, какъ случайный, изобрѣтенный ad hoc финансовый источникъ, но потомъ правительство удержало эти билеты въ обращеніи и часто выпускало ихъ, находясь подъ давленіемъ финансовой нужды во время войнъ. Всѣхъ билетовъ было выпущено на сумму 240 милл. руб., изъ этой массы на военные расходы было потрачено 170 милл. руб., а остальные пошли на желѣзнодорожное строительство.

Въ Россіи практиковался еще одинъ видъ внутренняго текучаго государственнаго долга. Это—облигаціи государственнаго казначейства, впервые выпущенные во время отечественной войны. Эти же облигаціи выпускались и въ послѣднюю турецкую войну на сумму въ 200 мил. руб. Правильнымъ же типомъ внутренняго займа были восточные займы первый, второй и третій, выпущенные изъ пяти процентовъ, на сумму въ 800

---

[1]) *Мигулинъ.* Т. I, стр. 102.
[2]) *Мигулинъ.* Т. I, стр. 171.
[3]) Тамъ же. Стр. 117.

мил. руб. Эти послѣдніе займы покрывались, главнымъ образомъ, на русскихъ рынкахъ и только отчасти на иностранныхъ. Восточные займы были послѣдними, заключенными для покрытія военныхъ расходовъ, причемъ въ турецкую войну всего было занято на сумму въ 1.075.396.693 руб. 46 к., считая здѣсь и займы на покрытіе расходовъ по ахалъ-текинскому походу [1]).

Нашъ перечень русскихъ финансовыхъ источниковъ для покрытія расходовъ въ военное время былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули о такъ называемыхъ спеціальныхъ военныхъ запасныхъ фондахъ (Kriegsschatz). Подъ такимъ фондомъ разумѣется отложенный казначействомъ запасъ металлическихъ денегъ на случай военныхъ расходовъ. Въ Россіи такой фондъ впервые былъ организованъ при Екатеринѣ II, но тогда отложено было очень немного, и фондъ растаялъ въ самомъ скоромъ времени послѣ его учрежденія. Въ началѣ прошлаго вѣка запасные военные фонды имѣли Наполенъ и Фридрихъ II, посвятившій двадцать лѣтъ своей жизни на собираніе военнаго запаснаго капитала. Опытъ показалъ, что трудно, почти невозможно, имѣть такой фондъ, при помощи котораго можно было бы провести всю войну, не прибѣгая къ другимъ финансовымъ источникамъ. Теоретики Лоренцъ фонъ-Штейнъ, Леруа Болье и др. рѣшительно высказываются противъ подобныхъ фондовъ. «Въ нашъ вѣкъ,—говоритъ Лоренцъ фонъ-Штейнъ,—дѣйствительный государственный фондъ заключается въ кредитѣ государства» [2]).

Въ XX вѣкѣ запасный военный фондъ имѣетъ только одна Германія, которая запрятала въ крѣпости Шпандау капиталъ въ формѣ двухъ съ половиной тысячъ пудовъ золота, полученнаго, какъ контрибуція, съ Франціи [3]).

Въ Россіи о военномъ фондѣ мечталъ гр. Канкринъ. Въ своихъ отчетахъ объ исполненіи государственныхъ росписей онъ указывалъ, что такъ какъ «совершеніе выгодныхъ займовъ у насъ требуетъ бóльшаго времени, чѣмъ гдѣ-либо», а «назначеніе и поступленіе особыхъ военныхъ налоговъ также потребовало бы много времени», то «слѣдовательно, безъ запаснаго военнаго капитала съ самаго начала войны должны бы приступить къ выпускамъ ассигнацій, т.-е. къ мѣрѣ гибельной для самаго корня народнаго благосостоянія». И дѣйствительно, Канкринъ составилъ такой фондъ въ 66 мил. руб. асс., главнымъ образомъ, изъ контрибуціи, полученной съ Персіи и Турціи. Этотъ капиталъ былъ истраченъ въ 1831 г.

V.

Краткій обзоръ историческаго прошлаго нашихъ чрезвычайныхъ финансовыхъ рессурсовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что отыскиваніе источниковъ такихъ рессурсовъ представляется дѣломъ чрезвычайно затрудни-

[1]) *Бржескій:* Op. cit., стр. 257.
[2]) *L. v. Stein:* „Finanzwiss., II Auf", 1885, s. 146.
[3]) *Гурьевъ:* „Реформа денежн. обращ.", стр. 206.

тельнымъ. Запасные фонды, облегчающіе, по крайней мѣрѣ, первые шаги во время войны,—рѣдкое явленіе въ финансовой исторіи современныхъ государствъ. Слишкомъ трудно собирать такіе фонды, а еще, пожалуй, труднѣе держать капиталъ въ неподвижномъ состояніи въ то время, когда кругомъ всегда такая масса неотложныхъ нуждъ и запросовъ со всѣхъ концовъ страны.

Этотъ же обзоръ убѣждаетъ также и въ томъ, что пользованіе финансовыми насосами, выкачивающими изъ страны деньги для военныхъ расходовъ, всегда должно быть осторожнымъ и строго обдуманнымъ: небольшое увлеченіе, небольшая ошибка, неудачная финансовая комбинація—и страна терпитъ страшный уронъ, долго отзывающійся на развитіи ея производительныхъ силъ. Къ сожалѣнію, болѣе подробную исторію финансовыхъ мѣропріятій, предпринимавшихся правительствомъ въ цѣляхъ изысканія средствъ для веденія войны, мы имѣемъ только за старое время. Войны не особенно далекія отъ насъ по времени, но особенно интересныя по своему матеріалу, относящемуся къ ихъ финансовой сторонѣ, еще не обсуждались въ деталяхъ, по всей вѣроятности потому, что документы этихъ войнъ хранятся пока въ неприкосновенности въ различныхъ архивахъ. Тѣмъ труднѣе обсуждать финансовую сторону текущей войны, такъ какъ, по понятнымъ соображеніямъ, возможная финансовая смѣта предполагаемыхъ военныхъ расходовъ должна сохраняться въ глубокой тайнѣ. Тѣ же данныя о финансовомъ положеніи страны, о русскихъ финансовыхъ источникахъ, которыя могли бы пролить яркій свѣтъ на затронутый вопросъ, въ русской финансовой литературѣ почти отсутствуютъ, какъ почти отсутствуетъ и самая финансовая литература русскаго происхожденія.

Неосвѣдомленность общественныхъ круговъ относительно финансовъ въ военное время замѣчается не только въ Россіи. Недавно, напримѣръ, въ Англіи, странѣ съ развитымъ бюджетнымъ правомъ, палата, при обсужденіи добавочнаго кредита на военныя нужды въ 2.700.000 ф. ст., настойчиво потребовала отъ военнаго министра объясненій по поводу стоимости похода въ страну «сумасшедшаго муллы», и только послѣ такого настойчиваго требованія, поддержаннаго извѣстнымъ политическимъ дѣятелемъ Кэмпбеллемъ Баннерманомъ и др., военный министръ отвѣтилъ, что самолійская экспедиція обходится въ мѣсяцъ въ 115 т. ф. стерл. И больше никакихъ подробностей... Но всетаки въ Англіи общая сумма чрезвычайнаго бюджета находится въ рукахъ палаты.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при такихъ условіяхъ финансовой стороны войны въ сознаніи общественныхъ классовъ часто остается въ тѣни, что шовинистически настроенное общество, какъ это было, напримѣръ, во время англо-бурской войны, часто требуетъ новыхъ битвъ, новыхъ побѣдъ, забывая о томъ, что новыя побѣды подрываютъ въ корень условія государственнаго и общественнаго быта...

Не удивляетъ поэтому насъ и невѣжественная выходка одной петер-

бургской газеты, заявившей, что Россія легко переноситъ финансовую тяжесть войны потому, что русскій народъ бѣденъ. Иначе думала еще Екатерина II, объяснявшая Вольтеру, что войны потому не страшны Россіи, что каждый русскій мужикъ ѣстъ и куръ, и индѣекъ.

Участіе Россіи въ послѣдней китайской войнѣ, по даннымъ государственнаго контроля, обошлось нашему казначейству въ 90 мил. руб., которые были добыты увеличеніемъ налогового бремени. Налоги, обезпечившіе Россіи расходы въ китайской войнѣ, не сложены еще до сихъ поръ, такъ что и теперь этотъ чрезвычайный по существу доходъ въ размѣрѣ 40 мил. въ годъ, долженъ быть направленъ на военные же расходы. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь, при участіи въ войнѣ болѣе широкой по своимъ размѣрамъ, войнѣ съ сильнымъ противникомъ, съ участіемъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, эти расходы будутъ гораздо значительнѣе, а, слѣдовательно, и вопросъ объ отысканіи необходимыхъ средствъ значительно осложняется.

Намъ думается, что въ грубомъ подсчетѣ, съ проблематичными, но до извѣстной степени вѣроятными предположеніями, всетаки возможно вычислить стоимость войны. Покойный Бліохъ опредѣлялъ расходы будущей крупной войны въ милліардъ рублей. Но въ его разсчетахъ не приняты многія обстоятельства, выяснившіяся въ недавнее время, во время китайской войны. Отказываясь отъ вычисленія суммы возможныхъ издержекъ во время русско-японской войны, такъ какъ мы не имѣли возможности собрать для этой кропотливой работы нужныхъ матеріаловъ, мы только констатируемъ, что у насъ, въ Россіи, почему-то вопросъ о будущихъ военныхъ расходахъ какъ-то обходится въ литературѣ. Есть по этому вопросу нѣсколько статей въ *Военномъ Сборникѣ*, нѣсколько замѣтокъ въ общей журнальной прессѣ, и только. Иное дѣло въ Германіи, гдѣ этотъ вопросъ имѣетъ своихъ теоретиковъ и статистиковъ, свою весьма обширную литературу. Теперь, конечно, поздно заниматься изученіемъ этой литературы и вычисленіемъ возможныхъ расходовъ, война уже тянется болѣе четырехъ мѣсяцевъ, и каждая предыдущая недѣля даетъ указаніе о возможныхъ расходахъ недѣли послѣдующей. Мы можемъ только признать, что расходы колоссальны. Если въ мирное время расходы на военное и морское министерство, напримѣръ, по смѣтѣ на текущій годъ опредѣляются въ 474.380.518 р., то въ военное время эта цифра, вѣроятно, возрастетъ больше, чѣмъ вдвое. Содержаніе солдата въ военное время обходится вдвое дороже, чѣмъ въ мирное время, а кромѣ того, въ военное время призывается запасъ арміи, что, въ свою очередь, вызываетъ еще большіе расходы. Расходъ по артиллеріи въ военное время достигаетъ колоссальныхъ суммъ, такъ какъ одинъ только выстрѣлъ изъ дальнобойнаго орудія стоитъ около трехъ тысячъ рублей. Этихъ выстрѣловъ сдѣлано уже было не мало, а сколько ихъ предстоитъ въ недалекомъ будущемъ—этого никто не скажетъ. Морская война знаетъ еще цѣлую группу крупныхъ расходовъ, это—расходы на отопленіе машинъ военныхъ судовъ, расходы очень зна-

чительные, такъ какъ каждое боевое судно большого калибра пожираетъ ежедневно тысячи пудовъ угля, который на театрѣ войны слишкомъ дорогъ. Если принять во вниманіе всѣ эти отдѣльные признаки, то можно придти къ заключенію, что во время текущей войны, конца которой, по замѣчанію ген. Куропаткина, предвидѣть пока нельзя, финансовое напряженіе Россіи должно достигнуть самыхъ крайнихъ размѣровъ.

Въ виду этого обстоятельства вопросъ о наличныхъ финансовыхъ средствахъ во время войны пріобрѣтаетъ особенно животрепещущій интересъ. Знатокъ вопроса о чрезвычайныхъ доходахъ и расходахъ И. И. Кауфманъ говорилъ, что къ войнѣ также трудно быть готовымъ, какъ, напримѣръ, къ чахоткѣ, къ перелому ноги и т. п. Вопросъ о финансовой готовности къ войнѣ сводится, главнымъ образомъ, по мнѣнію указаннаго автора, къ вопросу о предупрежденіи войны мирной политикой. Но до сихъ поръ кладбище всемірной исторіи, обильно пополняемое во время войнъ, еще не въ силахъ внушить человѣчеству такого ужаса и отвращенія къ войнѣ, при наличности которыхъ возможно было бы устранить всякій casus belli путемъ мирнаго соглашенія, и замѣчаніе оптимиста Прудона о томъ, что человѣчество не хочетъ войнъ, подтверждаетъ лишній разъ благородный, но наивный оптимизмъ соціальныхъ мечтателей.

Хорошіе экстраординарные финансы, позволяющіе государству легко перенести страшные и разорительные ужасы войны, по мнѣнію г. Кауфмана [1]), состоятъ въ возможности обойтись совсѣмъ безъ выпуска бумажныхъ денегъ. Если правительство только чрезвычайными налогами и нормальными займами, долгосрочными и краткосрочными, въ состояніи добыть всѣ средства, потребныя для военныхъ расходовъ, то его экстраординарные финансы находятся въ блестящемъ состояніи; если необходимость его заставляетъ, сверхъ того, прибѣгнуть къ выпуску неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, но таковые могутъ быть выпущены въ равной цѣнѣ со звонкой монетой и на скромную сумму—то экстраординарные финансы должны быть признаны въ хорошемъ состояніи. Вотъ съ этой точки зрѣнія и бросимъ взглядъ на русскіе экстраординарные финансы.

Всего труднѣе въ данный моментъ разсчитывать на внѣшній заемъ. Исторія внѣшнихъ займовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что займы передъ самой войной, а тѣмъ болѣе во время войны, когда заграничная публика не увѣрена въ исходѣ кампаніи, заключаются на тягостныхъ условіяхъ. Въ данное же время въ русской печати всѣхъ оттѣнковъ вы можете встрѣтить рядъ извѣстій о томъ, что за рубежомъ Россія имѣетъ больше враговъ, чѣмъ друзей. Богатѣйшія страны Запада и Новаго свѣта, за исключеніемъ союзной Франціи, настроены противъ насъ, а это настроеніе тѣмъ и опасно, что оно отзывается на государственномъ кредитѣ. Обрисовывая настроеніе Европы и Америки, *Вѣстникъ Европы* недавно говорилъ, что цѣлой совокупностью условій, вызывающихъ по разнымъ

---

1) *Кауфманъ*: Op. cit., стр. 262.

причинамъ постоянный и живой интересъ за границей, Англія, въ лицѣ ея органовъ печати, во главѣ съ самымъ авторитетнымъ выразителемъ дѣлового міра *Times*, стоитъ на сторонѣ Японіи, причемъ по отношенію къ Россіи обнаруживаетъ самую яркую злобу и воинственный задоръ. Нѣкоторые факты изъ текущей войны убѣждаютъ въ томъ, что злопыхательство англичанъ давно перешло со страницъ воинствующихъ газетъ въ область активной политики. О настроеніи Америки въ достаточной мѣрѣ говоритъ поведеніе ея прессы, по отношенію къ которой президентъ Штатовъ нашелъ даже необходимымъ издать декретъ, обуздывающій пылъ той ненависти, съ которой написана каждая строка, обсуждающая русско-японскій конфликтъ. Въ Германіи вообще настроеніе «тихое», особенно у аграріевъ, для которыхъ важно скорѣйшее соглашеніе съ Россіей по торговымъ договорамъ, но зато другія партіи, по словамъ того же *Вѣстника Европы*, «нерѣдко занимаютъ публику или парламентъ жестокими изобличеніями русскихъ національныхъ особенностей». Остается Франція—союзница Россіи, въ которой до сихъ поръ Россія находила обильный денежный рынокъ. Но Франція сама готовится къ войнѣ и врядъ ли можетъ въ финансовомъ отношеніи быть особенно полезной Россіи. [1])

Настроеніе же публики, повторяемъ, имѣетъ громадное значеніе при заключеніи займа. Еще въ началѣ XIX вѣка ученый Цахаріэ говорилъ, что правительства государствъ, которыя имѣютъ долги, при всѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя они предпринимаютъ, болѣе или менѣе зависятъ отъ мнѣнія капиталистовъ, у которыхъ они занимаютъ деньги или думаютъ занять. А помимо всего этого необходимо имѣть въ виду также и то обстоятельство, что всѣ государства, даже изъ разряда второстепенныхъ, съ достаточной степенью вѣроятности и не безъ основаній полагаютъ, что война съ трудомъ локализируется на одномъ мѣстѣ и между двумя только державами, что вполнѣ возможно расширеніе числа участниковъ кроваваго столкновенія, а при такихъ условіяхъ возможность заключенія займа дѣлается еще болѣе проблематичною.

Заемъ можетъ быть внутреннимъ. При обсужденіи вопроса о возможности внутренняго займа необходимо считаться съ двумя обстоятельствами. За послѣднія два царствованія государственный процентный долгъ возросъ на два милліарда, достигнувъ общей суммы въ семь милліардовъ. Изъ этого общаго количества долговой массы значительная доля цѣнныхъ бумагъ размѣщена на русскомъ денежномъ рынкѣ. По вычисленіямъ проф. Янжула, внутри Россіи обращалось лѣтъ десять тому назадъ на три милліарда цѣнныхъ бумагъ [2]). Въ данное время послѣ усиленнаго пользованія государственнымъ кредитомъ во время управленія министерствомъ С. Ю. Витте, послѣ лихорадочно выпускаемыхъ желѣзно-дорожныхъ займовъ, послѣ рас-

---

[1]) Послѣ того какъ эта статья была написана, Россія,—мы объ этомъ сообщали—произвела во Франціи и Германіи стомилліонный заемъ на выгодныхъ условіяхъ.

Редакція.

[2]) *Янжулъ*: „Основн. нач. фин. науки", стр. 340.

пространенія среди публики городскихъ, акціонерныхъ займовъ, сумма цѣнныхъ бумагъ на внутреннемъ денежномъ рынкѣ Россіи значительно возрасла. Не забудемъ также и о томъ, что за послѣднее время на этомъ же рынкѣ появилась масса бумагъ, извѣстныхъ подъ именемъ 4% государственной ренты, которой съ 1895 года по 1899 годъ, по имѣющимся въ литературѣ свѣдѣніямъ, выпущено на 590 милл. руб. Это—съ одной стороны. Съ другой стороны, необходимо обратить вниманіе также и на то, что экономическая жизнь Россіи, какъ это видно изъ работъ недавнихъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, а также изъ матеріаловъ всевозможныхъ съѣздовъ, еще не встала на твердую почву. Свободныхъ капиталовъ на денежномъ рынкѣ немного, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ также и высота банковыхъ процентовъ, дороговизна кредита, а также и недавній денежный кризисъ. Капиталы вложены въ торгово-промышленныя предпріятія, которыя переживаютъ затянувшійся кризисъ. Напомнимъ, что попытка заключить внутренній заемъ передъ послѣдней турецкой войной кончилась неудачей, и только послѣ обильныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ удались три восточные займа. Мы не утверждаемъ, конечно, того, что внутренній заемъ рѣшительно невозможенъ: торгово-промышленный и биржевой классъ можетъ, конечно, дать солидную сумму, но въ интересахъ болѣе правильнаго развитія экономической жизни страны лучше такого займа не заключать, чтобы не обѣднить страну капиталами. Въ этомъ отношеніи правъ былъ министръ Канкринъ, говорившій, что на военные расходы нужно искать денегъ внѣ страны...

Возможнымъ рессурсомъ для покрытія военныхъ расходовъ проф. Мигулинъ [1]) считаетъ позаимствованіе изъ свободной золотой наличности государственнаго казначейства, которая къ 1 января 1904 года равнялась 350 милл. Изъ этой суммы ассигновано 280 милл. на нужды желѣзнодорожнаго строительства. Сокращая эти расходы, можно на нужды войны потратить около 250 милл. Тотъ же профессоръ допускаетъ возможность взять изъ размѣннаго фонда, обезпечивающаго наши кредитные билеты, сто милліоновъ, рекомендуя вмѣсто золота выпускать кредитки мелкихъ кюпюръ. Затѣмъ, какъ сообщали газеты и какъ разсчитываетъ г. Мигулинъ, значительная сумма можетъ быть получена путемъ возможнаго сокращенія смѣтныхъ назначеній. Такимъ образомъ для войны получается солидная сумма золота—половина милліарда рублей.

Газетныя сообщенія говорятъ о томъ, что Японія стремится, между прочимъ, добыть средства на войну путемъ введенія новыхъ налоговъ и повышенія налоговъ уже существующихъ. Русскіе осторожные финансисты, да и само финансовое вѣдомство утверждаютъ, что русскіе налоги вслѣдствіе высоты ихъ окладовъ не могутъ быть увеличены, но признается, что въ этой области могутъ быть введены новые налоги. Такъ, напримѣръ, рекомендуется введеніе подоходнаго обложенія. Объ этомъ говоритъ и органъ

---

[1]) *Экономич. Газ.* 1904 г., № 7.

министерства финансовъ *Экономическое Обозрѣніе*. Подоходный налогъ проектировался въ Россіи давно, еще въ 1812 году; была попытка ввести его въ министерство Н. Х. Бунге, но до сихъ поръ проектъ не получилъ своего осуществленія. Нужно замѣтить, что въ Англіи повышеніе подоходнаго налога во время войны давало иногда очень солидныя суммы и значительно облегчало обороты государственнаго казначейства. Вводить подоходный налогъ спеціально для того, чтобы добыть лишнія средства для войны, затруднительно потому, что новый налогъ требуетъ для своего введенія значительнаго промежутка времени, а поэтому онъ не можетъ дать сразу желаемыхъ средствъ. Можно только воспользоваться подходящимъ моментомъ, когда общественныя группы настроены повышенно и охотно, быть можетъ, примутъ подоходное обложеніе, которое очень полезно будетъ послѣ войны, какъ новый источникъ финансовыхъ средствъ, нужныхъ для борьбы съ финансовыми неблагопріятными послѣдствіями войны. Въ данное же время, по нашему мнѣнію, удобно ввести чрезвычайный военный налогъ, основанный на принципѣ подоходности. Какъ сообщали газеты, петербургское купечество, вмѣсто отдѣльныхъ пожертвованій на нужды военнаго времени, рѣшило сразу внести извѣстную сумму денегъ, разложивъ ее между отдѣльными членами своей группы. Такимъ образомъ получился какъ бы видъ особаго самообложенія, причемъ единицей обложенія было избрано промысловое свидѣтельство. Вотъ такой способъ окладного, разверстываемаго налога, можно было бы примѣнить въ широкомъ размѣрѣ среди тѣхъ лицъ, къ которымъ обычно примѣняется на Западѣ подоходное обложеніе. Впослѣдствіи такой чрезвычайный налогъ удобно будетъ преобразовать въ подоходный. Размѣръ возможнаго поступленія отъ такого налога опредѣлить трудно: все зависитъ отъ тѣхъ условій, которыя поставитъ законъ.

Съ разныхъ сторонъ слышатся увѣренія, что въ финансовомъ отношеніи Россія, во время текущей войны, можетъ считаться сравнительно хорошо обезпеченной, что денегъ хватитъ на всю войну, и что не придется прибѣгать къ выпускамъ бумажныхъ денегъ. Признавая, что лучше всего обойтись безъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, которыя всегда вносятъ замѣшательство въ экономическую жизнь страны, въ заключеніе своего сообщенія мы должны заявить, что если въ случаѣ крайней необходимости и будутъ выпущены бумажныя деньги, то всетаки въ первое время рубль кредитный будетъ равенъ рублю металлическому, чего не было, напримѣръ, въ послѣднюю турецкую войну, когда бумажныя деньги выпускались съ упавшимъ и колеблющимся курсомъ. Въ этомъ —преимущество страны съ твердой металлической валютой. Если, говоримъ, придется въ случаѣ крайней необходимости выпустить бумажныя деньги, то война, кромѣ обычныхъ своихъ неблагопріятныхъ послѣдствій, оставитъ и еще одно тяжелое: неразмѣнныя бумажныя деньги. Тогда на очередь снова встанетъ вопросъ о возстановленіи металлической валюты, причемъ необходимо будетъ обратить вниманіе на то, что устойчивость валюты не столько зависитъ отъ

запаснаго металлическаго фонда, сколько отъ прочныхъ устоевъ экономической жизни страны, которая при цѣлесообразной и просвѣщенной экономической политикѣ можетъ вынести самыя тяжелыя послѣдствія войны. Примѣромъ можетъ служить Франція, которая послѣ разгрома ея нѣмцами въ короткое время встала на ноги и снова заняла свое мѣсто въ ряду промышленныхъ странъ. Слѣдовательно, вопросъ о финансовой готовности къ войнѣ сводится, главнымъ образомъ, къ коренному вопросу о развитіи народнаго благосостоянія. Однѣ финансово-техническія мѣропріятія безсильны побороть зло даже и въ томъ ожидаемомъ всей Россіей случаѣ, если настоящая война окончится погромомъ Японіи. Всякая побѣдоносная война, какъ и всякая излѣченная болѣзнь, стоитъ очень дорого, побѣды пожираютъ деньги и въ этомъ, по словамъ одного нѣмецкаго поэта, проклятіе большого зла, порождающаго другое большое зло...

М. Боголѣповъ.

Разладъ между уголовнымъ закономъ и народнымъ обычаемъ на Кавказѣ и его вліяніе на преступность *).

IV.

Когда сенаторы Кутаисовъ и Мечниковъ обревизовали Закавказье, они пришли въ ужасъ отъ всего того, что они здѣсь увидѣли и не находили словъ для выраженія своего изумленія. Всѣ законы, всѣ принципы, всѣ заповѣди мудраго государственнаго устроенія были здѣсь попраны самымъ безжалостнымъ образомъ. Полное смѣшеніе властей административной съ судебною и даже законодательною; соединеніе въ одномъ лицѣ или въ одномъ учрежденіи обязанностей слѣдователя и судьи; отсутствіе особыхъ органовъ подготовляющихъ, рѣшающихъ, исполняющихъ; отсутствіе апелляціонныхъ и ревизіонныхъ инстанцій и даже систематическаго надзора; повсемѣстное смѣшеніе россійскихъ законовъ съ мѣстными обычаями; господство административнаго усмотрѣнія надъ закономъ вездѣ, и въ области уголовнаго правосудія въ особенности; передача главнокомандующимъ своихъ исключительныхъ правъ мѣстнымъ и даже низшимъ начальникамъ; неисполненіе карательныхъ приговоровъ суда съ одной стороны, и смертныя казни безъ всякаго слѣдствія и суда — съ другой; внутреннія таможенныя пошлины, стѣсняющія торговлю, неуравнительность податного обложенія между жителями даже сосѣднихъ участковъ, и рядомъ со всѣмъ этимъ поборы, взяточничество, неправосудіе и всевозможныя злоупотребленія властью.

Не понимая глубокихъ историческихъ причинъ, вызвавшихъ всѣ эти неустройства, не выбираясь еще изъ хаоса впечатлѣній, въ который повергалъ ихъ этотъ край, имѣвшій почти въ каждомъ участкѣ особое племя, особый сословный строй, особые нравы и обычаи, особую монету, особыя единицы мѣръ, особую финансовую систему и особый порядокъ управленія, сенаторы совершенно растерялись, когда имъ было предложено представить

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1904 г.

совмѣстно съ Паскевичемъ проектъ необходимыхъ реформъ. «Такое положеніе дѣлъ невозможно исправлять мало-по-малу, — доносили они государю, — надлежитъ однимъ общимъ распоряженіемъ прекратить зло въ его основаніяхъ и, упразднивъ всѣ существующія здѣсь учрежденія, ввести во всѣхъ закавказскихъ провинціяхъ россійскій образъ управленія и законы», «ибо,—пояснялъ Паскевичъ,—надо прежде всего приблизить народъ къ духу россіянъ; но что же можетъ рѣшительнѣе измѣнить ихъ характеръ, какъ не правленіе?»

Злоупотребленій всякаго рода было дѣйствительно очень много. На Кавказъ назначались въ то время во всякомъ случаѣ не лучшіе люди, а чувствуя себя здѣсь не связанными ни точнымъ закономъ, ни контролемъ, они быстро деморализировались и пріобрѣтали всѣ слабости и пороки персидскихъ чиновниковъ. Были мѣстности, гдѣ слово «русскій законъ» вызывало усмѣшку, и Самадъ-Султанъ—родовой владыка одного изъ кочевыхъ обществъ, когда его пугали закономъ за прорывъ карантина, имѣлъ право отвѣтить, похлопывая себя по карману: «О, я хорошо знаю русскій законъ, слава Богу *его* у меня здѣсь достаточно!» Все это было, конечно, очень печально и требовало большихъ исправленій. Но если бы гг. сенаторы, покинувъ обревизованныя канцеляріи, спустились къ народу, которымъ надлежало здѣсь управлять, они увидѣли бы нѣчто такое, что дѣлало еще совершенно немыслимымъ введеніе россійскихъ судовъ и законовъ. Вмѣсто россійскаго духовенства, дворянъ, почетныхъ гражданъ, мѣщанъ и крестьянъ, они увидѣли бы здѣсь множество сословныхъ классовъ: хановъ, ага, меликовъ, султановъ, агаларовъ, бековъ, юзбашей, сеидовъ, агамировъ, тархановъ, нампаузовъ, нукеровъ, роятовъ, речбаровъ, которые продолжали еще пользоваться своими званіями и своими правами, не означавшими ничего опредѣленнаго въ системѣ русскаго государственнаго права. Вмѣсто собственниковъ и арендаторовъ, они нашли бы здѣсь разнообразнѣйшіе виды землевладѣнія на правахъ ахчевомъ, таппомъ, кешкельномъ, халиса, даруга, мюлька, тіула, которые продолжали существовать, не выражая никакихъ опредѣленныхъ понятій въ системѣ русскаго гражданскаго права. Видя все это, гг. сенаторы признали бы необходимымъ, прежде введенія россійскихъ судовъ и законовъ, привести въ точную извѣстность всѣ эти личныя и имущественныя права и выразить ихъ въ терминахъ нашего права, такъ какъ судъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ знать тѣ права, которыя ввѣрялись его охранѣ. Но если бы тѣ же сенаторы пошли еще далѣе и снизошли до знакомства съ міровоззрѣніемъ, моралью, нравами и обычаями населенія, — словомъ съ тѣмъ духомъ народа, который, по ихъ мысли, надлежало приблизить къ духу россіянъ дѣйствіемъ законовъ россійскихъ, то они неизбѣжно наткнулись бы на тотъ самый вопросъ, который успѣлъ уже измучить всѣхъ управляющихъ краемъ отъ Кноррринга до Ермолова,—*какъ управлять*—по-европейски или по-азіатски? Какъ управлять населеніемъ, которое всю нашу судебную процедуру, всѣ формы и обряды нашего дѣлопроизводства считаетъ для себя притѣсненіемъ, которое со всѣми

нуждами и претензіями идетъ прямо къ начальнику, требуя отъ него немедленнаго и безапелляціоннаго рѣшенія или самаго категорическаго отвѣта: да или нѣтъ? Какъ управлять народомъ, въ которомъ преслѣдованіе преступника безъ жалобы потерпѣвшаго вызываетъ всеобщее недоумѣніе и признается ненужнымъ насиліемъ; въ которомъ потерпѣвшіе, примирившись съ преступникомъ, скрываютъ имя убійцы и ограбившаго ихъ вора, въ которомъ кровомщеніе почитается религіозною заповѣдью и нравственнымъ долгомъ; въ которомъ осмотръ уже омытаго трупа считается «нарушеніемъ закона», а освидѣтельствованіе черезъ врача изнасилованной женщины признается оскорбленіемъ — столь же тяжкимъ, какъ и самое изнасилованіе? Возможно ли управлять дѣтьми такъ же, какъ взрослыми? Справедливо ли относиться къ горячему, импульсивному и вооруженному полудикарю съ такою же требовательностью и строгостью, какъ къ выдержанному и безоружному европейцу?—Столкнувшись съ этими вопросами? Сенаторы не донесли бы государю, что Цыціановъ и Ермоловъ «коснулись до потрясенія коренныхъ государственныхъ узаконеній и присвоили себѣ права власти самодержавной»; они знали бы, какъ и почему эти чтимые народною памятью люди создали въ каждомъ изъ закавказскихъ владѣній особый, до крайности упрощенный, порядокъ управленія и предоставили благоусмотрѣнію мѣстныхъ начальниковъ огромный просторъ, не взирая на неизбѣжныя при этомъ злоупотребленія.

Но почтенные сенаторы и совершенно неподготовленный для службы гражданской Паскевичъ ничего этого не видѣли и съ легкимъ сердцемъ составили свой незамысловатый проектъ, который поступилъ затѣмъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта и «особаго комитета объ устройствѣ закавказскаго края», учрежденнаго въ 1833 г. подъ предсѣдательствомъ Чернышова.

И государственный совѣтъ, и особый комитетъ, для которыхъ Закавказье было тогда еще совершенно невѣдомымъ краемъ, не имѣли ни малѣйшихъ основаній не довѣрять мнѣнію ревизовавшихъ сенаторовъ, и одобренный ими въ принципѣ проектъ не получалъ законодательной санкціи только потому, что преемникъ Паскевича—баронъ Розенъ, обладавшій болѣе гибкимъ умомъ, а главное — болѣе чуткимъ сердцемъ, въ теченіе шести цѣлыхъ лѣтъ не переставалъ убѣждать и умолять государя и всѣхъ министровъ то рапортами, то частными письмами не торопиться никакими заключеніями и не вводить никакихъ преобразованій, а только упрочивать и улучшать то, что было сдѣлано его предмѣстниками. Для прекращенія безпорядковъ и злоупотребленій,—писалъ онъ,—нужны не преобразованія, а неусыпное вниманіе и дѣятельность; для пріученія полудикихъ народовъ къ нѣкоторой гражданственности, нужно держаться управленія, свойственнаго духу обитателей, сообразуясь съ законами и обычаями каждой народности и ослабляя вредные обычаи постепенно, посредствомъ частныхъ улучшеній, а не общихъ реформъ. Вслѣдствіе такихъ настояній государственный совѣтъ, послѣ многократныхъ обсужденій вопроса, рѣшилъ начать дѣло сначала,

т.-е. составить новое предположеніе объ устройствѣ гражданскаго управленія Закавказьемъ, не стѣсняясь вовсе россійскими законами, но *«съ полной увѣренностью, что всѣ мѣстныя потребности раскрыты и охранены,* а уже затѣмъ разсмотрѣть это предположеніе съ высшей—государственной точки зрѣнія». Государь, лично вникавшій во всѣ перипетіи этого дѣла, искренно желавшій устроить Закавказскій край наилучшимъ образомъ, вполнѣ раздѣлилъ это мнѣніе и былъ крайне озабоченъ пріисканіемъ лица, которое могло бы исполнить порученіе столь исключительно трудное. Выборъ палъ, наконецъ, на молодого сенатора Гана—образованнаго, блестящаго, остроумнаго.

Все, повидимому, обѣщало успѣхъ задуманному предпріятію. Гану было предоставлено пріискать себѣ необходимыхъ помощниковъ во всѣхъ министерствахъ, взять ихъ съ собою въ Тифлисъ и тамъ, на мѣстѣ, не стѣсняясь ни временемъ, ни деньгами, составить проектъ управленія, который вполнѣ соотвѣтствовалъ бы духу населенія и нуждамъ народнымъ. Самая личность Гана внушала большія надежды. Совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ лифляндскимъ губернаторомъ; затѣмъ, поссорившись съ начальствомъ, онъ въ 1826 г. вышелъ въ отставку и, несмотря на свой генеральскій чинъ и аннинскую ленту, поступилъ студентомъ въ Гейдельбергскій университетъ. Окончивъ тамъ курсъ, онъ объѣздилъ всю Европу, побывалъ въ Америкѣ, и, вернувшись послѣ того въ Петербургъ, сдѣлался сразу самымъ привлекательнымъ и интереснымъ человѣкомъ въ гостинныхъ большого свѣта. При всемъ томъ Ганъ оказался, къ сожалѣнію, столько же ловкимъ, сколько недобросовѣстнымъ и недѣльнымъ *).

Набравъ себѣ сотрудниковъ изъ золотой молодежи самыхъ аристократическихъ фамилій, Ганъ къ лѣту 1837 г. отправился на Кавказъ. Прибывъ въ этотъ край, пестрящій чрезвычайнымъ разнообразіемъ мѣстности, племенъ и ихъ историческаго прошлаго, онъ тотчасъ же убѣдился, что изучать особенности и нужды, нравы и обычаи туземцевъ будетъ дѣломъ для него неподходящимъ, и потому рѣшилъ немедленно приступить къ составленію самаго проекта по готовому уже образцу, имѣвшемуся въ его портфелѣ. Раздѣливъ край на губерніи, губерніи на уѣзды, а уѣзды на участки и положивъ вездѣ присутственныя мѣста, существовавшія во внутреннихъ губерніяхъ, Ганъ занялся составленіемъ таблицъ, штатовъ и подробнѣйшаго положенія о правахъ и обязанностяхъ разныхъ должностныхъ лицъ и о порядкѣ дѣлопроизводства, пользуясь для этого готовымъ текстомъ свода законовъ. Такой характеръ работы не могъ, разумѣется, нравиться барону Розену, положеніе котораго вынуждало всячески отстаивать интересы Кавказа, и потому между нимъ и блестящимъ преобразователемъ края установились отношенія весьма неладныя; тѣмъ болѣе, что Ганъ, подъ видомъ ознакомленія съ мѣстными особенностями и нуждами,

*) „Записки гр. Корфа", *Русская Старина* 1900 г., январь и февраль.

производилъ какъ бы ревизію и принималъ всякія жалобы, приносимыя ему на распоряженія мѣстныхъ властей. Осенью того же года Ганъ воспользовался пріѣздомъ въ Тифлисъ императора Николая I и доложилъ ему въ присутствіи главноуправляющаго о всѣхъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, какъ бы случайно обнаруженныхъ имъ при изученіи края. «Благородный Розенъ»—какъ называлъ его императоръ Александръ II—не ожидавшій ничего подобнаго, растерялся и не могъ дать государю тотчасъ же необходимыхъ отвѣтовъ. Участь его была рѣшена. Въ ноябрѣ онъ былъ уволенъ отъ должности, и на его мѣсто былъ назначенъ гораздо менѣе способный, но за то болѣе сговорчивый генералъ Головинъ.

Съ удаленіемъ Розена исчезло главное препятствіе къ осуществленію предначертаній всесильнаго кн. Варшавскаго. Ермоловъ, вынужденный къ бездѣйствію, давно безмолствовалъ, ограничиваясь юмористической перепискою о кавказскихъ дѣлахъ съ кн. Воронцовымъ; остальные покоились въ могилахъ. Въ началѣ 1838 г. Ганъ донесъ объ окончаніи возложеннаго на него порученія и представилъ вполнѣ законченный проектъ. Такая быстрота всѣхъ изумила. Особый комитетъ и государственный совѣтъ были увѣрены, что Ганъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ соберетъ на мѣстѣ всѣ нужные матеріалы и свѣдѣнія; восемь мѣсяцевъ — для лица никогда не видѣвшаго Кавказа—этого едва достаточно, чтобы ознакомиться съ мѣстностью, разобраться въ хаосѣ новыхъ впечатлѣній и выработать програму для своихъ занятій; но и эта кажущаяся странность была отнесена на счетъ исключительныхъ дарованій барона Гана. Осыпанный наградами, Ганъ торжествовалъ побѣду, заранѣе увѣренный въ благосклонности «особаго комитета», состоявшаго изъ личныхъ его друзей. Но здѣсь онъ неожиданно встрѣтилъ очень опаснаго противника въ лицѣ гр. Киселева, который тотчасъ же замѣтилъ, что въ проектѣ не было никакой мысли, никакого творчества, никакого вниманія къ мѣстнымъ особенностямъ и нуждамъ, охрана которыхъ составляла важнѣйшую задачу барона Гана. Полагая съ своей стороны, что «всѣ неустройства по части гражданскаго управленія за Кавказомъ происходятъ едва ли не отъ преждевременнаго введенія тамъ нашихъ законовъ, ибо законы каждой страны должны проистекать изъ элементовъ народной жизни и соотвѣтствовать всѣмъ его потребностямъ и отношеніямъ», гр. Киселевъ предложилъ возвратить проектъ Гану для передѣлки, руководствуясь слѣдующими двумя началами:

1) Дать мусульманскимъ провинціямъ болѣе простое управленіе, сходное съ существующимъ, не настаивая на раздѣленіи властей, не заводя апелляціонныхъ и ревизіонныхъ инстанцій и примѣняясь къ дѣйствительнымъ нуждамъ и понятіямъ жителей.

2) Въ тѣхъ же провинціяхъ не торопиться введеніемъ россійскихъ законовъ, и правительственныхъ судовъ не учреждать вовсе, предоставивъ жителямъ въ дѣлахъ тяжебныхъ разбираться или у полицейскихъ властей, или въ словесныхъ народныхъ судахъ по своимъ законамъ и обычаямъ, а для сужденія преступниковъ, подлежащихъ дѣйствію нашихъ законовъ, учредить

военно-судныя коммиссіи, но при этомъ *«въ опредѣленіи преступленій, подлежащихъ судебно-уголовному разбору, допустить всѣ изъятія, необходимыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ*, примѣняясь къ правиламъ, постановленнымъ вообще для сужденія инородцевъ» *).

Такимъ образомъ роль охранителя мѣстныхъ нуждъ и потребностей, невыполненную сенаторомъ Ганомъ, теперь бралъ на себя гр. Киселевъ, находившійся за $2^1/_2$ тыс. верстъ отъ Кавказа. Но Ганъ не отчаявался. Спасая свой проектъ, въ которомъ замѣчанія Киселева не оставляли въ сущности ни одной статьи, онъ возражалъ, что «жителямъ мусульманскихъ провинцій вовсе не чужды понятія о выгодахъ нашего законодательства и они всегда готовы искать въ немъ правосудія», что ропотъ вызываютъ не наши законы, а судебная волокита, обряды судопроизводства, смѣшеніе въ лицѣ комендантовъ власти судебной, полицейской и финансовой и поборы магальныхъ наибовъ, и что, наконецъ, *«мѣстныхъ законовъ и обычаевъ у нихъ вовсе нѣтъ,* ибо ханы управляли не по законамъ, а по произволу, милуя и наказуя только по своей прихоти».

Нужно ли объяснять, что въ этомъ возраженіи не было ни одного слова правды. Какъ могли жаловаться мусульмане на судебную волокиту, на формы и обряды судопроизводства, когда въ провинціальныхъ судахъ никакихъ формъ и обрядовъ судопроизводства и вовсе не существовало; какъ могли жаловаться они на смѣшеніе властей, когда о раздѣленіи властей они не могли имѣть никакого понятія; какъ могли просуществовать многія столѣтія закавказскія ханства, не имѣя у себя никакихъ обычаевъ и законовъ? Въ Дербентской провинціи, въ Джоро-Белоканской области, въ доброй половинѣ Кубинской провинціи и въ нѣкоторыхъ магалахъ Шекинской провинціи дѣйствовало, да и до сихъ поръ дѣйствуетъ обычное право, прекрасные сборники котораго давно уже сдѣлались достояніемъ нашей печати; въ остальныхъ провинціяхъ съ мѣстными обычаями конкурировало и мусульманское право (шаріатъ) и произволъ хановъ, но этотъ произволъ не былъ безпорядочнымъ и анархичнымъ и во всякомъ случаѣ не исключалъ закона и обычая, какъ общаго правила. Во времена Гана не представляло бы большого труда разыскать и свести въ рядъ статей обычное карательное право татаръ, но и въ этомъ не было особливой надобности; важенъ не сводъ статей, а уголовное право, существующее въ народномъ правосознаніи, въ извѣстной *системѣ понятій,* отвѣчающихъ на вопросы: *для чего* карать, *когда* карать и *какъ* карать? Въ этомъ смыслѣ понятое уголовное право закавказскихъ татаръ сильно напоминаетъ Русскую Правду, отчасти «судебникъ» Ивана Грознаго, и находится въ глубочайшемъ противорѣчіи съ новѣйшимъ правомъ, насквозь пропитаннымъ вліяніемъ церкви и европейской философіи.

Во всякомъ случаѣ заявленіе Гана, что въ закавказскихъ ханствахъ

---

*) Журналы комитета объ устройствѣ Закавказскаго края 16 декабря 1839 г. и 22 января 1840 г.

не было ни законовъ, ни обычаевъ, показалось особому комитету болѣе забавнымъ, чѣмъ дѣльнымъ; Гану не повѣрили и вызвали для объясненій Головина. Головинъ, о которомъ Ермоловъ писалъ: «онъ столько же похожъ на главнокомандующаго, какъ я на митрополита», подтвердилъ увѣренія Гана. Не повѣривъ и Головину, комитетъ потребовалъ директора его канцеляріи; однако же и директоръ канцеляріи заявилъ, что «слѣдовъ какого-нибудь законодательства тамъ вовсе нѣтъ». Очевидно директоръ полагалъ, что рѣчь идетъ о писанныхъ законахъ; но какъ бы то ни было, дѣло было рѣшено, и комитетъ, омывъ руки, сославшись на категорическія заявленія сенатора Гана и генерала Головина и, помянувъ всѣхъ лицъ, предлагавшихъ введеніе въ краѣ россійскихъ законовъ—Кутаисова, Мечникова и фельдмаршала князя Варшавскаго, одобрилъ проектъ. Апрѣля 10 дня 1840 г. онъ сталъ закономъ.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ по этому поводу Головину, между прочимъ, выражено: «Я убѣжденъ, что составленный послѣ многолѣтнихъ изысканій и при непосредственномъ участіи вашемъ проектъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ особеннымъ обстоятельствамъ и гражданскому быту жителей за Кавказомъ. Твердая и непремѣнная воля моя состоитъ въ томъ, чтобы вѣрноподданные мои за Кавказомъ воспользовались на самомъ дѣлѣ всѣми благими послѣдствіями моихъ попеченій и дарованнаго имъ промысломъ Божіимъ счастья принадлежать къ составу обширнаго царства русскаго. Къ сей цѣли обязаны вы устремить всѣ ваши усилія». Вмѣстѣ съ тѣмъ государь повелѣвалъ Головину привести проектъ въ исполненіе совмѣстно съ сенаторомъ Ганомъ, который, въ награду за предстоявшіе ему труды, былъ пожалованъ членомъ государственнаго совѣта.

По этому случаю Ганъ и Головинъ прежде всего заключили между собою въ Петербургѣ подробный письменный договоръ *) о соблюденіи взаимнаго этикета, дабы ни въ какомъ случаѣ не умалить достоинства ни главноуправляющаго, ни «сановника, призваннаго довѣріемъ его величества на дѣло столь важное»; а затѣмъ оба выѣхали на Кавказъ и приступили къ дѣлу—«Ганъ съ обычною ловкостью и изворотливостью, Головинъ—съ робостью и сомнѣніемъ» **).

V.

Къ началу января 1741 г. преобразованіе края было повсемѣстно закончено, присутственныя мѣста открыты, тюрьмы построены; чиновники, по выбору Гана, назначены; агалары, наибы и моуравы отъ управленія народомъ удалены; участковые засѣдатели вездѣ поставлены, и даже разрѣшенъ первый вопросъ судебной практики о сѣченіи розгами непремѣнно всѣхъ лицъ податного сословія, не исключая и мусульманокъ. Словомъ, ма-

*) Акты кавказ. археогр. ком. Т. XI, № 25.
**) Записки гр. Корфа. *Русская Старина*, янв. 1900 г., стр. 39.

шина была пущена полнымъ ходомъ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ гусиныя перья усердно и непрерывно скрипѣли.

Окончивъ порученіе, сенаторъ Ганъ въ началѣ апрѣля того же года донесъ государю: «Священная воля вашего императорскаго величества...» «все преобразованіе совершилось здѣсь безъ малѣйшаго потрясенія и какъ будто силою волшебною». Новое устройство Закавказскаго края «не есть для него только основа счастливой будущности: это уже полное зданіе, подъ кровомъ коего должны развиться могучія умственныя и нравственныя силы народа, богатство и просвѣщеніе, незараженное нечистою примѣсью идей нашего вѣка; зданіе, вызванное къ бытію геніемъ и волею вашего величества выполнена...» «Я оставляю край въ совершенной тишинѣ и спокойствіи, чиновники трудятся ревностно и прилежно; число преступленій примѣтно уменьшается, повинности отбываются, подати платятся, и я счастливъ завѣрить ваше императорское величество, что новое устройство вполнѣ соотвѣтствуетъ нуждамъ народа...» «Быстро созданное, но полное силы и счастливой будущности, дѣло это требуетъ теперь одного, чтобы оно упрочилось черезъ точное и вѣрное соблюденіе всего предписаннаго, чтобы вѣрный глазъ распознавалъ, а твердая рука, не содрогаясь, исторгала злыя зелія, посѣваемыя небрежностью, лихоимствомъ и произволомъ...» «Такъ, государь, пора жатвы близка, и время пожертвованій для Закавказья отнынѣ принадлежитъ исторіи!»

Посмотримъ теперь, какова была эта жатва *).

Новое учрежденіе вызвало всеобщій ропотъ: жаловался народъ, жаловались чиновники, жаловался и приходилъ въ отчаяніе самъ Головинъ. Страшный формализмъ опуталъ всю правительственную систему—никто не смѣлъ подать просьбу даже уѣздному начальнику, минуя участковаго засѣдателя. Въ Гуріи вспыхнулъ бунтъ, въ Осетіи и Белоканахъ произошли волненія. Повсюду появились разбойничьи шайки. Явный разбойникъ выходилъ изъ суда оправданнымъ, по неимѣнію формальныхъ, преудстановленныхъ закономъ, доказательствъ. Народъ какъ будто сговорился не выдавать намъ своихъ преступниковъ, прибѣгая для этого къ сопротивленію властямъ, лжесвидѣтельству и подкупу судей; и въ то же время путешествовавшій по Кавказу графъ Сюзанне своими «souvenirs de voyage» безжалостно осмѣивалъ насъ на всю Европу.

Государь встревожился и въ 1842 г. командировалъ на Кавказъ князя Чернышева и статсъ-секретаря Позена, чтобы выяснить «въ какой степени справедливы дошедшіе до него слухи; и если новое устройство Кавказа дѣйствительно оказывается неудобнымъ, то причины сего неудобства кроются ли въ самомъ учрежденіи, или же въ исполнителяхъ?»

И кн. Чернышевъ, и умный, дѣловитый Позенъ были друзьями Гана

*) Лично для Гана она была недурною; онъ получилъ брилліанты къ Александру Невскому и 35 т. р. на покрытіе своихъ долговъ.

и, участвуя въ качествѣ членовъ комитета въ утвержденіи его проекта, не имѣли, разумѣется, охоты находить корни зла въ самой реформѣ. Но въ результатѣ работы Позенъ представилъ государю обширный и превосходно написанный докладъ съ такимъ общимъ выводомъ. Новое учрежденіе устранило прежній произволъ, разнообразіе и безотчетность во всѣхъ частяхъ управленія и само по себѣ имѣетъ важныя преимущества. При самомъ введеніи его не было никакихъ затрудненій; не зная, въ чемъ дѣло, жители приняли его съ полнымъ довѣріемъ и надеждою на лучшее будущее. «Однако, въ примѣненіи къ многоразличнымъ племенамъ закавказскимъ, оно основной цѣли правительства—доставить жителямъ желаемыя выгоды—къ сожалѣнію, не достигаетъ». Механизмъ управленія «съ отдѣленіемъ суда отъ полиціи, сдѣлался слишкомъ сложнымъ; число чиновниковъ удвоилось, судебныхъ дѣлъ, вмѣсто 2,400, бывшихъ въ 1839 г., стало теперь въ 1841 г. 4,800; расходы по одному только гражданскому управленію превысили всѣ доходы края на $1^1/_2$ м. р.». А между тѣмъ, «управленіе не удовлетворяетъ потребностямъ жителей ни въ дѣлахъ полиціи, ни въ дѣлахъ суда, ни въ дѣлахъ хозяйства; народъ покинулъ тѣ надежды, съ которыми встрѣтилъ реформу, забылъ всѣ стѣсненія и злоупотребленія прежняго управленія и въ однихъ мѣстахъ словесно, а въ другихъ—письменно, *проситъ о возстановленіи прежнихъ порядковъ*». Причины сего,—поясняетъ Позенъ,—кроются въ томъ, что «самое учрежденіе, перенесенное сюда изъ русскихъ губерній, не соображено со степенью гражданственности жителей, которые имѣютъ совершенно иныя понятія, вѣрованія, обычаи и образъ жизни...» «Все управленіе заключается въ одномъ только письмоводствѣ, прямого же дѣйствія нѣтъ и, начиная съ высшихъ инстанцій до низшихъ полицейскихъ мѣстъ, всѣ только пишутъ и пересылаютъ другъ другу формальныя бумаги». Эта безконечная переписка, утомительная и для русскихъ, «нестерпима для азіатца, привыкшаго къ суду скорому, хотя бы и не всегда справедливому». Порядокъ тяжебнаго судопроизводства по большей части удовлетворяетъ туземцевъ, но въ уголовномъ процессѣ «*весь розыскной порядокъ слѣдствія, обыкновенно не обнаруживая ничего*, крайне обременяетъ жителей...» «*Законы объ уликахъ и самые виды наказаній не соотвѣтствуютъ вовсе мѣстнымъ условіямъ*». Наконецъ,—заключаетъ Позенъ,—племена, населяющія Закавказье, столь разнообразны, что къ нимъ не слѣдовало примѣнять *однообразный* порядокъ управленія и суда. «Единство должно заключаться въ единствѣ власти и въ единствѣ цѣли, *но отнюдь не въ единствѣ средствъ*, приводящихъ къ той цѣли».

Докладъ Позена былъ возвращенъ Чернышеву съ такою резолюціей государя: «Нельзя безъ сожалѣнія читать: такъ искажаются всѣ благія намѣренія правительства. Предъявите сей рапортъ комитету министровъ, чтобы всѣ убѣдились въ непростительной неосновательности барона Гана, котораго надменность привела въ заблужденіе правительство и принуждаетъ *безотлагательно приступить къ отмѣнѣ* еще столь недавно

утвержденнаго». На просьбу Чернышева не передавать комитету министровъ подлинной высочайшей резолюціи, государь не согласился.

— Что-жъ, развѣ Ганъ станетъ просить суда? Я, пожалуй, готовъ отдать его и подъ судъ. Онъ такъ меня взбѣсилъ, что я радъ его и повѣсить!

Позенъ силился заступиться за Гана, принимая часть вины его на себя.

— Ни ты, ни Чернышевъ, ни правительственный совѣтъ не виноваты,—возразилъ государь.—Кромѣ Гана никто не видѣлъ и не зналъ Кавказа. Еще виню я себя, но мнѣ успѣли представить все дѣло въ такомъ видѣ, что я вдался въ обманъ.

При этомъ государь вспомнилъ Ермолова, котораго... «тутъ не было».

Эта резолюція покончила навсегда съ карьерою Гана. Послѣдующія событія не дали ему возможности оправдаться и лишь раскрыли во всей полнотѣ значеніе сдѣланной имъ ошибки.

VI.

Не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ архитектурное зданіе гражданскаго управленія, воздвигнутаго Ганомъ безъ всякаго вниманія къ мѣстнымъ условіямъ, превратилось въ безобразную груду развалинъ. Мы увидимъ сейчасъ, что это произошло самымъ естественнымъ образомъ, подъ могучимъ напоромъ народной жизни.

Самыми существенными недостатками реформы 1840 г. слѣдуетъ признать прежде всего полное устраненіе земскаго элемента отъ управленія народомъ, а затѣмъ учрежденіе суда, совершенно чуждаго народу, и притомъ такого, къ которому самъ законъ относился съ полнымъ недовѣріемъ, создавая сложную систему инстанцій, провѣрявшихъ и ревизовавшихъ каждый приговоръ прежде, чѣмъ онъ получалъ силу судебнаго рѣшенія. Участковый засѣдатель производилъ формальное слѣдствіе и представлялъ его уѣздному начальнику, уѣздный начальникъ разсматривалъ дѣло и препровождалъ его въ уѣздный судъ; уѣздный судъ собиралъ путемъ письменныхъ сношеній нужныя ему дополнительныя свѣдѣнія и, руководствуясь предустановленною закономъ расцѣнкою уликъ, постановлялъ или приговоръ (по преступленіямъ менѣе важнымъ) или только мнѣніе (по преступленіямъ важнѣйшимъ); приговоръ или мнѣніе отсылались на просмотръ къ уѣздному стряпчему, а затѣмъ съ его заключеніемъ представлялись въ палату уголовнаго и гражданскаго суда; палата, собравъ, буде нужно, дополнительныя справки, писала рѣшеніе и препровождала его къ губернскому прокурору; прокуроръ возвращалъ дѣло въ палату съ своими указаніями; палата, сообразивъ замѣчанія прокурора, исправляла приговоръ и представляла все дѣло губернатору; губернаторъ въ теченіе шести недѣль или утверждалъ приговоръ, или возвращалъ его снова въ палату съ своими возраженіями; палата. сообразивъ эти возраженія и перерѣшивъ

дѣло, вторично представляла его прокурору, а затѣмъ губернатору; губернаторъ, если онъ и соглашался вполнѣ съ этимъ исправленнымъ приговоромъ, не могъ его утвердить, а представлялъ все дѣло въ сенатъ.

Таково движеніе всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, за исключеніемъ самыхъ маловажныхъ, подлежавшихъ и во внутренней Россіи полицейской расправѣ. И всѣ эти инстанціи и учрежденія отъ уѣзднаго суда до сената—пересматривали и перерѣшали дѣло, не видя подсудимаго и справляясь не съ тѣмъ, насколько то или другое рѣшеніе отвѣчало требованіямъ справедливости, или правдѣ народной, интересамъ потерпѣвшаго, пользы общественной, или даже видамъ правительства, а только съ буквою закона о наказаніи и судѣ.

Та же формалистика и та же долгая процедура и въ дѣлахъ гражданскихъ. Все было предусмотрѣно прозорливымъ и аккуратнымъ Ганомъ, все прописано, даже формы повѣстокъ, одна для вызова «къ рукоприкладству», другая—для вызова «къ отвѣту»,—даже публикаціи въ *С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ* для вызова отвѣтчика, выѣхавшаго изъ своего аула; здѣсь было все, кромѣ суда скораго, близкаго и понятнаго народу. Это чувствовалось при самомъ утвержденіи проекта, въ который, какъ бы въ насмѣшку надъ придуманнымъ для населенія судомъ, втиснута по настоянію гр. Киселева ст. 252: но «мѣстное начальство *всемѣрно старается,* чтобы туземцы Закавказья вообще для разбора между собою тяжебъ» въ сей судъ не ходили, а «обращались или въ духовный судъ шаро, или къ суду третейскому». Трудно сказать, до чего дошло бы неудовольствіе населенія, если бы Киселеву не удалось добиться этого юмористическаго добавленія. Но обратимся къ суду уголовному.

Прежде всего вызвало всеобщее негодованіе тѣлесное наказаніе женщинъ, въ особенности мусульманокъ. Это нововведеніе, отдававшее въ распоряженіе палача или полицейскаго служителя женщину, недоступную на востокѣ даже взгляду посторонняго мужчины, вызвало множество частныхъ возстаній и сопротивленій. Вопросъ объ отмѣнѣ этихъ наказаній для женщинъ, былъ возбужденъ всѣми уѣздными начальниками, вслѣдъ за введеніемъ реформы. Поэтому уже въ декабрѣ 1841 г. комитетъ объ устройствѣ закавказскаго края «усматривая, что тѣлесныя наказанія мусульманокъ почитаются не только нарушеніемъ обычаевъ народныхъ вообще, но и оскорбленіемъ вѣры, и что ссылка въ Сибирь сама по себѣ столь тяжка для жителей Закавказья, что она одна уже достаточна для предупрежденія преступленій, какъ это показалъ опытъ прежняго времени, постановилъ наказанія эти, какъ *вовсе неумѣстныя* для мусульманокъ, отмѣнить; а принимая во вниманіе, что нравы жителей Закавказскаго края, какого бы вѣроисповѣданія они ни были, чрезвычайно сблизились съ обычаями азіатскими, изъятіе это распространить на всѣхъ женщинъ края, замѣняя розги и плети, когда онѣ назначаются единственнымъ наказаніемъ, тюрьмою или арестомъ».

Затѣмъ, возвращаясь къ прежнему порядку, уголовное правосудіе ста-

ло переходить постепенно изъ рукъ юстиціи въ руки полиціи, гдѣ представлялась возможность сообразоваться съ требованіями порядка и жизни, вопреки требованіямъ закона. Уже въ началѣ 1842 г. оказалась необходимость расширить юрисдикцію участковыхъ засѣдателей и уѣздныхъ начальниковъ, предоставивъ имъ рѣшать собственною властью уголовныя дѣла меньшей важности до кражъ и грабежей безъ насилія на сумму не свыше 100 руб. При этомъ опять-таки важнѣйшею задачею являлось возстановленіе нарушеннаго мира и вознагражденіе потерпѣвшаго, а не личное наказаніе, размѣръ котораго не превышалъ 100 ударовъ розгами. Но къ концу того же года выяснилось, что этого изъятія изъ дѣйствія уголовныхъ законовъ будетъ далеко недостаточно. Отъ мѣстныхъ начальниковъ: карабагскаго, дербентскаго, гурійскаго и другихъ, поступили во множествѣ донесенія о чрезмѣрномъ усиленіи кражъ, грабежей и разбоевъ и о необходимости для уменьшенія сего зла возстановить прежнія постановленія, уничтоженныя при новомъ образованіи края. Обсудивъ эти донесенія, совѣтъ главнаго управленія нашелъ, что «неудобства настоящаго порядка вещей, по мнѣнію всѣхъ мѣстныхъ начальниковъ, сводятся къ недостатку фактическаго полицейскаго надзора и къ несоотвѣтствію новаго судопроизводства и русскихъ уголовныхъ законовъ съ нравами, обычаями и понятіями народа». До введенія новаго учрежденія каждая мусульманская провинція раздѣлялась на магалы, управляемые магальными беками, наибами или минбашами; въ каждомъ селеніи надзоръ былъ ввѣренъ беку, агалару или мелику, имѣвшимъ до нѣкоторой степени судебную власть. «Такое устройство полицейскаго управленія,—пишетъ совѣтъ,—было довольно удобно. Беки и агалары составляли посредствующую власть между простымъ народомъ и правительствомъ. Черезъ нихъ доходили до народа всѣ распоряженія, которыя принимались успѣшнѣе, ибо передавались единовѣрцами, пользовавшимися уваженіемъ, основаннымъ на сословныхъ преимуществахъ и на родственныхъ связяхъ». Не отдѣляясь отъ черни, подобно нашему русскому дворянству, они давали направленіе народу, и всякій примѣръ ихъ повиновенія властямъ находилъ готовыхъ исполнителей и подражателей. Отвѣтствуя передъ правительствомъ за безопасность и спокойствіе въ своихъ округахъ и селеніяхъ, дорожа расположеніемъ начальства, которое увеличивало ихъ вѣсъ и значеніе въ обществѣ, они хотя и укрывали отъ законнаго преслѣдованія преступниковъ случайныхъ и неопасныхъ, но энергично преслѣдовали преступниковъ скитающихся и опасныхъ, къ чему имѣли всѣ способы, пользуясь содѣйствіемъ всего населенія. Теперь вся тяжесть надзора пала на «участковыхъ засѣдателей, чуждыхъ управляемому народу и, при отличномъ знаніи формъ и обрядовъ письмоводства, совершенно лишенныхъ тѣхъ качествъ, которыя необходимы для вліянія на народъ». Съ другой стороны, до послѣдней реформы начальство боролось съ преступниками не столько посредствомъ наказаній, сколько путемъ денежныхъ взысканій, которыя непремѣнно и всегда взыскивались, за круговою отвѣтственностью, не только съ самихъ виновныхъ, но и съ

ихъ родственниковъ и односельцевъ. Когда же преступленіе совершалъ «скитающійся» преступникъ, или виновный оставался необнаруженнымъ, тогда потерпѣвшаго вознаграждало то селеніе, въ чертѣ охраны котораго совершалось преступленіе. «Опытъ прошлаго времени вполнѣ оправдалъ эту систему, сообразную съ понятіями населенія», и жители, оберегая свой собственный интересъ, слѣдили другъ за другомъ и не позволяли укрывать у себя «скитающихся людей». Теперь же, когда съ дѣйствіемъ новыхъ законовъ, интересы начальства и интересы народа такъ рѣзко разошлись между собою, скитающихся преступниковъ стало великое множество, а народъ не только не заботится объ ихъ поимкѣ и не содѣйствуетъ въ этомъ властямъ, но всячески укрываетъ ихъ отъ нашего преслѣдованія. Это происходитъ въ значительной степени отъ того, что «многія преступленія, которыя по законамъ нашимъ почитаются тяжкими, не имѣютъ такого характера среди туземцевъ». Таковы, напримѣръ, преступленія, учиняемыя при оружіи, а также нанесеніе ранъ и увѣчій. Въ Россіи, гдѣ народъ не носитъ оружія и гдѣ ношеніе оружія составляетъ и само по себѣ проступокъ, такія происшествія случаются сравнительно рѣдко; но въ Закавказьѣ, «гдѣ народъ всегда вооруженъ: и по привычкѣ, и мѣстами еще по необходимости, нельзя смотрѣть на это съ такою же строгостью, особенно если принять во вниманіе врожденную азіатцамъ вспыльчивость и *непонятность для нихъ нашихъ на сей предметъ постановленій*». По мѣстнымъ обычаямъ не только пораненія, а даже и самое смертоубійство, окончившееся примиреніемъ, «не должны уже имѣть никакихъ послѣдствій, между тѣмъ, какъ полицейскія и судебныя мѣста, на основаніи 798 ст. св. зак. угол. изд. 1832 г., даже при нанесеніи легкихъ ранъ не имѣютъ права прекращать сихъ дѣлъ, и присуждаютъ къ наказаніямъ людей, неимѣющихъ давно другъ на друга никакихъ претензій. Эта, по мнѣнію ихъ, *несправедливость* возбуждаетъ горькія жалобы противъ правительства и кажется имъ *умышленнымъ притѣсненіемъ*».

По всѣмъ этимъ соображеніямъ совѣтъ главнаго управленія Закавказскаго края полагалъ полезнымъ: 1) возстановить полицейскій надзоръ и судебную власть магальныхъ наибовъ изъ привилегированныхъ туземцевъ; 2) возстановить дѣйствія прежнихъ правилъ о круговой денежной отвѣтственности селеній, обывателями коихъ совершены преступленія, и 3) «всѣ дѣла по преступленіямъ противъ личности, кои не сопровождались смертоубійствомъ и причиненіемъ тяжкихъ увѣчій, *считать не уголовными*, а исковыми и, изъявъ ихъ изъ вѣдомства судебныхъ мѣстъ, оканчивать примирительнымъ разбирательствомъ мѣстныхъ полицейскихъ властей или сельскихъ обществъ, коимъ противники принадлежатъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ, не рѣшаясь высказать своего взгляда въ болѣе опредѣленной формѣ, представлялъ, что «и убійства въ Закавказьѣ совершаются чаще всего по кровомщенію» и что «невозможно и на сего рода дѣла смотрѣть съ такою же строгостью, какъ въ обществахъ европейскихъ».

Къ этимъ предположеніямъ совѣта министры: юстиціи гр. Блудовъ,

внутреннихъ дѣлъ—Перовскій и государственныхъ имуществъ—гр. Киселевъ отнеслись въ общемъ весьма сочувственно, но полагали, что возстановленіе магальныхъ наибовъ и судебно-полицейской власти агаларовъ и бековъ было бы равносильно совершенному упраздненію только что сдѣланнаго преобразованія и дастъ всѣмъ этимъ лицамъ право думать, что они были лишены принадлежащихъ имъ правъ несправедливымъ образомъ. Что же касается до кровомщенія, то «хотя въ Закавказскомъ краѣ—возражалъ гр. Блудовъ,—гдѣ понятія о семъ имѣютъ еще всю силу господствующаго обычая, нельзя смотрѣть на него слишкомъ строго, но по самому свойству сего обычая, ниспровергающаго самое основаніе общественнаго благоустройства, нельзя оставить онаго безъ вниманія и безнаказанностью кровомстителей поощрять туземцевъ къ удовлетворенію ихъ мщенія; такая безнаказанность всегда будетъ препятствовать сближенію края съ нашими учрежденіями и европейскою гражданственностью». Поэтому закавказскій комитетъ, не рѣшаясь еще возвратиться совсѣмъ къ дореформенному порядку, постановилъ: возстановить прежнія правила о денежной отвѣтственности селеній за преступленія, учиненныя несостоятельными и необнаруженными преступниками, и изъять изъ судебнаго порядка всѣ преступленія противъ личности, кромѣ смертоубійствъ и увѣчій, но съ тѣмъ «чтобы обиженному, если примиренія не состоится, было предоставлено право требовать формальнаго слѣдствія и суда». Затѣмъ, признавая въ принципѣ желательнымъ предоставить главноуправляющему «большее участіе въ выборѣ соотвѣтствующихъ наказаній за смертоубійства и иныя преступленія», комитетъ полагалъ отложить рѣшеніе этого вопроса до «новаго устройства судебной части за Кавказомъ, необходимость коего уже признана высочайшимъ наказомъ».

Пока закавказскій комитетъ обсуждалъ всѣ эти вопросы, жизнь, принимая самыя уродливыя формы, кривясь и ломаясь, шла своимъ ходомъ, обходя на пути всѣ искусственныя преграды, поставленныя ей неподходящимъ закономъ. Число преступленій, въ особенности кражъ, грабежей и разбоевъ, увеличилось до невѣроятныхъ размѣровъ. «Шайки воровъ и грабителей,—доносилъ Нейдгардтъ,—пользуясь мѣстными удобствами и покровительствомъ населенія, нападаютъ на проѣзжающихъ, дѣлая опаснымъ даже сообщеніе по почтовымъ дорогамъ. Самыя строгія полицейскія мѣры, принятыя мною и моимъ предмѣстникомъ, и отряженіе въ помощь полиціи воинскихъ командъ не только не уменьшили разбоевъ, но, *напротивъ, послужили поводомъ къ увеличенію шаекъ*, ибо тѣ изъ жителей, которые передъ тѣмъ учинили какой-либо, даже маловажный, проступокъ, опасаясь подозрѣнія, преслѣдованія и суда, покинули свои селенія и бѣжали въ лѣса и горы, откуда стали производить воровства». Вотъ эти-то малодушные и трусливые, напуганные отвѣтственностью предъ непонятнымъ закономъ и чуждымъ судомъ, и комплектовали теперь главнымъ образомъ разбойничьи шайки, кадры которыхъ составляли безродные, скитающіеся абреки и бѣглые изъ Сибири, въ огромномъ числѣ сосланные туда въ пер-

вый же годъ дѣйствія новыхъ судовъ, когда неопытное населеніе еще не умѣло ихъ обманывать. Для прекращенія этого зла надо было во что бы то ни стало возвратить этихъ бѣглецовъ въ ихъ родныя селенія, вернуть этихъ сбившихся съ пути людей къ обычной трудовой жизни, и главноуправляющій Нейдгардтъ, не видя возможности достигнуть этого законными средствами, приказалъ объявить по всему Закавказью, что «всѣ тѣ бѣжавшіе изъ мѣстъ своего жительства преступники, кои не учинили смертоубійствъ и разбоевъ, и въ теченіе двухъ недѣль возвратятся въ дома свои, будутъ освобождены отъ всякаго преслѣдованія и должны будутъ только вознаградить потерпѣвшихъ за все уворованное; но зато разбойники не получатъ никакого снисхожденія и за поимку каждаго изъ нихъ будетъ выдано 100 руб. сер. изъ казенныхъ денегъ». «Мѣра сія,—доносилъ Нейдгардтъ,—имѣла ожидаемый успѣхъ: *всѣ бѣглецы* возвратились въ дома свои подъ надзоръ полиціи, а главнѣйшіе преступники изловлены или истреблены, *благодаря чему нынѣ во всѣмъ Закавказскомъ краѣ разбойничьихъ шаекъ болѣе нѣтъ*». Эти дѣйствія главноуправляющаго были признаны кавказскимъ комитетомъ необходимою мѣрою для согласованія закона и жизни *).

Очень понятно, однако, что эта «амнистія съ горя», устраняя лишь болѣзненное проявленіе разлада между обычаемъ и закономъ, не устранила самаго разлада, который въ скоромъ времени вновь проявился и въ тѣхъ же самыхъ и въ иныхъ, не менѣе уродливыхъ, формахъ. Мечтамъ Паскевича и сенаторовъ Кутаисова и Мечникова, полагавшихъ, что съ устраненіемъ административнаго произвола и съ учрежденіемъ правительственныхъ судовъ, поставленныхъ подъ строгій надзоръ прокуроровъ и правительствующаго сената, населеніе пріучится къ законности и воспитается въ духѣ европейской гражданственности, не суждено было сбыться. Населеніе не могло уважать закона, совершенно расходившагося съ народною правдою; юстиція не могла отправляться корректно среди населенія, смотрѣвшаго на нее, какъ на своего врага. Не сознавая своей нравственной отвѣтственности передъ чуждымъ судомъ и столько же чуждымъ закономъ, населеніе какъ будто бы сговорилось не выдавать намъ своихъ преступниковъ и сводило на нѣтъ всѣ наши усилія. Преступники укрывались населеніемъ отъ преслѣдованія властей и показывались бѣжавшими или пропавшими безъ вѣсти, хотя на самомъ дѣлѣ они проживали въ своихъ же домахъ. Когда мы усиливали полицейскій розыскъ, населеніе помогало своимъ преступникамъ бѣжать въ Персію, или укрыться на недоступныхъ горахъ. Когда для обличенія пойманнаго мы вызывали свидѣтелей, мы не получали ничего, кромѣ наглаго лжесвидѣтельства, и даже самъ потерпѣвшій выгораживалъ своего обидчика.

При такихъ условіяхъ добиться истины и обличить преступника было до крайности трудно, а по формальнымъ доказательствамъ того времени

---

*) 2-е полное собраніе законовъ, дополненіе къ т. XIX, № 17521 а.

даже и невозможно. Видя безнаказанность даже тягчайшихъ преступниковъ, по невозможности добиться обвинительныхъ приговоровъ, Головинъ уже въ 1841 году «строжайше воспретилъ освобождать изъ-подъ стражи обвиняемыхъ въ грабежахъ и разбояхъ, оправданныхъ или оставленныхъ въ подозрѣніи судебными приговорами». По протесту губернскихъ прокуроровъ сенатъ отмѣнилъ это распоряженіе и, признавъ его произвольнымъ, потребовалъ у Головина объясненія. Но когда Головинъ объяснилъ положеніе дѣла, въ маѣ 1842 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, «дабы во всѣхъ оправдательныхъ приговорахъ судебныхъ мѣстъ Закавказья присовокуплять: что же касается до водворенія подсудимаго на прежнемъ мѣстѣ жительства, то распоряженіе о семъ предоставить *благоусмотрѣнію* главно-управляющаго Закавказскимъ краемъ». Такимъ образомъ, оправданныхъ содержали въ тюрьмахъ, которыя, кстати сказать, были столь несовершенны, что, напримѣръ, въ 1841 г. въ Горійской тюрьмѣ изъ 70-ти заключенныхъ умерло въ 3 мѣсяца 25 человѣкъ только отъ истощенія. Въ то же время Головину было предоставлено обвиняемыхъ, оставленныхъ по суду въ подозрѣніи, не только содержать въ тюрьмахъ, но и ссылать на поселеніе въ Сибирь. Во времена Нейдгардта эта мѣра получила дальнѣйшее законодательное развитіе. Признавая безсрочную ссылку для туземцевъ Кавказа мѣрою вообще неподходящею, Нейдгардтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи примѣнить къ лицамъ, освобожденнымъ отъ суда по приговорамъ судебныхъ мѣстъ, различныя наказанія—ссылку срочную или безсрочную, въ Сибирь, или во внутреннія губерніи, и арестантскія роты на тотъ или другой срокъ, въ зависимости отъ важности обвиненія и основательности подозрѣнія. Ходатайство это онъ подкрѣплялъ, между прочимъ, и тѣмъ доводомъ, что между оставленными въ подозрѣніи есть много такихъ, которые на самомъ дѣлѣ ни въ чемъ неповинны, и безсрочная ссылка представлялась бы для нихъ мѣрою слишкомъ жестокою. Въ началѣ 1844 г. состоялось Высочайше утвержденное положеніе закавказскаго комитета, коимъ предоставлено главноуправляющему удалять изъ Закавказскаго края лицъ, оставленныхъ по суду въ подозрѣніи, или въ арестантскія роты, срокомъ до 5 лѣтъ, или во внутреннія губерніи Россіи, срокомъ до 8 лѣтъ, или въ Сибирь навсегда.

Такъ, рядомъ съ лѣстницею наказаній, установленныхъ закономъ для осужденныхъ, возникла новая система наказаній, но уже для оправданныхъ, и тотъ произволъ, устраненіе котораго могло быть единственною заслугою реформы, вернулся вновь, но уже въ формѣ гораздо болѣе могущественной и опасной.

Подобная практика никакъ не могла внушить населенію уваженія къ законности и еще болѣе усилила тѣ мотивы, по которымъ каждый совершившій преступленіе или только заподозрѣнный въ немъ прежде всего бѣжалъ и скрывался. Теряя легальное положеніе, выбитый изъ колеи, такой бѣглецъ становился врагомъ общественнаго порядка, промышлялъ кражами и заканчивалъ свою карьеру вступленіемъ въ разбойничью шайку. Когда

въ какой-нибудь мѣстности чрезмѣрно увеличивалось число кражъ, грабежей и разбоевъ, начальство отлично понимало, что это явленіе вызвано страхомъ передъ нашей юстиціею и спѣшило по примѣру Нейдгардта успокоить преступниковъ, чтобы возстановить хотя бы на время согласіе между фактическимъ порядкомъ и правовымъ. Такъ поступилъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ въ Прикаспійскомъ краѣ, гдѣ онъ былъ генералъ-губернаторомъ, такъ поступали губернаторы и даже уѣздные начальники, не находя иныхъ средствъ для борьбы съ возраставшей преступностью. Такъ поступилъ и знаменитый кавказскій дѣятель Н. П Колюбакинъ въ 1846 г. въ скромной должности начальника Белоканскаго участка. Этотъ послѣдній случай былъ особенно важенъ по своимъ послѣдствіямъ.

Въ началѣ 1840 г., еще до введенія реформы Гана, Колюбакинъ исправлялъ нѣсколько мѣсяцевъ должность белоканскаго окружнаго начальника. «Этотъ край такъ спокоенъ и счастливъ,—писалъ онъ тогда,—какъ едва ли спокойна и счастлива иная на свѣтѣ страна». Черезъ нѣсколько лѣтъ все измѣнилось здѣсь до неузнаваемости. По учрежденію 1840 года Джаро-Белоканская область была превращена въ уѣздъ Тифлисской губ., а открытый здѣсь Ганомъ уѣздный судъ съ прокуроромъ и стряпчимъ началъ съ разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ прежняго времени, несмотря на обѣщанное туземцамъ именемъ государя императора прощеніе за всѣ прежде совершонныя преступленія. Головинъ былъ вынужденъ обѣщать здѣсь это прощеніе, такъ какъ въ этой «счастливѣйшей на свѣтѣ странѣ» всѣ преступники, даже важнѣйшіе, судились и наказывались фактически лишь по мѣстнымъ обычаямъ. Но судъ, лишенный права соображаться съ фактическимъ парядкомъ, по первому же изъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ приговорилъ двухъ лезгинъ Геро и Кахо за разбойное ограбленіе армянина Арутюнова къ наказанію кнутомъ черезъ палача и ссылкѣ въ каторжныя работы. Головинъ пріостановилъ исполненіе приговора и, освободивъ осужденныхъ изъ-подъ стражи, представилъ сенату ходатайство объ освобожденіи отъ уголовнаго преслѣдованія какъ этихъ лезгинъ, такъ и всѣхъ прочихъ, учинившихъ преступленія до 1841 г., ради обѣщаннаго имъ именемъ государя помилованія. Оказалось однако, что это уже не такъ просто.—Сенатъ «имѣя въ виду, что за Кавказомъ введены въ дѣйствіе общіе законы, что по силѣ 70 и 72 ст. ст. основныхъ законовъ дѣйствіе закона можетъ быть отмѣнено только новымъ закономъ, что на основаніи 102 ст. т. XV св. зак. угол., всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы, силою закона, и что по 148 ст. того же тома помилованіе исходитъ единственно отъ самодержавной власти», не призналъ возможнымъ согласиться на ходатайство Головина. Можно себѣ представить, какъ одно это обстоятельство должно было раздражить джеро-белоканскихъ лезгинъ; а тутъ подвернулось и другое,—еще болѣе обидное и курьезное.

Мы говорили уже, что въ тѣсной исторической связи съ Джаро-Белоканскою областью находилось Елисуйское султанство, которое оставалось

въ автономномъ управленіи наслѣдственнаго султана Даніель-бека, обязаннаго, «въ виду кротости россійскихъ законовъ», высылать въ распоряженіе начальника области своихъ важнѣйшихъ преступниковъ. Придавая этому только фиктивному ограниченію правъ султана слишкомъ большое значеніе, Ганъ полагалъ возможнымъ, не нарушая существенныхъ правъ султана, переименовать, въ интересахъ административной симметріи, Елисуйское султанство въ елисуйскій участокъ, самого султана въ участковые засѣдатели и, связавъ султана соотвѣтствующею инструкціею, положилъ ему и жалованія по 15 руб. въ мѣсяцъ. Даніель-бекъ не сразу разобралъ, въ чемъ дѣло. Когда же ему разъяснили его права и обязанности, онъ, какъ и слѣдовало ожидать, жестоко обидѣлся. «Поступивъ по смерти отца и брата моего, съ утвержденія государя императора, на Елисуйское султанство, — писалъ онъ Головину, — я управлялъ народомъ моимъ по примѣру и правамъ предковъ; и ежегодно, по первому требованію, выступалъ съ моими подданными противъ враговъ правительства. Но вмѣсто того, чтобы достигнуть заслуженной чести, лишился даже и послѣднихъ правъ моихъ. Наслѣдственное султанство мое передѣлано въ участокъ, мое званіе передѣлано въ участковые засѣдатели и я долженъ подчиняться белоканскому уѣздному начальнику». Выяснивъ, что лишать султана правъ вассальнаго владѣльца въ дѣйствительности никѣмъ не предполагалось и что это было сдѣлано лишь по собственному недоразумѣнію Гана, Головинъ вошелъ съ ходатайствомъ объ исправленіи соотвѣтствующихъ частей положенія 1840 года. Но переписка эта двигалась съ такою изумительною медленностью, что султанъ, влачившій свою унизительную роль два цѣлыхъ года, наконецъ не выдержалъ и, измѣнивъ намъ, передался на сторону Шамиля.

Все это вмѣстѣ съ водвореніемъ мюридизма въ сосѣднихъ горахъ и *«слѣпыми дѣйствіями полиціи и суда»*, какъ доносилъ генералъ Горскій, привели этотъ уѣздъ, и въ особенности Белоканскій участокъ, въ положеніе крайне тревожное. Разбои и грабежи совершались вполнѣ безнаказанно; полиція потеряла всякую власть. За два года (44 и 45) жителями одного этого участка было похищено болѣе 26 тыс. руб. денегъ и до 19 тыс. барановъ. Населеніе не выдавало преступниковъ; взять разбойника или даже вора открытою силою не представлялось возможности — въ помощь преступнику по первому выстрѣлу сбѣгались болѣе тысячи вооруженныхъ людей. При такихъ обстоятельствахъ Воронцовъ назначилъ начальникомъ Белоканскаго участка вновь майора Колюбакина, предоставивъ ему полную свободу дѣйствій.

Не имѣя возможности уничтожить зло силою физическою, Колюбакинъ задумалъ «поразить безпорядокъ силою нравственною», пользуясь своимъ вліяніемъ на народъ, съ которымъ онъ нѣкогда жилъ и къ которому онъ теперь снова явился, какъ воспоминаніе лучшихъ временъ. Собравъ почти всѣхъ сельскихъ старшинъ (кевховъ), онъ напомнилъ имъ, какъ шесть лѣтъ тому назадъ они жили спокойно и счастливо, и просилъ помочь ему

возстановить утраченное благоденствіе. Тронутый самъ, онъ сумѣлъ тронуть и сельскихъ кевховъ. Они предложили объявить прощеніе всѣмъ преступникамъ, которые явятся къ нему въ назначенный срокъ. Разсудивъ, «что лучше имѣть ихъ въ деревняхъ подъ отвѣтственностью степенныхъ и зажиточныхъ поручителей, чѣмъ въ недоступныхъ лѣсахъ», Колюбакинъ согласился на это предложеніе, не обѣщавъ полнаго помилованія только разбойнику Хасану, который возложилъ на себя чалму и принялъ званіе «наиба всѣхъ бѣглецовъ». Въ первые же три дня къ Колюбакину явились болѣе 40 преступниковъ. Отпустивъ каждаго изъ нихъ за поручительствомъ двухъ благонадежныхъ односельцевъ, Колюбакинъ потребовалъ затѣмъ выдачи и самого Хасана. Вскорѣ явился Хасанъ, вооруженный съ головы до ногъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ кевховъ, обнадежившихъ и его въ полномъ помилованіи. Разбойникъ съ напускною развязностью подошелъ къ майору и, въ знакъ примиренія, протянулъ ему руку.

— Руку подаю я только тѣмъ, кого уважаю; ты же подай мнѣ не руку, а твое ружье!—строго сказалъ Колюбакинъ, и прежде чѣмъ Хасанъ успѣлъ опомниться, онъ вырвалъ у него ружье. Хасанъ выхватилъ шашку и взмахнулъ ею надъ головою Колюбакина. Колюбакинъ успѣлъ поймать рукою клинокъ, который впился ему въ пальцы; и въ то же мгновеніе разбойникъ упалъ, пронзенный пятью пулями. Его разстрѣляли сами кевхи, которые были теперь уже на сторонѣ власти. Порядокъ былъ возстановленъ.

Чтобы вновь не размножить преступниковъ, Воронцовъ призналъ необходимымъ отказаться отъ излишнихъ требованій, настоять на исполненіи которыхъ мы, очевидно, не были въ силахъ. Поэтому, прилаживаясь къ народнымъ понятіямъ, онъ тотчасъ же обратился съ ходатайствомъ объ изъятіи изъ числа уголовныхъ дѣлъ въ предѣлахъ Джаро-Белоканскаго округа всѣхъ дѣлъ «спорныхъ», причисляя къ нимъ «ссоры, драки, увозъ женщинъ, пораненія, кровомщеніе, убійства, грабежи и воровства на всякую сумму», съ передачею всѣхъ этихъ дѣлъ на разсмотрѣніе народнаго суда по мѣстнымъ адатамъ. Этотъ порядокъ держится здѣсь и въ настоящее время къ общему удовольствію и туземнаго населенія и нашей власти.

Прочія мѣстности Закавказья далеко не были такъ счастливы, хотя невозможность подчинить туземное населеніе нашимъ уголовнымъ законамъ и необходимость согласовать уголовный процессъ и все уголовное законодательство съ обычаями и понятіями народа теперь уже не отрицалась никѣмъ. Пока императора Николая I обманывали возможностью объединить Кавказъ и имперію общимъ законодательствомъ, онъ не скрывалъ своей радости; но какъ только послѣдующія событія убѣдили его въ ошибочности подобнаго взгляда, онъ тотчасъ же отказался отъ всякой попытки навязать населенію неподходящіе ему законы. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересенъ «наказъ главному управленію Закавказскимъ краемъ», написанный государемъ въ 1843 году почти собственноручно, при небольшомъ участіи Позена. «Главное начало всѣхъ дѣйствій управленія,—преподаетъ наказъ,—состоитъ въ томъ, чтобы, примѣняясь къ общему гражданскому

устройству имперіи, не упускать изъ вида дѣйствительныхъ потребностей разныхъ племенъ, населяющихъ край. Сліяніе Закавказскаго края съ имперіею, къ которому надлежитъ всемѣрно стремиться, нужно основывать не на единствѣ законовъ и формъ управленія, а на сліяніи коренныхъ началъ жизни края съ монархическими началами имперіи». «Для сего необходимо поселить въ народахъ Закавказья не словами, а дѣломъ непоколебимую преданность престолу, довѣріе и уваженіе къ правительству и властямъ, имъ поставленнымъ. Нужно покровительствовать всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, опредѣлить права и взаимныя отношенія сословій, безъ всякаго противодѣйствія вѣковымъ понятіямъ; вводить просвѣщеніе, примѣненное къ дѣйствительнымъ нуждамъ, характеру и обычаямъ жителей; примѣнять судебные порядки къ правамъ и обычаямъ народнымъ». Что касается уголовнаго суда, «здѣсь,—говоритъ наказъ,—нужно прежде всего точно опредѣлить, соображаясь съ мѣстными обстоятельствами, какія именно преступленія и въ какихъ провинціяхъ должны подлежать суду, и какія—только полицейскому разбору безъ суда; какія измѣненія необходимы въ производствѣ слѣдствія и суда и въ самыхъ мѣрахъ наказанія; какія именно преступленія должны подлежать военному суду и какія общему».

Съ тѣхъ поръ и вплоть до 60-хъ годовъ на Кавказѣ непрерывно работали одна за другою различныя коммиссіи по судебному преобразованію края; но проекты этихъ коммиссій не удовлетворяли ни Воронцова, ни Барятинскаго и оставлялись ими безъ дальнѣйшихъ движеній. Признавая народный судъ для большинства закавказскаго населенія единственно подходящимъ и не рѣшаясь сдѣлать столь явный скачокъ назадъ, Воронцовъ и Барятинскій ограничивались частными поправками, общій смыслъ которыхъ состоялъ въ замѣнѣ неподходящаго закона болѣе гибкимъ и благожелательнымъ усмотрѣніемъ. Къ концу преобразованій, сдѣланныхъ Воронцовымъ, уголовное правосудіе представляло въ предѣлахъ Закавказскаго края слѣдующую пеструю картину. Большая часть Дербентскаго уѣзда (Кайтагъ и Табасарань), Самурскій округъ, Джаро-Белоканская область и округа горскихъ народовъ Грузіи (осетинъ, пшавовъ, хевсуръ, тушинъ и т. д.) были почти вовсе изъяты изъ дѣйствія нашихъ судовъ и законовъ, и довольствовались своею народною юстиціею въ той или иной формѣ. Губерніи Дербентская, Эриванская и Кутаисская, взамѣнъ устроенныхъ Ганомъ уѣздныхъ судовъ и палатъ уголовнаго и гражданскаго суда, имѣли каждая по одному губернскому суду. Судамъ этимъ подлежали всѣ уголовныя дѣла большой важности, начиная съ кражъ и грабежа безъ насилія на сумму болѣе 300 руб. и нанесенія тяжкихъ ранъ и увѣчій. Всѣ преступленія меньшей важности были подсудны уѣзднымъ начальникамъ, которые могли приговаривать виновнаго, сверхъ вознагражденія потерпѣвшаго, къ денежному взысканію или наказанію розгами до 100 ударовъ. Губерніи Тифлисская и Шемахинская удержали учрежденныя Ганомъ уѣздные суды и палаты, но изъ вѣдомства этихъ судовъ были изъяты: во-первыхъ, дѣла меньшей важности до кражъ и грабежей безъ насилія на сумму менѣе

100 руб. и нанесенія легкихъ ранъ и увѣчій включительно, а во-вторыхъ, дѣла большой важности, а именно: вооруженное сопротивленіе властямъ, разбои и убійства; причемъ преступленія меньшей важности были подсудны или мѣстной полиціи или словеснымъ судамъ, гдѣ таковые были заведены, а преступленія важнѣйшія—военно-суднымъ коммиссіямъ, которыя представляли свои сентенціи на благоусмотрѣніе намѣстника.

Такимъ образомъ, и то разнообразіе въ управленіи, которое Ганъ пытался устранить своею реформою, подъ вліяніемъ жизненной необходимости, вернулось снова, и притомъ опять-таки въ еще болѣе рѣзкой формѣ.

Судебная практика довершала эту дезорганизацію и окончательно лишила юстицію всякаго значенія. Во времена просвѣщеннѣйшаго кавказскаго намѣстника—Воронцова, дѣло велось такимъ образомъ.

Всѣ приговоры губернскихъ судовъ по дѣламъ уголовнымъ восходили на конфирмацію намѣстника, который имѣлъ для этой цѣли превосходнаго докладчика въ лицѣ кн. Багратіона-Мухранскаго, бывшаго затѣмъ дѣятельнымъ сотрудникомъ и кн. Барятинскаго. Здѣсь всѣ улики, всѣ соображенія суда и требованія закона подвергались свободной переоцѣнкѣ съ точки зрѣнія чисто административной. Между осужденными и «оставленными въ подозрѣніи» не дѣлалось никакой разницы. Свидѣтельскимъ показаніямъ, на которыхъ, не по разсужденію судей, а по точнымъ указаніямъ закона, обосновывался приговоръ уголовнаго суда, администрація не придавала почти никакого значенія. Ложь въ пользу подсудимаго была явленіемъ заурядным; прямое обличеніе посторонними лицами, столь несвойственное обычаямъ туземцевъ, всегда заставляло предполагать закулисную работу какого-нибудь вліятельнаго лица. Подобные «свидѣтели-очевидцы» преступленія зачастую сознавались съ полною откровенностью, что имъ лично по дѣлу ничего неизвѣстно, но что они готовы еще десять разъ принять какую угодно «обвинительную присягу», такъ какъ они нисколько не сомнѣваются въ виновности подсудимаго. А изъ дальнѣйшихъ распросовъ оказывалось, что эту увѣренность въ виновности пудсудимаго внушилъ свидѣтелямъ такой-то «почтенный» кетхудъ или бекъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣлъ разъяснить имъ, что по русскимъ законамъ, вмѣсто обычной обвинительной присяги нужно заявить участковому засѣдателю, что мы-де сами видѣли, какъ вотъ такой-то Адиль перерѣзалъ кинжаломъ горло такому-то Шальбузу *). Поэтому въ глазахъ администраціи и кн. Воронцова имѣли значеніе не столько тотъ или другой приговоръ суда, не столько важность учиненнаго преступленія, или основательность оставшагося подозрѣнія, сколько результаты повальнаго обыска, входившаго въ то время въ составъ каждаго слѣдствія и прочія свѣдѣнія о личности обвиняемаго. Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько примѣровъ.

---

*) Интересный примѣръ подобнаго вполнѣ добросовѣстнаго лжесвидѣтельства въ нашей книгѣ „Гражданское управленіе Закавказьемъ“, т. I, стр. 407.

Житель г. Дербента *Суруханъ*, поссорившись съ сосѣдомъ—евреемъ, ранилъ его кинжаломъ въ ляшку. Рана зажила, не оставивъ «никакихъ вредныхъ послѣдствій». Такъ какъ обычнаго примиренія не состоялось, дѣло поступило въ губернскій судъ, который, за неимѣніемъ «совершенныхъ доказательствъ», т.-е. двухъ свидѣтелей-очевидцевъ и сознанія подсудимаго, оставилъ *Сурухана* въ «сильномъ подозрѣніи». По представленію губернатора гн. Гагарина, Воронцовъ приказалъ «отослать Сурухана въ харьковскую арестантскую роту на *три* года». А между тѣмъ, при обвинительномъ приговорѣ, Суруханъ, виновный въ нанесеніи легкой раны въ запальчивости, подлежалъ по 2 ч. 1954 ст. уложенія о наказаніяхъ изд. 1845 г., только тюремному заключенію отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, каковое наказаніе замѣнялось обыкновенно на практикѣ 30 ударами розогъ.

Въ тотъ же самый день былъ конфирмованъ другой приговоръ о кубинцахъ *Гаджи-Али*, 27 лѣтъ и его братѣ *Тураба*, 21 года, оставленныхъ въ «глубочайшемъ подозрѣніи» по убійству изъ засады односельца своего Ростома за то, что послѣдній обольстилъ ихъ сестру. Тутъ кн. Воронцовъ «изволилъ согласиться на удаленіе *Гаджи-Али* и *Тураба* съ мѣста жительства, съ отдачею ихъ въ сухумъ-кальскую арестантскую роту на *два* года».

Поражающая несообразность этихъ резолюцій объясняется весьма просто. *Гаджи-Али* и его братъ, несомнѣнно убившіе Ростома и вслѣдъ затѣмъ бѣжавшіе изъ страха передъ нашимъ судомъ въ горы, по даннымъ повальнаго обыска и свѣдѣніямъ полиціи, были людьми «отличнаго поведенія»; а *Сураханъ*, виновный только въ нанесеніи легкой раны ростовщику-еврею, имѣлъ на своей совѣсти нѣсколько тяжкихъ преступленій, прощенныхъ ему передъ тѣмъ начальствомъ, и на повальномъ обыскѣ былъ признанъ «неодобрительнымъ». Обращалось вниманіе не на дѣяніе, учиненное подсудимымъ, а на его личность, на все его поведеніе, на его характеръ, на степень опасности его для окружающаго общества и на извинительность дѣянія по народнымъ понятіямъ. Возьмемъ еще два приговора, одновременно конфирмованныхъ Воронцовымъ.

Татаринъ *Магометъ*, неосторожно напуская воду на свое поле, подмочилъ уже скошенный хлѣбъ Керима. Раздосадованный Керимъ цѣлый часъ всячески ругалъ *Магомета* и не унимался. *Магометъ* не выдержалъ и, выстрѣливъ на разстояніи 50-ти шаговъ, убилъ Керима. Вслѣдъ затѣмъ Магометъ бѣжалъ, а мѣсяцъ спустя, узнавъ о прощеніи, обѣщанномъ всѣмъ бѣглецамъ, добровольно явился къ начальству. Судъ призналъ *Магомета* виновнымъ въ убійствѣ, учиненномъ въ запальчивости, и приговорилъ его къ каторгѣ на 12 лѣтъ, съ наказаніемъ плетьми черезъ палача и наложеніемъ клеймъ. Приговоръ этотъ *приведенъ въ исполненіе*, такъ какъ прощеніе было обѣщано лишь тѣмъ бѣглецамъ, кои не учинили убійствъ и разбоевъ.

Кубинецъ *Орудж*ъ, въ присутствіи участковаго засѣдателя, распоролъ кинжаломъ животъ односельцу Байраму, послѣ того какъ Байрамъ ударилъ

его по головѣ палкою. Байрамъ черезъ 5 минутъ умеръ. Судъ оказалъ подсудимому великое списхожденіе, признавъ его виновнымъ не въ умышленномъ убійствѣ, а только въ нанесеніи смертельной раны въ состояніи раздраженія, и приговорилъ его къ отдачѣ въ арестантскія роты на 8 лѣтъ. Резолюція Воронцова: *Оруджа* отдать въ бакинскую арестантскую роту на два года, «такъ какъ въ здѣшнемъ краѣ подобнаго рода проступки, какъ слѣдствія оскорбленія личности, по понятіямъ туземцевъ, не считаются преступными. Оруджъ ударилъ кинжаломъ Байрама вслѣдствіе сильнаго гнѣва, происшедшаго отъ крайней обиды, которую азіатецъ рѣдко когда можетъ снести, ибо чувство мести сильнѣе въ немъ всѣхъ другихъ чувствъ и страха грозящаго наказанія».

Резолюція знаменитаго намѣстника страдала на этотъ разъ явною натяжкою, ибо убійство при подобныхъ обстоятельствахъ и по понятіямъ туземцевъ требуетъ платы за кровь или кровомщенія; но за всѣмъ тѣмъ наказаніе назначенное *Оруджу* можно признать достаточнымъ. Интересно однако, почему же *Магомету*, стрѣлявшему съ 50-ти шаговъ и въ отвѣтъ на часовую брань, не дано ни малѣйшаго списхожденія. А вотъ почему. «Двадцать человѣкъ односельцевъ, — значится въ протоколѣ повальнаго обыска,—подъ присягою отозвались, что Магометъ поведенія дурного, всегда бывалъ въ отлучкахъ и, какъ слышно въ народѣ, занимался грабежомъ и разбоемъ, и притомъ, кромѣ убійства Керима, убилъ еще при комендантскомъ управленіи Зейнака и Нуръ-Мамеда, о чемъ начальству тогда не было извѣстно». Наоборотъ, Оруджъ, по словамъ односельцевъ своихъ, «былъ поведенія всегда хорошаго».

Смягченіе наказаній было не исключеніемъ, а скорѣе общимъ правиломъ для всѣхъ осужденныхъ, поведеніе которыхъ признавалось удовлетворительнымъ; при этомъ, въ опредѣленіи мѣры списхожденія Воронцовъ старался не перейти границъ возмездія, справедливаго по народнымъ понятіямъ, что представлялось существеннымъ, впрочемъ, только въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый не могъ или не хотѣлъ примириться съ потерпѣвшими адатнымъ порядкомъ. Хуршудъ—нукéръ подпоручика бека Хураклинскаго, заѣхавъ во дворъ поселянина *Гаджи-Османа*, сталъ самовольно, на глазахъ хозяина, привязывать тамъ офицерскую лошадь. Смущенные такою невѣжливостью, хозяинъ и его сынъ предложили нукéру взять лошадь и немедленно удалиться. Нукéръ подпоручика и знатнаго бека только улыбнулся на такое требованіе и сталъ устраиваться во дворѣ Османа, какъ у себя дома. Видя это, хозяинъ уже гнѣвнымъ голосомъ повторилъ свое требованіе, на что Хуршудъ снова улыбнулся. Тогда *Гаджи-Османъ* выхватилъ кинжалъ и закололь Хуршуда. Судъ опредѣлилъ: *Гаджи-Османа* за убійство, учиненное въ запальчивости, по наказаніи его плетьми черезъ палача съ наложеніемъ клеймъ, сослать въ каторжную работу на 10 лѣтъ. Воронцовъ, принявъ во вниманіе, что осужденный учинилъ убійство въ раздраженіи, вызванномъ упорствомъ, съ какимъ Хуршудъ домогался поставить на дворѣ его господскую лошадь, опредѣлилъ:

«*ГаджиОсмана* сослать въ Сибирь на поселеніе, безъ тѣлеснаго наказанія, каковая мѣра возмездія, *по народному понятію,* будетъ не слабою».

Когда это соображеніе не стѣсняло благоусмотрѣнія намѣстника и къ наказанію виновнаго не представлялось иныхъ практическихъ побужденій, кн. Воронцовъ нерѣдко освобождалъ осужденнаго отъ всякаго наказанія. Кубинецъ *Мурсали* по подозрѣнію въ кражѣ двухъ буйволовъ былъ заключенъ въ г. Кубѣ въ казематъ. Здѣсь, проработавъ вмѣстѣ съ другимъ заключеннымъ двѣ ночи, онъ сдѣлалъ подкопъ подъ одною изъ стѣнъ и бѣжалъ. Черезъ мѣсяцъ онъ былъ задержанъ въ своемъ селеніи. Судъ, освободивъ его отъ всякаго подозрѣнія въ кражѣ, призналъ его виновнымъ во взломѣ тюрьмы, учиненномъ совокупными силами съ другимъ арестантомъ, и на основаніи 336 ст. уложенія опредѣлилъ: «наказавъ его черезъ палача плетьми, сослать на поселеніе въ Иркутскую губернію». Воронцовъ приказалъ: «во вниманіе къ одобрительному отзыву о поведеніи Мурсали и тому обстоятельству, что онъ по ошибочному распоряженію начальства содержался въ тюрьмѣ, что въ глазахъ населенія можетъ извинить его въ сдѣланномъ имъ, со взломомъ тюрьмы, побѣгѣ—вмѣнить ему въ наказаніе бывшее содержаніе его подъ стражею и водворить его на мѣсто жительства».

Логическимъ и прямымъ послѣдствіемъ подобной уголовной политики явилось ходатайство Воронцова о предоставленіи ему права отдавать въ арестантскія роты или высылать на жительство во внутреннія губерніи туземцевъ, хотя бы и не бывшихъ подъ судомъ, но признаваемыхъ порочными по свѣдѣніямъ мѣстной полиціи, или по приговорамъ сельскихъ обществъ. Въ 1850 г. ходатайство это было уважено, причемъ срокъ заключенія въ арестантскихъ ротахъ былъ ограниченъ пятью, а срокъ высылки подъ надзоръ полиціи во внутреннія губерніи—восемью годами. Вмѣстѣ съ этимъ закономъ судъ потерялъ послѣднее значеніе и сдѣлался учрежденіемъ въ сущности совершенно ненужнымъ.

Что касается до юридической собственно дѣятельности губернскихъ судовъ и палатъ, то, не имѣя надобности даже и сравнивать ихъ съ судами нашего времени, мы, однако, не можемъ не замѣтить, что толкованіе законовъ было въ общемъ болѣе благопріятнымъ для подсудимыхъ и нѣсколько болѣе сообразовалось съ народнымъ правосознаніемъ. Юридическое значеніе преступнаго дѣйствія опредѣлялось не по возможнымъ, а только по дѣйствительно наступившимъ послѣдствіямъ. Возможныя послѣдствія принимались въ разсчетъ только тогда, когда преступникъ, дѣйствуя съ обдуманнымъ намѣреніемъ, желалъ именно ихъ наступленія. Поэтому «покушенія на убійство въ запальчивости и раздраженіи», столь часто встрѣчаемаго въ приговорахъ нашего времени, въ приговорахъ губернскихъ судовъ не попадается вовсе. Кто въ состояніи раздраженія или «въ азартѣ», какъ говорили тогда, стрѣлялъ въ врага и убивалъ его тутъ же, на мѣстѣ, тотъ признавался виновнымъ въ убійствѣ. Если раненый умиралъ вслѣдъ за тѣмъ, но уже перенесенный къ себѣ въ домъ или на иное

мѣсто, дѣяніе признавалось смертельнымъ пораненіемъ. Если пуля, по счастію, не задѣвала важныхъ органовъ, и пострадавшій отдѣлывался легкою раною, преступникъ платилъ адатное вознагражденіе, а при несостоятельности подвергался 30—40 ударамъ розогъ. Если послѣдствія пораненія не выяснялись еще на первомъ осмотрѣ, судъ назначалъ вторичное освидѣтельствованіе, и по результатамъ его опредѣлялъ важность проступка. Если, наконецъ, пуля пролетала мимо и не причиняла никакого вреда—дѣяніе признавалось маловажнымъ проступкомъ.

Татаринъ *Кадыръ* отрубилъ кинжаломъ односельцу *Ага-Ширину* четыре пальца. Участковый засѣдатель, которому Ага-Ширинъ принесъ жалобу, примирилъ его съ Кадыромъ, который обязался уплатить потерпѣвшему 40 рублей. Однако, денегъ этихъ, несмотря на многократныя требованія, Кадыръ не уплачивалъ, отвѣчая Ширину одними насмѣшками. Прошло много лѣтъ. Ага-Ширинъ въ десятый разъ пришелъ къ Кадыру за деньгами, но теперь уже съ ружьемъ въ рукахъ. Получивъ обычный грубый отвѣтъ, Ага-Ширинъ выстрѣлилъ и нанесъ Кадыру легкую рану. Судъ, «не находя обстоятельствъ, по которымъ можно бы было съ достовѣрностью заключить, что Ага-Ширинъ выстрѣлилъ въ Кадыра изъ ружья съ обдуманнымъ намѣреніемъ убить его, и потому, признавая Ага-Ширина виновнымъ въ нанесеніи легкой раны въ запальчивости и раздраженіи, опредѣлилъ: Ага-Ширина наказать черезъ полицейскихъ служителей 40 ударами розогъ, а съ Кадыра взыскать слѣдуемые по мировой сдѣлкѣ 40 руб., за вычетомъ изъ нихъ 25 руб., издержанныхъ самимъ Кадыромъ на лѣченіе пулевой раны». Такимъ образомъ, и самое толкованіе закона подверглось значительной варваризаціи.

Та же судебная практика продолжалась и при Барятинскомъ, который, впрочемъ, никогда не забывалъ называть ее «административнымъ произволомъ». Онъ задумывалъ самыя широкія преобразованія по судебной части и самъ останавливался передъ своими проектами, какъ бы опасаясь остаться непонятымъ. «Съ перенесеніемъ русскаго суда на азіатскую почву,— представлялъ онъ государю,— недостатки его приняли поразительные размѣры». Порядокъ уголовнаго судопроизводства, основанный исключительно на негласномъ полицейскомъ слѣдствіи, «оказывается безсильнымъ какъ для огражденія общественной безопасности, такъ и для огражденія невинности. Слѣдствіе рѣдко открываетъ виновнаго, да и изъ этихъ открытыхъ большая часть, послѣ продолжительнаго томленія въ тюрьмѣ, оправдывается и служитъ толпѣ живымъ доказательствомъ нашей несправедливости». «Теперь стало вполнѣ очевиднымъ, что для огражденія лицъ и собственности въ Закавказскомъ краѣ надо создать новое уголовное судопроизводство, основанное на полномъ изученіи *характера мѣстнаго населенія*». Также должно быть преобразовано и гражданское судопроизводство, ибо «обыкновенные гражданскіе суды наши христіанское населеніе старается обходить сколько возможно, а мусульманское не обращается къ нимъ почти никогда», такъ что дѣятельность этихъ судовъ

ограничивается одною только опекунскою частью, да и то «потому только, что она возложена исключительно на нихъ по закону».

«Но главное все же не въ формахъ, которыя надлежитъ дать суду и процессу,—объяснялъ Барятинскій,—главное состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить правильно сферу правительственнаго вмѣшательства. Въ заботахъ объ охраненіи государственныхъ и общественныхъ интересовъ, объ огражденіи установленной власти, лицъ и собственности, «надо опредѣлить ту черту, за которою всякая дальнѣйшая требовательность была бы, при данномъ характерѣ населенія, уже не удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей, а обременительнымъ излишествомъ». Не подлежитъ сомнѣнію, что азіатцы, замкнутые въ своемъ домашнемъ быту и рѣшающіе всѣ свои тяжбы и распри третейскимъ судомъ, «или какъ-то иначе, но *только между собою,* нуждаются гораздо меньше въ содѣйствіи и вмѣшательствѣ общественной власти, чѣмъ европейцы. Многія дѣйствія, составляющія преступленія по понятіямъ европейцевъ, въ глазахъ туземцевъ вовсе не имѣютъ такого значенія; предавать ихъ дѣйствію уголовнаго закона и *безполезно,* и обременительно».

Всѣ неудачи нашего управленія происходили, по мнѣнію Барятинскаго, не столько отъ дурного устройства или дурного состава полиціи и суда, сколько отъ несходства интересовъ и правовоззрѣній, которое разобщило насъ съ народомъ и укрыло отъ нашего наблюденія и отъ нашего вліянія его внутреннюю жизнь и дѣла. Управляющіе и управляемые стояли другъ противъ друга, какъ двѣ враждебныя партіи. Барятинскій постоянно подчеркивалъ именно эту мысль, объясняя свое пристрастіе къ «народному управленію». Кто былъ руководителемъ и блюстителемъ народной жизни? Отнюдь не участковый засѣдатель, каждое появленіе котораго служило населенію сигналомъ къ тому, чтобы сплотиться и усыпить его бдительность, не обѣщавшую ничего добраго. Не довѣряя власти и не умѣя понять ея намѣреній, народъ охотно подчинялся вліянію какого-нибудь мѣстнаго бека, старшины, или просто «почетнаго», который успѣвалъ захватить роль вожака, и затѣмъ судилъ, мирилъ, связывалъ и разрѣшалъ языки, направлялъ и наставлялъ населеніе, оберегая его отъ непрошеннаго вмѣшательства полиціи и суда. Поэтому мы узнавали о текущихъ событіяхъ въ общемъ правилѣ только тогда, когда подобный вожакъ находилъ это почему-либо нужнымъ. Самыя крупныя происшествія доходили до насъ по истеченіи долгаго времени и притомъ не изъ первыхъ рукъ, а въ видѣ отдаленныхъ слуховъ, намековъ, мнѣній, т.-е. такъ называемой народной молвы. Если участковый засѣдатель умѣлъ ладить съ народомъ или самъ принадлежалъ къ туземцамъ, то онъ, разумѣется, могъ узнавать весьма многое, но только подъ условіемъ не давать дѣлу оффиціальнаго хода и безъ права ссылаться на лицъ, сообщившихъ ему эти свѣдѣнія. Оффиціальнымъ порядкомъ велась лишь незначительная часть дѣлъ, подлежавшихъ по закону вѣдѣнію уѣздныхъ и губернскихъ судовъ, да и изъ этой части добрая половина касалась происшествій, по коимъ виновныхъ

не обнаруживалось. При такихъ условіяхъ борьба съ преступниками шла не столько путемъ уголовнаго преслѣдованія, сколько посредствомъ административной высылки изъ края лицъ «порочнаго поведенія», т.-е. такихъ, которыя по народной молвѣ или по негласнымъ свѣдѣніямъ полиціи занимались конокрадствомъ, грабежомъ и иными подобными преступленіями. Высылка «порочныхъ» туземцевъ, соединенная съ заключеніемъ въ арестантскихъ ротахъ на время отъ 2 до 5 лѣтъ, предоставлялась безконтрольному распоряженію намѣстника, который руководствовался одними только представленіями губернаторовъ, основанными въ свою очередь на подобныхъ же представленіяхъ уѣздныхъ и участковыхъ начальниковъ.

Въ 1859 г. кутаисскій генералъ-губернаторъ кн. Эристовъ представилъ къ высылкѣ сразу нѣсколькихъ десятковъ имеретинъ и гурійцевъ, «изобличенныхъ въ конокрадствѣ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ полиціею изъ-подъ руки». Люди эти были высланы, но вмѣстѣ съ тѣмъ Барятинскій предложилъ какъ Эристову, такъ и всѣмъ губарнаторамъ сообразить правила, которыми можно было бы обезпечить справедливость и основательность подобнаго рода расправы на будущее время, и указать, буде возможно, иныя, болѣе мягкія мѣры, взамѣнъ высылки. Очень характерны соображенія губернаторовъ, высказанныя по этому поводу.

Главнымъ мотивомъ къ сохраненію административной расправы выставлялась не столько необходимость удалить и сдѣлать безвредными для края порочныхъ людей, сколько необходимость поддержать этимъ путемъ авторитетъ власти, которая иначе «будетъ почитаться слѣпой и безсильной въ борьбѣ съ преступниками». Придавали особенное значеніе эффекту «внезапнаго арестованія виновнаго, который считалъ себя внѣ всякой опасности, не подозрѣвая, что участь его уже рѣшена путемъ *секретной* переписки съ намѣстникомъ». Полагали, что при этомъ «другіе преступники, которые по своимъ связямъ, ловкости и вліянію въ своемъ кругу, ускользаютъ не только отъ суда, но и отъ слѣдствія, будучи поражены страхомъ, смирятся», а честные люди, «проникаясь глубоко-нравственнымъ впечатлѣніемъ» наказаннаго порока, «уяснятъ себѣ осязательное величіе правительственной власти и безпристрастіе ея правосудія» *). Короче говоря, надѣялись такого рода мѣрами замаскировать дѣйствительное безсиліе власти. Представители этого взгляда,—а ихъ было большинство,—находили, что предварительныя разслѣдованія всякаго рода и повальные обыски только испортятъ весь моральный эффектъ дѣла, и что совершенно достаточно положиться на губернаторовъ, «которые суть естественные отвѣтчики и передъ Богомъ, и передъ людьми за несправедливое употребленіе своей власти». «Тотъ изъ нихъ,—пишетъ эриванскій губернаторъ,—который можетъ быть подозрѣваемъ въ ея приложеніи безъ достаточныхъ причинъ и надлежащей осмотрительности, не можетъ быть губернаторомъ». «Конечно,—оговаривается онъ,—практикуемую у насъ административную

*) Записка кутаисской коммиссіи 31 января 1860 г.

высылку нельзя назвать иначе, какъ произволомъ, «но тамъ, гдѣ даже земледѣльческія сословія считаютъ за грѣхъ передавать въ руки правосудія преступника, гдѣ ни полиція, ни судъ не находятъ свидѣтелей противъ убійцы, положившаго жертву свою среди бѣлаго дня на улицѣ многолюдной деревни; гдѣ въ городѣ изъ 12 тысячъ жителей женщина, убившая двухъ мужей своихъ, находитъ за себя 3,000 ходатаевъ,—тамъ правительство должно вооружиться силою, хотя и не вполнѣ легальною, но тѣмъ не менѣе благодѣтельною и нравственною».

Какъ безконечно далекъ этотъ полицейскій романтизмъ, этотъ гимнъ полицейской расправы отъ европейской гражданственности, къ которой реформа 1840 г. долженствовала пріобщить населеніе Закавказья! А между тѣмъ, какъ же иначе могли бы мы бороться съ преступниками среди населенія, которое боялось болѣе нашихъ судовъ и законовъ, чѣмъ своихъ разбойниковъ и воровъ! Таковъ неизбѣжный, естественно-необходимый результатъ разлада между закономъ и жизнью.

VII.

Воронцову и Барятинскому не удалось исправить ошибки, сдѣланной уже при самомъ присоединеніи Грузіи и послѣ такъ жестоко усугубленной Ганомъ, но они отлично воспользовались уроками прошлаго, чтобы избѣжать той же ошибки въ новыхъ областяхъ, присоединенныхъ ими къ Имперіи. Въ 1852 г., послѣ окончательнаго покоренія Чечни, Воронцовъ, не вводя тамъ ни нашего суда, ни нашихъ законовъ, учредилъ въ ней такъ называемое военно-народное управленіе. То же управленіе далъ Барятинскій въ 1859 г. всему Дагестану, не исключая Дербентскаго уѣзда, находившагося съ 1841 года подъ дѣйствіемъ нашихъ законовъ. Это управленіе, данное Дагестану, въ общихъ чертахъ сохраняется и донынѣ и представляетъ для насъ особенный интересъ.

Въ началѣ 1859 года, предвидя скорое паденіе Шамиля, Барятинскій крѣпко задумался. «Нѣтъ сомнѣнія,—представлялъ онъ государю,—что въ скоромъ времени весь Кавказъ покорится нашему оружію и вступитъ въ наше управленіе; но чтобы на этотъ разъ покореніе было окончательнымъ, надо безошибочно рѣшить вопросъ: какъ управлять. Мы не разъ уже владѣли Чечнею и Аваріею; непосредственно или черезъ подчиненныхъ намъ хановъ, наше вліяніе простиралось на всю восточную половину горъ. Все это мы утратили вслѣдствіе неправильнаго устройства нашего управленія». Какой системой пытались мы упрочить наше владычество? «Уничтоженіемъ властей, созданныхъ народною жизнью, уничтоженіемъ народнаго законодательства и родовыхъ отличій. По странному сочетанію обстоятельствъ, это начало было общимъ и русской власти, и враждебному намъ мюридизму». Но то, что было полезно Шамилю, не могло быть полезно для насъ. Шамилю «это было необходимо, ибо только такимъ путемъ онъ могъ фанатизировать массы и подчинить народъ шаріату и своей

духовной опекѣ; для насъ это было роковою ошибкою. Цѣлымъ рядомъ необдуманныхъ и притѣснительныхъ мѣръ мы вынудили въ 1840 г. бунтъ Чечни, который сдѣлался сигналомъ общаго возстанія на восточномъ Кавказѣ и началомъ двадцатилѣтней борьбы, стоившей неисчислимыхъ жертвъ деньгами, временемъ и людьми». Воронцовъ не повторилъ этой ошибки и, давая въ 1852 г. новое устройство Чечнѣ, онъ предоставилъ земское управленіе, судъ и расправу самимъ туземцамъ, возложивъ на русское начальство заботы только о главномъ управленіи.

Учрежденный имъ *«чечень-мехкемэ»*, въ отличіе отъ закавказскихъ судовъ нашихъ, пріобрѣлъ такое довѣріе населенія, что при всей замкнутости мусульманской жизни, даже женщины «ходили туда туда изъ отдаленныхъ мѣстъ жаловаться по домашнимъ дѣламъ своимъ»; отмѣненный Шамилемъ и возстановленный Воронцовымъ, «*адатъ* безъ всякаго принужденія пріобрѣлъ полное господство въ странѣ и подъ охраною нашей власти поддерживаетъ въ народѣ порядокъ, какого только возможно требовать». Вотъ что значитъ управленіе, сообразное съ духомъ народа. «Между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Закавказья, занятыхъ нами уже полвѣка, недавно еще нельзя было проѣхать безъ военнаго прикрытія, а мѣстное начальство не могло настигнуть ни одного преступника посреди населенія, преданнаго всевозможнымъ безпорядкамъ—въ Чечнѣ, столь недавно еще устилавшейся русскими костями, господствуетъ гораздо большая безопасность, абреки преслѣдуются самими жителями, и народъ, едва успѣвшій остыть отъ двѣнадцатилѣтней борьбы, обратился къ мирному труду и теперь быстро возстановляетъ свое благосостояніе». «Надо поэтому,—заключалъ Барятинскій,—принять это управленіе образцомъ для всего Дагестана и для другихъ мѣстностей Кавказа и Закавказья; надо каждому народу изложить письменно его *адатъ*; надо во главѣ каждаго участка поставить офицера, спеціально знакомаго съ населеніемъ и оріентальною частью, надо развитіемъ торговли, промышленности, просвѣщенія и въ особенности воспитаніемъ женщинъ въ средѣ высшихъ мусульманскихъ сословій искоренить наиболѣе вредные предразсудки и, такимъ образомъ, по мѣрѣ фактическаго сближенія съ нами туземнаго населенія, «незамѣтно и постепенно знакомить его съ европейскою гражданственностью и государственными порядками».

Такимъ образомъ, програма Барятинскаго состояла въ томъ, чтобы, ставъ во главѣ *народнаго* суда и *народной* полиціи, взять подъ свое вліяніе и подъ охрану государственной принудительной власти *народное* право и затѣмъ, создавая благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія всѣхъ этихъ исторически сложившихся элементовъ гражданственности, предоставить горцамъ Кавказа и Закавказья дорости до полной государственности и гражданственности тѣмъ естественнымъ процессомъ, которымъ дошли до нихъ и всѣ народы Европы. Сообразно съ этой програмою Барятинскій издалъ 5 апрѣля 1860 г. «Положеніе объ управленіи Дагестанскою областью», основанное на слѣдующихъ двухъ началахъ:

1) туземное населеніе Дагестана управляется не по законамъ имперіи, а «по народнымъ обычаямъ и особымъ постановленіямъ»; 2) судъ надъ туземцами принадлежитъ не нашимъ, а народнымъ судамъ, и отправляется подъ *наблюденіемъ* мѣстной военной власти не по законамъ имперіи, а «по адату, въ нѣкоторыхъ случаяхъ по шаріату и по особымъ постановленіямъ, постепенно вводимымъ по указаніямъ опыта и развивающейся потребности». Мало-по-малу изъ этого положенія выработался слѣдующій, дѣйствующій и нынѣ, порядокъ. Въ каждомъ изъ округовъ Дагестана имѣется окружной народный судъ, состоящій изъ трехъ избранныхъ населеніемъ знатоковъ обычнаго права, кадія, дающаго при разсмотрѣніи имущественныхъ споровъ, дѣлъ наслѣдственныхъ и семейныхъ заключеніе по шаріату, и предсѣдателя—начальника округа, который, не участвуя въ рѣшеніи дѣлъ, наблюдаетъ за дѣятельностью суда.

Всѣ гражданскія и всѣ уголовныя дѣла разсматриваются адатнымъ порядкомъ и разрѣшаются по адату, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ по шаріату. Сторона, недовольная рѣшеніемъ, а также и начальникъ округа приносятъ протестъ или жалобу въ главный народный судъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ помощника губернатора изъ шести выборныхъ народныхъ судей. Подъ вліяніемъ русской власти многіе устарѣвшіе обычаи замѣнены или отмѣнены народнымъ «нихасомъ» или судебною практикою. Право кровомщенія компенсировано обязательнымъ выкупомъ на условіяхъ, выработанныхъ народнымъ судомъ. Многія преступленія обложены, сверхъ адатнаго вознагражденія потерпѣвшаго, небольшими дополнительными наказаніями въ видѣ денежныхъ штрафовъ или ареста. Убійца, вслѣдъ за совершеніемъ преступленія, для предупрежденія мести, берется подъ стражу, а послѣ обвинительнаго приговора высылается подъ надзоръ полиціи во внутреннія губерніи на срокъ отъ 2 до 7 лѣтъ, или до примиренія. Порочныя лица, изгнанныя изъ родовыхъ или сельскихъ общинъ, высылаются изъ края по распоряженію администраціи.

Такой порядокъ никому не давалъ и не дастъ поводовъ жаловаться. Населеніе относится къ суду съ полнымъ довѣріемъ, число происшествій, по коимъ не обнаруживается виновнаго, крайне незначительно; высланные подъ надзоръ полиціи во внутреннюю Россію знакомятся съ русской культурой и пользуются репутаціею надежныхъ сторожей и отличныхъ работниковъ въ господскихъ имѣніяхъ; бѣглыхъ изъ Сибири, уже отверженныхъ обществомъ, энергично преслѣдуетъ само населеніе, да и сами они опасаются вернуться въ родныя мѣста; все управленіе почти ничего не стоитъ; судъ работаетъ быстро и какъ нельзя лучше возстановляетъ миръ, нарушенный тяжбою и ссорою; мягкій адатъ никому не причиняетъ ненужныхъ страданій, и при всемъ томъ число преступленій во всѣхъ округахъ Дагестана, вмѣстѣ взятыхъ, значительно меньше, чѣмъ въ любомъ уѣздѣ Бакинской или Елизаветпольской губерній. А вмѣстѣ съ тѣмъ, посмотрите, что дѣлалось до 1860 года въ частяхъ того же Дагестана, которыя были покорены нами на пятьдесятъ лѣтъ ранѣе и вкусили отъ разлада между

обычаемъ и закономъ, созданнаго Ганомъ. Въ Кайтагѣ и Табасарани *)— доносилъ въ 1856 году кн. Орбеліани—захватить преступника можно «не иначе, какъ въ сопровожденіи большой воинской силы». Нѣтъ сомнѣнія,— пояснялъ онъ,—что законы русскіе писаны по внушеніямъ самымъ мудрымъ, но они развивались мало-по-малу вмѣстѣ съ ростомъ русскаго народа въ теченіе многихъ вѣковъ и не могутъ быть примѣнены къ населенію, живущему еще родовымъ бытомъ. «Понятія кайтагцевъ и табасаранцевъ еще таковы, что весьма многія преступленія, почитаемыя у насъ тяжкими, не только не составляютъ между ними дѣянія запрещеннаго, но обязательны для каждаго, кто хочетъ сохранить за собою доброе имя. Таковы убійства по кровомщенію, убійство жены, дочери, сестры, когда они замѣчены въ любовной связи съ кѣмъ бы то ни было, убійство человѣка, заподозрѣннаго въ ихъ обольщеніи. Всѣ эти преступленія совершаются съ полною увѣренностью въ правотѣ дѣла и безъ упрековъ совѣсти. Въ совершенную противоположность дѣйствія ея у христіанъ, совѣсть терзаетъ дагестанца только до того времени, пока онъ еще не совершилъ убійства, вызываемаго изъясненными причинами; а когда оно совершено, совѣсть убійцы успокаивается, какъ у человѣка, исполнившаго священный долгъ свой». Точно также легко совершаются всякія пораненія и убійства въ ссорахъ и дракахъ между этими полу-дикарями, всегда вооруженными и въ то же время раздражительными, какъ дѣти. «Какъ ни желательно измѣнить эти дикія понятія, но они еще слишкомъ сильны своею давностью и общностью въ народѣ, чтобы онъ могъ понять и оказать предпочтеніе законамъ образованнаго христіанскаго государства. Поэтому наказанія по нашимъ законамъ за убійство и пораненія не только не вселяютъ въ народѣ уваженія къ нашему правосудію, но принимаются за явную несправедливость. По ихъ понятіямъ, только сторона обиженная можетъ искать удовлетворенія въ подобныхъ дѣлахъ. Бывали случаи, что убійца, арестованный слѣдователемъ за совершонное имъ преступленіе, съ полнымъ недоумѣніемъ спрашивалъ: какое дѣло этому человѣку до моего убійства, развѣ онъ родственникъ убитаго!»... «Въ 1841 г., когда только введено было здѣсь гражданское управленіе, жители Кайтага и Табасарани, не зная еще послѣдствій, какія ожидаютъ убійцъ по нашимъ законамъ, не укрывались отъ преслѣдованія нашихъ властей и откровенно разсказывали о случившемся; но послѣ нѣсколькихъ примѣровъ ссылки подобные преступники стали тотчасъ же убѣгать и уже не возвращались, опасаясь нашего суда». «Такое положеніе дѣлъ вмѣсто пользы приноситъ намъ большой вредъ увеличеніемъ числа бѣглецовъ и недовольныхъ нашимъ управленіемъ». «Но этого мало,—продолжаетъ Орбеліани—прежде ни одно убійство не могло пройти безнаказанно: преслѣдуемый обиженными или общественнымъ мнѣніемъ, преступникъ также бѣжалъ и скрывался, но

*) Кайтагъ и Табасаръ составляли Дербентскій уѣздъ. Кн. Орбеліани былъ командующимъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ.

жилъ въ тиши и смиренно, всѣми средствами добиваясь примиренія съ противниками»; и какъ только остывалъ первый порывъ гнѣва, и потерпѣвшіе соглашались принять обычное вознагражденіе, бѣглецъ съ повинною головою возвращался въ свое селеніе. «Теперь же онъ не ищетъ примиренія съ обиженными, зная, что законъ всетаки не оставитъ его въ покоѣ, и, потерявъ надежду на возвращеніе въ свою семью, онъ дѣлается разбойникомъ, оставляя и обиженныхъ имъ безъ всякаго удовлетворенія». Отъ такого порядка обѣ стороны остаются нами недовольны: преступникъ, ибо онъ не можетъ понять, зачѣмъ понадобилось намъ его заковывать; обиженные, ибо мы лишили ихъ возможности получить съ него установленный адатомъ выкупъ и путемъ обычныхъ обрядовъ примириться съ своею совѣстью. Такова судьба самыхъ лучшихъ мѣропріятій правительства, «если только онѣ не сообразованы съ духомъ и характеромъ жителей и по рановременности своей имъ непонятны». Населеніе не видитъ въ нихъ ничего, кромѣ «угнетенія и посягательства на священныя права народа, что отдаляетъ все болѣе и болѣе сближеніе наше съ туземцами и тѣмъ самымъ увеличиваетъ жертвы, приносимыя упроченію нашему въ этомъ краѣ».

Барятинскій не могъ не соглашаться съ этими взглядами Орбеліани, и потому, воспользовавшись покореніемъ Дагестана, онъ упразднилъ и Дербентскую губернію и Дербентскій уѣздъ и присоединилъ Кайтагъ и Табасарань къ составу завоеванной ихъ Дагестанской области.

VII.

Устроивъ описаннымъ образомъ военно-народное управленіе въ Дагестанѣ, въ Джоро-Бѣлоконской области и въ бывшемъ Дербентскомъ уѣздѣ, Барятинскій окончательно утвердился на мысли учредить «словесные суды и расправы» и во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ Кавказа и Закавказья, населенныхъ мусульманами и горцами. Но представленныя имъ по этому поводу соображенія остались необсужденными, частью за болѣзнью Барятинскаго, вынудившею его въ половинѣ 1861 г. покинуть намѣстничество, частью въ виду предстоявшей уже тогда общей судебной реформы 1864 г., которую предполагали распространить на Кавказѣ, возлагая на нее самыя радужныя надежды. Судъ независимый, неподкупный и нелицепріятный, съ процессомъ устнымъ, гласнымъ и состязательнымъ казался самъ по себѣ крупною культурною силою, школою, способною воспитать въ населеніи уваженіе къ личности, законности и порядку. Уроки прошлаго не казались достаточными: прошлое не знало суда, обладающаго такимъ абсолютнымъ достоинствомъ. Съ другой стороны, нигдѣ старые наши суды не вызывали такого сильнаго и всеобщаго ропота, какъ на Кавказѣ; и нигдѣ, слѣдовательно, судебная реформа не представлялась болѣе необходимою, чѣмъ здѣсь. Поэтому въ концѣ 60-хъ и въ самомъ началѣ 70-хъ гг. новыя судебныя учрежденія, за исключеніемъ областей, взятыхъ Барятин-

скимъ подъ военно-народное управленіе, были повсемѣстно открыты, но только безъ присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ некультурность населенія и самое незнаніе государственнаго языка дѣлало здѣсь невозможнымъ введеніе этого института.

Какъ при реформѣ 1841 г., населеніе отнеслось къ новымъ судамъ съ полнымъ довѣріемъ. Не зная, въ чемъ дѣло, оно понесло къ нимъ въ огромномъ количествѣ свои жалобы, претензіи, ссоры и споры за многіе прежніе годы, надѣясь получить желанное удовлетвореніе. Бывали случаи, что самъ преступникъ съ еще не обтертымъ кинжаломъ прибѣгалъ къ судьѣ или слѣдователю и разсказывалъ ему безъ утайки о своемъ преступленіи, прося у нихъ посредничества и защиты отъ кровомщенія. Но прошелъ годъ, другой, населеніе приглядѣлось къ новымъ судамъ и отшатнулось отъ нихъ также, какъ и отъ старыхъ. Только въ нѣкоторыхъ частяхъ Имеретіи и Грузіи, гдѣ, подъ вліяніемъ городской жизни, торговли, широкаго участія въ государственной службѣ, ипотечныхъ банковъ, народнаго образованія и уничтоженія крѣпостного права, родовой бытъ окончательно распался, только здѣсь новые суды могли заинтересовать и отчасти удовлетворить населеніе. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ Кавказа и Закавказья цѣнить достоинствъ новаго суда было не кому. Новый судъ еще болѣе, чѣмъ старый, былъ чуждъ интересамъ преступника, потерпѣвшаго и самого общества. Правда, потерпѣвшаго внимательно выслушивали, допрашивали въ полицейскомъ участкѣ, потомъ въ камерѣ слѣдователя, потомъ публично въ судѣ, все это продѣлывали иногда даже нѣсколько разъ, но затѣмъ, получивъ отъ него требуемое доказательство, отбрасывали его въ сторону, какъ осмотрѣнную и болѣе уже ненужную вещь, забывая, что это живой человѣкъ, который, подавивъ въ себѣ инстинктъ мщенія и отказавшись отъ «права» мщенія, явился въ судъ только для того, чтобы получить съ виновнаго и его сородичей соотвѣтствующій и обычаемъ установленный выкупъ. Съ такимъ же вниманіемъ допрашивали и передопрашивали обвиняемаго, по истеченіи многихъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія приговаривали его, наконецъ, къ законному наказанію и послѣ того отпускали его, искупившаго свою вину, на свободу, совершенно забывая, что дома его ожидаетъ мщеніе потерпѣвшихъ, что онъ не смѣетъ вернуться въ родное селеніе до примиренія съ ними по народнымъ обычаямъ и, что, стало быть, теперь, по отбытіи наказанія, онъ возвращается въ то самое положеніе, въ которомъ находился въ день явки съ повинною.

Еще недавно, въ 1898 году, послѣ тридцати лѣтъ со времени учрежденія новыхъ судовъ, я видѣлъ въ Хасавъ-Юртѣ такую сцену. Кумыкъ *Магометъ Аджіевъ* умолялъ окружнаго начальника предать его вторично народному суду *) за убійство, за которое онъ уже отбылъ назначенное

---

*) Для разбора дѣлъ тяжебныхъ и уголовныхъ меньшей важности у кумыковъ и донынѣ сохраняется народный судъ, учрежденный еще Ермоловымъ.

ему по нашимъ законамъ наказаніе 4 года тому назадъ. «Я убилъ во время ссоры въ сел. Камбулатъ-Юрты кумыка *Гойчуева*,—объяснялъ онъ.—За это по приговору суда я просидѣлъ болѣе года въ тюрьмѣ и послѣ того скитаюсь вотъ уже 4 года, не смѣя вернуться въ свое селеніе, такъ какъ не могу добиться примиренія съ отцомъ Гойчуева. Пусть народный судъ накажетъ меня по обычаю и примиритъ съ потерпѣвшими». Окружной начальникъ не могъ помочь Аджіеву, такъ какъ неоднократно уже подтверждалось народнымъ судомъ, что «производство примирительнаго разбирательства по дѣламъ, вытекающимъ изъ кровомщенія» воспрещено закономъ. Онъ посовѣтовалъ Аджіеву примириться съ Гойчуевымъ при содѣйствіи частныхъ посредниковъ. «Что же я буду дѣлать!»—плакался Аджіевъ.—«По выходѣ изъ тюрьмы я пріютился въ Кази-Юртѣ и поступилъ подъ покровительство князя Темирова. При содѣйствіи князя велись переговоры и Гойчуевы согласились получить отъ меня 260 руб. Послѣ того я босой, безъ шапки съ отпущенными волосами, какъ полагается по обычаю, въ сопровожденіи князя и моихъ родныхъ пошелъ въ Камбулатъ-Юртъ къ Гойчуевымъ. У воротъ ихъ дома я остановился. Князь вручилъ Гойчуеву 260 руб., послѣ чего мнѣ было разрѣшено приблизиться. Я вошелъ во дворъ и опустился передъ Гойчуевымъ на колѣни. Но Гойчуевъ не принялъ моего челобитія и, отвернувшись, сказалъ: «пусть кланяется Богу». Тогда князь подалъ Гойчуеву бритву, но Гойчуевъ отказался обрить мнѣ голову, предоставивъ это сдѣлать самому князю. Такимъ образомъ, хотя Гойчуевъ и говоритъ постоянно, что онъ будто бы уже простилъ меня, однако настоящаго примиренія не было, и я не смѣю ни вернуться домой, ни обстричь свои волосы».

«Обыкновенная исторія!—замѣтилъ по этому поводу окружной начальникъ и, придавъ дѣлу исковой характеръ, приказалъ народному суду вызвать Гойчуевыхъ и кн. Темирова, разобрать дѣло и примирить стороны по обычаю. Послѣ того миръ былъ наконецъ возстановленъ *).

Эта «обыкновенная исторія» на тысячи разныхъ ладовъ повторялась повсюду, гдѣ сохранялся еще родовой бытъ, и касалась не только убійствъ, въ этомъ краѣ весьма многочисленныхъ, но также похищенія или обольщенія женщинъ, тѣлесныхъ поврежденій всякаго рода и даже грабежей и кражъ, если только по мѣстнымъ обычаямъ потерпѣвшему принадлежало право на вознагражденіе въ размѣрѣ болѣе, чѣмъ ординарной цѣны похищеннаго. Въ дѣлопроизводствѣ чеченскаго народнаго суда даже за 1900 и 1901 года можно найти болѣе сотни дѣлъ, гдѣ воръ, независимо отъ личнаго наказанія, слѣдовавшаго ему по закону, приговаривался къ уплатѣ потерпѣвшему *двойной* цѣны похищеннаго—по обычаю. И онъ долженъ былъ непремѣнно отбыть это второе наказаніе, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, потерпѣвшій вознаграждалъ себя самоуправствомъ или барантованіемъ.

---

*) Дѣло народнаго суда 1898 года № 271.

Не удовлетворяя ни истца, ни отвѣтчика, ни потерпѣвшаго, ни обвиняемаго, наши суды никакъ не могли служить и интересамъ общества, ибо они не облегчали, а наоборотъ, затрудняли мирное сожительство его членовъ. Кто отбывалъ наказаніе по закону, тотъ силился избѣжать второго наказанія по обычаю. Опираясь на законную власть, но вступая въ опасный разладъ съ потерпѣвшими и съ цѣлымъ обществомъ, онъ оставлялъ потерпѣвшаго безъ всякаго вознагражденія и создавалъ поводъ къ мщенію въ формѣ насилія, грабежа или поджога. Кто вслѣдъ за совершеніемъ преступленія примирялся съ потерпѣвшими и отбывалъ наказаніе по обычаю, тотъ, конечно, пытался оградить себя отъ новаго наказанія по закону. Опираясь на общество, но вступая въ разладъ съ законною властью, онъ связывалъ потерпѣвшихъ и посредниковъ мирового соглашенія такими обязательствами, исполненіе которыхъ создавало лжесвидѣтельство, клятвопреступленіе, укрывательство преступника и слѣдовъ преступленія, а неисполненіе—служило поводомъ къ новымъ претензіямъ и раздорамъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ общественный порядокъ проигрывалъ, мирное сожительство подвергалось тяжкимъ испытаніямъ и общество во-очію убѣждалось, что новые суды созданы не ему на потребу, а для служенія кому-то новому и непостигаемому божеству, именуемому закономъ. Это божество вызывало тѣмъ болѣе недоумѣній и страха, что оно, какъ бы питаясь людскими раздорами, пробуждало вражду, уже затихшую подъ примиреніемъ, втягивало въ каждую ссору подъ видомъ свидѣтелей какъ можно больше постороннихъ лицъ и, подвергая безсрочной ссылкѣ виновника ссоры, затрудняло до крайности примиреніе враждовавшихъ семействъ.

Извѣрившись въ наши суды, видя ихъ неспособность служить дѣлу мира и правдѣ народной, населеніе встало между властью и своими преступниками, оберегая ихъ всѣми средствами отъ тяжелыхъ ударовъ, быть можетъ, великой, мудрой, но ненужной и чуждой имъ силы, именуемой русскимъ закономъ. Борьба судебной полиціи съ нѣсколькими сотнями преступниковъ превратилась такимъ образомъ въ безплодную борьбу власти съ цѣлымъ народомъ.

Обѣ стороны дѣйствовали съ возраставшею энергіей. Сначала, при самомъ введеніи новыхъ судовъ, всѣ чрезвычайныя мѣры для борьбы съ преступностью, вродѣ административныхъ ссылокъ, круговой отвѣтственности селеній, административныхъ каръ для оправданныхъ и оставленныхъ въ подозрѣніи, были отмѣнены: предполагалось дѣйствовать по хорошему. Теперь, это уже оказывалось невозможнымъ. Охраняя своихъ преступниковъ, населеніе прежде всего пользовалось всѣми ухищреніями житейской мудрости, чтобы ослабить служебное усердіе низшихъ органовъ власти; когда это не удавалось, оно прятало своихъ преступниковъ и заявляло властямъ, что они бѣжали неизвѣстно куда. Вслѣдъ затѣмъ выяснялось, что разыскиваемый преступникъ въ дѣйствительности никуда не бѣжалъ, а проживаетъ въ своемъ же домѣ подъ дружескою охраной односельчанъ, скрываясь только при появленіи полиціи. Съ теченіемъ времени такихъ

«бѣглецовъ» появилась цѣлая армія; одинъ-двое проживали почти въ каждомъ селеніи. Для поимки этихъ мнимыхъ бѣглецовъ полиція обзаводилась лазутчиками и дѣлала внезапные наѣзды съ всадниками земской стражи (*чапарами*). Населеніе обзаводилось для наблюденія за полиціей контръ-лазутчиками, которые связывали другъ друга торжественными клятвами не измѣнять обществу. Если тѣмъ не менѣе полиція настигала «бѣглецовъ», между ними и чапарами непремѣнно завязывалась перестрѣлка. Общество съ затаенною тревогой слѣдило за боемъ и держало весьма двусмысленный нейтралитетъ, благодаря которому завороженныя пули чапаровъ не причиняли никакого вреда «бѣглецамъ», но за то, конечно, и пули «бѣглецовъ» не попадали въ чапаровъ. Столкновеніе заканчивалось тѣмъ, что полицейскій наѣздъ, разстрѣлявъ безрезультатно свои патроны, покидалъ поле битвы. Если, несмотря на все это, преступника схватывали и вели къ слѣдователю, за нимъ шли на выручку цѣлыя толпы лжесвидѣтелей, которые лишали насъ всякой надежды добраться до истины.

Вслѣдствіе этого уголовное преслѣдованіе шло до такой степени безуспѣшно, что, напримѣръ, въ Елизаветпольской губерніи, гдѣ за трехлѣтіе 1894—1896 гг. возникло 2,807 слѣдственныхъ дѣлъ объ убійствахъ, за то же трехлѣтіе осуждено за убійство 373 лица, т.-е. изъ каждыхъ *восьми* дѣлъ объ убійствахъ закончились розысканіемъ и осужденіемъ только *одно*, несмотря на то, что преступленія этого рода совершаются на Кавказѣ въ большинствѣ случаевъ au flagrant delit. Въ той же губерніи, за то же трехлѣтіе на 1,744 дѣла о квалифицированныхъ кражахъ пришлось осужденныхъ 130 человѣкъ, т.-е. по *одному* осужденному на каждыя *тринадцать* квалифицированныхъ кражъ; и на 1,860 дѣлъ о грабежахъ и разбояхъ—всего только 40 осужденныхъ, т.-е. по *одному* осужденному на *сорокъ шесть* грабежей и разбоевъ; тогда какъ во внутренней Россіи, при этомъ же составѣ юстиціи и полиціи, приходится по одному осужденному на каждые три убійства, три квалифицированныя кражи и шесть грабежей и разбоевъ.

При такихъ условіяхъ бороться съ преступностью одними только корректными мѣрами не приходилось. По невозможности изобличать преступника, стали довольствоваться молвою, тайными извѣтами, свѣдѣніями, собранными «изъ-подъ руки», и подвергать заподозрѣнныхъ ссылкѣ въ Сибирь и тюремному заключенію безъ слѣдствія и суда, въ административномъ порядкѣ. По невозможности изловить преступника, стали довольствоваться ихъ истребленіемъ, прибѣгая къ наемнымъ убійцамъ, охотничьимъ командамъ и, въ концѣ-концовъ, организовали для той же цѣли изъ отставныхъ и запасныхъ солдатъ цѣлый корпусъ полицейской стражи, стоящей въ пяти закавказскихъ губерніяхъ болѣе двухъ милліоновъ рублей. Въ свою очередь, населеніе, прилаживаясь къ этимъ мѣрамъ полиціи, удвоило охрану своихъ преступниковъ и стало скрывать ихъ на зимніе мѣсяцы въ персидскихъ или турецкихъ владѣніяхъ, а въ теплое время года на недоступныхъ и лѣсистыхъ горахъ. Изнемогая въ непосильной борьбѣ, адми-

нистрація пошла еще далѣе. Чтобы понудить селенія къ выдачѣ своихъ «бѣглецовъ», она прибѣгала къ разорительнымъ экзекуціямъ, въ видѣ военныхъ постоевъ, оцѣпляла селенія военными пикетами, воспрещая всякій выходъ изъ нихъ безъ пропускного билета, и, наконецъ, высылала въ Сибирь всѣхъ, даже отдаленнѣйшихъ родственниковъ скрывавшагося лица. Подобнаго рода средствами мы, разумѣется, иной разъ достигали желаемой цѣли. Спасая присныхъ своихъ отъ полнаго разоренія или ссылки, бѣглецы нерѣдко являлись и предавали себя въ руки полиціи; но такимъ путемъ мы никакъ не могли внушить уваженія къ нашимъ законамъ. Напротивъ, жители почувствовали себя въ положеніи какъ бы воюющей стороны и стали группироваться вокругъ вожаковъ, успѣвшихъ по своимъ личнымъ качествамъ, положенію или связямъ захватить достаточно сильную принудительную власть. Покинутый законною властью, преслѣдовавшей иныя, чуждыя населенію цѣли, народъ нуждался въ такихъ вожакахъ и естественно, что они появились почти повсюду. Въ роли вожака могъ оказаться всякій: и хорошій и дурной человѣкъ, и знатный бекъ, и простой поселянинъ, и полицейскій приставъ, рѣшившійся вести собственную уголовную политику, и разбойникъ.

Въ Казанскомъ уѣздѣ, напримѣръ, такую роль игралъ въ 1897 году бѣглый каторжникъ *Мамедъ-Абузаръ-оглы*, прославившійся необычайною отвагой, ловкостью и меткой стрѣльбою. Въ своемъ участкѣ онъ былъ неограниченнымъ ханомъ, умѣвшимъ миловать, карать и творить судъ по народнымъ обычаямъ и по совѣсти. Пользуясь преданностью, услугами и приношеніями всѣхъ окрестныхъ жителей, онъ распродалъ все свое движимое имущество и жилъ въ своемъ домѣ, въ сел. Гаджалы, не имѣя надобности ни воровать, ни работать. Только въ случаѣ приближенія полицейскаго наѣзда, онъ переселялся на время съ однимъ или двумя нукерами на вершину сосѣдней скалы, которую онъ превратилъ въ совершенно неприступную крѣпость. Онъ былъ патрономъ и покровителемъ всѣхъ, кто прибѣгалъ къ его защитѣ и не отказывался почтить его дарами и знаками уваженія. Кто забывалъ это сдѣлать, у того непремѣнно пропадалъ волъ или лошадь, и онъ спѣшилъ на поклонъ къ Мамеду, при содѣйствіи котораго все похищенное ему, разумѣется, возвращалось. Подъ его охрану стекались всѣ окрестные «бѣглецы», которыхъ онъ умѣлъ и примирить съ врагами и укрыть отъ преслѣдованія полиціи. Объ открытомъ неповиновеніи Мамеду нечего было и думать: Мамедъ умѣлъ настоять на своемъ и мстилъ безнаказанно и жестоко. «Власть его была куда какъ сильнѣе уѣзднаго начальника,—говорили о немъ мѣстные жители;—а домъ его походилъ на присутственное мѣсто. Тамъ всегда толпился народъ: одни приносили ему подарки, другіе—жалобы и прошенія. Подарки онъ принималъ и благодарилъ, а просьбы и жалобы выслушивалъ и разсматривалъ. Кто былъ недоволенъ рѣшеніемъ мирового судьи, тотъ шелъ къ Мамеду. Мамедъ разсматривалъ дѣло сызнова и постановлялъ свое рѣше-

ніе, которое считалось окончательнымъ и безповоротнымъ» *). Мамедъ требовалъ къ своему суду и татарина, и армянина, и бека, и священника. Напримѣръ, житель селенія Аллибеглы, татаринъ *Чахъ-Мехти* задолжалъ священнику сел. Мосесъ 60 р. По иску священника мировой судья выдалъ ему исполнительный листъ, по которому онъ пріобрѣлъ въ счетъ ссуды на аукціонной продажѣ имущества должника пару взрослыхъ воловъ. Разоренный такою убыточною продажей воловъ, *Чахъ-Мехти* обжаловалъ приговоръ мирового судьи Мамеду, прося возвратить ему отнятыхъ воловъ, такъ какъ коранъ и обычай запрещаютъ принудительную продажу имущества должника, непризнаннаго несостоятельнымъ. Мамедъ разобралъ дѣло и приказалъ священнику возвратить Чахъ-Мехти его воловъ, разсрочивъ должнику, въ виду постигшаго его неурожая, уплату долга на два года. Нечего и говорить, что приговоръ Мамеда тотчасъ же вошелъ въ законную силу и былъ приведенъ въ исполненіе. Благодаря такой обширной кліентурѣ, свадьба Мамеда, сыгранная имъ въ іюлѣ 1897 г., привлекла до 2,000 гостей, явившихся поздравить разбойника и почтить его въ этотъ торжественный для него день посильными дарами **).

Въ Шушинскомъ уѣздѣ подобную же роль игралъ многіе годы отставной губернскій секретарь Джафаръ-бекъ Визировъ, который пользовался большимъ вліяніемъ въ качествѣ главноуправляющаго огромными имѣніями кн. Уцміева и лица, находившагося въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ съ губернскою и уѣздною администраціей. Убѣдивъ полицію довѣриться его мудрой опытности и оставить въ покоѣ преступниковъ, взятыхъ имъ подъ свое покровительство, онъ сформировалъ вокругъ себя изъ лицъ этой категоріи, не исключая и бѣглыхъ каторжниковъ, цѣлую дружину опричниковъ, жизнь и свобода которыхъ всецѣло зависѣли отъ его благоволенія. Послушные не только приказаніямъ, но и тайнымъ намѣреніямъ Джафаръ-бека, эти опричники наказывали угономъ скота, поджогами и даже убійствами тѣхъ, кто не хотѣлъ подчиниться его волѣ, и въ концѣ-концовъ объединили подъ властью своего повелителя цѣлую половину уѣзда. Такимъ образомъ болѣе десяти лѣтъ, вплоть до 1897 г., на глазахъ нашей полиціи и юстиціи, Джафаръ-бекъ управлялъ половиною уѣзда, какъ самовластный и неограниченный ханъ. Съ полиціею Джафаръ-бекъ не церемонился, юстицію онъ умѣлъ сдѣлать для себя безвредною. Въ 1888 г. правительственный старшина тарнавутскаго общества попытался задержать профессіональнаго вора Султана. Султанъ оказалъ ему вооруженное сопротивленіе. По донесенію старшины, для арестованія Султана прибылъ на мѣсто полицейскій приставъ Меликъ Осиповъ; но ему удалось захватить только ружье Султана. Султанъ успѣлъ убѣжать и, явившись къ Визирову, просилъ его покровительства. Визировъ принялъ Султана въ

*) Протоколъ судебнаго засѣданія кавказскаго военно-окружнаго суда по дѣлу 1897 г. объ убійствѣ пристава кн. Абашидзе и друг.

**) Тамъ же.

число своихъ нукеровъ и, извѣщая объ этомъ пристава, присовокуплялъ: «Я васъ покорнѣйше прошу возвратить Султану отнятое вами у него ружье, и надѣюсь, что вы не откажете въ моей просьбѣ». Однако, вслѣдствіе новыхъ кражъ и новыхъ жалобъ, въ слѣдующемъ 1889 г. тотъ же приставъ былъ вынужденъ арестовать Султана. Поэтому поводу Визировъ написалъ приставу слѣдующее письмо отъ 2 мая. «Многоуважаемый Осипъ-бекъ! Я вамъ еще съ осени ручался за Султана и взялъ его въ свое распоряженіе, а между тѣмъ оказывается, что вы его опять арестовали. Съ вашей стороны очень некрасиво вѣрить наговорамъ моихъ враговъ, которые хотятъ меня съ вами поссорить. Я прошу васъ освободить Султана и вѣрить, что съ того времени, какъ я вамъ далъ слово, онъ воровствомъ не занимается». Султанъ былъ освобожденъ и продолжалъ состоять нукеромъ Визирова вмѣстѣ съ извѣстными разбойниками Омаромъ, Садыкомъ, Софи-Кули-Оглы, Кулушемъ-Кязумъ-Оглы и друг., убитыми въ перестрѣлкахъ съ полиціею, или сосланными въ каторжныя работы, но уже послѣ паденія Джафаръ-бека. Жаловаться на Визирова было и безполезно и крайне опасно. Когда въ 1896 г. чайный торговецъ Мешади-Селимъ принесъ жалобу на Визирова товарищу прокурора Воронову, онъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ того былъ убитъ, успѣвъ заявить передъ смертью, что онъ зарѣзанъ нукерами Визирова. Когда въ томъ же году винокуренный заводчикъ Монасъ Бободжановъ пожаловался на Визирова губернаторскому чиновнику Барановскому, заводъ его былъ сожженъ. Но возникавшія по этимъ, какъ и по многимъ другимъ поводамъ слѣдствія по обвиненіямъ Визирова и его нукеровъ прекращались по недостатку уликъ, необходимыхъ для мотивированныхъ приговоровъ суда и письменнаго апелляціоннаго производства *).

Устраняя по возможности полицію и юстицію отъ вмѣшательства во внутреннюю жизнь населенія, Джафаръ-бекъ судилъ и мирилъ всѣхъ подвластныхъ ему по своему разумѣнію. Онъ до такой степени вошелъ въ эту роль, что когда въ 1888 г. садовладѣлецъ Бободжановъ предъявилъ суду искъ къ должнику-поселянину, Джафаръ-бекъ внушительно заявилъ ему: «Развѣ я,—патронъ вашего должника,—умеръ, что вы обращаетесь съ искомъ къ суду и полиціи, а не ко мнѣ». Бободжановъ прекратилъ искъ въ судѣ, внесъ Визирову судебную пошлину, въ видѣ головы сахара, вручилъ ему свою долговую росписку и затѣмъ, безъ всякихъ хлопотъ и заботъ получилъ свои деньги отъ Визирова, который въ одинъ день взыскалъ ихъ съ неисправнаго должника. Бободжановъ, неоднократно терпѣвшій отъ тираніи Визирова, на этотъ разъ былъ въ чистомъ выигрышѣ, да и все населеніе, терпѣвшее отъ поборовъ Визирова, было въ огромномъ выигрышѣ каждый разъ, когда, обходя судъ и полицію, оно обращалось къ его посредничеству. Законный судъ работалъ очень медленно,

---

*) Особое постановленіе кавказскаго военно-окружнаго суда 23 декабря 1897 г. по дѣлу о купцѣ Хубларовѣ и друг.

Визировъ—скоро; рѣшенія суда казались народу непонятными и несправедливыми; рѣшенія Визирова были вполнѣ понятны и казались вполнѣ справедливыми. Законный судъ не примирялъ ссорящихся и создавалъ поводы къ новой враждѣ, Визировъ прежде всего удовлетворялъ потерпѣвшаго и устранялъ поводы къ новымъ ссорамъ. Поэтому, несмотря на всѣ злоупотребленія этого владыки, управленіе Визирова большинству населенія пришлось по душѣ, и оно недоброжелательно смотрѣло на тѣхъ, кто обращался къ содѣйствію законной власти. Только этимъ возможно объяснить, что Джафаръ-беку удалось дважды, въ 1890 и 1894 гг., въ агдамской мечети привести всѣхъ вліятельнѣйшихъ поселянъ своего округа къ присягѣ, которою они обязывались: «Не избирать старшинъ, джуваровъ и иныхъ должностныхъ лицъ, не заключать купли, продажи и иныхъ договоровъ, не вчинать гражданскихъ и уголовныхъ исковъ и споровъ, не подавать прошеній, заявленій и жалобъ властямъ и не являться по требованіямъ административной и судебной власти—иначе, какъ по указаніямъ, наставленіямъ или требованіямъ Джафара-бека» *). Чтобы не наскочить на опасныя скалы нашихъ законовъ, населеніе добровольно подчинялось деспотизму лоцмана, умѣвшаго провести любую ладью между Сциллою и Харибдою.

Армія «бѣглецовъ», всевозможные виды укрывательства преступниковъ и описанное патронатство—вотъ чего мы добились въ результатѣ разлада между уголовнымъ закономъ и народнымъ обычаемъ. Посмотримъ теперь, какъ вліяли и вліяютъ всѣ эти явленія на преступность.

Мы уже достаточно знаемъ, что такое «бѣглецы». Это большинство кавказскихъ преступниковъ, отъ которыхъ мы тщетно силимся избавить туземное населеніе, между тѣмъ какъ само населеніе не только не желаетъ отъ нихъ избавляться, но, напротивъ, всячески охраняетъ отъ преслѣдованій полицейскихъ и судебныхъ властей; это люди, которые считаются какъ бы безъ вѣсти пропавшими, но нерѣдко живутъ въ своихъ же домахъ подъ тайною охраной односельчанъ; это оригинальный общественный элементъ, котораго нѣтъ и не можетъ быть тамъ, гдѣ законъ и народъ смотрятъ на преступленія одинаково; это живые выразители того разлада, который возникъ на Кавказѣ между дѣйствующимъ закономъ съ одной стороны и народнымъ правосознаніемъ—съ другой. Ихъ обыкновенно называютъ разбойниками, хотя въ огромномъ большинствѣ случаевъ они не разбойники ни по природѣ, ни по профессіи. Но они поставили себя внѣ власти и внѣ закона, они покинули большую и торную правительственную дорогу, и пустились въ опасный путь черезъ топи, лѣса и скалистыя горы, довѣривъ свою судьбу своимъ силамъ и своей изворотливости. Ихъ жизнь поэтому полна всевозможныхъ превратностей чревата всевозможными преступленіями.

Очень немногаго нужно для того, чтобы горецъ или самый послушный

*) Протоколъ судебнаго засѣданія по тому же дѣлу.

и почтительный къ власти татаринъ бросилъ легальное положеніе и объявилъ себя «бѣглецомъ», если онъ еще сохранилъ нѣкоторую энергію и мужественность характера. Для этого достаточно ему совершить какое-нибудь, иногда даже незначительное, преступленіе и получить призывную повѣстку судебнаго слѣдователя. Нашъ судъ съ его тремя инстанціями, съ его неизбѣжною медленностью и подслѣдственнымъ арестомъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ; нашъ законъ съ бездушною неподвижностью его опредѣленій, съ многолѣтнею тюрьмою или пожизненною ссылкою въ невѣдомые края, къ чужимъ людямъ, непонимающимъ ихъ языка—все это такъ напугало воображеніе туземцевъ, что даже одинъ только призракъ суда заставляетъ ихъ, при малѣйшей поддержкѣ со стороны общества, покинуть надежныя мачты государственнаго корабля и пуститься на непрочномъ и зыбкомъ челнѣ въ буйныя и хищныя волны житейскаго моря.

Очутившись въ такомъ положеніи, бѣглецъ прежде всего ищетъ пристани. Его судьба зависитъ теперь отъ множества разныхъ условій. Если общество на его сторонѣ и готово укрыть его отъ преслѣдованія власти, если при щедромъ содѣйствіи родственниковъ онъ заключитъ миръ съ потерпѣвшимъ, если, кромѣ того, онъ найдетъ покровительство у сосѣдняго бека, а черезъ него и у ближайшей полицейской власти, тогда онъ на пристани и устроился наилучшимъ образомъ. Полиція увѣдомитъ слѣдователя, буде дѣло дошло до него, что обвиняемый скрылся и по розыску нигдѣ не найденъ; слѣдователь очиститъ нумеръ и безъ того слишкомъ объемистаго реестра и представитъ дѣло въ окружной судъ; окружной судъ сдѣлаетъ постановленіе о сыскѣ обвиняемаго и сдастъ дѣло въ архивъ, а полицейскіе органы столичной и мѣстной печати пропечатаютъ объявленіе о розыскѣ бѣжавшаго и получатъ построчную плату. Здѣсь всѣ будутъ очень довольны, и весьма возможно, что «бѣглецъ» спокойно проживетъ въ родномъ селеніи Мафусаиловы годы, занимаясь привычнымъ и честнымъ трудомъ.

Эта комбинація является естественнымъ компромиссомъ между неподходящимъ закономъ и жизнью, и во многихъ отношеніяхъ оказывается наилучшею. Но и она уже не свободна отъ нѣкоторыхъ шиповъ.

Конечно, бывали и, быть можетъ, нерѣдко, случаи, когда и бекъ-сосѣдъ и полицейскій начальникъ дѣйствовали вполнѣ безкорыстно, вырывая изъ-подъ колесъ судебной машины татарина или горца, случайно впавшаго въ преступленіе и бѣду. Вѣдь между умнымъ и любящимъ свое дѣло администраторомъ и судомъ, а особливо коронным, нѣкоторый антагонизмъ неизбѣженъ. Судья, который не смѣетъ и думать о наилучшемъ, т.-е. наиболѣе практичномъ, цѣлесообразномъ и справедливомъ рѣшеніи дѣла, жрецъ Ѳемиды, который только подыскиваетъ правило, разъ навсегда установленное въ законахъ для случаевъ даннаго рода, и который продѣлываетъ это надъ живыми людьми, «не вѣдая ни жалости, ни гнѣва, добру и злу внимая равнодушно»,—какая это слѣпая и жестокая сила! Администраторъ часто и не долженъ руководиться судейскимъ принципомъ, если

онъ не хочетъ уподобиться тѣмъ врагамъ и стратегамъ, которымъ пріятнѣе терпѣть неудачи при полномъ соблюденіи уставныхъ правилъ, чѣмъ достигать успѣховъ съ нарушеніемъ этихъ правилъ *). Не можетъ живой и преданный своему дѣлу администраторъ равнодушно смотрѣть на то, какъ слѣпая Ѳемида ссылаетъ въ Сибирь случайнаго преступника и готовитъ Кавказу бѣглаго изъ Сибири разбойника; не могутъ честный бекъ и близкій къ народу чиновникъ не видѣть той драмы, которую создали кавказскимъ татарамъ и горцамъ враждебные между собою законъ и обычай; не можетъ, наконецъ, не посѣдѣвшій въ приказахъ и зрячій полицейскій чиновникъ не пожалѣть иной разъ до тоски, до мучительной боли своего ближняго, случайно впавшаго въ грѣхъ и бѣду. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если они спокойно обсудили интересы общества, удовлетворили справедливыя притязанія потерпѣвшихъ и затѣмъ замолчали о преступленіи и преступникѣ, ради справедливости и пользы дѣла, пусть они будутъ виновны передъ буквой закона,—они правы передъ высшимъ принципомъ. Поступивъ подобнымъ образомъ, такой полицейскій начальникъ пріобрѣталъ любовь и довѣріе народа и иногда пользовался своимъ вліяніемъ умно и толково для насажденія русской правды и смягченія вредныхъ обычаевъ среди туземцевъ. Но если даже такая широкая роль оказывалась ему не подъ силу, онъ все-таки достигалъ очень многаго однимъ только добрымъ и честнымъ влеченіемъ сердца, что само по себѣ составляетъ великую морализирующую силу. Мы лично знали полицейскаго чиновника, который, при появленіи въ участкѣ новаго бѣглеца, призывалъ къ себѣ его отца, брата или дядю, старшину или сельскаго моллу, узнавалъ въ частной бесѣдѣ съ ними полную истину и приказывалъ прислать къ нему «бѣглеца». «Пусть онъ идетъ ко мнѣ безъ боязни, я только поговорю съ нимъ и сейчасъ же отпущу его на свободу». Призванный подобнымъ образомъ бѣглецъ обыкновенно являлся. «Здравствуй, Косумъ!—встрѣчалъ его начальникъ.—Для чего ты скрываешься? Развѣ ты разбойникъ, отъ котораго отступились и люди, и Богъ? Развѣ ты не такой же человѣкъ, какъ твой почтенный дядя Сафаръ, а неужели ты захочешь убить меня, когда начальство прикажетъ мнѣ съ казаками тебя задержать! Посмотри на свои руки; съ такими руками ты можешь торговать цвѣтными каменьями и играть на пѣвучей тарѣ! Какой ты разбойникъ! Да и чего ты такъ испугался? Ты поссорился съ Омаромъ и убилъ его; это, конечно, большой грѣхъ, но кто же передъ Богомъ не грѣшенъ! Иди къ слѣдователю, повинись ему во всемъ, отбудь свое наказаніе, замоли свой грѣхъ и приходи домой съ чистой и свободной душою. Я тѣмъ временемъ помирю тебя съ семьею убитаго и постараюсь сдѣлать для тебя все, что возможно». Трудно исчислить, какое огромное вліяніе долженъ былъ имѣть подобный пріемъ на всю послѣдующую судьбу молодого преступника. Не даромъ говоритъ Гефдингъ, что воспитательное значеніе наказанія зависитъ не отъ самаго наказанія, а отъ тѣхъ людей

*) *Д. С. Милль:* „Логика нравственныхъ наукъ“, XII, § 2.

и способовъ, которыми оно выполняется. Если неиспорченный еще въ конецъ преступникъ найдетъ въ полицейскомъ чиновникѣ, судьѣ или смотрителѣ тюрьмы человѣка, «которому—какъ это подскажетъ ему его сердце—можетъ вполнѣ довѣриться, то уже одно это безъ дальнѣйшаго морализированія можетъ произвести въ его душѣ важныя этическія перемѣны» *). Нельзя не пожалѣть поэтому, что въ послѣдніе годы, рядомъ съ упорядоченіемъ полицейской службы, замѣчается нерѣдко приливъ сухого, бездушнаго, ужъ слишкомъ корректнаго, а иногда даже презрительнаго и озлобленнаго отношенія къ населенію. Такая перемѣна ничего добраго, разумѣется, не предвѣщаетъ.

Но великодушныхъ бековъ и безкорыстныхъ полицейскихъ чиновниковъ никогда не было слишкомъ много, и въ такомъ случаѣ покровительство, оказанное ими преступнику, становилось причиною дальнѣйшей его деморализаціи и новыхъ преступленій. Преступникъ дѣлался нукéромъ того же бека или начальника, попадалъ въ полную зависимость отъ этихъ лицъ и, нуждаясь въ ихъ благосклонности, пріучался прислуживать ихъ алчнымъ или злобнымъ инстинктамъ. Заслуживъ довѣріе бека, онъ награждался нарядной одеждой, ружьемъ и конемъ и обращался въ настоящаго опричника на страхъ одной части населенія и на соблазнъ—другой. Онъ пріискивалъ себѣ въ окрестныхъ селеніяхъ своихъ субъ-агентовъ или аріеръ-вассаловъ, при помощи которыхъ враги его патрона наказывались внезапнымъ пожаромъ, угономъ скота, клеветой или даже смертью. Мало того, дѣло велось часто такъ, что интеллектуальный виновникъ происшедшаго могъ только догадываться, что услужливый рокъ ужъ не совсѣмъ случайно исполнилъ цѣль его тайныхъ мечтаній: онъ ничего не зналъ о готовящемся преступленіи, онъ хотѣлъ смерти врага, но не убійства, онъ и не рѣшился бы на подобное дѣло—его совѣсть легко убаюкивалась и оставалась спокойною. Съ другой стороны, смѣтливый нукеръ и его вассалы снимали съ себя тягчайшую долю отвѣтственности, такъ какъ—«видитъ Богъ»—они работали не для себя, а для могущественнаго патрона, который и долженъ нести за нихъ отвѣтственность передъ Господомъ. Такимъ образомъ, нѣкогда случайный преступникъ—жертва разлада между закономъ и бытомъ—становился незамѣтно для самого себя настоящимъ злодѣемъ, преступники и преступленія размножались вокругъ него, какъ грибки плѣсени, а нравственная отвѣтственность дробилась, терялась въ отдаленныхъ степеняхъ совиновничества и притуплялась.

Однако, нисколько не лучше обстоитъ дѣло и въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ, еще не осужденный, или уже бѣжавшій изъ Сибири, находитъ сочувствіе и пріютъ у большинства населенія, но настойчиво преслѣдуется мѣстною властью. Онъ ведетъ праздную жизнь, онъ живетъ нахлѣбникомъ у своихъ родственниковъ или друзей, онъ имѣетъ все необходимое, но онъ не знаетъ покоя. День и ночь онъ долженъ быть ежеминутно

*) „Этика", гл. XXXIX, § 4.

готовъ бѣжать и отразить нападеніе. Онъ вооружается съ головы до ногъ; онъ спитъ съ ружьемъ въ рукѣ, опоясанный патронташемъ. У него есть враги, тайные недоброжелатели, старые счеты въ своемъ и сосѣднихъ селеніяхъ; каждый можетъ предать его. Онъ становится подозрительнымъ, безпокойнымъ, придирчивымъ; сердце его ожесточается: ему теперь некогда думать о другихъ, онъ занятъ исключительно самимъ собою. Первое столкновеніе съ полиціею переводитъ его въ разрядъ тяжкихъ преступниковъ безповоротно. Кто предалъ его полиціи?—Это вѣрно Гусейнъ, старинный врагъ его двоюроднаго брата Аббаса. Все общество возмущено поступкомъ Гусейна, а больше всего онъ и Аббасъ. Надо отмстить Гусейну, необходимо избавиться отъ «измѣнника», и... Гусейнъ убитъ. Теперь нашъ бѣглецъ уже не одинъ: съ нимъ соединилъ свою судьбу и вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ на висѣлицу и Аббасъ, заподозрѣнный въ этомъ убійствѣ. Но вотъ къ нимъ примыкаетъ и третій—это юноша Султанъ, который со всѣхъ ногъ бѣжалъ въ селеніе, чтобы предупредить бѣглеца о приближеніи полиціи. Урядникъ Амираговъ его замѣтилъ и громко крикнулъ ему: «Султанъ, назадъ! — Но онъ не остановился, а теперь... его зоветъ къ себѣ уѣздный начальникъ. Этого достаточно; бѣдняга струсилъ, бросился къ бѣглецамъ и погубилъ себя вмѣстѣ съ ними. Послѣ того наѣзды полиціи учащаются; жить дома становится невозможно: бѣглецы начинаютъ маячить между селеніемъ, сосѣдними скалами и лѣсомъ. На зимніе мѣсяцы они покидаютъ обнаженныя окрестности и переселяются въ Персію. Родственники складываются, дѣлаютъ заемъ, снабжаютъ ихъ въ путь лошадьми и деньгами. Не по доброй волѣ они покидаютъ и женъ, и дѣтей, и родныя мѣста: злой рокъ гонитъ ихъ на чужбину. Какъ-то имъ тамъ будетъ, вернутся ли они оттуда! Все селеніе гурьбой высыпаетъ на проводы. Тутъ же въ заднихъ рядахъ и Али; онъ еще вчера, повздоривъ съ Аббасомъ, задумалъ было шепнуть о бѣглецахъ полиціи; теперь, глядя на эти проводы, онъ стоитъ понурый, сконфуженный: ему стыдно за свое намѣреніе. Пока родственники привязываютъ къ сѣдламъ хурджины съ провизіею, старуха, мать Аббаса громко и безнадежно рыдаетъ; чумазый, кругленькій мальчуганъ долго смотритъ большими глазами то на старуху, то на отъѣзжающаго отца, наконецъ, уразумѣвъ что-то, бросается на землю и вторитъ бабкѣ протяжнымъ, замирающимъ визгомъ. «Денегъ-то хватитъ ли?» — кричитъ уже въ догонку отъѣхавшимъ дядя Амиростанъ; но бѣглецы уже не слышатъ этого вопроса, и толпа молчаливо расходится по домамъ.

По веснѣ бѣглецы возвращаются на родину еще болѣе озлобленными и уже травлеными. Не очень-то имъ теперь рады въ селеніи: бѣднота и даже недостатокъ хлѣба даютъ себя чувствовать, а кредиторы требуютъ уплаты долга. Бѣглецы все это примѣчаютъ и чувствуютъ; жить продолжительное время въ такихъ условіяхъ невозможно: они внезапно удаляются на нѣсколько дней и затѣмъ возвращаются снова, расчитываясь щедрой рукой и съ родственниками за ихъ хлѣбъ-соль, и съ кредиторами—за дан-

ную имъ ссуду. Послѣ того ихъ положеніе рѣзко мѣняется къ лучшему: они болѣе никому не обязаны, они могутъ уже требовать, а не просить, ибо дающій имъ не остается въ убыткѣ. Никто не спрашиваетъ ихъ о томъ способѣ, которымъ они разбогатѣли, каждый какъ будто бы имѣетъ право разрѣшать этотъ вопросъ по-своему или даже не разрѣшать его вовсе, а между тѣмъ каждый, получившій отъ нихъ въ возмѣщеніе своихъ расходовъ деньги, ружье, барана, или даже только ремень и поршни, смутно чувствуетъ себя затронутымъ въ судьбѣ бѣглецовъ гораздо болѣе, чѣмъ только родствомъ или добрымъ сосѣдствомъ. Десятокъ заинтересованныхъ лицъ зорко слѣдятъ за настроеніемъ односельчанъ, чтобы предупредить измѣну. «Сегодня Карибъ и Наврузъ о чемъ-то шептались и все поглядывали на твою саклю,—сообщаютъ они бѣглецамъ,—не замышляютъ ли они чего: помнится, что и осенью, когда вы отъѣзжали въ Персію, они что-то не пришли на проводы». Бѣглецы встревожены, они не могутъ терпѣливо выжидать и выслѣживать, они должны раскрыть козни враговъ сейчасъ же немедленно. Надо испытать ихъ. Въ тотъ же вечеръ убивается быкъ у Кариба и поджигаются въ полѣ снопы у Навруза. «Вотъ сейчасъ эти собачьи дѣти поползутъ, крадучись, въ Дарачичагъ жаловаться начальству». Но нѣтъ, Карибъ и Наврузъ, очевидно, не таили никакихъ злобныхъ намѣреній: они идутъ не къ начальству, а къ нимъ—бѣглецамъ и смиренно жалуются на свою бѣду. «Хорошо, что вы прямо ко мнѣ пришли!»—отвѣчаетъ имъ бѣглецъ-атаманъ. Онъ еще не носитъ этого имени, но уже всѣ его знаютъ.—«Я развѣдаю, кто это сдѣлалъ и заставлю виноватаго заплатить вамъ вдвое». Въ скоромъ времени новый случай разбоя, гдѣ-нибудь верстахъ въ 40 отсюда, даетъ въ руки бѣглецовъ средства, которыми они съ избыткомъ вознаграждаютъ потерпѣвшихъ односельчанъ. Карибъ и Наврузъ удовлетворены вполнѣ, но теперь уже и они, въ свою очередь, тревожно оглядываютъ каждаго пришельца и прислушиваются къ шопоту сосѣдей. Наконецъ, настаетъ время, когда и эта предосторожность оказывается совершенно излишнею, всѣ сосѣди не только этого, но и ближайшихъ селеній привыкаютъ смотрѣть равнодушно на преступную дѣятельность своихъ бѣглецовъ и, въ интересахъ взаимнаго спокойствія и мира, связываютъ себя формальною присягою не безпокоить ихъ ни тайно, ни явно. А чтобы не встревожить дремлющей совѣсти и не возмутить небесъ, они обязываютъ иной разъ и бѣглецовъ несбыточнымъ обѣщаніемъ жить честно и болѣе не воровать.

Такимъ образомъ и при этой комбинаціи каждый бѣглецъ, находящій себѣ поддержку и сочувствіе въ обществѣ, является настоящимъ разсадникомъ преступленій и преступниковъ. Да и не можетъ быть иначе, такъ какъ человѣкъ, живущій внѣ закона—это такое противуобщественное явленіе, которое не расшатываетъ правовой организаціи общества лишь въ томъ случаѣ, когда населеніе само отдѣляетъ его отъ себя; когда же, наоборотъ, какъ это происходитъ среди татаръ и горцевъ, населеніе прилаживается къ нему и даже сливается съ нимъ, то оно и само незамѣтно

и постепенно сбрасываетъ съ себя власть закона и теряетъ общественные инстинкты и нравственное чутье. А туземное населеніе не можетъ смотрѣть на своихъ преступниковъ глазами нашего закона; не можетъ этого не только тогда, когда онъ совершаетъ свое первое преступленіе, часто случайно, или даже подъ давленіемъ общества, но и тогда, когда послѣ долгаго преслѣдованія, озлобленный, выбитый изъ колеи, оторванный отъ трудовой жизни и обычныхъ занятій, онъ становится настоящимъ злодѣемъ и сѣетъ вокругъ себя зло и растлѣніе. Оно продолжаетъ считать его жертвою рока, поддается инстинкту состраданія и, втягиваясь незамѣтно въ его преступные интересы, теряетъ надъ собою обуздывающій контроль закона, совѣсти и религіи.

Я зналъ казненнаго разбойника изъ аджарцевъ. Весьма просвѣщенные люди, правительственный кадій и мѣстный князь,—говорили о немъ суду: «Ильясъ былъ человѣкъ трудолюбивый, честный и даже великодушный; онъ совершилъ убійство, которое по нашимъ понятіямъ онъ долженъ былъ совершить; онъ хотѣлъ явиться съ повинной, но, узнавъ, что его ожидаетъ неизбѣжная каторга, такъ какъ убійство было совершено имъ изъ засады, онъ бѣжалъ. Послѣ двухлѣтнихъ скитаній онъ попалъ въ шайку Мевлюда и сталъ разбойникомъ». Какъ же отнеслось къ нему населеніе? Шайка Мевлюда была перестрѣлена казаками при участіи аджарской полиціи. Раненаго Ильяса привели на опушку лѣса къ начальнику команды. Тутъ же лежалъ на травѣ умирающій милиціонеръ Кикава, раненый въ перестрѣлкѣ Ильясомъ. Услыхавъ знакомый голосъ, Кикава открылъ глаза. «Ильясъ!—проговорилъ онъ,—ты меня ранилъ, и я тебя ранилъ; намъ обоимъ теперь приходится умирать, подойди ко мнѣ, поцѣлуемся, чтобы намъ не было стыдно встрѣтиться на томъ свѣтѣ». И разбойникъ, обливаясь слезами, опустился на колѣни передъ умирающимъ, не смѣя принять его великодушнаго поцѣлуя... Толпа народа съ громкимъ воплемъ провожала Ильяса на висѣлицу. «О чемъ плачете!—сказалъ имъ Ильясъ,--развѣ вы только сейчасъ узнали, что Ильясъ погибъ!» Да, Ильясъ, дѣйствительно, погибъ не теперь, когда его казнили, а тогда, когда, выбитый изъ колеи, послѣ двухлѣтней борьбы за свободу, онъ присталъ къ шайкѣ Мевлюда. Его казнили, но хороши ли тѣ новые всходы, которые родятся на крови казненнаго?

Вникая въ смыслъ этихъ фактовъ, мы давно перестали поражаться колоссальными цифрами преступности на Кавказѣ. А цифры эти поистинѣ ужасны. Напримѣръ, въ маленькой Елисаветпольской губерніи за три послѣднихъ года истекшаго вѣка совершено 2,800 убійствъ и 1,930 грабежей и разбоевъ. Въ Бакинской губерніи, не имѣющей 1 милл. жителей, за то же трехлѣтіе совершено было 3,000 убійствъ и 2,270 грабежей и разбоевъ. А между тѣмъ въ Дагестанской области, находящейся внѣ дѣйствія нашихъ законовъ, гдѣ ни одно преступленіе не можетъ укрыться отъ народнаго суда, за тѣ же три года совершено 690 убійствъ и только 147 грабежей и разбоевъ. И что замѣчательно: въ то время, какъ въ Елисаветпольской

губерніи на 1,000 убійствъ приходится не болѣе 150 обвинительныхъ приговоровъ, въ народныхъ судахъ Дагестана на то же число убійствъ приходится болѣе 950 осужденныхъ.

Нельзя поэтому не преклониться передъ государственною мудростью тѣхъ дальновидныхъ людей, которые, сознавая всю необходимость сохранить народный судъ и обычное право для дагестанскихъ племенъ, взяли въ свои заботливыя руки эти уже готовыя формы народной жизни для *спокойной* и *постепенной* культуры. Тамъ, благодаря этому, преступника привлекаетъ къ своему суду не чуждая власть, передъ которой онъ не можетъ быть виновенъ нравственно, а свое же общество, съ которымъ онъ сознаетъ свое сродство по крови и духу. Его судитъ не чуждый и непонятный законъ, который играетъ его судьбою, какъ стихійная сила; его судитъ общественное мнѣніе—тотъ самый законъ, который нашептываетъ ему совѣсть, та самая правда, которую съ дѣтства напѣвала ему колыбельная пѣсня. И эта идущая изъ глубины вѣковъ правда говоритъ ему: «ты пролилъ кровь одного изъ нашихъ; мы не хотимъ тебя казнить и мучить; *намъ ничего не нужно, кромѣ мира;* но знай, что родные убитаго теперь могутъ убить и тебя; посыпь свою голову пепломъ, гони къ нимъ своихъ воловъ и барановъ, проси у нихъ мира, мы готовы помочь тебѣ; но если ты не будешь прощенъ, уходи отъ насъ, уходи и скрывайся, пока время и твои друзья не усыпятъ ихъ праведнаго гнѣва!» И кто знаетъ, быть можетъ, когда-нибудь и просвѣщенный юристъ-европеецъ, извѣрившись въ своихъ теоріяхъ, призадумается и увидитъ лучъ новаго свѣта въ этой забытой, безхитростной правдѣ полу-разбойничьихъ гнѣздъ Андійскихъ и Кавказскихъ горъ. Конечно, это странная мысль, но вѣдь ошибались же римляне, когда говорили: *что можетъ быть добраго изъ Назарета*!

В. Иваненко.

Жоржъ-Сандъ.

(Къ столѣтію со дня рожденія.)

I.

Подобно своему великому современнику Генриху Гейне, Жоржъ-Сандъ выросла подъ перекрещивающимися вліяніями. Ровно сто лѣтъ тому назадъ, когда Аврора Дюпенъ впервые увидала свѣтъ въ богатой буржуазной семьѣ, Франція переживала періодъ броженія. Подводились итоги великому перевороту, пробивались первыя струйки новыхъ теченій. Для однихъ идеалы революціи продолжали оставаться вѣчными идеалами, осуществленіе которыхъ замедлилось лишь на время, благодаря реакціи, другіе проклинали вѣкъ разума и энциклопедистовъ, думали, что можно безслѣдно вычеркнуть изъ исторіи 1789 и 1793 года и возстановить старый порядокъ во всей его неприкосновенности. Наконецъ, третьи понимали, что исторія не дѣлаетъ возвратныхъ шаговъ, но они видѣли ошибки революціи и искали новыхъ путей, старались угадать и разрѣшить новыя задачи, которыя постепенно выяснялись среди новой группировки общественныхъ элементовъ.

Эта эпоха выдвинула много геніальныхъ людей. И при всемъ разнообразіи характеровъ и дарованій, у этихъ людей есть одна общая черта: они—первые представители историческаго XIX вѣка, столѣтія, стремящагося подвести итоги прошлому. Утомленное терроромъ и ужасами революціи, населеніе Франціи старается разобраться въ принципахъ разныхъ конституцій и системъ, быстро смѣнявшихся въ теченіе короткаго періода времени. Его вожди не прочь позаимствоваться не только у революціи, но и у стараго порядка; они заглядываютъ еще далѣе въ глубь исторіи и ищутъ спасенія въ идеалахъ среднихъ вѣковъ. Въ началѣ XIX столѣтія большинство ученій, созданныхъ тысячелѣтней умственной жизнью Европы, имѣютъ своихъ убѣжденныхъ защитниковъ. Не даромъ начало этого вѣка отмѣчено господствомъ эклектической философіи. Даже устойчивые характеры и систематическіе умы не умѣли оставаться послѣдовательными въ это время. Но если въ этотъ періодъ умственнаго раздробленія общества появлялась натура нервная и отзывчивая, ей трудно было не запутаться въ

противорѣчіяхъ, ей трудно было облечь въ стройную систему и примирить всѣ прекрасныя идеи, въ которыхъ было столько увлекающей силы, но которыя стояли другъ противъ друга озлобленными врагами.

Жоржъ-Сандъ — одна изъ подобныхъ натуръ. Ея жизнь — воплощеніе тогдашнихъ безпорядочныхъ порывовъ къ прошлому и неясныхъ чаяній будущаго. Ея романы—живой примѣръ того, какъ творческая сила писателя, даже съ опредѣленными стремленіями и неизмѣнными инстинктами, получаетъ подъ различными вліяніями самое разнообразное выраженіе, проявляется въ такихъ несходныхъ формахъ, что порою только внимательному оку удается разглядѣть за всѣмъ этимъ разнообразіемъ одно основное стремленіе.

Критика старалась уловить въ этомъ разнообразіи если не единство, то по крайней мѣрѣ главные мотивы, основныя группы идей, которыя помогли бы разобраться въ литературномъ наслѣдіи знаменитой романистки. Критика установила традиціонное дѣленіе ея произведеній на три періода, она усмотрѣла преобладаніе психологическихъ мотивовъ въ произведеніяхъ перваго періода, утвердила кличку соціалистическаго за вторымъ, а въ произведеніяхъ, которыя Жоржъ-Сандъ создавала въ послѣдніе годы своей жизни, видѣла прежде всего патріархальныя идиллическія картины сельской жизни. Были попытки найти преобладающій мотивъ во всѣхъ ея твореніяхъ. «Съ самаго начала и до самаго конца своей жизни она оставалась идеалистской,—говоритъ Брандесъ. Она никогда не понимала профессіи писателя иначе, какъ въ видѣ стремленія къ высшему идеалу, какой только можетъ быть достигнутъ человѣкомъ, или, скорѣе, какъ пареніе души надъ несовершенствами общественной жизни,—пареніе, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы расширить кругозоръ души, придать ей бóльшую силу, чтобы, когда ей придется вернуться вновь на землю, она могла по мѣрѣ своихъ способностей бороться съ предразсудками, общественными учрежденіями, грубостью ума и суровостью сердца, порождающими всѣ эти несовершенства».

Боевой духъ, борьба на почвѣ идеализма — такова основная черта и основная задача романистки, по мнѣнію Брандеса.

Иначе понимаетъ Жоржъ-Сандъ ея соотечественникъ Фагэ. «Ея геній былъ геній идилліи... Жоржъ-Сандъ первая повела насъ на лоно сельской природы, на *глубоко-вспаханныя поля*. Эта природа была удивительно сродна ей. Она не любила общества, городскихъ разговоровъ и салоновъ. У нея не было того, что въ свѣтѣ называютъ *esprit*,—живого и быстраго толчка легкихъ идей. Она была созерцательна, мечтательна, съ медленной поступью и съ большимъ интересомъ ко всему таинственному». Роль проповѣдника, по мнѣнію французскаго критика, была не къ лицу ей: тенденціозность только портила ея романы.

Эти два почти противоположныхъ взгляда на Жоржъ-Сандъ свидѣтельствуютъ о томъ, какъ беззавѣтно отдавалась она самымъ разнообразнымъ интересамъ своей эпохи. И грозныя бури соціальной борьбы, и мирная

прелесть патріархальной деревни захватывали ее цѣликомъ. Руссо и Сенъ-Симонъ были одинаково родственны ей. Разсудочный энциклопедистъ и мечтательный романтикъ равно уживались въ ней. Безполезно создавать искусственныя дѣленія, безплодная работа—строить схемы для объясненія ея творчества. Жоржъ-Сандъ не была поэтессой реакціи въ родѣ Шатобріана, но религіозный экстазъ не разъ захватывалъ ее болѣе мощно, чѣмъ автора «Рене». Она не была дочерью просвѣтительнаго вѣка, но ея умъ былъ склоненъ къ схематическимъ построеніямъ не менѣе, чѣмъ умъ Вольтера. Ее нельзя причислить къ романтикамъ, но богатствомъ своей фантазіи, своей субъективностью и склонностью смотрѣть на реальный міръ сквозь призму своего «я», она могла поспорить съ Тикомъ или Новалисомъ. Ее трудно назвать предшественницей реализма, но въ ея романахъ есть картины и типы, которымъ позавидовалъ бы Зола. Она не была политикомъ и человѣкомъ партіи, но умѣла такъ пламенно говорить о правахъ человѣка, такъ искренно громить угнетателей, что апологеты революціи усмотрѣли въ ней свою союзницу. Ее нельзя назвать соціалисткой и даже предшественницей соціализма въ современномъ смыслѣ слова, но за ея скорбью объ обездоленныхъ, за ея трогательной благотворительной дѣятельностью, таится не меньше искренности, не менѣе страстное стремленіе къ уничтоженію соціальной неправды, чѣмъ за упорной научной работой Маркса или за горячей рѣчью Бебеля. Наконецъ, ее можно сблизить и съ носителями міровой скорби: не разъ, утомленная борьбой, она впадала въ тоску, отдавалась во власть безысходнаго отчаянія. И тогда въ ея твореніяхъ слышались мрачныя пессимистическія ноты, и она говорила о мірозданіи и жизни языкомъ Вертера и Манфреда. Все, чѣмъ жило европейское общество, разочаровавшееся въ революціи,—необдуманныя спѣшныя попытки ухватиться за ту или иную изъ системъ прошлаго, начинавшаяся кропотливая соціальная работа, стремленіе провести въ жизнь идеалы предшествующаго вѣка,—все это нашло себѣ выраженіе въ романахъ Жоржъ-Сандъ. Подобно Гейне, она послѣдній романтикъ и первый соціальный поэтъ, послѣдняя мечтательница и первая реалистка. Подобно Гейне, она отказалась отъ своихъ фантазій ради интересовъ пролетаріата, выступавшаго на историческую арену. И въ ней, какъ и въ Гейне, до конца не могли умереть романтическіе вкусы и симпатіи, и время отъ времени они прорывались наружу, мѣшая ей превратиться въ служительницу опредѣленнаго соціальнаго движенія. Если въ ней было что-нибудь неизмѣнное и послѣдовательное, это — инстинктивное влеченіе ко всему гонимому и угнетенному. Она, дѣйствительно, съ начала до конца оставалась другомъ всѣхъ обездоленныхъ, всѣхъ, кого судьба бросила на низшія ступени общественной лѣстницы. Но у нея не было отчетливаго представленія о лучшихъ и наиболѣе плодотворныхъ средствахъ служенія ихъ интересамъ. Она являлась то въ роли печальника и ходатая за нихъ, то въ роли утѣшителя, то въ роли борца, всегда искренняя и, какъ всякій горячій и искренній человѣкъ, недостаточно разсчетливая и медлитель-

ная. И если нужно выбрать типичнаго писателя этой переходной эпохи, показать постепенный ростъ соціальныхъ идеаловъ, вскрыть характеръ колебаній и мучительныхъ сомнѣній, предшествовавшихъ ясной и опредѣленной постановкѣ соціальнаго вопроса, то, конечно, нельзя указать болѣе подходящій образецъ, чѣмъ Жоржъ-Сандъ.

II.

Ея жизнь сложилась такимъ образомъ, что противорѣчивыя стремленія эпохи отражались въ окружавшемъ ее мірѣ особенно ярко. Въ настоящее время, когда появившійся недавно замѣчательный трудъ Вл. Каренина избавляетъ насъ отъ необходимости возстановлять ея біографію, достаточно напомнить лишь о тѣхъ фактахъ, которыми обусловлены главные мотивы ея творчества.

Ея первыя дѣтскія впечатлѣнія тѣсно связаны съ классовымъ антагонизмомъ начала вѣка. Ея отецъ женился противъ воли своей матери, и гордая бабушка всю жизнь не могла вполнѣ примириться съ своей невѣсткой. Когда Морисъ Дюпенъ, жизнерадостный и честный офицеръ республиканской арміи, погибъ во время прогулки, сброшенный горячей лошадью, маленькая Аврора сдѣлалась яблокомъ раздора между обѣими женщинами. Мать ея жила въ Парижѣ, бабушка въ Ноганѣ. Аврора жила съ бабушкой, но мать часто пріѣзжала въ Ноганъ, а бабушка въ Парижъ. Началась та глухая семейная борьба, которая рано заставляетъ дѣтей задумываться, задаетъ тревожную работу неокрѣпшему уму. Бабушка и ея общество хранили роялистскія преданія и привычки, мать Авроры была демократкой. Изъ бабушкина кружка, гдѣ аристократы дореволюціонной эпохи, аббаты и представители стараго режима, высказывали свои ортодоксальныя и легитимистскія мнѣнія, дѣвочка попадала въ скромную квартиру матери, гдѣ говорились негодующія рѣчи противъ старой аристократіи, осуждалось лицемѣріе аббатовъ и издѣвались надъ распущенностью и смѣшными манерами маркизъ и графинь. Ея мать, не обладавшая тактомъ, не стѣснялась изощряться передъ дочерью въ насмѣшкахъ надъ послѣдними отпрысками нѣкогда блестящаго французскаго дворянства; среди ея демократическихъ друзей особенно ясно обнаруживалась безплодность этикета, строгихъ приличій и изящныхъ вкусовъ догорающаго феодализма. А бабушка не скрывала своего брезгливаго чувства, своего отвращенія къ плебейству, гордо поднимавшему свою голову. И въ твореніяхъ Жоржъ-Сандъ апологія массы не разъ будетъ прерываться картинами отжившаго, но поэтическаго строя жизни, картинами, въ которыхъ сквозь романтическую дымку оживаетъ изящное героическое прошлое.

Парижу Жоржъ-Сандъ обязана знакомствомъ съ представителями умиравшей аристократіи и съ либеральными стремленіями. Деревня научила ее любить природу и патріархальный строй жизни. Въ 1814 году союзныя войска вступили въ предѣлы Франціи. Бабушка на четыре года удалилась

въ Ноганъ, и эти четыре года, которые маленькая Аврора провела среди природы и крестьянъ, подготовили ея умъ къ воспріятію идеаловъ Руссо. Здѣсь собирала она незабудки, помогала пастухамъ пасти овецъ, вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми укрывалась въ старомъ сараѣ отъ грозы. Здѣсь въ зимніе долгіе вечера слушала она страшные разсказы про оборотней и лѣшихъ, воспринимая поэтическіе образы народной фантазіи, проникаясь чистотой и свѣжестью первобытныхъ чувствъ и мыслей. Быть можетъ здѣсь запали въ ея сердце первыя сѣмена любви и состраданія къ неимущимъ, первое неясное стремленіе къ соціальному равенству. По крайней мѣрѣ, она сама будетъ утверждать это въ «Исторіи моей жизни». Но если вліяніе деревни на нее какъ на мыслителя остается подъ сомнѣніемъ, то какъ поэтъ, Жоржъ-Сандъ много обязана Ногану, гдѣ она постигла духъ и психологію народа.

Эта эпоха броженія, когда въ одной семьѣ, въ одномъ домѣ, можно было услыхать самыя непримиримыя идеи, можно было встрѣтить представителей враждующихъ теченій,—эта эпоха наложила свой отпечатокъ и на то сословіе, которое вмѣстѣ съ родовитымъ дворянствомъ наиболѣе сильно было затронуто революціей. Физіономія французскаго духовенства коренныхъ образомъ измѣнилась. Веселый аббатъ дореволюціонной эпохи, забавникъ, любимецъ дамъ, остроумный собесѣдникъ и желанный гость въ салонахъ, смѣнился типомъ угрюмаго прелата, замкнутаго борца, взявшагося за оружіе. Новыя условія жизни, новые методы борьбы побудили представителей духовенства записаться въ ряды писателей и философовъ и съ перомъ въ рукѣ поддерживать падающій престижъ сословія. Прежній оплотъ католичества, откровеніе, былъ поколебленъ энциклопедистами: приходилось защищать дѣло церкви новыми путями, при помощи разума и философскихъ построеній. Это смѣшеніе вопросовъ вѣры и знанія вносило новую смуту въ умы, и маленькая Аврора испытала на себѣ религіозныя колебанія эпохи. Ея бабушка, старая роялистка, несмотря на это, была свободомыслящей вольтерьянкой въ вопросахъ вѣры и даже передъ смертью не сдѣлала уступки требованіямъ католической церкви. Но время возродило уваженіе ко всѣмъ устоямъ стараго порядка и тринадцатилѣтнюю Аврору, какъ того требовалъ обычай, заставили явиться къ исповѣди и причастію. Такъ запутавшаяся въ противорѣчіяхъ роялистка рѣшила помирить свое невѣріе съ своими симпатіями къ старому порядку. До этого перваго въ своей жизни говѣнія маленькая Аврора слыхала отъ бабушки только вольтерьянское толкованіе евангельскихъ чудесъ; послѣ исполненія обряда бабушка больше не думала уже о религіозномъ воспитаніи внучки.

Вскорѣ Аврора попадаетъ въ институтъ при монастырѣ *Англичанокъ*. При всѣхъ недостаткахъ монастырскаго воспитанія, она нашла здѣсь пріютъ, гдѣ преобладала созерцательная жизнь, куда шумъ жизни, борьба за матеріальные интересы доносились въ смягченномъ видѣ, гдѣ больше думали, анализировали, молились и любили, и мало спорили и ненавидѣли.

Здѣсь она прочла житіе Симеона Столпника и была поражена силой его вѣры; пятнадцатилѣтняя дѣвочка, которая, быть можетъ, въ домѣ бабушки хохотала, слушая, какъ повторялись насмѣшки Вольтера надъ этимъ святымъ, теперь подъ сводами мрачной церкви, подъ торжественный звонъ колоколовъ, стала думать новыя думы. «Обращеніе» этой «безстыдницы», какой она казалась бабушкѣ, — одна изъ любопытныхъ страницъ той эпохи, перепутавшей всѣ отношенія. Мать - демократка и бабушка - полуроялистка, полувольтерьянка, — и въ результатѣ уродливаго воспитанія является экзальтированный подростокъ, проводящаго часы въ экстатическихъ молитвахъ, исповѣдующійся каждое воскресенье, носящій на шеѣ вмѣсто веригъ колючее филиграновое ожерелье, ранившее до крови. Она жаждетъ постриженія, она вступаетъ въ дружбу съ самыми забитыми послушницами, исполняетъ за нихъ грязныя и тяжелыя работы. И это религіозное увлеченіе, какъ и ея патріархальные вкусы, проникнуто симпатіей ко всему обиженному судьбою. И здѣсь, какъ и тамъ, она ищетъ прежде всего дѣла, дѣла на пользу несчастныхъ и неимущихъ. Не въ послѣдующихъ впечатлѣніяхъ, не въ позднѣйшихъ вліяніяхъ соціальныхъ ученій, слѣдуетъ искать причины ея перехода къ соціализму. Ея сердце съ раннихъ лѣтъ было исполнено той дѣятельной любви къ ближнему, которая не можетъ остаться скрытой въ душѣ человѣка, и стремится найти себѣ примѣненіе. Въ монастырѣ Аврора обрѣла человѣка, который представляетъ не менѣе характерное явленіе эпохи, чѣмъ старая вольтерьянка-роялистка. Аббатъ Преморъ, замѣтивъ вредное дѣйствіе постоянныхъ молитвъ и самоистязаній Авроры, запретилъ ей такое религіозное усердіе и заставилъ веселиться вмѣстѣ съ подругами. Его мудрой тактикѣ Аврора въ значительной степени обязана тѣмъ, что не удалилась навсегда отъ міра. Аббатъ, возстающій противъ аскетизма, отрицающій незыблемый догматъ католической религіи, что внѣ церкви нѣтъ спасенія,—этотъ странный аббатъ дополняетъ пеструю галлерею фигуръ, которыя окружали дѣтство и отрочество будущей писательницы.

Исторія ея супружества слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы повторять ее здѣсь. Она вышла замужъ, главнымъ образомъ потому, что рано или поздно всякая дѣвушка должна выйти замужъ. Ея избранникомъ оказался Дюдеванъ не потому, что она влюбилась въ него или онъ въ нее. Онъ «не нашелъ ее ни красавицей, ни хорошенькой», но его «поразилъ ея разумный и добрый видъ», и когда кто-то въ шутку сказалъ ему, что она будетъ его женой, Дюдеванъ почувствовалъ, что «если бы это случилось, онъ былъ бы очень счастливъ». Онъ никогда не говорилъ ей о страстной любви, а больше о дружбѣ и уваженіи. Онъ тоже былъ богатъ, и этотъ бракъ состоялся скорѣе потому, что ничто не говорило противъ него, чѣмъ потому, что были какія-нибудь соображенія въ пользу соединенія этихъ двухъ мало подходящихъ другъ къ другу людей. Она стояла выше его въ умственномъ отношеніи, и то, что юной неопытной дѣвушкѣ казалось неважнымъ, второстепеннымъ шагомъ, оказа-

лось на практикѣ грознымъ и значительнымъ. Исторія супружества Авроры, это—исторія ея пробужденія, страстная борьба за освобожденіе своей личности. Это была первая проба ея силы, и изъ этого испытанія она вынесла первую ясную и опредѣленную идею. «Я не хочу, чтобы меня выносили какъ бремя, я хочу, чтобы меня любили и искали, какъ свободную подругу, которая будетъ жить съ нимъ только тогда, когда онъ будетъ этого достоинъ»,—писала Аврора 3 декабря 1830 г., послѣ того какъ случайный фактъ убѣдилъ ее въ отсутствіи къ ней довѣрія и уваженія со стороны мужа. Свобода личности стала ея идеаломъ. Люди ограниченные видятъ въ личномъ несчастіи лишь одиноко стоящій случай. Люди какъ Ж.-Сандъ, съ широкимъ обобщающимъ умомъ и съ чуткой душой умѣютъ усматривать въ частной несправедливости отраженіе общаго соціальнаго непорядка. Бракъ, этотъ, какъ казалось ей раньше, необходимый для всякой дѣвушки шагъ, сталъ теперь для Ж.-Сандъ воплощеніемъ вѣковой несправедливости, узами, сковывающими свободное развитіе индивидуальности. И конфликты, возникающіе на этой почвѣ, будутъ первыми конфликтами, въ которыхъ она постарается раскрыть язвы современнаго строя, будутъ первыми сюжетами, которыми она воспользуется, чтобы защищать права слабыхъ, чтобы нанести ударъ вѣковымъ предразсудкамъ. Не слѣдуетъ, конечно, думать, что Ж.-Сандъ выступила сразу въ качествѣ реформатора или проповѣдника или, что ея первые романы были обобщеннымъ протестомъ противъ несправедливости, отъ которой она сама пострадала. Но нельзя забывать, что «Индіана» и «Валентина» вышли въ 1833 г. «Лелія»—въ 1834 г., «Жакъ»—въ 1835 г.; такимъ образомъ эти первыя крупныя произведенія, проникнутыя въ значительной степени общимъ настроеніемъ, непосредственно предшествовали окончательному разрѣшенію ея споровъ съ мужемъ, закончившихся, какъ извѣстно, въ 1836 г. постановленіемъ суда о разводѣ. Эти романы писались въ дни тяжелаго напряженія, въ дни, когда оскорбленная женщина особенно глубоко чувствовала отрицательныя стороны брака. Ж.-Сандъ—субъективнѣйшая писательница, а такіе писатели прежде всего и больше всего думаютъ объ обнаруженіи своего внутренняго міра; имъ нѣтъ дѣла до того, что это раскрытіе своей души нерѣдко ведетъ къ крушенію міра, лежащаго внѣ ихъ собственнаго «*я*». Ж.-Сандъ въ первыхъ романахъ—по преимуществу лирикъ. Но ея лирика, быть можетъ, безъ умысла съ ея стороны, звучала временами не только жалобной пѣснью, но и воинственнымъ крикомъ и революціоннымъ призывомъ.

III.

Любовь—главный двигатель этихъ первыхъ романовъ. Герои и героини ихъ «ушли въ любовь», какъ выразился о нихъ покойный Шаховъ. Ж.-Сандъ вѣрила, что любовь исходитъ отъ Бога. Она слѣдовала распространенному въ то время обычаю французскихъ поэтовъ вносить что-то мистическое

въ самыя рискованныя движенія сердца, примѣшивать имя Божіе къ самымъ пылкимъ проявленіямъ страсти. «Но ни одинъ поэтъ,—замѣчаетъ въ своемъ этюдѣ Каро,—ни одинъ романистъ не злоупотреблялъ участіемъ Бога въ дѣлахъ любви такъ откровенно, скажу больше, такъ чистосердечно, какъ Жоржъ-Сандъ». И дѣйствительно, въ чувствѣ любви Ж.-Сандъ видѣла проявленіе высшей силы, несокрушимой, не поддающейся никакому воздѣйствію. «Неизмѣримое превосходство этого чувства,—говоритъ она,—надъ всѣми другими и божественная сущность его доказывается тѣмъ, что оно родится не отъ человѣка и что человѣкъ не можетъ, по своему усмотрѣнію, распорядиться имъ, тѣмъ, что онъ не можетъ, по своей волѣ ни наградить имъ другого, не отнять его, тѣмъ, что человѣческое сердце получаетъ его свыше какъ даръ, которымъ награждается существо, избранное среди всѣхъ другихъ божественнымъ предопредѣленіемъ. И если мощная душа восприяла этотъ даръ, то напрасно возстали бы всѣ человѣческія соображенія, чтобы истребить его:—оно будетъ жить само по себѣ въ силѣ собственнаго могущества. Всѣ помощники, которыхъ ему даютъ или которыхъ, вѣрнѣе сказать, оно само привлекаетъ къ себѣ—дружба, довѣріе, симпатія, даже уваженіе, являются только его подчиненными союзниками; любовь сама создала ихъ, она командуетъ ими, она переживаетъ ихъ».

Неудивительно послѣ этого, что ея первые романы явились не только апологіей этого чувства, но и детальной разработкой его психологіи, картиной трагическихъ коллизій, возникающихъ при столкновеніи сильной страсти съ внѣшними препятствіями, наконецъ, галлереей портретовъ, въ которыхъ воплощены носители завѣтныхъ идеаловъ романистки или поучительные примѣры эгоизма и жестокости мужчинъ и трогательной преданности женщинъ.

Несложна фабула «Индіаны». Несчастная женщина, измученная жестокимъ непонимающимъ ее мужемъ, полковникомъ Дельмаромъ, убѣгаетъ къ страстно любимому Раймону, но ея любовникъ оказывается тѣмъ, что принято называть «порядочнымъ» человѣкомъ: онъ выше всего ставитъ мнѣніе свѣта и свою карьеру и пресытившись любовью къ Индіанѣ, бросаетъ ее ради выгодной женитьбы. Бѣдная женщина, претерпѣвшая столько униженій и страданій, хочетъ покончить съ собою, но нѣкто сэръ Ральфъ, который любитъ Индіану самоотверженной любовью цѣлые годы, является въ минуту ея отчаянія и романъ заканчивается тѣмъ, что Индіана и Ральфъ на всю жизнь соединяются другъ съ другомъ.

Эта несложная фабула перваго крупнаго романа Жоржъ-Сандъ позволила ей вывести главные типы, которые много разъ съ различными видоизмѣненіями повторяются въ послѣдующихъ романахъ. Сама героиня, ея судьба, исторія ея отношеній къ мужу и любовнику—трогательная повѣсть тяжкихъ мукъ и позорныхъ униженій, которыя приходилось переживать піонеркамъ новыхъ стремленій, не запасшимся традиціоннымъ женскимъ оружіемъ—ложью и изворотливостью. Это была чистая, благо-

родная душа. Высшимъ преступленіемъ она считала обманъ, и въ этомъ ея трагическая вина. Тайная горечь слышится въ словахъ автора, когда онъ объясняетъ причины постоянно возрастающаго семейнаго разлада. Столѣтія господства мужчины извратили его характеръ, пріучили его любить ложь больше искренности, пріучили его къ самообожанію, а женщину превратили въ жалкое средство удовлетворенія этихъ извращенныхъ инстинктовъ. «Ничего не было легче, какъ смягчить его сердце и покорить его характеръ, если только захотѣть спуститься до его уровня и войти въ сферу мыслей, которыя были ему по плечу... Онъ хотѣлъ бы убѣждать, а ему приходилось только повелѣвать, онъ хотѣлъ бы царствовать, а приходилось управлять». Но Индіана была плохимъ объектомъ для такого самоуслажденія мужчины. Она была «высокомѣрна и суха (raide) въ своей покорности, она всегда была молчаливо-послушна, но это была молчаливость и послушаніе раба, который ненависть сдѣлалъ своимъ достоинствомъ, а свое несчастіе—заслугой. Ея смиреніе было тѣмъ величіемъ короля, который отреченію отъ престола и лишенію сана предпочитаетъ тюрьму и оковы». Такова первая черта этой новой женщины, которую вывела Ж.-Сандъ. Эта женщина протестуетъ во имя своего человѣческаго достоинства; она сознала уже унизительный характеръ традиціоннаго отношенія къ ней мужчины, она не спустится до того, чтобы добиваться господства прежними женскими средствами: «обыкновенная женщина властвовала бы надъ этимъ обыденнымъ человѣкомъ, она говорила бы его словами, а думала бы по-своему, она притворилась бы, что уважаетъ его предразсудки, а втайнѣ попирала бы ихъ ногами; она ласкала бы его, и въ то же время обманывала бы».

Индіана отказалась отъ такого приспособленія къ мужу. Ее возмущаетъ эта роль игрушки въ рукахъ мужчины, она не желаетъ служить прихотямъ другого существа. Но силѣ и величію этого протеста не соотвѣтствуютъ идеалы Индіаны. Односторонность ея натуры, ограниченность сферы, въ которой развертывается ея внутренняя жизнь, является второй характерной чертой этой героини. Она ищетъ свободы только въ области чувства, и было бы ошибочно видѣть причину ея страданій въ отсутствіи дѣятельности. Она любитъ Раймона и хочетъ любить его открыто. Сильная и гордая по отношенію къ мужу, она проявляетъ удивительную мягкость, всепрощающую кротость и нѣжную уступчивость, когда дѣло касается ея любовника. Съ холоднымъ упрямствомъ протестуя противъ оковъ брака, она оказывается вполнѣ женщиной, со всѣми ея вѣковыми слабостями, со всей ея безпомощностью передъ чувствомъ любви. Оскорбленная Раймономъ, она возвращается къ мужу, но она не въ силахъ забыть Раймона и, когда этотъ распущенный человѣкъ обращается къ ней съ трогательными письмами, чувство любви къ нему вспыхиваетъ съ новой силой. «Она имѣла грустное обыкновеніе каждый вечеръ вести дневникъ, гдѣ разсказывала всѣ свои дневныя горести; этотъ дневникъ писался для Раймона, и хотя она не намѣревалась послать его къ нему, тѣмъ не ме-

нѣе она бесѣдовала съ нимъ то страстно, то съ горечью, о несчастіяхъ своей жизни и о чувствахъ, которыхъ не могла подавить».

Индіана — типичная героиня романовъ Жоржъ-Сандъ. Ея притязанія—важный моментъ въ исторіи женскаго движенія. Пробужденная вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ отъ долгаго сна, женщина также почувствовала стремленіе къ освобожденію своей личности въ ту эпоху, когда свергались всякіе авторитеты, колебались всѣ устои, на которыхъ въ теченіе вѣковъ держалось общество. Но исторія долго воспитывала женщину въ одномъ направленіи, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій отводила ей одну сферу дѣятельности, и неудивительно, что, когда идея освобожденія проникла въ сознаніе женщины, она на первыхъ порахъ не могла стремиться къ эмансипаціи и равноправію въ сферѣ экономической, умственной или общественной дѣятельности. Она жаждала свободы прежде всего въ той области, которая благодаря историческимъ условіямъ получила въ ея жизни первенствующее значеніе, въ области чувства.

Большинство героинь, выведенныхъ въ первыхъ романахъ Жоржъ-Сандъ, представляютъ собою новыя видоизмѣненія этого же типа. Это—жертвы и мученицы свободной любви, какъ были мученики и герои религіозныхъ и научныхъ убѣжденій. Валентина, героиня слѣдующаго романа, выходитъ замужъ, по волѣ матери, за де-Лансака и вскорѣ влюбляется въ Бенедикта, вышедшаго изъ народа. Весь ужасъ положенія женщины, не любящей мужа и въ то же время принужденной любить его, вся нелѣпость традиціонной морали, заставляющей свободное чувство проявляться по предписанію общества, обрисовываются съ удивительной силой. На глазахъ Валентины погибаетъ Луиза, падшая дѣвушка, проклятая родною семьей. Въ ея печальной судьбѣ Валентина видитъ всю силу человѣческихъ предразсудковъ, на примѣрѣ Луизы она чувствуетъ, какъ безпощадно караетъ общество, за отступленіе отъ принятой морали и какая участь ожидаетъ ее самое въ случаѣ, если она захочетъ разорвать цѣпи, надѣтыя на нее обществомъ, потребуетъ свободы для своего сердца и смѣло пойдетъ рука объ руку съ Бенедиктомъ. Валентина и Бенедиктъ гибнутъ, и снова мысль о негодности установившагося общественнаго порядка во всей своей несокрушимой логической силѣ встаетъ передъ читателемъ романа, снова въ страданіяхъ героини слышатся то безнадежная скорбь угнетеннаго человѣчества, то грозный звукъ революціонной трубы, призывающей къ борьбѣ противъ угнетателей.

Но нигдѣ образъ любящей женщины не получилъ такого оригинальнаго освѣщенія, какъ въ романѣ «Лелія». Предъ нами двѣ героини, Лелія и ея сестра Пульхерія. Одна—воплощеніе высшей спиритуалистической любви, другая—любви матеріальной, чувственной. Лелія любитъ поэта Стеніо и любима имъ, но она не ищетъ близости съ нимъ и свято поддерживаетъ чистоту этой любви. Пульхерія, напротивъ того, жрица наслажденій: она не понимаетъ возвышеннаго платоническаго чувства своей сестры, она видитъ, что результатомъ его являются только страданія какъ самой

Леліи, такъ и окружающихъ. И Пульхерія берется разрушить иллюзіи Леліи. Благодаря сходству голосовъ обѣихъ сестеръ, Стеніо въ темнотѣ принимаетъ Пульхерію за Лелію. Послѣдняя присутствуетъ при ихъ бесѣдѣ. Обѣ сестры говорятъ съ Стеніо, и онъ думаетъ, что говоритъ съ одной Леліей, онъ не понимаетъ, что, несмотря на сходство голосовъ, предъ нимъ два рѣзко несходныхъ существа, два полюса человѣческой натуры, онъ не понимаетъ, что спиритуалистическія рѣчи Леліи и матеріалистически-страстныя слова Пульхеріи не могутъ выходить изъ одного сердца. Онъ думаетъ, что покорилъ, наконецъ, сердце Леліи и становится любовникомъ Пульхеріи.

Исторія первыхъ освободительныхъ шаговъ женщины полна колебаній и сложныхъ перипетій, подобно исторіи освободительнаго движенія въ началѣ вѣка вообще. Если въ поэзіи Байрона рядомъ съ неопредѣленными, но горячими протестами, рядомъ съ призывомъ къ борьбѣ мы встрѣчаемъ періоды мрачнаго отчаянія, то подобную же смѣну настроеній мы видимъ и у протестующихъ героинь романовъ Жоржъ-Сандъ. Если въ «Индіанѣ» и «Валентинѣ» преобладаетъ мотивъ протеста, то «Лелія» служитъ выраженіемъ безнадежнаго отчаянья, въ которое не разъ впадала женщина на первыхъ шагахъ своего труднаго пути. Предстояло слишкомъ много работы; врагъ былъ слишкомъ силенъ, мужчины слишкомъ испорчены вѣковымъ господствомъ, чтобы женщина могла разсчитывать на побѣду. Лелія, оскорбленная въ своихъ лучшихъ чувствахъ, убѣдившаяся на собственномъ опытѣ въ невозможности борьбы, въ безплодности лучшихъ стремленій и порывовъ, въ безсмысленной жестокости природы и жизни, умираетъ, непримиренная съ міроздаціемъ. Жоржъ-Сандъ влагаетъ въ уста героини на смертномъ одрѣ слѣдующія слова, которыя словно выхвачены изъ монологовъ Манфреда или діалоговъ Леопарди: «Отчаянье и страданіе царятъ вокругъ, жалобные вопли испускаются всѣми порами существующаго! Волны бьются со вздохами о берегъ, а вѣтеръ воетъ и плачетъ въ лѣсу. Всѣ эти деревья, которыя наклоняются и подымаются только для того, чтобы опять опускаться подъ ударами бури, выносятъ ужасныя муки. Существуетъ одно единственно несчастное, безпредѣльное, ужасное, объемлющее весь міръ существо, а міръ, извѣстный намъ, не можетъ вмѣстить его. Оно присутствуетъ невидимо во всемъ и голосъ его наполняетъ все міровое пространство своимъ вѣчнымъ рыданіемъ. Это плѣнникъ въ необъятномъ пространствѣ, который двигается и падаетъ, бьется головой и плечами о предѣлы, налагаемые землею и небомъ; но онъ не въ силахъ преступить ихъ, и все давитъ его, мучаетъ, терзаетъ, проклинаетъ и ненавидитъ. Кто онъ и откуда пришелъ?... Одни называютъ его Прометеемъ, другіе—Сатаной, я же называю его страстнымъ влеченіемъ,—я, Сивилла, безутѣшная Сивилла, я, духъ минувшихъ вѣковъ! Я, разбитая лира, нѣмой инструментъ, звуковъ котораго живущее теперь поколѣніе не въ состояніи понимать, но въ лонѣ котораго скрывается небесная гармонія; я, жрица смерти, которая чувствуетъ, что она когда-то

была пиѳіей, и тогда уже плакала, тогда уже говорила, но не помнитъ больше исцѣляющаго слова... О, правда, правда! чтобы найти тебя, я спускалась въ бездны, заглянуть въ которыя не можетъ безъ ужаса и головокруженія самый мужественный изъ мужчинъ... но, о, правда! Ты не явилась мнѣ! десять тысячъ лѣтъ я ищу тебя напрасно. Десять тысячъ лѣтъ я на всѣ свои вопросы слышу одинъ отвѣтъ, — слышу, какъ отчаянное рыданіе безсильнаго влеченія раздается надъ этой проклятою землею... Десять тысячъ лѣтъ взывала я въ безконечное: «Правда! Правда!» И все это время раздавалось мнѣ въ отвѣтъ: «Тоска, тоска!» Несчастная Сивилла, нѣмая пиѳія, разбей себѣ лобъ о столбы своей пещеры, смѣшай свою кровь, дымящуюся бѣшенствомъ, съ холодною пѣною моря!»

Когда поэты міровой скорби пѣли свои грустныя пѣсни объ отсутствіи цѣли въ мірозданіи, о жестокости природы и ограниченности человѣческихъ силъ, они почти забыли объ одной жертвѣ міроваго непорядка, о женщинѣ. Грандіозныя притязанія разума, унаслѣдованныя отъ энциклопедистовъ, столкнулись съ его ограниченностью, какъ только онъ захотѣлъ осуществить эти притязанія, и пессимистическая поэзія раскрыла всю глубину страданія всего живущаго. Но она забыла, что просвѣтительный вѣкъ и революція зажгли пламя свободы и въ душѣ самаго чуткаго, самаго чувствительнаго существа—женщины. И своеобразная скорбь этой страдалицы, которая также почувствовала въ началѣ вѣка пропасть, отдѣлявшую идеалъ отъ дѣйствительности, почти не звучала въ тоскливыхъ пѣсняхъ пессимистовъ. Жоржъ-Сандъ пополнила этотъ пробѣлъ. Горячо вступилась она за права сердца и чувства, которыя играютъ главную роль въ жизни женщины, прикрѣпила къ ней вниманіе и заставила принять въ разсчетъ ея интересы при начавшейся работѣ перестройки общества.

IV.

Въ «Норѣ» героиня уходитъ изъ семьи, потому что при первомъ самостоятельномъ шагѣ она столкнулась съ установившимися воззрѣніями и убѣдилась въ несоотвѣтствіи этихъ воззрѣній съ своимъ міросозерцаніемъ. Она рѣшила узнать жизнь и провѣрить, кто правъ,—она или общество, она захотѣла съ своей, женской, точки зрѣнія подвергнуть пересмотру порядокъ жизни, создававшійся мужчинами, которые думали только о себѣ, когда устанавливали его. У героини Ибсена была длинная галлерея предковъ и «Индіана» ихъ родоначальница. Если въ женскихъ типахъ Жоржъ-Сандъ воплощенъ протестъ противъ вѣковыхъ предразсудковъ, если онѣ олицетворяютъ собою чаянья лучшаго будущаго, то мужчины первыхъ романовъ являются наглядной иллюстраціей того, какому извращенію подверглись наши понятія о справедливости, чести, объ истинной жизни.

Въ лицѣ Дельмара, мужа Индіаны, Жоржъ-Сандъ вывела человѣка, ко-

торый представляетъ рѣзкій контрастъ съ ея женскими образами. Жоржъ-Сандъ воспользовалась фигурой Дельмара не только для того, чтобы оттѣнить въ немъ специфическія грубыя черты мужчины, но и для того, чтобы объяснить происхожденіе господствующаго міросозерцанія, въ выработкѣ котораго не принимали участія женщины. Она пользуется этой фигурой для генеральнаго пересмотра царящихъ взглядовъ, для переоцѣнки всѣхъ цѣнностей. Она смотритъ на него какъ женщина, и это одностороннее освѣщеніе бросаетъ нѣсколько фантастическій, но зато яркій, рѣжущій свѣтъ на Дельмара. За каждой черточкой его характера чувствуется авторъ, который какъ бы кричитъ мужчинамъ: «смотрите, что вы сдѣлали съ жизнью, вы не спросились у насъ, женщинъ, вы создавали ее по-своему, лучшія струны женской души не звучали, когда созидалось общество, и потому нелѣпой вышли и наша жизнь, и наша мораль».

Дельмаръ прежде всего «порядочный человѣкъ» (un honnête homme). Это понятіе имѣетъ опредѣленные признаки. Въ немъ много положительныхъ качествъ. Онъ никому не позволитъ оскорбить себя, онъ прекрасно владѣетъ шпагой, его боятся, и едва ли кто-нибудь позволитъ себѣ пошутить надъ г. Дельмаромъ. Другая положительная черта Дельмара—его дѣловитость. Дельмаръ умѣетъ прекрасно вести свои дѣла, онъ безусловно честенъ, никогда не занимаетъ денегъ, боясь, что обстоятельства могутъ сложиться такъ, что онъ не въ состояніи будетъ возвратить долгъ, онъ умѣетъ уважать кошелекъ своего сосѣда и скорѣе умретъ, чѣмъ возьметъ полѣно въ королевскомъ лѣсу. Въ-третьихъ, онъ довѣрчивъ, онъ всегда вѣритъ клятвѣ, даже лживой. Наконецъ, онъ обладаетъ желѣзной волей, онъ можетъ гордиться своимъ образованіемъ. Словомъ, въ немъ есть всѣ достоинства, которыя даютъ человѣку право на уваженіе общества. Но что остается отъ всѣхъ этихъ достоинствъ, когда къ оцѣнкѣ его подойдетъ женщина съ своимъ чуткимъ сердцемъ! Всѣ положительныя качества Дельмара разсѣиваются какъ дымъ, и за его внѣшней порядочностью обнаруживается натура грубаго жесткаго эгоиста. Онъ высоко ставитъ чувство чести, но это чувство сдѣлало изъ него бреттера, внушающаго своимъ кулакомъ больше страха, чѣмъ уваженія; онъ неостроуменъ и не чутокъ, онъ не понимаетъ шутки и не умѣетъ отвѣчать на нее, какъ слѣдовало бы, поэтому угроза—единственное средство, которымъ онъ заставляетъ молчать. Онъ—дѣловитъ, но эта дѣловитость въ немъ является эгоизмомъ, онъ думаетъ только объ успѣхѣ своихъ дѣлъ и совершенно не интересуется, какъ этотъ успѣхъ отзовется на другихъ: «вся его совѣсть заключалась въ законѣ, вся нравственность—въ своемъ правѣ». Онъ никогда не занимаетъ, но и никогда не даетъ взаймы. Онъ не возьметъ полѣна въ королевскомъ лѣсу, но за то «безъ раздумья убьетъ того, кто подберетъ сучокъ въ его собственномъ лѣсу». Онъ довѣрчивъ къ клятвѣ, но онъ лишенъ способности разобрать честный порывъ, и никогда не повѣритъ искреннему обѣщанію.

Онъ обладалъ желѣзной волей, но онъ былъ безсиленъ передъ пас-

сивнымъ сопротивленіемъ, предъ молчаливой покорностью Индіаны. «Онъ хотѣлъ бы, чтобы она любила его, потому что онъ гордился своимъ образованіемъ и считалъ себя выше ея. Онъ бы возросъ въ собственныхъ глазахъ, если бы она снизошла до признанія его идей и убѣжденій. Когда онъ входилъ въ ея комнату утромъ, чтобы бранить ее, онъ находилъ ее иногда спящей и не смѣлъ разбудить ее. Онъ молча смотрѣлъ на нее; онъ пугался, видя деликатность ея существа, блѣдность ея щекъ, пугался при видѣ меланхолическаго спокойствія и покорнаго горя, которыя выражались въ ея неподвижномъ, нѣмомъ лицѣ. Онъ видѣлъ въ ея чертахъ тысячу поводовъ къ упрекамъ, угрызеніямъ, гнѣву и опасеніямъ. Онъ стыдился того, что такое хрупкое существо оказывало такое вліяніе на жизнь его,— желѣзнаго человѣка... Женщина, почти ребенокъ, дѣлала его несчастнымъ. Она его заставляла углубляться въ самого себя, разбирать свои желанія, измѣнять многія изъ нихъ, многія отбрасывать, и все это, не снизойдя ни разу до того, чтобы сказать ему: «вы не правы, я прошу васъ сдѣлать такъ-то»... Никогда она ни о чемъ его не умоляла, никогда она не снизошла до того, чтобы стать его подругой или признать себя его товарищемъ. Эта женщина, которую онъ могъ бы раздавить, еслибы хотѣлъ, была тутъ, передъ нимъ, хрупкая, мечтающая, можетъ быть у него на глазахъ, о другомъ и не боящаяся его даже во снѣ. Онъ хотѣлъ бы задушить ее, таскать ее за волосы, топтать ее ногами, чтобы заставить ее просить пощады, умолять о помилованіи... А она была такая маленькая, хорошенькая, бѣленькая, что онъ начиналъ жалѣть ее какъ ребенокъ птичку, которую хотѣлъ убить. И онъ плакалъ какъ женщина, этотъ желѣзный человѣкъ, и уходилъ, чтобы не давать ей торжествовать при видѣ его слезъ».

Въ этой сценѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточенъ смыслъ вѣковой вражды между обоими полами, сгруппированы основныя черты, мѣшающія взаимному пониманію. Сколько внутренняго презрѣнія къ женщинѣ въ каждомъ душевномъ движеніи Дельмара! Ему нужно отъ нея только одно, только открытое признаніе его превосходства, онъ требуетъ только самоуничиженія со стороны женщины; онъ готовъ простить ей все, только не желаніе быть самостоятельнымъ человѣкомъ, существомъ, у котораго могутъ быть свои мысли, свои интересы, не относящіеся къ нему. И сколько жестокости и деспотизма таится въ то же время въ его натурѣ! Сотни поколѣній трудились надъ выработкой этихъ тиранническихъ инстинктовъ мужчины. Его четвероногій предокъ, лишенный человѣческаго образа, просыпается въ немъ въ тотъ моментъ, когда онъ узнаетъ изъ дневника «Индіаны» объ ея чувствахъ къ Раймону: «не будучи въ состояніи выговорить ни слова, онъ схватилъ ее за волосы, бросилъ на землю и ударилъ каблукомъ въ лобъ».

Недостаточно поставить вопросъ, недостаточно отмѣтить существующую несправедливость. Необходимо указать выходъ изъ нея. Отвѣтомъ на эту задачу явился «Жакъ». Этотъ романъ возбудилъ сразу ожесточенную по-

лемику. Рѣшеніе вопроса, предложенное въ «Жакѣ», категорично и не допускаетъ сомнѣній относительно убѣжденій романистки. Если послѣ «Индіаны» и «Валентины» Жоржъ-Сандъ еще могла защищаться противъ обвиненій, будто она отрицаетъ бракъ, то послѣ «Жака» никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ больше не могло быть. Жакъ—идеалъ мужчины, мужчины будущаго, того мужчины, котораго не было еще въ тогдашнемъ обществѣ, но который грезился воображенію романистки, а можетъ быть, и дѣйствительно нарождался въ ея романтическое и сантиментальное время.

Тема—та же, что и въ «Индіанѣ»: столкновеніе свободнаго чувства съ супружескимъ долгомъ. Но какая разница въ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ къ этому конфликту! Дельмаръ—грубый эгоистъ, Жакъ—воплощенное самопожертвованіе. Его жажда жертвы переходитъ предѣлы реальнаго или, по крайней мѣрѣ, предѣлы обычнаго, типичнаго. Но не будемъ касаться стараго спора, дѣланная или реальная фигура создана романисткой. Быть можетъ въ жизни рѣдко встрѣчаются подобные люди, но развѣ романистъ не имѣетъ права брать рѣдкіе экземпляры, натуры исключительныя, въ особенности, когда въ нихъ онъ видитъ провозвѣстниковъ лучшаго будущаго, въ нихъ видитъ образцы, которые необходимо выставить въ поученіе человѣчеству. «Я,—говоритъ Жакъ передъ свадьбою своей невѣстѣ,—не могу увѣрить васъ въ томъ, что моя любовь сдѣлаетъ васъ навѣки счастливою. Этого я не знаю. Я могу только сказать вамъ, что эта любовь искренняя и глубока... Общество продиктуетъ вамъ клятвенную формулу. Вы поклянетесь быть мнѣ вѣрной и покорной, т.-е. никогда не любить никого другого и всегда во всемъ повиноваться мнѣ. Первая клятва есть абсурдъ, вторая—низость. Вы не можете отвѣчать за ваше сердце, даже если бы я былъ самымъ совершеннымъ изъ смертныхъ; вы не должны обѣщать мнѣ покорность, такъ какъ это было бы для насъ взаимное униженіе. Мы спокойно произнесемъ слова, которыя продиктуютъ намъ священникъ и нотаріусъ, такъ какъ это необходимое условіе для нашего легальнаго соединенія. Но къ этой клятвѣ я присоединю другую, которую люди не считаютъ необходимой, но безъ которой вы не должны отдавать мнѣ вашу руку. Я клянусь уважать васъ и, если я не могу ручаться за вѣчную любовь, я обѣщаю вамъ прочное расположеніе».

И Жакъ сдержалъ свое слово; когда онъ узналъ, что его жена любитъ другого, онъ не сталъ стѣснять ее, а впослѣдствіи даже сталъ искать средства, чтобы развязать ей совсѣмъ руки. Онъ рѣшаетъ исчезнуть совершенно и при томъ обдумываетъ такой способъ самоубійства, чтобы смерть его показалась случайной. Дѣти, которыя могли послужить помѣхою такому разрѣшенію вопроса, заболѣваютъ и умираютъ. «Все это очень хорошо,—восклицаетъ по этому поводу Каро,—но вѣдь дѣйствительность не подчиняется нашей волѣ такъ, какъ романъ. А если дѣти упорно захотятъ жить? А если Жакъ не захочетъ умереть? Согласитесь, что было бы слишкомъ жестоко ставить Жака въ образецъ всѣмъ мужьямъ, которыхъ

перестаютъ любить». Въ этихъ словахъ много правды. Стараясь примирить свои идеалы съ существующимъ строемъ жизни, Жоржъ-Сандъ должна была впасть въ противорѣчіе съ самою собою, должна была запутаться при разрѣшеніи этой неразрѣшимой задачи. Но это не понижаетъ цѣнности ея идеаловъ и художественнаго значенія ея первыхъ романовъ. Это—не только культурно-историческіе памятники. Если въ наше время образованному обществу уже не приходится доказывать, что женщина имѣетъ право любить, спрашиваясь только своего сердца, то эта мысль далеко еще не завоевала себѣ подобающаго мѣста въ сознаніи массъ. Эта идея нашла въ раннихъ романахъ Ж.-Сандъ такое блестящее подтвержденіе, такое всестороннее разъясненіе, что они остаются лучшимъ учителемъ и въ наше время для всѣхъ, кто не проникся еще этимъ сознаніемъ.

Но въ раннихъ романахъ Ж.-Сандъ есть нѣчто болѣе важное, чѣмъ апологія женскихъ чувствъ. Въ нихъ за частнымъ вопросомъ уже слышится тотъ порывъ къ общей правдѣ, то состраданіе ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ, которое приведетъ къ расширенію кругозора писательницы въ послѣдующій періодъ ея жизни.

П. Коганъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ моей автобіографіи *).

Я родился въ 1842 г. въ Омскѣ и вывезенъ былъ изъ Омска нѣсколькихъ недѣль. При рожденіи былъ слабъ и хилъ и родители боялись, что умру. Всю жизнь тѣлосложеніе мое было слабое. Съ родителями путешествовалъ до 10 лѣтъ. Былъ въ Тобольскѣ 4 года, въ Тюмени 4 года и 9 лѣтъ привезенъ въ Томскъ. Учиться началъ 6 лѣтъ, училъ много стиховъ. Въ Тюмени 7 лѣтъ былъ въ частномъ пансіонѣ. Въ Томскѣ до поступленія въ гимназію въ пансіонѣ пробылъ 4 года, гдѣ выучился говорить по-

*) Въ свѣтлый теплый день 9-го мая 1894 года я разстался на старомъ Нижегородскомъ вокзалѣ съ Николаемъ Михайловичемъ Ядринцевымъ, отправлявшимся въ Барнаулъ для организаціи и руководительства статистическими работами, впервые насаждавшимися въ Алтайскомъ горномъ округѣ Томской губерніи. Всегда энергичный и бодрый, съ необыкновенно живымъ темпераментомъ для своего 52-лѣтняго возраста, Николай Михайловичъ въ этотъ разъ ѣхалъ въ горячо любимую Сибирь съ уныніемъ и предчувствіемъ неудачъ, которыя могутъ отразиться и на его работѣ и даже на его жизни. Грустныя письма писалъ онъ съ дороги своимъ друзьямъ. Уже въ Томскѣ его душевное настроеніе замѣтно ухудшилось, и въ Барнаулъ онъ пріѣхалъ съ удручающей тоской, преждевременно оборвавшей его жизнь. Всѣ усилія друзей и врачей, трудившихся надъ возвращеніемъ его къ жизни, оказались тщетными, и 7-го іюня 1894 года Сибирь въ лицѣ угаснувшаго Н. М. Ядринцева потеряла самаго популярнаго своего публициста, самаго горячаго представителя ея нуждъ и желаній, неутомимаго общественнаго дѣятеля и автора крупныхъ работъ о Сибири („Сибирь какъ колонія“ „Сибирскіе Инородцы“ и „Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ“).

Еще въ петербургскій періодъ изданія „Восточнаго Обозрѣнія“ (1882—1887 г.) Н. М. Ядринцевъ подъ именемъ Добродушнаго Сибиряка отъ времени до времени давалъ литературные портреты лицъ, съ которыми его соединяли годы дружбы и литературная и общественная дѣятельности. (С. С. Шашковъ, Омулевскій и др.). Уже въ этихъ небольшихъ, но горячо написанныхъ очеркахъ были разсѣяны воспоминанія автобіографическаго характера. Впослѣдствіи, когда „Восточное Обозрѣніе“, потерявшее право выхода безъ предварительной цензуры, было перенесено въ Иркутскъ, въ очеркѣ, посвященномъ гимназическимъ годамъ, рельефно сказалось намѣреніе Николая Михайловича написать полную автобіографію. Литературная и научная дѣятельность, которой была полна жизнь Сибирскаго писателя, вѣроятно, отдалила его отъ надуманнаго плана, который окончательно былъ разрушенъ преждевременной смертью: тѣмъ не менѣе въ его литературномъ портфелѣ,

французски. 12 лѣтъ опредѣленъ былъ въ Томскую гимназію и учился до 17 лѣтъ. Въ 6-мъ классѣ пробылъ 2 года. Передъ окончательными экзаменами вышелъ и поѣхалъ въ Петербургъ съ матерью, для поступленія въ университетъ. Съ 1860 г. былъ вольно-слушателемъ до 1863 г. Перестал слушать лекціи послѣ безпорядковъ въ университетѣ и вышелъ съ другими, не желая принять новыхъ правилъ. Началъ писать въ журналахъ съ 1862 г. Въ Петербургѣ мною съ Потанинымъ основано было 1-е сибирское землячество *). Мы рѣшили ѣхать въ Сибирь. Въ 1863 г. выѣхалъ въ Сибирь въ городъ Омскъ, гдѣ былъ до половины зимы, жилъ съ Потанинымъ. Устраивалъ литературныя чтенія. Сведено было знакомство съ казачьими офицерами. Въ Омскѣ было много ссыльныхъ поляковъ. Въ 1863 г. съѣздилъ въ Томскъ передать сестрѣ часть наслѣдства, векселя и возвратился въ Омскъ. Въ Томскѣ свелъ знакомство съ семинаристами. Нашею дѣятельностью было тогда направлять молодежь въ университетъ. Въ Томскѣ же познакомился съ Пичугинымъ, даровитой личностью, группировавшей кружокъ около себя. Это былъ самородокъ-философъ.

Возвратясь въ Омскъ въ 1863 г. жилъ годъ домашнимъ учителемъ у Кузнецова, мѣстнаго капиталиста. Въ 1864 г. устроилъ литературный вечеръ, гдѣ читалъ «Объ общественной жизни сибирскихъ городовъ», указывая на апатію, неподвижность жизни и т. д. (публичныя чтенія были напечатаны въ *Томск. губ. Вѣд.* 1864 г.). Въ Омскѣ я жилъ, воротясь изъ Петербурга, въ лихорадочной дѣятельности, основывалъ кружки и вліялъ на молодежь. Многіе изъ корпуса и изъ казачьихъ офицеровъ поѣхали тогда въ университетъ.

Въ Омскѣ мои занятія кончились, и Потанинъ, возвратившійся изъ экспедиціи, вызывалъ меня въ Томскъ, куда онъ переѣхалъ служить секретаремъ статистическаго комитета. Въ это время мы вели дѣятельную переписку съ Потанинымъ и задавались разными планами.

Мы мечтали издавать газету, сборникъ, памятныя книжки. Мы желали пропагандировать необходимость основанія университета. Потанинъ принималъ меня въ Томскѣ пока сотрудничать въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*. Сначала я отнесся съ предубѣжденіемъ, и мнѣ казалось, что въ оффиціальной газетѣ едва ли можно найти мѣсто для выраженія нашихъ желаній. Эта неоффиціальная часть *Вѣдомостей* мнѣ казалась всегда губернаторской

врученномъ мнѣ Николаемъ Михайловичемъ предъ его роковымъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Сибирь, нашлись и очерки, охватывающіе тотъ или другой періодъ его плодотворной жизни, но, къ сожалѣнію, значительно недоконченные. Между ними была и настоящая рукопись, посвященная годамъ его изгнанія изъ Сибири въ Архангельскую губернію. Рукопись написана торопливымъ почеркомъ, безъ поправокъ, какъ бы за одинъ, много два пріема, въ апрѣлѣ 1894 года въ Большомъ селѣ Пронскаго уѣзда, куда Ник. Мих. поѣхалъ проститься съ родственниками и могилой Аделаиды Өедоровны, его жены, свѣтлой личности и неизмѣннаго сотрудника въ его напряженной дѣятельности, никогда незнавшей усталости.

В. Семидаловъ.

*) О сибирскомъ землячествѣ я дамъ особый очеркъ.

прихожей, гдѣ литературничали угодливые чиновники. Но при безвыходности я, наконецъ, согласился и по пріѣздѣ въ Томскъ началъ рядъ статей. Оригинально было то, что для первой передовой статьи я взялъ эпиграфъ изъ Герцена: «Vive la mort—и да водрузится будущее!» Мы работали въ неофиціальной части *Том. Губ. Вѣд.* около полугода и старались сдѣлать эту часть литературной. Это были первые шаги выясненія мѣстныхъ вопросовъ; къ этому времени относятся мои публицистическіе опыты «Сибирь предъ судомъ русской литературы» (по поводу статей Шелгунова), «Инородческій вопросъ» и друг. Зимою 1864—65 гг. пріѣхалъ въ Томскъ Шашковъ изъ Красноярска и прочелъ нѣсколько публичныхъ лекцій. Онѣ касались исторіи Сибири, но въ то же время въ нихъ затрогивались живо-трепещущіе вопросы, указывалась потребность университета, эмансипація инородцевъ и проч. Лекціи произвели необыкновенный фуроръ особенно среди молодежи и семинаристовъ. Объ этихъ лекціяхъ мы писали горячія письма нашимъ друзьямъ въ Омскъ и Иркутскъ.

Наступила весна 1865 г., мы были въ самомъ радужномъ настроеніи, и наши патріотическіе планы все разростались. Какъ вдругъ внезапно въ маѣ мѣсяцѣ 1865 г. разразилась надъ нами гроза. Мы были съ Потанинымъ и Е. Я. Колосовымъ (поручикомъ артиллеріи въ отставкѣ, имѣвшемъ частную школу въ Томскѣ) на заимкѣ Пичугина на естественно-исторической экскурсіи, когда насъ вызвали въ городъ и подвергли домашнему аресту. Бумаги наши были захвачены. Мы сначала не знали по какому дѣлу, но мрачныя предчувствія насъ охватили. Черезъ 3 дня насъ отправили съ жандармами въ Омскъ, и здѣсь начались новыя мытарства и горькія испытанія. Въ Омскѣ насъ представили къ и. д. генералъ-губернатора и затѣмъ отправили въ острогъ. Каково было ощущеніе, каковы были первыя минуты неволи, описано въ моей книгѣ «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ». Началось слѣдствіе.

Дѣло сибирскаго сепаратизма, или «Дѣло объ отдѣленіи Сибири отъ Россіи и образованіе республики подобно Соединеннымъ Штатамъ»—громкое названіе, какое было дано ему,—надѣлало шума. По этому дѣлу было сдѣлано много арестовъ въ Омскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Уральскѣ. Свезено было весьма много народу и офицеровъ, уѣхавшихъ въ разныя учебныя заведенія. Объ этомъ дѣлѣ писалъ Катковъ, печатали даже въ лондонскомъ *Times*. Можно было подумать, что это было нѣчто грандіозное. Объ этомъ дѣлѣ меня многіе спрашивали, и нерѣдко эти вопросы сопровождались ироническими улыбками: «Какъ вы отдѣляли Сибирь?» Конечно, въ этомъ отношеніи много было повода поглумиться надъ горстью сибиряковъ-юношей, задававшихся какими-то несбыточными планами. Отдѣлять Сибирь, по понятію многихъ, пустыню и страну ссылки, мечтать вести войну съ огромнымъ государствомъ,—это могли только сумасшедшіе или дѣти. Мнѣ не приходится никому разсказывать подробностей этой исторіи, но долженъ сказать, что дѣло было не столько въ опредѣленно задуманномъ намѣреніи, сколько въ обвиненіи,

которое стремилось навязать это намѣреніе. Подлинное дѣло, возвращенное въ 1868 г. изъ сената, хранится въ омскомъ архивѣ. Оно состояло изъ нѣсколькихъ томовъ, представляло запутанныя и, при сильныхъ налеганіяхъ обвинителей, дѣтскія показанія. Слѣдствіе велось пристрастно, и коммиссія, состоявшая изъ члена совѣта главнаго управленія, жандармскаго штабъ-офицера, двухъ аудиторовъ и стряпчаго старалась установить обвиненіе, во что бы то ни стало связывая лицъ, часто совсѣмъ незнакомыхъ, или придавая товарищескому знакомству видъ заговора. Наконецъ, слѣдствіе соединило въ одно нѣсколько отдѣльныхъ событій и фактовъ, независимыхъ и относящихся къ разному времени. Первое, что обнаружено было—это кружокъ офицеровъ и кадетовъ въ г. Омскѣ, которые имѣли сношеніе со мной и съ Потанинымъ: въ этомъ кружкѣ велась будто бы пропаганда сепаратизма. Многіе изъ этого кружка отправились въ высшія учебныя заведенія, но были арестованы на дорогѣ или въ столицѣ. Во-вторыхъ, обнаружено было, что единомышленники сибиряки жили и въ другихъ городахъ: Томскѣ, Иркутскѣ (Щукинъ), въ Красноярскѣ (Шашковъ). Въ-третьихъ, у сибирскихъ сепаратистовъ было открыто воззваніе или прокламація, найденная въ Омскѣ и въ Иркутскѣ. Въ-четвертыхъ, обнаружилось изъ переписки, что сибирскій кружокъ существовалъ уже въ Петербургѣ среди студентовъ сибиряковъ. Въ обширной перепискѣ высказывалось недовольство противъ правительства, и часто заключались оскорбительные отзывы о правящихъ лицахъ. Такимъ образомъ изъ всего этого была соткана сѣть для обвиненія, и многое подтверждалось, повидимому, «чистосердечными признаніями», какъ выражались аудиторы, вынуждавшіе къ сознанію.

Но достаточно указать на поводъ и на начало дѣла, чтобы увидѣть, сколько въ немъ было случайнаго и преувеличеннаго.

Кадетъ Усовъ, роясь въ столѣ, гдѣ лежали бумаги брата его, казачьяго офицера, нечаянно съ учебными тетрадками захватилъ листокъ, въ которомъ были изложены взгляды на безотрадное положеніе Сибири и ея исторію. Это произведеніе было написано, правда, горячо, во вкусѣ листковъ, распространившихся въ столицахъ въ 60-хъ годахъ. Кадетъ показалъ въ корпусѣ это письмо товарищу, который взялъ его и началъ пугать, что покажетъ начальству, если тотъ не дасъ ему пироговъ. Наконецъ, этотъ кадетъ ловится съ папиросой надзирателемъ и вмѣсто табаку, сохраняя папиросы, отдаетъ ему запретный листокъ, котораго самъ не читалъ. Надзиратель, конечно, былъ изумленъ и представилъ листокъ начальству. Тогда произведенъ былъ обыскъ у старшаго брата Усова—штабъ-офицера, взята была переписка, и полетѣли телеграммы и депеши въ разные концы. Кадеты также были арестованы и сидѣли съ ними 3 года на гауптвахтѣ. Изъ 12 и 14-лѣтнихъ они вышли взрослыми юношами и поступили въ юнкера. На гауптвахтѣ же содержался учитель Кузнецовъ (редакторъ *Томскихъ Вѣдомостей*) съ сыномъ 4-хъ лѣтъ, сиротой. Здѣсь же былъ привезенный изъ Иркутскаго военнаго училища мальчикъ 12 лѣтъ, Золотинъ, обвинявшійся въ томъ, что принесъ прокламацію Щукину, учителю въ Иркутскѣ. Мно-

жество было свезено и причастно къ дѣлу лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій, между прочимъ, старикъ, бывшій аракчеевскій писарь, шлявшійся въ Иркутскѣ по кабакамъ. Но въ этой же средѣ обвинялись патріоты-писатели: Потанинъ, Шашковъ и я. Насъ обвиняли въ пропагандѣ, въ составленіи воззванія, въ томъ, что мы писали въ *Томск. Губ. Вѣдом.* (оффиціальномъ органѣ) сепаратистскія статьи, въ томъ числѣ о необходимости для Сибири униветитета.—Кто васъ просилъ объ этомъ?—говорили омскіе чиновники. Мысль объ университетѣ еще 10 лѣтъ послѣ нашего дѣла считалась дѣломъ сепаратистовъ, и такія мнѣнія высказывались даже послѣ основанія университета, хотя желаніе высшаго учебнаго заведенія едва ли могло относиться къ идеѣ сепаратизма *). Шашкову на допросахъ задавались вопросы объ его лекціяхъ, причемъ были курьезы такого рода, что листки лекцій и рукописей перемѣшивались, и лекціи по общей исторіи смѣшались съ сибирской исторіей. Слѣдователи задавали вопросъ: почему, говоря о Сезострисѣ, вы переходите къ исторіи губернатора Чичерина? Шашковъ ужасно иронизировалъ по этому поводу, и когда намъ задали вопросы, чего бы мы желали для нашего края и что побудило насъ къ оппозиціи, Шашковъ давалъ самые ироническіе отвѣты. Эти вопросы, видимо, предложены были по приказанію изъ Петербурга, а не были инпціативой слѣдственной коммиссіи. Что мы могли отвѣтить на нихъ? Въ нашемъ сердцѣ было искреннее желаніе блага нашей забытой родинѣ; нашею мечтою было ея просвѣщеніе, гражданское преуспѣяніе. Въ юношескихъ мечтахъ и желаніяхъ многіе мѣстные вопросы еще были смутны и получили извѣстную форму и жизнь только впослѣдствіи. Мы отвѣчали, что желаемъ Сибири новаго гласнаго суда, земства, больше гласности, поощренія промышленности, большей равноправности инородцамъ. Что тутъ было преступнаго? Было ли преступно горячо любить свою родину? Но здѣсь патріотизмъ былъ принятъ за сепаратизмъ. Что касается мечтаній и параллелей, что Сибирь когда-нибудь должна быть подобна Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, то эти мысли были высказаны по поводу чтенія исторіи колоній и ихъ отдѣленія въ виду несправедливостей метрополіи. Объ этомъ говорилось, какъ о фактѣ отдаленнаго будущаго. Въ данную минуту не могло быть никакой опасности отъ дѣтей и юношей, составлявшихъ общеніе, но не заговоръ.

Какова будетъ судьба нашей родины черезъ 100, 200, 500 лѣтъ? Кто это можетъ предугадать? Каковы будутъ отношенія между дочерью (коло-

---

*) Не могу не припомнить по поводу статей въ *Томск. Губ. Вѣд.*, что одновременно былъ преданъ суду и цензоръ, вице-губернаторъ, человѣкъ пустой, ограниченный и легкомысленный. Онъ такъ долго находился подъ судомъ сената, что въ 1876 г., когда я явился въ Сибирь къ генералъ-губернатору Казнакову на службу чиновникомъ, онъ спросилъ меня, не могу ли я ему написать отвѣтъ по поводу вопросовъ: какія статьи онъ пропускалъ?—Боже мой!—воскликнулъ я,—неужели вы еще подъ судомъ! Напишите, что вы пропускали статьи о сибирскомъ университетѣ, т.-е. о чемъ ходатайствовалъ нынѣшній генералъ-губернаторъ.

ніей) и матерью (метрополіей), какъ обѣ онѣ разовьются и выступятъ, какъ образуются гражданскіе интересы и вопросы той и другой стороны? Этого не могутъ предсказать ни мечтательныя дѣти, ни умудренные старцы-философы. Едва ли достигнутъ цѣли какія-либо воззванія и обращенія, когда общество неразвито, тупо, малограмотно, и когда не проснулись въ немъ не только политическіе инстинкты, но и простое сознаніе собственнаго достоинства. Скоро минетъ 30 лѣтъ (въ 1895 г.) съ тѣхъ поръ, когда явилось обвиненіе насъ, первыхъ патріотовъ, въ сепаратизмѣ. Это обвиненіе не изгладилось, несмотря на то, что многіе сотоварищи мои перемерли, другіе окончили блестящей корьерой, были, какъ Усовъ, полковыми командирами и т. д. Смѣнялись цѣлыя поколѣнія молодыхъ людей, и только послѣ 1865 г. было два-три кружка сибиряковъ въ процессахъ 70-хъ годовъ (Кашкинъ и еще кто-то), которые говорили о сепаратизмѣ. Но я видѣлъ цѣлый рядъ юныхъ выпусковъ сибиряковъ, которые трудно усвоивали даже идеи патріотизма. Гораздо скорѣе усвоивались разныя соціальныя теоріи и направленія русскихъ молодыхъ партій (народничество, марксизмъ, соціализмъ и т. п.). Послѣ этого кличка или титулъ сепаратиста, которую мнѣ давали до конца, оставалась только за мною *). Причинявшая много мнѣ безпокойствъ и непріятностей, эта кличка, наконецъ, потеряла для меня всякое значеніе, и я сталъ равнодушенъ къ ней. Если бы меня допросила подъ конецъ моей жизни какая-нибудь власть и вновь за мой патріотизмъ назвала бы меня сепаратистомъ, я бы сказалъ, что въ цѣломъ рядѣ юнаго поколѣнія она не найдетъ задатковъ сепаратизма, что и дѣлъ такихъ не возникало. Ежели же меня за мои убѣжденія и прошлое принято называть сепаратистомъ, какъ послѣдняго изъ могиканъ, то я примиряюсь, но тогда пусть власть успокоится, потому что едва ли можетъ предстоять какая-либо опасность для государства отъ единственнаго сепаратиста, который скоро сойдетъ со сцены.

Дѣло было не въ сепаратизмѣ, а въ уничтоженіи нежелательныхъ патріотическихъ стремленій въ Сибири. Послѣ 1-го земляческаго кружка въ 60-хъ годахъ въ Петербургѣ и послѣ сибирскаго дѣла 1865 г. тенденція патріотизма, считаясь недозволительной, замираетъ на время. Но она не могла исчезнуть и выступила чрезъ нѣсколько лѣтъ. Она должна была выступить при большемъ сознаніи мѣстнаго общества и выясненія себѣ нуждъ края. Выступилъ вопросъ объ университетѣ, выступилъ вопросъ о ссылкѣ. Появилась мѣстная патріотическая печать. Само правительство желало удовлетворить нѣкоторыя мѣстныя нужды и требованія и дало реформы.

Въ дѣлѣ 1865 г. была выдвинута на первый планъ политическая сторона; остальное было припутано и усиливало обвиненіе, хотя многое не могло явиться обвиненіемъ. Болѣе всѣхъ обвиняли меня, Потанина, Шашкова и Щукина; остальные юные товарищи считались совращенными.

---

*) Между прочимъ, не разъ скверная печать въ лицѣ *Сибирскаго Вѣстника* старалась обновить эти обвиненія.

Многіе пали духомъ, запутывали показанія. Но странно, что при самомъ пристрастномъ слѣдствіи, при всемъ розыскѣ, авторовъ сибирскаго воззванія не нашли. Это воззваніе было писано въ Петербургѣ; я и покойный Шашковъ его редактировали, настоящій же авторъ не былъ взятъ и скрытъ въ туманѣ, да онъ и не былъ выдающимся лицомъ. При слѣдствіи онъ сыгралъ бы дурную роль. Судъ былъ къ намъ строгъ: меня, Потанина и Шашкова сначала приговорили къ 12 лѣт. каторгѣ, но послѣ смягчили наказаніе въ виду молодости и долгаго содержанія подъ слѣдствіемъ. Мы просидѣли 3 года въ Омскѣ, маленькомъ городкѣ, сначала на гауптвахтѣ, потомъ въ острогѣ, ибо на гауптватѣ было тѣсно. Мы помѣщались по 4 и 5 человѣкъ и начали болѣть. Жили мы впроголодь, иногда питаясь чаемъ и калачами. Насъ спасла молодость. Тянулись года, въ Россіи совершались событія, реформы, явилось земство, новый судъ, разразилась каракозовщина. Наше дѣло было въ коммиссіи Муравьева. Худяковъ, одинъ изъ участниковъ каракозовскаго дѣла, былъ сибирякъ; я его зналъ въ Петербургѣ.

Въ тюрьмѣ и на гауптвахтѣ мы сокращали тюремные дни занятіями. Потанинъ выхлопоталъ право разбирать областной архивъ; я, Шашковъ и онъ работали надъ нимъ. Шашковъ извлекъ богатые матеріалы для своихъ историческихъ монографій, Потанинъ издалъ акты по исторіи Сибири XVII и XVIII вв., а я писалъ статьи — «Исторія сибирской женщины въ XVIII ст.». Наконецъ, въ тюрьмѣ я занялся этнографическими работами и собралъ матеріалъ о ссыльныхъ и бродягахъ для книги «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ». Въ тюрьмѣ мы учились и много читали.

Черезъ 3 года тяжелаго заключенія вышла конфирмація. Потанину объявили приговоръ на эшафотѣ, заковали въ кандалы и увезли въ Свеаборгъ. Помню это тягостное впечатлѣніе, это прощанье и его, сидящаго на полу съ крупными каплями пота, звонъ заковки... Я кинулся отыскивать ему подкандальники, чтобы не терло ноги. Арестанты острога выражали живое участіе, и подкандальники были кинуты черезъ заборъ. Я помню блѣдное, утомленное лицо моего друга и учителя, его помутившійся взглядъ, а затѣмъ тройку съ жандармами и взвившуюся пыль.

Въ тюрьмѣ были и жертвы. Несчастный Щукинъ, бывшій большимъ агитаторомъ и пропагандистомъ, помѣшался: у него явился мистическій бредъ и, наконецъ, онъ отрекся отъ прошлаго. Когда онъ шелъ съ нами въ ссылку на сѣверъ Россіи, онъ много причинялъ непріятностей. Онъ умеръ въ Пинегѣ отъ воспаленія мозга.

Когда кончилось дѣло, меня, братьевъ Усовыхъ, Шайтанова (казачьяго офицера), Золотина—мальчика и Шашкова отправили на сѣверъ Россіи. Это была обратная ссылка изъ Сибири: кажется, единственный случай, когда Сибирь была признана чьимъ-то отечествомъ, и изъ него нужно было выдворить. Множество ссыльныхъ, конечно, пожелали бы этого выдворенія.

Насъ повели по этапу. Этотъ путь до Архангельска я описалъ въ

одной изъ главъ книги «Русская община въ тюрьмѣ». Мы шли съ іюня до сентября отъ Нижняго пѣшкомъ; иногда къ намъ придирались, хотѣли заковать въ ручные кандалы, но мы отстаивали свои права. Въ Перми насъ жестоко выбранилъ инспекторъ пересыльной части за то, что мы, справившись съ закономъ, просили отдѣльнаго помѣщенія. Мы испытали арестантскую баржу и были покрыты блохами сплошь въ пересыльныхъ этапахъ. Особенно тяжело было положеніе болѣзненнаго Шашкова, не могшаго идти пѣшкомъ и ѣхавшаго на телѣгѣ. Въ Костромѣ у насъ затеряли документы, и мы прожили въ замкѣ 2 недѣли. Шашковъ ждалъ денегъ изъ редакціи, и письмо разъ переслалъ черезъ палача, пользовавшагося въ тюрьмѣ льготами. Мы видѣли массу остроговъ, и наши наблюденія надъ тюремнымъ бытомъ обогатились. Сѣверъ Россіи—Вологодская и Архангельская губ.—напомнили намъ Сибирь по народу и нравамъ. У насъ на дорогу было всего по 10 руб. (съ ними мы прошли всю Россію), данныхъ благотворителями. Деньги истощились, платье износилось. Были только казенные халаты и рубахи, которые при повѣркѣ причиняли массу безпокойства. «Серафима Шашкова,—выкликивалъ полуграмотный унтеръ-офицеръ, — юбка, каптуръ есть?» А выходилъ нашъ товарищъ Шашковъ, впослѣдствіи извѣстный писатель. Кого только не приходилось встрѣчать: буяновъ—ссыльныхъ, баричей, смотавшихся дворянъ, удалыхъ молодцовъ—поволжскихъ скитальцевъ безъ паспорта, всякихъ разночинцевъ, богомольцевъ, попадавшихъ въ острогъ, крестьянина съ покорнымъ видомъ, подлиповца, несчастную жену, возвращаемую на родину съ отхожаго промысла и т. д.

Помню разъ Шашкова везли на телѣгѣ съ сумасшедшимъ старикомъ и дѣвушкой, больной сухоткой. Чего не насмотрѣлись и съ какой компаніей мы не перебывали! Впослѣдствіи, странствуя и путешествуя, я не могъ уже найти тѣхъ типовъ, которые давалъ этапъ. Эти острожники, эти страшныя лица, эти измученные люди, давно уже вѣрно покончившіе жизнь въ лѣсахъ и на каторгѣ, вставали предо мною, когда я впослѣдствіи писалъ свою книгу о русской тюрьмѣ. Они вставали такъ живо, что мои нервы переживали прежнія ощущенія, да еще въ усиленной степени. Я понимаю Достоевскаго, я галлюцинировалъ ими и переживалъ съ ними ихъ трагедію. Понятно, что мои собственные нервы стали чувствительны до болѣзненности.

Измученные и усталые, мы явились въ Архангельскъ, гдѣ были встрѣчены сначала грубо и сурово мѣстнымъ полицеймейстеромъ, даже фамилія котораго гармонировала съ его суровостью—онъ назывался Штуцеръ. Мы были безъ гроша. Насъ заперли въ полицейскую кутузку. Но къ счастію для насъ скоро обхожденіе измѣнилось. Губернаторомъ въ Архангельскѣ былъ кн. Гагаринъ, благородная и прекрасная личность. Это былъ типъ джентльмена и аристократа-администратора, мягкаго и гуманнаго. Получивъ заранѣе бумаги о насъ и смотря на насъ, какъ на лицъ, сосланныхъ не за уголовное преступленіе, онъ приказалъ съ нами, какъ съ пострадав-

шими за увлеченіе, обходиться мягко и деликатно. Дѣйствительно, насъ перевели въ часть и дали лучшее помѣщеніе. Полицеймейстеръ Штуцеръ сталъ мягокъ, услышавъ команду «къ ногѣ». Вѣдь и Штуцеръ можетъ въ хорошихъ рукахъ быть не только не смертоносенъ, но даже служить простой арматурой и украшеніемъ. Съ переводомъ въ часть наше положеніе однако мало улучшилось. Предстояла ссылка въ дальніе округа. Въ Архангельскъ явились Шайтановъ (казакъ), Ушаровъ и я. Шашковъ остался въ Шенкурскѣ по болѣзни. Щукинъ отсталъ на дорогѣ (въ Костромѣ) и пришелъ послѣ. Наше положеніе безъ гроша, глухой осенью было почти безвыходное. Я рѣшилъ подать прошеніе губернатору, прося остаться недѣли на 2 на 3 въ Архангельскѣ до полученія гонорара изъ редакціи. Но частный приставъ предупреждалъ, что Штуцеръ прошенія не передастъ. Ушаровъ подалъ такую же просьбу, прося остаться по болѣзни. Однако, къ удивленію полицейскихъ, насъ оставили и приказали перевести въ больницу въ Саламболу. Больница была прекрасная (какой-то бывшій адмиральскій домъ: въ немъ сохранились еще прекрасные обои и т. д.). Мы помѣстились съ Ушаровымъ, а Шайтановъ рѣшилъ идти по этапу въ Пинегу. Шайтановъ, казачій офицеръ, мягкая, симпатичная личность, въ ожиданіи приговора немного страдалъ нервами, дорогой былъ апатиченъ и оправился только впослѣдствіи (по возвращеніи изъ ссылки онъ служилъ въ Усть-Каменогорскѣ офицеромъ). Ушаровъ былъ иркутскій славянофилъ, этнографъ, добрая натура, но въ высшей степени несчастная по характеру и привычкамъ. Онъ былъ привезенъ изъ Иркутска. Всю жизнь онъ бѣдствовалъ и находилъ пріютъ и покой только въ казенныхъ больницахъ. Въ архангельской комфортабельной больницѣ онъ поселился съ удовольствіемъ. Но я не могъ оставаться безъ дѣла, безъ книгъ, безъ занятій. Помѣстившись въ больницѣ, я написалъ письмо П. П. Чубинскому—ссыльному по дѣлу малороссовъ, но принятому на службу въ Архангельскѣ,—и Альбертини, извѣстному писателю, бывшему также въ ссылкѣ. Они мнѣ прислали книгъ, газетъ, а затѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ и Чубинскій. Это былъ энергичный и даровитый человѣкъ (впослѣдствіи возвращенный, онъ занялся этнографическими изслѣдованіями въ Кіевѣ). Онъ мнѣ разсказалъ объ архангельскомъ режимѣ. Губернаторъ Гагаринъ былъ прекрасная личность; онъ былъ аристократъ и типъ гуманнаго администратора, котораго дали 60-е года. Человѣкъ безъ той двуличности и іезуитизма, какой иногда свойственъ на высшихъ постахъ людямъ его положенія, кн. Гагаринъ пользовался совѣтами и сотрудничествомъ административныхъ ссыльныхъ: Чубинскаго, Покровскаго (московскій студентъ ссыльный), Стронина (соціологъ), Альбертини.

Прошли двѣ недѣли въ больницѣ, когда пріѣхалъ ко мнѣ Чубинскій и просилъ приготовить записку о положеніи русской тюрьмы въ виду предстоящей тюремной реформы. Эту записку взялся губернаторъ свезти въ министерство, собираясь ѣхать въ Петербургъ. Я принялъ это предложеніе и работалъ недѣли двѣ. Въ это время я исписалъ груду бумаги,

впечатлѣнія были свѣжи, аппетитъ писать громадный. Губернаторъ и Альбертини, прочитывая мои описанія, приходили въ восторгъ, какъ передавалъ Чубинскій. Въ больницу мнѣ присылали разныя лакомства, виноградное вино и т. д. Когда я кончилъ записки, губернаторъ пріѣхалъ для осмотра госпиталя и, войдя безъ свиты, благодарилъ меня (я былъ въ арестантскомъ халатѣ, накинувъ его на свой пиджакъ), и въ знакъ своего благоволенія предложилъ мнѣ выбрать лучшій уѣздный городъ въ Архангельской губ. Я избралъ Шенкурскъ, куда меня препроводили съ полицейскимъ разсыльнымъ въ экипажѣ, а не по этапу. Записка моя была представлена въ министерство безъ моего имени. Не разъ въ жизни я представлялъ проекты и записки въ министерства и разныя учрежденія. Писалъ послѣ кн. Гагарину, гр. Соллогубу, генер.-губерн. Казнакову, министру Игнатьеву, для коммиссій по тюремному вопросу. Я зналъ, что печатью одной не проведешь вопроса. Моими записками охотно пользовались административные дѣятели, какъ и услугами другихъ: ссыльные при Гагаринѣ писали много проектовъ. Въ Сибири участвовали въ разныхъ проектахъ декабристы: Штенгель, Дмитрій Завалишинъ при Муравьевѣ и т. д. Было время, когда администрація и бюрократія охотно прибѣгали къ помощи писателей, ученыхъ, изслѣдователей. Воздухъ канцелярій какъ бы вентилировался доступомъ свѣжаго воздуха и независимаго взгляда.

Въ Шенкурскѣ я встрѣтилъ Шашкова, полубольного, въ оригинальной обстановкѣ: у него былъ на послугахъ польскій ксендзъ Ювеналъ, какъ когда-то у Вольтера іезуитъ Адамъ (не первый человѣкъ на свѣтѣ). Потянулись долгіе годы ссылки. Въ Шенкурскѣ было нѣсколько ссыльныхъ со-товарищей: А. Христофоровъ (бывшій казанскій студентъ), подполковникъ Соколовъ (авторъ «Отщепенцевъ»), послѣ пріѣхали—Пругавинъ, Натансонъ, нѣсколько поляковъ и ксендзовъ. Ксендзы вошли въ общеніе съ мѣстнымъ обществомъ и очень нравились.

Мы жили отдѣльнымъ кружкомъ, выписывали газеты, книги. Шашковъ работалъ въ журналахъ. Въ ссылкѣ я началъ рядъ журнальныхъ статей въ *Дѣлѣ* о сибирской тюрьмѣ и ссылкѣ. Въ связи съ этимъ я началъ интересоваться уголовнымъ вопросомъ и выписалъ много иностранныхъ книгъ. Но главная цѣль была разоблачить несостоятельность сибирской ссылки. Въ 1872 г. издана книга «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ». Я разобралъ ее въ этомъ отношеніи со всѣхъ сторонъ. Въ то же время я изучалъ исторію колоній, учился англійскому языку, и занялся вопросомъ о централизаціи и децентрализаціи въ различныхъ европейскихъ государствахъ. Вопросъ этотъ мнѣ казался важнымъ для изученія областного вопроса въ Россіи. Такимъ образомъ во все время ссылки я готовился къ публицистической дѣятельности, изучая европейскую исторію и исторію колоній. По исторіи колонизаціи были помѣщены мною статьи въ *Дѣлѣ*, по исторіи французской провинціи въ *Камско-Волжской Газетѣ*. Бесѣды и обмѣнъ съ такими образованными людьми, какъ Христофоровъ, Стронинъ и Шашковъ, давали возможность выяснять вопросы.

Кромѣ того, я, интересуясь всегда жизнью крестьянства, не забывалъ интересоваться бытомъ архангельскихъ крестьянъ. Собралъ свѣдѣнія о хозяйствѣ шенкурскаго крестьянина и помѣстилъ въ *Недѣлѣ*. Съ мировымъ посредникомъ, жившимъ въ Шенкурскѣ, Огаревымъ, вырабатывалъ проекты ссудо-сберегательныхъ товариществъ и писалъ прошенія для крестьянъ. Въ одномъ случаѣ я выхлопоталъ сложеніе недоимки.

Въ 1872—73 г. возвращенъ былъ изъ арестантскихъ ротъ Потанинъ и поселился сначала въ Тотьмѣ, а потомъ въ Никольскѣ, Вологодской губ. У насъ началась оживленная переписка. Хотя она была подъ контролемъ и шла чрезъ исправника, но мы не стѣснялись обмѣниваться мыслями, предлагать темы статей и проч. (исправникъ, бывшій гвардейскій офицеръ, говорилъ мнѣ, что читаетъ нашу переписку съ интересомъ, только *ради любопытства*). Обрадовавшись возвращенію своего друга, я ожилъ. Масса сибирскихъ темъ вертѣлась въ головѣ. Я писалъ огромныя письма Потанину, онъ отвѣчалъ мнѣ. Его переписку за это время я сохранилъ.

Къ этому времени относится наше сотрудничество въ *Камско-Волжской Газетѣ*, начавшейся съ 1873 года. Потанинъ познакомился съ ея редакторомъ К. П. Лаврскимъ въ ссылкѣ. Видя бѣдность *Газеты*, онъ предложилъ примкнуть къ ней и пригласить сибиряковъ сотрудничать. Помѣщая статьи о Сибири, въ то же время я предпринялъ рядъ статей по областному вопросу. Каждая русская область могла имѣть свои интересы, и воззрѣнія провинціала были особыя отъ столичнаго централизатора. Вотъ какова была исходная точка. Потанинъ, я и Лаврскій были солидарны. Статьи въ *Камско-Волжской Газетѣ* полны были оригинальности. У насъ явилась смѣлость нападать на столичную печать, и въ то же время я подвергъ разбору провинціальные органы. Мы начали проводить направленіе децентралистическое и идею областного провинціальнаго возрожденія. Скоро газета выдвинулась, она обратила на себя вниманіе въ столичной прессѣ, и Шелгуновъ, какъ и Мордовцевъ, въ своихъ провинціальныхъ обозрѣніяхъ отводилъ ей первое мѣсто. Мы писали съ жаромъ, свободно, не стѣсняемые редакціей. Это былъ органъ, гдѣ мы были равноправными съ редакторами. Къ этому времени относятся самыя пылкія, горячія и вдохновенныя статьи какъ по сибирскимъ вопросамъ, такъ и областнымъ. Даже серьезный ученый, другъ мой Потанинъ, сдѣлался на это время публицистомъ.

Здѣсь же я началъ свои фельетоны подъ именемъ «Добродушнаго сибиряка» *). Писали мы въ *Камско-Волжской Газетѣ*, не разсчитывая на гонораръ, но я писалъ съ удовольствіемъ и забросилъ работу въ столичныхъ журналахъ.

Несмотря на эту работу, тоска изгнанія давала себя чувствовать. Я въ это время имѣлъ слабость отдаваться въ стихахъ лирическому изліянію

*) Я собирался все соединить фельетоны „Добродушнаго сибиряка" изъ *Камско-Волжской Газеты* и *Восточнаго Обозрѣнія*, но, вѣроятно, не удастся.

и кое-что напечаталъ въ *Камско-Волжской Газетѣ* съ разными псевдонимами. Ихъ у меня было безчисленное количество въ жизни, начиная съ Семилужинскаго, Затуранскаго, Восточнаго поэта, Саламатова и т. д.

Иногда я такъ много писалъ статей, что мнѣ совѣстно было подписываться одной своей фамиліей, да наконецъ, и смыслъ статей часто требовалъ псевдонима. Саламатовъ былъ, напримѣръ, мѣщанинъ при Сперанскомъ, явившійся въ Петербургъ для ходатайства за Сибирь и подавшій прошеніе государю.

Я пробылъ въ ссылкѣ 6 лѣтъ, съ тюрьмой около 10 лѣтъ,—10 лучшихъ лѣтъ юности. Не все время жилось легко и беззаботно, иногда тоска и безнадежность сокрушали духъ. Наша ссылка была безсрочная. Въ заключеніи товарищи уѣзжали или переводились. Стронинъ уѣхалъ, Христофоровъ тоже, Шашковъ былъ переведенъ на югъ, Натансонъ тоже, какъ и Пругавинъ. Я оставался одинъ съ Ушаровымъ. Этотъ несчастный человѣкъ требовалъ постоянно опеки: онъ былъ неисправимый алкоголикъ. Послѣднюю зиму онъ простудился, получилъ воспаленіе легкихъ и умиралъ на моихъ рукахъ. Я хоронилъ его одинъ. Впечатлѣніе было тягостное. До послѣдней минуты я не оставлялъ его. Онъ умеръ въ казенной больницѣ, его положили въ коленкоровомъ халатѣ и башмакахъ, платье у него было свое, гробъ—казенный, несли гробъ служителя и уголовные ссыльные, живщіе въ городѣ. Пасмурный день, бѣдная церковь, желтыя свѣчи и этотъ трупъ въ халатикѣ уснувшаго страдальца, писателя-земляка—вотъ что осталось въ памяти. Ушаровъ былъ типъ подобный Якушкину, и мнѣ хотѣлось-бы сдѣлать портретъ этой личности.

Послѣ смерти Ушарова мое одиночество въ Шенкурскѣ стало еще тягостнѣе. Я съ полгода началъ переписку съ Петербургомъ и обратился къ бывшему тобольскому губернатору, члену совѣта министра Деспоту-Зеновичу, а также къ графу Соллогубу, занимавшемуся тюремнымъ вопросомъ, прося ихъ ходатайствовать о моемъ освобожденіи. Благодаря ходатайству этихъ лицъ и поданному прошенію на имя графа Шувалова, я былъ прощенъ и поѣхалъ въ Петербургъ.

Въ Петербургъ я ѣхалъ измученный ссылкой, изможденный, усталый нервный. Дорогой у меня сдѣлалось страшное сердцебіеніе, но я кое-какъ доѣхалъ до Петербурга въ 1874 г. Начались поиски за работой. Я писалъ въ *Дѣлѣ* и *Недѣлѣ*, въ этомъ году къ нашему горю любимая *Камско-Волжская Газета* прекратила существованіе: цензура ея была перенесена въ Москву. Причина—статьи о самарскомъ голодѣ.

Литературная работа въ первое время въ Петербургѣ давалась туго. Кромѣ того, я работалъ у графа Соллогуба, оканчивавшаго тюремные проекты. Графъ Соллогубъ—старикъ-чудакъ, вышедшій въ 70-хъ годахъ точно изъ мертвыхъ (въ 60-хъ годахъ онъ стушевался). Графъ всталъ сразу противъ ссылки, какъ наказанія, и въ своемъ проектѣ процитировалъ всю мою книгу. Въ этомъ отношеніи я считалъ долгомъ его поддерживать. Графъ иногда шутя говорилъ мнѣ: «А Сибирь мнѣ должна поставить

памятникъ!» Я его видѣлъ въ концѣ умирающимъ, полупомѣшаннымъ старикомъ. За его борьбу противъ ссылки и ясное пониманіе вреда для края, которое онъ выяснялъ, нельзя не воздать ему доброй памяти и признательности.

Въ другихъ вопросахъ съ графомъ мы не имѣли ничего общаго. У графа Соллогуба я встрѣчалъ массу разныхъ тюрьмовѣдовъ, преставителей министерствъ, генераловъ, профессоровъ. Здѣсь же я познакомился съ профессоромъ И. Я. Фойницкимъ, который явился солидарнымъ съ нами по вопросу о ссылкѣ. Чрезъ него я зналъ о всѣхъ проектахъ. Эти знакомства мнѣ дали возможность знать воззрѣнія разныхъ административныхъ лицъ и ученыхъ по вопросу о ссылкѣ. Въ то же время я учился быть представителемъ сибирскихъ интересовъ и ходатаемъ за Сибирь. Впослѣдствіи мои связи въ административныхъ кругахъ расширились.

Несмотря на эти сношенія съ высшими административными лицами, мое личное положеніе не улучшилось, и, работая у графа Соллогуба, я не имѣлъ никакого обезпеченія. Я явился разъ къ Некрасову въ *Отечественныя Записки*, и получилъ вѣжливый, но сухой пріемъ. Мнѣ предлагали принести статьи для образца. А между тѣмъ я уже написалъ книгу, которая произвела свое дѣйствіе. Даже Елисѣевъ, редакторъ *Отечественныхъ Записокъ*, не зналъ моей книги о Сибири.

Скоро судьба моя, однако, измѣнилась, и я почувствовалъ приливъ особой энергіи въ своей дѣятельности.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, по порученію Г. Н. Потанина, я познакомился съ корреспонденткой *Камско-Волжской Газеты* Аделаидой Θедоровной Барковой, жившей съ матерью въ Петербургѣ. Полгода она была моимъ почти секретаремъ, я совѣщался съ ней о дѣлахъ любимой *Камско-Волжской Газеты*, и это связало насъ духовными интересами. Въ 1874 году я женился на ней и нашелъ товарища, друга и сотрудника.

14 лѣтъ помогала мнѣ покойная жена моя Аделаида Θедоровна. Я не имѣлъ времени написать достойную оцѣнку всего, что она внесла въ мою жизнь и насколько содѣйствовала моему возрожденію къ общественной дѣятельности. Но если бы я и написалъ, я полагаю, что всего бы я не сказалъ, такъ велико было ея благотворное вліяніе. Ея обширное образованіе, знаніе нѣсколькихъ языковъ, ея характеръ, ея трудолюбіе и усердіе удвоивали и утроивали общіе труды наши. Ея участіе въ дѣлѣ покровительства и помощи учащимся сибирякамъ отмѣчено было въ некрологахъ ея, и юное поколѣніе увѣнчало вѣнкомъ ея могилу. Я узналъ, что можетъ внести женщина интеллигентная и умная въ жизнь человѣка. Я оцѣнилъ ее тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи я узналъ, какъ женщины разбиваютъ человѣческую жизнь и парализуютъ всякую дѣятельность.

Уже въ то время, когда Аделаида Θедоровна была моей невѣстой, мы ѣздили съ ней въ Нижній-Новгородъ устраивать дѣла погибавшей *Камско-Волжской Газеты* и проектировали новое изданіе провинціальныхъ сборниковъ: такой и появился въ лицѣ «Перваго шага», изданнаго въ Казани.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ была наша свадьба. Женясь, я былъ бѣднякомъ-литераторомъ, съ случайнымъ редакціоннымъ заработкомъ, но моя подруга не посмотрѣла на это, ее не остановила будущая бѣдность, она раздѣляла только мои лучшія цѣли и стремленія приносить пользу обществу и родинѣ. Начать семейную жизнь безбѣдно и въ удобной обстановкѣ была намъ возможность. Теща, мать Аделаиды Ѳедоровны Александра Ивановна Баркова, когда-то жена милліонера золотопромышленника, потеряла состояніе послѣ смерти мужа, но воспитала дочь своими заботами. Это было ея единственное сокровище, и она мнѣ его ввѣрила. Эта святая старушка опекала моихъ дѣтей, когда Аделаида Ѳедоровна умерла; до конца она любила меня, какъ сына, и сочувствовала и содѣйствовала моимъ планамъ и дѣятельности. Когда и она умерла черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти жены, я совершенно осиротѣлъ и чувствовалъ себя ужасно тяжело, одиноко. Страшная тоска сокрушала меня и я не находилъ уже такихъ неизмѣнныхъ друзей, такой нравственной поддержки. Я не могъ отдаваться такъ дѣятельности, какъ прежде. Непріятности и ухудшившіяся обстоятельсва убивали духъ мой, въ эти трудныя минуты я не находилъ близъ себя людей, которые бы меня поддержали. Я понялъ, какъ важно жить въ родной семьѣ, когда окруженъ попеченіями *).

Я часто бросался и искалъ людей, которые могли быть друзьями и поддержкой, но часто ошибался, и это увеличивало мое горькое чувство и напоминало о понесенной потерѣ. Я касаюсь этого, потому что это близкое настоящее и съ тѣмъ большею благодарностью и сладкимъ чувствомъ останавливаюсь на прошломъ.

Прежде всего мы начали съ покойной женой искать работы. Она дѣлала переводы и помѣстила переводъ Макъ-Гагана о походахъ въ Туркестанъ, я же началъ печатать статьи въ *Недѣлѣ* и въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Провинціальный вопросъ продолжалъ занимать меня, и въ *Недѣлѣ* я давалъ очерки, указывая на важность провинціальнаго и областного возрожденія. По этому поводу у меня написаны были «Провинціальныя письма» цѣлое profession de foi, которыя не были напечатаны, исключая одного письма въ *Молвѣ*. Письма эти мертвы въ моемъ архивѣ; *Недѣля* дала мѣсто моимъ мнѣніямъ, но онѣ такъ туго понимались въ столицѣ, что редакторъ П. А. Гайдебуровъ, прежде чѣмъ стать моимъ единомышленникомъ, долго ограничивалъ меня. Вопросъ запутался къ тому же новой тенденціей «о деревнѣ», которую проводилъ Червинскій (подъ именемъ Ч.). Русская интеллигенція, стремясь въ народъ, понимала подъ провинціальною дѣятельность въ деревнѣ для мужика. Это обуживало и дѣятельность и самую идею областного движенія. Мы разумѣли обобщеніе и пробужденіе интеллигентной жизни въ провинціи. Въ столицѣ, въ столичной печати, была самая неблагопріятная почва возбуждать вопросъ о провинціи. Вопросъ, по моему

---

*) Воспоминанія о женѣ моей Аделаидѣ Ѳедоровнѣ я желалъ бы написать для дочери Лидіи и постараюсь это выполнить.

имѣющій огромную важность въ гражданскомъ и политическомъ смыслѣ для развитія Россіи, вопросъ объ области и ея участіи въ жизни народной, поднятый Щаповымъ и установившій новое историческое воззрѣніе, рѣшительно былъ не понятъ. Для столичнаго жителя провинція—глушь, образецъ застоя, невѣжества, проявленіе грубыхъ инстинктовъ массы и крѣпостническихъ отжившихъ интересовъ. Провинціальная интеллигенція—мелочь-ничтожество, провинціальная печать—убожество. А между тѣмъ русская провинція и область просыпались. Работа уже въ одномъ земствѣ доказала, какая жизнь здѣсь могла быть сосредоточена. О группировкѣ провинціальной интеллигенціи и ея сплоченіи никто не думалъ. Теченіе «народничества» въ его общей расплывчатой неопредѣленной формѣ овладѣло столичнымъ направленіемъ. Но что такое народничество безъ участія высшей духовной и гражданской жизни въ провинціи? Такъ или иначе въ провинціальныхъ обозрѣніяхъ, въ столичныхъ журналахъ касались жизни провинціи, но вопросъ никогда не поднимался во всю ширь, глубину, и тонъ провинціальной защиты никогда не возвышался такъ, какъ вырвался у насъ въ областной печати, и въ *Камско-Волжской Газетѣ* и въ «Первомъ шагѣ».

Въ столицѣ въ журналистикѣ даже сторонники провинціи Шелгуновъ, Мордовцевъ являлись болѣе централизаторами. Послѣ статей Мордовцева я написалъ отвѣтъ ему: «Одинъ изъ русскихъ централизаторовъ» *(Недѣля)*. Увѣрившись, что русская провинція совсѣмъ не имѣетъ представителей въ столицѣ, и что она не сгруппировалась, не созрѣла, не выработала программы, я обратился снова къ нашимъ сибирскимъ дѣламъ. Впослѣдствіи я убѣдился, какъ слабо проявлялась вообще областная идея и областное единеніе въ Европейской Россіи. Оно живо выражено было только на окраинахъ. Въ Великороссіи же всегда господствовала идея централизаціи, и это наложило историческую, традиціонную и наслѣдственную печать на русскую интеллигенцію и на центральную столичную печать. Впослѣдствіи эта привычка разсматривать народную жизнь съ централистической точки зрѣнія перешла и въ либеральныя, оппозиціонныя, народническія и революціонныя теоріи. Централисты-бюрократы смѣняются централистами-культуртрегерами, централистами, идущими въ народъ, централистами-якобинцами и т. д. Интеллигенція давно пріучилась смотрѣть на народъ, область, провинцію свысока и мнитъ распоряжаться его судьбами, производить реформы, перевороты изъ какого-либо центра, заставляя народъ подчиняться тѣмъ или другимъ направленіямъ. Физическая сила централистовъ можетъ смѣниться какой-либо организаціей бюрократической или партійной, но не измѣнитъ своего характера и тенденціи. Примѣръ—Франція. Центральная, великорусская, московская Россія долго, вѣроятно, останется централистской и областныя теченія ей останутся непонятны.

Видя непониманіе чувствъ, наклонностей, стремленій мѣстныхъ и нуждъ, областникъ или окраинецъ сторонится отъ централистовъ интеллигентовъ, замыкается въ себя или продолжаетъ свою дѣятельность въ провинціи. Я

замѣчалъ также, какъ провинціалъ или областникъ превращался постепенно въ столицѣ въ централиста *).

Получивъ разочарованіе въ столицѣ въ смыслѣ сочувствія своимъ областнымъ симпатіямъ, областникъ и провинціалъ тѣмъ болѣе сосредоточивался на своей идеѣ.

Я остался вѣренъ своей родинѣ и началъ тѣмъ усиленнѣе проводить сибирскіе вопросы въ столичную печать. Я сталъ давать отдѣльныя статьи, фельетоны въ газеты и приносить даже корреспонденціи съ извѣстнымъ направленіемъ. Въ это время я сотрудничалъ въ *Недѣлѣ*, въ *Голосѣ*, въ *Молвѣ* (*Биржев. Вѣдом.* Полетики). По вопросу о ссылкѣ, протестуя противъ нея, я помѣстилъ цѣлый рядъ статей и даже началъ статьи полемическія: противъ Маслова—Отвѣтъ въ *Голосѣ* и противъ Спасовича въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ—Открытое письмо Спасовичу. Спасовичъ, описывая тюрьму предварительнаго заключенія, коснулся вопроса о ссылкѣ, упомянулъ о новыхъ проектахъ, легкомысленно рѣшающихъ зачеркнуть это наказаніе, наконецъ выразился, что Сибирь обязана заселеніемъ ссыльнымъ. Я написалъ горячее возраженіе. (Впослѣдствіи чрезъ нѣсколько лѣтъ Спасовичъ самъ сдѣлался противникомъ штрафной колонизаціи и дѣлалъ докладъ объ этомъ). Точно также я дѣлалъ доклады и прислалъ рефератъ о ссылкѣ въ юридическое общество. Уголовный вопросъ сталъ моей спеціальностью и меня считали тюрьмовѣдомъ, какимъ я на самомъ дѣлѣ не былъ.

Точно также я посвятилъ статьи и другимъ сибирскимъ вопросамъ, наприм., по вопросу о золотопромышленности—«Убытки золотого дѣла» (*Петербург. Вѣдом.* 1874 г. № 301—308) и «наши аргонавты» (*Недѣля*) подъ псевдонимомъ «Гаврила Мошаровъ». Мошаровъ былъ піонеръ золотопромышленникъ. При этомъ случился слѣдующій курьезъ. Увидя эту фамилію, какой-то аристократъ—камеръ-юнкеръ началъ выпытывать въ редакціи, кто писалъ статью. Я разрѣшилъ сказать. Явясь ко мнѣ, это лицо объявило себя наслѣдникомъ проданнаго его отцу Мошаровымъ участка земли, и онъ принялъ меня за потомка Мошарова. Конечно, недоразумѣніе разъяснилось. Въ статьѣ я поднималъ вопросъ о помощи рабочимъ и облегченіи ихъ судьбы. Точно также пришлось напомнить о созданіи университета въ Сибири. У Сидорова были собранія и думали основать общество для собиранія пожертвованій.

Въ 1875 г. зимою я узналъ, что въ Западную Сибирь назначается новый генералъ-губернаторъ Н. Г. Казнаковъ. Отъ извѣстнаго сѣвернаго дѣятеля М. К. Сидорова, съ которымъ я велъ знакомство много лѣтъ, я узналъ о личности новаго генералъ-губернатора. Оказалось, что онъ интересовался литературой о Сибири и собиралъ свѣдѣнія по вопросу о сибирскомъ университетѣ. Я просилъ Сидорова познакомить меня съ нимъ и

*) Изъ писателей малороссовъ—Мордовцевъ, Гайдебуровъ, Гусевъ (фельетонистъ), Абрамовъ и друг.

представился генералу Казнакову. Онъ совершенно очаровалъ меня. Показалъ мнѣ, что онъ читалъ книгу Наумова, мою книгу «Русская община» и вообще интересуется живо сибирскими вопросами.—Скажите, что я могу сдѣлать для Сибири?—спрашивалъ онъ. Передавъ на словахъ о нуждахъ нашей окраины, я просилъ позволенія представить ему записки и проекты по главнымъ вопросамъ, между прочимъ о ссылкѣ, съ программой, какія необходимо собрать свѣдѣнія о современномъ положеніи ссылки и по исторіи сибирскаго университета и настоятельной потребности въ немъ.

Мысль объ университетѣ живо заняла генералъ-губернатора Казнакова.

Я былъ въ восторгѣ, что нашелъ администратора, который такъ живо интересовался сиб. вопросомъ. Возвратясь домой я передалъ моему другу, женѣ моей, о впечатлѣніи и принятомъ обѣщаніи написать рядъ записокъ.

Мой дорогой преданный другъ и товарищъ раздѣлилъ мою радость, мои надежды; она знала какъ я любилъ свою родину, какъ я желалъ ей блага. Однако вслѣдъ за этимъ явился одинъ практическій вопросъ. За записками я долженъ былъ проработать съ мѣсяцъ или недѣль 6 и оставить текущіе заработки по журнальной работѣ. Какъ быть?—Не безпокойся, сказала Адел. Федоров., какъ нибудь устроимся. Работай, пиши и пользуйся случаемъ, такой рѣдко выпадетъ!—Я полагался на нее и не спросилъ, гдѣ мы добудемъ денегъ, чтобы жить.

Въ нѣсколько недѣль я кончилъ записки, а у жены, какъ замѣтилъ куда-то исчезли два дорогіе золотые браслета, принесенные ею въ приданое. Я догадался и горячо поцѣловалъ эти руки, которыя отдали свое приданое въ долю другого приданаго, другой невѣстѣ, моей родинѣ, начинавшей новую жизнь и обновленіе.

Записки я приносилъ г. Казнакову, и каждый разъ наши бесѣды становились продолжительнѣй. Онъ сознавалъ хорошо вредъ ссылки и настоятельную надобность университета. Когда я ему передалъ послѣднія работы, я нашелъ Н. Г. Казнакова въ мундирѣ, воротившагося изъ дворца. Онъ передалъ мнѣ радостную вѣсть, что по его докладу государь согласился на созданіе университета въ Сибири и поручилъ выработать ему проектъ. Н. Г. Казнаковъ поздравилъ меня, какъ сибиряка, и поцѣловалъ. Я принялъ этотъ привѣтъ и поздравленіе новаго друга Сибири. Для Сибири начиналась новая заря. Я писалъ въ это время цѣлый рядъ статей въ «Голосѣ» по поводу назначенія новаго генепалъ-губернатора и тѣхъ ожиданій, какія наполняютъ Сибирь. Я напоминалъ какъ ждала Сибирь Сперанскаго, какъ ждетъ она давно правосудія и т. д. Статьи эти были раскатами петербургскаго грома надъ трепетавшими сибирскими чиновниками, успокоившимися при Хрущовѣ и погрузившими Сибирь въ застой, мракъ и безгласность.

Мы проводили ген.-губ. Казнакова. Предъ отъѣздомъ онъ сказалъ мнѣ, что постарается оправдать наши ожиданія. Дѣйствительно, скоро донеслись извѣстія, какое впечатлѣніе произвелъ его въѣздъ въ Сибирь. Многіе бросили мѣста, чуя грозу. Онъ атаковывалъ встрѣтившихъ его чиновниковъ

неожиданными вопросами о сибирскихъ дѣлахъ, о ссылкѣ, и всѣ изумлялись, откуда новый генералъ-губернаторъ узналъ все это. Въ Сибири привыкли видѣть генералъ-губернаторовъ незнакомыми съ мѣстными дѣлами и брали ихъ въ руки. Здѣсь было наоборотъ. Генералъ-губернаторъ Казнаковъ явился какъ бы ревизоромъ.

Я остался въ Петербургѣ, окончивъ свою миссію адвоката—Саломатова, подававшаго петиціи.

Въ Петербургъ явился и освобожденный мой другъ Г. Н. Потанинъ. Мы радостно встрѣтились и часто видѣлись. Онъ писалъ по порученію П. П. Семенова прибавленіе къ «Землевѣдѣнію» Азіи Риттера. Въ это время онъ былъ женатымъ. Все измѣнилось, и люди, бывшіе въ опалѣ, въ ссылкѣ, появились вновь у очага сибирскихъ дѣлъ.

Лѣтомъ мы уѣзжали въ деревню къ нашимъ родственникамъ, а зимой я жилъ въ Петербургѣ.

Зимой 1875 г. я познакомился и видѣлся часто съ сибирскимъ путешественникомъ и милымъ человѣкомъ П. А. Ровинскимъ. Это бывшій профессоръ, дѣятель 60-хъ годовъ, живучая, страстная натура, любившая Сибирь (онъ жилъ долго въ Славянскихъ земляхъ и Черногоріи). Мы много говорили съ нимъ о томъ, что назрѣло время для сибирской печати и необходимо было бы издавать хотя сборники. Ровинскій предложилъ мнѣ познакомиться съ Б. А. Милютинымъ, служившимъ въ Вост. Сибири и издававшимъ тамъ даже газету. У него была мысль издавать газету *Востокъ* въ Петербургѣ. Онъ ходатайствовалъ, но ее не разрѣшили, потому что при Лонгиновѣ—начальн. главн. управ. печати,—былъ періодъ, когда на увеличеніе газетъ смотрѣли не особенно благосклонно.

Цѣлую зиму шли совѣты. Я посѣщалъ собранія у Милютина, но дѣло не выгорѣло. За то выгорѣло другое. Нашъ пріятель А. П. Нестеровъ въ Иркутскѣ пріобрѣлъ газету *Сибирь* отъ Клиндера, газету, захирѣвшую въ неумѣлыхъ рукахъ. Сначала телеграфировали намъ, чтобы мы взяли эту газету въ Петербургъ, и я хотѣлъ дѣйствительно передать ее Милютину, войдя и съ своей редакціей (Наумовъ, Потанинъ и я были на-лицо въ Петербургѣ). Но комбинація эта не удалась въ виду разницы нашихъ воззрѣній и кружка Милютина. Газетѣ суждено было остаться въ Иркутскѣ; въ ней приняли участіе Нестеровъ, Вагинъ, Загоскинъ, и газета просуществовала много лѣтъ. Во все время мы ее поддерживали дѣятельнымъ сотрудничествомъ.

При выходѣ ея съ новой редакціей однако случился курьезъ.

Въ Иркутскѣ у редактора и издателей иркутскій полицеймейстеръ (впослѣдствіи судившійся за поджогъ и разныя преступленія) произвелъ обыскъ по тому поводу, что редакція имѣетъ сношеніе съ сепаратистами Потанинымъ и Ядринцевымъ, хотя мы были давно свободные люди. Этотъ самовольный поступокъ не получилъ одобренія со стороны властей въ Иркутскѣ, и газета начала выходить. Какія она испытала въ Иркутскѣ гоненія и препятствія впослѣдствіи, изложено въ одной хроникѣ въ *Отеч. Запи-*

скахъ (не помню годъ, 1880 или 81 года). Во время пребыванія въ Петербургѣ я дѣятельно корреспондировалъ въ газету. Познакомился я и съ будущимъ попечителемъ и строителемъ сибирскаго университета И. М. Флоринскимъ. Проектъ университета вырабатывался, но спалъ вопросъ гдѣ основать его—въ Омскѣ или въ Томскѣ. Я стоялъ за Томскъ.

Зимою 1876 г. пріѣхалъ въ Петербургъ генералъ-губернаторъ Казнаковъ и при свиданіи пригласилъ меня на службу. Предложеніе было соблазнительное—опять видѣть родину. Генералъ сказалъ: «Ядринцевъ, поѣдемте со мной, вы любите свою Сибирь, вы такъ изучили ея нужды, ея вопросы, будемъ работать вмѣстѣ».—Это было приглашеніе благороднаго администратора и вызовъ патріота. Я понялъ все довѣріе нашимъ добрымъ желаніямъ, нашимъ взглядамъ. Но для вступленія на службу у меня не было никакихъ правъ, я жилъ по паспорту, взятому изъ Архангельской губ. Когда я передалъ предложеніе генералъ-губ. роднымъ и женѣ и спросилъ, согласны ли они будутъ, чтобы я вступилъ на службу и оставилъ Петербургъ, они благословили меня и дали согласіе. Мы продали все свое имущество, оставили свою уютную квартирку въ Петербургѣ, гдѣ такъ покойно жилось, я взялъ жену, ребенка и кормилицу и повезъ въ Сибирь. Ѣхалъ на свой счетъ, такъ какъ разрѣшенія на службу не было, и оно пришло чрезъ полгода въ Омскъ, пройдя чрезъ комитетъ министровъ. При опредѣленіи моемъ были солидныя рекомендаціи въ виду моихъ литературныхъ работъ.

Исторія моей службы длилась около 5 лѣтъ въ Омскѣ. Я писалъ массу проектовъ для ген.-губернатора, между прочимъ о положеніи ссылки. Записка представлена была министру.

Совершилъ въ это время 2 экспедиціи въ Алтай. Во все время генералъ-губернаторъ покровительствовалъ мнѣ, но чиновники не любили меня.

За отличіе я былъ представленъ къ чину, но меня не утвердили, такъ какъ на основаніи циркуляра къ 1-му чину за отличіе не представляютъ, а нужно прослужить весь срокъ—для меня 9 лѣтъ.

П. Г. Казнаковъ заболѣлъ и выѣхалъ въ Петербургъ. А я послѣ экспедиціи въ Алтай рѣшилъ тоже оставить службу и обратился къ литературной дѣятельности. Объ этой новой эпохѣ жизни я напишу когда-нибудь.

Время управленія П. Г. Казнакова было выдающимся управленіемъ, и я о немъ, если будетъ время, сообщу подробнѣе.

Персія и персидскій вопросъ въ англійской политикѣ.

Whigham: «The Persian problem an examination of the rival positions of Russia and Great Britain in Persia with some account of the Persian Gulf and the Bagdad railway». London, 1903.

Книга Унгэма о Персіи представляетъ большой интересъ для англійскихъ читателей. Персидскій вопросъ одинъ изъ важныхъ вопросовъ англійской политики на востокѣ. Авторъ вышеуказаннаго сочиненія полагаетъ, что въ исторіи Персіи наступилъ критическій моментъ, когда долженъ рѣшиться вопросъ о томъ, какой изъ Европейскихъ державъ будетъ принадлежать главенство въ Персіи и Персидскомъ заливѣ. Персія, какъ страна съ отсталой культурой, неминуемо должна подчиниться культурному вліянію Европы, именно того государства, въ чьихъ интересахъ будетъ оказать это вліяніе. Таками являются сосѣдняя съ Персіей Россія и Англія. Англія въ своихъ индійскихъ владѣніяхъ также входитъ въ близкое соприкосновеніе съ Персіей и въ высокой степени заинтересована въ томъ, чтобы сохранить и упрочить свое вліяніе на коммерческую и политическую жизнь этой страны. Россія держится вполнѣ опредѣленной политики въ Персіи. Въ виду этого Унгэмъ полагаетъ, что для Англіи крайне важно имѣть отчетливое представленіе о положеніи дѣлъ въ современной Персіи для того, чтобы во всеоружіи бороться со своей соперницей.

Какъ морская держава, Англія всего болѣе заинтересована въ томъ, чтобы укрѣпить свое вліяніе на всемъ побережьѣ Персидскаго залива и оттуда при помощи желѣзныхъ дорогъ овладѣть внутреннимъ рынкомъ страны. Такъ намѣчаетъ Унгэмъ основные пункты англійской политики на востокѣ. Особенно онъ настаиваетъ на постройкѣ желѣзно-дорожной сѣти, соединяющей рынки Персіи и Мессопотаміи съ заливомъ. Въ этомъ отношеніи онъ расходится съ мнѣніемъ лорда Керсона, который въ своемъ капитальномъ трудѣ о Персіи («Persia») высказался отрицательно по отношенію къ желѣзно-дорожнымъ предпріятіямъ въ Персіи, признавая за ними значеніе лишь въ отдаленномъ и весьма туманномъ будущемъ. Но со времени изданія книги Керсона прошло болѣе 10 лѣтъ. Положеніе дѣлъ въ Персіи становится все болѣе неустойчивымъ. «Наступилъ критическій мо-

ментъ,—говоритъ Уигэмъ,—когда вопросъ о преобладающемъ значеніи въ Персіи и Персидскомъ заливѣ долженъ окончательно разрѣшиться. Этотъ вопросъ касается не только нашей торговли въ этой части свѣта, а съ нею вмѣстѣ благополучія сотенъ тысячъ британскихъ подданныхъ въ Индіи, отъ него зависитъ миръ и безопасность нашихъ индійскихъ владѣній, слѣдовательно, въ конечномъ счетѣ судьба самой британской имперіи». Поэтому, пассивная и бездѣятельная политика Англіи, ставящая своей единственной цѣлью сохранять status quo ante, можетъ имѣть только одинъ результатъ: Англія рискуетъ потерять свое вліяніе на жизнь страны, уступивъ свое мѣсто Россіи, которая, по общему признанію всѣхъ писателей о Персіи послѣ Керсона, уже прочно утвердила свой авторитетъ въ сѣверной Персіи. Всѣ они почти единогласно считаютъ естественнымъ раздѣленіе Персіи на двѣ части: сѣверную, гдѣ преобладающее вліяніе будетъ принадлежать Россіи, и южную, гдѣ будетъ господствовать Англія. Но Уигэмъ надѣется доказать въ своей книгѣ, что Англія можетъ съ успѣхомъ соперничать съ Россіей на протяженіи всей страны, разъ она твердо и сознательно будетъ преслѣдовать свои интересы въ Персіи. «Разстояніе,—говоритъ онъ,—не всегда измѣряется милями. Въ настоящее время, если говорить объ издержкахъ и удобствахъ транспорта, Тегеранъ только немногимъ ближе къ коммерческимъ центрамъ Россіи, чѣмъ къ Манчестеру. Если же Персія покроется сѣтью желѣзныхъ дорогъ, равно доступныхъ для всѣхъ націй, рынки сѣверной Персіи, безъ сомнѣнія, будутъ болѣе доступны англійскимъ товарамъ, чѣмъ русскимъ. Доставка товаровъ моремъ черезъ заливъ, а оттуда 500 или 600 миль по желѣзной дорогѣ до Тегерана обойдется дешевле, чѣмъ доставка ихъ по желѣзной дорогѣ отъ Москвы до Тегерана. Этотъ фактъ первостепенной важности совершенно игнорируется большинствомъ писателей о персидскомъ вопросѣ». Желѣзно-дорожныя предпріятія настолько важны, по мнѣнію Уигэма, что не слѣдуетъ смущаться тѣмъ, что предыдущія попытки были неудачны: безъ проведенія желѣзныхъ дорогъ невозможно ни одно сколько-нибудь значительное промышленное предпріятіе, ни разработка минеральныхъ богатствъ Персіи. Необходимыя для этого средства найдутся, если англійское правительство не откажется дать нѣкоторыя гарантіи предпріятію. Иного исхода для Англіи нѣтъ, въ виду того, что «Россія уже тратитъ ежегодно огромныя суммы на поддержку своихъ торговыхъ сношеній съ Персіей: она вложила болѣе 350,000 фун. ст. въ тегеранскую желѣзную дорогу и впредь не остановится ни передъ какими жертвами». Англіи придется предоставить Персію Россіи, и тогда чѣмъ скорѣе она это сдѣлаетъ, тѣмъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Но такая политика была бы унизительна для Англіи, и, по мнѣнію Уигэма, нѣтъ достаточныхъ основаній для того, чтобы избрать подобный исходъ. Путешествіе по Персіи привело автора къ убѣжденію, что торговля Англіи, вопреки существующему мнѣнію, вовсе не клонится къ упадку даже въ сѣверной Персіи, что успѣхи Россіи объясняются покровительственной политикой русскаго правительства, а отнюдь не естествен-

ными условіями развитія страны. «Средство борьбы одно: улучшить пути сообщенія и постепенно подчинить британскому вліянію южную Персію. Улучшить пути сообщенія можно только проведеніемъ желѣзно-дорожныхъ линій. Это дѣло исключительной важности, и защиту этого положенія я ставлю основной темой своего изложенія».

Такова основная точка зрѣнія автора на Персію и на ту роль, какую предстоитъ сыграть Россіи и Англіи въ исторіи этого государства. Книга его, какъ это ясно изъ самаго заглавія ея, не менѣе интересна для русскаго читателя, чѣмъ для англійскаго. И если мы не можемъ ожидать отъ автора безпристрастія, зато онъ живо и интересно затрогиваетъ самые насущные вопросы экономической и политической жизни Персіи. Вполнѣ понятно, что въ Англіи его книга, снабженная картами и иллюстраціями, прекрасно пополняющими текстъ, считается однимъ изъ самыхъ популярныхъ и цѣнныхъ трудовъ о Персіи.

Авторъ описываетъ свое путешествіе по берегамъ Персидскаго залива, Мессопотаміи и западной Персіи. Онъ посѣтилъ всѣ болѣе или менѣе значительныя гавани въ заливѣ, какъ на персидскомъ, такъ и на арабскомъ берегу, и даетъ въ своей книгѣ самый тщательный отчетъ о томъ, каково настоящее и будущее значеніе всѣхъ этихъ портовъ.

У самаго входа въ Персидскій заливъ на арабскомъ берегу находится городъ Маскатъ. По своему положенію онъ имѣетъ большое значеніе для залива. Въ исторіи послѣдняго Маскатъ всегда игралъ большую роль. Маскатъ лежитъ на скалистомъ берегу Омана и имѣетъ хотя небольшую, но довольно помѣстительную гавань, хорошо защищенную отъ сѣверо-восточнаго вѣтра. Достаточно небольшихъ усилій, чтобы превратить ее въ прекрасный портъ, недоступный съ суши и съ моря, гдѣ свободно могутъ стоять на якорѣ 6 или 7 военныхъ судовъ. При настоящихъ условіяхъ маленькая канонерка, помѣщенная у входа въ бухту Маската, можетъ обратить въ щепки султанскій дворецъ. Но совершенно беззащитный сегодня, Маскатъ завтра можетъ быть сдѣланъ недоступнымъ и защищать входъ въ Персидскій заливъ. Бендеръ-Абасъ, который расположенъ также у входа въ заливъ, на другой сторонѣ его, служитъ предметомъ усиленнаго вниманія со стороны Россіи, между тѣмъ какъ Франція всегда была готова оказать давленіе при дворѣ маскатскаго султана. Исторія Маската поможетъ намъ уяснить, какое положеніе занимаетъ Англія по отношенію къ аравійскому берегу и въ частности къ правительству Омана.

Послѣ паденія португальскаго владычества, Маскатъ подпалъ подъ власть великаго Надира, шаха персидскаго. Но персидское иго скоро было свергнуто Ахметомъ-Бинъ-Саидомъ, который положилъ начало теперешней династіи въ 1741 г., а въ 1769 г. Маскатъ окончательно отказался платить дань Персіи за исключеніемъ арендной платы за территорію Бендеръ-Абаса, внутри самой Персіи. Слѣдующее столѣтіе свидѣтельствуетъ о возвышеніи и паденіи могущества Омана. Ахметъ-Бинъ-Саидъ и сынъ его распростра-

нили свое морское могущество отъ Занзибара на африканскомъ берегу до Гвадура и Бендеръ-Абаса въ Персіи и угрожали даже Буширу и Басрѣ. Но завоеваніе африканскаго берега уничтожило значеніе Маската, какъ морской державы, такъ какъ Сеидъ († 1856 г.) перенесъ свою резиденцію въ Африку, основательно предпочитая тропическую растительность и менѣе сухой климатъ Занзибара безплоднымъ скаламъ Маската, и если бы не постоянное вмѣшательство Великобританіи, Маскатъ давно бы подпалъ подъ власть Негуса.

Первый договоръ Англіи съ Маскатомъ относится къ 1798 году. На основаніи его Франція и Данія лишились права торговли въ Маскатѣ. Постоянный агентъ при дворѣ султана поселился только съ 1840 г., но нездоровый климатъ аравійскихъ высотъ заставилъ его перенести мѣсто своего жительства въ Занзибаръ до того времени, пока оба султанства раздѣлились. Сеидъ-Седъ поддерживалъ самыя дружескія отношенія съ Великобританіей, даже принялъ участіе въ войнѣ 1819—20 гг. противъ пиратовъ и, что всего удивительнѣе, былъ союзникомъ Англіи въ борьбѣ противъ рабства (съ 1822 г.). Но вмѣшательство Англіи, то и дѣло вызывавшей султана въ Аравію на защиту Маската, могло только временно сохранить независимость послѣдняго. Тѣмъ болѣе, что послѣ смерти Сеидъ-Седа Занзибаръ и Маскатъ раздѣлились, причемъ султанъ Занзибара обязался платить 7,200 рупи ежемѣсячно своему старшему брату Тойени, получившему болѣе бѣдную провинцію Маскатъ. Это соглашеніе состоялось, благодаря посредничеству лорда Каннинга. Въ настоящее время престолъ Маската принадлежитъ Фейзулу, племяннику Тойени. Онъ признанъ британскимъ правительствомъ и находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ англійскимъ дипломатическимъ агентомъ.

Исторія Маската показываетъ, что въ самый критическій моментъ, когда существованію города грозила серьезная опасность (1840—1866 гг.), Англія рѣшительнымъ вмѣшательствомъ спасла столицу своего вѣрнаго союзника Сеидъ-Седа. Но, съ другой стороны, она не сдѣлала ничего, чтобы сохранить территорію, принадлежащую Маскату, отъ захвата ея Персіей. Конечнымъ результатомъ такой политики было то, что въ 1870 году султанъ окончательно потерялъ Кизмъ, Ормузъ и Бендеръ-Абасъ. Въ данномъ случаѣ, много потеряла и Англія, допустивъ Персію утвердиться на берегахъ залива. Вмѣсто того, чтобы имѣть дѣло съ послушнымъ и дружественно расположеннымъ къ ней арабскимъ правителемъ, она должна считаться теперь со слабой восточной державой, подчинившейся вліянію Россіи.

Всѣ прошлыя заслуги Англіи по отношенію къ Маскату, а также то обстоятельство, что субсидія, которую Занзибаръ обязался уплачивать Маскату, получается только подъ давленіемъ авторитета Англіи, такъ какъ само по себѣ правительство Маската безсильно отстоять свое право: оно настолько беззащитно, что только англійскія канонерки охраняютъ его отъ чужеземнаго вторженія,—всѣ эти условія, несомнѣнно, создали практическій протекторатъ Англіи надъ государствомъ Омана. Правда, султанъ еще

пользуется привилегіей договоровъ, заключенныхъ его дѣдомъ съ Франціей и Америкой, но не слѣдуетъ забывать, что соглашеніе съ Франціей отъ 1844 г. было заключено съ разрѣшенія Англіи и не помѣшало послѣдней получить протекторатъ надъ Занзибаромъ въ 1890 г.

Ясно, что Англія имѣетъ въ Маскатѣ права, которыя она будетъ отстаивать, и прежде всего она должна будетъ опредѣлить свои отношенія съ Франціей, которая въ 1894 г. учредила свое консульство въ Маскатѣ. До того времени Франція всегда оказывала противодѣйствіе борьбѣ Англіи съ работорговлей въ Персидскомъ заливѣ, покрывая своимъ флагомъ грузъ работорговцевъ. Подъ французскимъ флагомъ послѣдніе вели торговлю рабами совершенно безнаказанно. Это вызвало въ 1891 г. указъ маскатскаго султана, одобренный правительствомъ остъ-индскихъ колоній, предупреждающій его подданныхъ противъ такихъ дѣйствій. Но съ тѣхъ поръ индійское правительство дважды доводило до свѣдѣнія султана, что суда работорговцевъ попрежнему покрываются французскимъ флагомъ. И до сихъ поръ положеніе не измѣнилось: всѣ лучшія намѣренія султана въ его борьбѣ съ работорговцами разбиваются о противодѣйствіе французскаго консула, между тѣмъ какъ британское правительство уклоняется отъ всякаго активнаго вмѣшательства. Но когда Франція сдѣлала попытку держаться той же тактики въ Занзибарѣ, Англія приняла самыя рѣшительныя мѣры. Вся разница въ томъ, что англо-германское соглашеніе отъ 1890 года отдало Занзибаръ и его колоніи подъ покровительство Англіи. Морально послѣдняя имѣетъ такое же право употреблять всѣ усилія для прекращенія работорговли въ Маскатѣ, но официально она можетъ дѣйствовать здѣсь только черезъ посредство султана. И было бы непростительнымъ попустительствомъ не помочь ему въ его стремленіи уничтожить рабство въ странѣ и этимъ поднять ея культурный уровень. Такая политика въ концѣ концовъ только дискредитировала бы Англію въ глазахъ арабскаго правительства.

Трудно, конечно, повѣрить, что французское правительство или общественное мнѣніе рѣшились бы поддерживать работорговцевъ, если бы дѣло было доведено до ихъ свѣдѣнія. Но какъ бы то ни было, вопросъ имѣетъ свою политическую подкладку. Прошло всего 4 года съ тѣхъ поръ, какъ П. Оттави (французскій консулъ въ Маскатѣ) вошелъ въ тайное соглашеніе съ султаномъ, по которому послѣдній уступилъ французскому правительству для стоянки морскихъ судовъ маленькій портъ Джиссу въ 5 миляхъ къ юго-западу отъ Маската. Дѣло раскрылось, благодаря одной статьѣ во французской прессѣ, и британскій адмиралъ потребовалъ расторженія договора подъ угрозой немедленной бомбардировки.

Этотъ фактъ даетъ еще и еще лишнія указанія противъ политики невмѣшательства тамъ, гдѣ аггрессивная политика другихъ державъ требуетъ въ отвѣтъ рѣшительныхъ дѣйствій. Правда, Англія высказалась принципіально противъ всякихъ захватовъ въ Оманѣ, какъ и вообще на Аравійскомъ полуостровѣ, кромѣ Адена. Больше того, уже болѣе 40 лѣтъ суще-

ствуетъ соглашеніе между Англіей и Франціей, по которому обѣ державы отказываются отъ всякихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ государствѣ Омана. Но обстоятельства налагаютъ на Англію извѣстное обязательство активной поддержки по отношенію къ Маскату, такъ какъ фактически между нею и султаномъ существуютъ отношенія протектората. Онъ получаетъ отъ Англіи субсидію; британскій агентъ является его главнымъ совѣтникомъ; капиталистическое развитіе его страны зависитъ отъ торговыхъ сношеній съ Индіей. Авторитетъ султана лишенъ всякаго реальнаго значенія, и Оманъ можетъ развиваться только подъ покровительствомъ европейской державы, причемъ вся прошедшая исторія его указываетъ, что такой державой должна быть Англія.

Политика Англіи въ Персидскомъ заливѣ—одинъ изъ самыхъ блестящихъ эпизодовъ въ исторіи Англіи XIX столѣтія. Несмотря на то, что Великобританія столько разъ имѣла случай занять ту или иную часть аравійской территоріи, каждый разъ она рѣшительно отказывалась отъ этого, заботясь единственно о сохраненіи мира въ Персидскихъ и Аравійскихъ водахъ. Она уничтожила пиратовъ и своей борьбой противъ рабства возбудила противъ себя ненависть среди арабовъ полуострова. Начиная съ 1822 года Англія постепенно ограничиваетъ права работорговли путемъ договоровъ съ отдѣльными племенами, и въ настоящее время рабство въ Оманѣ и Заливѣ — такое же преступленіе противъ законовъ, какъ и въ Нью-Йоркѣ. Британскія военныя суда однѣ только въ борьбѣ съ этимъ зломъ подвергали себя невзгодамъ знойнаго климата страны. Въ благодарность—англичане стали ненавистны всѣмъ, чьи интересы они затронули своей политикой. Но передъ этимъ останавливаться не приходится: непопулярности должно противопоставить строгость политическаго контроля, и прямая обязанность Англіи не допустить, чтобы какая-либо держава путемъ захвата укрѣпилась на побережьѣ Аравійскаго полуострова или Персидскаго залива вообще. Съ этой точки зрѣнія авторъ взвѣшиваетъ всѣ шансы, какія имѣетъ Англія во всѣхъ портахъ залива.

Маленькій архипелагъ, гдѣ Барейнъ и Магаракъ самые значительные острова, является центромъ ловли жемчуга въ Персидскомъ заливѣ. Его прошлое полно превратностей, включая сюда неизбѣжное завоеваніе португальцами, персидское иго, покореніе ихъ Маскатомъ и нападенія вагабитовъ, турокъ, египтянъ и агличанъ.

Въ настоящее время на островахъ господствуетъ племя утуби, которое переселилось сюда съ материка въ XIII столѣтіи и съ тѣхъ поръ утвердилось тамъ подъ защитой Великобританіи. Въ 1815 году правитель Барейна обратился къ англійскому резиденту за помощью противъ Маската. Но годъ или два спустя онъ измѣнилъ Англіи, соединившись съ пиратами, которые свирѣпствовали въ то время въ заливѣ. Въ 1820 году Барейнъ присоединился къ соглашенію Англіи противъ морскихъ разбойниковъ. Въ послѣдующіе годы правители утуби своей насильственной и безумной по-

литикой сдѣлали все возможное, чтобы исчерпать богатства своей плодородной страны и обратить ее въ пустыню.

Въ это время имамъ маскатскій обратился къ Англіи съ просьбой подчинить своей власти острова, чтобы спасти ихъ отъ окончательнаго паденія, но британское правительство, вѣрное своей политикѣ, отказалось отъ этого шага. Между тѣмъ дѣла въ Барейнѣ шли все хуже, и правители его нѣсколько разъ обращались къ Англіи съ просьбой принять сюзеренитетъ, но Англія всегда уклонялась отъ территоріальныхъ захватовъ въ заливѣ. Вслѣдствіе внутреннихъ смутъ Барейнъ дѣлается открытымъ для притязаній со стороны Турціи, которая всегда устремляла жадные взоры на аравійскій берегъ. Въ результатѣ — британское правительство заключило въ 1861 году договоръ съ шейхомъ, воспрещавшій ему разбои, войну, торговлю рабами; взамѣнъ ему обезпечивалась помощь Великобританіи на случай чужеземнаго вторженія. Далѣе, въ 1880 г. состоялось слѣдующее соглашеніе, по которому шейхъ обязуется не заключать договоровъ, не держать угольныхъ запасовъ для иностранныхъ державъ и не принимать ихъ консуловъ безъ согласія Англіи. Въ 1892 году шейхъ обязался не отчуждать своей территоріи иностраннымъ державамъ. Барейнъ принялъ также участіе въ договорѣ отъ 1847 г. противъ работорговли, а соглашеніемъ 1861 г. онъ открытъ для всѣхъ предметовъ британскаго ввоза изъ 5% ad valorem.

Итакъ, за послѣднія 100 лѣтъ Барейнъ очутился подъ покровительствомъ Англіи,—таковъ былъ результатъ политики, въ силу которой Англія такъ упорно воздерживалась отъ его присоединенія. «Въ общемъ,—прибавляетъ Унгэмъ,—что бы ни думали о цѣлесообразности нашей политики въ заливѣ, морально мы имѣемъ право гордиться тѣмъ, что, за исключеніемъ пустыннаго порта на островѣ Кистмѣ, мы не имѣемъ ни фута собственной земли въ заливѣ, гдѣ мы потеряли столько жизней для того, чтобы сдѣлать его доступнымъ для міровой торговли, и гдѣ нѣтъ ни одной державы, которая могла бы сказать намъ—«нѣтъ», если бы мы захотѣли присоединить себѣ хотя бы весь безъ исключенія берегъ Залива».

Островъ Барейнъ, благодаря своей близости къ британской территоріи, имѣетъ въ данный моментъ особенный интересъ для Англіи. По своему географическому положенію—это, не считая Ковейта, самая лучшая морская стоянка, какую только можно найти въ заливѣ. Небольшая эскадра залива нуждается въ стоянкѣ, куда бы суда могли заходить для подкрѣпленія и запаса свѣжей воды.

Но главное значеніе Барейна заключается въ ловлѣ жемчуга: это—неисчерпаемый источникъ богатства этой мѣстности. 50 лѣтъ тому назадъ съ берега вывозилось жемчуга на 70,000 ф. ст. Въ 1901 г. цифра эта возросла для одного Барейна до 475,341 ф. ст. Имѣя такой экспортъ, Барейнъ обладаетъ большой покупательной силой. Остъ-индскіе купцы ведутъ здѣсь оживленную торговлю рисомъ, который они поставляютъ въ кредитъ передъ началомъ сезона ловли жемчуга, наживая огромные барыши. При

хорошихъ условіяхъ можетъ возрасти значеніе Барейна для внутренней торговли Аравіи. Въ настоящее время это значеніе парализовано тѣмъ, что охрана караванныхъ дорогъ принадлежитъ Турціи, которая совершенно безсильна обезопасить транспортъ отъ нападеній разбойниковъ, такъ что фактически дороги эти сдѣлались недоступными.

Значительный доходъ Барейну доставляетъ таможенный сборъ, который былъ сданъ на откупъ за 120,000 рупи (около 80,000 ф.). При упорядоченіи хозяйства эта статья дохода могла бы значительно увеличиться, и эта реформа вмѣстѣ съ улучшеніемъ порта расширила бы торговлю островъ до значительныхъ размѣровъ.

Авторъ воспользовался обычнымъ ежегоднымъ объѣздомъ англійскаго резидента полковника Кембалля, чтобы объѣхать вмѣстѣ съ нимъ персидскій берегъ залива на суднѣ «Lawrence».

Берега Персіи пользуются дурной славой вслѣдствіе отсутствія доступныхъ ваней—упрекъ не совсѣмъ справедливый, какъ это видно будетъ изъ описанія береговой линіи. Большое плоскогорье Персіи круто спускается къ морю на всемъ протяженіи южной границы страны. Но отвѣсныя скалы, хотя мѣстами онѣ, кажется, висятъ прямо надъ водами залива, никогда не подходятъ къ самому морю, оставляя узкую низменную полосу шириною отъ 1 до 20 миль. Монотонный пейзажъ кое-гдѣ разнообразится песчаной косой, выдавшейся въ море, наприм., около Бушира, Небанда, Дуснека и у островов—Шуниба, Кизма, Ормузы. Послѣдніе тянутся вдоль материка, и такимъ образомъ получаются каналы, болѣе или менѣе защищенные отъ господствующихъ вѣтровъ. Нужно признать, что защита, какую даетъ песчаная отмель у городовъ Дусаскъ и Буширъ, ничтожна сама по себѣ, а, кромѣ того, сама отмель дѣлаетъ доступъ къ берегу почти невозможнымъ. Но во всякомъ случаѣ эти зачатки гаваней легко усовершенствовать, какъ это видно на примѣрѣ Бушира, гдѣ небольшого дренажа было достаточно, чтобы обратить открытый рейдъ въ великолѣпную гавань. Острова Кизмъ и Ормузъ по своему положенію обладаютъ обширными якорными стоянками, еще совершенно неиспользованными. Что касается арабскаго берега, то тамъ есть нѣсколько гаваней, подобныхъ которымъ нѣтъ на всемъ востокѣ.

Противъ того мѣста, гдѣ бросила якорь «Lawrence», находится маленькая крѣпость подъ желтымъ арабскимъ флагомъ,—одна изъ арабскихъ деревень, гдѣ въ началѣ нашей эры были укрѣпленія пиратовъ. Номинально такія деревни платятъ дань персидскому губернатору въ Даштистанѣ и существуютъ мизернымъ ввозомъ табаку, но главный ихъ доходъ составляетъ контрабандный ввозъ огнестрѣльнаго оружія, что строго воспрещено персидскимъ правительствомъ. Когда часть экипажа «Lawrence» высадилась на берегахъ, жители вмѣстѣ съ шейхомъ приняли ихъ за бельгійцевъ, сборщиковъ таможенныхъ пошлинъ. Можно себѣ представить, каковы были ихъ чувства, если принять во вниманіе, что практика сбора пошлинъ бель-

гійскими чиновниками еще не коснулась мелкихъ селеній, хотя она существуетъ уже 2 года въ Персіи.

Разговаривая съ Уигэмомъ, мѣстный шейхъ замѣтилъ, что назначеніе бельгійскихъ чиновниковъ для сбора пошлинъ онъ приписываетъ Россіи, но, повидимому, всего больше онъ опасался уменьшенія своихъ законныхъ доходовъ. Онъ пустился даже въ разсужденія по поводу торговли винтовками, центромъ которой является Маскатъ, но спохватившись, что имѣетъ дѣло съ иностранцами, умолкъ. Авторъ вынесъ впечатлѣніе, что Персія, можетъ быть, дѣлаетъ ошибку, возбуждая противъ себя арабскія племена побережья, такъ какъ персидское правительство—слабѣйшее изъ слабыхъ—держитъ ихъ въ подчиненіи только въ силу установившагося обычая невмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла и рѣшительно безсильно проявить свою власть, если она когда-либо покажется нежелательной для арабовъ.

Слѣдующей остановкой Lawrence былъ Лингэ, который находится въ 280 миляхъ отъ Бушира, въ предѣлахъ губернаторства послѣдняго.

Лингэ считается однимъ изъ красивѣйшихъ портовъ въ Персидскомъ заливѣ,—можетъ быть, благодаря чуднымъ пальмамъ, окаймляющимъ ея окрестности и узорчатому хребту горъ на горизонтѣ. На самомъ дѣлѣ всѣ прибрежные города приблизительно одинаковы: глиняные домики съ плоскими крышами вытянулись въ линію, которая мѣстами прерывается рощами финиковыхъ пальмъ; сзади—безплодная песчаная равнина, окаймленная стѣной высокихъ горъ.

Лингэ славится своимъ голубымъ минаретомъ и небольшимъ докомъ, но послѣдній не имѣетъ практическаго значенія. Путешественники посѣтили городской базаръ, гдѣ по обилію товаровъ со всѣхъ концовъ свѣта и по одеждѣ нарядной толпы можно судить о благосостояніи города. Лингэ нѣкогда былъ притономъ пиратовъ изъ племени джовасми, которые были разбиты англичанами въ 1819—20 гг.. Лингэ былъ разрушенъ, и флотъ его сожженъ. Въ 1887 г. одно изъ судовъ персидскаго флота (Persepolis) вошло въ рейдъ Лингэ и объявило городъ во власти персидскаго губернатора; арабы не оказали никакого сопротивленія. Съ тѣхъ поръ Лингэ находится въ непосредственномъ управленіи Персіи. Арабское населеніе города состоитъ изъ 10,000 человѣкъ,—и ни одного персидскаго солдата! Благосостояніе Лингэ зависитъ почти всецѣло отъ торговли его съ арабскимъ берегомъ. Онъ является центромъ, откуда товары расходятся по всему такъ называемому Берегу пиратовъ, который совершенно недоступенъ для судовъ. За послѣднюю половину столѣтія богатство Лингэ возросло быстрѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ заливѣ. Но съ 1889 г., по сообщенію лорда Керсона, замѣчается большой упадокъ торговли: напримѣръ, вывозъ жемчуга, достигавшій въ 1889 г. суммы въ 300,000 ф. ст., десять лѣтъ спустя упалъ до 225,000 ф.; ввозъ хлопчатобумажныхъ издѣлій уменьшился вдвое съ тѣхъ поръ, какъ лордъ Керсонъ посѣтилъ страну. Это объясняется соперничествомъ Барейна, который пріобрѣтаетъ

значеніе складочнаго пункта залива, становится центромъ торговли жемчугомъ и имѣетъ то важное преимущество, что находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ Англіи. Послѣднее обстоятельство необходимо отмѣтить, такъ такъ оно-то и заставляетъ Лингэ, несмотря на его болѣе центральное положеніе, уступать своему сопернику, которому покровительствуетъ могущественная торговая держава. Персидское правительсто только способствуетъ упадку Лингэ, какъ порта, введеніемъ бельгійской администраціи для сбора таможенныхъ пошлинъ. На основаніи прежнихъ договоровъ съ Персіей, иностранный экспортъ и импортъ были обложены пошлиной въ 5% со стоимости. Въ дѣйствительности—гораздо ниже, т. к., нѣкоторые товары (наприм., пищевые продукты) были свободны отъ обложенія. Бельгійская система повысила пошлины до дѣйствительныхъ 5%, вызвавъ этимъ общее недовольство. Результаты не замедлили обнаружиться: купцы стали искать другого мѣста сбыта, подъ другимъ флагомъ.

Такимъ свободнымъ портомъ оказался прежде всего Барейнъ. А затѣмъ прямо противъ города Лингэ находится западная оконечность острова Кизма, часть котораго много лѣтъ уже принадлежитъ Великобританіи. Она называется Бассадоръ. Почему часть товаровъ, направляющихся въ Лингэ, не могла бы перейти сюда, на англійскую территорію, свободную отъ бельгійскаго сбора? Другими словами, отчего Англія не создастъ порто-франко—Гонгъ Конгъ въ миніатюрѣ—въ Персидскомъ заливѣ? Имѣется много авторитетныхъ голосовъ за то, что торговля и благосостояніе залива могутъ значительно возрасти, если тамъ будетъ открытъ порто-франко подъ властью англичанъ. Въ настоящее время тамъ нѣтъ такого центральнаго пункта: Буширъ не занимаетъ командующаго положенія въ торговлѣ и никогда его не займетъ, находясь подъ управленіемъ Персіи. Нельзя сказать, что Бассадоръ можетъ быть удовлетворительнымъ порто-франко. Онъ имѣетъ слишкомъ много весьма существенныхъ недостатковъ. Есть другой пунктъ, гдѣ расходы по оборудованію порта окупились бы гораздо вѣрнѣе: это—Барейнъ, который уже и теперь является однимъ изъ самыхъ важныхъ торговыхъ центровъ залива. Но и это—лишь въ области предположеній. Основаніе въ заливѣ порто-франко подъ англійскимъ флагомъ—вопросъ времени, это несомнѣнно. Но положеніе этого будущаго порта опредѣлится развитіемъ новыхъ путей внутрь страны и, главнымъ образомъ, окончательнымъ планомъ турецко-германской желѣзной дороги.

Оставивъ Бассадоръ, Унгэмъ посѣтилъ небольшіе острова Ларракъ и Ормузъ. Изъ нихъ послѣдній нѣкогда былъ богатѣйшимъ рынкомъ Востока. Теперь — это пустынный, почти необитаемый островъ, покрытый руинами — остатки прежняго величія. Представителемъ прежней славы Ормуза и Гамбруна является Бендеръ-Аббасъ, который находится въ $20^1/_2$ миляхъ отъ якорной стоянки Ормуза.

Исторія Бендеръ-Аббаса и сосѣднихъ острововъ (Кизмъ, Ларракъ, Ор-

музъ) блестяще изложена лордомъ Керсономъ въ его сочиненіи «Персія». Въ настоящее время интересно опредѣлить торговое и политическое значеніе Бендеръ-Аббаса въ заливѣ и сдѣлать соотвѣтствующіе выводы для будущаго. Назначеніе Бендеръ-Аббаса иное, чѣмъ Лингэ или Ормуза: онъ является конечнымъ пунктомъ, соединяющимъ длинную караванную дорогу отъ Іезда и Кермана съ моремъ. Въ этомъ все право на существованіе этого города съ его длиннымъ рядомъ мрачныхъ домовъ на уныломъ побережьи, лишенномъ прѣсной воды, подъ отвѣсными лучами безпощаднаго тропическаго солнца, съ кривой линіей отвѣсныхъ скалъ въ 7,640 фут. вышины на горизонтѣ. Кромѣ того, Бендеръ-Аббасъ не безъ успѣха пытается распространить свое вліяніе на Тегеранъ къ сѣверу, Сеистанъ и Мешедъ къ сѣверо-западу и отправляетъ часть своихъ товаровъ за границы Персіи въ Кабулъ и центральную Азію. Это именно тотъ пунктъ, который Россія намѣтила, какъ базисъ своихъ торговыхъ операцій въ Персіи.

Въ 1900 г. торговля Бендеръ-Аббаса внезапно упала на 50—60%. Англійскій вице-консулъ указываетъ слѣдующія причины такого упадка: 1) измѣненіе системы таможенныхъ сборовъ; 2) растущее значеніе пути Нушки, который соперничаетъ съ Бендеръ-Аббасомъ по отношенію къ Сеистану и Мешеду; 3) неустройство въ смыслѣ безопасности линіи Бендеръ-Аббасъ—Іездъ; 4) запрещеніе вывоза зерновыхъ хлѣбовъ; 5) тяжелое обложеніе транспорта въ теченіе года.

Эти причины носятъ отчасти случайный или временный характеръ, поэтому данныя за 1899 г. болѣе цѣнны. Вся торговля порта за этотъ годъ опредѣлялась въ 747,730 ф. стерл., изъ нихъ 629,268 ф. приходилось на долю Великобританіи и Индіи, слѣдовательно, Англіи принадлежало 84% всего импорта. Торговля Россіи за этотъ годъ равнялась *нулю*. Въ 1901 г. общая цѣнность торговли достигла 575,000 ф., т.-е. была значительно ниже, чѣмъ въ 1889 г., хотя и превышала предыдущій 1900 г. Торговля Россіи за 1901 г. была представлена импортомъ въ 2,746 ф., на пароходахъ, субсидированныхъ правительствомъ и совершающихъ рейсы между Одессой и Персидскимъ заливомъ.

Изъ всѣхъ этихъ цифръ наиболѣе устойчивыми можно считать цифры 1901 г., такъ какъ вся торговля сѣверо-восточной Персіи съ Индіей пойдетъ, вѣроятно, черезъ путь Нушки, такъ что Бендеръ-Аббасъ будетъ обслуживать только Керманъ и Іездъ. Если бы запрещеніе вывоза зерна было уничтожено, и караванныя дороги сдѣланы болѣе безопасными отъ разбойниковъ,—мѣры, которыхъ трудно ожидать отъ правительства шаха, —торговля по этой линіи могла бы значительно расшириться. Но что дѣйствительно подняло бы торговое значеніе Бендеръ-Аббаса—это проведеніе желѣзной дороги. Какую бы форму ни приняла будущая желѣзнодорожная система Персіи, она, безъ сомнѣнія, соединитъ Бендеръ-Аббасъ, Керманъ и Іездъ. Достаточнымъ основаніемъ послужитъ то, что Іездъ будетъ отстоять *въ 24 часахъ* пути отъ Бендеръ-Аббаса, и провозъ одной

тонны за милю разстоянія будетъ стоить меньше 1 пенни, въ то время, какъ теперь 1 тонна стоитъ около 5 д., а путешествіе отъ Бендеръ-Абасса до Іезда занимаетъ не менѣе *32 дней.* Возможность такой революціи въ торговомъ дѣлѣ, когда стоимость транспорта уменьшится въ 5 разъ, а разстояніе—въ 32 раза, Англія всегда должна имѣть въ виду. Черезъ Бендеръ-Аббасъ проходитъ англійскихъ товаровъ на сумму выше $^1/_2$ милл. ф. ст., причемъ большинство купцовъ—британскіе подданные изъ индійскихъ колоній. Если Персія перейдетъ къ паровому транспорту, британская торговля можетъ увеличиться до огромныхъ размѣровъ,—въ томъ случаѣ, конечно, если желѣзно-дорожное сообщеніе не окажется въ рукахъ враждебной державы. Допустивъ Россію получить концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Персіи, Англія показала отсутствіе предусмотрительности въ своихъ дѣлахъ съ шахомъ. Если правительство шаха не въ силахъ выполнить задачу введенія парового транспорта въ странѣ, то *Англіи* долженъ принадлежать контроль надъ желѣзно-дорожными линіями южной Персіи. «Если это равносильно раздѣлу Персіи,—многозначительно добавляетъ авторъ,—то Персія должна быть раздѣлена, если мы не желаемъ господства Россіи надъ всей страной». Персія раздѣляется на двѣ части обширной солончаковой пустыней, которая тянется на 500 миль отъ сѣверо-запада къ юго-востоку и представляетъ естественную границу, столь же недоступную, какъ черный Каракорумъ или снѣжныя Гималаи. Не можетъ быть двухъ мнѣній о томъ, что для Англіи выгоднѣе распространить свое вліяніе и власть до этой естественной границы, чѣмъ допустить Россію занять одинъ изъ самыхъ важныхъ выходовъ въ Индѣйскій океанъ.

Всѣми признано, что Бендеръ-Абасъ съ островами господствуетъ въ Персидскомъ заливѣ. Гораздо менѣе извѣстно то, что Бендеръ-Аббасъ имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы стать первоклассной гаванью. Обычное описаніе даетъ представленіе объ открытомъ рейдѣ, который только цѣною огромныхъ издержекъ можетъ быть обращенъ въ сносную гавань, всегда, однако, открытую для нападеній съ моря. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Къ западу отъ нынѣшняго города находится проливъ Клэренсъ. Между островомъ Кизмомъ и материкомъ онъ постепенно суживается до трехъ миль въ ширину и даже менѣе, сохраняя при этомъ значительную глубину. Если бы русскіе достигли Бендеръ-Абаса, они здѣсь устроили бы стоянку своего флота, въ 10 миляхъ отъ города, гдѣ корабли всего міра могли бы помѣститься, не мѣшая другъ другу. Нѣкоторое неудобство состоитъ въ томъ, что берегъ спускается отлого къ морю и образуетъ отмель, а также въ томъ, что гавань, несмотря на защиту острововъ, отчасти доступна дѣйствію юго-восточнаго вѣтра. Во всякомъ случаѣ, достаточно $^1/_{10}$ той суммы, какую Россія затратила въ Дальнемъ, чтобы имѣть великолѣпную гавань въ любомъ мѣстѣ западной стороны пролива Клэренсъ. Она будетъ совершенно недоступна для нападеній съ моря, такъ какъ укрѣпленія острововъ Кизма, Ларрака и Ормуза могутъ держать всякое непріятельское судно въ 20 миляхъ отъ якорной стоянки.

Слѣдовательно, входъ въ Персидскій заливъ будетъ недоступенъ безъ согласія той державы, которая займетъ Бендеръ-Аббасъ и прилежащіе къ нему острова. Если это будетъ Россія, и она же соединитъ Бендеръ-Аббасъ желѣзной дорогой съ центральной Азіей и Тифлисомъ, то въ концѣ концовъ Англія осуждена потерять свое вліяніе на Персію; мало того, она будетъ вынуждена или вывести свои военныя суда изъ залива, или укрѣпиться на другой позиціи, равной по значенію Бендеръ-Аббасу,—на другомъ берегу залива, что заставитъ ее держать на готовѣ сильный военный флотъ, слѣдовательно, нести значительные расходы, а кромѣ того, остъ-индскій берегъ, который защищенъ вообще довольно слабо, всегда будетъ открытъ для нападеній близкаго и грознаго врага.

Прямо противъ Бендеръ-Абаса, на аравійскомъ полуостровѣ находится такъ называемый пиратскій берегъ. Здѣсь Англія будетъ искать себѣ точку опоры, если Россія когда-либо займетъ Бендеръ-Абасъ. Здѣсь можно найти защищенную и удобную гавань. Но вообще этотъ пустынный, гористый берегъ, съ жаркимъ климатомъ, почти непереносимымъ для европейцевъ, крайне непривлекателенъ для жизни. Правда, приблизительно такой же климатъ и въ Бендеръ-Абасѣ, но здѣсь мѣстомъ жительства всегда можетъ быть о. Ормузъ, который 300 лѣтъ тому назадъ былъ оживленнымъ торговымъ центромъ, гдѣ климатъ гораздо холоднѣе.

Путешествуя вдоль арабскаго берега, «Lawrence» останавливается у прибрежныхъ селеній, занимающихся ловлей жемчуга. Каждый годъ англійскій резидентъ посѣщаетъ селенія, раздаетъ подарки и улаживаетъ недоразумѣнія. Первый договоръ, заключенный между англичанами и шейхами этихъ селеній, относится къ 1806 г., когда англичане вынуждены были заставить пиратовъ племени джовасми уважать британскій флагъ. Но джовасми продолжали разбойничать, жестоко расправлялись съ плѣнниками и разъ даже напали на англійское судно «Minerva» и перебили весь экипажъ. Въ 1809 г. и десять лѣтъ спустя еще разъ были снаряжены значительныя экспедиціи противъ пиратовъ, послѣ чего послѣдніе были окончательно усмирены. Въ 1820 г. съ шейхами всего берега пиратовъ былъ заключенъ договоръ, воспрещающій имъ разбои,—и такимъ образомъ, Персидскій заливъ былъ освобожденъ отъ пиратовъ. По временамъ разбои совершались еще подъ видомъ военныхъ дѣйствій, и это заставило Англію въ 1835 г. предложить шейхамъ воздерживаться не только отъ разбоевъ, но и отъ всякихъ военныхъ дѣйствій въ теченіе 6 мѣсяцевъ въ году, во время сезона ловли жемчуга. Это соглашеніе имѣло большой успѣхъ и до 1843 г. ежегодно возобновлялось. Въ 1843 г. оно было заключено на 10 лѣтъ, а по истеченіи этого срока въ 1853 г.—сдѣлано вѣчнымъ.

Съ тѣхъ поръ англійскій резидентъ обязанъ наблюдать не только за тѣмъ, чтобы въ заливѣ не было пиратовъ, но также за тѣмъ, чтобы независимые шейхи не вели между собою войнъ. Послѣднее постановленіе кромѣ шейховъ берега пиратовъ распространяется также на Барейнъ и мысъ

Катръ (1867 г.). Формально этотъ договоръ относится только къ военнымъ дѣйствіямъ на морѣ, между тѣмъ какъ шейхи могутъ рѣшать свои безконечные споры войной на сушѣ, но фактически авторитетъ англійскаго резидента такъ великъ, что многія распри рѣшаются его вмѣшательствомъ.

Сохраненіе мира между отдѣльными шейхами—единственный способъ поддержать торговлю жемчугомъ, этотъ жизненный нервъ страны. Торговля жемчугомъ даетъ ежегодный оборотъ приблизительно въ 300,000 фунт. ст. (не считая Барейна). Арабы въ сущности мирный народъ и охотно оставляютъ свои кровавые счеты для ловли жемчуга. Они свято соблюдаютъ свои обязательства по отношенію къ британскому правительству, хотя для нихъ часто непонятно, съ какой цѣлью Великобританія тратитъ солидныя суммы на поддержку промысла, въ которомъ англійскіе купцы всего менѣе заинтересованы. Но они уже привыкли смотрѣть на резидента, какъ на высшее благодѣтельное существо, дѣйствія котораго для нихъ также непонятны, какъ движеніе волнъ или шумъ вѣтра.

Итакъ, подъ покровительствомъ Англіи заливъ свободенъ отъ пиратовъ на большое разстояніе. Такъ называемыя мирныя племена населяютъ какъ разъ половину арабскаго берега. Къ сожалѣнію, другая часть—Катръ, Хаза, Катифъ и далѣе къ сѣверу бухты Шатъ-Эль-Арабъ,—принадлежитъ туркамъ и вполнѣ находится во власти пиратовъ. Со стороны Англіи было ошибкой допустить въ 1878 г., чтобы Катръ отдался подъ покровительство Турціи, и турки ввели свой гарнизонъ въ Байду, главное селеніе Катра. Это произошло 30 лѣтъ тому назадъ, когда Великобританія стремилась ограничить свое вліяніе водами залива, относясь съ полнымъ равнодушіемъ ко всему, что происходило на материкѣ. Такимъ образомъ, не признавая авторитета Турціи, Англія терпитъ, турецкій гарнизонъ въ Байхѣ, Хазѣ и Катифѣ, иначе сказать, она навсегда отдаетъ эти плодородныя мѣстности въ жертву грабежамъ и разбоямъ. Гораздо проще было бы установить съ Хазой и Катифомъ то-же соглашеніе, какое существуетъ съ Барейномъ, несмотря на то, что Турція предъявляетъ и къ нему какія-то нелѣпыя притязанія. Если бы англичане поступили такъ, то въ настоящее время въ заливѣ не было бы и слѣда турецкаго вліянія, опирающагося на войско.

Ковейтъ—одна изъ самыхъ оживленныхъ гаваней въ заливѣ. Онъ расположенъ въ глубокой бухтѣ, имѣющей форму рога; поперекъ ея лежитъ небольшой низменный островъ, который скрываетъ за собою глубокую гавань: отъ 20 до 30 миль глубокой воды. Берегъ постепенно понижается къ морю, образуя отмель, такъ что большое судно не можетъ подойти ближе, чѣмъ на 1½ мили къ берегу. Ландшафтъ такъ бѣденъ, какъ нигдѣ въ заливѣ. Здѣсь нѣтъ и слѣда пальмовыхъ рощъ или высокихъ горъ, которыя разнообразятъ картину береговъ въ другихъ мѣстахъ залива: берегъ настолько низокъ и пустыненъ, что единственное дерево,

которое возвышается въ одной милѣ къ востоку отъ города, далеко видно съ моря и служитъ маякомъ для моряковъ.

Городъ находится на южной сторонѣ бухты-рога. Его благосостояніе основано на томъ, что онъ является естественнымъ портомъ для внутреннихъ государствъ Аравіи—Неджа и Шаммара—и стоитъ на одномъ изъ путей черезъ Аравію въ Мекку. Населеніе Ковейта исчисляется путешественниками различно отъ 10 до 20 т., изъ нихъ моряковъ 4,000, что указываетъ на морское значеніе города и на морскую торговлю, какъ на главный источникъ его богатствъ.

Исторія послѣднихъ лѣтъ полна интригъ и распрей между шейхами, столь обычныхъ въ исторіи арабскихъ племенъ. Въ настоящее время въ Ковейтѣ правитъ вліятельный шейхъ Мубаракъ; его поддерживаетъ Англія въ борьбѣ съ эмиромъ Неджа, которому въ свою очередь покровительствуетъ Турція. Англія заинтересована въ томъ, чтобы Ковейтъ остался независимымъ и этимъ разрушилось призрачное господство Турціи въ Аравіи, являющееся тормозомъ для развитія этой страны.

Вопросъ о зависимости Ковейта отъ Турціи,—вопросъ спорный, и утвержденіе лорда Керзона, который въ 1891 г. писалъ: «Ковейтъ въ настоящее время номинально составляетъ часть вилайета Басры, которой онъ платитъ дань»,—опровергался другими указаніями, по которымъ Ковейтъ, признавая надъ собою суверенитетъ Турціи, не только не платилъ ей дани, но еще получалъ отъ нее субсидію за то, что защищалъ отъ пиратовъ бухту Шатъ-Эль-Арабъ и богомольцевъ Мекки. Но если даже признать, что въ прошломъ Турція имѣла какія-то права на Ковейтъ, отстаивая его независимость въ настоящемъ, Англія не лишаетъ Турцію ни территоріи, ни источниковъ дохода и не даетъ, поэтому, ей основанія для какихъ-либо притязаній. Между тѣмъ, во время войны Ковейта съ Неджемъ въ 1902 г. турки заняли Садэванъ и Уммъ-Казу между Зобейромъ и бухтой Абдулла, что дало имъ власть надъ послѣдней. Далѣе, они предполагаютъ послать войска въ мѣстность, называемую Субійя, поблизости отъ сѣвернаго изгиба бухты Ковейта, такъ что они будутъ владѣть входомъ въ гавань. Словомъ, они стремятся утвердиться на берегу залива, пока еще не поздно.

Всѣ притязанія Турціи не имѣли бы для Англіи большого значенія, такъ какъ сама по себѣ она не въ силахъ укрѣпить за собою власть надъ заливомъ, но важно то, что Ковейтъ (а по нѣкоторымъ указаніямъ также бухта Абдулла) могутъ быть отданы въ пользованіе другой державѣ: въ данномъ случаѣ Германіи, такъ какъ Ковейтъ—конечный пунктъ багдадской желѣзной дороги. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Турція занявъ Уммъ-Казу, дѣйствовала по внушенію германскаго посольства.

Мохаммеру можно назвать арабской столицей той части Тигра и дельты Каруна, которая находится на персидской сторонѣ Шатъ-Эль-Араба. Араб-

скія племена, населяющія дельту, находятся въ зависимости отъ Персіи. Изъ нихъ главное—племя шаабовъ со всѣми его подраздѣленіями.

Въ теченіе всего 18 и въ началѣ 19 столѣтія шейхи племени шаабовъ были самыми могущественными правителями на берегахъ персидскаго залива. Но тѣснимые съ обѣихъ сторонъ Персіей и Турціей, они вынуждены были попеременно платить дань то тому, то другому государству, пока окончательно не подпали подъ власть Персіи, и шейхъ Джабиръ-Канъ, изъ племени могаизитовъ, наслѣдовалъ своему отцу въ Могаммерѣ и былъ признанъ Персіей вождемъ всѣхъ племенъ шаабовъ. Персы, поставивъ во главѣ всѣхъ шаабовъ вождя изъ другого племени, укрѣпили свое владычество надъ ними, чего они, конечно, никогда не достигли бы, если бы шаабы объединились сами подъ предводительствомъ своего единоплеменника. Сынъ Джабира, Мизаль, призналъ господство персовъ, на что послѣдніе отвѣтили политикой полнаго невмѣшательства во внутреннее управленіе Мохаммерой. Персидскій генералъ-губернаторъ Аравистана имѣетъ резиденцію въ Шустерѣ, гдѣ и получаетъ доходы, которые ему собираетъ шейхъ Мохаммеры.

Таково было положеніе вещей, когда лордъ Керсонъ посѣтилъ Мохаммеру въ 1889 г. Онъ предсказалъ усиленіе авторитета Персіи въ недалекомъ будущемъ, говоря, что послѣ смерти Мизаля Персія не потерпитъ независимости арабскихъ шейховъ въ Мохаммерѣ. Скоро представился случай для исполненія этого пророчества. Въ 1897 г. шейхъ Мизаль раздѣлилъ участь многихъ правителей шаабовъ: онъ палъ отъ руки своего главнокомандующаго. Шаабы были недовольны имъ за то, что онъ подчинился Персіи, считали его измѣнникомъ, нарушившимъ старинныя привилегіи племени. Наслѣдникъ Мизаля, Казаль, далеко не выказывалъ такой преданности Персіи, какъ его предшественникъ. Онъ дѣйствительно объединилъ подъ своей властью окрестныя племена шаабовъ, тогда какъ при его предшественникахъ шейхи феллахскіе были независимы отъ Мохаммеры.

Предсказаніе Керзона не сбылось: на мѣстѣ Мизаля воцарился болѣе самостоятельный правитель, который не нуждается въ помощи Персіи для борьбы съ сосѣдними племенами и не склоненъ, поэтому, подчиняться ея власти. Персидское правительство сдѣлало, однако, попытку проявить болѣе опредѣленно свою власть надъ дельтой, введя бельгійскую администрацію для сбора таможенныхъ пошлинъ, которая уже два года дѣйствуетъ въ Бушрѣ, Лингэ и Бендеръ-Абасѣ, между тѣмъ какъ въ Мохаммерѣ пошлины по старому собирались шейхомъ. Шаабы Мохаммеры встрѣтили эту попытку очень враждебно. Персы угрожали непокорнымъ войной, но понимая, что война можетъ быть невыгодна для нихъ, дальше угрозъ въ этомъ отношеніи не пошли. Дипломатическіе переговоры были несравненно успѣшнѣе: агентъ шейха былъ вызванъ въ Тегеранъ. Въ результатѣ—шейхъ былъ купленъ и «бельгійскій режимъ» водворенъ въ Мохаммерѣ.

Персія на этотъ разъ побѣдоносно вышла изъ затрудненія. Но опытъ былъ поучителенъ. Если бы она оказалась неспособной поддержать свой

авторитетъ въ Мохаммерѣ, весь Аравистанъ могъ бы отпасть отъ нежелательнаго ему союза съ Тегераномъ, и это произвело бы громадное измѣненіе въ политической жизни всего залива. Колеблющійся престижъ шаха былъ бы потрясенъ настолько, что послѣдній могъ сразу потерять контроль надъ всѣмъ персидскимъ побережьемъ залива и Индѣйскаго океана.

Мохаммера, по описанію нашего автора, представляетъ изъ себя небольшое селеніе на рѣкѣ Корунѣ, въ одной милѣ разстоянія отъ того мѣста, гдѣ рѣка соединяется съ Шатъ-Эль-Арабомъ. Одной изъ причинъ жалкаго вида ея можетъ служить то обстоятельство, что шейхъ Мизаль боялся, что видъ внѣшняго благосостоянія привлечетъ жадные взоры персидскаго правительства. Казаль отличается болѣе независимымъ характеромъ, и селеніе начинаетъ обстраиваться хорошими деревянными домами.

Неизвѣстно, что ожидаетъ въ будущемъ эту страну, но въ настоящемъ она, несомнѣнно, переживаетъ тяжелый кризисъ. Лордъ Керсонъ даетъ прекрасное описаніе этой плодородной мѣстности, какой онъ ее засталъ 14 лѣтъ тому назадъ. Мохаммеръ лежитъ при сліяніи двухъ судоходныхъ рѣкъ, внутри одной изъ плодороднѣйшихъ дельтъ на всемъ земномъ шарѣ. Плодородная почва скрываетъ въ себѣ неисчерпаемые источники богатства. Но правительство, которое Уигемъ называетъ не иначе, какъ «худшимъ изъ худшихъ», привело земледѣліе къ полному упадку. Кромѣ рисовыхъ полей и садовъ финиковой пальмы, окаймляющихъ берега рѣки, во всей громадной дельтѣ нѣтъ орошенной земли и даже старые естественные каналы быстро сохнутъ. Правительство не только не озабочено устройствомъ общественныхъ работъ (онѣ блистаютъ своимъ отсутствіемъ во всей Персіи), но налагая запрещеніе на вывозъ зерновыхъ хлѣбовъ за предѣлы страны, оно активно идетъ навстрѣчу тому, чтобы окончательно привести земледѣліе въ упадокъ. Въ результатѣ этой безсмысленной политики богатѣйшая страна доведена до состоянія крайней бѣдности. Одинъ только шейхъ получаетъ главную часть своихъ доходовъ отъ торговли хлѣбомъ, такъ какъ онъ одинъ имѣетъ право вывозить свой хлѣбъ. Другими словами, ему принадлежитъ монополія хлѣбной торговли въ странѣ.

Мохаммера имѣетъ также значеніе какъ портъ для знаменитаго торговаго пути по Каруну, который стараніями Англіи былъ открытъ для иностранной торговли въ 1888 г. Но за послѣднія 14 лѣтъ путь этотъ не имѣлъ большого значенія, несмотря на всѣ затраченныя средства. До сихъ поръ дорога еще не совсѣмъ готова: зимой она почти непроходима, и число удобныхъ станцій далеко недостаточно. Для частныхъ предпринимателей производить дальнѣйшія затраты на дорогу почти не имѣетъ смысла при полномъ отсутствіи поддержки со стороны англійскаго правительства. Тѣмъ не менѣе, торговые обороты Мохаммеры растутъ: общая сумма для ввоза и вывоза удвоилась сравнительно съ 1891 г., когда впервые былъ опубликованъ отчетъ о торговлѣ Мохаммеры. Но эти цифры—115,339 франк. для вывоза и 281,854 фр. для ввоза—ничтожны

сравнительно съ тѣмъ, что могла бы дать торговля Мохаммеры при условіи упорядоченія хозяйства страны.

Британскій консулъ въ Мохаммерѣ, каковы бы ни были его личныя качества, не можетъ бороться съ ларистанскими разбойниками или создать фондъ для улучшенія дороги. Все это дѣло персидскаго правительства. Англія должна въ свою очередь оказать давленіе и заставить Персію исполнить свои обязательства.

Недавно британскому синдикату дана концессія на эксплоатацію нефти въ Персіи. Синдикатъ намѣренъ добывать нефть въ округѣ къ западу отъ Керманшаха и провести ее по трубамъ въ Мохаммеру для погрузки на суда. Если предпріятіе будетъ имѣть успѣхъ, Мохаммера пріобрѣтетъ громадное значеніе для всей сѣверной Персіи.

Изъ Мохаммеры Унгэмъ поднялся по Шатъ-эль-Арабу до Басры. Шатъ-эль-Арабъ—прекрасный водный путь. Берега его, окаймленные густыми пальмовыми рощами, довольно живописны, особенно съ турецкой стороны. Множество всякой дичи дѣлаетъ ихъ привлекательными для охотника. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мохаммеры на турецкомъ берегу находится Абу-Кассидъ, центръ торговли финиками.

Басра расположена въ 58 миляхъ отъ Шатъ-эль-Араба и представляетъ съ рѣки довольно красивое зрѣлище для глаза, утомленнаго однообразіемъ пустынныхъ береговъ залива. На берегу выстроились лучшія зданія города: таможня, дворецъ вали, дома богатыхъ обывателей довольно оригинальной архитектуры, внизу у каждаго собственная пристань, граціозныя мѣстныя гондолы «bellow» скользятъ по водамъ бухты,—все это въ удачной фотографіи даетъ Басрѣ нѣкоторое право на званіе «Восточной Венеціи»,—но только въ фотографическомъ снимкѣ. Дѣйствительность далеко не такова. Приливъ и отливъ бываютъ здѣсь два раза въ день: вода отливаетъ, оставляя грязный илъ на 8 футовъ по обоимъ берегамъ, да и вся-то бухта настолько мала, что похожа скорѣе на большую клоаку, откуда бѣдная часть населенія беретъ воду для питья. Болѣе зажиточные классы берутъ воду изъ Шатъ-эль-Араба (въ 1 мили отъ города). При такихъ условіяхъ даже удивительно, что холера не бываетъ здѣсь частой гостьей. Мѣстный базаръ отличается нѣкоторымъ оживленіемъ, хотя кромѣ фиников *) здѣсь не видно предметовъ мѣстнаго производства.

Населеніе всего вилайета Басры состоитъ изъ арабовъ. Турки—только чиновники и войско. Послѣдняго около 1,000 человѣкъ, расквартированныхъ въ городѣ и по берегу рѣки.

Торговля Басры находится въ состояніи застоя, благодаря условіямъ, созданнымъ турецкимъ правительствомъ. 75% всего импорта Басры назначены для Багдада и для Персіи via Багдадъ-Керманшахъ. Для цѣлей

---

*) Вывозъ финиковъ зависитъ отъ урожая: въ 1900 г. было вывезено на сумму въ 380,000 фр., въ 1901 г. по случаю неурожая вывозъ равнялся *нулю*.

этой торговли предназначены номинально 7 весельныхъ судовъ, совершающихъ рейсы между Басрой и Багдадомъ: 4 изъ нихъ принадлежатъ турецкому правительству и 3—англійской фирмѣ (Lynch Brothers). Изъ турецкихъ судовъ два почти всегда отсутствуютъ, а остальныя идутъ такъ тихо, что въ среднемъ всегда одно только судно отходитъ изъ Басры еженедѣльно. Компанія Lynch Brothers получила отъ турецкаго правительства концессію на 3 торговыхъ судна еженедѣльно, но теперь оно ограничило ихъ только *однимъ*. Общее количество груза, который отправляется изъ Басры, опредѣляется вмѣстимостью двухъ судовъ, отправляющихся еженедѣльно, причемъ каждое имѣетъ при себѣ еще баржу. Суда—старой конструкціи съ ограниченной грузоспособностью. Въ результатѣ, цѣна фрахта очень повышена, и масса груза задерживается въ складахъ компаніи, ожидая очереди. Въ общемъ провозъ отъ Басры до Багдада стóитъ столько же, сколько отъ Лондона до Басры.

Въ виду неблагопріятныхъ условій воднаго транспорта, желѣзнодорожный путь могъ бы успѣшно конкурировать съ нимъ, такъ какъ длина желѣзно-дорожной линіи отъ Багдада до Басры или Ковейта не превышала бы 300 миль. Конечно, лишь въ томъ случаѣ, если турецкое правительство не ограничитъ вывоза пятью вагонами въ сутки; судя по его тактикѣ, этого можно ждать!

Какъ бы то ни было, вся торговля Басры находится въ рукахъ англичанъ, и улучшеній торговыхъ путей слѣдуетъ ожидать единственно отъ Англіи, такъ какъ турецкое правительство исчерпало провинціальные рессурсы и, по словамъ Унгема, находясь наканунѣ банкротства, оно держится политики настолько же смѣлой, сколько и безразсудной. «Войскамъ обычно не платятъ жалованье, но гарнизонъ въ Басрѣ усиленъ для того, чтобы поддержать агрессивную политику въ заливѣ». Выше уже было сказано, что турецкія войска заняли Садэванъ и Уммъ-Казу для того, чтобы угрожать Ковейту. Вообще, у Басры границы между Турціей и Персіей ясно опредѣлены только на востокѣ, на западѣ же и на юго-западѣ невозможно указать, гдѣ начинается и кончается турецкая территорія, тѣмъ болѣе, что сами турки готовы распространить свои притязанія на весь Аравійскій полуостровъ. Что касается Уммъ-Казы, то вопросъ объ оккупаціи ея имѣетъ международное значеніе. Вмѣшательство Англіи на защиту независимости Ковейта сильно подорвало престижъ Турціи въ заливѣ. Арабы, которымъ не по душѣ турецкое владычество, начинаютъ говорить о Шатъ-эль-Арабѣ, какъ о рѣкѣ, принадлежащей англичанамъ, а шаабы Мохаммеры видятъ въ ростѣ англійскаго вліянія въ Ковейтѣ начало конца турецкаго владычества.

Если Турція потеряетъ свою власть въ Шатъ-эль-Арабѣ, Персію, несомнѣнно, ждетъ та же участь, и вся дельта будетъ принадлежать англичанамъ. «Даже дѣти въ Басрѣ,—пишетъ Унгемъ,—которые работаютъ на постройкѣ дома англійскаго консула и поютъ цѣлый день (въ ущербъ, нужно сознаться, для дѣла), выучили новую пѣсенку и выкрикиваютъ ее

съ большимъ одушевленіемъ. Первая строфа гласитъ, что 4 британскихъ военныхъ судна стоятъ на якорѣ въ Ковейтѣ, а вторая,—что турецкій флагъ склонился и на мѣстѣ его развивается англійскій. Такъ устами младенцевъ осуждено турецкое владычество. Несомнѣнно, это слишкомъ радужный взглядъ на будущее. Но если бы пророчество сбылось, садъ Эдема, который находится всего въ 60 миляхъ отъ Басры, могъ бы зацвѣсти снова и древній парадизъ возродился бы на мѣстѣ нынѣшняго запустѣнія.

Передъ нами рядъ приморскихъ городовъ залива: всѣ они имѣютъ очень важное значеніе для торговли европейскихъ государствъ и для Россіи особенно. Описаніе Уигема цѣнно для русскихъ читателей потому, что нѣкоторыя изъ этихъ гаваней еще не посѣщались европейцами, за исключеніемъ чиновниковъ, которые не опубликовывали своихъ наблюденій. Уигемъ оканчиваетъ первую часть своего труда о Персіи общимъ обзоромъ торговаго и политическаго значенія всѣхъ портовъ залива.

Говоря о торговлѣ персидскаго залива, приходится включить сюда торговлю Маската, Мохаммеры и Басры, хотя по своему географическому положенію эти города не относятся къ заливу, но торговля ихъ однородна и пользуется тѣми же каналами, что и торговля Бушира и Бендеръ-Абаса. Въ политическомъ отношеніи всѣ эти города находятся въ сферѣ вліянія англійскаго резидента въ Буширѣ.

Вся торговля залива производится исключительно англійскими судами или судами, идущими подъ англійскимъ флагомъ, а также туземными. Въ 1900 г. одно австрійское и одно турецкое судна показались въ заливѣ. Въ 1901 г. выступаетъ на сцену Россія двумя пароходами, получившими солидныя субсидіи отъ правительства. Но какое бы значеніе этотъ послѣдній фактъ не имѣлъ для будущаго, въ настоящее время справедливо будетъ сказать, что Англія монополизировала торговлю залива или, по крайней мѣрѣ, водный транспортъ. Общая сумма всѣхъ торговыхъ оборотовъ залива для 1901 г. выразилась въ 8.640,000 ф. ст. Нельзя указать, откуда идутъ всѣ предметы ввоза, во всякомъ случаѣ, всѣ они доставляются на англійскихъ судахъ. Но такъ какъ одни и тѣ же предметы ввозятся во всѣ порты залива и турецкой Арменіи, а отчеты Бушира, Бендеръ-Абаса, Лингэ и Барейна указываютъ различныя страны ввоза, то на основаніи этихъ отчетовъ можно составить представленіе объ относительномъ участіи европейскихъ государствъ въ торговлѣ залива. Цифры указываютъ, что 40% всего экспорта приходится на британскую Индію и острова; что касается импорта, то 63% идетъ изъ Соединеннаго Королевства и Индіи, но и въ остальныхъ 37% заинтересованы фирмы Англіи и британской Индіи, такъ какъ товары въ большинствѣ случаевъ сданы имъ на коммиссію и часто продаются въ розницу англійскими же купцами. Въ общемъ для англійской торговли получается солидная сумма въ $8^1/_2$ милл. фун. ст. Изъ другихъ государствъ Франція посылаетъ 4% всего импорта (преимущественно сахаръ), Австрія—$1^1/_4$%, Германія—1%. Что

касается Россіи, то до сихъ поръ ея участіе въ торговлѣ залива совершенно ничтожно.

Въ виду той роли, какую играетъ Англія въ торговлѣ залива, для нея чрезвычайно важенъ вопросъ о будущемъ этой торговли и о культурномъ будущемъ страны. За 15 лѣтъ отъ 1873 до 1888 гг. торговля страны значительно возросла, напримѣръ, торговые обороты Бушира увеличились на 5 милліоновъ рупи, то же относительно Бендеръ-Абаса. Этотъ расцвѣтъ торговли находится въ зависимости отъ развитія воднаго транспорта. Но если взять слѣдующій періодъ отъ 1889 до 1900 гг., мы увидимъ, что торговля прогрессируетъ несравненно медленнѣе. Отсюда слѣдуетъ, что выгоды воднаго транспорта уже исчерпаны, и требуются новыя силы, чтобы дать толчокъ развитію торговли. Такими силами могутъ быть, во-первыхъ, ростъ покупательной силы населенія и, во-вторыхъ, улучшеніе сухопутнаго транспорта. При наличности существующаго режима въ Персіи и Турціи, покупательная сила народа возрасти не можетъ, такъ какъ обѣднѣніе зависитъ отъ непосильнаго обложенія съ одной стороны, и отсутствія какихъ-либо мѣропріятій для увеличенія продуктивности земледѣлія—съ другой. Ни то, ни другое правительство не стремится даже поставить данный вопросъ на очередь. Мало того, запрещеніемъ вывоза зерна ставится рѣшительный тормазъ развитію земледѣлія. Слѣдовательно, покупательная сила населенія можетъ возрасти только при наличности второго условія: улучшенія сухопутнаго транспорта. Населеніе получитъ тогда возможность легче продавать свои товары, предметы ввоза будутъ дешевле, и такимъ образомъ потребленіе возрастетъ. Между тѣмъ, за послѣдніе годы не было сдѣлано буквально ничего для того, чтобы улучшить торговыя дороги отъ залива внутрь страны.

Арабскій берегъ остается недоступнымъ для внутренней торговли. Распространеніе турецкаго владычества на Хазу и Катифъ, а также послѣдняя война Неджа съ Ковейтомъ совершенно закрыли караванныя дороги. Москатъ служитъ гаванью для всего Омана, но и здѣсь караванныя дороги остаются безъ всякихъ исправленій. Главныя караванныя дороги оканчиваются у залива 4 портами: Бендеръ-Абасъ, Буширъ, Мохаммера и Басра. Изъ нихъ важнѣйшіе—Буширъ и Басра. Изъ всѣхъ торговыхъ оборотовъ залива на Басру приходится 35%, Буширъ—24%, Бендеръ-Абасъ—6% и Мохаммеру—$4\frac{1}{2}$%. За послѣднее время изъ всѣхъ 4 дорогъ была исправлена только одна, та, которая идетъ на Мохаммеру. Дороги изъ Бендеръ-Абаса на Керманъ и Уездъ находятся во власти разбойниковъ, съ которыми персидскій губернаторъ не въ силахъ бороться. Дорога отъ Бушира до Шираза непроходима, какъ всегда. Плата за провозъ крайне непостоянна. По послѣднимъ исчисленіямъ транспортъ между Буширомъ и Ширазомъ обходится въ среднемъ въ 4 ф. 7 шил. за тонну. Другими словами, въ то время, какъ провозъ одной тонны отъ Лондона до Бушира обходится въ 30 шил., доставка той же тонны на разстояніе 183 миль внутрь страны стоитъ 4 ф. 7 ш. Отъ Бушира до Испагани доставка обходится въ

среднемъ отъ 10 до 12 ф. Всѣ эти условія по необходимости ограничиваютъ торговлю Персіи тѣми предметами, которые могутъ выдержать такое высокое обложеніе.

Когда путь по Каруну былъ открытъ для иностранной торговли, можно было ожидать значительнаго удешевленія транспорта и оживленія торговли, но уже изъ описанія Мохаммеры мы видѣли, что эти ожиданія не сбылись. Новыя страны, новые рынки, которые долженъ былъ открыть путь на Шустеръ-Диздгуль-Коремабадъ, оказались такъ же недоступны для торговли, какъ они были и раньше.

Унгемъ возражаетъ лорду Керсону, который 14 лѣтъ тому назадъ предостерегалъ своихъ соотечественниковъ отъ увлеченія постройкой желѣзныхъ дорогъ, полагая, что такимъ способомъ врядъ ли можно подвинуть культурное развитіе страны. Пути сообщенія должны соотвѣтствовать всему строю экономической жизни страны. Для Персіи такими путями являются караванныя дороги. Нашъ авторъ горячо оспариваетъ это положеніе, указывая на примѣры другихъ странъ, гдѣ развитіе парового транспорта послужило могучимъ стимуломъ для подъема торговли и промышленности. «Разрѣзать Гордіевъ узелъ постройкой желѣзныхъ дорогъ, — говоритъ онъ,—вотъ идеальная политика для страны съ отсталой культурой. Разъ желѣзныя дороги будутъ главными каналами торговли, гужевой транспортъ будетъ развиваться попутно, въ видѣ подвозныхъ путей. Но настаивать на развитіи исключительно гужевого транспорта, это значитъ отодвигать развитіе страны въ неопредѣленное будущее. Наше правительство, очевидно, плохо освѣдомлено на этотъ счетъ или придерживается явно отсталыхъ взглядовъ. Иначе мы не допустили бы, чтобы иностранныя державы получили концессію на постройку желѣзныхъ дорогъ въ странахъ, политическое и торговое развитіе которыхъ тѣсно связано съ нашими собственными интересами, и гдѣ иностранныя желѣзныя дороги—громадный тормазъ для насъ въ будущемъ. Но я считаю безполезнымъ осуждать нашу торговую политику въ Персіи, не имѣя ничего предложить взамѣнъ. Съ своей стороны я убѣжденъ, что намъ слѣдуетъ немедленно сосредоточить все вниманіе на развитіи южныхъ и западныхъ провинцій Персіи посредствомъ желѣзнодорожныхъ путей сообщенія. Одна линія, соединяющая Бендеръ-Абасъ или Буширъ съ плоскогоріемъ Персіи окажетъ торговлѣ болѣе важную услугу, чѣмъ сотни гужевыхъ трактовъ. И не къ чести англійскихъ предпринимателей и государственныхъ дѣятелей послужитъ, если какая-нибудь другая держава прежде насъ возьметъ на себя осуществленіе этой задачи».

Возражая противъ постройки германской желѣзной дороги, указываютъ, что постройка ея невозможна безъ повышенія таможенныхъ пошлинъ: это отозвалось бы неблагопріятно на англійской торговлѣ. Вопросъ о повышеніи таможеннаго тарифа самъ по себѣ еще является спорнымъ. А кромѣ того, желѣзная дорога будетъ доставлять грузы изъ Басры или Ковейта въ Багдадъ самое бо́льшее за 12 шил. съ тонны, что̀ составляетъ $^1/_8$ те-

перешней цѣны, такъ что если бы тарифъ повысился на 3%, и тогда сохранились бы выгоды дешеваго и быстраго транспорта. Данный случай еще разъ опровергаетъ труизмъ о дешевизнѣ воднаго транспорта сравнительно съ паровымъ.

Паровой транспортъ, конечно, не возродитъ Персію и турецкую Аравію, но съ нимъ вмѣстѣ иностранная торговля овладѣетъ страной, и это, несомнѣнно, произведетъ огромный переворотъ въ этихъ отсталыхъ государствахъ и послужитъ стимуломъ для дальнѣйшихъ, болѣе глубокихъ измѣненій во всемъ строѣ ихъ политической и экономической жизни.

Далѣе, важнѣйшими вопросами торговли являются оборудованіе портовъ и регулированіе таможеннаго тарифа. Можно сказать, что теперь благоустроенныхъ портовъ въ заливѣ нѣтъ, если не считать Маската, который находится внѣ предѣловъ залива и обслуживаетъ только ближайшія части Омана. Буширъ, Лингэ, Бендеръ-Абасъ—это скорѣе открытые рейды, гдѣ стоянка и нагрузка судовъ иногда бываютъ до крайности затруднительны.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ для Англіи былъ открытъ удобный путь для улучшенія портовъ въ заливѣ. Когда сборъ таможенныхъ пошлинъ въ Персіи въ 1900 г. былъ отданъ подъ контроль европейцевъ, а именно бельгійцевъ, слѣдовало ожидать, что часть сборовъ поступитъ на улучшеніе торговыхъ путей въ странѣ. Великобританія сдѣлала большую ошибку, допустивъ бельгійскихъ чиновниковъ въ порты залива. Купцы британской Индіи и Англіи живо заинтересованы въ фискальной политикѣ залива, поэтому они въ правѣ были бы потребовать, чтобы таможенныя пошлины собирались англійскими чиновниками, и извѣстная часть доходовъ шла на улучшеніе портовъ, какъ это съ успѣхомъ практикуется Англіей въ Китаѣ и Кореѣ.

Ничего подобнаго нѣтъ при существующемъ режимѣ. На оборудованіе портовъ, освѣщеніе берега, постройку удобныхъ таможенъ для сохраненія товаровъ бельгійцы не тратятъ ни копейки. Это понятно: они совершенно не заинтересованы въ торговлѣ залива, которая является для нихъ совершенно постороннимъ дѣломъ.

Относительно Басры, гдѣ таможенный сборъ принадлежитъ туркамъ и ими же эксплоатируется, нѣтъ возможности указать или надѣяться на какія-либо улучшенія въ оборудованіи порта. Номинально иностранный импортъ облагается здѣсь 8% со стоимости, но турецкіе чиновники прилагаютъ къ товарамъ свою оригинальную оцѣнку. Зданія таможни совершенно неприспособлены къ сохраненію товаровъ. Воровство—самое обычное явленіе. Поэтому, желѣзная дорога съ выходомъ въ море на Ковейтѣ могла бы значительно поднять торговлю Мессопотаміи.

Что касается общей политики въ заливѣ, то здѣсь Англія сталкивается съ Россіей и Германіей. Постройка Россіей желѣзной дороги отъ Тегерана или изъ любого пункта сѣверной Персіи до залива, или Индѣйскаго океана предполагаетъ устройство порта на этихъ водахъ, что было

бы прямымъ посягательствомъ на права Англіи въ персидскомъ заливѣ. Бороться съ своей соперницей Англія можетъ однимъ лишь путемъ: заставить Персію отдать Великобританіи концессія на постройку всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ южной Персіи. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что Россія видитъ въ выполненіи своей грандіозной желѣзнодорожной схемы государственный вопросъ. Слѣдовательно, англійское правительство должно также оказать поддержку при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. До сихъ поръ все участіе Англіи въ развитіи страны принадлежитъ частной иниціативѣ исключительно, между тѣмъ какъ русскіе предприниматели всегда опираются на авторитетъ и рессурсы своего правительства.

Относительно арабскаго берега проблемы британской политики иныя. Здѣсь Англія уже отказалась отъ идеи построить желѣзнодорожную линію въ Мессопотаміи, поэтому ей нѣтъ никакого основанія оказывать противодѣйствіе выполненію схемы, представленной Германіей. Но она въ правѣ добиваться, чтобы портъ, который будетъ конечнымъ пунктомъ этой желѣзной дороги, находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ Англіи. Если онъ будетъ находиться на турецкой территоріи,—это создастъ для Англіи большія затрудненія въ будущемъ. Поэтому авторъ такъ энергично протестовалъ противъ занятія турками пустыннаго и болотистаго мѣстечка въ бухтѣ Абдулла. Послѣднія событія въ Ковейтѣ, несомнѣнно, заставятъ германскихъ капиталистовъ и турецкихъ чиновниковъ употребить всѣ усилія, чтобы обойти этотъ портъ и найти выходъ къ морю на турецкой территоріи.

«Въ общемъ, — заканчиваетъ Унгемъ, — кромѣ устойчивой позиціи на морѣ и торговаго центра подъ англійскимъ флагомъ, крайне необходима послѣдовательная и твердая политика по отношенію къ внутреннимъ путямъ сообщенія. Великобританія—островная держава, но Британская имперія на Востокѣ—другое дѣло: она континентальна, и въ политикѣ своей должна серьезно считаться съ потребностями своего континентальнаго положенія».

М. К. П.

Замѣтки читателя.

Мы оказались неподготовленными къ войнѣ съ Японіей... Терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе,—говорилъ намъ генералъ Куропаткинъ, назначенный командующимъ манджурскою арміею послѣ открытія военныхъ дѣйствій. И въ обществѣ эти успокоительныя слова продолжаютъ дѣйствовать, несмотря на неблагопріятныя извѣстія съ Дальняго Востока.

Война съ Японіей только эпизодъ,—хотя и очень тяжелый,—въ русской исторіи. Но, къ сожалѣнію, мы не подготовлены ко многому, мы привыкли полагать, что все предусмотрѣно и что нигдѣ не надо ни общественной, ни личной иниціативы. А это пагубная привычка.

Посмотрите, какъ внимательно и вдумчиво, съ какимъ знаніемъ дѣла и энергіею слѣдятъ, напримѣръ, англійскіе агенты за тѣми странами и событіями, въ которыхъ замѣшаны какіе-либо интересы Великобританіи. Въ этомъ номерѣ *Русской Мысли* мы помѣщаемъ статью о книгѣ, которая свидѣтельствуетъ о глубокомъ изученіи англичанами Персіи. А Персія такая страна, основательное знакомство съ которой для насъ практически необходимо. Поучимся у англичанъ.

Считаю не лишнимъ въ данномъ случаѣ упомянуть и о путешествіи въ Персію извѣстнаго французскаго романиста Пьера Лоти *).

Это, конечно, не изслѣдованіе, а лишь талантливый дневникъ довольно несимпатичнаго по своимъ воззрѣніямъ художника. *Къ Испагани* даетъ яркую картину природы и отчасти нравовъ Персіи. Въ книгѣ заключаются и нѣкоторыя свѣдѣнія, полезныя для ознакомленія съ этою страною, гдѣ давно уже борятся англійское и русское вліянія.

Къ англичанамъ авторъ относится недружелюбно. Онъ пріѣхалъ въ Бендеръ-Буширъ (на Персидскомъ заливѣ) изъ Индіи. Береговая полоса отличается страшною жарою и лихорадками, особенно опасными, конечно, для европейцевъ. Дорога въ Испагань, въ горахъ, по опаснымъ тропамъ, трудно доступна верхомъ на мулахъ и лошадяхъ. Ѣхать приходится по ночамъ, отъ невыносимаго зноя, и темнота усиливаетъ опасности пути

---

*) *Pierre Loti*, de l'académie française: *Vers Ispahan*.

Страна мало населена. Останавливаться приходилось въ плохихъ и грязныхъ каравансараяхъ, въ которые загонялись и стада овецъ. Лоти полагаетъ, что эта часть Персіи заключаетъ въ себѣ огромныя минеральныя богатства, но они безплодно лежатъ въ землѣ.

На высокихъ плоскогорьяхъ живутъ кочевники, не подчиняясь персидской администраціи. Они нерѣдко грабятъ караваны, и поэтому на пути находятся сторожевые пункты *). Климатъ на плоскогорьѣ умѣренный. Не смотря на утомительную дорогу, по сторонамъ которой валяются трупы муловъ, Лоти въ восхищеніи отъ красоты природы, отъ безподобныхъ садовъ съ множествомъ апельсинныхъ деревьевъ въ цвѣту, отъ богатыхъ полей и луговъ.

Лоти выѣхалъ изъ Бендеръ-Бушира 17 апрѣля н. с. и 25 того же мѣсяца достигъ Шираза. Это царство розъ лежитъ на высотѣ, превосходящей вершины Пиренеевъ. Французскій романистъ ярко описываетъ базары, полутемныя и узкія улицы, эмалевые москеты этого города. Здѣсь онъ встрѣтилъ голландца, который завѣдуетъ отдѣленіемъ персидскаго императорскаго банка.

Благодаря ужасной дорогѣ, торговля въ Ширазѣ не особенно значительна. Европейскія издѣлія получаются изъ Россіи.

Лоти посѣтилъ могилы знаменитыхъ персидскихъ поэтовъ, Саади и Гафиза, которыя находятся въ садахъ, переполненныхъ розами; въ ихъ кустахъ поютъ соловьи. Эти страницы слѣдуетъ прочесть въ подлинникѣ.

Лоти пробылъ въ Ширазѣ недолго, бродилъ по городу, посѣщая кофейни (правильнѣе *чайныя:* персы пьютъ чай, у нихъ распространены самовары). Населеніе относилось къ иностранцу добродушно. Лоти вздумалось передъ отъѣздомъ еще разъ зайти въ кафе на окраинѣ Шираза. Тамъ оказалась толпа, которой проповѣдывалъ старый дервишъ. Лоти сидѣлъ и наблюдалъ. Вдругъ его сосѣдъ, съ которымъ онъ наканунѣ пріятельски бесѣдовалъ, низкимъ голосомъ, неудостоивая даже повернуть голову, говоритъ Лоти: «Убирайся вонъ!» Пришлось уйти. Магометанскій фанатизмъ крѣпокъ въ населеніи Ирана **).

Отъ Шираза до Испагани стало прохладнѣе, и Лоти ѣхалъ теперь и днемъ. По пути онъ осмотрѣлъ величественныя развалины Персеполиса, которыя давно уже окружены пустынею, хотя и цвѣтущею.

12 мая Лоти достигъ Испагани. Безпорядочный и грязный городъ утопаетъ въ садахъ; въ особенности много розъ. Лоти встрѣчаютъ недружелюбно, никто не хочетъ пускать его въ домъ, наконецъ бѣдная старуха соглашается отдать ему дрянную лачугу. Но про это узнали: съ криками и угрозами Лоти и его спутниковъ обступила толпа. Прогнать христіанина, выбросить его вещи! Лоти запираетъ дверь. Онъ и его слуга-французъ показываютъ персамъ револьверы (вынувъ изъ нихъ заряды). На ключкѣ

---

*) Осенью кочевники спускаются къ Персидскому заливу.

**) Съ Лоти былъ и другой подобный случай.

бумаги Лоти наскоро пишетъ записку русскому консулу, князю Д., и вѣрный персъ относитъ ее. Немедленно появляются два казака, и толпа разступается. По приглашенію князя, Лоти поселяется въ его домѣ.

Отъ Испагани въ Тегеранъ французскій путешественникъ поѣхалъ уже въ экипажѣ *). Тегеранъ произвелъ на путешественника неблагопріятное впечатлѣніе. Лѣто дождливое и нездоровое, такъ что съ мая половина населенія удаляется до осени. Гостиницы персидской столицы лишены удобствъ и грязны. Воды мало, но она больше, чѣмъ въ изобиліи въ садахъ шаха.

Лоти возвратился черезъ Ензели—Баку—Батумъ. Онъ отмѣчаетъ паденіе въ Персіи французскаго вліянія и торговли и усиленіе ввоза германскихъ товаровъ. Странно, что, по мнѣнію Лоти, Каспійское море лежитъ не ниже, а выше уровня другихъ морей.

Давно уже и часто у насъ слышатся голоса противъ *ярлыковъ, партій, направленства*. Здѣсь или недоразумѣніе, или расчетливое лицемѣріе. Каждый гражданинъ долженъ же имѣть опредѣленные общественные взгляды. Что это—ярлыкъ или направленство, когда одинъ защищаетъ самоуправленіе и судъ присяжныхъ, напримѣръ, а другой ихъ отрицаетъ? Ни одинъ просвѣщенный народъ, ни одно образованное общество не могутъ представлять изъ себя одномыслящаго монолита, являться единствомъ тожественныхъ атомовъ. Когда общественные взгляды группы людей составляютъ стройное цѣлое, когда эти люди имѣютъ организацію, передъ нами будетъ партія,—существенный признакъ современнаго европейскаго государства.

Болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, на зарѣ нашей гражданственности, извѣстный русскій публицистъ писалъ:

«Плохіе тѣ консерваторы, которые имѣютъ своимъ лозунгомъ *statu quo*, какъ бы ни было оно гнило, которые держатся господствующихъ формъ и очень охотно мѣняютъ начала. Для такихъ все равно, какое бы ни образовалось положеніе дѣлъ, для нихъ все равно, какая бы комбинація ни вступила въ силу; имъ важно только знать, на которой сторонѣ власть».

Такіе консерваторы, продолжаетъ авторъ, «равнодушны къ интересу свободы, который составляетъ душу добраго консерватизма; они готовые поклонники всякаго успѣха, всякой торжествующей формы».

«Если, со временемъ, разовьется у насъ политическая жизнь и образуются партіи, то да избавитъ Богъ наше отечество отъ такихъ консерваторовъ».

«Напрасно мы будемъ думать,—пишетъ даровитый публицистъ,—что, подвергнувъ остракизму какое-нибудь общественное начало, неправильно дѣйствующее, мы освободимъ отъ него общество. Оно не исчезнетъ, оно не уничтожится, исчезнетъ только доля добра, а ядъ останется; оно явится

---

*) Лоти описываетъ между прочимъ роскошный храмъ-усыпальницу въ Кумѣ (тамъ покоится внучка Магомета, Фатьма).

въ другомъ видѣ, подъ другимъ именемъ. Потерявъ одно изъ существенныхъ условій своего развитія, общество получитъ его обратно, но какъ начало ему чуждое и враждебное, которое до тѣхъ поръ будетъ его язвой и задержкой на всѣхъ путяхъ, пока не будетъ признано, не будетъ замирено и не найдетъ себѣ надлежащаго мѣста».

Что скажутъ на это наши современники, которые владѣютъ душой недобраго консерватизма?

Возьмемъ еще примѣръ: *ярлыкъ* или *направленство* положительное или отрицательное отношеніе къ классической школѣ? Конечно, это вопросъ педагогическій, но *классицизмъ* и *реализмъ* не ярлыки, не направленство. Съ политическими вопросами та или другая система не имѣетъ неразрывной связи. Въ французской палатѣ депутатовъ за сохраненіе классицизма горячо высказывались, напримѣръ, нѣкоторые соціалисты.

Мы скопировали,—и очень плохо,—нѣмецкую классическую гимназію въ то время, когда въ Германіи началось уже сильное движеніе противъ нея. Очень кстати вышелъ сборникъ статей г. Іоллоса *). Авторъ давно живетъ въ Германіи и въ талантливыхъ, обстоятельныхъ и яркихъ корреспонденціяхъ описывалъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* главнѣйшія явленія въ духовной и экономической жизни нѣмецкаго народа. Собранныя вмѣстѣ, письма г. Іоллоса даютъ поучительную картину этой жизни. Остановимся на вопросѣ о средней школѣ.

Въ 1892 году начались законодательныя измѣненія въ этой школѣ, при чемъ имѣлось въ виду постепенное уравненіе правъ классической и реальной гимназіи. Въ 1900 году императоръ Вильгельмъ II издалъ приказъ о продолженіи преобразованій. «Мы хотимъ,—говорилъ императоръ,—воспитывать не римлянъ и не грековъ, а людей, подготовленныхъ къ современнымъ требованіямъ жизни». Уравненіе правъ школъ обоего типа достигнуто. Имѣется въ виду обязательное обученіе англійскому языку (предпочтительно передъ французскимъ). Для льготъ по воинской повинности достаточно будетъ простого свидѣтельства о прохожденіи шести классовъ гимназіи или реальнаго училища, которое получается безъ всякаго экзамена.

Опыты *единой* школы (которую задумалъ было ввести у насъ покойный Ванновскій) въ Германіи удались блестяще. До среднихъ классовъ нѣтъ дѣленія на классиковъ и реалистовъ. Въ единой школѣ греческій языкъ для классическаго отдѣленія начинается съ шестого класса, въ классической гимназіи съ третьяго, и ученики единыхъ школъ блистательно выдержали состязаніе съ классиками.

Въ 1901 году, въ прусской палатѣ господъ, противъ классицизма выступилъ профессоръ Ридлеръ (делегатъ шарлоттенбургскаго политехникума). «Задачи человѣка XX вѣка,—говорилъ онъ,—не тѣ, что задачи людей древности. Міръ совершенно измѣнилъ свою физіономію:—что же удивительнаго,

*) *Письма изъ Берлина.* Спб., 1904 г.

если мы хотимъ измѣнить содержаніе и средства воспитанія и привести ихъ въ согласіе съ потребностями нашего времени?»

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ газетахъ появились статьи о томъ, что *толстые журналы* отжили свой вѣкъ. Приходится говорить *pro doma sua*. Замѣчу прежде всего, что ежемѣсячныя обозрѣнія нисколько не утратили своего значенія въ странахъ съ болѣе высокой культурой, чѣмъ наше отечество,—въ Англіи, Германіи, Франціи, Италіи. Конечно, при теперешней быстро текущей жизни на первое мѣсто не могла не выдвинуться ежедневная газета; но журналъ, мнѣ кажется, остается ея необходимымъ дополненіемъ. Статьи ежемѣсячниковъ даютъ политическимъ, экономическимъ и научно-философскимъ вопросамъ болѣе обстоятельное разъясненіе, чѣмъ это можетъ сдѣлать газетный листъ.

Говорятъ, что журналамъ грозитъ серьезная опасность отъ того, что талантливые беллетристы начинаютъ выпускать сами сборники своихъ произведеній. Это, дѣйствительно, можетъ повредить распространенію журналовъ. Кругъ образованныхъ людей, живо интересующихся общественными и научными вопросами, у насъ еще не великъ, и журналъ часто привлекаетъ къ себѣ романами и повѣстями. Но какія соображенія заставляютъ молодыхъ беллетристовъ нарушать практику Гончарова и Достоевскаго, Тургенева и Толстого? Если имъ въ журналѣ *тѣсно* отъ направленства и ярлыковъ, то кто же будетъ возражать противъ образованія партіи *дикихъ*, по парламентскому словоупотребленію?

В. Г.

Журнальное обозрѣніе.

Грандіозный техническій процессъ, вызвавшій къ жизни всю современную крупную промышленность, явился для милліоновъ людей источникомъ жесточайшаго страданія. Рабочій вопросъ поэтому во всѣхъ странахъ есть одинъ изъ самыхъ серьезныхъ и обостренныхъ самою жизнью вопросовъ, и всякое хотя бы и незначительное, но вдумчивое изслѣдованіе въ этой области вноситъ свою посильную долю труда въ его разрѣшеніе. Въ этомъ отношеніи интересна статья Ал. Смирнова «Изъ наблюденій земскаго статистика», помѣщенная въ апрѣльской книгѣ *Русскаго Богатства* и содержащая въ себѣ результаты спеціальнаго обслѣдованія положенія рабочихъ на нѣсколькихъ фабрикахъ одной изъ типичныхъ для центральной промышленной полосы Россіи губерній, а именно Владимірской. Прежде всего изслѣдователю бросается въ глаза тотъ довольно извѣстный фактъ, что въ составѣ массы фабричныхъ рабочихъ чрезвычайно преобладаетъ молодой элементъ: главное ядро составляетъ молодежь въ возрастѣ отъ 18 до 35 лѣтъ (56,5%); $\frac{1}{6}$ часть рабочихъ совсѣмъ въ юномъ возрастѣ до 17 лѣтъ влючительно и только $\frac{1}{4}$ часть всей массы принадлежитъ къ болѣе или менѣе пожилому возрасту—старше 36 лѣтъ; пожилыхъ людей, старше 51 года остается на фабрикѣ совсѣмъ мало — на 100 рабочихъ всего 4,6. «Надо признать,—пишетъ авторъ,—что условія труда на фабрикѣ таковы, что онѣ не подъ силу пожилому человѣку, а у молодого онѣ гибельно отражаются на здоровьѣ и скоро изнашиваютъ организмъ».

Фабричная администрація не любитъ держать у себя рабочихъ въ пожиломъ возрастѣ. Мы разъ встрѣтили въ деревнѣ рабочаго, который признался, что онъ краситъ свои сѣдѣющіе волосы, чтобы не дать повода фабричному начальству заподозрить его въ старости. Загляните, наприм., въ одно отдѣленіе на Дулевской фарфоровой фабрикѣ. Такъ называемые точильщики занимаютъ цѣлый корпусъ. Ихъ работа состоитъ въ томъ, что одни формуютъ глину для посуды, другіе наждачной бумагой прочищаютъ обожженную, но еще не глазированную посуду. Фарфоровая пыль, летящая изъ-подъ рукъ точильщиковъ, наполняетъ тонкой бѣлесоватой дымкой весь корпусъ, гдѣ работаетъ до 600 человѣкъ. Это до чрезвычайности вред-

ная работа. Года два-три тому назадъ поставили передъ каждымъ работающимъ вытяжку; раньше было еще хуже. Изъ разспросовъ тутъ же работающихъ двухъ французовъ выяснилось, что у нихъ на родинѣ давно уже примѣняются въ такомъ отдѣленіи превосходные вентиляторы, которые вытягиваютъ почти всю пыль, такъ губительно дѣйствующую на легкія. Легочныя болѣзни свирѣпствуютъ среди точильщиковъ въ ужасающихъ размѣрахъ. Предъ моими глазами встаетъ рядъ этихъ рабочихъ съ блѣдными вытянутыми лицами. Помню одного: еще молодой; по угламъ губъ его запеклась кровь, и удушливый кашель то и дѣло прерывалъ его рѣчь. Какъ-то гуляя по улицѣ, мы разговорились съ толпою ребятъ и спросили ихъ, въ какое отдѣленіе фабрики каждый изъ нихъ поступитъ. И всѣ отвѣтили, что только не въ точильщики: тамъ «сильно люди мрутъ отъ чахотки». Въ самомъ дѣлѣ, во всемъ огромномъ корпусѣ съ 600 рабочими мы встрѣтили только 59 лицъ старше 30 лѣтъ, остальное—все молодежь, старше 35 лѣтъ работаетъ тамъ лишь 34 человѣка, а старше 40 лѣтъ совсѣмъ почти не остается,—всего 15 человѣкъ. Находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ и взаимодѣйствіи съ деревней, имѣя въ ней богатѣйшій и неизсякаемый источникъ для пользованія живой рабочей силой, фабрика выжимаетъ изъ деревни лучшіе, молодые соки. Стянутые отовсюду изъ деревень на фабрику, крестьяне вовлекаются съ теченіемъ времени въ общій водоворотъ промышленной жизни, подчиняются ея требованіямъ, изъ отдѣльныхъ разрозненныхъ элементовъ становятся составной частью одного цѣлаго. Между прочимъ, одно изъ основныхъ требованій фабрики—постоянный рабочій, несвязанный никакими другими заботами кромѣ своей работы. И вотъ мы видимъ, что чуть не половина рабочихъ (45,8%) всѣмъ своимъ домомъ переселяется на фабрику, порывая всякія сношенія съ деревней. Хозяевамъ фабрикъ чрезвычайно выгодно такое положеніе дѣлъ, и устройство казармъ играетъ не послѣднюю роль въ процессѣ перевода бывшаго крестьянина въ типичнаго фабричнаго пролетарія. Приводя цѣлый рядъ цифръ, наглядно рисующихъ постепенное осѣданіе рабочихъ на фабрикѣ, и прослѣдивъ вліяніе фабрики на земледѣльческое хозяйство ея рабочихъ, которое заключается главнымъ образомъ въ томъ, что отъ натиска промышленной волны фабричной жизни уцѣлѣваютъ въ деревнѣ лишь наиболѣе крупныя земельныя хозяйства, мелкія же падаютъ и рушатся, принося въ жертву капиталистическимъ тенденціямъ времени, авторъ статьи переходитъ къ интересному вопросу о вліяніи грамотности на продуктивность труда. Рядомъ цифръ онъ показываетъ, насколько даже такое элементарное начало всякаго образованія, какъ простая выучка читать и писать, служитъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ промысловаго крестьянства для достиженія лучшаго заработка и лучшихъ привилегированныхъ мѣстъ на аренѣ промысловой дѣятельности. Простая элементарная грамотность даже и въ чисто физической, черной работѣ даетъ ясно осязаемое преимущество рабочему люду и выражается прямо рублемъ въ увеличеніи его скуднаго бюджета. Съ другой стороны, и самое положеніе техники крупнаго

производства настоятельно требуетъ введенія у насъ всеобщаго обученія, сдѣлавшагося уже десятки лѣтъ достояніемъ западно-европейскихъ народовъ.

Несмотря на болѣе слабое у насъ, чѣмъ на Западѣ, развитіе промышленности, рабочій вопросъ стучится и къ намъ въ двери и вызываетъ со стороны государственной власти цѣлый рядъ мѣропріятій и реформъ. Недавно вышедшій законъ объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчье и смерть рабочихъ привлекаетъ до сихъ поръ къ себѣ усиленное вниманіе общества и печати. Вопросу этому посвящено начало интересной статьи г. Лунца «Рабочій вопросъ и фабричное законодательство въ Россіи» въ той же книгѣ *Русскаго Богатства*.

До самаго новѣйшаго времени, какъ извѣстно, законодательство наше не знало спеціальной отвѣтственности предпринимателей, за крайне немногими исключеніями. Къ дѣламъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ рабочихъ примѣнялась общая норма гражданскаго права, по которой «всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки» въ случаѣ вины съ своей стороны. Извѣстно также, насколько тяжело было положеніе рабочихъ при такой постановкѣ вопроса, потому что огромное большинство несчастныхъ случаевъ съ рабочими вытекаетъ изъ самаго техническаго процесса производства, изъ условій и обстановки предпріятія, вопросъ же о виновности или невиновности предпринимателя играетъ второстепенную роль. Проводникомъ новаго правосознанія явились суды, которые стали относиться съ большимъ вниманіемъ къ нуждамъ рабочихъ; суды стали чаще удовлетворять рабочихъ въ искахъ о вознагражденіи, и эта судебная практика вызвала къ жизни совершенно новое явленіе—страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Необходимость страхованія была очевидна: въ предпріятіяхъ съ большимъ числомъ рабочихъ несчастія могли принять массовый характеръ, предпріятію предстояло бы произвести большой расходъ по удовлетворенію потерпѣвшихъ, который могъ бы оказаться не по силамъ; чтобы снять съ себя рискъ, и пришлось прибѣгнуть къ страхованію въ страховыхъ акціонерныхъ обществахъ. Страхованіемъ въ этихъ обществахъ выдвигалось на первый планъ условіе, чтобы несчастіе произошло во время исполненія обязанностей застрахованнымъ лицомъ, и въ этихъ случаяхъ потерпѣвшіе имѣли право на полученіе страховой суммы; принципъ этотъ, хотя и обставленный многочисленными ограниченіями, съ формальной стороны рѣшительно отличался отъ начала, принятаго въ общихъ законахъ, такъ какъ потерпѣвшимъ не надо было доказывать, что причиненный вредъ произошелъ по винѣ предпринимателя. Съ юридической стороны, слѣдовательно, страхованіе уже приближалось къ спеціальному законодательству объ отвѣтственности предпринимателей, и въ этомъ смыслѣ опередилось дѣйствующее у насъ право. Но вслѣдствіе возможнаго рода ограниченій и всяческаго урѣзыванія со стороны обществъ полагающагося потерпѣвшимъ вознагражденія, значеніе этой формы обезпеченія потерпѣвшимъ стало болѣе, чѣмъ проблематичнымъ. Въ виду этого среди предпринимателей возникла

и осуществилась, хотя и не получила сколько-нибудь значительнаго распространенія мысль о взаимномъ страхованіи. Отсюда уже одинъ шагъ до обязательнаго или государственнаго страхованія рабочихъ, необходимость котораго единогласно признается печатью, обществомъ и отчасти даже самимъ правительствомъ. Къ сожалѣнію, долгое и упорное сопротивленіе противодѣйствующихъ силъ въ концѣ-концовъ одержало побѣду, результатомъ которой и явился законъ 2 іюня 1903 г. объ индивидуальной отвѣтственности предпринимателей, который хотя и представляетъ собою значительный шагъ впередъ по сравненію съ дѣйствующимъ законодательствомъ, такъ какъ для полученія вознагражденія потерпѣвшимъ не требуетъ доказыванія виновности предпринимателя, тѣмъ не менѣе является менѣе совершенной формой обезпеченія потерпѣвшихъ рабочихъ, чѣмъ обязательное страхованіе, наиболѣе полно осуществленное въ Германіи и Австріи. Вообще надо замѣтить, что правовая реформа въ этой области вездѣ являлась результатомъ возрастающаго значенія рабочаго класса и той партіи, которая была носительницей его политическихъ интересовъ. А какіе крупные шаги дѣлаетъ на Западѣ за послѣднія десятилѣтія развитіе самосознанія рабочаго класса, показываетъ статья Л—о въ апрѣльской книгѣ *Образованія* «Папство и соціальная политика». Рабочій классъ и его движеніе представляютъ изъ себя силу, съ которой приходится считаться, и католическая церковь прилагаетъ всѣ усилія, чтобы овладѣть этимъ движеніемъ, чтобы «управлять поѣздомъ». Но какія бы матеріальныя и нравственныя милости не сулила католическая церковь рабочему люду, едва ли ей удастся столковаться съ нимъ до тѣхъ поръ, пока она считаетъ общественное и экономическое неравенство — закономъ провидѣнія, закономъ природы, пока она говоритъ о милостяхъ, а не о выстраданныхъ правахъ, которыя должны лечь въ основу будущей соціальной реформы. Въ неизбѣжности этой реформы, кажется, трудно сомнѣваться. И теперь уже, какъ мы показали выше, разрушительное вліяніе процессовъ производства на рабочихъ всюду вызываетъ вмѣшательство законодательной власти. Въ самомъ дѣлѣ трудно себѣ представить, какихъ огромныхъ жертвъ требуетъ отъ рабочихъ промышленность. Вниманіе всего цивилизованнаго міра приковано теперь къ событіямъ, происходящимъ на Дальнемъ Востокѣ; война эта, какъ и всякая война, уноситъ много жертвъ, за которыя кровью обливается сердце, а между тѣмъ германская статистика показала, что промышленныя и сельско-хозяйственныя предпріятія даютъ въ годъ до 440,000 несчастныхъ случаевъ, легкихъ и тяжелыхъ, между тѣмъ какъ во время франко-прусской войны потери нѣмцевъ убитыми, ранеными и выбывшими изъ строя составили 128,000 человѣкъ. Едва ли что-нибудь можно добавить къ этимъ цифрамъ.

Событіямъ, разыгрывающимся на Дальнемъ Востокѣ, въ послѣднихъ книгахъ журналовъ посвящено нѣсколько статей. Въ *Вѣстникѣ Европы* г. Слонимскій въ статьѣ «Желтая опасность» доказываетъ, что этой пресловутой опасности на самомъ дѣлѣ не существуетъ, что нѣтъ никакого

панмонголизма, никакой «Азіи для азіатовъ». «Все это, — замѣчаетъ г. А. Б. въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ» въ майской книгѣ *Міра Божьяго*, — или плодъ досужей фантазіи газетныхъ обозрѣвателей или мечтателей мистиковъ какъ Вл. Соловьевъ. Во всякомъ случаѣ въ трезвой и здоровой политикѣ имъ не мѣсто. Еще менѣе могутъ имѣть здѣсь значеніе дикія мечты нашихъ націоналистовъ о провиденціальной роли Россіи въ Азіи. Относительно вѣроятнаго исхода нашего столкновенія съ японцами г. А. Б. замѣчаетъ, что «это едва ли подлежитъ сомнѣнію... Наша побѣда въ концѣ-концовъ обезпечена огромными по сравненію съ Японіей средствами и превосходствомъ нашей испытанной арміи. Чѣмъ скорѣе будетъ нанесенъ нами ударъ, рѣшающій вопросъ, тѣмъ выгоднѣе для обѣихъ сторонъ, такъ какъ длительная, затяжная война только истощитъ, приведя все къ тому же положенію, съ котораго она началась. Но увѣренность въ окончательной побѣдѣ должна внушить намъ спокойствіе, съ которымъ мы можемъ относиться къ текущимъ событіямъ безъ фантастическихъ опасеній и хвастливо презрительнаго отношенія къ врагу. Пусть наши патріоты помнятъ, что третированіе врага обезцѣниваетъ побѣду и усугубляетъ горечь пораженія».

Послѣ чтенія статей, посвященныхъ событіямъ текущей жизни съ ея ужасами и тревогою, отдыхаешь душою надъ статьей Маркова въ майской книгѣ *Вѣстника Европы*, озаглавленной «Въ итальянскихъ республикахъ». Вы словно плывете въ радостныхъ глубинахъ спокойнаго и яснаго художественнаго моря, охватившаго васъ совсѣмъ съ головою,—и забываете въ эти счастливыя минуты весь остальной міръ съ его суетою. Вмѣстѣ съ авторомъ вы бродите по веселому, шумному, цвѣтущему и поющему городу, очаровательной Флоренціи, которую справедливо называютъ итальянскими Аѳинами, посѣщаете дивныя художественныя галлереи, дворцы Питти и Уффици, гдѣ не знаешь, на что смотрѣть, чѣмъ восхищаться,—дивными ли плафонами, расписанными фресками знаменитыхъ художниковъ, стѣнами, увѣшанными первостепенными созданіями величайшихъ мастеровъ, бѣломраморными ли легіонами античныхъ статуй или полотнами, неоцѣнимыми ни на какія деньги... «Флорентійскую школу живописи,—пишетъ авторъ,—можно безъ преувеличенія считать центральнымъ ядромъ итальянскаго искусства. Если Римъ былъ всегда въ глубинѣ итальянской души политическимъ и народнымъ центромъ Италіи, даже въ эпохи величайшей раздробленности и обособленности итальянскихъ государствъ, то Флоренція въ теченіе многихъ вѣковъ была, безспорно, тѣмъ умственнымъ и художественнымъ очагомъ Италіи, въ которомъ вырабатывался тонкій и многосторонній геній этого народа-артиста, народа-поэта, народа-эпикурейца. Недаромъ Данте,—этотъ міровой представитель поэтическаго генія Италіи,—этотъ Гомеръ мистическихъ легендъ среднихъ вѣковъ, былъ флорентинцемъ; недаромъ въ той же Флоренціи жизнерадостный Боккачіо своими правдивыми и забавными мѣткими разсказами прочищалъ путь сквозь дебри риторики и схоластики нарождающемуся реализму литературы; недаромъ

изъ Флоренціи же раздался изъ устъ Галилея неподкупный голосъ новой науки, смѣло разрушавшій суевѣрія схоластическихъ догматиковъ. Въ силу этого господствующаго и обобщающаго духовнаго значенія своего среди раздробленныхъ мѣстностей родной Италіи флорентинцы сдѣлали мало-помалу свой языкъ, свои нравы, свой бытъ, свои взгляды на жизнь, литературу, искусство—языкомъ, нравами, убѣжденіями и привычками всѣхъ образованныхъ итальянцевъ».

Въ той же книгѣ *Вѣстника Европы* помѣщена статья г. Гутьяра «И. С. Тургеневъ и крестьянскій вопросъ», въ которой авторъ показываетъ, какъ настойчиво осуществлялъ Тургеневъ въ своемъ родномъ Спасскомъ ту програму мирной, культурной работы въ деревнѣ вообще, которой онъ придерживался и которую онъ неоднократно и весьма категорически высказывалъ.

Г. Каренинъ въ статьѣ «Жоржъ Зандъ и Наполеонъ III» (*Вѣстникъ Европы*, май) по неизданнымъ документамъ воспроизводитъ любопытную картину отношеній великой романистки сперва къ несчастному гамскому узнику, впослѣдствіи къ Наполеону III, прямоту и благородство ея убѣжденій, ея хлопоты передъ всесильнымъ императоромъ за своихъ политическихъ друзей-изгнанниковъ и то уваженіе, которымъ она пользовалась со стороны Наполеона, преклонявшагося передъ ея талантомъ и характеромъ и бывшаго ея ярымъ принципіальнымъ противникомъ.

Въ апрѣльской книгѣ *Образованія* мы находимъ интересную статью г. Накрохина «Изъ жизни въ сѣверномъ захолустьѣ», живо рисующую сонную жизнь маленькаго провинціальнаго городка съ ея безсодержательностью и скукой, и статью г. Бунакова «О школьныхъ кассахъ и бережливости», въ которой авторъ показываетъ, какіе вредные инстинкты развиваютъ въ учащихся устраиваемыя теперь повсюду школьныя сберегательныя кассы. «Прежде всего,—заканчиваетъ авторъ свою статью,—надо правильно, разумно и прочно поставить въ нашей школѣ дѣло нравственнаго воспитанія, не замѣняя его ни формальнымъ надзоромъ за внѣшнимъ благонравіемъ учащихся, ни рискованными мѣропріятіями вродѣ школьныхъ кассъ. Надо поднять нравственность школьниковъ, а тогда подъ вліяніемъ нравственныхъ побужденій и доброкачественныхъ живыхъ примѣровъ, въ нихъ возникнетъ и разовьется и сознательное «самообузданіе» и разумная «бережливость».

Статья г. Горнфельда «Русскія женщины Некрасова въ новомъ освѣщеніи» (*Русское Богатство*, апрѣль), сравниваетъ изданныя недавно чрезвычайно любопытныя записки княгини М. Н. Волконской съ знаменитой поэмой Некрасова и показываетъ, насколько точно и правдиво воспроизвелъ поэтъ трогательную исторію любви и самопожертвованія женъ декабристовъ, и какъ неправа была критика, указывавшая на мнимые промахи и пробѣлы поэмы.

Съ большимъ интересомъ прочитывается статья г. Вальтера въ майской книгѣ *Міра Божьяго*—«М. И. Глинка. Къ столѣтію со дня его рожденія»,

прослѣживающая жизнь геніальнаго композитора и характеризующая особенности его творчества и таланта.

Ө. Арн.

Очеркъ г-жи Анны Лучинской (*Русское Богатство*, кн. IV) носитъ заглавіе «Обыватели», и онъ показываетъ, какія глубокія трагедіи и волненія таятся иногда въ тихой заводи обывательскаго прозябанія. На видъ все кажется спокойно и прилично въ размѣренной жизни двухъ братьевъ-вдовцовъ, Петра Степановича и Григорія Степановича Проловыхъ. Оба они служатъ въ банкѣ маленькаго города, имѣютъ одинаковыя привычки и сохраняютъ между собою вполнѣ дружественныя отношенія,—вѣдь это не бѣда, что Петръ консервативенъ въ своихъ взглядахъ, а Григорій послѣ встрѣчи съ однимъ обиженнымъ генераломъ склонялся къ радикализму. Это не бѣда потому, что политическіе интересы обоихъ братьевъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше отстоятъ отъ Россіи дѣла и событія. Напримѣръ, очень волновались братья во время процесса Дрейфуса, и послѣ знаменитаго «я обвиняю!». Петръ Степановичъ, какъ разсказывала его экономка, повѣсилъ у себя на стѣнѣ портретъ «француза Золы»—внизъ головою и съ выколотыми глазами. Много вниманія и нервной силы отвлекала и англо-бурская война; на землѣ палисадника чертили соотвѣтственные планы и диспозиціи,—случалось, правда, что курица «спокойно подходила къ театру войны, и въ лагерѣ англичанъ, гдѣ стояла артиллерія, все испещряли вѣточки ея слѣдовъ».

Тихо, спокойно. У каждаго изъ братьевъ-вдовцовъ есть экономка. Почтенная Марөа Игнатьевна, подруга старшаго брата, узнала, что ея молоденькая землячка Устинья, подруга младшаго брата, должна сдѣлаться матерью. Глубоко удручена была Устинья, и плакала она, плакала... А Марөа Игнатьевна все издѣвалась надъ нею, заставляла ее полоть клубнику и, когда тѣло Устиньи сгибалось при этомъ лѣниво и натужно и падало на колѣни,—раздавался насмѣшливый совѣтъ: «встряхнись по молодому, играючи за работой!»

Когда Григорій Степановичъ узналъ, что его ждетъ отцовство, онъ сильно обрадовался и рѣшилъ усыновить ребенка. Онъ мечталъ о томъ, что у него будетъ сынъ Степанъ, котораго онъ отдастъ въ университетъ, для того чтобы изъ него вышелъ «полномыслящій гражданинъ» и свободный человѣкъ,—но эти перспективы не улыбались консервативному Петру Степановичу, и онъ безусловно не хотѣлъ племянника-студента, не хотѣлъ полномыслія и свободы, за которыя, по его словамъ, кое-куда сажаютъ. И пока еще племянника не было, но между братьями уже начался раздоръ. Григорій сталъ критиковать распоряженія властей, веденіе городского хозяйства, захотѣлъ отвлечься отъ англо-бурскихъ интересовъ, принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ, баллотироваться въ гласные. Петръ Степановичъ съ ужасомъ смотрѣлъ на это вольнодумство и, желая уязвить заблудшаго брата какъ можно больнѣе, посовѣтовалъ ему: «поступай въ газетчики—валяй»...

Марѳа Игнатьевна отлучилась изъ города, и въ ея отсутствіе Устинья сдѣлала такъ, чтобы у Григорія Степановича не было сына, будущаго студента. Услужливая и свѣдущая бабушка Суслиха, у которой было много кліентокъ, не желавшихъ материнствомъ портить своей красоты,—Суслиха приняла ее, трепещущую и стыдливую, въ своей амбулаторіи-банѣ (смѣлые штрихи даетъ здѣсь г-жа Лучинская), и материнство было парализовано. Зачѣмъ это сдѣлала Устинья? Она не знала, ей не сказали, какъ отнесется Григорій Степановичъ къ ребенку; ей было стыдно, и, кромѣ того, она не любила своего хозяина, и въ глубинѣ души теплилась у нея смутная надежда, что придетъ когда-нибудь другой, милый, желанный, и тогда будетъ дитя *свое*, настоящее и тоже милое и желанное. И вотъ, на вопросъ Григорія Степановича она заявила, что то была ошибка. Горько стало ему; онъ «откашлялся, готовясь сказать что-то, но только плотнѣе прислонился спиной къ стѣнѣ, у которой стоялъ, и такъ и не сказалъ ничего».

Пріѣхала Марѳа Игнатьевна, узнала про «ошибку». И когда ушли братья изъ дому, она, разъяренная, бросилась на Устинью и страшно избила ее. Но избивъ ее, она въ безсиліи прислонилась къ бревенчатой стѣнѣ, и большое, сухое тѣло ея задрожало отъ клокотавшихъ рыданій. Она вымыла ранку на головѣ Устиньи, сѣла около стонавшей дѣвушки на скамеечкѣ, хотѣла что-то сказать и вмѣсто этого заплакала. «Марѳушка!» тихо позвала ее Устинья, открывъ глаза.—«Устя, Устя! грѣхъ-то, грѣхъ-то какой!» И все спрашивала Марѳа Игнатьевна, кто, кто научилъ Устю такому уму-разуму. И думала она о горькой женской долѣ, о томъ, что если бы знала Устя про обѣщанное усыновленіе, то, вѣроятно, не совершился бы грѣхъ. Но «можетъ, и не усыновилъ бы, кто ихъ знаетъ?» И такъ она, только что гнѣвная и раздраженная, въ женскомъ ужасѣ передъ убитымъ материнствомъ, «сидѣла, широко разставивъ колѣни, на которыя, какъ плети, спускались руки. Слезы текли по щекамъ ея и падали на грудь и на передникъ, а она затуманенными глазами, не мигая, глядѣла куда-то въ уголъ». И тихо плакали обѣ женщины, побитая и побившая, обѣ несчастныя и сиротливыя.

А затѣмъ пошли опять своей вереницей однообразные дни, и мелкой тиной обывательской скуки вновь затянулась нѣмая трагедія. Опять усиленно заинтересовались братья дѣлами въ Испаніи и въ Африкѣ, и по временамъ добродушно братъ журилъ брата за вспыхнувшее когда-то желаніе «дѣйствовать», за смѣлыя грёзы о «полномыслящемъ гражданинѣ».

Все это г-жа Лучинская изобразила въ краскахъ не очень яркихъ, но вѣрныхъ.

Въ разсказѣ Н. Осиповича «Дамка» (*Міръ Божій*, кн. V) мы встрѣчаемъ какъ разъ «полномыслящихъ гражданъ», но встрѣчаемъ, не на ихъ родинѣ, а «на полярной тундрѣ, безлюдной и суровой», гдѣ «страна холода спокойно застыла въ объятіяхъ пушистыхъ снѣговъ». Ихъ живетъ тамъ сорокъ семь человѣкъ; они артельно занимаются хозяйствомъ и, между прочимъ, имѣютъ упряжку изъ пятнадцати собакъ. Обитатели

тундры, пришедшіе изъ Малороссіи, съ Волги, съ Нѣмана, съ Дона,—они каждый день собираются въ артельной столовой, когда «погаснетъ получасовой октябрьскій день, скроется на югѣ красный дискъ солнца, лишенный теперь и блеска, и лучей, исчезнутъ сопровождающія его, какъ почетная стража, ложныя солнца и на тундру нисходитъ полярная ночь, свѣтлая и странная, какая-то таинственная». Они всѣ очень добры, любятъ животныхъ,—особенно вегетаріанецъ Елеазаръ Абрамовичъ Нахмани, котораго такъ и прозвали: «другъ всѣхъ живыхъ существъ». Онъ былъ особенно друженъ съ умной собакой «Дамкой» и трогательно заботился о ней. Но этой заботливости было послано тяжкое испытаніе, и Нахмани не вышелъ изъ него съ честью.

«Минуло сѣверное лѣто. Отъ холода укрылась тундра бѣлой мантіей снѣговъ, и рѣка одѣлась въ непроницаемую броню блестящаго льда. Все укрыто, все ждало зимы. А она уже наступила, и ея ледяное дыханіе прогнало солнце; мы съ нимъ простились на цѣлыхъ семьдесятъ дней, и длинная, безконечная полярная ночь, ночь на полторы тысячи часовъ почила надъ тундрой». Вмѣстѣ съ зимой пришелъ и голодъ, «бичъ сѣвера». Уловъ рыбы былъ крайне плохъ, и въ амбарѣ стало пусто. Не хватало пищи для людей, начали урѣзывать кормъ собакамъ. Между тѣмъ «Дамка» была на сносяхъ и, судя по опыту прежнихъ лѣтъ, обѣщала принести не менѣе семи-восьми щенятъ. «Имѣетъ ли смыслъ дать увеличиться упряжкѣ новыми псами, когда и теперешнимъ собакамъ приходится кормиться впроголодь?» И вотъ тотъ самый Нахмани, который былъ другомъ бѣдной собаки, послѣ долгихъ колебаній предложилъ, чтобы «Дамку» оставили на дворѣ безъ корму: она за нимъ побѣжитъ, а щенки при такихъ лютыхъ холодахъ, оставшись безъ покрова теплаго материнскаго тѣла, замерзнутъ; такъ «все уладится безъ пролитія крови, и новорожденныхъ щенковъ, которыхъ все равно ждетъ неминуемая гибель, умертвитъ сама природа».

Такъ и сдѣлали. «Дамка» принесла щенятъ. Ей не давали корму, и она все время, голодная и немощная, лежала на маленькихъ, голенькихъ тѣльцахъ, согрѣвая ихъ своимъ тщедушнымъ тѣломъ. Собака ради спасенія дѣтей не поднималась, хотя Нахмани дважды въ день звалъ ее, держа въ протянутой рукѣ жирную рыбу. Сверкали голоднымъ блескомъ глаза собаки, «и свѣтилась въ нихъ и печаль, и укоръ, и недоумѣніе. Семь сутокъ тянулась эта пытка. Собака изнемогала, измучился человѣкъ».

Была ночь и была сильная стужа.

Термометръ опустился ниже шестидесяти. Темное небо вдругъ всполошилось, и по безконечному звѣздному пространству безшумно брызнули и неслышно забѣгали длинныя полосы, цѣлые снопы искристаго свѣта: лиловаго, зеленаго, фіолетоваго. Разгорѣлось сѣверное сіяніе. Оно охватило полнеба—и вдругъ потухло. Но тотчасъ же зажглось въ другомъ мѣстѣ, въ третьемъ... Все небо подернулось какимъ-то свѣтящимся флеромъ, и кажется, что между горящимъ сводомъ и снѣжной поверхностью земли протянулась тонкая пелена изъ серебряной пряжи.

Наконецъ, собака не выдержала, и когда на восьмой день голодной муки Нахмани протянулъ ей жирнаго омуля, «Дамка» отбѣжала отъ сво-

ихъ дѣтей и остервенѣло бросилась на пищу. Черезъ минуту она кинулась къ щенкамъ, но тѣ «уже застыли и обратились въ твердые какъ камень комки». И завыла «Дамка», и сочувственно отозвались ей товарищи изъ упряжки, другіе псы городка, и «черезъ мгновеніе тысяча собакъ тянули дикій реквіемъ». Потомъ успокоилась «Дамка», но съ тѣхъ поръ человѣка она стала презирать.

Какъ читатели могли убѣдиться, въ разсказѣ г. Осиповича есть красивый пейзажъ и есть оригинальная рама для человѣческихъ картинъ. Но самая картина, написанная авторомъ, отличается ненужной и неестественной жестокостью. Нельзя допустить, чтобы добрый Нахмани, да и вообще кто бы то ни было, могъ такъ безчеловѣчно и систематически истязать друга-собаку; слишкомъ хитро придуманъ способъ избавиться отъ щенковъ и, наконецъ, слишкомъ много ума и добродѣтели приписано «Дамкѣ»: если вѣрить автору, то она даже прятала шапку гостя, когда замѣчала, что хозяинъ не хочетъ того отпустить...

Въ V книгѣ *Вѣстника Европы* обращаетъ на себя вниманіе задушевный разсказъ М. Ѳ. Лубинскаго «Не-судьба»,—разсказъ неприхотливый, въ художественномъ отношеніи блѣдный и всетаки привлекательный своей жизненностью. Герой, профессоръ Егорьевскій, повѣствуетъ о томъ, какъ съ юныхъ лѣтъ онъ питалъ внутреннюю склонность къ священническому званію, которое носили его отецъ и всѣ предки, и какъ впечатлѣнія дѣйствительности и горькая судьба отца все дальше и дальше отвлекали его отъ традиціонной дороги. Онъ видѣлъ, напримѣръ, какъ благочинный и другіе пастыри угрозами заставили его отца подписать постановленіе о томъ, что для борьбы съ расколомъ необходима поддержка свѣтскихъ властей, необходимы «плеть да палки». «Вотъ въ старину, бывало, ихъ живо въ единовѣріе обращали: начнутъ на морозцѣ холодной водой поливать,—и готово. Цѣлые монастыри такъ присоединялись. А нынѣ вездѣ мягкости пошли. Ну, расколъ и не ослабѣваетъ». Такъ разсуждали священники. Онъ видѣлъ, какъ его добрый отецъ (предметъ нѣжнаго и симпатичнаго описанія) выбивался изъ силъ въ неравной борьбѣ съ интригой, ханжествомъ и пошлостью и, наконецъ, палъ въ этой борьбѣ, истомленный физически и морально. Онъ видѣлъ и то, съ какимъ недовѣріемъ относится общество къ «батюшкѣ». И съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе укрѣплялось въ мальчикѣ рѣшеніе: «когда я буду большой, я ни за что, ни за что не пойду въ батюшки». И религіозный мальчикъ сдержалъ свое слово, и вотъ теперь онъ—докторъ, профессоръ. «Я,—говоритъ онъ про себя,—человѣкъ совершенно свободный: вожу знакомство, съ кѣмъ хочу; читаю, что мнѣ нравится; до сихъ поръ пою аріи, въ обществѣ меня не чураются».

Изъ жизни духовенства и разсказъ С. Гусева-Оренбургскаго «Могила» (*Образованіе*, кн. IV), разсказъ художественный и глубокій. Батюшку о. Данііла станичные казаки, во главѣ со старикомъ «епутатомъ», просятъ уйти отъ нихъ, потому что онъ пьетъ и церковь недѣлями, мѣсяцами стоитъ запертая, и прихожане ѣдутъ за требами въ чужіе приходы. Но куда

уйдетъ о. Даніилъ и какъ можетъ онъ покинуть то мѣсто, гдѣ лежитъ въ могилѣ его жена? Да, его тяготитъ вдовство, «сей тяжелый крестъ іерея», и онъ сталъ пить съ тѣхъ поръ, какъ умерла его Клавдинька. Она теперь является ему обманчиво-прекраснымъ видѣніемъ, сядетъ на диванъ,

„а платье складками ляжетъ... такъ вотъ ляжетъ вокругъ нея... какъ бывало... красиво такъ... и скромно! Сядетъ, смотритъ... Глаза грустные-грустные! Молчитъ... а я мысли ея читаю... вижу! Всѣ ихъ вижу... во взглядѣ... какъ бывало! И страшно мнѣ! „Клавдія! кричу ей,—Клавдія! Зачѣмъ ты меня покинула! Одинъ я... ослабъ я!“ Молчитъ! Потомъ будто голосъ ея зазвенитъ, изъ далека такъ, поплыветъ надо мной... какъ колокольчикъ съ большой дороги... А помнишь, староста, какъ въ гробу она лежала? Вотъ... здѣсь... Моло-о-оденькая! Какъ дѣва евангельская... Глаза закрыты... Прямая, тонкая... Знаешь, староста, что я тогда сдѣлалъ?

Онъ ближе подошелъ къ старостѣ, шепча ему таинственно:

— Письмо ей на грудь положилъ. Да, да! Письмо! Никто не видалъ, я написалъ и положилъ. Большими буквами... „Господи! Она святая! Прими ее въ рай Твой!“ И плакалъ надъ письмомъ-то! Такъ мокрое, какъ отъ дождя, и положилъ...

Онъ не можетъ уйти отъ родной могилы, и это поняли казаки и взяли обратно свой приговоръ объ изгнаніи о. Даніила. На радостяхъ онъ предался вмѣстѣ съ ними и съ дьякономъ (который мѣтилъ на его мѣсто и былъ авторомъ приговора),—предался усиленной попойкѣ, и за нею засталъ его архіерей. Это былъ особый викарій, не похожій на другихъ. Онъ потому и пріѣхалъ къ пьяному батюшкѣ, что не былъ похожъ на другихъ. Получивъ жалобу на о. Даніила, викарій, лицомъ напоминавшій скорѣе заштатнаго сельскаго іерея, чѣмъ епископа, рѣшилъ самъ повидать священника въ его домѣ, въ его обстановкѣ «какъ другъ, какъ собратъ». Архіерей скорбѣлъ, что пастыри сдѣлались чиновниками. И кромѣ того, ему самому не была чужда болѣзнь о. Даніила. И вотъ онъ пріѣхалъ къ батюшкѣ, и разбѣжались гости, и метался дьяконъ «какъ испуганная черная кошка», шмыгнулъ согнувшись въ дверь, «причемъ карманы его подрясника гулко ударились о косяки»,—они были полны мѣдью изъ только что подѣленной братской кружки. Викарій съ усталымъ и грустнымъ видомъ сидѣлъ у стола противъ священника и спрашивалъ, почему онъ не жалѣетъ себя, и говорилъ ему ласковыя и умныя слова. «Скажите, что томитъ васъ? Я пойму! Самъ перестрадалъ и пережилъ не мало... Грѣшникъ самъ... о, Господи!»

Онъ долго говорилъ о трудностяхъ священническаго служенія, объ одиночествѣ, объ искушеніяхъ, все глубже уходя въ свои мысли, точно бродя по давно привычнымъ пустынямъ, среди развалинъ, исторія которыхъ отзывалась унылымъ эхо въ его душѣ.

— Я вамъ даже такъ скажу, батюшка,—говорилъ онъ,—мнѣ гораздо милѣе ослабѣвшіе, павшіе священники... эти люди въ старенькихъ подрясникахъ и съ дрожащими руками... точно Мармеладовъ у Достоевскаго! Быть можетъ, имъ тоже некуда идти! Они близки мнѣ! Они ближе мнѣ, понятнѣе, чѣмъ тѣ... другіе... упитанные, гордые своей ложной мудростью, лицемѣрные учители, у которыхъ слово расходится съ дѣломъ такъ же далеко, какъ мракъ со свѣтомъ. Ибо тѣ обладаютъ здоровымъ, но холоднымъ сердцемъ, способнымъ мириться съ зломъ и пошлостью, сознательно или безсознательно, все равно... вина равноцѣнна! Небесъ нѣтъ въ душѣ

ихъ! А эти... жалкіе... заблудшіе... павшіе... подчасъ потерявшіе образъ человѣческій... предметъ насмѣшекъ... бѣдныя дѣти, для которыхъ не по силамъ оказалось вѣковое наслѣдство историческихъ и кастовыхъ традицій, живой укоръ всей нашей воспитательной системѣ, отжившей, но еще крѣпкой, какъ ржавыя оковы! О, какъ близки они мнѣ! Вѣдь отчего нѣтъ ни въ одномъ сословіи, батюшка, столько алкоголиковъ, какъ въ нашемъ духовномъ? Знаю, гдѣ тутъ причины и корни, знаю! Вѣдь это люди, люди прежде всего! И люди несчастные, ибо не отъ счастія становятся алкоголиками. У кого въ мірѣ совѣсть, здорово тѣло и холодна душа,—тому вино на пользу даже въ излишествѣ, тотъ тучнѣтъ будетъ отъ него, какъ корова фараонова, тотъ будетъ цвѣсти и посѣщать пиршества съ сіяющимъ ликомъ!

Рыдалъ о. Даніилъ, бился головой о ноги викарія, и не зналъ растерявшійся владыка, что̀ говорить и что̀ дѣлать. «И всѣ слова его показались ему ничтожными и ненужными, какъ рѣчь надъ могилой. Вѣдь онъ не могъ сказать: «Встань, возьми одръ твой и ходи!» Ни вѣры, ни силы... Ни права у него на то не было, ни словъ подходящихъ... И самъ себѣ показался онъ такимъ же слабымъ, ненужнымъ, умершимъ до срока».

Въ разсказѣ г. Гусева-Оренбургскаго есть много цѣнныхъ деталей, бытовыхъ и психологическихъ, которыхъ мы не могли передать; фигуры о. Даніила, его безпризорной дочки и викарія написаны въ трагическомъ освѣщеніи, а рядомъ съ ними загораются искорки живого юмора.

Въ очеркѣ Вл. Бернштама «Ахиллесова пята» описывается ужасъ одиночнаго заключенія. Томительные дни идутъ за днями, и кругомъ тишина,—даже какой-то «шумъ тишины». И грезится стукъ мельницы, и голосъ дѣда, разсказывающаго старую быль,—и хочется звуковъ, лая собаки, хочется шума. Только въ тишинѣ узнаешь, какъ дорогъ шумъ—знакъ присутствія живыхъ существъ. Но въ одиночной камерѣ, калѣчащей душу, рождается только ощущеніе своего же собственнаго присутствія. Арестованный начинаетъ замѣчать стукъ собственныхъ ногъ, хрипъ своего дыханія, щелканіе зубовъ во время ѣды,—«и тогда онъ тяготится уже и вѣчнымъ, неразлучнымъ присутствіемъ самого себя, точно съ нимъ какой-то близнецъ». Тяжко узнику, и онъ самому себѣ разсказываетъ исторіи, для того чтобы слышать человѣческій голосъ,—не такой, который выкрикиваетъ гдѣ-то: «черти, на молитву!» Вѣдь съ суровыми тюремщиками нельзя говорить,—это запрещено, и одинъ изъ нихъ высказалъ даже слѣдующій афоризмъ: «Когда арестантъ разговариваетъ съ начальствомъ, онъ долженъ молчать». И молчатъ арестанты. Суровы тюремщики, и нельзя съ ними разговаривать. Зашелъ въ одиночную камеру надзиратель, и при немъ другой арестантъ, чернорабочій, сталъ мыть въ ней окно. «Господа общество,—обратился къ нимъ узникъ,—что̀ такъ молча возиться, дайте-ка я вамъ раскажу одную старую быль». Но его рѣзко оборвалъ надзиратель, и тогда арестованный сталъ громко разсказывать эту быль самому себѣ,—«не хотите слушать, и не надо; вѣдь и каменныя стѣны имѣютъ уши». Неизвѣстно, слушалъ ли надзиратель монологъ арестанта,—во всякомъ случаѣ, въ самомъ интересномъ и интригующемъ мѣстѣ разсказа онъ вышелъ изъ камеры вмѣстѣ съ служителемъ, окончившимъ уборку.

Но и тюремщику живется не многимъ лучше арестанта. И вотъ, когда наступила ночь, медленно и боязливо растворилась форточка въ дверяхъ, и тотъ самый надзиратель, который по долгу службы мужественно не дослушалъ интересной бывальщины,—этотъ самый надзиратель поманилъ къ себѣ пальцемъ узника и взмолился разсказать ему конецъ. Тошно стало ему ходить по коридору въ молчаніи, точно на кладбищѣ около могилъ. И между арестантомъ, изголодавшимся по словѣ, и тюремщикомъ, истосковавшимся въ своей безмолвной должности, завязывается бесѣда—«такая тихая, что ея не слышатъ и тюремныя стѣны, застывшія въ своемъ ночномъ, унылом молчаніи».

Ощущенія узника можно переживать и не въ тюрьмѣ,—ихъ переживаетъ въ сердечномъ разсказѣ Н. Зоречъ «Изо дня въ день» (*Образованіе*, кн. III), дѣвушка тридцати трехъ лѣтъ. Она отцвѣла для жизни, не видѣла счастія, и уже не остается времени и силъ для того, чтобы увидѣть его. Она сознаетъ, что ихъ много такихъ,—«жалкихъ, безсильныхъ тѣней, нравственно голодныхъ, все больше женскихъ тѣней, проходящихъ мимо жизни». Скоро погаснетъ въ ней послѣдняя слабая искорка: «еще немного,—думаетъ она о себѣ, и вѣчныя потемки настанутъ для моей души; какъ милліоны и тысячи подобныхъ мнѣ, скоро стану и я ненужной шелухою, соромъ на почвѣ жизни,—какъ многія, какъ безчисленная масса многихъ». Изо дня въ день тянется сѣрая нитка бѣднаго прозябанія, и чахнетъ «старая дѣва», бѣгая по урокамъ, изнывая отъ злой и глупой прислуги Агриппины, которую она ненавидитъ, «ненавидитъ съ какимъ-то горькимъ упоеніемъ».

Въ разсказѣ О. Миртова (*Образованіе*, кн. IV и V) передъ нами выступаетъ «художникъ», который подавленъ загадкой жизни и хотѣлъ бы силой своего искусства придать смерти движеніе, уничтожить трагедію застывшаго лица. Но авторъ пишетъ такъ нервно, всѣ дѣйствующія лица его произведенія такъ безумны, что ни серьезный замыселъ, ни отдѣльныя счастливыя детали (въ особенности фигура отца героя) не могутъ заглушить въ читателѣ непріятнаго впечатлѣнія истеричности.

«Стрѣлочникъ Яковъ», герой талантливаго, хотя и не чуждаго длиннотъ, разсказа А. Яблоновскаго (*Образованіе*, кн. V), это—тотъ самый стрѣлочникъ, который виноватъ во всякой катастрофѣ. Но если приглядѣться къ нему хоть сколько-нибудь внимательно, то окажется, что, наоборотъ, именно надъ нимъ разражаются самыя тягостныя жизненныя катастрофы. Онъ принадлежитъ къ числу «калаголиковъ»,—«то ись, которые вотъ пьющіе люди, которые водку пьютъ». Жена привела его въ церковное общество трезвости, чтобы онъ вмѣстѣ съ другими «калаголиками» далъ зарокъ не пить водки. Но она привела его уже пьянымъ, и потому не хотѣли принимать отъ него клятвы, и слезы отчаянія сверкали въ «круглыхъ, какъ копѣйки, глазахъ» бабы. Она всѣ мѣры принимала къ тому, чтобы скрыть отъ «трезвенниковъ» его состояніе,—и съ помощью лица, отъ котораго ведется разсказъ, ей кое-какъ удалось это сдѣ-

лать (за эту помощь она, торопясь, «наскоро препоручила» благодѣтеля заступничеству Пресвятой Богородицы). Но хоть и записала она въ общество трезвости своего мужа,—записала его на вѣчность («на вѣчность его, подлеца, пропиши, чтобы безъ повороту»), Яковъ не переставалъ пить, какъ и многіе изъ записавшихся «калаголиковъ», которые сдѣлали «послѣднюю отчаянную попытку борьбы со своей страшной болѣзнью и какъ бы отдали въ залогъ Господу Богу свою совѣсть и всю свою замученную душу». Яковъ не пересталъ пить. Его снѣдала тоскливая зависть къ другому стрѣлочнику, Егору, который былъ такъ счастливъ, что ему паровозомъ отрѣзало руку; онъ получилъ за это тысячу рублей награды, открылъ себѣ лавочку, расторговался и теперь живетъ роскошно, «животастый сталъ, морда круглая, и цѣлый день онъ обѣдаетъ». Яковъ только и говорилъ, что объ Егоркѣ, часами торчалъ у него въ лавочкѣ, восхищался тѣмъ, какъ Егорка «сидитъ на диванѣ, пьетъ чай съ краснымъ виномъ и читаетъ «вэстникъ». И пребываетъ Яковъ въ «калаголикахъ».

Къ нему въ его жилище забрелъ тотъ самый господинъ, котораго жена Якова препоручала святымъ.

По небу печальной, безконечной грядой неслись сѣрыя, скучныя тучи. Шелъ дождь; кружился въ воздухѣ пушистый, мокрый снѣгъ и быстро-быстро сыпалась крупа, какъ будто ее нечаянно просыпали на небѣ и она вся сразу полетѣла внизъ. Вправо и влѣво отъ полотна стоялъ и дрожалъ въ холодномъ синемъ туманѣ чахлый, болотный лѣсокъ; мелкія березки-карлицы, какъ нищія старушонки, зябли на дождѣ, и корявыя мокрыя вѣточки ихъ колеблющимися тѣнями дрожали въ бурыхъ, желѣзныхъ лужахъ. Кое-гдѣ на подставкахъ, какъ на курьихъ ножкахъ, виднѣлся стожокъ сѣна; кое-гдѣ между высокими волосатыми кочками печально бродили мокрыя коровы, и мальчишка-пастушонокъ, накрывши голову старымъ мѣшкомъ, стоялъ подъ деревомъ и мокъ, мокъ, безъ конца мокъ.

Въ унылой рамкѣ этого пейзажа стоялъ наполовину врытый въ землю «старый, ободранный, мокрый вагонъ, какъ выгнанный нищій»,—въ этомъ вагонѣ, похожемъ на длинный пустой гробъ, и жилъ со своей семьей виноватый во всѣхъ катастрофахъ стрѣлочникъ Яковъ. Холодно въ вагонѣ,—зимою въ немъ даже замерзъ ребенокъ, да и теперь дѣти съ посинѣвшими лицами судорожно закатываются лающимъ кашлемъ коклюша. Но какъ будто не замѣчалъ Яковъ (хоть онъ и любилъ дѣтей) своей голодной и холодной жизни,—все реальное тонуло въ его грёзахъ о счастливомъ лавочникѣ Егоркѣ, о возможныхъ операціяхъ, которыя тотъ, какъ человѣкъ некоммерческій, упускаетъ изъ виду. Алкоголь держалъ Якова на высотѣ этихъ фантазій, несчастный не могъ отойти отъ чужого счастія, и только жена его, убитая и скорбная, ощущала весь ужасъ холодной и голодной дѣйствительности. И Яковъ не выдержалъ. Примѣръ «изнурительно-глупаго» Егорки соблазнилъ его. Онъ умышленно подложилъ подъ колеса вагона свою правую руку, «перекрестился, оглянулся вокругъ» и безъ чувствъ грохнулся разбитымъ лицомъ на самые рельсы. Это видѣли нѣсколько служащихъ, и хотя отъ отвѣтственности за умышленное члено-

вредительство Якова освободили, но зато «освободили», конечно, и отъ всякаго вознагражденія.

И въ коридорахъ суда, когда правосудіе уже было въ полномъ разгарѣ и «уткнувши лицо въ платокъ и вздрагивая плечами уже плакали женщины»,—разсказчикъ замѣтилъ однажды худую фигуру Якова съ отрѣзанной рукой: стрѣлочникъ сдѣлался судебнымъ завсегдатаемъ и все ищетъ адвоката, который взялся бы вести его дѣло съ желѣзной дорогой о вознагражденіи за отрѣзанную руку. Семья его въ деревнѣ, а онъ ходитъ по судамъ, но адвоката не можетъ найти, потому что стрѣлочникъ виноватъ во всѣхъ катастрофахъ,—онъ виноватъ и въ собственной бѣдѣ...

А.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній.—Изъ жизни провинціи.

19 мая въ Москвѣ открылся VI съѣздъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Впервые русское общество было призвано къ учрежденію особо отъ тюремъ исправительныхъ колоній и пріютовъ закономъ 5 декабря 1866 года. Съ тѣхъ поръ прошло почти 40 лѣтъ, но важное дѣло призрѣнія и исправленія несчастныхъ дѣтей, попавшихъ на путь порока и преступленія, не получило достаточнаго развитія въ нашемъ отечествѣ. Такъ изъ отчета главнаго тюремнаго управленія за 1900 г. видно, что изъ 6,515 дѣтей, приговоренныхъ судомъ къ наказанію, только 1,760 попали въ исправительные пріюты и колоніи, а 4,755 человѣкъ, за отсутствіемъ мѣстъ въ пріютахъ, были помѣщены въ тюрьмахъ. Что ожидало ихъ здѣсь, извѣстно всякому мало-мальски знакомому съ состояніемъ нашихъ тюремъ.

Совмѣстное заключеніе развращенныхъ привычныхъ арестантовъ съ лицами, впервые отбывающими наказаніе, вынужденное бездѣлье и весь внутренній режимъ тюрьмы гибельно вліяютъ и на взрослыхъ, для несовершеннолѣтнихъ же тюрьма въ полномъ смыслѣ слова является школой преступленія и разврата. Присяжные засѣдатели хорошо это сознаютъ и сплошь и рядомъ оправдываютъ несовершеннолѣтнихъ подсудимыхъ единственно по тому соображенію, что тюрьма лишь окончательно ихъ погубитъ. Но какъ ни гуманны и справедливы такіе приговоры, все же они не представляютъ собою правильнаго рѣшенія вопроса, такъ какъ оправданный несовершеннолѣтній, уйдя изъ суда, опять попадаетъ въ тѣ самыя условія, которыя уже привели его однажды на скамью подсудимыхъ.

Одинъ изъ членовъ съѣзда г. Беклешовъ въ статьѣ, помѣщенной въ *Рус. Вѣд.*, указывая на то, что законъ 1866 г. даетъ обществу широкую возможность проявленія инпціативы въ дѣлѣ попеченія о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ, винитъ общество въ малой отзывчивости къ этому дѣлу. Въ то время какъ, наприм., въ небольшой Англіи имѣется 289 исправительныхъ заведеній, въ которыхъ воспитывается 30 тыс. порочныхъ дѣтей, въ Россіи такихъ заведеній только 41 и въ нихъ находятъ себѣ помѣщеніе лишь 1,760 челов. Съ своей стороны мы можемъ указать на

примѣръ Франціи, гдѣ количество подобныхъ заведеній очень велико, и въ особенности на примѣръ Швеціи, Норвегіи и Даніи, гдѣ дѣло исправленія малолѣтнихъ преступниковъ поставлено образцово. По статистическимъ даннымъ, приводимымъ г. Ганзеномъ въ его книгѣ «Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ», здѣшнія исправительныя колоніи-пріюты для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ или для «заблудшихъ» дѣтей, какъ ихъ здѣсь зовутъ, даютъ 80% исправившихся, а изъ остальныхъ 20 лишь 6% оказываются вновь привлеченными къ суду. И въ Англіи, и во Франціи, и въ скандинавскихъ государствахъ общество, дѣйствительно, обнаруживаетъ живой интересъ къ дѣлу воспитанія и исправленія порочныхъ дѣтей. Все это такъ, но едва ли правъ г. Беклешовъ, обвиняя русское общество въ малой отзывчивости. Правда, въ данномъ случаѣ общество не стѣснено особенной регламентаціей. На оборотъ, представители исправительныхъ заведеній, не въ примѣръ другимъ общественнымъ учрежденіямъ, имѣютъ право созывать періодически съѣзды какъ для обсужденія всѣхъ возникающихъ въ ихъ жизни вопросовъ, такъ и для обсужденія законодательства о малолѣтнихъ. Все это такъ, но не слѣдуетъ забывать, что для проявленія активнаго интереса къ тому или иному общественному дѣлу необходимы извѣстное общественное воспитаніе, привычка къ общественной дѣятельности, необходима и, такъ сказать, извѣстная атмосфера, благопріятствующая общественной самодѣятельности и начинаніямъ.

Развитіе дѣла исправленія малолѣтнихъ преступниковъ въ Англіи, Франціи или скандинавскихъ государствахъ мы объясняемъ не какими-нибудь спеціальными условіями, а общимъ высокимъ культурнымъ уровнемъ этихъ странъ вообще и въ частности широкимъ просторомъ, какой тамъ предоставленъ частной иниціативѣ и самодѣятельности во всѣхъ областяхъ общественной жизни.

Нельзя конечно, отрицать важнаго значенія съѣздовъ лицъ, стоящихъ во главѣ дѣла попеченія о малолѣтнихъ преступникахъ. Такіе съѣзды служатъ средствомъ общенія между лицами, руководящими дѣломъ, способствуютъ взаимному ихъ обогащенію знаніями и опытомъ, а также и объединенію дѣятельности ихъ въ одномъ направленіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ знакомятъ и общество съ положеніемъ этого дѣла у насъ. На съѣздѣ, происходившемъ въ Москвѣ, былъ прочитанъ рядъ докладовъ представителями различныхъ обществъ и пріютовъ—кіевскаго, костромского, орловскаго, тверского, рукавишниковскаго и др.—о положеніи въ нихъ дѣла воспитанія малолѣтнихъ заключенныхъ. Въ большинствѣ сообщеній, какъ и на прошлыхъ съѣздахъ, указывалось на матеріальную необезпеченность, заставляющую нерѣдко сокращать штаты, и на слабое развитіе частной благотворительности; большинство пріютовъ существуетъ только благодаря поддержкѣ земствъ. Патроната надъ вышедшими изъ пріюта воспитанниками почти нигдѣ нѣтъ. Многіе докладчики жаловались на неудовлетворительный низшій подборъ служащихъ въ пріютахъ и на затрудненія въ пріисканіи хорошихъ воспитате-

лей. Въ сравнительно лучшемъ положеніи находится московскій рукавишниковскій пріютъ, въ которомъ теперь помѣщается 150 воспитанниковъ, устроена мастерская водопроводныхъ принадлежностей и устраивается электро-техническая мастерская для подготовки монтеровъ; на служащихъ пріюта городской думой распространены пенсіи и періодическія прибавки къ жалованью черезъ каждые три года.

Впервые присутствовали на съѣздѣ представители Финляндіи, сдѣлавшіе докладъ о положеніи тамъ дѣла исправленія малолѣтнихъ преступниковъ. Оказывается, что въ Финляндіи никакихъ частныхъ обществъ исправительныхъ заведеній не существуетъ, и всѣ заведенія содержатся на средства казны. Въ 30 верстахъ отъ Гельсингфорса устроено въ 1891 г. исправительное заведеніе на 100 мальчиковъ, а въ другую сторону, тоже въ 30 верстахъ, заведеніе на 50 дѣвочекъ. Кромѣ того, для мальчиковъ устроено еще два пріюта на 50 и 25 человѣкъ, въ которыя отсылаются дѣти младшаго возраста отъ 7 до 10 лѣтъ, хорошаго поведенія. Годовой расходъ на содержаніе главнаго пріюта доходитъ до 30 тысячъ. Воспитательная система такая же, какъ и во внутренней Россіи: существуетъ карцеръ и даже тѣлесныя наказанія, къ которымъ, впрочемъ, прибѣгаютъ рѣдко. На школьныя занятія употребляютъ зимой три часа въ день, лѣтомъ ученье прекращается. Въ мастерскихъ зимой занимаются разными мастерствами, а лѣтомъ занятія въ нихъ почти прекращаются. Дѣти въ пріютъ принимаются только по приговору суда съ 7-лѣтняго возраста и содержатся до 18 лѣтъ, раньше никто не выпускается изъ пріюта. Изъ 235 человѣкъ, выпущенныхъ изъ пріюта, 85% отличаются хорошимъ поведеніемъ. Существующихъ пріютовъ недостаточно, и въ настоящее время устраивается новое большое заведеніе.

Изъ другихъ докладовъ представляетъ интересъ сообщеніе г. Тарновскаго, содержащее свѣдѣнія о числѣ малолѣтнихъ осужденныхъ, помѣщенныхъ въ исправительныя заведенія до и послѣ 1897 года. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что изъ числа осужденныхъ попадаетъ въ пріюты лишь 10—13%. Особенно неудовлетворительно дѣло помѣщенія малолѣтнихъ въ пріюты на окраинахъ въ Виленскомъ и Варшавскомъ округѣ, въ Курляндской, Подольской, Бессарабской, Екатеринославской, Уфимской и Оренбургской губерніяхъ и отчасти въ Орловской, Пензенской и Псковской. Лучше же всего это дѣло поставлено въ московскомъ судебномъ округѣ, въ поволжскихъ губерніяхъ—Симбирской, Саратовской и Астраханской и на сѣверѣ Вятской губ. Въ этихъ мѣстностяхъ пріюты принимаютъ почти всѣхъ осужденныхъ малолѣтнихъ.

По предложенію г. Беклешова рѣшено учредить музей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ. Музей долженъ содержать экспонаты и матеріалъ для изученія дѣла воспитанія преступной молодежи и долженъ служить какъ для теоретическихъ, такъ и для практическихъ цѣлей. За средствами для устройства музея рѣшено обратиться къ тюремному вѣдомству.

Директоръ рукавишниковскаго пріюта г. Фидлеръ сдѣлалъ сообщеніе по вопросу о мѣрахъ къ уменьшенію дѣтской преступности. Докладчикъ обратилъ вниманіе съѣзда на необходимость принятія мѣръ къ предупрежденію дѣтской преступности. Главнымъ кадромъ, постоянно пополняющимъ ряды преступныхъ дѣтей, служатъ дѣти испорченныя, порочныя, ненормальныя, эпилептики, идіоты и тѣ, которыя отдаются по суду родителямъ на исправленіе или оправдываются. Для всѣхъ этихъ категорій дѣтей у нахъ никакихъ учрежденій не имѣется. Оставляя въ сторонѣ идіотовъ, эпилептиковъ и т. п., какъ требующихъ мѣръ врачебныхъ, докладчикъ настаивалъ на необходимости организаціи разумной помощи дѣтямъ остальныхъ категорій. Среди нихъ видное мѣсто занимаютъ ученики ремесленныхъ мастерскихъ, дающіе до 40—50% малолѣтнихъ преступниковъ въ рукавишниковскомъ пріютѣ. Въ качествѣ предупредительныхъ мѣръ противъ дѣтской преступности докладчикъ указывалъ на устройство яслей и дневныхъ пріютовъ для дѣтей въ районахъ, населенныхъ бѣднымъ и рабочимъ людомъ; на устройство такихъ же пріютовъ по сосѣдству отъ городскихъ школъ, гдѣ особенно нуждающіеся ученики могли бы приготовлять свои уроки, получать правильное питаніе, а въ необходимыхъ случаяхъ имѣть и ночлегъ; на организацію воскресныхъ и праздничныхъ развлеченій для бѣдныхъ дѣтей, пріютовъ и колоній для дѣтей слабаго здоровья; особыхъ пріютовъ и колоній для дѣтей испорченныхъ и порочныхъ, на организацію патроната для юношей и подростковъ и т. д. Съѣздъ единогласно принялъ эти заключенія и постановилъ напечатать докладъ г. Фидлера отдѣльной брошюрой для широкаго распространенія среди русскаго общества.

Изъ другихъ резолюцій съѣзда отмѣтимъ резолюцію о необходимости открыть спеціальный исправительный пріютъ для трудно исправимыхъ, о желательности постояннаго медико-педагогическаго и психіатрическаго надзора надъ воспитанниками исправительныхъ заведеній, и симпатичную резолюцію объ исключеніи изъ названій «исправительное заведеніе» или «исправительный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ», словъ «исправительный» и «преступникъ». Отнынѣ такія заведенія будутъ называться «пріютами, ремесленными или земледѣльческими колоніями для малолѣтнихъ».

Во время съѣзда состоялось открытіе земледѣльческой колоніи рукавишниковскаго пріюта близъ ст. Икша Савеловской желѣз. дор. Новая колонія устроена пока на 100 человѣкъ, но со временемъ предполагается расширить ее на 300. Она занимаетъ площадь въ 287 десятинъ, изъ которыхъ 90 десятинъ лѣса предназначено для правильнаго лѣсного хозяйства, остальныя подъ садъ, поля, огородъ, паркъ. При колоніи имѣется ферма для молочнаго скота. Всѣ работы будутъ производиться воспитанниками подъ руководствомъ агронома. Кромѣ того, устроены мастерскія—столярная, сапожная, шорная, слесарная и отдѣльная кузница.

Въ газетахъ неоднократно описывалось жалкое положеніе малолѣтнихъ «артистовъ», подвизающихся во всякихъ циркахъ, балаганахъ, при представленіяхъ фокусниковъ, акробатовъ и т. д. Давно уже указывалось на необходимость изданія спеціальнаго закона для огражденія «малыхъ сихъ» отъ непосильнаго мучительнаго труда и эксплуатаціи, которой они подвергаются со стороны предпринимателей. И вотъ петербургская дума взяла на себя добрый починъ и въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій постановила ходатайствовать передъ правительствомъ объ изданіи такого закона. Казалось бы ничего кромѣ благодарности дума въ данномъ случаѣ не заслуживаетъ. Оказывается, однако, что есть недовольные. Недоволенъ, наприм., г. Скальковскій въ *Новомъ Времени*. По его мнѣнію, новый законъ убьетъ приготовленіе артистовъ для частныхъ сценъ. Нельзя же заводить театральныя училища въ каждомъ провинціальномъ городѣ, а теперь лучшіе артисты практикуются смолоду на театрахъ. Такъ, Савина уже десяти лѣтъ играла на сценѣ, точно также рано начала играть Дузе, Рашель и другія знаменитыя артистки.

Едва ли, однако, подобнаго рода разсужденія могутъ оказать на кого-нибудь вліяніе. Изъ того, что исторія театра знаетъ два-три или даже десятокъ примѣровъ вродѣ Савиной и Дузе, не слѣдуетъ, что нужно закрывать глаза на то, какъ подвергаются самой жестокой эксплуатаціи тысячи дѣтей. Ни Савина, ни Дузе не пропали бы для сцены, если бы начали играть на сценѣ въ 16-лѣтнемъ возрастѣ. Наконецъ, петербургская дума, безъ сомнѣнія, имѣла въ виду не столько дѣтей, выступающихъ на театрахъ, сколько тѣхъ, которые ломаются въ циркахъ, балаганахъ, лѣтнихъ садахъ и т. д. А для огражденія этихъ дѣтей законъ безусловно необходимъ.

Въ законодательномъ огражденіи нуждается и трудъ многихъ и многихъ тысячъ людей, работающихъ въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ, на пароходахъ, желѣзныхъ дорогахъ и т. д. Года три тому назадъ московское отдѣленіе россійскаго техническаго общества предприняло изслѣдованіе условій жизни и труда служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ. Была выработана обширная программа вопросовъ и разослана въ общества приказчиковъ губернскихъ городовъ и столицъ. На призывъ общества отозвались 26 городовъ, приславшихъ около трехъ съ половиной тысячъ заполненныхъ опросныхъ листовъ. Полученныя свѣдѣнія, разработанныя докторомъ Листовымъ, представляютъ интересный матеріалъ для освѣщенія этого наболѣвшаго вопроса. Какъ видно изъ данныхъ, приведенныхъ въ *Пет. Вѣд.*, большинство опрошенныхъ приказчиковъ, находится въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ. Перешедшіе 50-лѣтній возрастъ, по выраженію приказчиковъ, выходятъ «въ тиражъ». Оплата труда колеблется въ широкихъ границахъ, начиная съ 5 руб. въ мѣсяцъ, средній же годовой заработокъ приказчика равенъ 490 руб. 67% опрошенныхъ заявили, что жалованья имъ не хватаетъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей. Третья часть приказчиковъ оказалась многосемейными, лишенными воз-

можности дать дѣтямъ какое-нибудь образованіе. Около 30% опрошенныхъ живутъ на хозяйскихъ квартирахъ, подъ которыми разумѣются углы, нары, койки. Большинство собственныхъ квартиръ—сырыя и холодныя.

Рабочій день, по выраженію одного приказчика, «безсовѣстно длинный» и въ среднемъ опредѣляется въ $14^1/_2$ часовъ. Въ бакалейныхъ, гастрономическихъ, булочныхъ и т. п. заведеніяхъ онъ доходитъ до 18, 20 и даже 21 часа. Городомъ, отличающимся особенной продолжительностью рабочаго дня при наиболѣе низкой оплатѣ труда, оказался Елисаветградъ. Здѣсь рабочій день продолжается въ среднемъ 18 часовъ при средней годовой оплатѣ въ 258 руб. Наименьшій рабочій день въ Москвѣ—въ 10, 12 ч. Воскреснаго и праздничнаго отдыха нѣтъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ городовъ, гдѣ торговля въ эти дни ограничена 2—3 часами; но и въ этихъ городахъ служащіе въ гастрономическихъ, бакалейныхъ и т. п. заведеніяхъ отдыхомъ не пользуются.

Д-ръ Листовъ, въ заключеніе своего доклада, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) для поднятія образовательнаго уровня торговыхъ служащихъ, въ цѣляхъ улучшенія и развитія самой отечественной торговли, желательно бо́льшее распространеніе въ Россіи, помимо общихъ, коммерческихъ учебныхъ заведеній. Доступъ въ такія училища долженъ быть всѣми мѣрами облегченъ для торговыхъ служащихъ; 2) въ цѣляхъ охраны трудовыхъ интересовъ значительнаго класса ремесленниковъ необходимо было бы въ законодательномъ порядкѣ установить максимальную продолжительность рабочаго дня въ торговыхъ заведеніяхъ, обязавъ ихъ въ то же время предоставить служащимъ отдыхъ въ воскресные и нѣкоторые праздничные дни. Для надзора въ этомъ отношеніи за торговыми заведеніями слѣдовало бы учредить спеціальный контроль, на подобіе фабричной инспекціи, съ допущеніемъ въ составъ его хозяевъ, приказчиковъ и представителей общественныхъ учрежденій, и 3) желательно, по примѣру Германіи, введеніе государственнаго страхованія на случай болѣзни, инвалидности и смерти рабочихъ со включеніемъ въ число ихъ и торговыхъ служащихъ.

Къ этимъ выводамъ нельзя, конечно, не присоединиться.

Мы видимъ, что по даннымъ, собраннымъ техническимъ обществомъ, хуже всего положеніе приказчиковъ въ Елисаветградѣ. И дѣйствительно, мѣстныя *Елисаветградскія Новости* изображаютъ жизнь елисаветградскихъ приказчиковъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Измученные работой приказчики просятъ своихъ хозяевъ освободить ихъ хоть въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ 7—8 час. вечера, чтобъ избавить ихъ отъ работы при лампахъ-молніяхъ и дать имъ возможность подышать послѣ долгаго знойнаго дня свѣжимъ воздухомъ. Три года уже ведутъ они борьбу съ своими хозяевами за эти нѣсколько часовъ необходимаго отдыха — и все безуспѣшно. Сначала изъ 37 мануфактурныхъ торговцевъ 7 не согласились удовлетворить ходатайство приказчиковъ. Затѣмъ приказчики мало-по-малу склонили на свою сторону еще шесть человѣкъ. Теперь остановка

только за послѣднимъ, котораго приказчики никакъ не могутъ упросить. И знаете, кто этотъ послѣдній? Бывшій приказчикъ, лишь недавно ставшій хозяиномъ. До такой степени ожесточила его каторга, которую онъ самъ прошелъ.

Служащимъ на Риго-Орловской жел. дор. живется не лучше, чѣмъ елисаветградскимъ приказчикамъ. Брянскій корреспондентъ *Орловскаго Вѣстника* сообщаетъ, что на этой дорогѣ есть такія должности, на которыхъ агенты дежурятъ по 180 часовъ. Это вѣсовщики, служащіе въ багажномъ отдѣленіи на ст. Брянскъ, и дежурятъ они такъ: сперва всю недѣлю только ночью, т.-е. съ 8 час. вечера до 8 час. утра, а потомъ всю недѣлю круглыя сутки безпрерывно.

Корреспондентъ добавляетъ, что при всемъ желаніи не вѣрить въ такое сообщеніе, ему приходится еще разъ подвердить, что это фактъ и фактъ неоспоримый и доказанный въ докладной запискѣ, поданной однимъ изъ вѣсовщиковъ.

Нерѣдко попадаются въ газетахъ и жалобы почтовыхъ чиновниковъ. Дежурства въ 180 часовъ, правда, въ почтовыхъ учрежденіяхъ не встрѣчается, но работа по 18 часовъ въ сутки всетаки встрѣчается. О подобномъ случаѣ, наприм., сообщаютъ въ *Екатеринославскій Листокъ* изъ села Мало-Михайловки.

Любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ также *Саратовская Земская Недѣля* о продолжительности рабочаго дня кустарей въ Ярославской губ. Валенщики работаютъ здѣсь по 18 часовъ, овчинники по 14 часовъ, веревочники лѣтомъ по $15^1/_2$—$16^1/_2$ час., а зимою $14^1/_2$—$15^1/_2$ час., гончары по 17—19 час., мѣдно-литейщики по 15 час. Такимъ образомъ вся жизнь проходитъ въ непосильной работѣ. А какова обстановка этой работы, можно судить по слѣдующему описанію корреспондента.

«Зайдемте въ овчинное заведеніе. Согнувшись вы входите черезъ маленькую скрипучую дверцу внутрь, и васъ сразу же обдаетъ кислымъ, затхлымъ запахомъ прѣющей овчины и тяжелымъ угаромъ. Отъ посѣщенія нѣсколькихъ овчинныхъ подрядъ у меня уже начинала болѣть голова, а овчинникъ въ такой избѣ проводитъ цѣлый сезонъ, постоянно угараетъ, жарится въ высокой температурѣ и, глотая массу пыли, выдѣляющейся при подниманіи овчинъ, наживаетъ себѣ чахотку».

Мастерскія шубниковъ донельзя переполнены, отъ чего воздухъ дѣлается спертымъ. Отъ чрезмѣрнаго напряженія и плохого освѣщенія у шубниковъ слабѣетъ зрѣніе.

Еще хуже условія, въ какихъ работаютъ валяльщики. «Работа эта,— писалъ корреспондентъ Сересновской вол.,— чистая каторга, къ тому же въ пыли и духотѣ, прѣли и вони... несосвѣтимой». Въ рабочемъ помѣщеніи все время поддерживается высокая температура, такъ какъ при ней шерсть сваливается быстрѣе; кустарямъ приходится работать безъ рубашки. Кромѣ того, валенщики страдаютъ отъ духоты, отъ насыщенности воз-

духа парами, отъ отсутствія вентиляціи, отъ обилія насѣкомыхъ. Само помѣщеніе — узкая, тѣсная и грязная клѣтушка, скупыя оконца съ мутными стеклами, не пропускающими даже необходимаго количество свѣта, такъ что приходится почти постоянно работать при керосиновой лампочкѣ, плохо заправленной и коптящей... Прибавьте къ этому постоянный угаръ. 17—18-часовой рабочій день при скудныхъ харчахъ и хроническомъ недосыпаніи; прибавьте все это и вы перестанете удивляться и испитымъ землистымъ лицамъ кустарей, и тому, что каталь не можетъ проработать сплошь всю недѣлю, не сдѣлавъ на срединѣ ея «перекидочки», т.-е. прогула, а съ наступленіемъ весны «съ радостью бѣжитъ» мѣнять свою тяжелую работу каталя тоже на нелегкую профессію каменщика, печника, штукатура...

«Работаешь, работаешь,—говорили корреспонденту сами валенщики,—а на 20 лѣтъ раньше помрешь!... Вотъ какая наша работа». Отъ сырости быстро изнашиваются не только катальныя избы, но и сами катали. По окончанія рабочаго сезона весной, ходятъ они блѣдные, изнуренные и настолько слабые, что, по образному выраженію одного кустаря, ихъ «вѣтромъ шатаетъ»... Гдѣ же тутъ еще думать о грамотѣ?

Нечего и говорить, что оплачивается такая работа очень плохо, нерѣдко отъ 6 до 12 коп. въ день.

Хотя во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ положеніе служащихъ и рабочихъ обусловливается причинами экономическаго свойства, все же законодатель могъ бы многое сдѣлать для улучшенія этого положенія, въ особенности въ отношеніи продолжительности рабочаго дня и обстановки труда.

Конечно, одной законодательной охраны мало. Нуженъ еще надзоръ за фактическимъ исполненіемъ закона. Когда у насъ жалуются на слабое развитіе законности, то при этомъ имѣютъ въ виду не столько отсутствіе законодательныхъ нормъ на тотъ или другой случай, сколько пренебрежительное отношеніе къ уже существующему закону.

Токое пренебрежительное отношеніе къ закону и постоянная наклонность къ примѣненію вмѣсто него «личнаго усмотрѣнія» есть, разумѣется, результатъ давней практики, имѣвшей мѣсто въ руской жизни. И нужно сознаться, что иногда даже учрежденія, поставленныя для надзора за неуклоннымъ примѣненіемъ закона, не всегда даютъ примѣръ правильнаго отношенія къ нему.

Весьма характерную иллюстрацію къ этому положенію мы нашли въ одномъ сенатскомъ указѣ, полученномъ недавно бессарабскимъ губернаторомъ. Указъ этотъ, напечатанный въ *Одесскомъ Листкѣ*, настолько характеренъ, что мы его приведемъ цѣликомъ.

«Правительствующій сенатъ, обсудивъ вопросъ о правѣ еврея Сойбельмана на временное пребываніе въ качествѣ винокура на кошерницкомъ винокуренномъ заводѣ, Сорокскаго у., и признавъ за нимъ такое право, отмѣнилъ постановленіе бессарабскаго губернскаго правленія, коимъ было

отказано Сойбельману имѣть временное пребываніе на семъ заводѣ въ качествѣ винокура, и о семъ для исполненія былъ посланъ бессарабскому губернскому правленію 21 декабря 1902 г. указъ. По полученіи сего указа губернское правленіе поручило сорокскому уѣздному исправнику произвести по обстоятельствамъ дѣла новое дознаніе, на которомъ, какъ видно изъ постановленія губернскаго правленія отъ 3 апрѣля 1902 года и рапорта отъ 26 мая 1902 г., не было добыто никакихъ новыхъ свѣдѣній, кромѣ обнаруженія, не имѣющаго для дѣла о правѣ Сойбельмана на временное на заводѣ пребываніе никакого значенія, факта нахожденія на заводѣ другого винокура—сына владѣльца завода. По полученіи сего дознанія губернское правленіе вновь вошло въ разсмотрѣніе уже точно разрѣшеннаго правительствующимъ сенатомъ вопроса, и, не признавъ, вопреки сему указу, за Сойбельманомъ права на временное жительство на заводѣ, по постановленію отъ 3 апрѣля 1902 г., опредѣлило упомянутый указъ «принять къ свѣдѣнію» и «предписать полицейскому управленію Сойбельмана на заводѣ для исполненія обязанностей винокура и къ поселенію не допускать», причемъ въ рапортѣ правительствующему сенату отъ 26 мая 1902 года, при изложеніи содержанія постановленія отъ 3 апрѣля умолчало о послѣдней части резолюціи, по содержанію своему явно противорѣчащей резолютивной части опредѣленія сената по тому же предмету». Въ виду этого и принимая во вниманіе: 1) что указъ сената отъ 21 декабря 1900 года подлежалъ немедленному исполненію губернскаго правленія; 2) что за симъ какихъ-либо новыхъ по дѣлу обстоятельствъ, не бывшихъ въ виду правительствующаго сената и затруднявшихъ приведеніе онаго въ исполненіе по полученіи сего указа губернскимъ правленіемъ не обнаружено, и 3) что по поводу дѣйствій по настоящему дѣлу бессарабское губернское правленіе, выразившихся: а) въ повѣркѣ путемъ дознанія правильности рѣшенія правительствующаго сената; б) въ новомъ разсмотрѣніи дѣла, сенатомъ уже рѣшеннаго; в) въ постановленіи въ этомъ опредѣленіи резолюціи, выраженной въ предписаніи полицейскому управленію, «Сойбельмана на заводъ для обязанности винокура и къ поселенію не допускать», каковая резолюція клонилась не только къ неисполненію указа сената, принятаго тѣмъ опредѣленіемъ губ. правл., «къ свѣдѣнію», но и къ явному перевершенію сего указа, и г) въ невѣрномъ изложеніи въ рапортѣ отъ 26 мая 1902 г. содержанія постановленія губернскаго правленія 3 апрѣля 1902 г. въ резолютивной его части,—возникаетъ вопросъ объ отвѣтственности бессарабскаго губернскаго правленія по 330 и 417 ст. улож. о нак.

«Правительствующій сенатъ опредѣляетъ: 1) постановленіе губернскаго правленія отъ 3 апрѣля 1902 г. отмѣнить; 2) подтвердить губернскому правленію о немедленномъ и точномъ исполненіи указа отъ 21 декабря 1902 г. и о семъ донести въ установленный закономъ срокъ, и 3) возникающій въ семъ дѣлѣ вопросъ объ отвѣтственности бессарабскаго губернскаго правленія разсмотрѣть особо въ порядкѣ 96 ст. учр. сен. О чемъ

для исполненія и объявленія просителю, жит. въ г. Сорокахъ, бессараб. губерн. правленію въ разрѣшеніе рапорта отъ 26 мая 1902 года послать указъ».

330 и 417 стт. Улож. о нак., по которымъ сенатъ рѣшилъ привлечь къ отвѣтственности бессарабское губернское правленіе, предусматриваютъ: 330-я — неприведеніе въ исполненіе указовъ правительствующаго сената (наказаніе—удаленіе отъ должности или исключеніе со службы), 417-я—представленіе въ рапортѣ по начальству дѣла въ неполномъ или невѣрномъ видѣ (наказаніе—отъ выговора до удаленія отъ должности).

Читатель согласится, что случай, приведенный въ указѣ сената, удивительно характерный. Губернское правленіе, призванное насаждать законность въ мѣстной административной практикѣ, не останавливается предъ явнымъ нарушеніемъ закона для того, чтобы оставить въ силѣ неправильное свое рѣшеніе, и прибѣгаетъ для этого къ цѣлому ряду дѣйствій вплоть до подачи невѣрнаго рапорта высшему учрежденію. Дѣло было бы еще понятно, еслибъ это совершило отдѣльное должностное лицо, но когда это совершаетъ цѣлая коллегія, высшая по своему положенію въ губерніи, то это невольно наводитъ на печальныя размышленія о томъ, какъ мало обезпечены были законные интересы населенія большой области отъ личныхъ взглядовъ и усмотрѣнія административныхъ органовъ. Хорошо еще, что Сойбельманъ довелъ дѣло до губернскаго правленія, а затѣмъ дважды жаловался на него въ сенатъ, сначала на неправильное толкованіе и примѣненіе закона, а затѣмъ на неисполненіе сенатскаго указа. Но часто ли у насъ встрѣчается такая настойчивость въ защитѣ своихъ законныхъ правъ? Не чаще ли забитый, некультурный и не вѣрящій въ законность обыватель предпочтетъ подчиниться неправильному распоряженію, чѣмъ подавать жалобы и вооружать противъ себя «начальство?» Надъ такой перспективой призадумается иногда не только отдѣльный обыватель, но и цѣлое учрежденіе. Въ такомъ именно положеніи находится въ настоящее время минское городское самоуправленіе — жаловаться или уладить недоразумѣніе путемъ дипломатическихъ переговоровъ?

Дѣло въ томъ, что мѣстная полиція обратилась къ обывателямъ съ цѣлымъ рядомъ крайне своеобразныхъ требованій. Имъ разосланы черезъ полицейскихъ приставовъ циркулярныя предложенія въ видѣ листковъ о произведенныхъ яко бы осмотрахъ домовъ и найденныхъ при этомъ недостаткахъ въ санитарно-строительномъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ домовладѣльцамъ были предъявлены требованія окрасить дома со всѣхъ сторонъ, двери, окна, ворота, возвести новыя работы, перестроить лѣстницы въ домахъ и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ требованій довольно оригинальны. Такъ, лицевыя стѣны дома должны быть выкрашены сплошною краскою одинакова́го цвѣта; разноцвѣтныя же краски не допускаются; побѣлки въ домахъ, населенныхъ бѣднѣйшимъ классомъ, должны производиться не менѣе одного раза въ годъ. Заборъ долженъ быть не болѣе 3 аршинъ высоты.

Мало того, полиція требуетъ, чтобъ ее допустили внутрь домовъ для указанія внутренняго ремонта.

По поводу этихъ требованій былъ поднятъ вопросъ въ минской думѣ, которая въ виду того, что требованія эти предъявлены были ко всѣмъ безъ исключенія домовладѣльцамъ, усмотрѣла въ нихъ какое-то изданное полиціей безъ законныхъ основаній обязательное постановленіе. Между прочимъ, гласными были разсказаны въ думѣ нѣкоторые курьезные случаи. Такъ, одному домовладѣльцу полиція предписала исправить въ три-пять дней то, на что требуются недѣли. Другому приказано было сначала окрасить домъ въ синій цвѣтъ, а затѣмъ въ зеленый. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ полиція сама разрушила тротуары, чтобы заставить домовладѣльцевъ возвести новые. Нѣкоторые гласные, находя, что дѣйствія полиціи произвольны, предложили было принять энергичныя мѣры по этому поводу, но членъ управы г. Яновскій предостерегъ гласныхъ противъ открытаго конфликта съ полиціей и предложилъ принять болѣе мягкія мѣры. Въ концѣ концовъ дума постановила поручить управѣ просить начальника губерніи обратить вниманіе на дѣйствія полиціи.

Недавно намъ случилось писать о саратовскихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, по поводу которыхъ мы должны были замѣтить, что ужъ лучше бы саратовцы вовсе не занимались благотворительностью, чѣмъ создавать подобныя учрежденія. Къ такому же безутѣшному выводу приводитъ насъ и исторія бакинскаго общества защиты женщинъ. Въ бакинскихъ газетахъ въ послѣднее время стали появляться критическія замѣтки о порядкахъ въ пріютѣ этого общества. Для провѣрки этихъ замѣтокъ общество собрало особую слѣдственную коммиссію, и вотъ что, по словамъ *Бакинскихъ Извѣстій*, коммиссія раскрыла. Оказывается, что бывшій секретарь общества Оганджанъ сдѣлалъ пріютъ поприщемъ для своихъ донъ-жуанскихъ подвиговъ. Онъ самъ не отрицалъ предъ слѣдственной коммиссіей, что питалъ «особое расположеніе» къ находившейся подъ защитой общества К—вой. Вещественными знаками «особаго расположенія» секретаря были различнаго рода подарки, подносимые имъ К—вой, какъ-то: пирожныя, конфеты, часы, ботинки, калоши. Тотъ же секретарь устроилъ К—ву конторщицей въ бюро общества, несмотря на сопротивленіе члена правленія г-жи М. «Особое расположеніе» секретаря къ К—вой вызвало ревность со стороны нѣкоей «Паши», устроившей въ пріютѣ сцены ревности.

«Такимъ образомъ,—констатируетъ коммиссія,—поведеніе г. Оганджана по отношенію къ К—вой было не только компрометирующимъ общество защиты женщинъ, но и деморализирующимъ призрѣваемыхъ убѣжища и квартиръ».

Впрочемъ, это все еще цвѣточки, а ягодки впереди. Ягодки же заключаются въ томъ, что пріютъ общества обратился въ своего рода мѣсто поставки женщинъ на содержаніе. Такъ, коммиссія установила, что непо-

средственно изъ пріюта четыре женщины поступили на содержаніе. Такъ, нѣкая «Катя» уѣхала изъ убѣжища къ армянину на Аджикабулъ. Армянинъ этотъ предварительно велъ переписку съ секретаремъ общества. Затѣмъ онъ пріѣхалъ, вызвалъ Катю чрезъ секретаря въ бюро и ушелъ съ нею. Свиданіе въ бюро даже происходило въ присутствіи секретаря.

При такой же обстановкѣ ушла и другая женщина—Полина. Еще двѣ дѣвушки ушли на содержаніе при посредствѣ смотрительницы.

Такова бакинская благотворительность. Надо сознаться, что если бы пришлось писать сатиру на благотворительность, то ничего злѣе того, что было въ бакинской дѣйствительности, и нарочно не придумаешь.

А. С.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Враги мира, прямо или съ лицемѣрными изворотами нападавшіе и за границей, и у насъ на гаагскую конференцію, *довольны* ужасами японо-русской войны. Рене Милле въ *Revue Politique et Parlementaire* умоляетъ иронически апостоловъ мира сидѣть спокойно, не трубить о томъ, что прекрасная французская армія,—которая стоитъ такъ дорого,—никогда не должна сражаться. Если двое спорятъ, причемъ одинъ заявляетъ, что драться онъ ни въ какомъ случаѣ не станетъ, ясно, на чьей сторонѣ будетъ выгода.

Такъ остроумно и гуманно разсуждаетъ г. Милле, уподобляя международныя столкновенія дракѣ между уличными безобразниками. Онъ говоритъ, что при заранѣе обѣщанномъ отказѣ вести войну невозможна никакая дипломатія. Но кто же предлагаетъ такую нелѣпую постановку вопроса?

Г. Милле издѣвается надъ людьми, которые страстно стремятся къ устраненію безчеловѣчныхъ ужасовъ войны; ему стыдно,—увѣряетъ Милле,—обращаться къ азбукѣ. Хороша азбука!

Въ томъ же *Политическомъ и Парламентскомъ Обозрѣніи* появилось возраженіе на статью г. Милле нашего соотечественника, извѣстнаго соціолога г. Новикова (*La force et le bonheur des nations*). Быть сильнымъ, вотъ идеалъ націи, по мнѣнію г. Рене Милле. Но какъ не видитъ онъ,—спрашиваетъ Новиковъ,—что сила не цѣль, а средство? Если силою пользуются разумно,—это ведетъ къ народному благополучію; въ противоположномъ случаѣ наступаетъ разореніе, гибель. Для людей, которые группируются въ націи, для живыхъ людей, мыслящихъ и чувствующихъ, первою потребностью является счастье; а счастье и грубая сила исключаютъ другъ друга. Только тогда, когда международныя отношенія станутъ правовыми, благосостояніе англичанина, француза, русскаго станетъ достижимымъ.

Милле желаетъ видѣть Францію *сильною*. Прекрасно, но что это значитъ? Въ 1869 году Франція могла поставить на военную ногу въ три мѣсяца 400,000 ч. Въ 1904 г. она въ состояніи мобилизировать въ три

недѣли три милліона солдатъ. Это кажется для г. Милле великимъ благодѣяніемъ для французскаго народа... Но если соотвѣтственно возросли силы противницы Франціи—Германіи, то къ чему же служитъ эта перемѣна, это тяжкое бремя милитаризма? Не лучше ли было бы для той и другой стороны остаться тридцать пять лѣтъ на уровнѣ ихъ прежней *силы?* Насколько улучшилось бы,—въ духовномъ и экономическомъ отношеніи,—положеніе Германіи, еслибъ она не злоупотребила силою въ 1870 году, еслибъ она не отняла у Франціи Эльзасъ-Лотарингію. И насколько бы въ то же время увеличилось культурное богатство всей Европы.

Французы до сихъ поръ расплачиваются за результаты войны, такъ легкомысленно начатой Наполеономъ III. Бюджетъ республики составляетъ теперь три съ половиною милліарда франковъ, а безъ войны съ Германіей онъ не превышалъ бы двухъ съ половиною милліардовъ. А на милліардъ въ годъ сколько можно было бы сдѣлать для благосостоянія, для просвѣщенія страны!

Миръ для государства и народа есть состояніе здоровья. Войны, какъ англійская съ бурами, ведутся въ узко-торговыхъ интересахъ, и несправедливо, что правительство посылало въ южную Африку десятки тысячъ людей гибнуть изъ-за этихъ интересовъ.

Новиковъ энергически возстаетъ противъ предположенія г. Милле,—а его защищаютъ многіе,—будто *силою* могутъ быть открыты выгодные торговые рынки. Дѣйствительно, посмотрите внимательно, и вы увидите, что эти рынки пріобрѣтаются умомъ, знаніемъ, предпріимчивостью, а не *силою* оружія или произвола. Вотъ это по истинѣ азбука, далеко не усвоенная европейскимъ обществомъ.

Я не привожу размышленій г. Новикова объ Индіи и объ интересахъ тамъ англичанъ, потому что не считаю эти разсужденія правильными,—къ дѣлу они, въ данномъ случаѣ, и не относятся. Но вотъ несомнѣнные успѣхи въ началѣ двадцатаго вѣка идей мира и международной справедливости. Между Франціей и Англіей заключено соглашеніе, по которому, на основаніи гаагской конференціи 29 іюля 1899 года, по § 19, споры между этими державами подлежатъ третейскому суду (съ значительными ограниченіями). За этимъ послѣдовало франко-итальянское соглашеніе, такого же рода, причемъ въ договоръ внесены и нѣкоторые вопросы рабочаго законодательства. Съ особенною радостью привѣтствуемъ мы эти успѣхи разума и совѣсти.

По поводу франко-англійскаго соглашенія выступилъ съ статьею въ майской книгѣ *Полит. и Парл. Обозрѣнія* извѣстный, уже престарѣлый политическій дѣятель французской республики Рене Гобле. Онъ останавливается прежде всего на вопросѣ объ Египтѣ и не одобряетъ уступчивости французской дипломатіи. Занятіе Египта англичанами, по мнѣнію Гобле (и это вѣрно), узаконяется Франціей, но за то послѣдней предоставляется свобода дѣйствій въ Марокко. Англичане укрѣпляютъ такимъ образомъ свое

фактическое положеніе, французы расширяютъ сферу своего вліянія и, по всей вѣроятности, пріобрѣтутъ новыя территоріи въ сѣверо-западной Африкѣ. Гобле опасается серьезныхъ осложненій, если правительство не будетъ особенно осторожно и предусмотрительно.

Англо-французское соглашеніе является въ значительной степени дѣломъ Эдуарда VII. Интересная статья посвящена характеристикѣ англійскаго короля во второй майской книгѣ *Revue de Paris* *).

Когда умерла королева Викторія, надъ Англіей тяготѣла трудная и несправедливая война съ бурами; Европа не симпатизировала Великобританіи, Франція была раздражена извѣстнымъ эпизодомъ съ Фашодою. Теперь все это измѣнилось къ лучшему и этому много помогла личная дѣятельность Эдуарда VII.

Французскій публицистъ проводитъ довольно злую параллель между королемъ Великобританіи и императоромъ Вильгельмомъ II, не въ пользу второго. Эдуардъ VII обладаетъ обширными познаніями, онъ чуждъ высокомѣрной англійской исключительности, являясь въ то же время образцомъ англійскаго джентельмена и спортсмена. Благодаря всѣмъ этимъ достоинствамъ строго конституціонный монархъ соединеннаго королевства быстро пріобрѣлъ широкое вліяніе въ жизни политическихъ партій Великобританіи и имя его окружено всеобщимъ и глубокимъ уваженіемъ.

Авторъ статьи говоритъ, что Эдуардъ VII искренне желалъ предотвратить войну между Японіей и Россіей и что онъ дружелюбно относится къ нашему отечеству, вовсе не раздѣляя японофильскихъ увлеченій англійскихъ шовинистовъ.

Въ майской же книжкѣ названнаго журнала напечатано окончаніе статьи Виктора Берара: *Бунтъ Азіи* **). Японія,—говоритъ онъ,—воплощаетъ въ себѣ,—и это ея особенность,—плодоносную и жестокую Азію. На роскошныхъ поляхъ Индіи, въ виду величественныхъ Гималаевъ, въ климатѣ, гдѣ одно грозное явленіе смѣняется другимъ, человѣческая мысль смиряется, уходитъ въ созерцаніе, какъ и въ остальныхъ частяхъ Азіи, сходныхъ съ Индіей. А на азіатскихъ плоскогорьяхъ раскинулась *жестокая Азія*, тамъ живутъ суровые, полудикіе люди. Смѣсь этихъ двухъ Азій и представляетъ собою Японія. И въ физическомъ отношеніи мы находимъ ту же двойственность: морскія теченія и атмосфера связываютъ Японію и съ полюсомъ, и съ экваторомъ. Въ національномъ отношеніи японцы представляютъ теперь крѣпкое, внутренно сплоченное единство (за исключеніемъ айновъ на островѣ Іезо, но это племя повидимому вымираетъ). Это національное единство носитъ своеобразно-патріархальный, азіатскій характеръ: японецъ преданъ не отечеству, а микадо, абсолютному общему

*) *XXX: Edouard VII.* Подъ этими знаками пишетъ, кажется Ганото, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ.

**) *Victor Bérard: La Révolte de l'Asie.*

отцу, происходящему отъ богини свѣта и жизни. Нынѣшній микадо въ своихъ манифестахъ заявлялъ, что онъ служитъ посредникомъ между его народомъ и богами. Японія является поэтому избранною страною, которая должна повелѣвать другими народами.

Борьба министерства Комба, поддерживаемаго парламентскимъ большинствомъ, съ воинствующимъ клерикализмомъ, вступила въ новую фазу. Жоресъ напечаталъ въ своемъ органѣ *L'Humanité* текстъ протеста, съ которымъ папа Пій X обратился къ иностраннымъ державамъ по поводу посѣщенія президентомъ французской республики итальянскаго короля въ Римѣ, причемъ, не могло состояться, по волѣ римской церкви, свиданія Лубе съ папой.

Чрезвычайно умѣренная, осторожная (кажется и не безъ сношеній съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ) парижская газета *Le Temps* называетъ ошибкою протестацію папы. Мы,—говоритъ *Temps*,—получили визитъ итальянскаго короля въ Парижѣ и отдали этотъ визитъ въ Римѣ. Гдѣ же этотъ визитъ могъ бы быть отданъ, какъ не въ столицѣ Италіи? Если римскій первосвященникъ хочетъ поддержать свои права, какъ свѣтскаго государя,—это его дѣло,—но причемъ же тутъ вызовъ Франціи? Папа не согласился на условія, при которыхъ австрійскій императоръ могъ бы отдать визитъ итальянскому королю. Францъ-Іосифъ отказался поэтому отъ поѣздки въ Римъ, а Лубе не побоялся, совершенно основательно, такой поѣздки, которая вполнѣ соотвѣтствовала разумно понимаемымъ интересамъ Франціи и Италіи (свободная церковь въ свободномъ государствѣ). И *Temps* находитъ, что папа Пій десятый не на высотѣ своего призванія.

Конкхавъ,—говоритъ *Temps*,—по волѣ германскаго императора, переданной Австріей, ея кардиналу, направилъ выборъ нынѣшняго папы, устранивъ Рамполлу.

Вопросъ о клерикализмѣ выступаетъ теперь во Франціи. Въ *Revue Pol. et Parl.* ему посвятили статью Бюиссонъ, Денисъ Кошери (депутатъ парламентской правой) и Рене Гобле.

Сближеніе Франціи съ Англіей и Италіей не портитъ нашихъ отношеній къ Французской республикѣ. Нѣтъ недостатка въ пользу установленія тѣсныхъ не только дипломатическихъ и военныхъ, но и торговыхъ отношеній. Въ этой цѣли написано обстоятельное изслѣдованіе г. Гальперинъ-Каминскаго, хорошо знакомаго съ русской жизнью и литературою. Авторъ высказывается за франко-русскій экономическій союзъ. По порученію французскаго правительства онъ ѣздилъ въ Россію для изученія дѣла на мѣстѣ. Г. Гальперинъ-Каминскій находитъ моментъ благопріятнымъ для вытѣсненія на русскихъ рынкахъ французскими продуктами товаровъ другихъ ино-

*) *Halperine-Kaminsky*: „France et Russie. Alliance économique“.

странныхъ державъ (главнымъ образомъ Германіи, отчасти Англіи). Нѣмцами было привезено и вывезено въ періодъ 1896—1898 гг. въ среднемъ на 987 милліоновъ франковъ въ годъ, а весь ввозъ въ Россію и вывозъ изъ нея за эти года достигалъ въ среднемъ 3.480.000,000 франковъ. Нѣмецкихъ товаровъ ввозится на полмилліарда, русскихъ покупается въ Германію на четыреста слишкомъ. Франція отпускаетъ къ намъ на 67 почти милліоновъ франковъ, вывозитъ на 160 м., и въ названные года французская торговля шла на пониженіе.

Гальперинъ-Каминскій жалуется, между прочимъ, на фальсификацію въ Россіи французскихъ винъ. Въ 1894 году изъ 1.800,000 бутылокъ шампанскаго подлинныхъ было только 635 тысячъ. Шато-Марго (въ Парижѣ хорошее стоитъ 20 франковъ) даетъ въ годъ лишь 400,000 бутылокъ, въ Россіи продается вездѣ и стоитъ въ пять разъ дешевле.

Съ книгой г. Гальперина-Каминскаго полезно познакомиться русскимъ читателямъ.

Когда пишутся эти строки, предстоитъ, повидимому, грозное сраженіе. Овладѣвъ послѣ ожесточеннаго боя цѣною страшныхъ потерь нашею укрѣпленною позиціею на самомъ узкомъ мѣстѣ Квантунскаго полуострова, японцы въ военномъ отношеніи отрѣзали Портъ-Артуръ отъ арміи генерала Куропаткина. Сильный отрядъ, въ двѣ дивизіи, подъ начальствомъ генерала Штакельберга былъ посланъ на югъ отъ Ляояна, но послѣ двухдневнаго боя былъ оттѣсненъ непріятелемъ, значительно превосходившимъ насъ артиллеріей. Теперь войска Куропаткина и Куроки стоятъ почти лицомъ къ лицу. Съ замираніемъ сердца ждетъ Россія этого рѣшительнаго столкновенія, полагаясь на испытанную боевую доблесть главнокомандующаго, на беззавѣтное мужество русскаго солдата. Говорятъ, что наступившіе въ Манджуріи дожди задержатъ военныя дѣйствія на мѣсяцъ. Это дастъ возможность прибыть сильнымъ нашимъ подкрѣпленіямъ.

Огромный переполохъ въ Японіи и оживленные толки въ западной Европѣ вызвалъ набѣгъ трехъ крейсеровъ нашей владивостокской эскадры, «Россіи», «Громобоя» и «Рюрика». Моряки превозносятъ это отважное движеніе. Адмиралъ Скрыдловъ, незамѣченный стерегущею Владивостокъ японскою эскадрою, прошелъ болѣе восьмисотъ верстъ корейскимъ проливомъ и благополучно вернулся въ крѣпость. Онъ сообщаетъ телеграммою отъ 6 іюня: «Всеподданнѣйше доношу Вашему императорскому Величеству: утромъ 2 іюня въ Корейскомъ проливѣ нашъ крейсерскій отрядъ настигъ шедшій съ юга къ берегамъ Японіи, виднѣвшійся на горизонтѣ японскій транспортъ, оказавшійся по осмотрѣ «Идзуми-мару». На транспортѣ находились воинскіе чины. По истеченіи назначеннаго для спуска шлюпокъ и оставленія транспорта срока, которымъ часть команды воспользовалась, транспортъ потопленъ выстрѣлами. Вскорѣ съ юго-востока открылись два транспорта, оказавшіеся потомъ «Хитачи-мару» и «Садо-мару», первый—съ войсками, второй—съ командами носильщиковъ, конями и желѣзно-дорож

нымъ матеріаломъ. Послѣ отказа сдаться и по истеченіи срока, назначеннаго для посадки на шлюпки, оба эти транспорта потоплены минами и снарядами. Потери японцевъ: три транспорта общей вмѣстимостью около 15,000 тоннъ, часть воинскихъ чиновъ и командъ, бывшихъ на пароходахъ, и значительные воинскіе и желѣзно-дорожные грузы. 3-го іюня у береговъ Японіи былъ встрѣченъ британскій пароходъ «Аллантинъ» съ грузомъ болѣе 6,000 тоннъ угля изъ порта Морорапъ на островѣ Хоккайдо, шедшій на югъ. Неясность его бумагъ и неисправность вахтеннаго журнала заставили сомнѣваться въ нейтральности его груза, почему подъ командою лейтенанта Петрова 10-го съ конвоемъ нижнихъ чиновъ пароходъ отправленъ во Владивостокъ, куда и прибылъ для разсмотрѣнія его дѣйствій въ мѣстномъ призовомъ судѣ». Движеніе транспортныхъ и торговыхъ судовъ между Японіей и Кореей теперь задержится и японцы понесли тяжкія потери. Какой ужасъ война! Погибли тысячи людей, а подвигъ былъ отваженъ и страшно рискованъ.

В. Г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюнь **1904 года.**

Содержаніе. І. **Книги:** Беллетристика. — Исторія, исторія литературы.— Географія, естествознаніе.—Политическая экономія, юридическія книги.— Медицина.—Учебники, книги для народа. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го мая по 1-е іюня 1904 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

М. Ѳ. Глушкевичъ. Мелодіи. Стихотворенія.—*Ив. Коневскій.* Стихи и проза.—*В. В. Умановъ-Каплуновскій.* Славянская муза.— *Г. Чулковъ.* Кремнистый путь.—*М. А. Лохвицкая.* Стихотворенія.—Альманахъ книгоиздательства „Грифъ“.—*В. В. Березовскій.* Дни и ночи,—*Умановъ-Каплуновскій.* Лучи и тѣни.—*М. Н. Загоскинъ.* Юрій Милославскій.—*Русаковъ.* Максимъ Горькій въ каррикатурахъ и анекдотахъ.

М. Ѳ. Глушкевичъ. Мелодіи. Стихотворенія. Львовъ, 1903 г. Г. Глушкевичъ принадлежитъ къ числу „русскихъ“ поэтовъ въ Галиціи. Принципіально отрицая украинскій языкъ, они пробуютъ писать языкомъ Пушкина и Лермонтова.

Авторъ „Мелодій“ считается наиболѣе талантливымъ изъ нихъ. По общему признанію (единомышленниковъ), у него наиболѣе чистый языкъ.

Насколько все это вѣрно, можно видѣть изъ слѣдующихъ, взятыхъ на удачу, цитатъ.

Его „Демонъ“ дѣлаетъ ужасающія признанія:

И въ мірѣ я превѣчно, дни и ночи,
Какъ искуситель буду пресмыкаться,
Какъ хищный звѣрь, потупя хитро очи,
Надъ дѣтской лаской, надъ сердечнымъ другомъ,
Надъ вашимъ (?) добродѣтельнымъ супругомъ,
Надъ вашимъ Богомъ буду надругаться!
Я храмъ святыхъ надеждъ въ душѣ разрушу,
Я осмѣю молитвы предъ лампадой,
И жаждою безумной взвихрю (?!) душу:
Ха-ха, молись! Ха-ха, молись—и падай!

Послѣднее особенно страшно...

Есть у г. Глушкевича дальше „Одуванчикъ счастья“, „Выжитой обычай“, „Недожитая любовь“, „Тайный сказъ пугливыхъ звѣздъ“, „Ручеекъ волнами строкъ молитву сна цвѣтамъ шепталъ“, „Печаль и стонъ давно кладбищный души оставили предѣлъ“, „Плынутъ звуки“, „Прелюбодѣйный взглядъ безстыдно спотыкался“, „Потемки моего разсудка“, „Голодной страсти гнусный маскарадъ“, „Отара тучъ“, „Стадно ускоряютъ бѣгъ“, „Загробный летъ“, „Хмурный лѣсъ“ и пр. и пр.

Желанье уйти подальше отъ своего языка заставляетъ коверкать чу-

жой, малоизвѣстный, и въ результатѣ получается какая-то пестрая, неорганическая смѣсь. Какъ тутъ не вспомнить совѣта Крылова скворцу:

Мой милый скворушка, ну что за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ!..

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій (1894—1901 г.), съ портретомъ автора, свѣдѣніями объ его жизни и статьей Валерія Брюсова объ его творчествѣ. Книгоиздательства „Скорпіонъ". М., 1904 г. Ц. 2 руб. Эта съ любовью и тщательностью изданная книга производитъ впечатлѣніе тягостное и грустное. Несмотря на статью г. Брюсова и объясненія издателей, личность автора остается неясной и непонятной. Если вглядѣться въ отрывистые, угловатые стихи, въ прозу, какую-то лихорадочную, тяжелую, видно только одно: мы, читатели, какъ бы присутствуемъ при рядѣ тяжелыхъ, трудныхъ опытовъ, которые производилъ надъ собой остро-мыслящій человѣкъ съ цѣлью найти, опредѣлить самого себя и свой путь.

Ив. Коневской умеръ въ началѣ этихъ опытовъ и нельзя говорить о немъ, какъ о писателѣ. Съ большей или меньшей вѣроятностью можно думать только, что послѣ долгаго ряда томительныхъ исканій, такъ часто принимавшихъ рѣзкія формы, выливавшихся въ такой тяжелой рѣчи и скомканныхъ, холодныхъ, некрасивыхъ стихахъ, молодой авторъ нашелъ бы и свое настоящее слово и свой литературный обликъ. Говоримъ, можно такъ думать—потому, что все, оставленное Ив. Коневскимъ, производитъ впечатлѣніе искренняго стремленія и сильной мысли.

Книга эта не можетъ имѣть литературнаго значенія; она, повторяемъ, только исторія исканій рано умершаго человѣка, и только въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ документовъ, рисующихъ исторію тяжелыхъ душевныхъ усилій, она интересна. Особенно характерны нѣкоторые стихи (хотя часто даже малопонятные): „Многимъ въ отвѣтъ", „Проясненіе", „Я съ жаждой ширины"... и т. д.

Въ прозѣ отмѣтимъ „Мистическое чувство въ русской лирикѣ".

Издана книга безупречно.

В. В. Умановъ-Каплуновскій. Славянская муза. Сборникъ переводныхъ стихотвореній. Третье исправленное изданіе. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. Книга эта, выходящая третьимъ изданіемъ, имѣетъ и значительныя достоинства и досадные недостатки. Содержаніе ея довольно полно. Составитель умѣло и тщательно выбралъ пьесы, характерныя для творчества славянскихъ поэтовъ, и помѣстилъ въ свой сборникъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ.

Имена поэтовъ, выбранныхъ г. Умановымъ-Каплуновскимъ, по большей части нашей публикѣ или незнакомы вовсе, или знакомы очень мало. Среди нихъ не видно талантовъ первоклассныхъ, поражающихъ и захватывающихъ читателя, но тѣмъ не менѣе большинство стихотвореній производитъ впечатлѣніе вполнѣ благопріятное. Несмотря на примитивность формы (по большей части) и на нерѣдкую наивность содержанія, въ славянскихъ поэтахъ чувствуется свѣжая самобытность, искренность, порою горячее и сильное чувство. Особенно замѣтно оно въ патріотическихъ пѣсняхъ,—то томительно грустныхъ, то звучащихъ гордо и бодро. Эти пѣсни выпѣлись подъ грозой и подъ гнетомъ, и поэты національнаго горя, видимо, вложили въ нихъ глубокое и мощное чувство любви къ родинѣ.

Разумѣется, русской публикѣ не лишнее познакомиться съ славянской поэзіей, тѣмъ болѣе, что эта поэзія, кромѣ интереса, такъ сказать, этно

графическаго, достойна вниманія сама по себѣ. Вотъ почему мы и упомянули въ началѣ о томъ, что книга г. Уманова-Каплуновскаго имѣетъ несомнѣнныя достоинства.

Недостатки ея главнымъ образомъ въ переводѣ. Не то, чтобы переводы были вообще плохи, но многіе изъ нихъ сдѣланы небрежно, шероховато и громоздко. Напримѣръ, развѣ не небрежностью вѣетъ отъ такихъ строкъ:

И встанетъ чехъ
Грозой на всѣхъ! („Наше оружіе", стр. 4).

Зачѣмъ это чеху вставать грозой „на всѣхъ?" Не для того ли, чтобы прислать переводчику непокорную риому? Или—что такое читаемъ мы на 40-й страницѣ въ стихотвореніи „Къ ней" Ивана Змай-Іовановича:

Такъ поступать грѣшно, моя родная!
Гдѣ прежній жаръ? Увы, совсѣмъ остыла...
Въ нашей крѣпкой дружбѣ—
Первая осѣчка...
Охъ, ты—холодуха
Кругленькая... печка...

Либо это—какой-то доселѣ невиданный и непонятный юморъ, либо—и это гораздо вѣрнѣе—просто неудачный, некрасивый и непоэтическій наборъ риемованныхъ словъ. Среди общей массы переводовъ вполнѣ удовлетворительныхъ, такія небрежности со стороны г. Уманова-Каплуновскаго не рѣдки.

Не хорошо переведенъ „Сумасшедшій" Іовановича, — стихотвореніе, извѣстное по передѣлкѣ Петёфи, много шероховатостей въ „Природѣ" Вазова, въ „Хаджій Димитръ" Ботева и т. д.

Лучше другихъ, а временами и очень недурны переводы народныхъ славянскихъ пѣсенъ, приложенныхъ въ концѣ книги. Въ нихъ много силъ и свѣжести и нерѣдко удается переводчику уловить и передать своеобразную, трогательную ихъ красоту.

Очень полезны довольно подробныя біографіи избранныхъ поэтовъ и примѣчаній, которыми г. Умановъ-Каплуновскій снабдилъ образцы „Славянской музы".

Нѣсколько словъ объ изданіи. Назначенной на обложкѣ цѣны оно во всякомъ случаѣ не стóитъ. Кое-какъ сшитые, расползающіеся листы плохой бумаги съ неряшливой печатью, съ очень некрасивой обложкой, производятъ впечатлѣніе очень невыгодное.

Георгій Чулковъ. Кремнистый путь. Изд. В. М. Саблина. 1904 г. Ц. 1 руб. Г. Чулковъ сразу выступаетъ въ качествѣ беллетриста и въ качествѣ поэта. Было бы очень отрадно встрѣтить въ авторѣ разностороннее дарованіе: очень хорошо, когда человѣкъ можетъ дѣлать нѣсколько дѣлъ, успѣшно справляясь съ каждымъ. Гораздо менѣе утѣшительно, если человѣкъ изъ взятыхъ на себя предпріятій удовлетворительно справляется только съ однимъ—и совсѣмъ ужъ не хорошо, когда обѣщаютъ много, а даютъ очень мало, почти ничего.

Г. Чулковъ выбралъ послѣднее. Его, видимо, слабая индивидуальность не выдержала натиска модныхъ теченій, пользующихся успѣхомъ и имѣющихъ большой спросъ. А перспектива быть поэтомъ, „какъ Бальмонтъ", и писателемъ, „какъ Андреевъ", —весьма заманчивая перспектива. Отчего же и не попытаться? И вотъ г. Чулковъ не обинуясь рекомендуется:

„Я хочу и я буду кричать среди звуковъ безумья и слезъ:
И мои диссонансы нужны—возрожденье израненныхъ грезъ.

Я гармонію вашу порву, разорву ея сладкій напѣвъ;
Я ни розъ, ни вѣнца не приму отъ народа, отъ юношей, дѣвъ.
Я стою на скалѣ. Я высокъ. Не достанутъ меня палачи.
И напрасно глупцы мнѣ кричатъ: замолчи, замолчи, замолчи!"

Очень подробная, такъ сказать, добросовѣстная рекомендація.

Когда человѣкъ, стоящій на маленькомъ пригоркѣ, утверждаетъ, что „онъ высокъ", что „онъ стоитъ на скалѣ", желаетъ и будетъ кричать, ни мало не опасаясь палачей и совершенно отвергая предполагаемую депутацію отъ „народа, юношей и дѣвъ" съ вѣнцомъ и розами,—конечно, вовсе не умно кричать: „замолчи, замолчи, замолчи!" Сразу видно, что стоящій на пригоркѣ—просто большой шутникъ, который со скуки придумалъ странное занятіе — шумный и вовсе не забавный фарсъ. Покричитъ человѣкъ свои „диссонансы"—и замолчитъ, потому что убѣдится, что никакіе палачи на него не ополчаются, скалы никакой нѣтъ, а депутація отъ дѣвъ и юношей не придетъ.

Впрочемъ, послѣднее, можетъ быть, и невѣрно. Повторяемъ, г. Чулковъ отлично знаетъ, на что есть спросъ. Очень можетъ быть, онъ и дождется нѣсколькихъ поклонниковъ, но ужъ непремѣнно изъ весьма незрѣлыхъ дѣвъ и юношей, ибо человѣку, любящему и чтущему искусство, совсѣмъ не подобаетъ идти къ г. Чулкову на поклонъ.

Читателей, которые не составили себѣ яснаго представленія о поэтической части „Кремнистаго пути", къ сожалѣнію, приходится отослать къ самой книгѣ. Между прочимъ, тамъ находится переложеніе „Пѣсни пѣсней" уже рѣшительно несообразное. Что касается прозаической части, то о ней можно сказать немногое и приблизительно то же.

„Что-то черное", названное поэмой, очень дѣйствительно, темно. При тщательномъ разсмотрѣніи можно убѣдиться въ томъ, что подъ „чернымъ" подразумѣвается просто смерть. Кромѣ того, въ поэмѣ можно найти добросовѣстное подражаніе Леониду Андрееву. Больше ничего найти нельзя.

„Уединеніе" претендуетъ сразу на пейзажъ, лирику и тончайшую психологію. Но опять-таки, кромѣ очень простой исторіи о томъ, какъ „они не поняли другъ друга", причемъ онъ говорилъ „немножко изъ Нитцше", ничего изъ „Уединенія" вынести нельзя. „Слово" явно породнилось съ „Набатомъ" Л. Андреева, въ „Колоннахъ" видно, какъ г. Чулкову не давали спать лавры г. Андрея Бѣлаго и т. д., и т. д.

Въ концѣ концовъ все это очень прискорбно.

Г. Чулковъ вовсе не очень даровитый человѣкъ, но маленькое дарованіе у него какъ будто есть. Два-три маленькихъ отрывка заставляютъ такъ думать. И при всемъ томъ г. Чулковъ безнадеженъ: видно, что ему никогда не избавиться отъ желанія писать „какъ такой-то", отъ погони за чужими лаврами, отъ безсознательнаго, быть можетъ, но полнаго уничтоженія своей личности въ пользу того, что въ спросѣ, въ цѣляхъ погони за „розами и вѣнцомъ отъ юношей и дѣвъ".

Г. Саблинъ очень хорошо издалъ книжку. Красиво воспроизведенъ на обложкѣ рисунокъ Штука, хороши бумага и печать.

М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія. Томъ V. 1902—1904 г. Ц. 2 р. 40 к. Пять томовъ стихотвореній, издашныхъ талантливой поэтессой, уже составляютъ объемистый вкладъ въ нашу современную литературу. Г-жа Лохвицкая—несомнѣнный поэтъ, и ея произведенія выгодно выдѣляются среди безграничной массы ежегодно появляющихся стихотворныхъ сборниковъ.

Главное достоинство г-жи Лохвицкой—красота стиха и образа. Ни-

сать стихомъ гладкимъ въ наше время умѣютъ чуть ли не всѣ, но сдѣлать стихъ яркимъ и звонкимъ, дать ему просторъ и легкость — удѣлъ немногихъ. Надо замѣтить и то, что у г-жи Лохвицкой есть еще одна необходимая для поэта черта: чувство мѣры. Стихи ея, образы и темы по большей части изысканнаго характера, но эта изысканность почти никогда не переходитъ въ вычурность, не становится запутанной и рѣзкой.

Итакъ, у г-жи Лохвицкой мы съ полнымъ основаніемъ видимъ поэтическое дарованіе. Иное дѣло—размѣръ этого дарованія, его силы и границы. Здѣсь уже намъ придется отмѣтить явленіе нежелательное.

Г-жа Лохвицкая пишетъ лѣтъ пятнадцать по меньшей мѣрѣ. За этотъ значительный промежутокъ времени она выпускаетъ пятый сборникъ. Но если сравнить стихотворенія перваго и пятаго тома, окажется, что творчество г-жи Лохвицкой ровно никакихъ эволюцій не переживаетъ. Отличный стихъ и былъ, и есть, дарованіе не углубилось, стихи не стали ни сильнѣе ни вдумчивѣе, развѣ только нѣсколько усилилась любовь къ изысканности. Правда, г-жа Лохвицкая не регрессируетъ. Это доказывается лежащимъ передъ нами сборникомъ, въ которомъ нетрудно найти нѣсколько попстинѣ хорошихъ вещей, много удачныхъ оборотовъ, много изящества. Посмотрите, какой нѣжностью дышитъ хотя бы первая строфа стихотворенія „Свѣтъ вечерній“:

„Ты мой свѣтъ вечерній,
Ты мой свѣтъ прекрасный,
Тихое свѣтило
Гаснущаго дня.
Алый свѣтъ межъ терній,
Говоръ струй согласный,—
Все, что есть и было,
Въ жизни для меня!

Такія строфы не рѣдки въ сборникѣ. Есть равныя и въ „Волшебномъ кольцѣ“, и въ „Снѣ“, и въ „Среднихъ вѣкахъ“. Но ничего лучшаго, сравнительно съ прежними произведеніями, намъ г-жа Лохвицкая въ новомъ сборникѣ не даетъ. А если дарованіе не эволюціонируетъ, талантъ не расширяется и не углубляется, намъ съ прискорбіемъ приходится убѣдиться въ томъ, что талантъ этотъ не великъ.

Въ послѣднее время г-жа Лохвицкая увлекаетъ мрачнымъ колоритомъ, суровыми красками среднихъ вѣковъ—процессами вѣдьмъ, колдовствомъ, гримуарами, пытками, любовными исторіями, въ которыхъ замѣшанъ дьяволъ.

Богатѣйшая область для поэта-романтика! Въ такой характерной, захватывающей оправѣ широкое дарованіе большого поэта можетъ дать истинныя сокровища. Между тѣмъ колдовскія, чародѣйныя и магическія произведенія г-жи Лохвицкой, правда, и красивыя, и изящныя до изысканности, очень мало говорятъ читателю. Красочная и интересная область средневѣковаго мистицизма затронута слишкомъ узко, взята слишкомъ поверхностно и разрабатывается г-жей Лохвицкой съ чисто-внѣшней стороны.

Кстати, характерная черта. Г-жа Лохвицкая знаетъ, что она давно уже имѣетъ право именоваться поэтомъ и умѣетъ писать хорошіе стихи. Однако, этого мало. Въ погонѣ за лаврами драматурга, она создаетъ одну за другой громаднѣйшія драмы: „Два слова“, „Вандэлинъ“, „На пути къ востоку“ и двѣ особенно большихъ и страшныхъ, „Безсмертная любовь“ (съ убійствами, чарами и дьяволами) и „In Nomine Domini“ (съ пытками, шабашемъ вѣдьмъ, съ сатаной и сожженіемъ красиваго патера).

Послѣдняя восьмикартинная драма какъ разъ помѣщена въ пятомъ томѣ. Мы прочли ее со вниманіемъ и убѣдились въ томъ, что г-жа Лохвицкая, изучая средневѣковые документы, вынесла изъ нихъ много внѣшняго и почти ничего глубокаго и значительнаго. Это не драма, а какой-то пестрый калейдоскопъ, порою красивый, порою тусклый, отмѣнно длинный и производящій очень слабое впечатлѣніе. А задумано недурно и при большей вдумчивости въ этомъ интересномъ колоритѣ могла бы создаться хорошая вещь...

Издана книга по обыкновенію хорошо и очень дорого.

Альманахъ книгоиздательства „Грифъ". М., 1904 г. Ц. 1 р. 25 коп. „Когда мы вышли въ путь, насъ встрѣтили гамомъ и свистомъ. Мы не ждали иного. Всѣ имѣютъ очи и уши. Не всѣмъ дано видѣть и слышать. Тѣмъ ярче горятъ немногимъ наши огни". Вотъ, собственно говоря, основное содержаніе предисловія къ новому альманаху „Грифа". Этимъ указывается и весь характеръ книги.

„Мы вышли въ путь"... „Мы", т.-е. группа людей, увѣровавшихъ въ новое искусство, представленное образцами западыхъ поэтовъ. Эта группа людей стремительно бросилась создавать новое, но за недостаткомъ силъ, вдохновенія и, откровенно говоря, таланта, новаго не создала и вотъ уже нѣсколько лѣтъ топчется на одномъ мѣстѣ, совершенно напрасно подбадривая себя криками: „Въ путь!" „Нѣтъ возврата съ страну гробницъ", „Нѣтъ возврата къ покинутому!" „Къ невѣдомому!" и т. д.

Когда у людей нѣтъ силъ, никакіе риторическіе вопли не помогутъ имъ стронуться съ мѣста, никакія истерическія выкликанія не дадутъ возможности отправиться въ „путь", бѣдно разукрашенный скудной фантазіей стоящихъ на одномъ мѣстѣ путниковъ. А пока они стоятъ и вяло понукаютъ себя—проходитъ время. И вотъ уже многое, бывшее когда-то новымъ, стало шаблонно и скучно, какъ старое, полустершееся клише. Кружокъ, объединившійся надъ знаменемъ Грифа, видимо, совсѣмъ проглядѣлъ процессъ, въ силу котораго все, хотя на мигъ и „новое", но лишенное жизненныхъ глубокихъ силъ, быстро старѣетъ, становится тусклымъ, неинтереснымъ, надоѣвшимъ.

Необыкновенно некрасивый грифъ на обложкѣ, отмѣнно и намѣренно безобразный рисунокъ на первой страницѣ—все это уже такъ знакомо, такъ шаблонно, что даже странно становится: какъ это люди могутъ утѣшать себя такими застывшими, казенными формами? Вѣдь не стало бы книгоиздательство „Грифъ" украшать свои книги рисункомъ Эйфелевой башни? А между тѣмъ Эйфелева башня тоже когда-то была „нова".

То же, къ сожалѣнію, и въ содержаніи. Книга читается съ какой-то неимовѣрной легкостью, и это объясняется крайне просто: не на чемъ остановить вниманіе. Мелькаютъ давно наскучившіе „Нѣжно-голубые голоса" (А. Л. Миропольскій), „Бѣлые звуки дѣвственно горнихъ селеній" (Александръ Блокъ), „Жуткихъ словъ нѣмая обычайность" (А. Койранскій), холодно и намѣренно исковерканная рѣчь, подражанія,—подражанія покорныя и однообразныя до скуки, претенціозная безсодержательность съ маленькими потугами открыть вожделѣнное „новое", необыкновенную тонкость... Листъ за листомъ, строка за строкой—все одно и то же, точно одинъ человѣкъ, трудолюбивый и кропотливый, составилъ эту книгу по нѣсколькимъ казеннымъ образцамъ. Объединившіеся въ „Грифѣ" подражатели такъ увлеклись маленькимъ и неподвижнымъ „новымъ", что быстро и безслѣдно утратили всякую индивидуальность, а взамѣнъ пріобрѣли нѣсколько трафаретовъ.

Въ Альманахѣ значительное количество и стиховъ, и прозы, но проза

похожа на неудавшіеся стихи, а стихи—на скандированную прозу. И, кромѣ того, двадцать пять авторовъ и одна авторша умилительно похожи другъ на друга.

Это отнюдь не неожиданно. Когда „они вышли въ путь", они были дѣйствительно такъ или иначе новы. „Гамъ и свистъ" поднялся потому, что слишкомъ очевидна и ясна была малоцѣнность того, что они несли съ собою такъ торжественно и бережно.

А затѣмъ, — затѣмъ маленькая жизнеспособность, маленькій живой огонь потухъ и все, столь тщательно оберегаемое и торжественно несомое обратилось въ мертвое клише, въ трафаретъ и стереотипъ. Теперь уже отнюдь не „немногимъ горятъ ихъ огни". Очень многимъ, ибо стереотипъ—самая подходящая вещь для толпы, а клише дѣйствуетъ долго, пока не сотрется совсѣмъ.

В. В. Березовскій. Дни и ночи. Разсказы. Изд. М. О. Вольфа. Ц. 85 коп. Г. Березовскій выступаетъ уже не въ первый разъ. Кромѣ недурной книги о русской музыкѣ и довольно посредственной о современныхъ теченіяхъ въ искусствѣ, за нимъ числится небольшая книга разсказовъ, которые въ свое время, по обыкновенію, „подавали надежды". Правда, при сколько-нибудь внимательномъ взглядѣ уже и тогда видно было, что значительнаго художника, писателя настоящаго въ г. Березовскомъ нѣтъ, но всетаки чувствовалось присутствіе нѣкотораго, хоть и очень небольшого, дарованія.

Новая книга—„Дни и ночи", не оправдываетъ и скромныхъ надеждъ. Строго говоря, она даже производитъ совсѣмъ нежелательное впечатлѣніе регресса: точно человѣкъ имѣлъ сказать вообще очень мало, а теперь ужъ и ровно ничего не имѣетъ. Обычное, регулярно повторяющееся въ книжномъ мірѣ явленіе: сначала маленькія надежды на новаго автора, потомъ полное и окончательное разочарованіе.

Г. Березовскій страдаетъ хронической скудостью темъ, — болѣзнью общераспространенной, эпидемической. Пишетъ великое множество людей, а написать хоть что-нибудь могутъ очень немногіе. И г. Березовскій—не изъ нихъ.

Темы у него какія-то анемичныя и вялыя. То авторъ встрѣчается съ плохонькимъ босячествующимъ ницшеанствомъ („Въ полѣ"), который до того явно надуманъ, что даже самъ порою какъ будто слегка конфузится; то какой-то человѣкъ собирается жениться и очень сомнѣвается, дѣйствительно ли это ему нужно, передумывая чуть не на сотнѣ страницъ вялыя мысли („Ночью"); то г. Березовскій съ горечью, но скучно и блѣдно ополчается на опошляющее вліяніе пошлыхъ браковъ („Фарфоровыя куколки"), то, наконецъ, какимъ-то безучастнымъ тономъ передаетъ впечатлѣнія необыкновенно тупой старой дѣвы, утопившей своего незаконнаго младенца („Такая же, какъ всѣ").

Оговоримся, впрочемъ. Могутъ сказать, что обвиненіе г. Березовскаго въ скудости и вялости темъ неосновательно, что перечисленное нами содержаніе его разсказовъ можетъ быть и интереснымъ и значительнымъ? Дѣло въ томъ, что это, во всякомъ случаѣ, не темы для г. Березовскаго: видно, что ему, какъ будто, не особенно хочется писать именно объ *этомъ*, какъ будто бы онъ даже сомнѣвается, нужно ли ему, дѣйствительно, разсказать задуманное. А это для писателя гибельно.

Отсюда ясны и недостатки изложенія: сухость, натянутость, бѣдность красокъ и образовъ. Разсказъ не захватываетъ, а безплодно утомляетъ и нагоняетъ скуку...

И ужъ совсѣмъ не хороши не то слишкомъ небрежныя, не то некрасиво-претенціозныя фразы вродѣ такой:

„... Настоящая-то любовь, какъ мнѣ передавали, пренебрегаетъ такими пустяками, изъ-за любви промачиваются ноги, схватываются насморки, я уже не говорю о болѣе серьезныхъ болѣзняхъ, о которыхъ, конечно, каждый слышалъ".

Издана книжка, при сравнительной дешевизнѣ, очень красиво.

В. В. Умановъ-Каплуновскій. Лучи и тѣни; второй сборникъ разсказовъ. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. Матеріаломъ для разсказовъ г. Уманова-Каплуновскаго служитъ жизнь безчисленныхъ петербургскихъ департаментовъ. Поскольку однообразна и безцвѣтна эта жизнь, постольку же однообразны и безцвѣтны разсказы. Чиновничій бытъ описанъ языкомъ либеральнаго чиновника, который одинаково свободно и одинаково охотно пишетъ рапорты и разсказы. Малороссійская фамилія русскаго автора не мѣшаетъ ему одинаково плохо владѣть малороссійскимъ, русскимъ, а также англійскимъ языками.

М. Н. Загоскинъ. Юрій Милославскій. Спб., 1903 г. „Юрія Милославскаго" до сихъ поръ еще очень любятъ читать зеленая школьная молодежь и грамотное простонародіе, которымъ нравятся и простодушіе, наивный патріотизмъ Загоскина, и всѣ старомодные пріемы его разсказа. Изъ всѣхъ многочисленныхъ произведеній Загоскина одинъ этотъ романъ только и читается до сихъ поръ.

Г-жа Попова издала его на очень сѣрой и тонкой бумагѣ, съ аляповатой обложкой, но назначила цѣну 40 коп. за 288 стр. Уже въ одной этой цѣнѣ—залогъ безусловнаго успѣха ея изданія.

Русаковъ. Максимъ Горькій въ каррикатурахъ и анекдотахъ. Спб., 1903 г. Съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, г. Русаковъ повыбралъ изъ *Развлеченія*, *Стрекозы*, *Новаго Времени*, *Петербургской Газеты* и пр. каррикатуры на М. Горькаго и издалъ ихъ, пересыпавъ анекдотами, черезчуръ бѣглыми біографическими свѣдѣніями и разсужденіями „о томъ, о семъ",—въ видѣ отдѣльной книжки.

Чтобы привлечь глазъ покупателя, на обложкѣ онъ водрузилъ Горькаго въ видѣ балерины. Этимъ достаточно подчеркивается характеръ изданія, ожиданіе успѣха—скандала.

Почти всѣ каррикатуры, за исключеніемъ двухъ-трехъ, способныхъ вызвать хоть слабую улыбку, отличаются непроходимою пошлостью и плоскостью.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. И. Костомаровъ. Собраніе сочиненій. Кн. II—III.—Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 117—118.—*З. А. Рагозина.* Исторія Халдеи, исторія Ассиріи.—*Н. К. Козьминъ.* Очерки изъ исторіи русскаго романтизма.—Н. А. Полевой, какъ выразитель литературныхъ направленій современной ему эпохи.—*Столпянскій.* Матеріалы по исторіи русской литературы и науки XVIII в.—*Ульянинскій.* Среди книгъ и ихъ друзей.—Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана.

Н. И. Костомаровъ. Собраніе сочиненій. Изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. (Литературнаго фонда). Спб., 1904 г. Кн. II, ц. 4 р. Кн. III, ц. 2 р. 50 к. Предпринятое литературнымъ фондомъ новое изданіе сочиненій Костомарова должно быть отмѣчено, какъ одна изъ весьма цѣнныхъ новинокъ книжнаго рынка. По смерти Костомарова русская историческая наука не стояла на мѣстѣ. Открывались новые матеріалы, пересматривались ста-

рые вопросы, назрѣвали свѣжіе взгляды на задачи и методы историческаго изученія, и центръ тяжести научнаго интереса перемѣщался къ инымъ областямъ исторической жизни сравнительно съ тѣмъ, что стояло на первомъ планѣ для русскаго историка въ періодъ расцвѣта научной дѣятельности Костомарова. Костомаровъ выступилъ на поприще этой дѣятельности съ опредѣленно и рѣзко заявленнымъ лозунгомъ изученія народнаго быта въ противовѣсъ увлеченіямъ исторіей государственныхъ учрежденій и внѣшнихъ политическихъ фактовъ. Но затѣмъ въ своихъ историческихъ трудахъ онъ съ одной стороны отдалъ немалую дань живописанію этихъ самыхъ внѣшнихъ фактовъ государственной исторіи, а съ другой стороны—изученіе народнаго быта онъ ставилъ недостаточно широко, интересуясь преимущественно духовною жизнью народныхъ массъ и не удѣляя равномѣрнаго вниманія соціально-экономическимъ процессамъ. За послѣднее время изученіе соціально-экономическихъ отношеній получило, наоборотъ, значительное развитіе въ нашей исторіографіи и въ связи съ этимъ приняли иную постановку и общія представленія о ходѣ русскаго историческаго процесса. Людямъ, воспитавшимся въ атмосферѣ новаго научнаго движенія, не можетъ не казаться, что въ произведеніяхъ Костомарова элементъ повѣствованія слишкомъ преобладаетъ надъ элементомъ изслѣдованія, живопись фактовъ господствуетъ надъ строго-научнымъ анализомъ явленій народной жизни. И тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти оговорки, Костомаровъ остается однимъ изъ классическихъ писателей по русской исторіи, сочиненія котораго всегда будутъ находить обширный кругъ читателей. Никто не обратится теперь къ произведеніямъ Костомарова за ознакомленіемъ съ очередными проблемами науки, но его сочиненія долго еще сохранятъ первостепенную важность для всѣхъ, кто пожелаетъ познакомиться съ фактами русской исторіи въ яркомъ художественномъ изложеніи, глубоко западающемъ въ память читателя.

Въ вышедшихъ только что II и III томахъ изданія литературнаго фонда помѣщены два капитальныхъ труда Костомарова: „Смутное время московскаго царства“ и „Сѣверноруссія народоправства“. Эти двѣ темы, наряду съ исторіей Малороссіи, наиболѣе привлекали къ себѣ вниманіе покойнаго историка. Монографія о смутномъ времени представляетъ наиболѣе яркій образецъ и сильныхъ, и слабыхъ сторонъ дарованія Костомарова. Костомаровское изложеніе исполненныхъ драматизма событій смутнаго времени читается съ захватывающимъ интересомъ, но для выясненія общаго значенія смуты въ исторіи московской Руси, а также и тѣхъ внутреннихъ жизненныхъ процессовъ, которыми вызывались и направлялись разсказанныя историкомъ событія, трудъ Костомарова не дастъ ничего или дастъ очень немного. „Сѣверноруссія народоправства“ во многихъ частяхъ замѣтно устарѣли. Главы, посвященныя политической исторіи вольныхъ городскихъ общинъ, опять-таки имѣютъ теперь бо́льшую цѣнность, чѣмъ главы, занятыя анализомъ ихъ внутренняго быта.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общ. Т. 117. Юрьевъ, 1904 г. Ц. 3 р. Т. 118. Спб., 1904 г. Ц. 3 руб. 117 томъ сборника русскаго историческаго общества заключаетъ въ себѣ продолженіе бумагъ кабинета министровъ императрицы Анны Іоановны, издаваемыхъ подъ редакціею проф. Филиппова. Въ названномъ томѣ помѣщены бумаги кабинета за 1731—1740 гг. Многочисленные документы, вошедшіе въ составъ этого собранія, затрогиваютъ самыя разнообразныя стороны внутренней жизни Россіи: войско, финансы, различныя отрасли

промышленности, народное продовольствіе и т. п. Вперемежку съ донесеніями и указами, посвященными текущимъ дѣламъ по внутреннему управленію, встрѣчаются документы, касающіеся громкихъ политическихъ процессовъ XVIII ст., напр., суда надъ знаменитымъ дѣятелемъ верховнаго тайнаго совѣта кн. Дмитріемъ Голицынымъ. Въ 118 томѣ сборника продолжено печатаніе политической переписки Екатерины II, прервавшееся въ 1896 г. вслѣдствіе смерти прежняго редактора барона Бюлера. Теперь обнародована дипломатическая переписка за 1772—1773 гг. Важность этихъ документовъ видна уже изъ того, что они касаются цѣлаго ряда животрепещущихъ вопросовъ международной политики, занимавшихъ Европу въ названные годы: раздѣла Польши, подготовки независимости Крыма, фокшанскаго и бухарестскаго конгрессовъ.

З. А. Рагозина. Древнѣйшая исторія Востока: 1) Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. 2) Исторія Ассиріи отъ возвышенія ассирійской державы до паденія Ниневіи. Изд. Маркса. Спб. Съ внѣшней стороны разбираемыя книги производятъ очень пріятное впечатлѣніе: прекрасная бумага и печать, масса отлично исполненныхъ рисунковъ, наконецъ, живое, легко читающееся изложеніе; но когда по прочтеніи отложишь книги въ сторону и спросишь себя, что вынесъ изъ нихъ, приходится отвѣчать: довольно мало. Гдѣ причина этого страннаго явленія? По указаннымъ выше особенностямъ книги нельзя не назвать популярными, но бѣда въ томъ, что ихъ нельзя въ то же время признать научными. Начнемъ съ матеріала, излагаемаго авторомъ. Г-жѣ Рагозиной нельзя, конечно, отказать въ большой начитанности, правда, въ иныхъ случаяхъ, повидимому, не захватывающей данныхъ новѣйшаго времени. Но это была бы еще не большая бѣда: наши популярныя книжки по исторіи древняго Востока въ большинствѣ случаевъ особенною свѣжестью матеріала не отличаются, и въ сравненіи съ ними произведенія нашего автора даже кажутся выдающимися. Бѣда въ томъ, что авторъ не совсѣмъ умѣло выбираетъ матеріалъ для изложенія. Онъ очень много останавливается на миѳахъ и внѣшней исторіи, отчасти на данныхъ археологіи, и всего менѣе обращаетъ вниманія на данныя бытовыя: въ цѣлыхъ двухъ томахъ читатель найдетъ куда меньше свѣдѣній объ этой важнѣйшей сторонѣ предмета, чѣмъ хотя бы во второй половинѣ небольшой книжки Масперо *Египетъ и Ассирія*. Въ дополненіяхъ ко 2-му изданію *Исторія Халдеи* авторъ даетъ коротенькое изложеніе недавно найденныхъ законовъ Хаммураби, но это изложеніе скорѣе раздражаетъ, чѣмъ удовлетворяетъ интересъ любознательнаго читателя, который видитъ очень сложныя формы отношеній, но не видитъ совсѣмъ той почвы, на какой онѣ создались. Затѣмъ, знакомясь съ излагаемыми авторомъ миѳами, читатель поражается ихъ оригинальностью и своеобразіемъ и невольно задаетъ себѣ вопросъ, какой собственно смыслъ этихъ чудовищныхъ произведеній фантазіи и въ какомъ отношеніи стоятъ они къ первобытнымъ вѣрованіямъ другихъ племенъ и народовъ. Авторъ и въ этихъ случаяхъ или не даетъ никакихъ поясненій, или ограничивается настолько наивными замѣчаніями, что они должны вызывать недоумѣніе даже мало образованномъ въ человѣкѣ, и читателю остается любоваться интересными данными въ качествѣ простого курьеза, а это особенной назидательности не представляетъ. Далѣе, въ изложеніи внѣшней исторіи Месопотаміи авторъ не ограничивается, какъ того слѣдовало бы ожидать, общей характеристикой международныхъ отношеній данной эпохи, а считаетъ нужнымъ излагать въ хронологическомъ порядкѣ чуть не всѣ попадающіяся ему лѣто-

писныя свѣдѣнiя о безконечныхъ походахъ ассирiйскихъ, наприм., завоевателей, хотя самъ тяготится по временамъ этою добровольно и безцѣльно принятою имъ на себя обязанностью и не разъ жалуется на утомительно скучное однообразiе излагаемыхъ данныхъ. Единственное объясненiе этого страннаго противорѣчiя, на нашъ взглядъ, заключается въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь передъ собою случай, когда не авторъ распоряжается матерiаломъ, а наоборотъ, матерiалъ подчиняетъ себѣ автора, именно потому, что послѣднiй не успѣлъ или не сумѣлъ въ немъ разобраться. Такъ или иначе, но безпомощный авторъ не можетъ оказать большой помощи своему читателю, и тотъ оказывается покинутымъ на произволъ судьбы.

Н. К. Козьминъ. Очерки изъ исторiи русскаго романтизма. Н. А. Полевой, какъ выразитель литературныхъ направленiй современной ему эпохи. Спб., 1903 г. Есть мертвыя книги, какъ есть мертвые, хотя не умершiе еще люди, ходячiе „повапленные гробы". Издалека разитъ отъ нихъ тлѣнiемъ мысли, всѣ они насквозь проникнуты тяжелымъ трупнымъ запахомъ, и самый видъ разложенiя вызываетъ жуткiя, отталкивающiя чувства во всемъ живомъ и свѣжемъ...

Именно такая мертвая книга вышла изъ-подъ пера г. Козьмина. Яркая, колоритная фигура Н. Полевого не вызвала у него ни одного живого выраженiя. Въ книгѣ нѣтъ ни романтизма вообще, ни русскаго въ частности, ни Полевого—есть только мертвые ряды цитатъ, на которые разсѣчены были страстныя, возбужденныя, полныя юнаго задора рѣчи знаменитаго журналиста. Доказываютъ онѣ, медлительно, многословно, тягуче, неуклюже, все такiя скучныя, узенькiя мысли—что Полевой былъ знакомъ съ западною журналистикой и подражалъ ей, что въ своихъ произведенiяхъ онъ могъ подражать тому или другому изъ западныхъ писателей и т. д. Въ громадномъ матерiалѣ, совсѣмъ еще не обслѣдованномъ, авторъ неувѣренно, съ преувеличенною осторожностью дѣлаетъ крохотные, колеблющiеся шаги то въ ту, то въ другую сторону, робко направляя скрупулезнѣйшiй анализъ на наименѣе интересныя области. Сближенiя мелочны, отличаются обыкновенно чисто внѣшнимъ характеромъ и доказываютъ или то, что само собою разумѣется, или то, чего разумѣть не стоитъ и не слѣдуетъ. Сухiе перечни неумѣло расцвѣчиваются мало идущими къ дѣлу эпитетами: „Байронъ... былъ непремѣннымъ поэтомъ, котораго переводили въ журналъ Полевого" (26), „не менѣе плѣнительными являлись такiя вещи, какъ поэма Томаса Мура" (27) и т. д. Попадаются и прямыя ошибки: Бёрнсъ, напр., зачисленъ въ нѣмецкiе поэты (стр. 28).

Столпянскiй. Матерiалы къ исторiи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ. Вып. I. Оренбургъ, 1903 г. „Матерiалы" г. Столпянскаго—начало обширнаго, широко задуманнаго труда.

На основанiи библiографическихъ пособiй и личныхъ разысканiй въ публичныхъ и частныхъ книгохранилищахъ онъ дѣлаетъ тщательный сводъ данныхъ о русскихъ книгахъ по географiи за 1762—1796 гг. Приведены подробныя заглавiя и оглавленiя; даны ссылки на библiографическiя описанiя; указано, въ какой изъ общественныхъ библiотекъ ту или другую книгу можно найти; весь матерiалъ расположенъ въ систематическомъ порядкѣ. По тому же плану г. Столпянскiй намѣренъ издать рядъ библiографическихъ указателей по другимъ наукамъ. Они несомнѣнно сдѣлаются важнымъ справочнымъ пособiемъ для всѣхъ интересующихся данными научными областями, и можно только пожелать г.

Столыпскому довести до конца свой счастливо задуманный и удачно начатый трудъ.

Ульянинскій. Среди книгъ и ихъ друзей. Ч. I. М., 1904 г. Книга г. Ульянинскаго распадается на двѣ половины, изъ которыхъ извѣстную цѣнность представляетъ только вторая—обзоръ русскихъ книжныхъ росписей XVIII в., который можетъ имѣть справочное значеніе для занимающихся библіографіей нашей литературы этого періода. Первая и большая часть—„изъ воспоминаній и замѣтокъ библіофила“—слишкомъ подробно и патетически говоритъ объ исключительной, сызмальства, любви г. Ульянинскаго къ книгамъ (что однако не мѣшало ему, по собственному признанію, иногда ихъ весьма выгодно перепродавать), процессѣ составленія библіотеки и т. д. По пути онъ даетъ слишкомъ бѣглыя и поверхностныя характеристики московскихъ букинистовъ, излагаетъ, не безъ наивныхъ прикрасъ, нѣкоторые достопримѣчательные случаи ихъ жизни и пр. Слишкомъ серьезное отношеніе къ мелочамъ и пустякамъ, наивные пріемы изложенія мѣстами невольно вызываютъ улыбку у читателя — и недурно, помимо воли автора, рисуютъ типъ „книгогія“-библіомана...

„Ежегодникъ“ коллегіи Павла Галагана. Годъ 8. Кіевъ, 1903 г. Кромѣ обычнаго отчета о жизни школы за прошлый годъ настоящій выпускъ „Ежегодника“ Коллегіи даетъ свѣдѣнія объ ея бывшихъ воспитанникахъ, матеріалы для ея исторіи и рядъ произведеній ея преподавателей и бывшихъ питомцевъ: очень живо и интересно написанное „введеніе въ исторію новѣйшей русской литературы“ г. Александровскаго, обстоятельную статью о славистикѣ на XII Харьковскомъ археологическомъ и Петербургскомъ предварительномъ съѣздахъ г. Степовича, новые и старые матеріалы по Пушкину г. Каллаша и т. д.

Вводя читателей во внутреннюю и внѣшнюю жизнь заведенія и объединяя научно-литературнымъ трудомъ его наличный персоналъ, настоящихъ и бывшихъ воспитанниковъ, „Ежегодникъ“ несомнѣнно заслуживаетъ вниманія и сочувствія печати и публики.

ГЕОГРАФІЯ, ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

В. В. Корсаковъ. Въ старомъ Пекинѣ.—Новая карта военныхъ дѣйствій.—*В. Кобельтъ.* Географическое распредѣленіе животныхъ въ холодныхъ и умѣренныхъ поясахъ.—*А. А. Силантьевъ.* Опредѣлитель европейскихъ птицъ.

В. В. Корсаковъ. Въ Старомъ Пекинѣ. Очерки изъ жизни въ Китаѣ. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 25 к. Очерки г. Корсакова—живая фотографія китайской жизни въ Пекинѣ. Они обнимаютъ три стороны жизни: экономическую, соціальную и этнографическую; особенно полно представлены двѣ послѣднія.

Группировка и содержаніе матеріала, простое и ясное изложеніе, отсутствіе предвзятости и тенденціозности сдѣлали то, что книга захватываетъ съ первой страницы до послѣдней. Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ: „Не ясно ли, что покровительствуемая пушками и штыками вошла въ Китай не истинная цивилизація, а только изнанка цивилизаціи, уже покорившая себѣ всю Европу. Не ясно ли, что пронесшійся по Китаю ураганъ не былъ освѣжающей грозой, очистившей воздухъ, которымъ дышалъ народъ, а былъ бурей, принесшей заразу изъ Европы и бросилъ не свѣжія и здоровыя дрожжи, которыя могутъ вызвать бодрую, здоровую и дѣятельную жизнь среди народа, бросилъ старую, ис-

порченную, загрязненную и зараженную закваску, которой пропитала европейская лживая цивилизацiя". Приведенное мѣсто ясно характеризуетъ отношенiе автора къ послѣднимъ событiямъ въ Китаѣ и къ ихъ результатамъ. Очерки начинаются описанiемъ путешествiя черезъ Монголiю. Въ Ургѣ онъ останавливался, чтобы ознакомиться съ ея достопримѣчательностями, такъ какъ она—религiозный центръ Монголiи и въ ней сосредоточено все, что характеризуетъ Монголiю. Затѣмъ остановка въ Калганѣ. Этому городу авторомъ посвящено также довольно обстоятельное описанiе. Калганъ—густо населенный торговый городъ, чисто-восточнаго типа. Уличная жизнь калганцевъ значительно типична своимъ особымъ укладомъ. Жители вращаются среди ужасной грязи и ничуть этимъ не смущаются. Зловонiе такъ сильно, что пройти мимо невозможно иначе, какъ заткнувъ носъ. Черезъ пять дней пути изъ Калгана авторъ прибылъ въ Пекинъ. Въ Пекинѣ передъ авторомъ развернулась во всю свою ширь жизнь китайскаго народа. На улицахъ среди непроницаемой пыли, зараженнаго воздуха, страшнаго зловонiя копошилась громадная толпа народа. Вся эта громадная масса жила самой кипучей, самой разнообразной дѣятельностью. Китаецъ живетъ въ Пекинѣ большую часть времени на улицѣ. На улицѣ онъ занимается своими дѣлами, на улицѣ же онъ пьетъ и ѣстъ, отдыхаетъ и занимается своимъ туалетомъ, главнымъ образомъ, мытьемъ косы. Коса—предметъ самаго заботливаго, самаго предупредительнаго ухода у китайца. Еще одна замѣчательная особенность китайцевъ: они похожи другъ на друга такъ, что куда ни посмотришь—все однѣ и тѣ же лица. Дѣтвора также живетъ на улицѣ. Всегда можно видѣть толпы дѣтей мирно играющихъ на улицѣ; авторъ ни разу не видѣлъ дѣтей ссорящимися—отличительная черта отъ европейцевъ. Тактъ и сдержанность китайцевъ поражаютъ автора. Какъ бы ни была чѣмъ-либо заинтересована толпа, она всегда сохраняетъ полное спокойствiе; свои одобренiя она высказываетъ звукомъ „хао". Китайцы очень трудолюбивый народъ, народъ по преимуществу мирный и преданный труду. Трудоспособность ихъ замѣчательна, но не плодотворна. Дѣло въ томъ, что основной догматъ ихъ этическаго ученiя, главнымъ образомъ, проповѣдуетъ полное и безусловное почтенiе къ предкамъ и ко всему тому, что имъ предки оставили, слѣдовательно, живому уму тамъ нѣтъ инициативы, и надъ всѣмъ господствуетъ косность и тысячелѣтняя отсталость. Для примѣра возьмемъ маляровъ. Они красятъ не кистью, какъ европейскiе ихъ собратья по труду, а руками; и никакое доказательство преимуществъ кисти не заставитъ китайца оставить своего первобытнаго способа. Но самымъ главнымъ бѣдствiемъ въ Китаѣ является положенiе женщины. Съ момента рожденiя она дѣлается предметомъ ненависти всей семьи и нерѣдко бываютъ случаи, что новорожденную предаютъ смерти, да это, пожалуй, и лучше; китаянка (въ большинствѣ случаевъ берутся массы), оставшись въ живыхъ, подвергается сплошному ряду мученiй: въ семьѣ она раба безотвѣтная. Достигнувъ 8-лѣтняго возраста, она часто продается въ притоны проституцiи и тамъ ее приготовляютъ къ этому поприщу. Въ Пекинѣ можно купить женщину отъ 40 до 200 руб. Затѣмъ авторъ описываетъ китайское образованiе, политическую жизнь, высшiя сферы; онъ видѣлъ на прiемѣ императрицу-мать, богдыхана и другихъ высшихъ лицъ. Прiемы эти имъ тщательно описаны, что даетъ представленiе о культурныхъ обычаяхъ высшаго Китая. Очерки доведены авторомъ вплоть до боксерскаго движенiя, причемъ онъ приводитъ данныя, которыя привели къ этому движенiю. Главная вина падаетъ на католическихъ миссiонеровъ: они вселили полнѣйшее недовѣрiе въ массы

китайскаго народа. Книга эта даетъ возможность разобраться въ отношеніяхъ китайцевъ къ европейцамъ и, хорошо подумавъ, никогда ни обвинишь первыхъ.

Новая карта театра военныхъ дѣйствій. Изданіе А. Маркса. Спб. Ц. 80 коп. Эта карта лучше и больше нѣмецкой карты Юстуса Пертеса. Къ главной присоединены болѣе подробныя и въ бо̀льшемъ масштабѣ карты Квантунскаго полуострова, Портъ-Артура и Владивостока. Указаны значенія нѣкоторыхъ китайскихъ, корейскихъ и японскихъ географическихъ названій и приложенъ алфавитный указатель городовъ, станцій, заливовъ и т. д. Сто̀итъ карта дешево.

В. Кобельтъ, д-ръ. Географическое распредѣленіе животныхъ въ холодномъ и умѣренномъ поясахъ сѣвернаго полушарія. Переводъ съ нѣмецкаго Я. Л. Біанки. Съ 13 таблицами въ краскахъ и автотипіяхъ и со многими политипажами въ текстѣ. Спб., 1903 г. Ц. 8 р. 50 к. Зоогеографія принадлежитъ къ числу такихъ отраслей естественно-историческихъ знаній, которыя не обращали на себя вниманія популяризаторовъ и составителей учебниковъ. Въ учебникахъ и книгахъ для чтенія по географіи въ средней школѣ зоогеографическій элементъ или вовсе не представленъ, или представленъ весьма убого и ненаучно. Въ учебникахъ зоологіи для студентовъ университета зоогеографическіе вопросы лишь слегка затрогиваются во „введеніи“—и только. Въ популярныхъ книгахъ и брошюрахъ, которыя пишутся для широкой публики, зоогеографическія темы почти совершенно отсутствуютъ. А между тѣмъ вопросы зоогеографіи принадлежатъ къ числу весьма интересныхъ и важныхъ вопросовъ біологіи, и знакомства съ ними хотя бы въ общихъ чертахъ надо бы требовать отъ всякаго образованнаго человѣка. Въ виду этого нельзя не привѣтствовать появленія въ русскомъ переводѣ книги Кобельта, заглавіе которой приведено выше.

Правда, это не учебникъ зоогеографіи и не популярное изложеніе основъ этой науки, а подробная разработка лишь одной ея главы, но всетаки при крайней бѣдности нашей русской литературы по зоогеографіи, книга Кобельта является весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для всякаго, кто хочетъ хотя отчасти ознакомиться съ этимъ предметомъ.

Матеріала Кобельтъ даетъ много, причемъ сообщаетъ многочисленныя біологическія данныя относительно отдѣльныхъ животныхъ и посвящаетъ нѣсколько спеціальныхъ главъ ряду общихъ вопросовъ біологіи, весьма важныхъ и интересныхъ. Такъ у него разобраны вопросы: о вымершихъ и вымирающихъ животныхъ, о зимней спячкѣ и собираніи запасовъ пищи, о переселеніяхъ животныхъ, спеціально — о перелетахъ птицъ, о ядовитыхъ животныхъ, о пещерныхъ животныхъ. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, вопросы о вымираніи, о переселеніяхъ, о пещерныхъ животныхъ, имѣютъ непосредственное отношеніе къ зоогеографіи, другіе не имѣютъ, но несомнѣнно не уменьшаютъ, а увеличиваютъ интересъ книги. Жаль только, что авторъ, задавшись цѣлью болѣе или менѣе детально описать распредѣленіе животныхъ въ палеарктическомъ царствѣ, не счелъ нужнымъ ознакомить читателя съ дѣленіемъ всего земного шара на зоогеографическія царства и области. Единственная крашеная зоогеографическая карта изображаетъ лишь подраздѣленія палеарктическаго царства на провинціи. Было бы вполнѣ умѣстно дать зоогеографическую карту всего земного шара.

Русскому читателю, конечно, весьма интересно знать, насколько авторъ знакомъ съ зоогеографіей Россійской имперіи. Напечатанная на русскомъ языкѣ литература осталась ему неизвѣстной, но такъ какъ

многіе русскіе ученые печатали свои труды по-нѣмецки, то мы видимъ у Кобельта ссылки и на Мензбира, и на Радде, и на Сатунина. Но, конечно, совладать съ зоогеографіей Россіи такъ, какъ бы намъ хотѣлось, автору было не подъ-силу. Переводчикъ не измѣнилъ ничего, что не подходитъ подъ „lapsys calami". Конечно, гораздо легче просто переводить, чѣмъ дополнять, исправлять и передѣлывать, но именно въ этомъ сочиненіи хотѣлось бы многихъ добавленій, поправокъ и передѣлокъ.

А. А. Силантьевъ. Опредѣлитель европейскихъ птицъ. Съ 70 политипажами въ текстѣ, изъ коихъ 70 оригинальныхъ. Изданіе Девріена. Спб. Цѣна 1 р. 20 к. Эта книжка представляетъ собою перепечатку (съ дополненіями) изъ большого труда автора и проф. Лѣсного института К. А. Холодковскаго „Птицы Европы". Наша литература весьма бѣдна зоологическими опредѣлителями, и хотя птицы въ этомъ отношеніи счастливѣе многихъ другихъ группъ, всетаки появленіе новаго опредѣлителя вполнѣ умѣстно, особенно въ виду его доступности по цѣнѣ и приспособленности для начинающихъ. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что семилѣтнія практическія занятія со студентами Лѣсного института дали ему богатый запасъ наблюденій надъ тѣмъ, что особенно затрудняетъ начинающихъ и какіе признаки являются особенно пригодными для цѣлей „практической" систематики. Въ своей книгѣ авторъ имѣетъ въ виду исключительно ее, не заботясь о научной характеристикѣ группъ, вслѣдствіе чего книга можетъ служить лишь ключомъ для того, чтобы узнать названіе птицы, но не справочной книгой по систематикѣ птицъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Э. Вандервельде. Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ.—*А. Колычевъ.* Рабочіе на пріискахъ Сибири.—Систематическій сборникъ постановленій съѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ.—*В. Н. Линдъ.* Учить ли мужика или у него учиться.—*Ѳ. М. Жарновъ.* Что такое земская страховка. *А. И. Гиллерсонъ.* Защитительныя рѣчи.

Э. Вандервельде. Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ. Перев. подъ редакціей Д. С. Горшкова. Съ предисловіемъ проф. А. Ф. Фортунатова. Изд. Д. С. Горшкова. Москва, 1904 г.— Его же. Бѣгство въ города и обратная тяга въ деревню. Изданіе Скирмунта. М., 1904 г. Появилось 2 перевода интересной работы Вандервельде, проф. новаго Брюссельскаго университета. Работа посвящена вопросу о взаимоотношеніяхъ города и деревни за послѣднее время. Прежде население бѣжало изъ деревни въ города, городъ рѣзко отдѣлялся отъ деревни, будучи исключительно преданъ торговлѣ и промышленности; деревенское населеніе, наоборотъ, не имѣло почти никакой другой промышленности кромѣ земледѣлія. Но развитіе средствъ сообщенія это положеніе мѣняетъ: линія, рѣзко отдѣлявшая городъ отъ деревни стушевывается, въ политическомъ и экономическомъ отношеніи горожане и сельчане становятся равноправными если не фактически, то юридически. Стѣны городовъ рушатся. Таможенныя заставы упраздняются. Сношенія горожанъ съ жителями деревень все учащаются, и теперь кажется, читаемъ мы у Вандервельде, вполнѣ вѣроятнымъ, что города будущаго будутъ не столько центрами мѣстожительства, сколько скопленіемъ памятниковъ, мѣстами для собраній совмѣстнаго труда, мѣстами

посѣщеній дѣловыхъ, научныхъ и посвященныхъ развлеченіямъ. Авторъ приводитъ много примѣровъ переселенія крупныхъ фабричныхъ предпріятій изъ городовъ въ деревни, и это дѣлается фабрикантами отчасти вслѣдствіе того, что въ деревнѣ можно скорѣе найти рабочія руки за болѣе низкую плату; съ другой стороны сами рабочіе переселяются изъ городовъ въ деревни и на фабрику ежедневно ѣздятъ въ городъ, чему содѣйствуетъ развитіе путей сообщенія: развитіе путей сообщенія и перевозки, бывшее нѣкогда по утвержденію Неккера и Прудона, одной изъ главныхъ, если не главной причиной обезлюденія деревень, разъединяя промышленность отъ земледѣлія, обостряя земледѣльческій кризисъ и облегчая бѣгство изъ деревень, начинаетъ теперь имѣть противоположное вліяніе, содѣйствуя индустріализаціи земледѣлія, созданію промышленныхъ заведеній въ селеніяхъ и обратному временному или окончательному бѣгству горожанъ въ деревню.

Если рабочіе хотятъ за подходящую для нихъ цѣну найти приличное помѣщеніе или сносныя комнаты, то имъ приходится переселяться изъ главныхъ кварталовъ центра въ предмѣстья или въ окрестныя деревни. Все заставляетъ предвидѣть, по словамъ автора, что промышленное переселеніе, начало котораго въ настоящее время уже замѣчается, приметъ размѣры вѣроятно такіе же, какіе имѣло выселеніе изъ деревень въ XIX столѣтіи; и то, что создаетъ это переселеніе,—это улучшенные пути сообщенія; авторъ, быть можетъ, правъ, говоря, что изъ всѣхъ мѣръ, предпринятыхъ бельгійскимъ правительствомъ за послѣднія 30 лѣтъ, имѣетъ наиболѣе существенное значеніе и является наиболѣе безсознательно революціонной не школьный законъ, не избирательная реформа, а установленіе рабочихъ дешевыхъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ. Первоначально здѣсь имѣлось въ виду создать притокъ въ городъ извѣстнаго количества деревенскихъ жителей, чтобы нанести ударъ рабочимъ синдикатамъ крупныхъ центровъ и доставить хозяевамъ промышленныхъ заведеній покорныхъ и нетребовательныхъ рабочихъ, и вначалѣ это было такъ. Деревенскіе жители оказывали угнетающее вліяніе на заработную плату и на городскія рабочія организаціи, но съ теченіемъ времени тѣ и другіе стали между собой знакомиться, и рабочіе поѣзда оказались самыми лучшими пропагандистами новыхъ идей: они облегчили проникновеніе ихъ въ самыя отдаленныя деревни.

Но рабочіе, возвращаясь изъ городовъ къ своимъ полямъ, уже далеко не тѣ: они не имѣютъ ничего общаго съ крестьянами Лабрюйера: они прошли черезъ города и остаются въ постоянномъ сношеніи съ ними, они возвратились къ полямъ, но принесли съ собой преимущества соціальнаго переустройства, предварительнымъ условіемъ и рѣшающимъ факторомъ котораго была городская централизація.

При взаимной зависимости между всѣми явленіями общественной жизни, вліяніе закона децентрализаціи современнаго городского населенія сказывается и въ политической сферѣ. При современныхъ условіяхъ это явленіе далеко не всегда прогрессивнаго характера. Повидимому, имъ объясняется фактъ, долгое время остававшійся непонятнымъ—захватъ власти въ городской думѣ Парижа націоналистами. По словамъ Вальяна, основной причиной этого является эмиграція изъ Парижа въ предмѣстья городскихъ рабочихъ, вслѣдствіе возрастающей дороговизны земли. Груссе составилъ таблицу, гдѣ сопоставлены цѣны на квартиры и ростъ націоналистическихъ голосовъ. Выводъ напрашивается самъ собой: чѣмъ выше становятся цѣны на квартиры, тѣмъ больше увеличивается число націо-

налистическихъ голосовъ (*Народное Хозяйство* 1903 г., кн. IV, стр. 141: „Муниципализація трамваевъ").

Вандервельде, со словъ проф. Хасбаха, такъ рисуетъ сельское населеніе около Лондона. „Нѣмецъ, поселясь на разстояніи 25 миль отъ Лондона и думая, что онъ прервалъ всѣ сношенія съ городомъ, будетъ не мало удивленъ разнообразіемъ соціальныхъ слоевъ, съ которыми постепенно будетъ встрѣчаться. Онъ найдетъ тамъ пастора, который носитъ титулъ викарія или ректора, а иногда и помощника пастора, познакомится съ отставными пѣхотными и морскими офицерами, онъ встрѣтитъ офицеровъ и чиновниковъ пріѣхавшихъ изъ Индіи для возстановленія своего здоровья въ Европу, онъ столкнется съ коммерсантами и промышленниками, которые прекратили свои дѣла, или же ѣздятъ каждый день въ городъ въ свою контору, онъ найдетъ тамъ рантье". Отсюда же виденъ весь интересъ работы Вандервельде, и мы желаемъ широкаго распространенія ея среди нашей публики. Цѣна того и другого перевода очень не высокая (1 руб.).

А. Колычевъ. Рабочіе на пріискахъ Сибири. Томская горная область. Изданіе тов. „Сѣверное Эхо". Спб., 1904 г. Ц. 1 р. Эта книжка первоначально печаталась статьями въ *Русской Мысли*, *Курьерѣ*, *Правѣ*, *Русскомъ Богатствѣ* и т. д., и представляетъ интересную картину жизни горнорабочихъ. Авторъ касается найма рабочихъ, условій труда, жилищъ, продовольствія; любопытно, какъ на 4-мъ сѣверно-енисейскомъ съѣздѣ золотопромышленниковъ послѣдніе постановили ходатайствовать о томъ, чтобы опредѣленіе цѣнъ на продаваемые изъ лавокъ предметы было предоставлены добровольному соглашенію рабочаго съ золотопромышленникомъ, хотя тутъ же окружной инженеръ протестовалъ противъ этого, находя, что съ проведеніемъ этого ходатайства разовьется эксплоатація рабочихъ, такъ какъ въ виду большого предложенія труда сравнительно со спросомъ рабочіе согласятся на какія угодно цѣны на припасы, лишь бы наняться на пріисковыя работы (стр. 57). По словамъ автора, пріисковыя лавки приносятъ дохода отъ 20 и болѣе процентовъ.

Золотопромышленники мало заботятся какъ объ улучшеніи матеріальнаго такъ и духовнаго положенія, своихъ рабочихъ; такъ, на 4-мъ съѣздѣ золотопромышленниковъ большинство стремилось отклонить активное участіе съѣзда въ образованіи пріисковыхъ библіотекъ, предлагая предоставить это дѣло личному усмотрѣнію каждаго золотопромышленника, и любопытно, что въ роли просвѣтителя здѣсь выступилъ горный исправникъ Барышниковъ, который выразилъ желаніе на свой счетъ для каждаго пріиска выписать по экземпляру *Журнала для всѣхъ*.

Интересующіеся положеніемъ рабочихъ и условіями труда найдутъ любопытный матеріалъ, собранный авторомъ изъ журнальной соціальной литературы мало извѣстной въ публикѣ.

Систематическій сборникъ постановленій съѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ. Съ изложеніемъ мотивовъ. Составилъ В. Д. Набоковъ. Спб., 1904 г. Ц. 80 коп. Въ маѣ текущаго года происходилъ VI съѣздъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній. Пять остальныхъ состоялись чрезъ приблизительно равные промежутки въ періодъ времени, начиная съ 1881 года. Работы бывшихъ съѣздовъ не прошли безслѣдно для труднаго и новаго у насъ дѣла воспитанія малолѣтнихъ *преступниковъ*. Помимо малой подготовки педагогическаго персонала, успѣшному достиженію задачъ исправительныхъ заведеній препятствовало въ значи-

тельной степени и самое законодательство, регулировавшее ихъ дѣятельность, причемъ законъ приравнивалъ во многихъ отношеніяхъ малолѣтняго нарушителя закона къ взрослымъ преступникамъ. При такихъ условіяхъ названнымъ съѣздамъ, возникшимъ двадцать три года назадъ по иниціативѣ К. В. Рукавишникова (попечителя извѣстнаго московскаго городского пріюта того же имени) предстояла сложная и серьезная работа, къ участію въ которой постоянно привлекались, кромѣ директоровъ пріютовъ и колоній, также и многіе представители науки (напр. профессора М. Н. Капустинъ, В. М. Духовской (нынѣ покойные), И. Т. Тарасовъ, В. В. Миклашевскій, Ф. Ф. Эрисманъ, В. П. Сербскій, Г. И. Россолимо, д-ръ Е. М. Степановъ, извѣстные писатели-юристы, какъ Н. С. Таганцевъ, Д. А. Дриль, Г. С. Фельдштейнъ, М. Н. Гернетъ, общественные дѣятели, какъ В. В. Пржевальскій, А. Б. Розенблюмъ и мн. др. Въ концѣ концовъ общими усиліями совершена была постепенно созидательная работа огромной важности. За 24 года пяти съѣздамъ удалось прежде всего, путемъ цѣлаго ряда ходатайствъ передъ правительствомъ, установить болѣе правильный взглядъ нашего законодательства на дѣтей, попадающихъ подъ судъ и во многихъ отношеніяхъ улучшить какъ формальныя условія дѣятельности исправительныхъ заведеній, такъ и самые пріемы воспитанія и обученія отдаваемыхъ на ихъ попеченіе дѣтей. Въ виду сказаннаго, издававшіеся послѣ каждаго съѣзда объемистые „Труды" со стенографическими записями преній и со всѣми докладами участниковъ съѣздовъ (въ приложеніяхъ) получаютъ важное значеніе для изученія дѣла исправительнаго воспитанія на нашей родинѣ. Для облегченія лицъ, пользующихся этимъ матеріаломъ, издатель „Трудовъ", К. В. Рукавишниковъ, выпустилъ въ свѣтъ въ разное время два указателя постановленій съѣздовъ (послѣ третьяго съѣзда въ 1891 г. и послѣ пятаго—въ 1904 г.). Однако же, „Указатели" облегчали дѣло только наполовину; важны не только „постановленія", но главнымъ образомъ тѣ положенія, на основаніи которыхъ состоялись эти постановленія. Сознавая это, постоянное бюро съѣздовъ поручило г. Набокову составить настоящій „Сборникъ" постановленій пяти съѣздовъ съ указаніемъ мотивовъ. Послѣдніе иллюстрируютъ постановленія въ видѣ краткихъ резюме рефератовъ и произносившихся на съѣздахъ рѣчей. Все это не только сильно облегчаетъ задачу ознакомленія съ содержаніемъ „Трудовъ" съѣздовъ, но и даетъ на немногихъ страницахъ (110 стр.) превосходный конспектъ всего, что было придумано и сдѣлано съѣздами. Кромѣ постановленій, сгруппированныхъ, сообразно съ ихъ содержаніемъ, въ 20-ти отдѣльныхъ главахъ, читатель здѣсь найдетъ цѣликомъ проектъ общаго положенія исправительно-воспитательныхъ заведеній (ожидающій скораго утвержденія), проектъ нормальной приходо-расходной смѣты тѣхъ же заведеній, различныя формы статистическихъ „листковъ" и пр. Отсюда видна уже вся цѣнность этого „Сборника", какъ практическаго руководства.

Къ числу его недостатковъ нельзя не отнести отсутствіе указаній на то, какія изъ приведенныхъ ходатайствъ съѣздовъ правительствомъ уважены и введены уже въ жизнь (а такихъ очень много) и какія—нѣтъ. Кромѣ того, на стр. 44 авторъ увѣковѣчилъ (а бюро не исправило) одно недоразумѣніе, вкравшееся въ мотивировку постановленія V-го съѣзда о недопустимости содержанія на хлѣбѣ и водѣ воспитанника на срокъ болѣе однѣхъ сутокъ. Съѣздъ между прочимъ мотивировалъ это постановленіе ссылкой на мнѣніе проф. Ф. Ф. Эрисмана, приглашавшагося на IV-мъ съѣздѣ въ качествѣ эксперта. Между тѣмъ въ „Трудахъ"

этого съѣзда, гдѣ изложено соотвѣтствующее настоящему вопросу мнѣніе проф. Эрисмана, приписаннаго ему утвержденія мы не находимъ. Было бы также умѣстно въ подобной книгѣ имѣть и кое-какія данныя о бывшихъ съѣздахъ (напр., число участниковъ съѣздовъ, названія пріютовъ и колоній, посылавшихъ своихъ представителей на съѣзды, перечень лицъ, приглашавшихся на съѣзды въ качествѣ экспертовъ по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ и т. п.), а также хотя бы краткія свѣдѣнія о ростѣ дѣла исправительнаго воспитанія на нашей родинѣ за время съ 1881 г. (годъ перваго съѣзда). Послѣднее интересно потому, что стоитъ въ несомнѣнной связи съ дѣятельностью съѣздовъ, имѣвшихъ значительное вліяніе на увеличеніе числа русскихъ исправительныхъ пріютовъ и колоній.

В. Н. Линдъ. Учить ли мужика или у него учиться. Изданіе магазина „Книжное Дѣло". М., 1904 г. Ц. 20 к. Нѣкоторыя страницы этой замѣчательно тепло и искренно написанной брошюры прочтутся съ увлеченіемъ. Хотя вопросъ, возбуждаемый ея авторомъ, и не новъ, однако было бы непростительной ошибкой только на основаніи этого заключить, что онъ успѣлъ совершенно утратить свою остроту, а правильное разрѣшеніе его — уменьшило для переживаемаго нынѣ періода существенную часть своего значенія.

Выводы, къ которымъ приходитъ г. Линдъ, можно кратко формулировать такъ. Сближаясь съ народомъ, надо видѣть въ немъ не средство, а цѣль. Надо не его только воспитывать въ нашемъ духѣ, но и себя воспитывать въ духѣ народа, или, лучше сказать, воспитывать и себя и его въ духѣ одной и той же правды. „Нужно не навязывать мужику свои измышленія, какъ бы они намъ ни нравились, а спросить его самого, чего онъ хочетъ, понять его отвѣтъ... Затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ самимъ провѣрить, соотвѣтствуютъ ли эти желанія нашему общечеловѣческому идеалу: если да, то дѣятельно помогать ему въ ихъ осуществленіи, если нѣтъ, то понятнымъ для него образомъ убѣждать отказаться отъ нихъ. Нужно не только „узнать мужика", но и „сжиться съ нимъ душою", не снисходя къ нему и не поддѣлываясь подъ него, а „въ самомъ дѣлѣ ставя его наряду съ собою не по внѣшности, а по внутреннему убѣжденію". „Нужно признать, что въ общественной дѣятельности мы тогда только можемъ приносить дѣйствительную пользу, когда наши желанія согласуются съ волею народа". Авторъ совершенно основательно указываетъ на то, что такое признаніе отнюдь не является отреченіемъ отъ своей личной воли, но только правильнымъ ея установленіемъ „потому, что пора придти къ убѣжденію, что въ общественной сферѣ всѣ наши желанія, которыя по существу своему никогда не могутъ быть раздѣлены народомъ, суть ложь, тѣ же, которыя соотвѣтствуютъ идеѣ правды, только тогда получатъ осуществленіе въ жизни, когда будутъ восприняты и вполнѣ усвоены народомъ". Отсюда становится вполнѣ понятнымъ, что полное отреченіе отъ однихъ и терпѣливое ожиданіе исполненія другихъ, не исключающее, однако, активнаго содѣйствія, столь же мало, по мнѣнію автора разбираемой брошюры, могутъ считаться связывающими личную волю, какъ и отреченіе отъ желаній, несогласныхъ съ законами природы, или такихъ, для исполненія которыхъ въ данное время въ природѣ нѣтъ достаточныхъ условій. Авторъ убѣжденъ въ томъ, что въ такой работѣ вовсе нѣтъ элемента самоотреченія: стараться исполнить указанное желаніе помимо народа значитъ буквально строить зданіе на пескѣ, потому что „какъ это зданіе, такъ и всякое затѣянное при такихъ условіяхъ общественное дѣло черезъ самый короткій срокъ не-

минуемо должно разрушиться". Свои положенія г. Линдъ заканчиваетъ призывомъ интеллигенціи не замыкаться въ столичныхъ кружкахъ, а разойтись по всей Руси, пристраиваясь къ какому-либо практическому дѣлу.

Ѳ. М. Жирновъ. Что такое земская страховка и куда она идетъ. Изданіе вятскаго губернскаго земства. Вятка, 1903 г. Вятское губернское земство, какъ извѣстно, одно изъ первыхъ взялось за издательскую дѣятельность, направленную къ удовлетворенію запросовъ населенія на книги, знакомящія его съ окружающими явленіями общественной жизни. Разсматриваемую брошюру, какъ и огромное большинство изданій вятскаго земства, должно отнести къ числу тѣхъ произведеній, которыя со временемъ сдѣлаются въ каждой крестьянской избѣ „настольной книгой". Безъ поддѣлыванія подъ народный языкъ г. Жирновъ просто, ясно и вполнѣ понятно для зауряднаго крестьянина излагаетъ сущность организаціи существующихъ въ Россіи страхованій—коммерческаго, волостного, казеннаго и земскаго. Большая часть брошюры посвящена выясненію принципа и структуры земскаго страхованія. Взимая съ населенія страховой сборъ, вятское земство считаетъ своей обязанностью подробно выяснить сельскому населенію, куда идетъ этотъ сборъ, для чего онъ установленъ и насколько выгоденъ крестьянству. Такимъ образомъ брошюра эта способствуетъ установленію сознательнаго отношенія крестьянина къ извѣстной отрасли земской дѣятельности. Авторъ заканчиваетъ свой трудъ ознакомленіемъ населенія съ организаціей и значеніемъ противопожарныхъ мѣропріятій, субсидируемыхъ земствами за счетъ страхового капитала, наприм., распланированія селеній, возведенія огнеупорныхъ построекъ и т. п.

Это полезное изданіе заслуживаетъ самаго широкаго распространенія.

А. И. Гиллерсонъ. Защитительныя рѣчи по дѣламъ уголовнымъ. Спб. Ц. 1 руб. 25 коп. Соціальныя условія русской жизни не даютъ русскому оратору иной арены, кромѣ залы судебныхъ засѣданій. Это—единственное мѣсто, гдѣ можно болѣе или менѣе свободно говорить о правахъ человѣка и гдѣ высшимъ судьею дѣяній является не приказъ, не произволъ и даже не случай, а неподкупная общественная совѣсть. Богатство русскаго языка—залогъ будущаго расцвѣта ораторскаго искусства, а современные судебные ораторы—первые застрѣльщики на аренѣ общественнаго краснорѣчія.

Въ обществѣ еще не успѣлъ искорениться взглядъ на адвоката, какъ на узкаго профессіонала. Адвокатура, какъ общественное служеніе, если и признается въ принципѣ, то отрицается въ жизни. Осудимъ ли мы за это общество? Если общественные интересы чиновника не идутъ далѣе исходящихъ и входящихъ, а горизонтъ купца ограниченъ полками мануфактурныхъ товаровъ, то можно ли требовать отъ нихъ отчетливаго пониманія задачъ свободной профессіи? А между тѣмъ современная русская адвокатура, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, выдвинула не мало общественныхъ борцовъ съ осложнившимися условіями русской дѣйствительности. И такова ужъ судьба нашего судебнаго оратора!—защита нарушителей объективнаго права зачастую прикрываетъ собою защиту неписанныхъ субъективныхъ правъ человѣка и гражданина.

Какъ общественный борецъ, адвокатъ желанный гость въ литературѣ. Внѣ этой области общественной службы онъ можетъ представить намъ интересъ лишь какъ ловкій профессіоналъ, и книгу его рѣчей мы поставимъ не выше любого „учебника элоквенціи" или „руководства къ веденію уголовныхъ дѣлъ".

Книга г. Гиллерсона „Защитительныя рѣчи по дѣламъ уголовнымъ“ занимаетъ въ указанномъ смыслѣ среднее мѣсто. Авторъ краснорѣчивъ, обладаетъ секретомъ изящнаго каламбура, „неподдѣльнаго“ паѳоса и „лирическихъ“, вѣрнѣе—логическихъ отступленій, но профессіоналъ губитъ въ немъ общественный духъ. Два-три общественныхъ дѣла, съ авторской репликой о безкорыстіи (какъ будто реклама—не та же звонкая монета!) исчезаютъ въ цѣломъ рядѣ незатѣйливыхъ экспериментовъ надъ общественной совѣстью. Мы не осмѣлились бы судить оратора такъ строго, если бы онъ самъ не рискнулъ, бросивъ заднимъ числомъ (правда, заслуженно!) камень въ московское сословіе, заявить претензію на званіе ласточки, которая дѣлаетъ весну...

Въ частности укажемъ на прекрасную защиту славатыческихъ евреевъ и на весьма своеобразную рѣчь по дѣлу Тентелева, 65-лѣтняго сыноубійцы. По послѣднему дѣлу въ составъ присяжныхъ засѣдателей вошли исключительно крестьяне окрестныхъ деревень, и ораторъ даетъ образчики очень скверной поддѣлки подъ народный языкъ и очень неизящныхъ пріемовъ убѣжденія. „Да, господа присяжные засѣдатели! Несправедливы къ старику его родные, несправедливы его сосѣди, несправедлива вся деревня... Несправедливъ къ нему и прокуроръ, несправедливъ былъ и судебный слѣдователь...“ „Прокурору, правда, не любо вѣрить старику: ему больше нравится вѣрить злымъ бабамъ...“ „Андрюша, почти что мальчикъ, у котораго материно молоко еще на губахъ не обсохло, и тотъ здѣсь злорадно противъ отца показываетъ, и тотъ сюда пришелъ, чтобы отца родного топить...“ „Именно такъ было, господа, а не иначе. Вѣрное слово вамъ говорю, что такъ было...“ и т. дал.

Неужели, г. Гиллерсонъ, цѣль оправдываетъ средства?

МЕДИЦИНА.

Труды коммиссіи по изученію маляріи въ Россіи. Вып. I.—*В. В. Фавръ.* Опытъ изученія маляріи въ Россіи въ санитарномъ отношеніи.—*А. П. Розенквистъ.* Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ въ Россіи.—*М. А. Членовъ.* Великое зло.

Труды коммиссіи по изученію маляріи въ Россіи. Вып. 1. Съ 1 фототипической и 2 цинкографическими таблицами. Ц. 1 р. 25 к. за I и II выпуски. М., 1903 г. На предпослѣднемъ, восьмомъ, пироговскомъ съѣздѣ врачей было рѣшено учредить при пироговскомъ обществѣ особую коммиссію для изученія маляріи въ Россіи. Эта идея была вполнѣ своевременна, ибо новые взгляды на происхожденіе этой болѣзни, поставивъ совершенно заново весь вопросъ и объ изученіи ея, и о борьбѣ съ нею, и создавшіе въ Западной Европѣ обширную научную литературу, новые практическіе пріемы борьбы, и даже законодательныя мѣры, ко времени основанія коммиссіи еще не нашли себѣ въ Россіи не только практическаго примѣненія, но даже полнаго теоретическаго признанія. Малярійной коммиссіи пироговскаго общества пришлось въ теченіе двухъ лѣтъ (1902 и 1903 гг.) впервые проводить въ жизнь на русской почвѣ новое ученіе о распространеніи малярійной заразы черезъ укусы комаровъ *Anopheles*. Наиболѣе серьезнымъ дѣломъ коммиссіи была организація двухъ малярійныхъ экспедицій: въ окрестности г. Воронежа и на Кавказъ. Труды первой изъ этихъ экспедицій (работы Н. М. Берестнева и Г. А. Кожевникова) вошли въ составъ перваго выпуска, а

подробный отчетъ о кавказской экспедиціи появится во второмъ (въ первомъ имѣются краткія предварительныя данныя). Обѣимъ экспедиціямъ удалось добыть интересные факты и общій отчетъ о двухлѣтней дѣятельности коммиссіи, составленный Г. Н. Габричевскимъ, ея предсѣдателемъ, содержитъ рядъ выводовъ и заключеній, имѣющихъ весьма важное значеніе для правильной постановки столь серьезнаго дѣла, какъ борьба съ маляріей въ Россіи. Изданіе снабжено весьма поучительной фототипической таблицей, изображающей микрофотографическіе снимки съ препаратовъ Н. М. Берестнева, поясняющіе исторію развитія малярійнаго паразита въ организмѣ человѣка и комара. Кромѣ того имѣется цинкографическая учебная таблица по біологіи *Anopheles* и подробныя программы для изученія маляріи, составленныя В. В. Фавромъ (медицинская часть) и Г. А. Кожевниковымъ (зоологическая часть). Въ общемъ изданіе это представляетъ значительный интересъ, особенно для врачей и земскихъ дѣятелей.

В. В. Фавръ. Опытъ изученія маляріи въ Россіи въ санитарномъ отношеніи. Харьковъ, 1903 г. Это весьма обширный солидный трудъ, дающій обстоятельную сводку всего, что сдѣлано по изученію маляріи въ Россіи и излагающій современное научное положеніе вопроса. Первая глава посвящена историческому очерку маляріи въ Россіи и обзору русскихъ работъ относительно этой болѣзни, во второй авторъ излагаетъ географическое распространеніе болѣзни и статистическія данныя, позволяющія по возможности оцѣнить ея санитарное значеніе; въ третьей главѣ доказывается, что новая „комариная теорія“ маляріи вполнѣ примѣнима къ объясненію данныхъ по распространенію маляріи въ Россіи; въ четвертой излагается систематика и біологія малярійныхъ комаровъ *Anopheles*, въ пятой личныя наблюденія автора надъ передачей малярійной заразы отъ комара къ человѣку и обратно. Эти опыты никѣмъ въ Россіи до В. В. Фавра продѣланы не были. Послѣдняя глава книги содержитъ изложеніе вопроса о борьбѣ съ маляріей въ Россіи и анализъ современныхъ мѣръ профилактики. Въ общемъ книга г. Фавра является необходимой справочной книгой для всякаго, кто интересуется вопросомъ о маляріи въ Россіи.

А. И. Розенквистъ. Современное состояніе вопроса о борьбѣ съ сифилисомъ въ Россіи. М., 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. А. Елистратовъ. О прикрѣпленіи женщинъ къ проституціи (врачебно-полицейскій надзоръ). Казань, 1903 г. Ц. 2 р. Вопросу объ общественной борьбѣ съ сифилисомъ особенно повезло въ нашей литературѣ. На эту тему писали и пишутся цѣлые трактаты, говорятъ и спорятъ о различныхъ системахъ борьбы съ этой болѣзнью и проводятъ цѣлый рядъ статистическихъ данныхъ, иллюстрирующихъ распространеніе страшнаго недуга, способы зараженія имъ, и вредъ, приносимый имъ населенію городовъ и деревень; но при всемъ богатствѣ литературы по этому вопросу и два объемистыя сочиненія, подлежащія нашему разбору, представляются отнюдь не лишними. Первая книга г. Розенквиста представляетъ собой не что иное какъ сводку всѣхъ матеріаловъ, имѣющихся по вопросу о борьбѣ съ сифилисомъ. Сводка интересна, отличается достаточной полнотой и разнообразіемъ и освѣщается совершенно правильной точкой зрѣнія автора. Вторая книга, г. Елистратова, представляетъ собой столь же солидный трудъ, сколь и блестящую защиту аболиціонизма.

Оба автора придерживаются одного и того мнѣнія, что сифилисъ и порождающая его проституція представляютъ собой опредѣленное соціальное явленіе, непосредственно вытекающее изъ современнаго эконо-

мическаго и соцiальнаго строя. Капитализмъ съ вызванными имъ къ жизни формами труда породилъ проституцiю, этотъ главный источникъ сифилиса. Затѣмъ скученность населенiя, неудовлетворительныя жилищныя условiя сдѣлали сифилисъ еще болѣе распространеннымъ явленiемъ. Въ нашей русской дѣйствительности приходится считаться съ специальнымъ явленiемъ, съ такъ называемымъ внѣполовымъ зараженiемъ сифилисомъ. Цифры, приведенныя въ трудѣ г. Розенквиста по этому вопросу, производятъ прямо удручающее впечатлѣнiе. Заражаются сифилисомъ дѣти, заражаются внѣполовымъ путемъ и всю жизнь несутъ на себѣ роковые слѣды чужого грѣха. Разумѣется, специфическiй русскiй способъ зараженiя опредѣляется специфическими условiями русской жизни, бѣднотой, темнотой и тѣснотой. Въ Москвѣ въ коечно-комерочныхъ квартирахъ живутъ около 200 т. человѣкъ, и нѣтъ ничего болѣе естественнаго, какъ заразиться сифилисомъ при скученности, въ которой люди здоровые живутъ рядомъ съ больными и приходятъ въ тѣсное соприкосновенiе съ ними.

Борьба противъ сифилиса сводится въ концѣ-концовъ къ борьбѣ противъ проституцiи. „Проституцiя, рѣшилъ съѣздъ сифилидологовъ, трудно искоренимый элементъ соцiальнаго строя, и развитiю ея способствуютъ главнымъ образомъ неблагопрiятныя экономическiя условiя, упадокъ общественной нравственности, умственное недоразвитiе, стремленiе къ быстрой и легкой наживѣ, и, наконецъ, врожденная порочная наклонность, какъ послѣдствiя вырожденiя".

Само собой понятно, что такое сложное явленiе требуетъ и сложныхъ методовъ воздѣйствiя на него. Борьба противъ проституцiи только въ томъ случаѣ и можетъ дать успѣхъ и побѣду, если принимаемыя мѣры будутъ направлены на порождающее зло факторы. Но трудно достигнуть чего-либо при томъ условiи, если намѣреваются одержать побѣду надъ проституцiей при помощи чрезвычайно простыхъ мѣръ полицейскаго надзора и репрессiй. Что надзоръ у насъ организованъ плохо, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнiя. Т. В. Тарновскiй въ своемъ послѣднемъ трудѣ говоритъ, что проституцiя, несмотря на кажущiйся надзоръ, приноситъ обществу чудовищный вредъ: „Три-четыре дня свободнаго промысла развратомъ двухъ женщинъ—и 250 неспособныхъ къ жизни искалѣченныхъ существъ". Но не говоря уже о недостаткахъ надзора, сама система заслуживаетъ безусловнаго осужденiя. Съ принципiальной точки зрѣнiя трудно осуществить при помощи квартальнаго то, что по самому существу своему требуетъ цѣлаго арсенала строго согласованныхъ культурныхъ мѣръ. Но за регламентацiей имѣется немало и другихъ грѣховъ, и ихъ выясненiю посвященъ въ высшей степени интересный трудъ г. Елистратова.

„Исключительный режимъ врачебно-полицейскаго надзора за проституцiей,—говоритъ г. Елистратовъ,—является системой прикрѣпленiя женщинъ къ позорному промыслу. Лишая женщину, подозрѣваемую въ проституцiи, гражданской полноправности и отнимая у нея возможность участiя трудомъ въ экономическомъ оборотѣ, институтъ полицейской нравственности превращаетъ подсобное, временное обращенiе къ торговлѣ своимъ тѣломъ въ ремесло главное, исключительное, постоянное. Режимъ регламентированной проституцiи—это тяжелый привѣсокъ, который для женщинъ владѣющихъ общественныхъ группъ усиливаетъ общiй гнетъ соцiальныхъ условiй: когда она, обезсиленная нуждой, попадаетъ въ зловѣщiй омутъ, онъ, словно камень на шеѣ, парализуетъ ея послѣднiя усилiя противостоять мрачной пасти волнъ и неудержимо увлекаетъ ее

ко дну“. Послѣ такого вступленія авторъ приступаетъ къ разрушающей критикѣ регламентаціи. И нужно отдать ему справедливость: доводы его всегда убѣдительны, обоснованы цѣлымъ рядомъ статистическихъ данныхъ и фактовъ и изобличаютъ въ немъ знатока своего дѣла, поработавшаго немало надъ избранной имъ темой.

Тщательнымъ и обстоятельнымъ разборомъ основныхъ положеній нашего законодательства, относящихся къ проституціи, авторъ доказываетъ, что система регламентаціи не соотвѣтствуетъ духу нашихъ законовъ. Затѣмъ авторъ горячо и съ знаніемъ дѣла разбиваетъ всѣ доводы сторонниковъ регламентаціи. Онъ подвергаетъ анализу приводимыя ими цифры, доказывая, что на нихъ нельзя полагаться и строить опредѣленные выводы. Далѣе г. Елистратовъ переходитъ уже къ описанію тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какія приноситъ съ собой регламентація.

Благодаря регламентаціи, у поднадзорныхъ проститутокъ парализуется желаніе и исчезаетъ возможность беречься зараженія. Разъ дѣйствительно проституція превращается въ промыселъ, женщина перестаетъ быть разборчивой, ей нужно возможно большее число посѣтителей, а неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей является зараженіе. Далѣе, регламентація подавляетъ инстинктъ самозащиты индивидуума отъ зараженія. Молодые люди отправляются въ притонъ разврата въ полной увѣренности, что заразиться тамъ въ силу дѣйствующаго бдительнаго надзора нельзя. На самомъ же дѣлѣ осматриваніе проститутокъ никакой цѣны не имѣетъ, и опредѣлить начатки заболѣванія при бѣгломъ осмотрѣ врачъ не въ состояніи. Но регламентація, помимо того, отвращаетъ еще безконтрольныхъ женщинъ, продающихъ себя тайно, отъ лѣченія.

Не въ правѣ ли авторъ разсматриваемой книги послѣ всѣхъ этихъ установленныхъ фактовъ придти къ одному заключенію, что регламентація служитъ лишь цѣли прикрѣпленія женщины къ проституціи. „Признанный въ современной организаціи неудовлетворительнымъ,—говоритъ авторъ въ заключеніи своего труда,—самими регламентистами и ведущій въ конечномъ развитіи къ такимъ ужасающимъ выводамъ, какъ превращеніе проституціи въ классовую повинность и притона разврата въ государственное учрежденіе, исключительный режимъ врачебно-полицейскаго надзора долженъ быть упраздненъ! Съ разоблаченіемъ несостоятельности и лжи санитарной идеалогіи регламентистовъ, онъ долженъ пасть, какъ опасная преграда къ раціональной постановкѣ насущнаго дѣла борьбы съ венерическими болѣзнями. Устраненіе полиціи нравовъ, какъ института, стоящаго въ противорѣчіи съ законами Россіи, въ ихъ лучшемъ проявленіи, требуетъ правовое чувство русскаго гражданина. Въ удовлетвореніе нравственныхъ запросовъ общества, его соціальныхъ стремленій, чудовищная, безчеловѣчная форма закрѣпощенія—прикрѣпленіе женщины къ проституціи, должна быть разрушена! Съ упраздненіемъ полиціи нравовъ падетъ и то зловѣщее препятствіе, которое съ самаго начала обезсиливаетъ попытки борьбы и со сводничествомъ, и съ торговлей дѣвушками, и вообще съ злоупотребленіемъ нуждою женщинъ съ цѣлью разврата“.

М. А. Членовъ. Великое зло. Изд. К. Л. Риккеръ. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 20 к. Книга доктора Членова представляетъ собой популярный очеркъ, написанный съ цѣлью дать представленіе интеллигентной публикѣ о трехъ видахъ венерическихъ болѣзней, о тяжкихъ страданіяхъ, причиняемыхъ ими, объ ихъ послѣдствіяхъ, о мѣрахъ ихъ предупрежденія и лѣченія. Мысль автора—заговорить съ большой публикой объ этихъ

недугахъ, самое упоминаніе которыхъ считалось до недавняго времени „неприличнымъ", заслуживаетъ только одобренія. Для правильной борьбы съ врагомъ нужно знать его. Говорить открыто о заразительныхъ венерическихъ болѣзняхъ, заниматься пропагандой предупредительныхъ и лѣчебныхъ мѣръ противъ сифилиса составляетъ, по нашему мнѣнію, одну изъ обязанностей врача, какъ общественнаго дѣятеля, по самому существу его профессіи.

Нужно отдать справедливость д-ру Членову. Спеціальная часть книги написана живо, популярно, достаточно научно, хорошимъ литературнымъ языкомъ. Это, конечно, крупныя достоинства для книги, разсчитанной на широкій кругъ читателей. Но, признаться, мы ждали нѣсколько большаго отъ книги д-ра Членова. И ея претенціозное названіе и положеніе автора заставляли насъ думать, что въ книгѣ будетъ удѣлено больше вниманія вопросу о соціальныхъ факторахъ сифилиса и мѣрахъ соціальной же борьбы. Между тѣмъ, этотъ вопросъ вышелъ скомканнымъ, рѣшеннымъ наскоро и слишкомъ шаблонно. Кромѣ двухъ-трехъ замѣчаній въ предисловіи—о бѣдности и невѣжествѣ, порождающихъ венерическія болѣзни, и немногихъ банальныхъ фразъ въ главѣ о сифилисѣ (см. стр. 102), мы почти не можемъ отмѣтить указаній на соціальное значеніе сифилиса. Между тѣмъ, поприще у автора было широкое, и говорить можно было много. Отчего, напр., авторъ не подвергъ серьезному обсужденію новаго вопроса, поднятаго недавно проф. Листомъ объ уголовной наказуемости лицъ, заразившихъ кого-либо сифилисомъ?

Не вѣримъ мы въ проповѣдь воздержанія, которую рекомендуетъ д-ръ Членовъ. Проповѣдь вообще имѣетъ мало значенія въ тѣхъ случаяхъ, когда порокъ создается опредѣленнымъ укладомъ жизни. Вѣдь самъ г. Членовъ указываетъ на условія семейной жизни, на школьную систему, на соціальный строй, какъ на факторы, порождающіе половую распущенность. Можно ли, спрашивается, выдвигать противъ всѣхъ указанныхъ причинъ зла одну лишь проповѣдь воздержанія и вѣрить въ ея дѣйствительность?

Не совсѣмъ понимаемъ мы также автора, когда онъ рекомендуетъ осмотры мужчинъ передъ бракомъ для рѣшенія вопроса, имѣется ли у него заразительная болѣзнь или нѣтъ. Почему мѣра, признанная совершенно ненужной для женщинъ, рекомендуется для мужчинъ? Въ интересахъ справедливости слѣдовало бы отмѣтить ее и для женщинъ, а не дѣлать новой ошибки и практиковать ее исключительно въ примѣненіи къ мужчинамъ. Да и, наконецъ, г. Членову лучше всего знать, что врачъ путемъ осмотра часто и не въ состояніи точно установить, боленъ ли данный субъектъ или здоровъ. На врача такіе осмотры налагали бы новую тяжелую отвѣтственность, а дѣлу нисколько не помогли бы.

Несмотря на указанные недочеты, книга всетаки читается съ интересомъ, и мы охотно рекомендовали бы ее читателямъ, желающимъ ознакомиться съ симптомами венерическихъ болѣзней, съ мѣрами личной гигіены и лѣченія этихъ недуговъ.

УЧЕБНИКИ, КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

В. Зелинскій. Русская критическая литература произведеніяхъ Гоголя. Ч. I.—Сборникъ критическихъ статей о Некрасовѣ. Ч. III.—Русская критическая литература о произведеніяхъ Лермонтова. Ч. I.—Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого.—Критическія комментаріи къ сочиненіямъ Островскаго. Ч. 3.—Русская критическая литература о произведеніяхъ Пушкина. Ч. I.—Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній Тургенева. Вып. 2.—Естественно-историческая хрестоматія.—*М. О. Владимірскій*, Бесѣды о законахъ.—*Ив. Пахомовъ.* Черная прорубь.—*Шарль Рабо.* Огненная земля.

В. Зелинскій. 1) Русская критическая литература о произведеніяхъ Гоголя. Ч. I. Изд. 3. 2) Сборникъ критическихъ статей о Некрасовѣ. Ч. III. Изд. 2. 3) Русская критическая литература о произведеніяхъ Лермонтова. Ч. I. Изд. 2. 4) Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Ч. I. Изд. 3. 5) Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ Островскаго. Ч. 3. Издан. 2. 6) Русская критическая литература о произведеніяхъ Пушкина. Ч. I. Издан. 3. 7) Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній Тургенева. Вып. 2. Ч. I. Издан. 4. М., 1903—1904 гг. Всѣ эти изданія составлены по одному и тому же плану, отличаются одними и тѣми же достоинствами и недостатками, что позволяетъ по отношенію къ нимъ ограничиться общею характеристикою.

Сборники г. Зелинскаго, предназначенные для большой публики и учащейся молодежи, не могутъ имѣть, конечно, исчерпывающаго характера, что лишаетъ ихъ совсѣмъ научной цѣны, тѣмъ болѣе, что составитель часто дробитъ отзывы, беретъ только отрывки, допускаетъ неоговоренныя сокращенія и т. д. Выборъ у него вообще случаенъ, и наряду съ дѣльными и характерными статьями у него зачастую попадается „критическая дребедень“, случайно подвернувшаяся подъ руку.

Но важно то, что его сборники допущены въ школьныя библіотеки, а въ нихъ учащаяся молодежь можетъ познакомиться, хотя бы и въ отрывкахъ, съ критическими оцѣнками Добролюбова, Писарева, Чернышевскаго, не говоря уже о Бѣлинскомъ, А. Григорьевѣ и др. Для изученія писателей, при всѣхъ пробѣлахъ и ошибкахъ, они всетаки даютъ много.

Спросъ на нихъ есть, что доказывается вторыми и третьими изданіями, несмотря на непомѣрную высокую цѣну, при очень плохой бумагѣ и печати.

Странно, какъ до сихъ поръ не пришла въ голову людямъ, болѣе, чѣмъ г. Зелинскій, компетентнымъ въ вопросахъ исторіи русской литературы, мысль взяться за подобные сборники, составить ихъ съ бо̀льшимъ знаніемъ дѣла, сдѣлать ихъ болѣе изящными по виду и болѣе доступными по цѣнѣ. Г. Зелинскій держится пока исключительно благодаря отсутствію конкуренціи.

Естественно-историческая хрестоматія. Пособіе для изученія родного міра. Приложеніе къ „Родному Міру“. Годъ первый. Составила О. Н. Попова. Цѣна 1 руб. Сначала мы имѣемъ „замѣтки для учителей“, заключающія въ себѣ свѣдѣнія по психологіи (вниманіе, умъ, память, воображеніе) и педагогикѣ (пословицы, какъ вспомогательный матеріалъ). Затѣмъ слѣдуетъ рядъ бесѣдъ, касающихся почти исключительно естественно-историческаго матеріала, пріуроченнаго къ крестьянской обстановкѣ. Бытовая обстановка, какъ, напримѣръ, мебель, утварь, одежда и т. п., затронута очень мало. Для примѣра подбора

матеріала укажемъ, что въ первой бесѣдѣ (хата) послѣ краткаго перечисленія обстановки избы идутъ слѣдующія статьи: паукъ, чесоточные зудни, клопъ, блоха, вошъ, тараканъ, муха, мышь, крыса, кошка. Во второй бесѣдѣ, посвященной двору, говорится о рогатомъ скотѣ, свиньяхъ, собакѣ. Далѣе идутъ бесѣды объ огородѣ, садѣ, полѣ и т. д. Матеріалъ главнымъ образомъ зоологическій и ботаническій. Статьи составлены очень умно, толково, съ очевиднымъ знаніемъ предмета. Языкъ простой безъ какихъ бы то ни было попытокъ поддѣлаться подъ народную или дѣтскую рѣчь. Это великое достоинство. Книжка заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. Цѣна крайне дешева, принявъ во вниманіе 360 страницъ и многіе рисунки.

М. С. Владимірскій. Бесѣды о законахъ. № 1. Какъ устроенъ нашъ уголовный судъ и какъ въ немъ судятъ. М., 1903 г. Ц. 12 к. Самымъ скуднымъ отдѣломъ народной литературы остается до сихъ поръ отдѣлъ юридическій. Если припомнить юридическій принципъ ignorantia juris nocet, нашедшій себѣ выраженіе и въ нашемъ законодательствѣ („Никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона"), то сдѣлается вполнѣ очевиднымъ глубокое несоотвѣтствіе между этой юридической презумпціей и наличнымъ развитіемъ народнаго правосознанія. Съ одной стороны законъ требуетъ отъ каждаго знакомства съ правомъ, съ другой стороны, рѣдкій юристъ возьметъ на себя смѣлость сказать, что ему извѣстны всѣ законы родной страны. Конечно, на практикѣ это чудовищная фикція, столько же нелѣпая, сколько необходимая, терпитъ постоянное пораженіе, и невѣдѣніе закона, въ особенности въ уголовномъ судѣ, часто бываетъ единственной причиной оправдательныхъ или смягченныхъ приговоровъ.

Какъ бы то ни было, но до настоящаго времени насчитывалось не болѣе 20 — 30 народныхъ книжекъ, посвященныхъ вопросамъ права. Только за два послѣднихъ года начинаютъ появляться небольшія брошюрки, доступныя по цѣнѣ и важныя по темамъ. Но и изъ нихъ большая часть разсчитана не на огромную народную аудиторію, а на болѣе ограниченную городскую или школьную. Для настоящаго народнаго изданія цѣна выше пятачка за листовку должна считаться чрезмѣрно дорогою; обычная цѣна народной листовки—70—80 коп. за сотню. Только при такой цѣнѣ книжка идетъ въ народъ черезъ офеней. Такія изданія, какъ нѣсколько номеровъ „Популярно-юридической библіотеки" Павленкова, не говоря уже о неудовлетворительномъ изложеніи, не могутъ итти въ счетъ, какъ непомѣрно дорогія (25 коп.). По той же причинѣ не могутъ итти въ счетъ юридическія изданія гг. П. Шестакова и Н. Тулупова. Доступны по цѣнѣ (5 к.), но слишкомъ серьезно и спеціально изложены книжки „Общедоступной библіотеки правовѣдѣнія" Общества распространенія полезныхъ книгъ. Прекрасную книжку издало „Вятское товарищество" (изд. № 7), но она также дорога (15 к.). Образцовыми народными книжками остаются листовки г. Гольцева („Что такое подати" 3 коп., „Что такое казна" 3 к.) и г. Хавскаго („На судѣ присяжныхъ" $1^1/_2$ коп.). На послѣднюю тему написана и книжка г. Владимірскаго, по поводу которой мы дѣлаемъ это предисловіе.

Только важное значеніе вопроса о народной юридической литературѣ заставило насъ обратить вниманіе на книжку г. Владимірскаго. Кромѣ того, она стоитъ подъ № 1 въ серіи „Бесѣды о законахъ" и тѣмъ обѣщаетъ рядъ подобныхъ же книжекъ. Несмотря на указанный литературный пробѣлъ, это насъ не радуетъ. Книжка страдаетъ дурнымъ языкомъ и грубыми ошибками. Общія опредѣленія невозможны. Подъ заголовкомъ

„Уголовный судъ“ стоитъ текстъ въ 4 строчки: „Когда совершится преступленіе, надо постараться розыскать, кто же совершилъ его, и опредѣлить виновному то наказаніе, которое за него назначено въ законѣ. Этимъ занимается *«уголовный судъ»*. Разъясняя роль „сторонъ“ въ уголовномъ процессѣ, авторъ говоритъ: „Заботу о томъ, чтобы найти виновнаго и *уличить* его, беретъ на себя государство. Оно поручаетъ обвиненіе подсудимыхъ своимъ чиновникамъ — прокурорамъ. Прокуроръ наблюдаетъ *надъ* предварительнымъ слѣдствіемъ, составляетъ обвинительный актъ и, наконецъ, *присутствуетъ въ судѣ. Противникомъ его является подсудимый* (?), въ интересахъ котораго доказать свою невинность или, по крайней мѣрѣ, привести обстоятельства, смягчающія *его* (?) вину“ и т. д. А вотъ еще образчикъ слога: „Со времени ихъ (судебныхъ уставовъ) изданія прошло болѣе 38 лѣтъ. Многія статьи этихъ законовъ были отмѣнены, на ихъ мѣсто явились новыя, произошло немало *всякихъ нововведеній*, и *все же* (?) безъ знанія судебныхъ уставовъ нельзя обойтись, *если хочешь* познакомиться съ нашими судебными порядками. Судебные уставы *имѣютъ для насъ громадное значеніе, но* (?), *чтобы понять это, надо сначала посмотрѣть*, каковы были наши судебные порядки до 1864 года. Съ этого мы и начнемъ“ (курсивъ, какъ и выше, нашъ).

Все это, конечно, не бѣда, а дѣло въ томъ, что на тему объ уголовномъ судѣ написаны уже двѣ прекрасныхъ книжки: упомянутая выше, крайне дешовая листовка г. Хавскаго „На судѣ присяжныхъ“ (изд. кн. скл. П. Прянишникова) и брошюрка г. I. А. В—ва „О томъ, какъ защищать себя на судѣ, не имѣя повѣреннаго защитника“ (изд. вятскаго тов-ва, ц. 15 коп.). Послѣдняя всего на 3 к. дороже книжки г. Владимірскаго, содержитъ 52 страницы, очень подробно, добросовѣстно и талантливо написана и прекрасно издана.

Ив. Пахомовъ. Черная прорубь. Разсказъ для школъ, народа и войскъ. Изданіе книжнаго склада Д. П. Ефимова. М. Ц. 5 коп. Слащаво написанный разсказъ на тему о всепрощеніи. Фальшиво приподнятый тонъ, натяжки въ развитіи фабулы, дѣланная развязка — все это лишаетъ разсказъ какого то ни было значенія. Говоря кратко, онъ не годенъ ни для школъ, ни для народа, ни для войскъ.

Шарль Рабо. Огненная земля. Перев. съ франц. Н. Н. Южаковой. Съ 18 рис. и картой. Изд. О. Н. Поповой. Спб. Ц. 40 к. Для своего очерка Ш. Рабо воспользовался данными экспедиціи Отто Норденшельда. Авторъ даетъ яркую картину жизни цвѣтныхъ туземцевъ острова, рисуетъ ихъ нравы и обычаи и развертываетъ темныя страницы изъ исторіи борьбы бѣлыхъ съ цвѣтными, той борьбы, во время которой бѣлые травили стрихниномъ цвѣтное населеніе острова. Брошюрка прочтется съ интересомъ, хотя сухое описаніе климата, флоры, фауны и естественныхъ богатствъ страны безусловно понизятъ интересъ читателя. Переведенъ очеркъ вполнѣ удовлетворительно, изданъ дешево и довольно изящно. Онъ входитъ въ серію „Разсказовъ о разныхъ странахъ и народахъ“, издаваемую О. Н. Поповой.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 мая по 1 іюня 1904 г.

Баранцевичъ, К. Свободные сны. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.
Беконъ, А. Женщина въ Японіи. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 30 к.
Беневитскій, И. Стихотворенія. Казань, 1904 г.
Божеряновъ, И. Русскимъ людямъ о войнѣ. Спб., 1904 г.
Борнъ, Г. Изабелла, изгнанная королева Испаніи или тайны мадридскаго двора. Ч. I и II. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.
Букеръ, Т., Вашингтонъ. Отъ рабства къ славѣ. Спб., 1904 г. Ц. 45 к.
Буличъ, Н. Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета (1805—1819 гг.). Ч. I, изд. 2-е. Спб., 1904 г. Ц. 3 р.
Валицкая, Л. Памятная книжка московской женской гимназіи. М., 1904 г.
Венгеровъ, С. Библіотека великихъ писателей. Шекспиръ. Спб., 1904 г.
Воморгъ, Вл. Слезы ангела. М., 1904 г. Ц. 75 к.
Гауптманъ, Г. Роза Берндъ. Спб., 1903 г. Ц. 50 к.
Горчаковъ, П. Стихотвор. Вып. V. М., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
Данъ, Феликсъ. Борьба за Римъ. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 30 к.
Де-Морсье, А. Права женщины. Спб., 1904 г. Ц. 50 к.
Дживелеговъ, А. Торговля на западѣ въ средніе вѣка. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.
Ежегодникъ русскаго горнаго общества. М., 1904 г. Ц. 2 р.
Елпатьевскій, С. Разсказы. Т. I и II. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.
Заринъ, Ѳ. „Рагузада“. Ист. трагедія. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.
Изданіе „Донская Рѣчь“ съ № 71—82. Ростовъ на/Д., 1904 г.
Іоллосъ, Г. Письма изъ Берлина. Спб., 1904 г. Ц. 2 р.
Карѣевъ, Н. Монархіи древняго востока. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.
Кизеветтеръ, А. Русское общество въ XVIII столѣтіи. Изд. „Дон. Рѣчи“. Ростовъ на/Д. Ц. 15 к.
Костомаровъ, Н. Собр. соч. Т. VII и VIII. Спб., 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.
Красинскій. Иридіонъ. Спб., 1904 г. Ц. 60 к.
Краткій обзоръ дѣятельности рижской городской управы за 1903 г. Рига, 1904 г.
Кругловъ, А. Чудесная свѣча. М., 1904 г. Ц. 15 к.
Кузьминъ-Караваевъ, В. Земство и деревня. Спб., 1904 г. Ц. 2 р.
Лендеръ, Н. Черное море и Кавказъ. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лоджъ, Оливеръ. Электроны. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.
Мукосѣевъ, Л. Маленькій разсказъ о Японіи. Н.-Новгородъ, 1904 г.
Муравей. Повѣсти. Казань, 1903 г. Ц. 1 р.
Никитинъ, А. Очеркъ санит.-эконом. положенія грузчиковъ на Волгѣ. Спб., 1904 г.
Новиковъ, А. Единственная повѣсть Кацепбогена. Баку, 1903 г. Ц. 15 к.
Отчетъ херсон. общ. библіот. за 1903 г. Херсонъ, 1904 г.
Отчетъ библ. о-ва приказчиковъ-евреевъ г. Одессы. Одесса, 1904 г.
Отчетъ санитар. врачей спб. губ. земства за 1902 г. Спб., 1903 г.
Отчетъ о дѣятельности врачебно-санит. надзора на рр. Волгѣ и Камѣ и Маріинск. сист. за 1903 г. Спб., 1904 г.
Памяти проф. В. В. Докучаева. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.
Подшиваловъ, Д. Воспоминанія кавалергарда. Тверь, 1904 г.
Полный сводъ рѣшеній граждан. кассац. деп. №№ 30, 31, 32. Екатериносл., 1904 г.

Потапенко, И. Побѣда. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Здравыя понятія. Спб., 1904 годъ. Ц. 1 р. 50 к.
Сборникъ импер. русскаго историческ. общества. Т. 117 и 118. Юрьевъ, 1904 г. Ц. 3 р.
Сборникъ отчетовъ и докладовъ врачей санит. надзора на рр. Волгѣ, Камѣ и Маріинск. сист. за 1903 г. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.
Смирновъ, Е. Очеркъ теоріи цѣнности. Спб., 1904 г.
Софоклъ. Эдипъ въ колонѣ. — Антигона.—Эдипъ-царь. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.
Сѣверовъ, Н. Крестъ материнства. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.
Свѣтловъ, В. Всѣ цвѣта радуги. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
Талибовъ, М. Исторія пророка Мухамеда. Грозный, 1904 г.
Тотоміанцъ, В. Задачи город. самоуправленія. Спб., 1904 г. Ц. 20 к.
Уткинскій сборникъ. Письма: Жуковскаго, Майеръ и Протасовой. М., 1904 г. Ц. 2 р.
Чеховъ, М. Очерки и разсказы. Ц. 1 р. Синій чулокъ. Ц. 50 к. Спб., 1904 г.
Шелли. Освобожденный Прометей. Драма. Спб., 1904 г. Ц. 50 к.
— Полное собр. соч. Т. II. Спб., 1904 г. Ц. 2 р.
Шнитцлеръ, Ар. Одинокимъ путемъ. Спб., 1904 г. Ц. 50 к.
Эврипидъ. Медея. Спб., 1904 годъ. Ц. 40 к.
— Ипполитъ. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.
Эсхилъ. Скованный Прометей. Спб., 1904 г. Ц. 30 к.
Ѳемелиди, А. Викторъ Гюго. Одесса, 1904 г. Ц. 2 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Библіографическаго отдѣла.

I. Книги.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 мая по 1 іюня 1904 г.

1968